К 70/86 т.2
ХИМКИ

...ЕМИЯ НАУК СССР

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

ПУТЕШЕСТВИЯ

ТОМ II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

K 70/86

2020084011

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

К 70/86

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

ПУТЕШЕСТВИЯ

ТОМ II

ПОДГОТОВИЛИ К ПЕЧАТИ
И. Н. ВИННИКОВ и А. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ПОГАШЕНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1941

Ответственный редактор акад. *В. В. Струве*

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

41-50136

В настоящий том вошли следующие работы Н. Н. Миклухо-Маклая:

I. По Меланезии. 1) Острова Адмиралтейства. Очерки из путешествия в западную Микронезию и северную Меланезию. Изв. Геогр. общ., т. XIV, отд. II, 1878, стр. 409—455.

2) Островок Андра. Северный Вестник, 1887, № 12, стр. 153—175; 1888, № 1, стр. 199—230.

3) Острова Агомес. Изв. Геогр. общ., т. XV, отд. II, 1879, стр. 25—43.

4) Путешествие на острова Меланезии в 1879 году. Изв. Геогр. общ., т. XV, отд. II, 1879, стр. 425—429.

5) Путешествие на острова Меланезии и четвертое посещение острова Новой Гвинеи. Изв. Геогр. общ., т. XVII, отд. II, 1881, стр. 131—142.

II. По Микронезии. 6) Остров Вуап. Изв. Геогр. общ., т. XIII, отд. II, 1877, стр. 76—89.

7) Архипелаг Пелау. Очерки путешествия в западную Микронезию и северную Меланезию. Изв. Геогр. общ., т. XIV, отд. II, 1878, стр. 257—297.

III. По Полинезии. 8) Острова Рапа-Нуи, Питкайрн и Мангарева. Изв. Геогр. общ., т. VIII, отд. II, 1872, стр. 42—55.

IV. По Индонезии. 9) О папуасах (негритосах) на острове Люсоне. Изв. Геогр. общ., т. IX, отд. II, 1873, стр. 368—371.

10) Дневник первого путешествия по Малайскому полуострову. Изв. Геогр. общ., т. 71, вып. 1—2, 1939, стр. 217—258.

11) Этнологическая экскурсия в Иохор. Напечатано на немецком языке: «Ethnologische Excursion im Johore. Vorläufige Mitteilung». Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie, Batavia, XXXV, 1875, S. 250—258; англ. перевод: «An Ethnological Excursion in Johore». Journal of Eastern Asia, Singapore, vol. I, № 1, 1875.

12) Этнологические экскурсии по Малайскому полуострову. Напечатано на немецком языке: «Ethnologische Excursionen in der Malayischen Halbinsel. Vorläufige Mitteilung». Natuurkundig Tijdschrift, XXXVI, 1876, S. 1—26.

13) О диалектах меланезийских племен Малайского полуострова. Напечатано на немецком языке «Einiges über die Dialekte der Malayischen Halbinsel». Batavia, 1876.

В приложении даны: 1) Сообщение о путешествиях, сделанное Н. Н. Миклухо-Маклаем в Русском Географическом обществе в 1882 году. Изв. Геогр. общ., т. XVIII, отд. II, 1882, стр. 296—347.

2) Пребывание в Сиднее с августа 1878 года по март 1879 года. Изв. Геогр. общ., т. XVI, отд. II, 1880, стр. 416—424.

3) Список предметов этнографической коллекции, собранной Н. Н. Миклухо-Маклаем на разных островах Океании.

*

Как и в первом томе «Путешествий», в текст внесены некоторые стилистические исправления, что оказалось совершенно необходимым, так как Н. Н. Миклухо-Маклай писал бо́льшую часть своих статей во время путешествий, в крайне неблагоприятных условиях. Статьи не подвергались им никакой литературной обработке и часто носят характер черновых записей.

Дневник путешествия по Малайскому полуострову печатается нами по по́длинной рукописи, хранящейся в Ученом архиве Всесоюзного Географического общества.

Океания
Индонезия

МЕЛАНЕЗИЯ

ОСТРОВА АДМИРАЛТЕЙСТВА

ОЧЕРКИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ В ЗАПАДНУЮ МИКРОНЕЗИЮ И СЕВЕРНУЮ МЕЛАНЕЗИЮ

Шестого мая 1877 г. мы подошли к о. Вуап, и я съехал на берег, у большой дер. Киливит, на севере острова. Из этой деревни отправлялась с нами партия (22 туземца) для ловли и приготовления трепанга на острова, на S от экватора, нанятая одним из трэдоров, живших на о. Вуап. Более года тому назад он заключил условие с вождем Киливита, который обязался в уплату за перевоз «фе» из Пелау отпустить с этим трэдором известное число туземцев для ловли трепанга. Вскоре после заключения договора случился печальный факт, что из 65 туземцев Вуапа, отправившихся в двух партиях на европейских судах, вернулось обратно только 7 человек, из которых умерло еще несколько по возвращении домой. Это обстоятельство, разумеется, очень озадачило жителей Киливита, и начальнику было трудно добыть людей: никто не хотел отправиться, видя, что шансы на возвращение очень неверны. Но туземцы, несмотря на это, сдержали слово, и начальник, чтобы убедить других, сам показал пример, послав с прочими своего старшего сына. Пример подействовал, и трэдору удалось и в этот раз получить работников.

Когда многочисленные пироги привезли отправляющихся с нами туземцев и провожающих их родственников и друзей, я заметил, что между первыми был и их «матра-мат», который привез с собою маленького деревянного идола, обвязанного тряпками. Идол этот висел у него на груди. На мои вопросы я получил весьма неудовлетворительные ответы: мне сказали, что, когда кто из туземцев заболеет, этого идола ставят около больного и что один из больших «матра-мат» дал идола, чтобы сопровождать экспедицию для предотвращения всяких бедствий. Мое любопытство, видимо, не нравилось туземцам, и они поспешили унести свою святыню в трюм. До этого я не видал ни на о. Вуап, ни на архипелаге Пелау никаких человекоподобных изображений (за исключением «Дилукай» на архипелаге Пелау), которым придавали бы какую-нибудь особенную, сверхъестественную силу.

Через неделю, именно 14 мая, мы приблизились к группе Улеай.[1] Я насчитал 16 островков, из которых 6 были больше других. К нам выехало значительное число пирог. Люди были немного темнее туземцев Вуапа, имели лицо, раскрашенное красною краской; носовая перегородка

[1] На некоторых картах этот архипелаг носит название Волеа.

была пробуравлена, зубы белые. Некоторые были татуированы; рисунок татуировки не отличался от виденного на о-вах Вуап и Магмуг. Красиво татуированный производит впечатление хорошо одетого, и в толпе, в которой находятся татуированные и нетатуированные, невольно сперва обращаешь внимание на первых. Между людьми среднего роста, из которых многие молодые были весьма красивы лицом и хорошо сложены, некоторые отличались замечательно высоким ростом. Я смерил одного, который был выше других: он оказался 1810 мм вышины.

Проштилевав всю ночь, мы незначительно отдалились от группы, но миль 5 или 6 расстояния от нее не помешали выехать пирогам. Туземцы здесь очень падки на табак, так что небольшой кусок его предпочитают ножу.

На одном из островов этой группы живет европейский трэдор.

На второй день, после того как мы увидели силуэт о. св. Матвея, именно 27 мая, мы оказались при рассвете на О от главного острова группы Адмиралтейства, около островков, которые на карте носят названия: Los Reyes, Gabriel, Rafael, Horno, La Vandola. Как и у о. св. Матвея, к нам не выехала ни одна туземная пирога; это было еще понятно там, так как мы прошли в значительном расстоянии от берега; здесь же мы проходили некоторые из островов в расстоянии не более одной мили и даже менее, так что можно было различать предметы на берегу: хижины, пироги, людей. Причиной было, вероятно, то, что утром шкипер, под предлогом «быть наготове», пробовал свои игрушечные орудия; хотя и не звук, а дым выстрела, вероятно, достаточно напугал туземцев, чтобы парализовать их любопытство.

Около группы Иезу-Мария, которую мы прошли 27 мая около 4 часов, в октябре прошлого года произошло трагическое происшествие, один из многочисленных примеров поведения европейских шкиперов, плавающих в этих морях.

Шхуна «Рупак», шкипер Голл, под английским флагом, забрав на о. Вуап человек 30 туземцев, крейсировала около о-вов Адмиралтейства, отыскивая удобное место для ловли трепанга. Около архипелага Иезу-Мария к шхуне выехало множество пирог; шкиперу показалось это обстоятельство опасным, тем более, что он заметил большие связки копий на пирогах. Не имея других причин, кроме трусости, он стал стрелять по пирогам туземцев. Видя, что испуганные туземцы, выехавшие к шхуне, по всему вероятию, для торга, обратились в поспешное бегство, шкипер вздумал дополнить свою победу. Он послал бывших с ним туземцев Вуапа на большой шлюпке в погоню, оставшись, разумеется, сам на шхуне.

Незнакомые с местностью, в пылу погони, туземцы Вуапа попали на риф и, не умея хорошо управляться с европейскою шлюпкой, не могли скоро спихнуть ее в глубокую воду, почему были врасплох настигнуты жителями Иезу-Мария и на виду у шхуны перебиты копьями. Шкипер не попытался подать им во-время помощи и поспешил в свою очередь обратиться в бегство.

Пройдя в ночь незначительное расстояние, мы увидали утром 28 мая южный берег большого острова, который к W был горист, на О же тянулся длинною низменною полосой. Кроме этого берега главного острова, виднелось несколько высоких и низких островков, которых я не могу с точностью указать на морских картах.[1] Между прочими один из

[1] Вся группа весьма недостаточно подробно нанесена на картах.

островков отличался своими холмами, форма которых заставляла предполагать их вулканическое происхождение. Я впоследствии узнал, что туземное название этого острова Лу, или Ло, и что туземцы получают там обсидиан, из которого они выделывают острия своих копий.

Довольно большая пирога с маленьким четырехугольным[1] парусом шла от этого острова, пересекая наш путь; туземцы, находившиеся на ней, не показали и тени страха, когда встреча со шхуной стала неизбежною. Они, вероятно, уже не раз бывали в подобном положении и, как знающие в чем дело, свернули во-время парус, поймали брошенный со шхуны конец и, убедившись, что за кормой пирога их совершенно вне опасности быть залитою волнами, влезли на палубу.

Пирога эта, кроме небольшого четырехугольного паруса, имела еще две другие особенности, которые бросались в глаза. Во-первых, мачта ее была укреплена не в самой пироге, а за бортом ее, где заостренный нижний конец ее опускался в петлю из ротанга; во-вторых, платформа посредине пироги не лежала горизонтально, а стояла наклонно, образуя тупой угол с бревнами, соединяющими балансир с пирогой. Такое положение платформы, которое представляет большое неудобство для сидящих в пироге, имеет, как я предполагаю, ту выгоду, что облегчает сохранение равновесия, особенно необходимое при значительном волнении, когда парус находится на стороне балансира, отчего крен пироги обыкновенно так значителен, что балансир почти постоянно погружается в воду.[2] Рея, стеньги и штаги пироги были украшены кистями длинных прядей человеческих волос. При виде этих вымпелов туземцы Вуапа, которые были на шхуне, встревожились и опечалились, признав в них волосы своих соотечественников, перебитых недалеко от этого места в прошлом году, о чем я рассказал выше. Это предположение было весьма вероятным, потому что волосы этих длинных кистей во всяком случае принадлежали не меланезийцам, а туземцам Вуапа, которых было перебито достаточно у рифа Иезу-Мария, чтобы украсить снасти не одной пироги. Мысль, что туземцы, которых мы встретили, нередко бывают в сношениях с европейскими судами, скоро оправдалась: между поклажей, которую они имели с собою на пироге, находилось небольшое зеркало, несколько ножей и топор. Кроме разных туземных украшений, на руках и ногах наших новых знакомых находились браслеты из разноцветных бус, по форме и качеству которых трэдоры, бывшие на шхуне, заключили, что перед нами было здесь судно из Австралии. Наши новые спутники жестами показывали на берег, где была, должно быть, их деревня, которую они называли Лонеу, и приглашали нас туда. Назначение шхуны при посещении этих островов были меновая торговля и постепенная высадка шести трэдоров, но так как последним в точности не было известно — изобилует ли именно этот остров естественными произведениями, как то: жемчужными раковинами, черепахой и трепангом, то мы и направились к указанному берегу, где виднелись кокосовые пальмы и ряд хижин вдоль берега.

[1] Четырехугольная форма паруса кажется характеристичною для Меланезии; у полинезийцев и микронезийцев я всегда видел треугольные паруса.

[2] Туземцы берега Маклая, имея пироги с горизонтальною платформой, в случае свежего ветра, боясь потерять баланс, становятся на противоположный выносу паруса борт пироги и, держась за конец, прикрепленный к верху мачты, своею тяжестью и движениями тела, сообразными с креном пироги, не допускают балансир погружаться слишком в воду, отчего пирога сохраняет равновесие.

Когда можно было ясно различать людей, находящихся на берегу, туземцы, бывшие с нами, знаками и криком стали звать своих соплеменников на шхуну, вследствие чего некоторые пироги со множеством туземцев всех возрастов окружили судно; туземцы, крича во все горло, старались перекричать друг друга, предлагая свои произведения или передавая свои замечания один другому. Несмотря на страшный гам людских голосов, я, пользуясь случаем первого столкновения, занялся решением задачи: с которою из папуасских разновидностей, прежде мною виденных, эти новые физиономии и фигуры имеют наибольшее сходство? Не успел я перебрать в памяти разновидности папуасов, которых я имел случай ранее видеть, как почти убедился, что, если бы я встретил эту толпу около берегов Новой Гвинеи, то никогда не подумал бы отличить этих людей от тамошних папуасов, туземцев берега Маклая, и считать их за особую разновидность. Не развлекаясь множеством оригинальных украшений и новых для меня мелочей, как навешанных на туземцах, так и наполнявших их пироги, я старался только уловить общий тип. Чем более я всматривался, тем менее мне казалось естественным считать туземцев Новой Гвинеи, Новой Ирландии и о-вов Адмиралтейства (южного берега) чем-либо иным, как географическими разновидностями одного племени.

Туземцы носят здесь много разнообразных украшений. Начну с головы и волос. Из разных куафюр, которые здесь в моде, одна особенно отличалась от усвоенных папуасами причесок. Зачесанные назад и смазанные маслом с охрой волосы были туго обвязаны красною тапой (выделанная древесная кора), что представляло вид как бы надетого на затылок узкого колпака; когда же тапа не скрывает всех волос, то расчесанный пук их, окрашенный красною землей, образует довольно оригинальный шиньон, висящий на тонком стебле, который образуется из туго связанных волос, часто до 20 см длиной.

Характеристичное украшение, носимое здесь то на голове, то на груди, состоит из правильно вырезанного и хорошо выполированного круга, нередко в 12 см в диаметре, сделанного из одной большой раковины; иногда этот круг заменяется одною обчищенною, но не полированною жемчужною раковиной. Часто поверх этого белого круга бывает прикреплен в центре красиво и разнообразно вырезанный орнамент из черепахи, которого рисунок резко выступает на белом фоне раковины. В отверстие носовой перегородки у туземцев был вдет шнурок с нанизанными на нем мелкими раковинами, на котором также висел выточенный из раковины (вероятно, из рода *Tridacna*) наконечник, величиной в большую ручку для стальных перьев. Это оригинальное украшение, имея от 20 до 25 см длины, болталось под носом. Ожерелья были сделаны из зубов собак, находились нередко между ними и зубы людей; для придания ожерелью разнообразия в известных промежутках между зубами были нанизаны мелкие кости, между прочим и людские phalangi digitorum. Я заметил у многих пожилых людей аппарат, которого значение осталось для меня темным; он состоял из пучка тонких ветвей, на которых засохшие листья были сохранены; эта метелка имела рукоятку из верхней части человеческого humerus. Эту метелку туземцы носили на шнурке вокруг шеи, так что она болталась у них то на груди, то на спине. Я не узнал, для чего она служит, заметил только, что туземцы неохотно с нею расставались, когда я предложил им выменять ее на европейские изделия.

Туземцы были настолько хорошо знакомы с требованиями европей-

ских торговых судов, что подъехавшие пироги были нагружены всеми предметами торга. Кроме черепахи и жемчужных раковин,[1] на пирогах находились предметы, заинтересовавшие меня в этнологическом отношении. Табиры[2] разных размеров, с красивыми резными ручками, по своей величине и искусной отделке обратили мое внимание. Диаметр некоторых достигал 72 см; правильность круга и изгиба вне и внутри была замечательна как образчик ручной и глазомерной работы. Другие сосуды различной формы, как, напр., большие блюда, вазы, бутылки и т. п., были собственно не что иное, как корзины, сплетенные из тонкого ротанга, пропитанные непромокаемым черным составом, вероятно, соком какого-нибудь растения. Туземцы также привезли для меня множество хорошо сделанных сетей, тонкая бечевка которых была сплетена из весьма крепких фибр. Наконец, копья, с острием, состоящим из удачно отколотого куска обсидиана, имели оправу из какого-то весьма твердого цемента, часто мастерски украшенную орнаментом, которая соединяла острие с древком.

До захода солнца туземцы теснились вокруг шхуны. Когда стало темнеть, мы, не найдя хорошего якорного места, отошли немного от берега и легли в дрейф. Ночью все положительно на шхуне спали, так же как шкипер и рулевой. Утром 29 мая, когда понемногу весь служащий персонал проснулся, мы оказались занесенными далеко на SSW от вчерашней деревни, около которой предполагалось оставаться, и очутились около маленького островка, который виднелся вчера вечером на горизонте. Был почти штиль; к нам приблизились от ближайшего берега две маленькие пироги. В одной из них находилась молодая женщина, которая, как и прочие туземцы, взобралась на палубу. Ее внешность отличалась богатой татуировкой, которою было покрыто все лицо и тело до колен. Это были шрамы, расположенные без всякой симметрии; прямые и кривые линии их перекрещивались вдоль и поперек. Татуировка состояла не из наколотых точек, как в Микронезии, а из тонких шрамов, шириной около 0.3 мм, сделанных острым орудием, как я убедился впоследствии — осколком обсидиана.[3] Другой род татуировки составляли пятна — зажившие ранки от ожогов древесным углем. Третий род — покрытые гладкою кожей желваки; эта гипертрофия кожи была, вероятно, следствием втирания какого-нибудь вещества в рану; последних было немного: несколько на плечах и между грудями. Пока я рассматривал татуировку и мерил голову, туземец, с которым приехала эта женщина, видя, что на нее обращено большое внимание, стал ее предлагать европейцам, кладя свой кулак ей на колени и вставляя в него палец другой руки, на что она слегка улыбалась. Это меня крайне удивило, так как меланезийцы весьма нравственны, и подобная услужливость вовсе не в их характере.

Не успел я измерить голов других туземцев, как они заговорили что-то в большой тревоге, указывая на берег, у которого мы стояли вчера, и на

[1] Туземцы, будучи еще незнакомы с ценностью жемчуга, выбрасывали обыкновенно животное обратно в море, сохраняя от него одну только раковину.

[2] Табир — название, которое дают папуасы берега Маклая большим чашам или блюдам, выдолбленным из дерева и употребляемым для сервировки кушаний.

[3] Совершенно подобную татуировку я видал на Новой Ирландии (в Port Praslin) и у негритосов в горах Лимай на о. Люсоне, где шрамы, однакоже, были немного толще, так как инструментом для татуировки служил нож из бамбука, а не острый и тонкий осколок обсидиана. У негритосов женщины были также более татуированы, нежели мужчины.

несколько пирог, показавшихся из-за мыска. Они мимикой уговаривали шкипера и трэдоров не возвращаться туда, а направиться в их сторону, далее на W. Когда же пироги наших вчерашних знакомых стали приближаться, все поспешили спуститься в свои пироги и стали удаляться в противоположную сторону, между тем как туземцы Лонеу, завидя отвалившие пироги, кричали им что-то вслед, стоя на платформе своих пирог, и грозили копьями. Очевидно, мы находились на границе двух враждебных деревень. Вновь прибывшие, заняв на палубе место первых, в свою очередь стали усердно звать нас в деревни Лонеу и Пуби и, указывая на удаляющиеся две пироги, постоянно повторяли: «усия», желая мимикой дать понять, что те люди людоеды,[1] и т. п.

Часам к 10 шхуна была окружена более чем двадцатью пирогами различной величины, и на юте шел оживленный торг. Картина его была характеристичная: незначительный ветерок едва подвигал шхуну и не мог парализовать сколько-нибудь силы лучей палящего, ослепляющего солнца (к 11 часам в тени было 32°Ц); у кормы несколько десятков разукрашенных, размалеванных папуасов кричали, прыгали из одной пироги в другую или бросались в море, держа предметы мены над головой и достигая таким образом до шхуны. У борта происходила страшная давка: несколько рядов туземцев, стараясь перекричать других, предлагало свои произведения, толкалось, пытаясь пробраться на палубу или спуститься обратно в пирогу. С другой стороны, трэдоры и шкипер с револьверами за поясом, окруженные лежащими наготове штуцерами разных систем, с мешочками, наполненными бисером и стеклянными бусами в руках, отсыпали их маленькими мерками, не больше наперстка, туземцам в уплату за щиты черепах, жемчужные раковины и другие местные произведения.[2] Для дополнения картины прибавьте полдюжины туземцев Вуапа, с заряженными ружьями, стоящих на рубке около шкипера, который с вечера зарядил свои игрушечные пушки и приготовил сегодня тлеющие фитили «на всякий случай».

Иногда, когда ют слишком переполнялся, на туземцев травили большого и сильного водолаза, которого они доселе боятся более трэдоров, шкипера и всего экипажа шхуны, вместе взятых. Едва собака пока-

[1] Значение слова «усия» осталось мне неизвестным; может быть оно значит: неприятель или дурной, или просто выражает название местности. Я не видел ничего, подтверждающего существование людоедства на о-вах Адмиралтейства; украшения из человеческих зубов и людских костей недостаточны, чтобы служить доказательством. Слова же туземцев имеют в этом случае еще менее веса, так как очень распространенная уловка дикарей состоит в выдумке всего возможного и невозможного, единственно с целью заставить белого согласиться с их мнением.

[2] Проценты, которые берут европейцы при этой торговле, выменивая мелкий бисер на черепаху и перламутр, могут считаться сотнями. Один из опытных трэдоров, много лет занимавшийся этим делом, рассказывал мне, что во многих случаях при торге на островах Тихого океана барыш в 800% не редкость. Разумеется, главная выгода достается главной фирме, которая доставляет трэдорам — своим агентам — предметы для мены, с назначением цен, по которым от них принимаются произведения островов. Не помню всех мне сообщенных цен, но все они были замечательно высоки, напр. пустая бутылка от вина или пива ценилась приблизительно около 1 доллара. Понятно, что трэдоры при торговле с туземцами также не упускают случая набить еще бóльшую цену, чтобы и для себя заработать что-нибудь. Слушая эти рассказы и видя на деле, что они не преувеличены, я невольно вспомнил страницу в сочинении Уоллэса (во втором томе его сочинения о Малайском архипелаге), где он негодует, что туземцам о-вов Ару достаются европейские произведения почти что не дороже, чем европейцам в Европе. Уоллэс мог бы остаться доволен заработком европейских купцов в Океании.

зывала свои большие зубы или начинала лаять, тот мигом очищался, и давка у борта еще более усиливалась; многие бросались в море, чтобы скорее уйти, другие лезли на ванты. Это очень тешило шкипера и трэдоров.

Несмотря на жару, раздражающие нервы крики и говор, давку около борта, суматоху при травле туземцев собакою и досаду при виде человеческой бесчестности, несправедливости и злости, я старался развлечься наблюдениями над папуасскою толпой. Это мне удавалось несколько раз в продолжение дня; тогда вся описанная непривлекательная обстановка исчезала для меня на время; я видел перед собою ряд интересных объектов для исследования и, пользуясь случаем, спешил записывать, измерять и чертить эскизы для дополнения своих заметок. Я измерил по возможности аккуратно дюжины полторы голов и нарисовал эскизы челюстей с громадными зубами, которых величина и форма сперва меня очень озадачили.[1] Вьющиеся, не курчавые, волосы у одного особенно светлого мальчика обратили было мое внимание, но, вспомнив о настоятельных предложениях спутника папуасской дамы, я не счел основательным придавать большое значение такому одиночному исключению из общего типа.

Костюм многих был довольно замечателен, хотя он не был для меня сюрпризом, так как я о нем не раз читал,[2] но тем не менее вид его очень удивил меня, как курьезное изобретение Species homo. У многих конец penis'а был защемлен в узкое отверстие *Ovula ovum*. Туземцы, казалось, были очень довольны выдумкой такого национального костюма. Как только они замечали, что кто-либо из европейцев обращал внимание на привешенную раковину, почти всегда находился один, который, стоя на платформе пироги, приводил белую раковину в движение. Она то прыгала вверх и вниз, то в стороны, то вертелась, как колесо, вокруг оси; наконец, туземец, устав или считая, что достаточно потешил публику, делал ловкое движение и прятал *Ovula ovum* между ногами. Движения эти были так ловки, и люди, казалось, имели такой навык делать их, причем разные личности повторяли те же движения и в том же порядке, что не оставалось сомнения в том, что эта гимнастика входит в один из туземных танцев. Когда туземцы меняют костюм, т. е. заменяют «мана» (туземное название *Ovula ovum*) поясом из тапы, то они надевают раковину часто на ухо или вкладывают ее в небольшой мешочек, носимый на шее. Снимая и надевая мана, они, бесцеремонные в других отношениях, стараются не обнажить glans penis, закрывая ее рукой или защемляя ее между ногами.[3]

Я пожелал приобрести для своей этнологической коллекции несколько экземпляров этих раковин, отчасти ради орнамента, который был вырезан на них, отчасти же чтобы удостовериться, что узкое отверстие в раковинах не расширено. Я убедился, что в одном экземпляре оно не было изменено, в другом же было обточено самым незначительным образом. Мне казалось очень сомнительным, чтобы эти люди могли втиснуть glans penis без боли в такое узкое отверстие, в которое едва входит мизинец взрослого человека, а потому предполагал,

[1] Портрет одного обладателя такой челюсти я послал Русскому географическому обществу при последнем сообщении.

[2] Waitz-Gerland («Anthropologie der Naturvölker», Bd. VI, S. 566) приводит свидетельство Форстера, Картере и Хунтера об этом обыкновении.

[3] Waitz-Gerland (op. cit., Bd. VI, S. 575) говорит, что в Полинезии единственная часть тела, с обнажением которой соединен стыд, это glans penis.

что они защемляют в раковину только praeputium, который здесь как у детей, так и у взрослых очень удлинен. Однакоже ближайшее наблюдение над многими индивидуумами показало, что не только glans, но и часть corporis cavernali помещается в отверстие раковины. Другое обстоятельство, убедившее меня в возможности ношения такого аппарата без серьезных неудобств и последствий для здоровья, то, что сдавливание внешних частей не так сильно, чтобы произвести стриктуру мочевого канала, так как туземцы могут испускать мочу, не снимая раковины, чему я сам был свидетелем и для чего сделано небольшое отверстие в круглой стенке *Ovula ovum*. Этот обычай указывает на незначительный размер мужского полового органа у туземцев, что составляет особенность расы, и этим антропологическим признаком не следует пренебрегать. [1]

Рис. 1. Туземец о-вов Адмиралтейства.

Торг, который шел без перерыва, не помешал, однакоже, туземцам вспомнить о своем желудке. Одни ели таро, которого здесь, кажется, много и хорошего качества, другие — саго, варенное с тертым кокосовым орехом; некоторые же — какую-то массу кирпичного цвета, которую я сперва принимал за особенным образом приготовленное саго, пока не подошел к завтракающему и не удостоверился, что эта масса не саго, а глинистая земля. Туземец ел ее с удовольствием и долго жевал перед глотанием. Земля, которую называют здесь «э-пате», цветом и вкусом похожа на «ампо» — землю, которую малайцы едят на о. Яве, около Самаранга, и на многих других островах Малайского архипелага. [2]

Мы употребили почти весь день, чтобы добраться до острова, и к заходу солнца бросили якорь около деревень Пуби и Лонеу, в нескольких саженях от берега.

30 мая я отправился в деревню, которая была расположена вдоль берега. Хижины тянулись около самого песчаного берега, а не были спрятаны, как на Новой Гвинее, на берегу Маклая, за поясом берего-

[1] Замечу, что другая крайность (т. е. чрезмерная величина) этого органа найдена у негров (см. H. Hombron. Anthropologie, p. 139. Voyage au Pole sud et dans l'Océanie, pendant les années 1837—1840) — расы, которая ближе других родственна меланезийской.

[2] На Яве эту землю продают на улицах тонкими пластинками, слегка поджаренными, как лакомство. Кроме Явы, подобная ей глинистая земля, употребляемая в пищу на о. Амбоине, описана С. Мюллером («Reisen en onderzvekingen in den Indischen Archipel», dooz Salamon Müller, 1857, Deel II, p. 65), а анализы съедобной земли с Суматры находятся в журнале «Natuurkuundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie», Deel XXXIV, 1874, p 185.

вого леса. Хижины были двух родов: одни, в меньшем числе, состояли из крыши, доходящей до земли, и не имели боковых стен. Передний и задний фасады этих хижин имели стены из того же материала, как и крыша, т. е. из листьев кокосовой пальмы; в них были двери, из которых обращенная к морю была шире, и верхний карниз ее был украшен раковинами. Эти хижины служат для собраний мужчин и спальнями для холостых; женщин и детей в них не было. Таких хижин я заметил три во всей деревне; все остальные были меньшей величины и стояли на сваях, которых верхние концы были клинообразно заострены и снабжены круглыми горизонтальными досками, чтобы затруднить доступ крысам в хижины. Можно себе составить довольно верное понятие об этих хижинах, вообразя хижину, состоящую из одного чердака, утвержденного на сваях. Под хижинами между столбами было опрятно, к отверстию в полу, которое образует вход и может запираться опускною дверью, было приставлено бревно с зарубками.

Осмотрев деревню, которая называлась Пуби и была очень невелика, я отправился по тропинке вдоль морского берега в другую — Лонеу, которую можно было видеть со шхуны. Местность между деревнями болотиста, и там растет много саговых пальм. Эта вторая деревня оказалась значительно больше первой. Хижины стояли здесь тесно друг около друга. Пространство под хижинами содержится очень чисто, и сваи, на которых стоят хижины, образуют ряды пропилей, отделяющие амфилады пустых и низких комнат. Под хижинами было прохладно; такое устройство, я полагаю, весьма соответствует тропическому климату. Это были семейные хижины; я бегло осмотрел внутренность некоторых из них: крик грудных ребят выгонял меня скоро из хижин; я успел только заметить, что в хижинах не было перегородок, равно как и никакой особой утвари и мебели, кроме табиров, горшков и цыновок. Около некоторых хижин лежали барумы,[1] совершенно схожие по форме и по употреблению с теми, которые я видел на берегу Маклая.

Туземцы здесь непугливого характера, они не угнали женщин и детей в лес или в другие места, почему я имел возможность продолжить и над ними мои вчерашние антропологические измерения, за которые я принялся, как только осмотрел обе деревни. Вообще я принял за правило предпринимать наблюдения в первые же дни знакомства с туземцами, когда они еще находятся под влиянием известного смущения, с которым обыкновенно бывает сопряжено появление белого в странах, редко посещающихся европейцами. Новизна лица и любопытство, которые группируют туземцев около белого, непонимание его намерений и боязнь рассердить его делают их очень послушными объектами исследования, которые можно измерять, рассматривать и т. д. без помех, если только исследования не переходят границ их терпения. Предлагаемые проф. Вирховым 25 направлений измерений, а тем более проектированные 78 измерений, опубликованные комиссией экспедиции фрегата «Новара», вовсе неприменимы при исследовании здешнего на-

[1] Барум — туземное название, которое дают папуасы берега Маклая большому стволу, выдолбленному наподобие корыта; ударяя толстою палкой в стенки его, они извлекают сильный, немного глухой звук, который слышится на большом расстоянии; он служит набатом для сообщения разных происшествий (смерти, пиршества, войны и т. п.) в деревне и в окрестных деревнях. См. мои «Этнологические заметки о папуасах берега Маклая» [Путешествия, т. I, стр. 229].

селения, и натуралист, занявшийся выполнением подобных задач, рискует лишиться объекта своих исследований, который вследствие нетерпеливости и подозрительности неожиданно скроется. Наученный опытом, я сократил значительно свои наблюдения и старался собрать достаточный материал для точных ответов на ограниченное число вопросов. Я убедился уже при прежних путешествиях, что лучше всего начинать исследования со старших по летам или положению и сохранять при этом самый серьезный вид, заставляя хранить молчание всю толпу. Не раз, как и здесь, я замечал, что люди, над которыми я делал наблюдения, сами, без моего вмешательства, следили за тем, чтобы я кого-нибудь из них не пропустил или чтобы кто-либо не укрылся от манипуляций, сделанных над другими. Это происходит, как я предполагаю, от того обстоятельства, что дикие видят даже в самом мелочном действии, произведенном над их особой, какое-то волшебство, навлекающее опасность, почему каждый судит так: если что дурное вследствие этого случится со мною, то пусть и с другими будет то же; как сделали со мною, пусть сделают так же и с другими.[1] Другое правило, до которого я дошел также своим опытом, — делать наблюдения (антропологические) при каждом удобном случае и по возможности неожиданно, особенно если предстоит измерять или рисовать женщин. Я таким образом мог сделать гораздо более измерений и заметок, чем если бы я поручал мужчинам звать их или привлекал бы их подарками. Женщины здесь представляют для краниологии особенно ценный материал, имея, как и во многих местностях Новой Гвинеи, очень короткие волосы или бритые головы, что позволяет весьма верно получать размеры их черепа. Я весь день провел на берегу, измеряя и рисуя.[2] Приход даже такого небольшого судна, как шхуна, оказывает заметное влияние на ход ежедневной жизни туземцев вследствие чего многие их занятия, работы и даже особенности их характера, каковы отношения между собою, с женщинами и детьми, ускользают от наблюдения при кратковременном с ними

[1] В работе K. Scherzer and E. Schwarz «On measurements as a diagnostic means for distinguishing the human races» (Sydney, 1858) содержится 78 номеров измерений; в «Instructions générales pour les recherches anthropologiques», 1865) — 63 номера или, по крайней мере, 30; в антропологической инструкци British Association — 47; в антропологической программе проф. Вирхова — 38 или, по крайней мере, 25.

[2] Мне хорошо помнится смешная, но характеристичная сцена, которой я был свидетелем во время моего первого пребывания на берегу Маклая на Новой Гвинее (1871) и которая может служить иллюстрацией этого психологического замечания. Туземцы, которые, как известно, много месяцев были крайне недоверчивы ко мне, имели также недоверие и к моим вещам и даже к моей еде. Раз, месяца четыре после моего приезда, когда я уже немного понимал папуасский язык, трое жителей соседней деревни застали меня за завтраком, который состоял из вареного с солью риса, без других приправ. Один из пришедших, сжимая обеими руками живот, который он втянул сильным выдыханием (обыкновенная папуасская мимика, чтобы изобразить голод, пустоту желудка), сказал, что он очень голоден, не ел еще ничего в этот день. Я предложил ему ложку риса, хотя знал, что он откажется от него. Но в тот день туземец осмелился попробовать мою еду: он слегка вскинул голову, поднял глаза и, втягивая воздух между сложенными, как бы для свиста, губами (обыкновенный жест согласия у папуасов), сперва обнюхал ложку и взял в рот рис. Не успел он проглотить половину, как сообразил всю отважность своего поступка — попробовать «инги Маклая» (еду Маклая) и с полным ртом спросил меня, не умрет ли он от этого. Я отвечал, что нет. Проглотив еще немного и обратившись к своим спутникам, он предложил им также попробовать рису, на что оба отвечали сильным отвергающим жестом, подаваясь всем туловищем назад и тряся плечами и ру-

знакомстве. Когда утром 31 мая я съехал на берег, в деревне не было мужчин: все они были заняты торгом на шхуне. Зато множество женщин сидело около хижин с детьми всех возрастов; все были заняты нанизыванием на длинные нити мелкого бисера, который был наторгован вчера их мужьями и отцами на шхуне.

Бисер был очень мелок. Я подошел к одной группе, чтобы рассмотреть нить, которую употребляли для нанизывания; она при всей тонкости и длине своей оказалась замечательно крепкою и ровною; по крепости она превосходит, мне кажется, все европейские нитки. При посредстве сметливого мальчика мне удалось увидеть разные шнурки и веревки, сделанные из того же материала. Мальчик принес мне также из леса длинную ветвь лианы с очень гибким и ровным стволом, из которой приготовляются нити. Туземцы называют ветку лианы «кап». Я сохранил ее для определения.

Занятия с бисером помогли моим краниологическим измерениям; вчера мужчин и детей я мог мерить без препятствий; женщины же, вероятно, вследствие присутствия первых, очень жеманились, закрывали лицо руками, как только я подходил, или, опустив голову, не хотели поднять ее, вертелись или убегали; одним словом, я не получил вчера ни одного несомненно верного размера женской головы. Сегодня же не было мужчин, и они не считали нужным разыгрывать комедий; притом, боясь рассыпать бисер, который лежал в табирах у них на коленях, они не шевелились, когда я, неожиданно подходя, мерил их головы, сравнивал цвет их кожи с таблицей Брока или рассматривал их татуировку. Последняя, хотя не отличается красотой или сложностью рисунка, расположена по крайней мере симметрично по обеим сторонам тела, а не вдоль и поперек без всякой системы, как у виденной вчера женщины из дер. Усия. Вчера я описал вид самих шрамов, сегодня скажу несколько слов о расположении татуировки у здешних женщин. Начинаясь двумя или тремя желваками гипертрофированной кожи на верхней части рук у плеча, идут два ряда выжженных пятен под грудями, которые, сходясь между ними, образуют латинскую букву v; отсюда простая линия мелких надрезов или несколько подобных линий, расположенных зигзагами, спускаются до пупа. Вообще на татуировку здесь обращается гораздо менее внимания, чем в Микронезии, и расположение ее не установлено строгою модой.

Костюм женщин не отличается почти от костюма на архипелаге Пелау; те же фартуки спереди и сзади из растительных фибр (листьев пандануса, ствола банана и т. п.), только женщины здесь носят их, подвязывая пояс гораздо выше, так что пуп обыкновенно закрыт и самые фартуки длиннее, чем у женщин о-вов Пелау. Почти все женщины казались старухами и были очень некрасивы собою, а девушки, едва достигшие зрелости, были беременны или возились уже с детьми, которых кормили грудью.

ками, как будто он предлагал им яд. Тогда первый перестал есть и еще раз настойчиво просил их попробовать рис. Но они опять отказались. Тогда его поступок и ему самому показался необдуманным и опасным. Он быстро выплюнул в ладонь остатки риса и стал быстро мазать ими грудь и руки своих товарищей, приговаривая: «если я умру, то и ты умрешь...» Удивленные неожиданностью, его спутники сперва пятились, затем вскочили и бросились бежать в деревню. Он пустился также за ними, стараясь выплюнуть остатки риса изо рта и продолжая кричать: «и ты умрешь, и ты!..»

Я много раз в эти дни наблюдал способ, которым туземцы обоего пола выражают удивление. Каждый раз, как была к тому даже незначительная причина, они вкладывали палец между зубами, при этом не издавали ни возгласов, ни фраз, выражавших одобрение или страх; когда же удивление усиливалось, в рот вкладывали еще другой палец. Когда руки были чем-либо заняты, тогда вкладывание в рот пальцев заменялось высовыванием языка, причем градусы удивления также выражались длиной высовывающейся части языка.

Женщины сидели на земле, так же как и мужчины, что очень скандализировало моего слугу, туземца Пелау, который уверял меня, что женщины и девушки Пелау никогда так не садятся. Не замечая ничего особенного и не видя отличия от способа сидения, какой был наблюдаем на других островах, я спросил объяснения. Оказалось, что на архипелаге Пелау считается непристойным, если девушка или женщина при лицах мужского пола сидит на корточках или даже, сидя, раздвигает слишком далеко лежащие на земле ноги; эти оба положения были входу здесь между женщинами, понятия которых об этикете отличались от понятий туземцев Микронезии. Мальчик, лет двенадцати, нечаянно или умышленно толкнул одну из женщин, которая вследствие того рассыпала немного бисера; она пришла в такую ярость, что, найдя брань, которою она его осыпала, недостаточною, вскочила и, гоняясь за ним, стала бросать в него камнями, палками и всем, что попадалось под руку. Это была уже весьма пожилая женщина; она долго не могла успокоиться: все старалась попасть чем-нибудь в своего противника, который ловко увертывался и убегал от нее. Эта сцена весьма смешила нескольких мальчиков, которые сильно хохотали, валялись по земле и смеялись до слез.

Окончив измерение голов и роста, я только что собирался рисовать профиль одной из женщин, как заметил суматоху в группе, которая окружала меня: почти все женщины, за исключением нескольких старух, перебрались со своим бисером и детьми за несколько хижин от той, где я сидел; даже оригинал моего предполагаемого эскиза улизнул, пользуясь удобным случаем, когда я оглянулся, чтобы узнать причину общего передвижения. Несколько пирог с мужчинами возвращалось со шхуны, они-то и произвели общее бегство женщин. Когда туземцы вернулись и обступили мой столик, женщины оставались в почтительном отдалении, как подобает «номерам вторым» рода человеческого; такое отношение сохранилось еще в папуасском мире.

Вернувшиеся со шхуны казались весьма усталыми: утро было очень жаркое, давка и травля собакой на шхуне также, вероятно, повлияли. Я заменил убежавшую женщину весьма интересным объектом мужского пола, у которого громадные зубы были очень замечательны. Многие из туземцев расположились спать, улегшись на живот и уткнув лицо в подложенные под голову руки. Один же из них, которого интересовала почему-то моя камера-люцида, но у которого также слипались глаза, отправился к группе женщин и, сказав что-то одной из них, лег на землю. Подошедшая женщина, присев около него и взяв его голову в руки, стала сдавливать ее то спереди и сзади, то с боков, насколько хватало ее сил. Это продолжалось минуты 3 или 4. Раза два она хотела перестать, но пациент ворчал что-то, вероятно, заставляя продолжать эту операцию. Наконец, он встал, протер глаза и, повернувшись ко мне, показал мимикой, что теперь он спать более не хочет, и, действительно, он оставался бодрым до вечера, между тем как его

товарищи, все лежа на животе и по временам ворочая голову или раздвигая и сдвигая циркулеобразно ноги, проспали до сумерек.

Наиболее интересным результатом наблюдений этого дня было уяснение факта, что у женщин, как и у мужчин, некоторые зубы имеют способность расти преимущественно перед остальными и что у детей, особенно у мальчиков, некоторые зубы уже так значительны, что обещают достигнуть величины зубов их отцов или даже перещеголять ее; из этого следует, что эта характеристичная для расы особенность стала уже наследственною. Неровность зубов заметнее у женщин и детей, имеющих белые зубы, чем у взрослых мужчин, у которых от употребления пинанга поверхность зубов покрыта как бы черною глазурью.

Двое из трэдоров должны были по контракту, заключенному с сингапурскою фирмой, остаться на о-вах Адмиралтейства, почему один из них 1 июня избрал дер. Пуби местом жительства. За несколько топоров, ножей и некоторое количество бумажной материи была куплена одна из хижин, и новый хозяин ее стал перевозить свои вещи на берег, почему сегодня многие из мужчин оставались в деревне и толпились около хижины нежданного гостя. Дав мимоходом матери грудного ребенка немного бисера, я привлек внимание матерей: мне стали приносить всех грудных детей, надеясь получить тот же подарок; при этом мне удалось видеть ребенка, которому, по всему вероятию, было не более 8 или 9 дней. Цвет его кожи был сравнительно очень светел (№ 21 таблицы Брока), а голова брахикефальна (индекс ширины 82.4).

Сегодня я был окружен туземцами мужского пола, которых физиономии представляют не менее разнообразия, чем на Новой Гвинее. Сказав несколько слов о татуировке женщин, я еще не описал ее у мужчин, у которых она также встречается и даже произведена тщательнее, чем у женщин, хотя менее обильна, чем у последних. Несмотря на то, что туземцы о-вов Адмиралтейства любят украшения, что заметно по множеству предметов, которые они носят, татуировка отступает у них на второй план и заменяется раскрашиванием лица и тела красною краской. Причина этому та, что только в первой юности кожа у мужчин бывает гладкой и светлой; по достижении ими зрелых лет татуировка пунктами и тонкими шрамами уже не производит эффекта; у людей же лет тридцати, а иногда и ранее, кожа так темнеет, грубеет и покрывается морщинками (особенно на лице), что татуировка становится почти незаметною. Только пристально и вблизи разглядывая лица мужчин зрелых лет, я замечал татуировку на лице. Женщины, будучи светлее мужчин, татуированы больше; пятна от ожога сохраняются более продолжительное время, почему и встречаются чаще; я видел их даже у стариков.

Рисуя портрет одного из туземцев, с красивым римским носом, горб которого, однако, не был достаточно велик, чтобы отличить его обладателя от прочих туземцев, [1] я заметил пять кругов, состоящих из лучеобразно расположенных шрамов до 3 мм длины. Они были симмет-

[1] Проф. Вирхов («Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», март 1873) говорит, что он видит неразрешенное противоречие между большим носом папуасов Доре, как описывает их Уоллэс, и короткими, сплющенными (écrasé) носами новокаледонцев, которых кончик направлен вверх. Это противоречие разрешается главным образом не только невозможностью подвести все носы какого-нибудь племени под одну схему, но и изменением формы носа вследствие операции пробуравливания носовой перегородки, а также обычая втыкать разные предметы в образовавшееся отверстие.

*

рично распределены: один над переносицей и по одному на висках и под глазами.

По мере того как я обозначал их на своем эскизе, вокруг стоявшие туземцы, следившие с большим вниманием за движениями моего карандаша, называли мне каждую фигуру татуировки особенным именем и показывали ее, если таковая имелась, также у себя на лице. Круг над переносицей оказался почти у всех, почему часто повторенное имя его «мадаламай» осталось у меня в памяти. Кроме пяти кругов, у рисуемого объекта нашлось по четыре ряда мелких шрамов, расходящихся веерообразно от угла глаз на виски и скулы. Описанные шрамы были так тонки и так мало отличались цветом от прочей кожи, что я должен был смоченною тряпкой несколько раз вытирать виски и лоб моего оригинала, чтобы кончить портрет, не упустив какой-нибудь татуированной фигурки. По окончании эскиза мне захотелось узнать, чем туземцы делают такие тонкие шрамы или чем и как они татуируются. Это не легко было объяснить, но, наконец, мой вопрос был понят более сметливыми, которые, порывшись в мешочках, носимых туземцами на шее, достали несколько тонких, очень острых осколков обсидиана. Один из туземцев, чтобы показать, насколько понял то, что я желаю знать, стал очень проворно делать, не думая спрашивать на то позволения, ряд надрезов на плече соседа, где скоро обнаружились капельки выступившей крови. Желая показать все достоинства его инструмента, он стал брить висок другого соседа, но заметив, что несколько волосков на бровях успело отрасти, что не согласуется с модой на о-вах Адмиралтейства, он перешел к бровям. Когда непрошеный оператор делал надрезы, пациент, лицо которого я вполне мог видеть, не моргнул; мне интересно было удостовериться, было ли это спокойствие следствием самообладания или боль при татуировке была незначительной. Я расстегнул рукав рубашки, и мне сделали несколько надрезов к большому удовольствию оператора и окружающей толпы. Я не почувствовал положительно ничего и тогда только удостоверился в их существовании, когда выступила кровь. Так же нечувствительно было и бритье: я предложил свою ногу для этой операции и едва написал несколько слов в записной книжке, как уже одна сторона ноги от колена до ступни была выбрита. Эти осколки-ланцеты и бритвы были приблизительно одной формы, напоминающей клинообразные зубы акул.

Взяв большой кусок обсидиана в руки, я захотел попробовать, легко ли получить подобный осколок и сумею ли я отколоть его сам. Однакоже, как ни пробовал, как ни вертел камень, я не отколол ни одного сколько-нибудь годного осколка. Туземцы смеялись, а я должен был сознаться, что не умею отколоть, и, передав кусок обсидиана одному из них, стал смотреть, как он приступит к делу. Он встал, подошел к морскому берегу и поднял небольшую раковину (из рода *Cypraea*); присев затем снова около меня, он положил обсидиан на подошву левой ноги так, что гладкая и широкая поверхность камня приходилась наверху. При втором или третьем легком ударе плоскою стороной принесенной раковины отскочило несколько осколков, совершенно подобных виденным. Выбирая разные стороны и края большого куска обсидиана и ударяя раковиной с разной силой, но всегда слегка, он получал осколки различной формы — то узкие, то широкие. [1]

[1] В Punta Arenas, в Магеллановом проливе, мне подарили в 1871 г. несколько наконечников стрел, сделанных туземцами Огненной Земли из стекла

Таким же образом он заострил, по моему желанию, конец копья, которое держал один из толпы. Туземцы указали на о. Ло, или Лу, которого силуэт виднелся на SO, как на место нахождения обсидиана.

Из толпы, которая со всех сторон обступила нашу группу, я выбрал наиболее высокого туземца и самого низкого; первый был 1740 мм, второй 1470 мм вышины; большинство обитателей острова ниже среднего европейского роста. [1]

На берегу все мужчины были повязаны тапой, как и в других местностях Меланезии; я ни на одном туземце не видал костюма, состоящего из одной *Ovula ovum*.

Большинство имело лицо окрашенным красною краской различным образом, и, так как расположение краски на лице, груди, спине варьирует у каждого индивидуума, изменяясь каждый день или каждый раз, когда краска возобновляется, то описание разных комбинаций я считаю здесь излишним.

Уже с первого дня знакомства с этими туземцами меня интересовал вопрос: есть ли у них какой-нибудь начальник, и если есть, то какова его власть? Но мои наблюдения дали отрицательный ответ. Как и на Новой Гвинее (на берегу Маклая), у них некоторые туземцы достигают большого влияния лишь вследствие опытности, знания дела и отчасти по старшинству лет. Мореплаватели и путешественники, которые видят страны только несколько дней или часов, руководясь общепринятыми идеями или тем, что видели в других странах, не стесняются раздачей титулов, каковы: вождь, начальник, король, руководясь часто только тем, что один из туземцев более кричит, чем другие, или имеет какое-нибудь внешнее отличие. Повторяю, что я не мог убедиться в присутствии начальника между жителями посещенных деревень, хотя и знал, что Герланд, [2] основываясь на описании французских мореплавателей, говорит о князьях (?) на о-вах Адмиралтейства, которых туземцы слушаются и которые деспотически обращаются со своими подданными. Я могу так же ошибаться, как и французские мореплаватели, видевшие этих князей, но я, много месяцев живший на Новой Гвинее, все-таки не решаюсь утверждать, что начальники там существуют. [3] Я отказываюсь говорить положительно о подобных вопросах, основываясь лишь на кратковременном знакомстве с туземцами при незнании их языка.

В деревне вдруг произошла тревога; группа около меня также засуетилась, заговорила и разбежалась по хижинам. Много туземцев, вооружившись копьями, бросилось к берегу. Не зная языка, я не мог до-

прибитых к берегу европейских бутылок. Они были очень искусно сделаны, и изготовление их казалось мне делом большого терпения и ловкости. Видев описанный способ обращения с обсидианом, которого свойства очень подобны стеклу, я пришел к убеждению, что наконечники стрел были сделаны тем же или весьма подобным способом и привычными руками.

[1] Я подразумеваю средний рост европейца, мужчины, 25 лет, 1680 мм, женщины 1570 мм (см. Uhle und Wagner. Handbuch der Allgemeinen Pathologie. 1868, 4-te Aufl., S. 72).

[2] Waitz-Gerland, op. cit., S. 654.

[3] На берегу Маклая на Новой Гвинее нет, собственно говоря, ни наследственных, ни выборных начальников; всем взрослым принадлежит одинаково право голоса, но между ними находятся более влиятельные, отличающиеся своим умом или ловкостью, которых люди слушаются, принимая от них советы или их мнения.

биться, что случилось; вероятно, пироги из неприятельской деревни пробовали пробраться к шхуне, чтобы и на свою долю добыть несколько «буаям» (бисер), до которого туземцы здесь большие охотники. Это можно было предположить потому, что несколько отдаленных пирог давно уже занимало туземцев. Скоро и из Лонеу, куда известие уже успело дойти, прибежали воины, преимущественно молодые люди, с большими связками копий на плечах.

Я отправился в противоположную сторону, в Лонеу, желая сделать эскиз хижин, и дорогой имел случай видеть характеристичную картину страха. Тропинка была узка, и в нескольких местах от нее шли другие тропинки, ведущие в лес или к огородам. При одном повороте вышли в нескольких шагах передо мною, по одной такой побочной тропинке, две женщины и направились к деревне, но, заслышав мои шаги и обернувшись одна из них (с ребенком на плече и с мешком таро на спине), бросилась в соседние кусты, где мигом скрылась. Тогда другая, несшая большую связку сухих сучьев и сахарного тростника на голове, встревоженная бегством спутницы, обернулась с трудом, цепляясь ношей за деревья; это была девочка, лет одиннадцати или двенадцати. Я стоял в нескольких шагах от нее и мог вполне разглядеть выражение ее лица. При виде меня лицо у нее значительно вытянулось, брови поднялись, рот немного открылся, я думал, что она сейчас закричит или заплачет; но испуг был так силен, что она осталась нема, только большие капли пота выступили на висках и на лбу; она так дрожала, что ноша, которую руки перестали придерживать, свалилась у нее с головы. Я думал, что и ноги откажутся ей служить и что она упадет. Я сделал шаг вперед. Тогда, чувствуя себя не стесненною ношей, она опрометью бросилась бежать по тропинке, оставив вместе с ношей на месте и далее по тропинке след невольных экскрементов. [1]

[1] Другой пример страха, не менее характеристичный, я имел случай видеть в прошлом (1875) году, при моем путешествии по Малайскому п-ову. Войдя в хижину, где находилась семья оран-сакай, и подошедши к первому попавшемуся лицу, которое оказалось женщиной, я был поражен ее видом. Лицо выражало крайний страх: она странно водила глазами вокруг, подбородок дрожал, и она судорожно схватила меня за платье обеими руками. Она имела вид сумасшедшей. Я сказал несколько слов по-малайски, чтобы успокоить ее, и был немало удивлен, когда она повторила эти же слова и даже с тою же интонацией, как я произнес их. Я прибавил еще одну фразу — тот же эффект: повторяет, как попугай, каждое слово. Я сказал несколько русских слов, думая озадачить ее, но и те она повторила, не запинаясь и очень отчетливо. В промежутках она что-то бормотала, причем голос ее сильно дрожал. Я обернулся к старому малайцу — моему спутнику, чтобы узнать, не сумасшедшая ли она. Она этим мгновением воспользовалась, чтобы спрятаться в самый темный угол хижины и отнести туда ребенка, которого я сперва не заметил и который, вероятно, был причиной того, что она схватила мою ногу обеими руками, когда я остановился перед нею. Мне сказали, что она не сумасшедшая, а только очень испугалась. Я захотел сделать ее портрет и удостовериться, что только под влиянием испуга она повторяла мои слова, что мне показалось весьма интересным. Почти силой привели ее ко мне, и она постоянно отворачивалась, чтобы не видеть моего лица. Мне сказали, что до этого дня она ни разу не видела белого и что поэтому она так меня боится. Чтобы ободрить ее, я посадил около нее старого малайца, который знал ее еще девочкой. Она обхватила его шею и прижалась к нему так, что я мог нарисовать ее только в профиль. Она все еще не могла успокоиться и по временам дрожала. Когда я к ней прикасался, чтобы повернуть немного лицо или поправить волосы, она сильно вздрагивала, и крупные капли пота выступали у ней на лбу и на носу, несмотря на то, что лоб и руки ее были холодны. Хотя при каждом прикосновении она содрогалась, но слов моих более уже не повторяла. Пароксизм страха прошел, и она теперь вовсе не казалась сумасшедшей, как при

Я пришел в деревню и кончил свой эскиз, когда воины один за другим уже вернулись в деревню. Все дело оказалось не более как ложною тревогой. Единственное оружие, которое я здесь видел, были уже описанные копья с наконечником из обсидиана или из твердого, кажется, внешнего слоя древесины *Caryota*. Замечательно, что туземцы не имеют лука и не знают его употребления; я, желая убедиться в отсутствии этого оружия, думая, что рисунок может быть не понят, приказал моему слуге сделать небольшой лук и показать его употребление; туземцы смотрели на него как на игрушку и не соединяли никакого понятия с ним. Я не счел нужным настаивать на выгодах такого снаряда перед копьем; для них пока и копья достаточно, чтобы кончать свои споры, а европейские трэдоры не замедлят познакомить их с преимуществами огнестрельного оружия. Это случится очень и даже очень скоро, так как в числе груза, которым нагружена шхуна, имеются для раздачи трэдорам порох, ружья и даже небольшие пушки — предметы, которые им надлежит ввести в употребление между дикарями. Они также обязаны стараться сделать спрос на эти предметы по возможности большим для выгоды своих патронов в Сингапуре, которым дешево достаются тысячи ружей, вышедших из употребления в Европе. Замечательный факт, что у меланезийского населения о-вов Адмиралтейства лук — характеристичное для меланезийцев оружие — неизвестен, сообщен уже другими путешественниками, и я только могу подтвердить положительно его верность, которая оставалась как бы под сомнением для здешнего южного берега.[1] На возвратном пути в дер. Пуби я остановился около группы туземцев, занятых обделкой столбов для довольно большой общественной хижины, которая хотя еще стояла, но казалась очень ветхой. Средний столб был более украшен, нежели оба боковых, у которых капители были одинаковы. Можно было заметить, что маленькие, очень плохого достоинства, железные инструменты почти что вытеснили здесь старые топоры, которые делались из обточенных раковин. Кроме маленького железного топора европейской конструкции, куски железа, тщательно обточенные, были прикреплены к рукояткам старого образца. Несмотря на плохие инструменты, столбы были замечательно хорошо обделаны; для окончательной полировки, которою работавшие занимались, когда я подошел к ним, служили обломки разных раковин и большие сухие листья хлебного дерева, которыми они терли столбы, посыпая поверхность их мелким песком.

Я до сих пор не упомянул, что туземцы здесь не знакомы с табаком; они не только отказывались от сигар и трубок, которые им предлагали, но отворачивались и отходили в сторону от табачного дыма. Я также не видал у них кавы (*Piper methysticum*); зато взрослые употребляют пинанг в значительном количестве.

Возвращаясь на шхуну вечером, в темноте, я понадеялся на крепость платформы туземной пироги и, ступив на край ее, попал по колено в воду, но во-время успел ухватиться за кинутый со шхуны конец. Эта ванна или гуляние на солнце, или же обе причины вместе заставили меня пролежать весь день 2 июня в сильнейшей невралгии.

первой встрече. (Из дневника 1875 г.) Что же касается непроизвольных экскрементов при испуге, то я часто видел это влияние страха в разных местностях на детях, которых родители, имея в виду подарок, силой хотели иногда привести ко мне для измерения их голов или рисования портретов.

[1] Waitz-Gerland, op. cit., S. 598.

3 июня снялись с якоря утром, оставив в дер. Пуби одного из трэдоров, уроженца северной Италии, по имени Пальди. Он обещал прислать мне словарь, который поневоле должен будет составить, и несколько ответов на письменные вопросы, которые могут быть даны не иначе, как после некоторого срока пребывания между туземцами.

4 июня мы подошли утром к небольшому островку, который был отделен довольно широким проливом от главного острова; северный берег последнего горист и имеет более привлекательный вид, нежели юго-восточный, однообразный вследствие своей низменности. Горы здесь невысоки, вряд ли выше 1500 футов; они не образуют цепи, а стоят отдельно или соединены в группы. Отсутствие высокой сплошной цепи гор имеет значение по отношению к населению острова:[1] можно предположить, что внутри, как и по берегам, он заселен. На островке оказалась большая деревня, из которой выехало много пирог, как только мы зашли за риф. Туземцы здесь не отличались физически от жителей юго-восточной оконечности острова; единственным отличием было то, что они носили менее украшений и менее кричали.

Я отправился на большой остров, в деревню, предшествуемый и сопровождаемый туземцами, которые встретили шлюпку.

По крутой тропинке мы поднялись на холм, где расположена была деревня. Грунт был глинистый, а тропинка, по случаю бывшего ночью сильного дождя, оказалась скользкой. Перешагнув через невысокий забор, который перегораживал дорогу (род порога против проникновения свиней), мы очутились на открытом месте, вокруг которого были расположены хижины. Вся деревня состояла из нескольких групп хижин, стоявших вокруг небольших площадок, соединенных между собою тропинками; это расположение напоминало мне деревни Новой Гвинеи (берега Маклая). Деревня имела опрятный вид. Хижины постройкой отличались от виденных на южном берегу: ни одна не стояла, как там, на сваях, и хижины здесь не имели отдельных стен, а крыша везде спускалась до земли, образуя на земле круг или овал; в первом случае крыша была остроконечной, во втором — кончалась коротким коньком.[2] И здесь, как в деревнях Лонеу и Пуби (на юго-восточном берегу), лежали под навесами барумы разной величины. Меня привели в одну хижину, которая была больше других и служила сборным местом для мужчин. Внутренность представляла овал и освещалась единственною низкою (не выше 1 м), но широкою дверью; в крыше, вдоль конька, находилось небольшое отверстие для дыма; на полках у стен стояли табиры разных форм, горшки и т. п. Ряды черепов рыб, черепах, нижние челюсти свиней, нанизанные рядами, красовались, будучи привешены в разных местах. Что особенно удивило меня и что в первый раз мне приходилось видеть в папуасской хижине, это была мебель: низкие, но широкие скамьи, род кушеток, широких, но несколько коротких, с небольшою спинкой (или деревянною подушкой) для головы. Туземцы не расположились на земле, а уселись, поджав ноги, на этих скамьях и указали мне на самую большую с резною спинкой. Мне захотелось

[1] На Новой Гвинее (в местностях, мною посещенных) туземцы не селятся в горах выше 1500 футов, и горные хребты представляют непроходимые рубежи для распространения туземцев внутрь и для сношений с соседями.

[2] Хижины эти совпадают по внешней форме с хижинами жителей островов Торресова пролива, которые изображает на некоторых таблицах Юкс (I. B. Jukes. Narrative of the surveying Voyage of H. M. S. Fly 1842—1846, vol. II).

узнать, как называются на туземном диалекте эти скамьи; я тщетно пытался выразить мимикой мое желание, но не мог подыскать для этого выражения жестами. При этом я невольно вспомнил, как часто я бывал в подобном положении в первое время своего пребывания на берегу Маклая, пока мне, наконец, не удалось узнать случайно выражение: «как зовут?»[1] После неудавшейся попытки добиться названия скамей, я обошел деревню и заглянул в одну из семейных хижин, которые были вообще меньше общественной. Посещенная мною хижина имела два весьма низких и узких входа с противоположных сторон; посередине (поперек) была перегородка, которая разделяла хижину так, что по сторонам у стен оставались проходы. Женщин и детей не было видно, их или, может быть, припрятали по случаю нежданных гостей, или все они были на работе, на плантациях. Здесь, как и на юго-восточном берегу, никого нельзя было принять за начальника.

В этот же день я посетил и другую деревню на островке, который называется, как я узнал от туземцев, Андра. Этот островок есть не что иное, как возвышенная часть рифа, который тянется параллельно северному берегу. Таких островков на O и на W вдоль берега виднелось несколько. От о. Андра по обеим сторонам тянулся риф, который только в низкую воду и при спокойном море обозначался полосой прибоя. Каналообразная лагуна, приблизительно в 2 мили ширины, представляет удобную якорную стоянку.

Здесь хижины не были соединены в группы, а разбросаны по всему острову и опять оказались отличными от виденных утром в деревне на холме. Общественные хижины были еще, хотя приблизительно, схожи, семейные же хижины были по большей части не круглые и не овальные, а четырехугольные и имели перед дверьми небольшой огороженный высоким забором дворик, где стояла барла[2] и находился очаг. Иногда на один дворик выходили двери трех или четырех хижин, причем изгородь шла только от одного переднего фасада к другому, хижины же стояли вне ее. Эти изгороди служат преимущественно преградой для свиней. Хижины были очень низки ($1\frac{1}{2}$—2 м), и крыша их доходила до земли.

Туземцы, казалось, уже не раз видели европейцев и были с ними в сношениях; железо почти совсем вытеснило топоры из камня и раковин; женщины и дети, хотя оставались в стороне, но не прятались и не убегали, как, напр., на Новой Гвинее в первое время моего там пребывания в 1871—1872 гг. Несколько туземцев даже осталось, в первый же день знакомства, ночевать на шхуне; такому доверию, должно быть, немало способствовало присутствие многих (двадцати двух) туземцев Япа, цвет кожи которых поддерживал дух в папуасах.

5 июня увидел я и здесь несколько туземцев с большими зубами,

[1] Это выражение, как и большинство важных слов (особенно глаголов), я узнал, подслушивая разговор туземцев. До того счастливого случая я имел обыкновение, находясь в обществе туземцев, класть ряд предметов перед собою и один за другим называть их по-русски. Обыкновенно один из толпы или все хором, поняв в чем дело, говорили мне соответственные туземные имена, хотя не обходилось при этом без частых недоразумений. Здесь же это средство не помогло — меня не поняли.

[2] Барла — папуасское (берег Маклая) название стола или высокой скамьи, на которой помещаются при еде туземцы, преимущественно с целью избавиться от докучливых собак и свиней, которые при каждом удобном случае готовы схватить все съедобное.

которыми один из них особенно отличался; не только dens incisoris, но и dentes canini были увеличены, и притом не только зубы верхней челюсти, но и нижней. Перспектива значительного подарка (бус) заставила его сидеть спокойно, так что я мог смерить увеличенные зубы и сделать эскиз вооружения его челюстей. Пока я рисовал, приблизились две девочки, оказавшиеся дочерьми этого человека. У них зубы были очень неправильны, и некоторые имели значительную величину. Щедро раздаваемые бусы привлекли толпу детей; на них я мог убедиться, что эта органическая особенность настолько укоренилась, что сделалась наследственною: почти у всех детей зубы были асимметричны и у многих выдавались своею величиной, несоответственно возрасту.

На о. Андра приезжали во время нашей стоянки жители ближайших деревень с главного острова, а также с других, маленьких — Перелу и Шоу, которые виднелись на О, почему толпа постоянно сменялась, и я, таким образом, имел случай наблюдать постоянно новые объекты. Из вновь приехавших с большого острова я обратил внимание на одного туземца, у которого глаза были замечательно светлы. Цвет их соответствовал среднему между №№ 3 и 4 таблицы Брока; по цвету кожи он не отличался от прочих, и, кроме светлых глаз, не было никаких следов альбинизма. Это обстоятельство навело меня на исследование глаз у других туземцев, причем я удостоверился, что и у этих людей plica semilunaris очень широка, до 4 и 5 мм, хотя представляет большие индивидуальные различия. Я заметил, кроме того, у многих на слизистой оболочке верхнего и нижнего век, на крае у самых ресниц, около caruncula lacrimalis, по небольшому бугорку, один против другого, они были также не одинаково развиты у различных особей, но у двух оказались особенно велики. Я никогда не видел таких бугорков на веках у людей белой расы.

Туземцы потешались, между прочим, повторяя очень быстро и долго некоторые слова, что было похоже на кудахтание кур. Они это делали один за другим или вдвоем зараз, стараясь превзойти друг друга быстротой произношения и продолжительностью этой гимнастики.

Утром 6 июня отправился на большой остров. Я хотел оставить шлюпку у тропинки, ведущей к деревне, которую я уже посетил, и пройти по берегу в другую, немного далее на О, положение которой определялось группой кокосовых пальм, замеченных при помощи бинокля с о. Андра. Завидев приближающуюся шлюпку, на берегу собралась толпа туземцев, которая радушно встретила меня, как только я вступил на берег; на этот раз пришли не только мужчины, но и женщины и дети. Не зная языка, я жестом показал направление, куда хочу итти; за мною последовало несколько молодых людей. Пробираясь между мангровами, которые вследствие отлива стояли вне воды, я дошел до места на берегу, где находились замеченные кокосовые пальмы, но, к удивлению моему, деревни там не оказалось. Туземцы, видя, что я останавливаюсь по временам и ищу чего-то глазами под деревьями, догадались, что я смотрю, нет ли здесь хижин, и стали словами и жестами рассказывать мне длинную историю. Не понимая их, я из жестов мог заключить приблизительно то, что здесь прежде была деревня (мне указали на следы бывших хижин), но что люди, живущие далее по берегу, их неприятели, приходили сюда, убили несколько человек, а хижины разорили. Внимательно следя за мимикой, я был удивлен тем, как много времени потребовалось для передачи жестами этого случая; но я заметил при этом, что многие жесты совпадали с мимиче-

скими знаками туземцев берега Маклая. Так, напр., чтобы показать, что человек убит копьем, они сперва делали жест метания копья (т. е. жест противника), затем хватались обеими руками быстро за грудь или за левый бок, откидывали при этом слегка голову и, закрывая глаза, высовывали немного язык. Чтобы показать, что хижины, прежде бывшие, более не существуют, они, выдувая воздух, проводили рукой по губам.

Дойдя до глубокой речки с хорошею водой, я захотел выкупаться, тем более, что во время перехода я должен был довольствоваться обливанием морскою водой, а пресною только во время дождя. Туземцы, однакоже, предостерегли меня, жестами показывая, что в речке много больших животных (вероятно, крокодилов), которые откусывают людям ноги. Становилось очень жарко на песчаном берегу, и я, боясь снова получить лихорадку, если подвергнусь несколько часов влиянию солнечных лучей, предпочел возвратиться в деревню, куда меня звали туземцы, называя ее Суоу.

Придя в ту же общественную хижину, где был в первый раз, я лег на вышеописанную кушетку и, несмотря на то, что она была не особенно удобна и что окружавшие меня туземцы не молчали, против воли заснул. Часа через полтора меня разбудили. Один из туземцев объяснил мне (поднося руку ко рту, как бы кладя что-то в него), что мой завтрак готов.

Хотя я завтрака и не заказывал, но нашел эту предупредительность не излишнею и отправился в хижину любезного туземца. Там я застал все его семейство, которое, казалось, собралось во всем комплекте, чтобы посмотреть на кормление чужестранного зверя. Мне был подан большой табир с вареным таро, бананами и рыбой. Когда я стал есть, туземцы, следуя папуасскому этикету,[1] немного отвернулись, но не могли преодолеть любопытства и следили за каждым моим движением. Я поспешил окончить свой завтрак, тем более, что за перегородкой находился грудной ребенок, который почти не умолкал и писк которого значительно уменьшил мой аппетит. Когда я вышел из хижины, меня наперерыв стали приглашать зайти в другие. В одной я застал четырех молодых женщин, из которых две нянчились с грудными детьми, а две были беременны. Пригласивший меня в эту хижину туземец, еще очень молодой человек, представил мне этих женщин как своих жен. Я не сейчас же понял, что человек по своей воле может жить в хижине, которая состоит из одной комнаты, с четырьмя женами и их детьми; хозяин же, предполагая, что я сомневаюсь в том, что эти женщины его жены, повторил, поочередно подходя к каждой из них, одну и ту же мимику,[2] весьма недвусмысленную, которая и была причиной общей веселости женщин. Скоро вошла еще пятая женщина — мать хозяина или одной из его супруг; она жила, кажется, также в этой хижине. Туземцы умеют приготовлять кокосовое масло: я видел в хижинах бамбуки, наполненные им. Один из жителей принес мне в подарок кусочек корицы (*Cinnamonum*); она здесь, как и на Новой Гвинее, употребляется, кажется, в качестве лекарства.

[1] Когда (на берегу Маклая) я приходил в какую-нибудь деревню и мне приносили есть, то туземцы или выходили из хижины, где я находился, или, когда дождь или темнота мешали им выйти, как только я начинал есть, отворачивались в сторону и переставали говорить.

[2] Мимика эта совершенно одинакова и на Новой Гвинее и имеет то же значение.

Вернувшись в большую хижину, я остался там еще довольно долго, наблюдая туземцев и стараясь уловить и понять выражение их лиц. Эти островитяне, находясь редко в сношениях с европейцами, представляют хороший материал для ряда наблюдений, предложенных Дарвином, над выражением лица и телодвижениями под влиянием разных впечатлений. Во время путешествия, как читатель уже заметил, я не упускал случая делать эти наблюдения;[1] я тем более обратил на них внимание, что, находясь часто и продолжительное время в соприкосновении с совершенно отличным от белой расы племенем — папуасами, притом весьма примитивным, я не мог убедиться в верности положения Дарвина о тождестве выражений ощущений у разных рас, доходящем до мелочей, и принимаемом им за доказанное. Напротив того, различие в выражении чувств мне до сих пор чаще бросалось в глаза, чем их тождество, хотя и мне случалось встречать выражения, совпадающие с наблюдениями Дарвина. Так, напр., пока я сидел между туземцами, зорко следя за каждым их движением, пришел один и рассказал что-то, очень встревожившее, повидимому, всех слушателей, но кроме того, что многие вскочили со своих мест и почти все заговорили очень громко и оживленно, я не мог заметить, была ли приятна или неприятна новость, которая их так заняла. К подобному же негативному результату я приходил много раз: физиономии дикарей, как их язык и их мимика, нередко оставались для меня непонятными.

Когда я направился к шлюпке, туземец, в хижине которого я завтракал, нес за мною табир с остатками моего завтрака, а члены его семьи — много бананов и кокосов, а также таро, которое здесь очень вкусно и очень крупно. Этот же обычай встречается и на Новой Гвинее.

Несмотря на мою предосторожность, вчерашняя экскурсия повлекла за собою лихорадку, которой я подвергся и 7 июня. Духота в каюте, крик туземцев, приезжавших на шхуну для торга, травля их собакою и т. п. не позволили мне остаться на шхуне; я отправился на о. Андра, где провел весь день, подвесив в тени большого дерева свою койку. Развесистое дерево росло у самого морского берега, и я наслаждался красивою панорамой берега большого острова. Но любоваться видом мешали туземцы, то и дело приходившие и надоедавшие своей болтовней; большинство, однакоже, посмотрев на меня, на койку и другие вещи, уходили, так как неподалеку люди Вуапа строили хижину для трэдора, который должен был здесь остаться. Некоторые, впрочем, оставались долее и, расположившись на песке, ближе к морю, разглядывали внимательно занимавшие меня вещи. Любимою их позой было лежание на животе, причем одна рука или обе подпирали подбородок. Ноги не оставались в бездействии — ими размахивали по воздуху или рыли теплый песок. Наглядевшись вдоволь, некоторые предпочли заснуть, несмотря на палящее солнце, которое пекло их спины и головы; другие продолжали болтать, а один, протянув вперед ноги, стал забавляться гимнастикой пальцев ног, которая показалась мне весьма хитрою. Он так быстро двигал ими, что долго я не мог уловить, в чем

[1] Я нашел при этом, что делать как следует эти наблюдения весьма трудно. Чтобы уловить момент изменения в выражении лица, особенно важно не развлекать ничем своего внимания, что, однакоже, не следует выказывать, так как это нередко смущает наблюдаемого; равно, для успешности наблюдения, надлежит самому быть незаинтересованным причиной, вызывающей эти изменения лица, чего, впрочем, нелегко достигнуть. Очень важно при самом наблюдении записывать свои замечания, не полагаясь на память.

состоит эта гимнастика. Он то растопыривал все пальцы, или отводил в сторону то большой палец, то первый и второй, то все три вместе, причем ни нога, ни остальные пальцы не двигались; то очень быстро клал первый палец на второй, то второй на первый и т. д. Заметя, что я обратил внимание на его искусство, другие, кто как мог, старались показать, что и они умеют делать то же не хуже первого. Самая хитрая штука, в которой первый превосходил прочих туземцев, состояла в том, что он с замечательною быстротой поочередно клал один палец на другой, причем участвовали три первых пальца. Пальцы ног двигались почти так же самостоятельно, как пальцы рук. Это несомненное доказательство значительного развития мускулатуры ног навело меня на мысль, что оперирование мускулов ступни одного из этих фокусников должно было бы представить большой интерес.[1]

Заметя у одного из туземцев на шее так называемые пановы гусли, или панову флейту,[2] я знаками просил, чтобы он показал мне свое искусство в игре на этом инструменте. Он не стал церемониться и, приложив гусли к губам, начал дуть поочередно в каждый бамбук, результатом чего был разнотонный, негромкий свист. Этот характеристичный, но, как оказалось, мало музыкальный инструмент я встретил доселе только на Новой Ирландии (порт Праслин) и здесь.[3] Пока я был занят музыкантом и его искусством, несколько вновь прибывших с главного острова подошло к группе туземцев. Один из них был так погружен в рассматривание меня, койки, столика и складной скамьи, что не подумал о необходимости смотреть под ноги и сильно ударился коленом о большой пень, прибитый морем и лежавший поперек его дороги. Значительная боль заставила его забыть на время обо мне; он потер колено, а затем, как будто бы вспомнив что-то, схватил большой осколок коралла и стал усердно бить то место пня, о которое ударился.[4] Трудно было без улыбки смотреть на этого взрослого человека, бьющего дерево за то, что он сам наткнулся на него; туземцы же серьезно и как бы сочувственно поглядывали на это заслуженное наказание пня. Затем, как бы почувствовав облегчение, он подошел к группе и сел между соплеменниками, изредка потирая колено и дуя на него. В это время внимание туземцев было привлечено большою шлюпкой, приближавшейся к берегу с вещами трэдора, который оставался жить и торговать здесь. Вся толпа, движимая любопытством, отправилась к новой хижине. Но я не остался один: сцена переменилась, новые актеры заменили прежних. Немного дальше от группы мужчин

[1] На о. Вуап и архипелаге Пелау я часто имел случай удивляться, до чего довели туземцы, особенно девочки, гибкость своих рук и самостоятельные движения отдельных пальцев.

[2] Инструмент этот состоит из семи или восьми бамбуков разной длины, связанных рядом сообразно своей длине, так что с одной стороны приходится самый большой (12—15 см), с другой — самый малый (от 5 до 7 см).

[3] См. Waitz-Gerlnd, op. cit., S. 602 (о распространении этого инструмента в Меланезии).

[4] Я обстоятельно рассказываю о всех этих мелочах, потому что они одинаковы с совершенно подобными же чертами, которые я не раз наблюдал на Новой Гвинее (берег Маклая). При экскурсиях споткнувшийся или упавший туземец никогда не упускал случая излить свою досаду или облегчить свою боль, побив то место или предмет, которые были причиной ушиба. Я, впрочем, не думаю, чтобы туземцы соединяли с этим поступком мысль, что предметы «живы или могут чувствовать» (см. John Lubbock. The origin of civilisation, 1870, p. 202 и след. «life atributed to inanimate objects»). Несмотря на старания, я не нашел никаких доказательств, подтверждающих, что такой nexus idearum мелькает при этом в мозгу папуаса.

с утра расположилась группа женщин и детей, которые оставались на втором плане в присутствии мужчин и стали смелее, когда они ушли, но все-таки еще не решались приблизиться. Небольшие свертки бус, завернутых в бумагу, бросаемые мною на различные расстояния от койки, все ближе и ближе привлекали ко мне сперва детей, а затем и женщин. Почти у всех женщин были грудные дети на руках. Я обратил внимание на одну из матерей, с которой делались по временам припадки нежности по отношению к полугодовому сынишке. Она нанизывала бисер и кормила грудью ребенка, но, как только он переставал сосать грудь, схватывала его и прижимала к своему носу и ко рту; при этом выражение ее лица казалось мне довольно характеристичным: губы были раздвинуты, так что выказывались ряды стиснутых зубов; прижимая ребенка к лицу, она сильно носом втягивала воздух и по временам кусала дитя, выбирая для нюхания и кусания те части тела ребенка, которые не могли отличаться особенным благоуханием. Лоб и щеки ребенка были покрыты грязью; чтобы удалить ее, нежная мать прибегла к простому средству — она принялась лизать щеку и лоб своего сынишки, который стоически переносил обнюхивание, кусание и лизание. Заметив у ребенка небольшие ранки за ухом, она с помощью слюны, бережно сняла корочки с ранок и, несмотря на крик ребенка, насухо вылизала ранки,[1] а затем стала на них дуть.[2]

Между детьми, которые бегали около моей койки, было несколько имевших некоторые зубы значительной величины. Мне очень хотелось осмотреть их ближе и дополнить свои заметки по этому вопросу, но дети были очень пугливы и, как только я сел у своего походного столика, они не решались подойти близко. Бусы, однакоже, снова приманили их; когда же я высыпал несколько яркокрасных бус на большой лист хлебного дерева, все дети, забыв страх, обступили меня и ожидали раздачи, выражая свое удовольствие шумным втягиванием воздуха между полуоткрытыми губами и блеском глаз при взгляде на бусы. Высмотрев у одного из мальчиков, лет 3 или 4, два больших зуба в верхней челюсти, я попробовал притянуть его ближе к себе, чтобы посмотреть на них; но едва я дотронулся до него, как он с пугливым криком бросился к женщине, стоявшей невдалеке; другие дети также разбежались и спрятались за спины женщин. Я даже не успел взглянуть на лицо испугавшегося мальчугана, чтобы посмотреть, как оно изменилось. Обхватив руками ноги женщины, он уткнул лицо в бахрому,[3] составлявшую ее одежду. Но испуг выразился не на одном лице; он топал ногами, как бы силясь бежать, и по временам судорожные движения тела доказывали, что испуг почти что дошел до степени, которая сопровождается внезапным расстройством желудка. Я в этот день еще нашел возможность измерить несколько голов женщин, что опять-таки потребовало разных уловок, предупредивших общее бегство.

[1] На о-вах Пелау я видел человека, которому собака вылизывала большую рану на ноге; мне сказали, что это считается родом лекарства, к которому здесь часто прибегают. В Патане, на Малайском п-ове, я слышал рассказ или предание об одной принцессе из Ачина, которая была вылечена от ран, покрывавших все ее тело, тем, что большая собака ежедневно вылизывала каждую рану.

[2] Дуть на рану или на больную часть тела — весьма распространенное обыкновение, которое практикуется, кажется, почти у всех рас.

[3] Костюм женщин здесь почти одинаков с одеждой женщин Микронезии и состоит из двух передников, сделанных из волокон листьев пандануса, волокон ствола банана и т. п.; один из передников висит бахромообразно, придерживаемый поясом, спереди, а другой сзади.

Приехавшие 8 июня на шхуну для торга туземцы с одного из ближайших островов привезли, между прочим, для обмена также человеческий череп. Такое предложение немного удивило меня, так как туземцы вообще редко вызываются сами продавать черепа своих соплеменников. Я объясняю его, однакоже, тем, что на каком-нибудь прежде здесь бывшем судне туземцам дали хорошую плату за этот товар.[1] Во всяком случае достоверность происхождения таким образом приобретенного черепа мне кажется весьма сомнительною. Все черепа двадцати туземцев о. Вуап, убитых около рифа Иезу-Мария, могут, таким образом, перейти со временем в европейские музеи и красоваться под ярлыком: «черепа туземцев о. Адмиралтейства». Отчасти поэтому я считаю данные о размерах голов туземцев очень полезными для антропологии, в особенности когда известны местность, пол и приблизительный возраст измеренного.

Прибавлю, что при посещении деревень здесь и на юго-восточном берегу я напрасно искал следов каких-либо могил или памятников; ничего подобного я не нашел; поэтому думаю, что, как и на Новой Гвинее (на берегу Маклая), здешние туземцы хоронят своих покойников в самих хижинах.

Утром 9 июня снялись с якоря, оставив здесь трэдора, ирландца, по имени О'Хара, который, как и оставшийся на юго-восточном берегу, обещал собрать для меня некоторые сведения, что ему нетрудно будет сделать при продолжительном пребывании на острове; он также обещал переслать мне со временем копию со словаря туземного диалекта, который он должен будет составить для себя самого. Ветерок был тих, и мы весь день шли вдоль северного берега острова, физиономия которого не отличалась от описанной выше.

С небольшого островка, похожего на о. Андра, к нам выехала пирога; люди физически были совершенно схожи с виденными прежде и отличались единственно только носимыми украшениями. Кроме кокосов и щитов черепах, они предлагали для меня саго и большой кусок коры *Cinnamomum*.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ТУЗЕМЦАХ ОСТРОВОВ АДМИРАЛТЕЙСТВА[2]

Я замечал уже несколько раз, что туземцам не особенно нравились производимые над ними измерения и что они старались при каждой возможности избежать их; я также сказал, что принужден был, из опасения совершенно отстранить от себя туземцев, значительно сократить ряд наблюдений и ограничиться преимущественно лишь теми, которые, по моему мнению, представляли особый интерес. Я обратил особенное внимание на измерение головы, потому что исследование черепа туземцев соседних местностей (Филиппинских о-вов и Новой Гвинеи)

[1] Один из трэдоров, встреченных мною на о. Вуап, рассказывал мне, что купил у туземцев о. Адмиралтейства три черепа, которые потом подарил офицерам прусского корвета, бывшего в прошлом году на о. Вуап.

[2] Я соединил некоторые из предыдущих и нижеследующих антропологических заметок в письме к проф. Вирхову в Берлине, приложив к ним несколько рисунков, так как последние немало способствуют ясности текста, почему замечу, имея в виду тех из гг. членов Географического общества, которые специально интересуются антропологией, что письмо мое с рисунками будет напечатано в «Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte».

занимало в последнее время многих антропологов Европы, и мне казалось интересным добыть несколько положительных данных о форме черепа туземцев прилегающей к этой местности области северной Меланезии. Характеристичные особенности такого явления, как большие зубы, заняли меня как потому, что вопрос об этой аномалии, насколько мне известно, стоит пока одиноко, так и потому, что она встретилась мне в отдаленной и мало посещаемой местности.

Я привожу в последующем только такие факты, в верности которых я мог убедиться достаточным рядом наблюдений, и откидываю пока те, которые вследствие ограниченного времени я принужден был оставить под сомнением.[1] Во многих случаях руководившая мною мысль состояла в том, чтобы определить бо́льшим рядом наблюдений границы индивидуальных вариаций, бесспорно доказать, что многие выводы, считаемые положительными результатами науки, далеко не так общи и представляют лишь тезисы.

Рост. Рост мужчин варьировал между 1470—1780 мм.

Это были нарочно выбранные крайности (между сотнями), рост же большинства был (28)[2] 1510—1640 мм.

Рост женщин варьировал между (12) 1460—1670 мм.

Я видел, однакоже, женщин (двух или трех), которых смерить мне не удалось, но которые казались мне выше сообщенного maximum'а. Иногда, при значительном относительно росте, старые женщины, которые в большинстве случаев очень худощавы и имеют бритые головы, груди, редуцированные до незначительных складок кожи, и не носят никаких украшений, которыми не пренебрегают молодые женщины, весьма походят на мужчин, особенно когда сидят; при этом даже отличие костюма и походка иногда не устраняют возможности ошибочного заключения.

Форма головы. По вышеуказанной причине и потому, что тип здешних туземцев сходен с общим типом папуасов Новой Гвинеи (берега Маклая), мне особенно интересно было убедиться, насколько форма их черепа подтверждает такое мнение. Я постарался поэтому добыть размеры возможно большего числа голов, и мне удалось собрать 106 измерений, при которых индексы оказались в средних числах следующей величины:

у мужчин (68)	у детей[3] (9)	у женщин (28)
73.2 — 84.5	75.8 — 79.8	70.5 — 78.6

Индекс ширины головы 7- или 8-дневного ребенка (♂) был 82.4. Чтобы показать, какая форма головы преобладала,[4] приведу, что из

[1] Так, напр., ушной канал показался мне замечательно прям и велик, но, видев его у немногих туземцев и не имея никакого материала, чтобы сделать отливки его формы, оставляю это недостаточно полное наблюдение в стороне. Изгиб спинного хребта был в некоторых случаях весьма замечателен (не в патологическом отношении), но, не имея для точного графического изображения прибора, который придется еще придумать, пропускаю до времени это обстоятельство.

[2] Цифры между скобками здесь и в последующем обозначают число сделанных измерений.

[3] Моложе 12 лет приблизительно.

[4] Для не антропологов замечу, что те черепа (или головы), которых индекс ширины (процентный показатель ширины в отношении к длине) больше 80, называют брахикефалами (короткоголовыми), при индексе ширины меньше 75 — долихокефалами (длинноголовыми); между ними стоят мезо- или ортокефалы (средне головые).

68 муж.	10 чел.	имели и. ш.	менее	75.0	и 5 чел.	более	80.0
28 женщ.	26 „	„ „ „	„	75.0	„ 0 „	„	80.0
9 дет.	0 „	„ „ „	„	75.0	„ 0 „	„	80.0

Итак, мезокефальные головы имеют, как видно, наклонность к брахикефалии.

Что в этом случае у женщин встречались часто длинные головы и даже самая узкая голова была найдена у женщины,[1] я объясняю тем важным при вычислении средних чисел обстоятельством, что голов мужчин было измерено в два с половиной раза более, чем голов женщин, и, во-вторых, тем, что почти у всех женщин были бритые головы, между тем как мужчины имели большие куафюры из волос, что приводило к небольшой погрешности,[2] увеличивающей незначительно брахикефалию голов.[3]

Я намерен прибавить здесь несколько общих замечаний об измерениях головы. Как уже сказано в свое время,[4] я не полагаю основательным придавать слишком большое значение размерам черепа, но считаю, несмотря на то, индексы ширины и высоты черепа, в ряду антропологических измерений при настоящем, весьма ограниченном методе антропологических исследований, очень важными. Вирхов называет индекс ширины «одним из главных чисел при антропологической классификации».

Желая в 1873 г. ответить на вопрос акад. К. М. Бэра, но не имея возможности за короткое время стоянки «Изумруда» на Манильском рейде добыть необходимое для сего значительное число черепов негритосов, я был наведен на мысль заменить измерение черепов измерениями голов. Убедившись позднее опытом, что размеры головы и черепа того же субъекта представляют почти одинаковые пропорции (погрешность оказалась весьма незначительною), я не упускал случая и при дальнейших путешествиях делать измерения голов представителей различных рас, с которыми приходилось сталкиваться.

Измерение головы имеет, в отношении определения индекса ширины, значительные преимущества над измерением черепа. Во-первых, измеряемый материал бесспорно подлинный, так как измеряющий собственными глазами может оценить его. Во-вторых, при некотором старании наблюдателя количество этого материала может быть увеличено

[1] При предыдущих путешествиях на Новую Гвинею и по Малайскому п-ову мои краниологические измерения показали, что головы женщин вообще короче голов мужчин.

[2] Которая происходит оттого, что, измеряя ширину, встречаешь два слоя волос, тогда как при измерении длины входит только один слой (на затылке), из чего следует, что ширина оказывается незначительно больше (на 0.5 мм приблизительно) в отношении к длине головы.

[3] Еще следующий третий случай, может быть, был отчасти причиной, что некоторые головы мужчин оказались короче женских. Уже сильно смущенные при виде моего намерения прикоснуться к их особе, некоторые из туземцев, как только чувствовали легкое давление краниометра, жались и ахали, как бы действительно ощущая боль. Заметив, что это страшит остальных, еще не смеренных, я в некоторых случаях не сжимал слишком сильно головы этих нежных папуасов краниометром, что вообще необходимо было сделать, имея в виду слой упругих волос этой расы. Но эти случаи были исключениями, и я, как только замечал, что погрешность может поэтому быть значительною, переходил к другому. Женщины, вследствие смущения или боязни, или просто будучи терпеливее мужчин, переносили, не произнося ни слова и не делая гримас, значительное давление краниометра. Имея дело с такими терпеливыми объектами, я мог производить более правильные измерения.

[4] См. мою программу (Изв. Географ. общ., т. VI, отд. II, стр. 265).

без особых трудностей. В-третьих, пол и возраст объектов наблюдения также известны. Первые два пункта особенно важны. Каждому путешественнику известно, как нередко бывает трудно убедиться в происхождении находимых или покупаемых черепов и как мало можно доверять при этом уверениям туземцев; только в немногих местностях, где обитает единственно одно племя, как, напр., на берегу Маклая, не имеющее даже мимоходных столкновений[1] с другими расами, можно быть уверенным в подлинности происхождения находимых или получаемых от туземцев черепов.

С другой стороны, число наблюдений также очень важно; весьма редко и только в особенных случаях, и вообще не в короткое время, можно получить достаточное число черепов.[2] Как долго пришлось бы мне, напр., оставаться на о. Тауи, чтобы собрать положительно достоверные 106 черепов? Правда, что тогда я мог бы дать 4664 измерения (по 44 на каждый череп), а не 212. Но вопрос, на который я пока хотел иметь ответ, был: какие головы преобладают у туземцев о. Тауи?

[1] Выше я привел случай, что такое редкое столкновение, как туземцев о. Вуап с жителями о. Адмиралтейства, может быть причиной ошибочных заключений, недоразумений, споров и т. п., если тем или другим образом черепа микронезийцев попадут в европейские музеи и будут описаны как черепа туземцев о. Тауи.

Что подобный случай может иметь место, видно из следующего примера, на который я обратил внимание, перечитывая на-днях описание экспедиции парохода «Этны» в 1858 г. Будучи в 1874 г. на Новой Гвинее, я слышал от самих папуасов берега Ковиай, что они имеют обыкновение вешать черепа убитых ими людей на деревья около хижин и что в некоторых местах таких черепов на деревьях много; в верности этого рассказа я сам впоследствии убедился. Но между черепами папуасов, убитых во время междоусобных войн, находятся также и такие, которые могут принадлежать представителям весьма различных народностей Малайского архипелага, почти каждый год стекающимся для торговли на больших макассарских падуаканах или на небольших разнообразных прау из Серама, Серам-Лаут, Горама, Хальмахеры и т. д., так как истребления целых экипажей таких судов весьма нередко случались и случаются на этом берегу. Путешественник, собирая в этой местности антропологические коллекции, должен быть весьма осторожен и, только познакомившись с обычаями хоронить покойников, он может достать в некоторых случаях достоверный материал; но и при этом он не избавлен от возможности получить не настоящий, потому что на этом берегу между папуасами чистой крови нередко встречается малайско-папуасская помесь; люди смешанного происхождения могут быть похоронены, как настоящие папуасы, от которых они социально не отличаются. Читая описание плавания «Этны» Ройера, командира этого парохода (G. R o i j e r. Reis van Amboina naarde Z. W. en N. Kust van Nieuw-Guinea, gedaan in 1858 met Z. M. Stoomschip Etna. Amsterdam, 1862, p. 32), я нашел рассказ о том, что один из многих черепов, висевших на дереве около деревни близ р. Каруфы, был доставлен на пароход и передан впоследствии в музей Батавского общества. Хотя нельзя утверждать, что именно этот череп принадлежал не папуасу, но сомнение в достоверности здесь весьма у места, потому что один такой сомнительный череп (если черепа Батавского музея не имеют подробных ярлыков с указанием их происхождения) может спутать результаты исследования целой коллекции. Разбирая внимательнее историю собирания коллекций черепов (и других объектов) и зная обычаи мест их происхождения, можно привести много примеров, подтверждающих мое мнение.

[2] А. Б. Мейеру удалось в 1873 г. вывести из Новой Гвинеи около 150 черепов («Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie». Deel XXXV, 1875, p. 118); не зная, откуда и каким образом ему посчастливилось добыть такой материал, не могу сказать ничего по этому поводу, тем более, что Беккари, с которым я имел удовольствие встретиться в последний раз на о. Яве в 1874 г., сообщил мне, между прочим, что ему известно одно место на Новой Гвинее, которое, впрочем, он не указал определенно, где он может достать много десятков черепов. Все эти местности: Папуа-Онин, Нотан, окрестности Доре и Гельвинк-Бай, где были эти естествоиспытатели, как и берег Ковиай, посещаются малайцами.

Теперь я с приблизительною достоверностью могу ответить, повторяя уже вышесказанное, что головы островитян Тауи мезокефальны, но имеют наклонность к брахикефалии. Это в свою очередь представляет доказательство того, что усвоенное мнение, будто меланезийцы племя длинноголовое, далеко не так достоверно, как это полагают и повторяют, ссылаясь один на другого, антропологи.

Цвет кожи. Черновато-коричневый различных оттенков цвет кожи соответствует основному тону № 50 таблицы Брока, с оттенками, переходящими к №№ 43 и 28. Хотя цвет здешних островитян вообще значительно темнее цвета микронезийцев и даже характеристичный тон может быть назван «черноватым» или «весьма темным» (№ 50 приблизительно), но цвет кожи варьирует здесь в такой степени у разных особей, что в группе туземцев Тауи, не обращая внимания на лица и различный характер волос, руководясь единственно цветом кожи, я при первом взгляде не мог отличить между ними туземцев Вуапа и Пелау. 7- или 8-дневный ребенок, о котором я ранее говорил, имел кожу коричневато-серого цвета, соответствующего приблизительно смеси № 21 и № 52.

Волосы. О волосах я все уже сказал в другом месте, теперь же лишь повторяю уже сообщенный результат своих наблюдений 1871 г. на Новой Гвинее. *Волосы на голове, равно как и вообще на теле, у папуасов растут совершенно подобно тому, как у европейцев; как на голове, так и на всем теле у папуасов волосы расположены не группообразно и не отдельными друг от друга пучками, как то было утверждаемо многими авторами.* [1]

То же я могу сказать о всех, до сих пор мною виденных географических разновидностях папуасского племени, как то: о папуасах восточного и юго-западного берегов Новой Гвинеи (берега Маклая и берега Ковиай), о негритосах о. Люсона, о сакаях и семангах Малайского п-ова и, наконец, о туземцах о-вов Тауи и Агомес (о. Гермит на картах). [2] Ни у одной особи из перечисленных географических разновидностей я не видел группообразного расположения корней волос. [3]

Насколько диаметр спиральных колец курчавых волос папуасов может быть принят во внимание при классификации разновидностей этого племени, я не составил себе еще окончательного мнения; замечу, однако, что при рассматривании коллекции волос чистокровных папуасов, собранной в 1871—1872 гг. на берегу Маклая, [4] я нашел, что диаметр спиральных колец волос с головы у различных особей мужского пола варьирует между 2 и 14 мм.

[1] См. мои «Антропологические заметки о папуасах берега Маклая на Новой Гвинее».

[2] Папуасы, имеющие такое «пучковатое» или «косматое» (büschelhaarig) расположение волос, при котором «пучки волос, отделенные друг от друга пространством без волос», встречаются на о-вах Баладеа, Лифу, Анейтиум, Танна, Луизиады, на о-вах Торресова пролива, в некоторых местах Новой Гвинеи и во всем архипелаге Фиджи (W a i t z - G e r l a n d, op. cit., S. 546). Из всех этих островов я был пока доселе на Новой Гвинее, где мне, как видно, не посчастливилось попасть в местность с «косматоволосыми» жителями.

[3] «Группообразное», «пучковатое» или «косматое расположение волос принадлежит, как и долихокефалия меланезийцев, к положениям, которые так утвердились в антропологии, что даже послужили к основанию целых классификаций человеческих племен, как это мы видим у Геккеля («Schöpfungsgeschichte») и у Мюллера («Allgemeine Ethnographie»).

[4] В этой коллекции все искусственно измененные волосы были строго исключены.

*

Если принять определения разных характеров человеческих волос, которые даны в «Instructions générales sur l'Anthropologie» (стр. 59) Парижским антропологическим обществом, то волосы островитян Тауи, как и всех прочих, виденных мною и перечисленных выше разновидностей папуасского племени, следует назвать руноподобными (laineux), но при этом следует заметить, что волосы эти сообразно обращению с ними представляют или «une chevelure à grains de poivre» или «une chevelure en tête de vatrouille», т. е. при достаточной длине могут перейти вследствие расчесывания из первого состояния во второе и по прошествии некоторого, более или менее продолжительного времени снова принять первоначальный вид. Посему вернее заменить слово «chevelure» словом «coiffure».[1]

Волосы 7- или 8-дневного ребенка, о размерах головы и цвета кожи которого я уже говорил, были матово-черного цвета, очень тонкие, и имели до 15—20 мм длины; концы некоторых волос начинали завиваться кольцами.

Обращение с волосами. Мужчины о. Тауи носят волосы длинные и располагают их в виде весьма различных причесок. Волосы на лице, включая брови, они выдергивают или бреют, употребляя для этого осколки обсидиана.

Большие зубы. Так как на предыдущих страницах уже много раз было говорено об этой анатомической особенности островитян Тауи, то я повторяю здесь единственно главные пункты, отсылая антропологов-специалистов к моим письмам проф. Вирхову, к которым приложены рисунки, дополняющие описание.

1. Размеры некоторых, самых больших зубов, по возможности тщательно измеренных:

1) средний dens incisoris правой стороны верхней челюсти: длина зуба (передней эмалевой поверхности) 15 мм, ширина его у корня 12 мм, внизу 21 мм;

2) средний dens incisoris правой стороны верхней челюсти другого туземца: длина 15 мм, ширина у корня 11 мм, внизу 19 мм;

3) средний dens incisoris правой стороны нижней челюсти третьего туземца: вышина (длина) 6 мм, ширина поверхности 14 мм, толщина 9 мм;

4) средний dens incisoris левой стороны верхней челюсти туземца имел 16 мм длины;

5) средний dens incisoris левой стороны нижней челюсти того же туземца имел 24 мм длины.[2]

2. Положение зубов в челюсти различно: у некоторых они стоят вертикально, у других значительно выдаются вперед. В обоих случаях верхний ряд выдается перед нижним.

3. Чаще увеличены были зубы верхней челюсти сравнительно с зубами нижней, но нередко зубы обеих челюстей одновременно показывают эту особенность.

Хотя dentes incisores бросались особенно в глаза своею величиной и вообще, кажется, чаще других бывают увеличены, но и dentes canini нередко бывают гипертрофированы.

[1] Из которых, однакоже, только одна («en téte de vatrouile») — произведение искусственное, первая является сама собою, как только достаточно длинные волосы будут предоставлены самим себе. Но многие папуасы пользуются этим свойством волос и выдумывают разнообразные прически, натирая более или менее толстые космы, кончающиеся «grains de poivre», красною или черною землей, смешанной с маслом, привешивают к ним маленькие раковины, блестящих насекомых и т. д. и т. д.

[2] Это был самый длинный мною смеренный зуб, но обладатель его скрылся прежде, чем я мог исследовать другие размеры.

О dentes praemolares и dentes molares могу только заметить, что ничего не наблюдал в них выделяющегося; но это не исключает возможности, что и здесь встретятся какие-нибудь особенности, хотя и в меньшей степени. Неохота туземцев подвергаться исследованию, которая весьма затрудняла наблюдения, делала невозможным продолжение осмотра их челюстей. Я ограничился, уступая необходимости, наблюдением только особенно выдающегося, бросающегося в глаза. Позднейшие наблюдения дополнят, может быть, то, в чем мне не удалось убедиться вполне.

4. Гипертрофия зубов показывает наклонность являться симметрично, т. е. обе стороны одной или обеих челюстей имеют равное число зубов увеличенных, но встречаются также особи с одним увеличенным зубом, преимущественно резцом.

5. Так как со времени укоренения этой особенности она передавалась из поколения в поколение, то зубы детей бывают часто очень неправильно расположены, и нередко некоторые из них имеют несоответственную летам значительную величину.

6. У женщин я видел также большие зубы, но только издали (так как они при первом взгляде уже убегали); мне кажется, однакоже, что у женщин эта аномалия встречается не так часто и зубы не достигают таких размеров, как у мужчин.

Скажу теперь несколько слов о том, к какому разряду явлений мы можем отнести эту несомненно интересную и характеристичную особенность туземцев о. Тауи. Ясно, что мы имеем здесь дело с гипертрофией (вероятно, гиперблазией) зубной ткани (dentinum), которая только при помощи микроскопического исследования может быть точнее определена. Нет основания назвать эту гипертрофию патологическим процессом, потому что эмаль гладка и здорова, увеличенные зубы держатся у нестарых людей крепко в челюстях, сильное давление [1] на зубы и на десна не вызывает боли. Наклонность к гипертрофии, являющаяся в челюстях симметрично, и в особенности наследственность, вследствие которой некоторые зубы у детей растут несколько скорее прочих, совершенно, как мне кажется, исключает мысль о болезни как причине этого явления. Увеличение зубов принадлежит, как я полагаю, к тому же ряду явлений, как увеличение нимф у готтентотских женщин; подобно этим особенностям готтентотской расы, увеличение зубов у островитян Тауи встречается не как постоянное явление у всех особей, а только у некоторых.

Об относительном числе таких исключительных особей я не имею достаточно полных данных, чтобы высказать что-нибудь положительное; замечу, однакоже, что я видел многие десятки людей с большими зубами, и могу прибавить, что это явление на о. Тауи не составляет редкости. [2]

[1] У двух или трех туземцев я пробовал сильно сдавливать зубы хирургическими щипчиками — пациенты не подавали знаков боли, как и те, которым я пальцем сильно давил на десна.

[2] Я видел десятки таких людей, потому что старался не пропустить ни одного случая, так как особенность эта представляет значительное индивидуальное разнообразие. Этим, я думаю, можно объяснить тот странный факт, что до сих пор эта довольно резкая аномалия оставалась неизвестною. Надо еще при этом принять во внимание, что большинство людей обыкновенно смотрит только на то, что их интересует; кроме того в этих редко посещаемых странах есть много других предметов, бросающихся в глаза путешественника — не естествоиспытателя.

Я провел на о. Тауи слишком мало времени, чтобы составить себе какое-либо мнение о причинах этой гипертрофии, а тем более высказывать возможные предположения о том, что ее могли вызвать образ жизни и род пищи туземцев, так как наблюдения со временем, вероятно, в состоянии будут дать прямой ответ на этот новый антропологический вопрос.[1]

Особенности глаз. О palpebra tertia значительной ширины, об очень светлом iris, о бугорке на краях ресниц я уже говорил выше и не стану повторять сказанное.

Короткость большого пальца ноги. У многих туземцев большой палец, вместо того чтобы превосходить длиной остальные, оказывался короче второго. При нормальном положении пальцев стоящей ноги разница эта составляла от 5 до 14 мм и становилась еще значительнее при вытягивании пальцев, потому что второй палец ноги более согнут, нежели первый. Не знаю, встречается ли это у взрослых людей кавказского племени, но мне известно, что в эмбриональном развитии есть период, когда большой палец бывает короче остальных.

О замечательном развитии мускулатуры пальцев ног повторяю как о вероятном предположении, видев гимнастику или забавы туземцев, описанные выше; мне остается указать на то, что боковое положение внешних пальцев ног, особенно четвертого и пятого, я видел здесь нередко.[2]

20 февраля 1877 г.
Бугарлом, на берегу Маклая
на Новой Гвинее.

[1] Пример влияния пищи на зубы я нахожу в инструкциях для руководства при антропологических измерениях экспедиции фрегата «Новары» (K. Scherzer, E. Schwarz. On measurements as a diagnostic means for distinguishing the human races. Sydney, 1858, p. 8, printed for private circulation only). Там говорится, что зубы туземцев Никобарских о-вов патологически так изменены вследствие жевания жестких и едких (corrosing) веществ, что изменяют свое положение и двигаются под острым углом. К сожалению, там не прибавлено, сохранили ли зубы при этом свою нормальную величину.

[2] Особенно характеристический пример такого бокового положения трех внешних пальцев ног я заметил сперва у сакаев Малайского п-ова (см. мои «Этнологические экскурсии по Малайскому полуострову»), вследствие чего я стал обращать внимание на пальцы ног представителей других рас и нашел то же в большей или меньшей степени у малайцев, микронезийцев и здесь у папуасов.

ОСТРОВОК АНДРА

(Из дневника 1879 г.)

I

«... Es ist eine der ernstesten Aufgaben unserer Zeit, die Eigenthümlichkeiten der noch vorhandenen Naturvölker so genau wie möglich festzustellen, alle noch vorhandenen Ueberreste ihrer Cultur sorgfältig zu sammeln und der Nachwelt, welchbald dieses Mittels der Untersuchung beraubt sein wird, eine Literatur zu hinterlassen, welche reicher und vollständiger, als es für uns die klassische Literatur gelöst hat, die Quellen für eine vergleichende Wissenschaft vom Menschen zu erhalten, im Stande ist» (Rudolf Virchow).

Предварительные замечания об о-вах Адмиралтейства.— Островок Андра.— Торг произведениями рифов, оружием и предметами домашнего обихода.— Хижины дер. Андра.— Торг с Европой уже начинает отзываться на образе жизни туземцев.— Употребление табака и водки пока неизвестно.— Татуировка женщин.— Пример людоедства.— Экзекуция воровки.— Массаж при головной боли.— Тип туземцев о-вов Адмиралтейства.— Предложение женщин. — «Э-пате», съедобная земля. — Экскурсия в дер. Пургасси на большом острове.— Странный временный костюм женщин.— Неприятная, но поздно открывшаяся ошибка трэдоров.— Европейская гимнастика не дается туземцам.— Устройство «коптилки» на берегу.— Мое переселение из ум-камаля в ум. — Ночные посетительницы. — Приключения ирландца О'Хара на о. Андра.

О-ва Адмиралтейства, к которым принадлежит также и о. Андра, хотя и были открыты в 1616 г., остаются до сих пор мало известными, несмотря на то, что в течение 270 лет, т. е. со времени их открытия, они были посещены многими мореплавателями и несколькими естествоиспытателями. Они представляют группу, состоящую из одного большого, гористого и многих, вокруг него лежащих, по большей части низких островков. Группа находится между 1°58′ и 3°10′ южн. ш. и 146° и 148°6′ вост. д., милях в 100 на S от экватора, в 130 милях от о. Нового Ганновера и в 150 — от ближайшего берега Новой Гвинеи. Большой остров Адмиралтейства, приблизительно 50 миль длины и 15 миль ширины, тянется от W на O и имеет поверхность приблизительно в 550 кв. миль; во многих местах он не высок, между тем как в других (в юго-восточной части) горы поднимаются до 3000 футов вышины.

Ле-Мер и Шутен, проходя в июле 1616 г. мимо о-вов Адмиралтейства вдоль южной стороны их, дали им название «Двадцать три острова», которое, однакоже, не удержалось, а заменено названием «о-ва Адмиралтейства», данным им капитаном Ф. Картере, подошедшим на английском военном шлюпе «Swallow», в сентябре 1767 г., к одному из островков на юге группы Адмиралтейства.[1] Двенадцать или четырнадцать туземных пирог приблизились к шлюпу и атаковали его, бросив неожиданно большое число копий в матросов, бывших на палубе. Капитан Картере, несмотря на свои миролюбивые намерения относительно

[1] An account of a Voyage round the World in the years 1766, 1767, 1768, 1769. By Philip Carteret, Esq. Commander of H. M. Sloop «Swallow», Hawkesworth's Voyages. London, 1773, Vol. I.

туземцев, был принужден стрелять, чтобы отделаться от них. Несколько туземцев было убито, остальные спаслись вплавь, покинув пирогу, которая была забрана на шлюп, осмотрена, а затем расколота на топливо. Это было первое знакомство туземцев этой группы с европейцами.

Причиной посещения двух французских судов «Recherche» и «Esperance» под командой адмирала Д'Антркасто (D'Entrecasteaux) о-вов Адмиралтейства в 1792 г. были известия, полученные Д'Антркасто на мысе Доброй Надежды, что будто бы разные вещи, принадлежащие экспедиции Лаперуза, замечены у туземцев о-вов Адмиралтейства. Это известие было сообщено коммодором Хунтером, который в 1790 г., потеряв свое судно, фрегат «Syrius», у о. Норфольк, отправлялся на голландском судне в Батавию. Когда судно это проходило мимо о-вов Адмиралтейства, несколько туземных пирог было замечено в отдалении. Белые украшения из раковин, резко выделяющиеся на темной коже, и куски выделанной древесной коры, намазанной охрой, были приняты коммодором Хунтером за клочки мундиров французских матросов и офицеров экспедиции Лаперуза; он был так уверен в этом обстоятельстве, что поспешил сообщить командующему экспедицией, посланной французским правительством отыскать место и все подробности, касающиеся гибели экспедиции Лаперуза. Д'Антркасто, получив сообщения коммодора Хунтера, прибыл на о-ва Адмиралтейства в июле 1792 г. и, побывав сперва на о-вах Иезу-Мария и Ла-Вандола, прошел вдоль северного берега большого острова. При посредстве торга он вошел в сношения с туземцами многих островов группы, но нигде не нашел следов европейских произведений, почему, заключив, что коммодор Хунтер ошибся, экспедиция покинула группу, нигде не высадившись. Об этом посещении о-вов Адмиралтейства существуют два сообщения. Одно — самого Д'Антркасто,[1] другое — естествоиспытателя Лабиллардиера.[2]

В 1843 г. острова эти были посещены американским клипером «Margaret Oakley» под командой капитана Морреля; описание посещения этого было сделано неким Т. Якобсом;[3] экипаж клипера съезжал на берег в разных местах большого острова, а также малых островов.

Экспедиция «Челленджера» посетила о-ва Адмиралтейства в марте 1875 г. Семь дней пребывания фрегата у восточной оконечности большого острова дали возможность офицерам сделать съемку довольно удобного порта у северо-восточной оконечности большого острова Адмиралтейства, названного в честь командира Nares Harbour, а естествоиспытателям экспедиции позволили съезжать часто на небольшие острова порта и ознакомиться с флорой, фауной и отчасти этнологией этой местности. Проф. Мозлей в отдельной статье[4] с иллюстрациями сообщил немало интересных сведений о туземцах и их домашней обстановке.

[1] Voyage de D'Entrecasteaux à la Recherche de La Perouse. Redigé par M. de Rossel. Paris, 1808.

[2] Labillardière. Relation du Voyage à la Recherche de La Perouse 1791. Paris, VIII.

[3] T. J. Jacobs. Scenes, Incidents and Adventures in the Pacific Ocean during the Cruise of the Clipper «Margaret Oakley» under Capt. H. Morrell. New-York, Harper Bros., 1844.

[4] H. N. Moseley. On the Inhabitants of the Admiralty Islands With Plates. Journal of the Anthropological Institute. May, 1877.

Я несколько раз бывал на о-вах Адмиралтейства, на большом острове и на маленьких островках, прилегающих к нему; не раз жил по неделям на берегу и имел случай более, чем другие естествоиспытатели, посетившие эту группу, познакомиться с туземцами о-вов Адмиралтейства и образом их жизни. Первое посещение было в мае 1877 г., т. е. два года спустя после экспедиции «Челленджера». Я тогда побывал на юго-восточном берегу большого острова, а затем прожил несколько дней на о. Андра, одном из островков, лежащих вдоль северного берега большого острова. Мое второе посещение группы Адмиралтейства состоялось в августе и октябре 1879 г. Я жил на о. Андра и на островке Сорри (Wild Island, на английской карте Nares Harbour). В 1879 г. я опять прожил на этих островах около 25 дней. В июне 1883 г. я провел только несколько часов на островке Сорри, зайдя туда на русском корвете «Скобелев». Посещение о-вов Адмиралтейства в 1877 г. было описано мною отчасти в письмах Русскому географическому обществу.[1] Описание других посещений этого архипелага войдет в общий отчет о моих путешествиях, настоящий же отрывок заключает в себе описание, в форме дневника, моего десятидневного пребывания на о. Андра в августе 1879 г.

Путешествие на о-ва Меланезии и четвертое посещение о. Новой Гвинеи (от марта 1879 г. по апрель 1880 г.) я предпринял с целью видеть как можно более мне еще неизвестных разновидностей меланезийского племени и решил тогда, faute de mieux, отправиться на острова Тихого океана на американской трехмачтовой шхуне «Сади Ф. Каллер», снаряженной для ловли трепанга[2] и меновой торговли на этих островах.

21 августа (1879 г.)

Шхуна (Сади Ф. Каллер) лавировала на севере о-вов Адмиралтейства, которые были в виду, но на значительном расстоянии. К полудню более свежий ветерок позволил нам приблизиться настолько, что я мог рассмотреть и узнать контуры гор большого острова, а по ним определить положение небольших островков, лежащих под самым берегом его. Мне хотелось повидать своих старых знакомых, жителей о. Андра,[3] с языком которых я отчасти познакомился в 1877 г., и узнать о судьбе оставшегося там матроса-малайца, Ахмата, сбежавшего вследствие дурного обращения с ним шкипера шхуны «Sea Bird». Мне нетрудно было убедить шкипера В. зайти в порт Андра, сказав ему, что он может рассчитывать там на хорошую добычу трепанга и на порядочную якорную стоянку. Местность мне была хорошо знакома, почему я мог послужить на этот раз лоцманом, что было очень кстати, так как зыбь мешала разглядеть рифы. Я указал шкиперу на западный проход за о. Андра, потому что на О от него находится много рифов. Шхуна благополучно прошла через бар между рифами, тянущимися один с западной оконечности о. Андра, другой с восточной — островка Бонем (или Понем), и легкий ветерок позволил войти в лагуну и бросить якорь на 10-саженной глубине. Со стороны моря островок этот представляется низким, но покрытым густою растительностью. Нигде между деревьями, смотря с моря, нельзя разглядеть ни деревни, ни

[1] Изв. Географ. общ. за 1880 г.

[2] Трепанг — различные разновидности голотурий (Holothuria) вареные, копченые — большое лакомство китайцев.

[3] Туземцы называют этот островок также «Анра», но чаще «Андра».

БИБЛИОТЕКА имени

даже хижины. Единственно голубоватый дымок, который вился и расстилался в одном месте над островком, доказывал присутствие человека. Как только мы зашли за риф, то увидали над отлогим песчаным берегом ряды кокосовых пальм, над которыми высился лес, а внизу, между пальмами, стали показываться крыши хижин; вдоль же берега можно было разглядеть группы туземцев. Некоторые приготовляли пироги к спуску, другие спокойно ожидали, когда шхуна бросит якорь. Дети особенно волновались, перебегали от одной группы к другой, и можно было расслышать их крики и хохот. Женщины стояли и сидели поодаль, около хижин. Вся обстановка доказывала, что приход европейского судна сделался и здесь явлением не необыкновенным. Мой хороший бинокль позволял мне разглядывать все подробности, узнавать хижины, осматривать разнообразные группы туземцев, следить за движениями людей. Наконец, две небольшие пироги стали медленно приближаться к шхуне, рекогносцируя ее. По разговору и по жестам можно было заметить, что никто на пирогах не узнает шхуны (которая никогда не бывала еще здесь), туземцы не видят на ней ни одного знакомого лица (я был единственным человеком, которого они могли бы узнать). Между приближающимися я и сам не мог признать ни одной знакомой физиономии. Неожиданно раздавшийся возглас «Макрай!»[1] убедил меня, что нашелся один из туземцев, узнавший меня. Между людьми на пирогах завязался оживленный разговор, в котором мое имя часто слышалось. Результатом разговора было то, что туземцы один за другим влезли на трап, а затем на палубу. Все они окружили меня, протягивая руки, гладя по плечу и спине и т. п., повторяя мое имя с прибавлением «уян», «уян» (хороший, хороший) и «кавас», «кавас» (друг, друг). Особенно суетился туземец, который первый узнал меня. Это был небольшой человек, лет 40, с очень подвижною и хитрою физиономией; его звали Кохем, что он мне сам объявил, ударяя себя по груди. Он убеждал меня сейчас же съехать на берег и, нагнув голову набок и приложив руку к щеке, показывал, чтобы я отправился ночевать в деревню. При помощи небольшого лексикона диалекта этого островка, составленного мною еще в 1877 г., мне удалось объяснить Кохему и его товарищам, что капитан пришел сюда за «бечтема», как они называют трепанг,[2] за «поэсю» (жемчужными раковинами), за «писпонем» (черепахой) и что, если всего этого найдется много, то «роль» (судно вообще) останется здесь долго, и что им будут даны большие и маленькие «самель» (железо, нож), «палюсь» (красная бумажная материя), «буаяб» (стеклянный бисер). Моя речь произвела большой эффект и прерывалась только словами «уян» (хорошо), «ксанга» (много), «кавас», «кавас» (друг, друг). Уверения туземцев, что всего много, и трепанга и перламутра, очень понравились шкиперу, который просил меня сказать туземцам, чтобы на другой же день с раннего утра они стали привозить трепанг и жемчужные раковины на шхуну. Покончив эти переговоры, я съехал с Кохемом и с другими туземцами на берег и был встречен толпой мальчиков и девочек, которые все кричали; кто кричал «Макрай», кто — «уян», кто протягивал уже руку и орал «буаяб, буаяб!» (бисер, бисер!). На берегу я узнал действительно несколько туземцев, с которыми часто был в сношениях в 1877 г. Я отправился по знакомой тропинке вдоль бе-

[1] На о-вах Адмиралтейства туземцы никак не могли выговорить «Маклай», а называли меня «Макрай» или иногда «Макай».

[2] Бечтема — не что иное, как искаженное название «bêche de mer», трепанг.

рега и осмотрел всю деревню, которая показалась мне на этот раз меньше, чем при первом моем посещении в 1877 г. И людей как-то показалось мне меньше. Сев у одного из «ум-камаль»[1] (общественная хижина для мужчин) и указав жестом своей не малочисленной свите также присесть, я достал опять свою записную книгу 1877 г. и стал читать громко записанные в ней имена жителей деревни. Эффект был изумительный, все вскочили и стали орать: «Макрай, уян! уян! уян!» Когда они поуспокоились, я снова стал называть имена; некоторые отзывались, но некоторые отвечали «римат» (умер), иногда прибавляли «салаяу» (неприятель), что означало, вероятно, что человек был убит неприятелями. При некоторых именах окружавшие меня туземцы прибавляли имя какой-нибудь деревни, что означало, вероятно, что названный субъект ушел туда-то. Одним словом, туземцы скоро почувствовали, что нашли во мне старого знакомого, который немного понимает их, интересуется ими и не думает причинить им какой-либо вред или обмануть их при торге, которым, как они скоро убедились, я не занимался. Я роздал взятый с собою бисер женщинам и детям — каждая или каждый подходили ко мне с листиком с ближайшего куста, на который я отсыпал понемногу буаяб, находившийся у меня в небольшой склянке. Физиономию, украшения, одежду подходящего я внимательно осматривал, а затем записывал его имя, прибавляя, для памяти, какую-нибудь особенность физиономии или телосложения, чтобы потом узнать его. Тем из детей, которых физиономии, расторопность или услужливость мне более нравились, я повязывал поверх обыкновенно носимого туземцами выше локтя плетеного браслета по ленточке красной материи, которою дети остались очень довольны и которая стала предметом зависти остальных.

Солнце уже зашло и начало темнеть, когда я вернулся на шхуну.

22 августа

С самого рассвета торг с туземцами на шхуне начался. Когда часам к 6 я вышел на палубу, то увидал кучи трепанга разного рода, а также груды жемчужных раковин, которые туземцы в это утро уже успели собрать на рифах. Была низкая вода, и рифы чернели на далеком расстоянии в море; на них копошились женщины и дети, собирая всякую всячину: трепанг и жемчужные раковины для продажи, разных моллюсков и маленьких рыбок для собственного стола. Мужчины в пирогах переезжали от рифа к шхуне, сдавая свой груз и получая взамен «самель» (обручное железо). Картина была оживленная и интересная. Я остался на палубе и следил за окружающим. Некоторые более ленивые туземцы или такие, за которых работали их жены или сыновья, выехали в пирогах, наполненных разными вещами, предлагая их купить. На пирогах этих можно было видеть разного рода копья, большие «пуенкай» (деревянные блюда), сети для ловли рыб, глиняные горшки, так называемые «кур» (непромокаемые корзины), разного рода украшения, носимые туземцами, и т. п. Я обратил особенное внимание на горшки, которые были тщательно сделаны и орнаментованы; все они, хотя и разной величины, сводятся к двум формам: одни с одним отверстием и с немногими украшениями — для варки, другие с двумя отверстиями и с орнаментом вокруг них — для пресной воды. Обе формы

[1] Ум — хижина, камаль — мужчина.

имели круглое дно. Я приобрел один с двумя отверстиями. Орнамент состоял из рядов продолговатых выемок (сделанных, вероятно, небольшою заостренной палочкой), расположенных совершенно таким же образом, как татуировка женщин. Туземец, у которого я купил горшок, объяснил мне, что горшки делаются женщинами на большом острове, что в одно отверстие вливают воду, а через другое наливают[1] воду в рот. Другая вещица, замеченная мною, был кинжал с двумя лезвиями, сделанными из игл большого ската.[2] Иглы эти, очень острые, снабженные по краям в виде пилы загнутыми вниз острыми придатками, представляют при своей ломкости очень опасное оружие. Всаженные в незащищенное одеждой тело туземца и почти всегда ломаясь в ране, они могут причинить почти неминуемую смерть раненому. Деревянная ручка этого кинжала представляла примитивно вырезанную человеческую фигуру.

Кучи трепанга между тем росли на палубе, и шкипер В. потирал себе руки, так как большая часть привезенного трепанга оказалась очень хорошего качества;[3] тонна такого трепанга китайцами, даже и в Куктауне (в северном Квинсланде), оплачивается более чем 100 фунтами стерлингов. Шкипер платил за трепанг здесь кусками обручного железа (так называемого ironhoop у англичан). Он сказал мне, что сегодня еще приступит к сооружению «Smoke house»[4] на палубе и что не уйдет отсюда, не выловив весь трепанг на рифах кругом. Позавтракав и взяв с собою койку и записную книгу, я отправился на берег. От крика и шума на шхуне у меня разболелась голова, так что, съехав на берег и выбрав подходящее большое дерево, недалеко от хижин туземцев, я был очень рад подвесить свою койку и, растянувшись на ней, отдохнуть. Как только я вышел на берег, ко мне навстречу прибежали трое из отмеченных мною вчера вечером красными ленточками детей; другие работали, вероятно, на рифе. Эти трое были: мальчик Качу и две девочки — Пинрас и Аса. Качу, лет тринадцати, имел энергическую и интеллигентную физиономию: Пинрас, лет двенадцати или тринадцати, могла назваться недурненькою девочкой даже в европейском смысле; Аса — веселая, подвижная и очень услужливая девчонка, лет девяти — не более. Они оставались весь день при мне, если же и уходили, то скоро возвращались и старались предупреждать малейшее мое желание. Качу очень ловко привязал койку к указанным сучьям большого *Ficus* и принес мне несколько молодых кокосовых

[1] Здесь, как на многих островах Меланезии, воду вливают в рот, так что губы не касаются сосуда с водой (горшка, бамбука, скорлупы кокосового ореха и т. п.).

[2] Скат этот описан Вильямом Маклей и мною под именем Miliobatis punctatus Mcl. в 3-й части статьи «Plagiostomata of the Pacific» by N. de Miklouho-Maclay and William Macleay. Proceedings of hte Linnean Society of New-South-Wales. Vol. X, part. 4.

[3] Это был так называемый «black till-fish» английских трэдоров.

[4] Шхуна «Сади Ф. Каллер», как выше уже было сказано, была специально снаряжена для ловли трепанга. Для того чтобы избегнуть потери времени, сопряженной с постройкой так называемого «Smoke house» на берегу, и не подвергаться опасности нападения со стороны туземцев, что нередко случается при таком предприятии, на палубе шхуны мог быть поставлен «Smoke house», или «коптилка», как я его называл, состоящий из железного домика или, вернее, большого железного ящика метров в 7 длины, такой же ширины и метра 3 вышины. В этом ящике были растянуты многочисленные полки из проволочных сетей, на которые клался разрезанный и вареный трепанг. Две большие печи с трубами, идущими внутрь «коптилки», топили днем и ночью, наполняли ее дымом и коптили трепанг, на что, однакож, требовалось не менее трех дней. «Коптилка» могла вмещать около тонны трепанга.

орехов для питья. После шума и суеты на шхуне, в тени громадных деревьев с красивой панорамой островов, моря и гор, я положительно наслаждался отдыхом; но предаваться долго этой «dolce far niente» оказалось не легко, так как все окружающее было так интересно.

Сперва я обратил внимание на жилища туземцев. На о. Андра хижины расположены иным образом, чем на южном берегу большого острова и в деревнях на холмах северного берега. Они не стоят вокруг площадок, как там, а тянутся по сторонам тропинки, идущей параллельно песчаному берегу моря, стоя иногда одиноко у тропинки, иногда группами по три или четыре. Около дерева, под которым была подвешена моя койка, находились пять хижин, из которых одна представляла так называемый здесь «ум-камаль» или просто «камаль», т. е. большую хижину, где мужчины проводят свободное время, едят, принимают гостей и т. п. Камаль служит также спальней для неженатых мужчин и для ночевок посетителей из других деревень.[1] Размеры смеренного камаля: 9 м длины, 5 м ширины и почти 6 м вышины. Остальные хижины, называемые просто «ум», были семейные хижины. Последние обыкновенно немного меньше, но гораздо ниже (не более 3 м вышины) первых, т. е. камаль. Семейные хижины имели четырехугольную форму с небольшим двориком, так называемым «сарри», обнесенным высокою изгородью перед входом. Кроме высоких нар, на которые садятся мужчины во время еды, на двориках находится очаг, состоящий из трех специально для этой цели выбранных камней, между которыми разводится огонь и ставятся горшки. Дворики главным образом устроены для того, чтобы избегнуть при домашней работе, еде, отдыхе и т. п. назойливости свиней, которых немало бегает в деревне. Крыши обоего рода хижин (т. е. ум-камаль и ум) спускаются чуть не до земли, так что боковых стен почти не видно с внешней стороны хижины. Двери ум-камаль сравнительно с дверями семейных хижин широки и часто украшены рядами белых раковин (*Ovula ovum*), деревянными фигурами по сторонам входа или резными столбиками. У хижин сидело несколько старух и детей; меновая торговля отвлекла к шхуне и на риф всех мужчин и многих женщин.

Ежедневная жизнь туземцев здесь вследствие нередких посещений европейских судов потеряла уже ту первобытность и отчасти монотонность, которые мне так нравились на берегу Маклая, куда, как я сам испытал, по 28 месяцев, а иногда еще больше, не заходят суда.[2] Спокойная жизнь туземцев при приходе торговых судов сменяется лихорадочною работой: каждый старается наловить больше трепанга, жемчужных раковин и т. п. Стимулами деятельности являются пока лишний наперсток (употребляемый как мера) бисера, лишний кусок обручного железа, лишний кусок красной бумажной материи и т. п. Туземцы удовлетворяются еще этим, но скоро они станут требовать ножей, стальных топоров, а затем пожелают и ружей, пороха и т. д. Новые требования и стремление к наживе упрочат, разумеется, торговые сно-

[1] Подобные общественные хижины, преимущественно для одних мужчин, находятся, как известно, почти на всех островах Меланезии; их часто путешественники, мало знакомые с жизнью туземцев, принимали и описывали как «храмы», что не выдерживает критики.

[2] Проф. Мозлей в приведенной статье («On the inhabitants of the Admirality Islands») на стр. 40 замечает, что нравы туземцев со времени посещения островов капитаном Картере (109 лет тому назад) и Д'Антркасто (84 года тому назад) почти что не изменились. Это, может быть, было справедливо, но сношения с белыми последних лет не замедлили уже проявиться.

шения с европейцами, которые не замедлят познакомить туземцев с табаком, спиртными напитками и т. д. До сих пор еще ни то, ни другое не вошло в употребление на о-вах Адмиралтейства, несмотря на то, что разным шкиперам очень хотелось научить туземцев курить, так как выменивать на табак произведения островов им очень выгодно, но попытки эти им еще не удались. К сожалению, это, однакоже, только дело времени. Табак и водка — дешевые товары, которые европейцам слишком выгодно сбывать.[1] Что последние губят туземцев — до этого шкиперам и торгашам мало дела.

Возгласы нескольких женщин, которым их мужья или сыновья привезли со шхуны значительное количество бисера, прервали мои размышления о взаимодействии рас на островах Тихого океана. Большинство женщин занялось нанизыванием бисера, только одной из них не досталось ничего. Так как она была татуирована и не казалась особенно пугливой, я послал мальчика Качу за ней; хотелось рассмотреть внимательно здешнюю татуировку и нарисовать портрет женщины. Несколько показанных мною стеклянных бус приманило ее к моей койке. Лицо, руки, живот, спина, верхняя часть ног ее были испещрены перекрещивающимися рядами (по два и по три) линий, состоящих из шрамов от небольших надрезов. Так как цвет кожи женщины (как и всех жителей о-вов Адмиралтейства вообще)[2] не был особенно светел, то татуировка была хорошо видна только на близком расстоянии и при хорошем освещении. Общий эффект ее был далеко не такой замечательный, как татуировки наколами на о-вах Полинезии. Шрамы были от 4 до 6 мм длины и от 1 до 1/2 мм ширины. Кроме этих шрамов, расположенных линиями, на плечах этой женщины виднелось несколько плоских пятен, так называемых здесь «тунудун», произведенных прижиганием с помощью небольших угольков, которые кладутся на кожу горящими и оставляются на ней, пока они не превратятся в пепел. Так как описывать расположение татуировки было бы и длинно и сложно, то я принялся рисовать портрет женщины, намереваясь особенно тщательно нарисовать именно татуировку. Исполнение этого желания, однакож, не удалось. Послышался зов с приближавшейся пироги, и оригинал моего будущего рисунка вскочил и бросился к берегу. В пироге находился, как оказалось, муж этой женщины, вернувшийся из деревни на большом острове Адмиралтейства. Он привез с собою разные вещи, вероятно, подарки приятелей, к которым он ездил, а также большое «поэку» (деревянное блюдо для кушанья) с вареным таро. Вид последнего и во мне возбудил аппетит, и я направился к группе, расположившейся около входа в одну из хижин. Любезный муж, возвращаясь с хорошего завтрака, не забыл свою молодую жену. Он привез остатки съеденного им завтрака (или, может быть, ужина). Когда я подошел ближе, то увидал, что женщина держала большую кость в руках и зубами отры-

[1] Несомненный факт, что шкиперы некоторых судов, ежегодно торгующих на островах западной Меланезии, где употребление спиртных напитков еще не очень распространено, даром угощают туземцев водкой, надеясь, что со временем, когда спиртные напитки войдут в употребление, их либеральность будет богато вознаграждена. Они назначают для раздачи водки туземцев, которые, прожив несколько лет с белыми, уже сделались пьяницами; такие люди очень красноречиво расхваливают действие водки, сами показывают пример, ловко соблазняют новичков попробовать и т. д.

[2] Черновато-коричневый различных оттенков цвет кожи жителей о-вов Адмиралтейства соответствует основному тону № 50 таблицы Брока, с оттенками, переходящими к №№ 43 и 28. Женщины и дети вообще светлее.

вала куски еще кое-где висевшего мяса. По форме кости мне легко было признать ее за верхнюю половину человеческого femur. Это был первый раз, что я увидал собственными глазами на о-вах Адмиралтейства положительный пример людоедства.[1] Женщина, казалось, ела с большим аппетитом и передала, наконец, почти голую кость другой женщине, ее сестре, уже ожидавшей очереди поесть мяса и не трогавшей большой кусок таро, который находился у нее в руке. Стоявший рядом ребенок, девочка лет трех, следила за старшими завистливыми глазенками. Через час времени, приблизительно, я заметил в руках этой девочки ту же, но уже совершенно очищенную кость. В поэку, между таро, находилось несколько кусков темного мяса, вероятно, человеческого: они были слишком велики для кусков мяса кускуса и без всякого жира, чтобы оказаться мясом свиньи. Не купив таро, я вернулся к своей койке, надеясь докончить начатый портрет. Хотя, как и утром, ко мне подошло несколько женщин и детей, но между ними татуированной женщины не было. У каждой из присутствовавших было на теле и на лице по нескольку татуированных фигур и линий, но сравнительно в очень незначительном количестве и мало заметных, так как женщины эти уже были пожилые и старые, почему имели кожу более темную и морщинистую. Видя, что я интересуюсь татуировкой, одна из них достала откуда-то кусок обсидиана и плоским камнем отбила несколько маленьких осколков. Выбрав один и заметив, что я внимательно слежу за нею, она вздумала показать мне свое искусство на одной из сидевших около нее девочек, которая, однакож, убежала. Тогда я протянул ей свою руку и указал ей на место выше локтя. Она резнула меня несколько раз, что причинило весьма незначительную боль. Операция эта была прервана очень шумною сценой, привлекшей к себе общее внимание. Одна из девочек, лет шести или семи, воспользовавшись тем, что женщины обступили мою койку и очень заняты осмотром ее, разговорами, татуировкой и т. п., стянула из кокосовой скорлупы щепотку бисера, принадлежащего одной из старух и оставленного ею у порога хижины. Хотя похищение было сделано проворно и воровка быстро скрылась, но она все-таки была замечена одною из женщин, которая поспешила сообщить об этом собственнице оставленного «буаяб» (бисер). Девочка, между тем, спрятав украденное, как ни в чем не бывало, приблизилась к нашей группе и стала с любопытством разглядывать меня и мои вещи. Внезапно налетела на нее сзади разъяренная, рослая, худощавая старуха. Она держала в руке довольно длинную плоскую деревянную дощечку. Мигом свалила она девочку-воровку на землю, повернула ее спиной вверх и очень ловко подсунула тело ее под себя таким образом, что голова и руки девочки очутились сзади, а зад и ноги спереди старухи. Разогнувшись и переводя дух, последняя стиснула свою жертву между ногами. Старуха и девочка сперва молчали, как и все присутствующие. Выражение лица старухи было замечательно злое; рот с одной стороны, как раз над dens caninus, полуоткрыт, брови подняты, лоб весь в морщинах. Она заговорила что-то очень скоро, нагнувшись и откинув назад недлинную кисточку, которая болтается у девочек сзади и составляет половину костюма их,[2] стала немилосердно бить свою жертву плоскою

[1] Проф. Мозлей, член экспедиции «Челленджера», говорит (op. cit., p. 36), что не видал никаких признаков людоедства на о-вах Адмиралтейства.

[2] Костюм девочек здесь состоит из небольшой и недлинной кисточки из растительных фибр, окрашенных обыкновенно в красный и желтый цвет горизонталь-

дощечкой. Девочка сперва взвизгнула раза два, а затем замолкла. Старуха, устав, снова выпрямилась, перевела дух, а затем, опять нагнувшись, продолжала экзекуцию, но на этот раз стала бить другую сторону тела. Девочка ежилась, болтала ногами, но не кричала. Причина этого стоицизма не характер девочки, а, вероятно, то обстоятельство, что дощечка была плоская, гладкая и удары ее по мягким частям не могли быть очень чувствительны. Старуха, умаявшись, выпустила, наконец, свою жертву, которая не замедлила убежать; старуха же, оправившись немного, села и занялась серьезным рассматриванием моего столика, причем лицо ее приняло обычное, даже доброе выражение.

Я описал довольно подробно эту сцену, которая меня не мало удивила, так как подобные экзекуции принадлежат к редким исключениям на о-вах Меланезии. Родители, и вообще взрослые, обращаются с замечательною мягкостью и добротой с детьми вообще и почти никогда их не наказывают. Я видел несколько раз, как вследствие шалости ребенка взрослый туземец иногда и попробует ударить (дети почти всегда оказываются замечательно проворными в этих случаях), но тем дело обыкновенно и ограничивалось и никогда не доходило до такой систематической экзекуции. Я даже в этом случае, по недостаточности знакомства с языком, не мог спросить, кто была старуха: мать или родственница воровки, или женщина, у которой был украден бисер.

Однакож, несмотря на разнообразные наблюдения, голова у меня попрежнему болела, и я по временам прикладывал руку ко лбу и закрывал глаза на несколько секунд. Это было замечено туземцами. Я мог понять, что они говорили обо мне и головной боли. В заключение разговора одна из женщин почти насильно подвела находившуюся вблизи Пинрас, девочку, о которой я уже упоминал. Убедившись, что приходится исполнить общее желание старших, последняя усердно принялась за дело, которое состояло в том, что, схватив обеими руками мою голову, Пинрас стала сжимать ее периодически изо всех сил. Я предоставил свою голову в полное ее распоряжение. Сдавливание перешло в растирание кожи головы двумя пальцами, причем массажистка надавливала растираемое место, насколько могла. Когда правая рука ее устала, она стала делать это левой, причем я заметил, что сила пальцев левой руки ее не уступала силе правой. Ощущение было приятное: я при этом как бы перестал чувствовать боль, почему и не подумал о кокосовом масле и охре, которыми были смазаны ее руки. Когда Пинрас кончила, я насыпал ей, к ее большому удовольствию и великой зависти остальных женщин и девочек, полную пригоршню мелких бус из склянки. Несколько девочек стало предлагать мне массировать голову, причем я мог заметить, что ни одна из женщин, вероятно, из страха перед мужем, не рискнула предложить мне свои услуги в этом отношении. Солнце уже садилось, и пироги одна за другой подходили и были быстро вытаскиваемы на отлогий песчаный берег.

Группа около моего бивуака изменилась в составе: все женщины исчезли и вместо них расположились мужчины. Они громко болтали, жевали бетель и показывали друг другу разные вещи, которые полу-

ными полосами, которая подсовывается под пояс спереди и единственно закрывает mons Veneris, и другой, более длинной, но не более широкой, которая, подсунутая под пояс, болтается сзади между ногами. У взрослых женщин кисточки заменяются более или менее широкими фартуками из таких же фибр, один спереди, другой сзади. От носки цвет фартуков из красного делается грязно-коричневым.

чили в обмен на произведения рифов. То были: куски обручного железа различной длины, большие и малые ножи (так называемые butcher-knife») английских фабрик, бусы, бисер и красные бумажные материи (так называемые «turkeyred»).[1] У одного туземца нашелся кусок витого американского табаку, о котором показавший его прочел остальным целую лекцию. Табак обошел все руки, но никто не вздумал попробовать покурить.

Так как туземцы целый день были на работе, то имели на себе очень немного из обычных украшений, которые они носят на голове, в ушах, в носу, на шее, груди, руках, поясе и ногах. Оригинальный примитивный костюм здешних мужчин, состоящий единственно из одной раковины,[2] носимый ими в пирогах, был заменен обыкновенным поясом (из приготовленной древесной коры), обхватывающим несколько раз талию и проходящим между ногами. Отсутствие характеристичных для этой местности специальных украшений облегчало сравнение их с другими разновидностями папуасского племени. Я и сегодня, смотря на них, пришел к результату, записанному при первой моей встрече (в 1876 г.) с жителями этих островов, и который я сообщил в свое время в письме Географическому обществу[3] в следующих словах: «. . .Я старался только уловить общий тип.. Чем более я всматривался, тем менее мне казалось естественным не считать туземцев Новой Гвинеи, Новой Ирландии и о-вов Адмиралтейства (южного берега) чем-либо иным, как географическими разновидностями одного племени».

Следя за разговором туземцев, которых я понимал только отчасти, я старался пополнить и проверить небольшой словарь здешнего диалекта, записанный в 1877 г. Мне удалось записать несколько новых слов и, между прочим, уловить очень важное для меня выражение «ланган-се?» (как зовут?), представляющее ключ ко многим другим, как я не раз имел случай убедиться, изучая какой-нибудь новый для меня туземный язык.

Пинрас, благодарная за полученный от меня бисер, не отходила от койки и следила за выражением моего лица, стараясь предупредить мое желание. Этот пристальный взгляд девочки не понравился ее отцу, который сказал ей что-то, заставившее ее удалиться. Уходя, она несколько раз оглядывалась, вероятно, досадуя, что приходится послушаться. Мне жаль было вернуться снова на шхуну, но у меня не было ничего теплого с собою, а я боялся сырости и холода ночи на берегу; к тому же на другой день я собирался посетить большой остров, что было удобнее предпринять со шхуны.

Шкипер В., завидя мое приближение к шхуне, поспешил встретить меня у трапа, чтобы крепко пожать мне руку за то, что я привел его сюда, — так доволен был он результатом дня. Торг, как он мне объявил, шел без перерыва весь день, и, несмотря на многочисленный экипаж шхуны (более сорока человек), нехватало рук, чтобы забирать привозимые трепанг и раковины. Столяр с двумя помощниками почти что окончили сооружение «Smoke-house», который шкипер хочет затопить завтра же.

[1] Эта жиденькая материя, если не ошибаюсь, специально делаемая для торговли с темными расами Африки, Азии и островов Тихого океана, кроме своей непрочности, очень быстро линяет от солнца и воды. Туземцы ее все менее и менее ценят.

[2] Носимой ими ut teginem glandis mentulae.

[3] Изв. Географ. общ. за 1878 г.

23 августа

Я намеревался взять на берег фотографический аппарат, и мне необходимо было иметь с собою кого-нибудь, кто понимал бы, что некоторые вещи европейцев очень ломки и нести их надо с большою осторожностью. Все мое знание туземного языка было бы недостаточно, чтобы объяснить это обстоятельство моим знакомцам с о. Андра; к тому же все туземцы были заняты торгом, ловлей и т. п. Я попросил шкипера В. позволить одному из людей его шхуны отправиться со мною, на что, по нашему уговору, я имел право. Он предложил мне выбрать, кого захочу. Я сказал матросу Стиву, туземцу Австралии, что он должен отправиться со мною на берег. Я его выбрал, так как он хорошо понимал английский язык и очень порядочно говорил на нем. Стив сперва согласился, но, когда я вынес вещи свои из каюты, он попросил меня, под предлогом нездоровья (просто струсил), взять кого-нибудь другого. Я заменил его туземцем с о. Лифу (из группы Лойэлти) по имени Джо, веселым и не трусливым малым, который хотя и говорил по-английски, но очень плохо, и, побывав на Новой Каледонии, так же коверкал и французский, но все-таки понимал оба языка достаточно, чтобы исполнить мои приказания. Не без разговоров и уговоров разного рода удалось мне найти туземную пирогу, чтобы перевезти меня на большой остров, так как почти все пироги около судна были заняты оживленным торгом или перевозкой трепанга с рифа на шхуну. Сегодня между предметами торга фигурировала также молодая женщина, сидевшая в одной из пирог. Ее усердно предлагал мужчина средних лет, весьма может быть, ее же муж или брат, европейским трэдорам, стоявшим у борта и платившим за привозимый трепанг. Между тем как муж или брат на палубе при помощи очень характерной пантомимы [1] предлагал свой товар, женщина, сидя в пироге, как ни в чем не бывало, изредка улыбалась, жевала э-пате, красную землю, которую туземцы здесь едят. [2]

Перенесши осторожно камеру и другие принадлежности фотографического аппарата в пирогу, мы отправились в Пургасси, одну из ближайших деревень на берегу большого острова. Джо выпросил у шкипера револьвер, который он гордо прицепил к поясу. Я сперва не хотел позволить ему брать револьвер с собою, так как знал, что он стрелять не умеет, но когда он заявил, что револьвер не заряжен и патронов у него нет, не захотел лишать его удовольствия носить безвредное оружие только для вида.

Мы причалили к роду пристани в глубине небольшой бухточки. В этом месте выдвигалось из земли несколько поднятых коралловых глыб, почти что закрытых песком. По обеим сторонам мыска или пристани этой росли мангровы. Один из туземцев Андры, бывший на пироге, пожелал отправиться со мною, от чего я не отказался, так как при большом числе тропинок я мог бы попасть далеко в лес и, пожалуй, не найти деревни, которая, как я убедился при помощи бинокля со шхуны, находилась на холмике. О присутствии ее со шхуны можно было догадаться единственно по верхушкам кокосовых и арековых

[1] Пантомима эта была: Dum ex digitis dextrae unum in pugnum sinistrae interponebat et in eo vario modo agitabat.

[2] Об этом странном обыкновении наполнять желудок глиной, которое было замечено мною во время первого посещения о-вов Адмиралтейства в 1876 г., я сообщал Географическому обществу (op. cit., стр. 12) и химический анализ э-пате, сделанный по моей просьбе доктором Кретье (D-r Cretier) в Батавии, был напечатан им в «Natuurkundig Tijdschrift», Deel XXXVII, p. 70, 71.

пальм. Собрав все вещи, я отпустил пирогу и в сопровождении Джо и туземца из Андры направился по тропинке, около которой, кроме других деревьев, росло не мало саговых[1] пальм; далее, взбираясь на холм, я увидел, что растительность здесь была разнообразнее,[2] повсюду можно было заметить влияние человека. Кроме хлебного дерева, кокосовых и арековых пальм, виднелись кусты китайской розы (*Ilibiscus Rosa Sinensis*) с цветами разных оттенков, разных видов *Codium* с пестрыми листьями, возвышались красивые верхушки *Colodracon* с красноватыми узкими листьями; это были все растения, листьями которых туземцы любят украшать себя.

Когда завиделись первые крыши, я был удивлен тишиной в деревне: кроме крика нескольких птиц, не слышно было ничего — ни говора мужчин, ни перебранок женщин, ни крика и визга детей. Войдя на площадку деревни, с несколькими хижинами вокруг, над которыми качались ветви кокосовых пальм, мы действительно не увидали никого, кроме очень тощей, высоконогой свиньи, которая, хрюкая, убежала, и черной собачонки с белыми пятнами, с сердитым визгом последовавшей за первой. Я направился по узкому проходу между густою растительностью ко второй площадке. Из-за одной хижины выскочило двуногое существо (не знал тогда — мужчина или женщина), весьма странно упакованное в цыновку таким образом, что, кроме ног, ниже колен, тела не было видно. В профиль этот курьезный субъект имел вид прямоугольника из цыновки на двух ногах; он быстро пробежал через площадку и скрылся за одной из хижин в лес.[3] Несколько кур, очень маленьких, взлетело на крыши хижин и ближайшие деревья, когда мой спутник из Андры начал во все горло сзывать жителей деревни. Я не видал на о. Андра ни собак, ни кур, в присутствии которых на о-вах Адмиралтейства я не сомневался, так как видел не раз собачьи клыки в ожерельях, а петушиные перья на гребнях туземцев. Отсутствием жителей я воспользовался, чтобы снять вид площадки с просторным умкамаль на первом плане.[4] На зов послышались в ответ отклики, и скоро появилось несколько мужчин, очень смущенных, как мне показалось, моим присутствием в их деревне. Розданные бусы, куски железа привели их в нормальное и даже веселое настроение. Я пожелал осмотреть камаль, в который, из деликатности гостя, не хотел войти без приглашения или по крайней мере во время отсутствия хозяев. Я скоро убедился, что не могу понимать здешних жителей, так как диалект их не похож на диалект жителей о. Андра. Камаль здесь вообще ничем не отличался от подобных же построек в дер. Андра: крыша его спускалась по сторонам до земли, вход был спереди, хотя низкий (нельзя было войти, не нагибаясь), но довольно просторный. Войдя в камаль,

[1] Саго, кокосовые орехи и таро представляют три главных растительных продукта, употребляемых в пищу здешними туземцами. Приготовление саго совершенно такое, как на Новой Гвинее.

[2] На малоизвестную флору о-вов Адмиралтейства было обращено особое внимание проф. Мозлея во время стоянки «Челленджера» в Nares Harbour, и результат его наблюдений напечатан им в отдельной статье в Journ. Linn. Soc. (Vol. XV. p. 13).

[3] Я узнал впоследствии, что таким образом должны здесь одеваться девушки при появлении первых признаков половой зрелости и женщины, недавно родившие.

[4] К сожалению, этот негатив, как и многие другие, сделанные во время этого путешествия, был привезен испорченным в Австралию. Продолжительность ли сохранения (более года), проникнувший ли свет, но все негативы одного ящика прибыли в Сидней покрытые белою пеленой, т. е. никуда негодными.

надо было обождать несколько секунд, чтобы примениться к освещению, так как свет проникал единственно через двери. Когда я мог разобрать окружающее, то, кроме длинных нар, увидал несколько «мраль» (большие деревянные барабаны), два или три «кеду»[1] и довольно разнообразную коллекцию вещей, подвешенных под крышу или лежащих на полках вдоль стен; она состояла из деревянных блюд различной величины, горшков, копий различной формы и длины и т. п. На веревочке было нанизано несколько небольших черепов, и они висели гирляндами между почерневшими от дыма стропилами. Эти черепа, тоже коричневые от дыма, некоторые совсем черные, оказались при осмотре черепами кускуса (*Cuscus*), вида, не отличающегося от новогвинейского. В углу были также и человеческие черепа, но поломанные и очень черные, при виде которых мне вспомнился виденный вчера пример людоедства. Я выбрал один из черепов кускуса для более тщательного осмотра; человеческие же оставил: они были поломаны, а главное — потому, что о происхождении их, при моем незнакомстве с языком, я не мог бы узнать. Так как никто из жителей деревни не приходил, то я ограничился еще осмотром одной из семейных хижин. В ней не оказалось ничего замечательного, кроме очень большого блюда, почти 1 м в диаметре, но с поломанною ручкой. Выходя из хижины, я заметил под навесом, перед дверью ее, продолговатые пространства, покрытые старою цыновкой, на которой лежало по углам несколько камней. Почему-то я подумал, что это, должно быть, могила, но расспросить туземцев не умел.[2] Другой тропинкой, чем та, которой пришли, мы спустились к морю, где, однакож, пироги из Андры не оказалось. Пришлось ждать, пока мои новые знакомые снарядили другую, и на ней я добрался до шхуны, где меня встретили чад «коптилки», хохот, прерываемый бранью подгулявших трэдоров, крики туземцев и т. п. Собрав необходимые вещи — койку, складной стол и скамейку, ружье, одеяло, консервы, медный чайник и небольшую корзину с необходимою посудой и т. п., я поспешил убраться от этого гама на о. Андра. Там я расположился довольно удобно, заняв половину ум-камаля. Пользуясь лучами заходившего солнца, я вскипятил еще воду и приготовил себе чай; эта операция заинтересовала в высшей степени туземцев, с удивлением смотревших как «Макрай ест горячую воду». Я не раз замечал, что даже теплая вода кажется туземцам горячею, и они делают вид, что обожглись, дотронувшись до нее. Белые трэдоры со шхуны приехали поздно вечером и сообщили мне, что шкипер В., которого я не видал, отправляясь на берег, крайне беспокоится о моей безопасности на берегу и просит непременно вернуться на шхуну. Уходя, в сопровождении одного туземца, с очень таинственным видом они прибавили, что вернутся через час и что надеются найти меня готовым отправиться ночевать на шхуну. Я отвечал, чтобы они не беспокоились, что я сейчас лягу спать и прошу меня не будить, когда вернутся к шлюпке.

24 августа

Первую половину ночи я проспал хорошо в койке, подвешенной мною в хижине. К утру же говор и шум туземцев, которые собирались

[1] Кеду — род небольшой широкой низкой скамейки, на которой может поместиться только один человек. Такой образец примитивной, но довольно удобной мебели, был виден мною только на о-вах Адмиралтейства.

[2] Через несколько дней пришлось убедиться, что мое предположение было верно.

на риф, пробудили меня рано, но я не захотел подняться и заснул снова, как только пироги ушли. Когда я проснулся во второй раз, солнце уже стояло высоко. Я вздумал выкупаться в море. Надев купленные в Макассаре (на о. Целебесе) малайские штаны (очень похожие на общеевропейский костюм мужчин-купальщиков), я вышел на берег и, объяснив туземцам, что мне нужно будет много «ва» (пресной воды), обещав им за нее «буаяб» (бисер), вошел в воду. Так как я не умею плавать, то мне пришлось быть весьма осторожным, чтобы не попасть в какую-нибудь яму; но берег был отлог, и вода очень прозрачна. С большим удовольствием пробыл я минут 10 или 15 в воде и нехотя вышел на берег, заметив, что целая вереница женщин и детей с раковинами,[1] наполненными пресною водой, ожидают меня. Я показал, чтобы принесшие воду, одна за другой, выливали ее мне на голову, плечи, грудь, спину и т. д. Эта процедура очень рассмешила женщин. Они, смеясь, исполнили мое желание и, вероятно, остались довольны, так как я наделил всех щедро бисером. Выпив кофе, я поспешил отправиться на охоту; убил только двух голубей. Будь не так поздно, моя добыча была бы значительнее, потому что голуби, переночевав на островках, улетают скоро по восходе солнца на большой остров и возвращаются оттуда к заходу солнца. Один из убитых голубей — *Caloenas nicobarica*. Вернувшись в деревню, я встретил там трэдоров. Оба имели раздосадованный вид; один из них признался мне, что их вчерашние ночные похождения окончились очень плачевно, в чем, однакож, они убедились только утром, увидя разные украшения не на молодых девушках или женщинах, а на 50-летних старухах, которые сегодня при встрече им сладко улыбались. «Как же такая ошибка могла случиться?» — спросил я. — «Да в хижинах было совершенно темно, и потом мы очень спешили» — ответил он с досадой. Я посоветовал ему в другой раз запастись спичками.

Один из белых, хороший гимнаст, предложил туземцам скаканье через веревку со сжатыми ногами; он сам начал и, действительно, очень отличился; за ним последовали некоторые из матросов, туземцев о. Лифу, приехавшие с трэдорами со шхуны. Двое из них скакали также очень хорошо, как не удалось ни одному из жителей Андры; трое или четверо даже свалились, задев ногами за веревку. Трэдоры меня снова стали уговаривать не ночевать на берегу, говорили об опасениях шкипера, так что я счел нужным написать последнему записку, чтобы успокоить и вместе с тем напомнить ему один из параграфов нашего обоюдного уговора.[2] Передавая записку одному из трэдоров, я попросил его сказать шкиперу, чтобы он спал спокойно, что со мною на берегу ничего не случится, разумеется, если и он на шхуне ничего не сделает ни одному из жителей Андры. Посланный мною в дер. Суоу, на большом острове, Кохэм вернулся с известием, что Ахмат, матрос-малаец, о кото-

[1] Большие раковины из рода *Cassis*, с ручкой из плетеного ротанга, употребляются здесь как ведра для переноски воды.

[2] Параграф 4-й письменного документа, подписанного шкипером В., перед нашим отплытием из Сиднея, был следующий: «*В случае, если г. Миклухо-Маклай будет убит туземцами одного из островов, капитан Веббер обещает не делать никаких насилий относительно туземцев под предлогом „наказания"* (will not permit himself to employ any kind of violence against the aborigines by way of punishment». Причины, почему я сделал этот пункт одним из параграфов условия, изложены мною в письме Географическому обществу (Изв. Географ. общ., т. XVI, стр. 429).

ром я выше упоминал, находится в другой деревне, дальше внутри страны, но что жители Суоу передадут Ахмату мое желание видеть его.

25 августа

Моя записка не только, кажется, ободрила и успокоила шкипера, но навела его на мысль устроить второй «smoke-house» на берегу, так как железная коптилка на шхуне была совершенно переполнена, а количество трепанга, которое каждый день доставлялось на шхуну, не убавлялось. Он прислал одного из трэдоров нанять хижину на берегу, которую он полагал возможным, закупорив все отверстия и скважины, приспособить к копчению трепанга. Хижина, которую туземцы согласились предоставить для этой цели, была именно ум-камаль, в которой я помещался. Заметив, что предложение шкипера нравится туземцам, я со своей стороны не хотел делать затруднений, почему сейчас же стал приискивать себе другое помещение. Кохэм был очень рад предложить мне свою хижину, и найдя ее только немногим меньше, чем ум-камаль, я распорядился, чтобы перенесли мои вещи в новое помещение. В одном отношении хижина Кохэма была удобнее ум-камаль, так как была частною собственностью и меня там не могли так часто беспокоить разные посетители, которых из ум-камаль — хижины, назначенной для всех мужчин деревни вообще, я не считал себя в праве выпроваживать без дальнейших церемоний. Устройство моего нового помещения заняло несколько часов, так как хижину пришлось фундаментально вычистить: обмести паутину и толстый слой копоти под крышей и по стенам, вымыть нары и т. п. Перенесенные из ум-камаль мои вещи я расположил довольно удобно. Повесив фонарь-лампу над столом, я имел по вечерам достаточно света, чтобы писать дневник. Очень устав, намеревался лечь спать рано, и в 8 часов я забаррикадировал входную дверь досками, назначенными для этой цели, и цыновкой из панданусовых листьев, чтобы предупредить подсматривание. Полураздетый, лежа уже в койке, но еще не потушив лампы, я был удивлен внезапным появлением около задней стены весьма пожилой женщины, которая что-то бормотала и странно поглядывала на меня. Простой знак рукой был достаточен, чтобы выпроводить ее. Она исчезла так же тихо, как и пришла. Я вспомнил тогда, что, кроме передней главной двери, хижина имела небольшую заднюю дверь, через которую старуха проникла в хижину. Мне так хотелось спать, что я не счел нужным вылезти из койки и как-нибудь запереть ее. Скоро задремав, сквозь сон я услыхал снова шорох, но не сразу открыл глаза. Движение, сопровождаемое скрипом и какими-то вздохами, заставило меня, однакоже, очнуться. На нарах, на чистой цыновке, лежала женщина, лет двадцати, и притворялась спящею. Нужно было подняться, так как она не откликнулась, и разбудить ее, чтобы выпроводить; но на этот раз мне не так легко было избавиться от второй посетительницы, как от первой. Она хихикала, не хотела итти, указывала на койку, чтобы я лег, делая знаки, что сама ляжет на нары. Пришлось почти силой ее вытолкать. Когда она, наконец, убралась, и пока я сидел еще у стола, записывая эти строки, появилась еще третья. Это была девочка, лет десяти, которая пришла сюда, вероятно, по приказанию папаши или мамаши, а не по своей воле, так как, войдя, она остановилась у стены, потупилась, молчала и боялась, кажется, двинуться, но сейчас же улизнула, как только я указал рукой на дверь. В деревне было очень тихо, и я остаюсь под сомнением, были ли эти

непрошенные визиты делом моего хозяина Кохэма или нет. В ум-камаль, куда не допускаются женщины, таких оказий со мною не случалось.[1]

26 августа

Встал рано, чтобы отправиться на охоту; убив несколько голубей *(Carpophaga oceanica)* и желая сократить путь в деревню, я пробирался по заросшей тропе, которая, по моему расчету, должна была прямо привести меня к морскому берегу. Я вышел, действительно, к берегу, но довольно далеко от деревни. Местность, в которую я попал, показалась мне знакомою. Я мало-помалу убедился, что в 1876 г. я не раз бывал здесь, узнал не только дерево, но и сучья, к которым я привязывал тогда свою койку. Недалеко от этого дерева строился тогда домик для трэдора, который был оставлен здесь шхуной «Sea Bird» в 1876 г.[2] Я поспешил в этом убедиться и, пройдя несколько шагов, увидал, действительно, развалины хижины, несколько свай и остатки крыши, лежавшей на провалившемся полу. Обрубки стволов доказывали, что место было когда-то расчищено, но зеленеющие молодые побеги от них свидетельствовали в то же время, что прошло достаточно времени с тех пор, как место это было покинуто. Я расположился удобно на срубленном пне; весь эпизод знакомства моего с ирландцем О'Хара, его высадка и поселение в этой построенной для него туземцами хижине, а затем печальный конец его предприятия ясно представились моей памяти.

Так как история поселения этого первого европейского пионера-колониста на о-вах Адмиралтейства довольно характеристична для местности и туземцев, то я нахожу подходящим рассказать здесь приключения бедного О'Хара. Этот человек, родом ирландец, получивший в Европе, сперва в Англии, потом где-то на Рейне, а затем во Флоренции, очень порядочное образование, был сперва, если не ошибаюсь, учителем где-то в Индии, занимал потом какую-то должность в колонии ссыльных на Андаманских о-вах, был одно время главным сотрудником, чуть ли не редактором английской газеты в Пуло-Пинанге. Попав, наконец, в Сингапур, он вошел там в сношения с торговою фирмой Ш., которая вела меновую торговлю на островах Тихого океана. Ему вздумалось попытать счастье на островах, куда он согласился отправиться в качестве «агента» или «трэдора» для меновой торговли с туземцами. Чтобы пополнить число агентов своих на островах Тихого океана, фирма эта отправила в 1876 г. на о-ва Меланезии четырех трэдоров на английской шхуне «Sea Bird», нанятой для этой цели. Двое из них должны были быть высажены на о-вах Адмиралтейства, один трэдор в группе Луб, а четвертый должен был быть оставлен на о-вах Каниес, или Каниет. Итальянец С. Пальди и ирландец О'Хара были назначены поселиться на о-вах Адмиралтейства. Они были, как и я, пассажирами на шхуне «Sea Bird», и я был знаком с ними в продолжение трех или четырех месяцев, т. е. во все время перехода от Явы до о-вов Адмиралтейства. Пальди был оставлен в июне 1876 г. в дер. Пуби, на южном берегу большого острова, О'Хара остался на о. Андра. Оба они, как люди образованные, обещали мне собрать значительный материал по этнологии местностей, в которых остались. Я передал обоим по короткой инструкции и по

[1] Я убедился потом, что эти ночные визиты женщин находятся в связи с туземными обычаями.

[2] См. мою статью об о-вах Адмиралтейства.

списку дезидерат — по антропологии и этнологии, на которые я желал иметь ответы. Ни одного, однакож, мне не пришлось более видеть: Пальди был убит туземцами, а о судьбе О'Хара я узнал случайно, при моем возвращении с берега Маклая в 1877 г., от лица, которое встретилось с ним около года спустя после того, как он поселился на о. Андра. Этот человек был тогда пассажиром на небольшом кутере «Рабеа» под американским флагом. Приблизившись к о. Андра, но не желая бросить якорь, шкипер Х., много лет проведший на островах Тихого океана, занялся меновой торговлей, которая шла очень успешно: множество пирог окружало кутер. Шкипер случайно обратил внимание на человека с очень светлою кожей, в изорванной шляпе, без рубашки, сидевшего в небольшой пироге и как будто не дерзавшего приблизиться к кутеру. Это последнее обстоятельство заинтриговало шкипера; он окликнул на английском языке проблематического незнакомца и, пригласив его на кутер, получил ответ, также по-английски, что он сделать это не может, так как боится, что туземцы на пирогах не пропустят его к кутеру. Тогда шкипер, поворотом руля (кутер лежал в дрейфе) и движением вперед, прочистил дорогу для пироги с незнакомцем. Когда последний приблизился, то этот человек был узнан многими на кутере: это был не кто иной, как О'Хара, но очень изменившийся. С величайшим трудом (его ноги оказались очень опухшими, и он сильно дрожал, вероятно, от возбуждения при встрече с европейцами) взобрался он на палубу. Костюм его состоял единственно из грубого холщевого мешка, который обхватывал самым неуклюжим образом его талию, и из дырявой грязной соломенной шляпы. В нескольких словах рассказал он шкиперу Х., что жители Андры, скоро после ухода шхуны «Sea Bird», угрожая ему смертью, забрали все товары для меновой торговли и все его личное имущество, как платье и белье, не оставив ему ничего, кроме старого мешка от риса и шляпы; что он уже много месяцев живет у одного старика-туземца, который, сжалившись над ним, дал ему угол в своей хижине, кормил его и при приближении кутера дал О'Хара свою пирогу, чтобы добраться до судна. О'Хара умолял шкипера отвезти его на южный берег большого острова Адмиралтейства, где он надеялся встретить Пальди. Так как шкиперу было почти что все равно, где торговать, то он согласился исполнить просьбу О'Хара и направился на О, чтобы обогнуть восточную оконечность большого острова.[1]

[1] Дневник 1879 г. просмотрен и дополнен примечаниями в С.-Петербурге в октябре 1887 г.

II

«... Расспросы у туземцев об их обычаях, главным образом вследствие недостаточного знакомства с их языком и многих других причин, мало помогают, приводят к ошибкам или к воображаемому разрешению вопросов. Единственный надежный путь — в и д е т ь в с е с о б с т в е н н ы м и г л а з а м и, а затем, отдавая себе отчет о виденном, надо быть настороже, чтобы полную картину обычая или обряда дало бы не воображение, а действительное наблюдение. Мне кажется даже полезным быть еще осторожнее: следует удержаться при описании виденного от всякого рода гипотез, объяснения и т. п.».

Миклухо-Маклай.

(Письмо Русскому географическому обществу. Изв. Географ. общ., т. XVI, 1880).

Морская стычка у южного берега большого острова.— Обнюхивание.— Ожидание несостоявшегося ночного нападения. — Знакомство туземцев с луком («осокай»).— Смерть Панги.— Самоистязание жен его.— Пляски перед умершим.— Туалет покойника.— Выражение горя.— Ночные пляски вокруг трупа.— Погребение его.— Воинственная демонстрация по случаю смерти Панги.— Баталия женщин.— Первобытные орудия.— Быстрое вытеснение их европейскими.— Приглашение жителей островка Сорри.— Третье пребывание на о. Андра в ноябре 1879 г.— Забавы детей.— Положение пленников.— Экскурсия в дер. Суоу.— Малаец Ахмат.— Интересные сведения относительно нравов и образа жизни туземцев, полученные от Ахмата.— Черепа съеденных.— Выделка «кур».— Женщина-покойница в дер. Суоу.— Этнологические загадки.— Необходимость большой осторожности и критики при наблюдениях.

Кутер «Рабеа» был очень небольшое судно, всего 35 т. вместимости. Экипаж состоял из шести человек матросов, четырех малайцев из Манилы, одного негра и одного туземца с о-вов Ниниго.

Подойдя утром, на другой день, к селению Пуби (на южном берегу большого острова), где в 1876 г. был оставлен трэдор Пальди, шкипер послал на берег шлюпку с тремя людьми за водой. Двое туземцев о-вов Адмиралтейства отправились с ними, чтобы указать ближайшую речку или ручей. В это время кутер окружило от сорока до пятидесяти пирог, из которых некоторые были очень значительны, с экипажем более чем в сорок человек. Пальди все еще не появлялся, почему О'Хара вздумал написать ему и передать записку одному из туземцев для передачи Пальди. Туземец, к которому он обратился, казалось, хорошо понял, чего от него желают, взял бумагу, свернул ее, вложил в отверстие мочки уха и, не говоря ни слова, направился в свою пирогу, которая сейчас же отошла от кутера, но недалеко. Туземец с запиской в ухе обратился к землякам своим с короткою речью, после которой они поспешно очистили палубу кутера и слезли в свои пироги. Людям на кутере нетрудно было понять, что, вероятно, скоро произойдет; пользуясь временем, пока туземцы, которых на палубе было множество, перелезли в свои пироги, они сами стали готовиться к защите. Кроме шкипера, на кутере оставались только трое человек матросов (трое других были отправлены за водой) и два белых трэдора. Итак, этим ше-

стерым пришлось вступить в борьбу с несколькими сотнями[1] туземцев. Никто, разумеется, не оставался на палубе; шкипер X, будучи замечательно хорошим стрелком, взял всю стрельбу на себя, предоставив остальным заряжать ружья, из которых некоторые были магазинные. Шкипер расположился у входа в каюту, так что половина его туловища находилась в самой каюте, а верхняя — несколько защищена небольшими дверцами каюты. Первое копье брошено было человеком с запиской Пальди в отверстии мочки уха, который, казалось, распоряжался атакой, а за ним последовал град копий, направленных в полуоткрытые двери и маленькие окна кутера. Шкипер, вооруженный прекрасным скорострельным ружьем, принялся за свое смертоносное дело. Он стрелял, только хорошо целясь и почти без промаха. Первым убитым со стороны туземцев был человек с запиской. Несмотря на меткость выстрелов, туземцы с замечательнейшей храбростью и яростью поддерживали нападение. Число копий было так велико, что после боя никому не пришла мысль пересчитать их: копий было так много и все они были так поломаны (оконечность их сделана из осколка обсидиана, материала очень ломкого), что их, чтобы очистить палубу, смели в море. Многие из копий пробили насквозь толстые двери каюты и, несмотря на массивную медную проволоку и толстое стекло, два окна оказались пробитыми. При одном неловком движении шкипер, выставивший неосторожно руку, был ранен копьем, что, однакож, не помешало ему, перевязав наскоро рану платком, продолжать свою стрельбу в цель. Очевидец происшествия этого рассказывал мне, что при каждом выстреле один из туземцев на пирогах валился мертвым или раненым. Туземцы не отдавали себе, кажется, полного отчета в действии ружей; это можно было заключить из обстоятельства, что они чересчур нахально подставлялись под выстрелы. Один туземец, напр., бросив копье, поднял лежавшую у ног его цыновку, как бы желая укрыться от пули, которая недолго заставила себя ждать, свалив несчастного мертвым за борт. Шкипер полагал, что число убитых или раненых им в тот день было около шестидесяти и никак не менее пятидесяти. Через полчаса боя туземцы решились уступить, прекратили метание копий и двинулись по направлению к берегу. Как раз в это время шлюпка с водой находилась на пути к кутеру; шкиперу можно было поэтому прикрыть ее возвращение. Две пироги отделились было от флотилии по направлению к шлюпке, но несколько метких выстрелов заставили их оставить шлюпку в покое. Кроме шкипера, двое из бывших в каюте оказались также ранеными копьями, проникшими через разбитые окна, но все три раны были незначительными. Главный парус, которого не успели убрать, был изорван копьями и превращен в лохмотья. Кутер, однакоже, направился к берегу и приблизился к дер. Пуби настолько, что все хижины были ясно видны. О'Хара узнал ту, в которой поселился Пальди, но забора вокруг нее, построенного по желанию последнего людьми шхуны «Sea Bird», не существовало.

После такой стычки с туземцами о торговле с ними, разумеется, нельзя было и думать, почему шкипер X. отправился далее. О судьбе Пальди я узнал впоследствии, о чем упомяну в свое время...

Возвращаюсь к своему дневнику.

[1] Считая самое меньшее по 10 человек экипажа на пирогу (на некоторых было насчитано более сорока) и принимая число пирог в 45, выходит, что нападавших было 450—500 человек.

Я вернулся по ближайшей тропинке в деревню и услыхал там неожиданную новость, что «менова» (искаженное английское название «man of war» — военное судно) приближается. Я так мало верил этому известию, что не захотел сопутствовать Кохэму, который тащил меня на северный берег островка, чтобы показать мне «менова», а остался в деревне, где занялся осмотром большой акулы, пойманной на рифе при собирании трепанга. Ее привезли в деревню, и мне хотелось определить, к какому виду она принадлежит, перед тем как туземцы распластают ее.

Известие о приближающемся судне, однакож, оправдалось, но, как часто случается, слон превратился в муху.

«Военное судно» было не что иное, как очень небольшой, довольно безобразный пароходик по имени «Alice», под германским флагом. Он принадлежал фирме братьев Гернсгейм и был на пути с о. герцога Йоркского (между Новой Британией и Новой Ирландией) в группу Луб, где жил трэдор этой фирмы. Я отправился на пароходик передать несколько готовых писем в Европу и Австралию, так как знал, что между о. герцога Йоркского и Куктауном в Австралии существует довольно правильное почтовое сношение. На пароходике мне сообщили, между прочим, что недавно был убит некий шкипер Л. своими же людьми. Этот человек несколько десятков лет был известен на островах Тихого океана своим бесстыдным и часто жестоким обращением с туземцами; жалеть было нечего и оставалось только принять к сведению, что на островах Тихого океана одним дрянным белым человеком стало меньше. Отдав свои письма, я поспешил вернуться на берег,[1] где мне хотелось дополнить свои заметки об акуле; вернулся я, однакож, слишком поздно: акула, по всей вероятности, *Galeocerdo Rayneri*, оказалась изрезанною на куски и уже варилась в горшках на обед жителям о. Андра.

Вздумав купаться в море, я опять попросил женщин приготовить для меня пресной воды, чтобы смыть соль с кожи. Раздевшись в хижине, надев свои короткие малайские штаны и род туфель или сандалий с деревянными подошвами, я вышел на площадку, где туземцы с криками встретили меня и сбежались, чтобы осмотреть меня поближе. Что выражали эти крики — изумление ли, удовольствие или неудовольствие — я не мог решить. Полагаю, что первое чувство было преобла-

[1] Посещение порта Андра пароходиком «Alice» послужило поводом сообщения, которое я, не без удивления, прочел в «Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» (декабрь 1879 г.). Оно находилось в письме доктора Финша (Finsch), написанном им с о. Ялуит (главного острова Маршалловых о-вов) от 30 сентября. Ради «курьеза» я приведу это место письма: «...Miklouho-Maclay ist mit einem Sydney-Trader nach den Admiralitäts gegangen und wohnt in einer Eingeborenenhütte mit Eingeborenen zusammen und studirt — Haie! von denen er täglch neue entdeckt. Hr. Robertson, der ihn auf den Admiralitäts traf, fürchtet sehr, dass ihn die Eingeborenen aufessen werden. Maclay hat aber Capitain und Steuermann einen Schein unterzeichnen lassen, dass man in diesem Falle an den Eingeborenen keine Rache resp. Vergeltung üben soll, sondern sich nur bemühe seinen Kopf zu erhalten und in Spiritus nach Petersburg zu senden...»

Этот Робертсон (которого я не знаю) был на пароходе «Alice», вероятно, видел меня и слыхал, должно быть, мое замечание, которым я мотивировал свое желание вернуться на берег, что на берегу находится интересная для меня акула, которую я достаточно еще не рассмотрел. Это замечание превратилось в заявление: «Maclay... studirt Haie!» Откуда Робертсон взял, что я, пожалуй, попаду на обед туземцам, я не знаю; вероятно, это просто заключение из разных рассказов шкиперов о жестокости и людоедстве туземцев. Это пример, как появляются и распространяются «сообщения».

дающее. Белизна кожи и длинные волосы на груди и ногах особенно удивляли их. Несколько женщин пробилось вперед и вздумало (странно сказать) обнюхивать мою грудь и спину, около regio subaxillaris. Это мне показалось очень курьезным, и я, закинув обе руки на голову, минуты две предоставил себя обнюхиванию. Мне кажется, все женщины деревни сбежались, и я решил войти в воду, чтобы избавиться от них. Качу и несколько мальчиков и девочек последовали за мною, и, следя за их ловкими движениями в воде, мне стало досадно, что не умею плавать. Я убежден, что туземцы не верили, что я не умею, и не могли представить себе, как это может быть. Качу особенно тащил меня в глубокую воду. Я насилу отвязался от него и, выйдя на песок, поднял кусок дерева и камень. Бросив в воду дерево, которое поплыло, я назвал его — «Качу». Бросив затем камень, пошедший ко дну, я назвал его — «Макрай». Это наглядное объяснение очень понравилось окружавшим меня, которые стали повторять: «Качу — дерево, Макрай — камень!» Обмывшись пресною водой, я вернулся в хижину, чтобы избавиться от двух-трех старух, которые не были здесь перед моим купаньем и ждали, чтобы я вышел из воды, желая, должно быть, проверить рассказы других женщин.

27 августа

Коптилка на берегу вышла удовлетворительною. Трэдорам и пяти людям о. Лифу, которые поселились в деревне, удалось очень плотно заткнуть все отверстия хижины, так что, когда в ней сегодня утром были разложены два значительных костра и двери плотно закрыты, дым почти что не проходил через крышу, а оставался в хижине и коптил трепанг. Недалеко от коптилки в двух больших полукруглых железных котлах варился трепанг, который привозили уже готовым для варки со шхуны. Люди Лифу устроили себе шалаш; в передней части последнего поместился капитан Б.,[1] один из белых трэдоров, которому были поручены варка и копчение трепанга на берегу, как и присмотр за людьми Лифу.

Я отправился на охоту, которая здесь, при незнакомстве птиц с огнестрельным оружием, очень незатруднительна; птицы, еще не наученные опытом, подпускают охотника на близкое расстояние, часто не улетают после выстрела, не обращая даже внимания на падение одной из них на землю. Я уронил нечаянно свой старый нож, с ручкой в серебряной оправе, и хотя заметил потерю его скоро и вернулся к тому месту, где обронил его, не нашел его. Он был, вероятно, найден и присвоен одним из туземцев, сопровождавшим меня. Я предложил два, даже три ножа тому, кто найдет потерянный, но никто не пришел, и мне пришлось заменить потерянный другим. Это был первый случай воровства, замеченный мною на этих островах. При возвращении в деревню капитан Б. сказал мне, что в то утро перебывало около коптилки очень много людей, вероятно, из других деревень, так как в большинстве своем физиономии были для него новыми. Все они осматривали европейские вещи с большим интересом и видели их, кажется, в первый раз.

Я пожалел, что меня не было в деревне, потому что я пользуюсь всяким случаем для антропологических наблюдений, и отправился к своей хижине докончить начатый портрет одного из туземцев. Не успел

[1] Итальянской службы.

я приняться за работу, как капитан Б. явился снова прочесть полученное им письмо от шкипера В. Последний писал, что с самого утра он замечал пироги, которые одна за другой направлялись к небольшой бухточке большого острова, недалеко от о. Андра, что в настоящее время там находится целая флотилия пирог с сотнями туземцев, что движения туземцев кажутся ему очень таинственными и подозрительными и что, по его мнению, нападение на нас, живущих на берегу, а может быть, и на шхуну, очень вероятно. В виду этого он желает, чтобы мы непременно вернулись на шхуну и т. д. Капитан Б. был очень встревожен и не зная что предпринять, обратился поэтому ко мне с вопросом, что я стану делать. «Я останусь здесь, — отвечал я, — потому что страх шкипера В. мне кажется неосновательным». Капитан Б., с одной стороны, боялся не послушаться шкипера, с другой, — ему не хотелось показаться трусом, почему он объявил мне, что, если шкипер настоит на перевозке людей на шхуну, он, разумеется, их отправит со всеми вещами, но сам останется со мною. Выслушав мое заключение, что мне никого не нужно и что ничего серьезного не произойдет, он отправился на шхуну переговорить со шкипером; я же — в хижину, чтобы отдохнуть и обдумать наше положение. Я положительно не верил, что жители Андры осмелятся напасть на нас, но отчасти допускал возможность такого глупого поступка со стороны жителей других деревень, союзников людей Андры. Не додумавшись ни до чего, я задремал; было уже темно в хижине, когда у дверей послышался в третий раз голос капитана Б., говорившего мне, что шкипер согласился оставить людей на берегу с условием, чтобы никто не спал ночью и все было готово к отражению нападения. Кроме бывших на берегу четырех ружей системы Шнейдера, он прислал еще два той же системы, несколько фальшфейеров для сигналов и т. д. Капитан Б. отправился совещаться со своими людьми; я же сел у моря подышать свежим вечерним воздухом и полюбоваться последними лучами солнца. Б. опять подошел ко мне, но уже с менее радостной физиономией, как за минут 5 перед тем, и знаком предложил мне следовать за ним. Не было еще так темно, чтобы не видеть довольно ясно предметов.

Хижины, как я уже сказал, стояли в дер. Андра группой и были обращены передними фасадами на довольно неправильную площадку. Несколько тропинок, четыре или пять, вели к ней, и все они были обыкновенно довольно открыты и заметны. Капитан Б. привел меня к одной из них — она была завалена высокою кучей колючего хвороста; подошли ко второй — то же; к третьей — то же. Только четвертая и пятая, ближайшие к берегу, оставались открытыми. Оба мы знали положительно, что никогда этого прежде не бывало. Для чего это было сделано? Когда и кем? Мы не знали. Эти баррикады показались мне странными, а в пылком воображении капитана Б. рисовалась целая картина атаки, засад и т. д. Я предложил ему не показывать и виду наблюдавшим за нами туземцам, что мы придаем большое значение этому обстоятельству. Капитан Б. сообщил мне, что распределил своих пятерых людей по вахтам: два человека по два часа, сам же не будет спать всю ночь. «Напрасно, — сказал я, — если что случится, то случится не вечером и не ночью, а под утро; к тому времени я буду к вашим услугам, а теперь я отправлюсь спать, чтобы приготовиться на всякий случай».

Несмотря на виденные баррикады, мне все еще не верилось, что люди Андры рискнут на серьезное нападение. Я не стал пить чаю, ко-

торый всегда действует на меня возбудительно и не дает мне спать. На всякий случай я вытащил свое ружье Шнейдера из чехла, зарядил его, вложил дюжину патронов в пояс и осмотрел патроны револьвера, которые оставляю иногда по неделям невынутыми в револьвере, потому что смотрю на этот инструмент как на нужный только в крайнем случае, а не как на игрушку для стреляния в цель, ради забавы. Револьвер, нечаянно смоченный, оказался очень ржавым; пришлось разобрать его на части, вычистить их и смазать, а также вложить новые патроны. Кончив эту операцию, я был рад лечь, наконец, и не захотел встать, когда Кохэм, которого я не видал весь день, явился и разложил небольшой костер в очаге. Это было сделано для света, так как лампа не горела. Кохэм покрыл нары новою цыновкой и долго с кем-то шептался у задней двери хижины. Он вернулся, а за ним следовали две женщины или девушки, которых он уложил на цыновке на нарах, прикрыв каждую свежею цыновкой.

Между женщинами находилось место как раз для одного, и я думал, что он оставил его для себя, но ошибся. Кохэм подошел к койке и знаками предложил мне лечь на нары. Все это показалось мне очень странным, потому что я не высказал желания иметь общество кого-либо ночью, а тем более двух женщин. Это показалось мне даже какой-то западней.[1] Я встал поэтому, зажег лампу и сдернул цыновку с лежащей женщины — это была та же, которая приходила беспокоить меня в прошедшую ночь; но сегодня она не хихикала, а серьезно поглядывала то на Кохэма, то на меня. Подойдя к другой, я и с нее стащил покров — это была Пинрас, девочка, о которой я уже говорил. Кохэм стоял, умильно поглядывая на меня и повторяя: «уян, уян!» (хорошо, хорошо!). Чтобы отвязаться от них и не обидеть никого, я указал на мои сонные глаза, сказав: «Матин (спать)!» Потушил лампу и лег на койку, предоставив Кохэму и моим посетительницам делать что угодно.

28 августа

Я проспал отлично до 3 часов утра и, слыша голос Б. и людей Лифу на площадке, вышел к ним и нашел всех на ногах. Б. было как будто досадно, что я проспал напролет всю ночь, а он без толку бодрствовал. Позвав его в хижину, я предложил ему для подкрепления сил выпить чашку кофе, который при помощи экстракта кофе мог быть приготовлен очень скоро. Требовался единственно кипяток.

«Теперь, — сказал я Б., когда мы напились кофе, — если туземцы затеяли что-нибудь против нас, то мы узнаем это весьма скоро. Прикажите людям Лифу быть наготове и исполнять наши приказания безотлагательно». Капитан Б. вышел распорядиться, а я стоял в раздумьи, что предпринять — лечь ли снова, писать ли дневник, или выйти на площадку. Вдруг послышались невдалеке отчетливые звуки мраля (деревянного барабана), как будто с пироги у берега, а затем на самой площадке возгласы жителей Андры: «усия, усия!» (неприятель, неприятель!). Схватив ружья и фальшфейер, я выскочил на площадку, где, к моему неудовольствию, заметил немало людей Андры. Мне почему-то подумалось, что эти люди останутся нейтральными до тех пор, пока исход схватки, которая теперь казалась неминуемою, не определится, что они с удовольствием бросятся доколоть и ограбить нас, когда

[1] В этом я ошибался. Это предложение женщины гостю оказывается, как я узнал, обычаем на о-вах Адмиралтейства.

главное дело будет сделано людьми, которых они называют «усия». В группе туземцев я заметил и Кохэма. Мраль и говор вдали послышались снова.

Я подошел к Б. и людям Лифу, которые стояли, вооруженные ружьями, около потухающего костра.

— Что теперь будем делать? — спросил Б. — Не зажечь ли фальшфейер? (Это должно было быть сигналом, что мы находимся в опасности.)

— Оставьте шкипера В. спать, мы и без него управимся, а я вам сейчас скажу, что делать.

В критические минуты мне иногда приходит какая-нибудь счастливая идея, исполнение которой приводит натянутое, иногда опасное положение к благоприятному исходу.

Потухающий костер в этом случае дал мне эту идею. «Дайте мне факел, — обратился я к людям Лифу, — и бросайте в костер все, что найдете, что может гореть». Загорелся великолепный костер. Звуки мраля усиливались, и крики были слышны очень близко.

Терять времени нельзя было.

Я зажег факел и сказал громко, чтобы все меня слышали, вероятно, значительно коверкая туземный язык: «Усия идет, Маклаю и людям шхуны надо много огня, чтобы видеть, в кого стрелять. Кохэм, скажи женщинам и детям выйти из хижин, потому что Маклай будет сейчас жечь их! . .» Б. и люди Лифу поняли мою мысль и стали вооружаться факелами; я же был готов поджечь ближайшую хижину. Мои решительные слова и возможность в несколько минут лишиться жилья и имущества очень озадачили Кохэма и его земляков. Я заметил, что некоторые убежали, вероятно, предупредить усия; Кохэм же и несколько других поспешили ко мне с уверениями, что усия еще далеко, что усия, вероятно, не придет и просили не жечь хижин. «Если усия не придет, то хижин не будем жечь», — успокоил я некоторых, между тем как другие уже суетились, желая вынести разные драгоценности из своих хижин.

Рассвело, и шлюпка с десятком людей отвалила от шхуны. Махинация Кохэма и компании на этот раз не удалась.

— Что сталось с баррикадами? — поинтересовался я узнать у Б.

— Исчезли, — ответил он, — как только туземцы заговорили, что усия не придет.

Именно проблематическое сооружение их поддерживало мою мысль, что если бы нападение на нас состоялось, то в нем участвовали бы наши приятели из дер. Андра.

После эпизода, который я описал, мне показалось не особенно удобным оставаться в хижине Кохэма, где я находился совершенно как бы в руках туземцев, которые доказали, что не заслуживают большого доверия. Недолго думая, я поставил свою палатку, которую на всякий случай привез с собою, на краю деревни, под большим деревом, где прежде подвешивал койку. Мое помещение при этом выиграло тем, что стало светлым; в хижине и днем при открытых дверях господствовал полумрак. Палатка представляла спальню; в ней находились сложенные все мои вещи; около нее я поставил складной стол и скамейку. Немного расчищенное место вокруг служило для принятия посетителей — туземцев. В палатке я только спал или отдыхал, но писать, есть и т. д. мне приходилось у стола, с трех сторон открытого для взоров любопытных; но я так привык не стесняться десятков глаз, следящих за каж-

дым моим движением, что давно уже стал к этому совершенно равнодушен и нередко совершенно забывал о присутствии посторонних. Я приставил Качу, который попрежнему был готов всегда услужить мне, за что, разумеется, я со своей стороны отплачивал от времени до времени небольшими подарками, охранять мои вещи, когда я уходил куда-нибудь, в деревню, на охоту или когда купался. Моя остальная свита, человек шесть или семь мальчиков и девочек, понемногу отстала, появляясь редко, на короткое время, и то только для того, чтобы выпросить что-нибудь. Пинрас после вчерашней сцены в хижине Кохэма более не появлялась.

Расхаживая по деревне, я наткнулся в одном из камаль на торчащий между атапами[1] крыши небольшой лук, который, судя по размерам, собственно был не что иное, как детская игрушка. Эта находка была интересна, потому что нигде на о-вах Адмиралтейства употребление лука как оружия неизвестно. Ни один из путешественников, посетивших эту группу до меня, о луке не упоминает, а многие удивляются его отсутствию. До сегодняшнего дня я и сам его нигде не видал на этих островах. Я сейчас же позвал одного из более толковых туземцев, указал на него и прибавил: «ланган-се?» (как зовут?). Вытаскивая между атапами лук, он назвал его «осокай»,[2] и, приискав где-то под крышей несколько легких стрел, названных им «поренгун», он пустил одну в море, прибавив часто туземцами употребляемое слово «уян» (хорошо). Итак, лук, правда, как детская игрушка, известен на о-вах Адмиралтейства. Отчего он не вошел в общее употребление, не стал действительно важным для туземца оружием на войне и при охоте, я не берусь решить. Может быть, имея копья различной формы и величины (некоторые не больше больших стрел папуасов Новой Гвинеи), привыкнув метать их с большою ловкостью, туземцы нашли лук лишним.

Другое предположение: может быть, кто-нибудь из посетителей о-вов Адмиралтейства, европеец или житель других островов, где употребление лука известно, показал здешним людям именно этот осокай как новую штуку.

Пример подобной возможности я видел на днях: как-то утром пришла шлюпка со шхуны; через несколько времени я заметил толпу детей, между которыми находились и взрослые, окружавших матроса Джо, туземца Лифу. Я подошел к группе и нашел, что последний обучает туземцев Андры употреблению так называемого «сепа», небольшого приспособления, при посредстве которого жители группы Лойэлти бросают свои копья на гораздо бо́льшее расстояние и с бо́льшею силой, чем если бы бросали просто рукой. При помощи сепа Джо в

[1] Атапами называются особенным образом сплетенные цыновки из листьев кокосовой и других пальм, употребляемые для крыш, стен, заборов и т. д. «Атап» — название малайское.

[2] Было бы интересно убедиться, не встречается ли подобное имя, как «осокай», в одном из меланезийских диалектов. На одном из диалектов Фиджи лук называется «такай». Не лишено интереса то обстоятельство, что в этнологическом отделе Австралийского музея в Сиднее находится лук средней величины с ярлыком: «Острова Адмиралтейства», без более подробного обозначения местности, где он был приобретен. Коллекция, в которой находился этот лук, была куплена музеем у какого-то шкипера. Не упуская из виду большой недостоверности сообщений коллекторов этого рода, факт этот, мне кажется, заслуживает внимания вследствие того обстоятельства, что даже берега о. Адмиралтейства, не говоря уже о внутренности его, далеко не исследованы, и, может быть, именно в одной из таких непосещенных местностей туземцы и знакомы с луком. Это, однакоже, не более, как предположение.

метании легких детских копий перещеголял всех своих конкурентов. Жители Андры скоро переняли у Джо умение делать сеп, и я каждый день замечал у мальчиков этот новый инструмент, и имя «сеп» вошло в общее употребление на о. Андра.

Может быть, подобно сепу, и осокай был показан здешним туземцам каким-нибудь приезжим. Услужливый Джо, научив туземцев употреблению сепа, хотел выучить их делать и «эте» (пращи), употребляемые как на Новой Каледонии, так и на о-вах Лойэлти. Полагая, что у туземцев здесь и без эте довольно смертоносного оружия, я сказал Джо, считающему себя усердным христианином (он католик), что показывать людям, как убивать друг друга, большой грех, что я непременно напишу миссионеру, что Джо занимался на островах поучением туземцев делать сеп и эте. Это сильно смутило Джо, он чуть не заплакал и обещал, разрывая на части начатую пращу, более этого не делать, прося только не писать миссионеру, которого он всегда очень хвалит. Чтобы развеселить Джо и потупившихся жителей Андры, которым мое вмешательство не понравилось, я предложил первому показать туземцам пляску Лифу, так называемую «пилу-пилу», до которой Джо был большой охотник и плясать которую был мастер.

Несколько сильных ударов в мраль (деревянный барабан) в камале одной из ближайших групп хижин, несколько пронзительных криков и завываний женщин заставили нас всех оглянуться. Туземцы все разбежались. Я направился с Джо к своей палатке, не понимая, в чем дело. Мимо нас пробежала, крича и воя, пожилая женщина, вся измазанная небрежно черною краской [1] (а может быть, просто углем). Обыкновенный, очень приличный костюм пожилых женщин — два длинных, спереди и сзади висящих фартука из растительных фибр — был заменен у этой женщины несколькими обрывками короткого старого фартука, который почти что не прикрывал ее тела. Пробежав около нас, она стала еще сильнее кричать и голосить и вдруг со всего размаха бросилась на землю и начала кататься по ней. Там, где она бросилась на песок, торчало несколько острых кораллов, так что она поранила себе тело до крови во многих местах. Было неприятно смотреть на это самоистязание. Она схватила лежащий обломок коралла и принялась бить им выбритую голову, лицо, грудь. К ней подошло несколько других женщин, вероятно, утешить ее; но она только вскочила и, завопив еще громче, во второй раз, плашмя, как стояла, бросилась на землю. Я все еще не знал, в чем дело. Подошедший Качу тихо сказал мне: «Панги римат» (Панги умер). Я понял тогда, что женщина эта должна быть одною из жен старого Панги, которого я уже несколько дней не видал. Женщина, между тем, теперь вся покрытая песком, окровавленная, почти что голая, вскочила и побежала дальше и скрылась между хижинами. Я направился к хижине покойника. Меня никто не остановил, почему я влез в узкую дверь семейной хижины, где увидал следующую картину. Недалеко от двери, на земле, покрытой кадьяном, [2] лежал покойник, окруженный несколькими женщинами, тянувшими заунывную песню, между тем как две или три громко, что имели сил, рыдали Свет из дверей прямо падал на совершенно голое тело умершего; голова его лежала на коленях одной из женщин, которая, грея пальцы над огнем, старалась закрыть полуоткрытые глаза. Вдруг одна из жен-

[1] Растертым пиролюзитом или, может быть, просто растертым углем.

[2] Кадьян — цыновка из листьев пандануса. «Кадьян» — название малайское.

щин, страшно воя, бросилась обнимать умершего, прильнула к груди его и рукой стала гладить лицо его; другая бросилась обнимать его колени. За заднею дверью послышались крики женщины, которую я видел на берегу. На ней еще виднелся песок, и кровь текла из ран на лице, груди и руках. Перелезши высокий порог хижины, плаксиво что-то напевая, пошатываясь и как бы приплясывая, не глядя ни на кого, она медленно приблизилась к покойнику, от которого другие женщины тогда отступили. Вновь пришедшая при виде трупа снова пришла в сильное волнение; с пронзительным криком, срывая с себя последний клочок одежды, она бросилась на мертвого, которого, лежа на нем, стала теребить то в одну, то в другую сторону; приподнимала его голову, трясла за плечи, усиленно звала его, как бы желая разбудить спящего. Вскочив опять на ноги, вся в поту, в крови и грязи, она принялась выплясывать какую-то странную пляску, напевая самым жалостным голосом непонятные для меня слова. Я приютился, сев на старый мраль, в углу хижины и следил за происходящим. Сцена была такая необыкновенная, что мне казалось, что я вижу какой-то странный сон — не верилось действительности.

Женщина не сводила глаз с лица покойника, словами и телодвижениями она как бы старалась вернуть мертвеца к жизни. По временам движения тела у женщины, которая как бы забыла все окружающее, кроме умершего, доходили до самых неистовых.

Когда она устала, ее заменила другая из присутствовавших.

Во всех завываниях, жестах, телодвижениях можно было, однакоже, заметить много искусственного, заученного. Обычай этого требовал, чувство отступало на второй план. Что я не ошибался в этой оценке, доказала происшедшая предо мною сцена, немного в стороне от покойника и главных действующих лиц. Как только главная жена отошла от трупа и была заменена другою, она непосредственно перешла от самых бешеных криков и жестикуляций к простому разговору; она достала горшок с водой и жадно напилась; уместившись поудобнее, все время болтая с близ сидящими женщинами, она стала очищать от грязи и угля ею же самою нанесенные себе раны. Она производила впечатление актрисы, сошедшей со сцены.

Вторая женщина была сменена третьей и четвертой, после чего сидевшие ближе к покойнику (вероятно, более близкие родственницы) перешли к убиранию тела. Лицо, голова были тщательно выбриты осколками обсидиана, даже пучок волос в ушах не был забыт. Все тело затем было тщательно вытерто мягкою тапой,[1] все волосы со всех частей тела удалены.

Все время я был единственным мужчиной в хижине. Заметя общее утомление, я подумал, что некоторое время ничего не произойдет замечательного; и вышел поэтому из хижины на свежий воздух. Войдя полчаса спустя, я застал небольшую группу около умершего. То были, вероятно, самые близкие родственники и друзья его. Выражение горя на лицах было глубоко и трогательно. Не было театральных жестов и поз, не было даже крика или воя; по лицам всех текли обильно слезы, и кроме тихих всхлипываний я ничего не слыхал.

Эта сцена неподдельного горя представляла сильный контраст с видом группы женщин и детей, жадно обгладывавших человеческую кость! Выходя из хижины, я прошел мимо женщины, сидевшей у бе-

[1] Тапа — приготовленная древесная кора. «Тапа» — название полинезийское.

рега. То была, вероятно, сестра или одна из молодых жен усопшего. Выражение горя было очень характерно: из закрытых глаз текли ручьем слезы, губы что-то бормотали; бессознательно водила она по песку руками; иногда, как ребенок, нагребала она песок в кучки, потом снова сравнивала все рукой. Я прошел мимо, затем остановился, простоял довольно долго, глядя на нее, но она меня не видала и не слыхала.

Из моего бивуака я мог видеть, как несколько процессий черною краской обмазанных женщин, с разных концов острова, прошло к хижине покойника. Я последовал за ними и увидел, что в мое отсутствие покойник был вымазан красною краской [1] и имел вокруг головы, шеи и рук несколько украшений из раковин. Я приютился в своем уголке. Входившие группы женщин еще до входа в хижину начинали заунывный вой; когда же подходили к покойнику, одни начинали выплясывать пляску, подобную виденной мною утром, другие с плачем и воем бросались к трупу.

Около 3 часов пополудни мужчины принесли несколько больших и малых мраль и, поставив [2] их у заднего входа в хижину покойника, уселись около них. Скоро оглушительный стук начался. Во все мраль били зараз палками из очень сухого дерева и били изо всех сил. Стук, как я сказал, был оглушительный.

Хижина переполнилась понемногу женщинами; большинство стояло, и только ближайшие к покойнику предавались разным телодвижениям, стоя на месте.

Движения производились средней частью туловища и должны были быть весьма утомительны: женщины часто сменялись. Те, которые хотели показаться более растроганными (как мне показалось), подходя к покойнику и начиная свою пляску на одном месте, срывали с себя оба фартука, т. е. не оставляли ничего на себе. Пробыв более часа в хижине и видя, что ничего нового не происходит, я ушел.

Виденные сцены, а главным образом томительное завывание женщин и несмолкаемый громовой стук мралей, привели меня в крайнее утомление: голова кружилась, глаза слипались.

Несмотря на продолжающийся гам в хижине умершего, я не входил туда до вечера. Внутри хижины пляска шла своим чередом. Костер, разложенный около головы покойника, освещал пляшущих. Вою и крику женщин вторили звуки мраля.

Не будучи в состоянии при этих условиях заснуть, я принял небольшую дозу морфия, которая доставила мне несколько часов сна, но около 3 часов утра особенно сильный звук мралей пробудил меня. Я спал нераздетым, намереваясь посмотреть, что будет твориться ночью в хижине умершего; я сейчас же встал и направился туда. Была великолепная лунная ночь, и много женщин стояло и плясало вне хижины, в ней же самой женщин всех возрастов было, кажется, еще более, чем днем. Костер около покойника иногда ярко вспыхивал, и при этом свете я мог видеть, что все пляшущие (в хижине не было тогда ни одного мужчины) были совершенно голы. Телодвижения были обращены к покойнику, который был положен боком и как бы смотрел на пляшущих; старые женщины особенно отличались в пляске.

[1] Красная охра заменяется здесь часто для окрашивания тела толченою сургучною яшмой.

[2] Для резонанса мраль ставится на два толстых поперечных бруска из сухого дерева.

*

При самых усиленных ударах в мраль появился в хижине человек, лет сорока пяти. Он был весь вымазан черным, и костюм его состоял единственно из раковины *Ovula ovum*. Когда он шел к покойнику, все дали ему дорогу и приутихли; подошедши к самому костру, он остановился шагах в двух от покойника. Все присутствующие женщины тогда уселись, как могли, на земле, только две из них стали по сторонам вновь пришедшего. Эти трое (мужчина и обе женщины), подняв руки над головами и расставив ноги, начали вопить самым немилосердным образом. Когда их вопли немного стихли, мрали вне хижины старались как бы заглушить голоса человеческие. Движения мужчины были очень энергичны, но вряд ли уступали в этом отношении движениям обеих женщин. Минут через 10 при самом неистовом крике всех и сильнейших ударах мраля мужчина [1] вышел из хижины и весь гам оборвался.

Все стали расходиться; я тоже ушел, надеясь еще заснуть перед восходом солнца. Это удалось — прием морфия еще действовал.

Все утро в деревне было тихо — ни воя, ни звуков мраля не было слышно, так что я подумал, что покойника куда-нибудь унесли. Я пошел удостовериться. Он лежал на старом месте, сильно вспух и вонял; стаи мух наполняли хижину; множество их жужжало вне ее. Несколько женщин постоянно обмахивало, обтирало и обкуривало труп. Это занятие продолжалось все утро.

Около 2 часов 30 минут пополудни покойник был вынесен из хижины на особенно устроенных носилках из досок и положен среди площадки между хижинами. Мужчины стояли и сидели кругом, женщины образовывали группы за ними. Один из мужчин, [2] взяв кокосовый орех в одну руку, а туземный топор в другую, произнес короткую речь, которую я, к сожалению, не понял. При каждом имени, произнесенном оратором в конце речи, он делал топором на кокосе легкую зарубку. Все время, пока тело лежало на площадке, над ним держали цыновку. После речи все поднялись, и покойника, на тех же носилках, отнесли в «сари» (дворик перед хижиной) и там, около самого входа в хижину, стали рыть яму. Яма эта вследствие твердости кораллового грунта имела не более $2^1/_2$ или 3 футов глубины. Тело, на котором были оставлены немногие украшения, завернутое в кадьян и обвязанное, опустили в яму в лежачем положении и стали наполнять ее землей. Пока покойника зарывали, некоторые плакали и кричали, но все спешили окончить церемонию погребения.

Часа два спустя на площадке произошел дележ наследства, которое состояло из нескольких больших деревянных блюд, множества копий, разных украшений, домашней утвари, цыновок и т. д. Все это было сложено в небольшие кучки и унесено немногими мужчинами и женщинами.

[1] Имей я скверную привычку — говорить более, чем знаю, и обыкновение давать проблематическим (для меня) личностям и вещам определенные названия, мне показалось бы здесь весьма уместным назвать этого черным вымазанного человека с болтающеюся белой раковиной чем-нибудь вроде жреца, кудесника или по крайней мере знахаря. Мне кажется, однакоже, при моем настоящем знании обычаев туземцев о-вов Адмиралтейства, более соответствующим правде оставить титул этого человека вопросом открытым. Во все время моих четырех пребываний на этих островах я не видал никого и ничего, что бы дало мне право утверждать, что между этими островитянами есть личности, занимающие положение жрецов, колдунов и т. п.

[2] Не тот, который плясал у трупа утром.

В каком родстве к покойнику состояли эти люди, по недостаточному знанию языка, я не мог спросить.

Вечером и ночью в хижине умершего было собрание воющих женщин, а на могиле ярко горел костер, сложенный из больших стволов.

Утром большинство мужского населения острова стало собираться в поход на дер. Рембат. Эта экспедиция находилась в прямой связи со смертью Панги.[1] Ко мне и капитану Б. туземцы обратились с просьбой принять участие в предпринимаемой экспедиции. Мы, разумеется, отказались.

Женщины снаряжали мужчин: таскали в пироги копья, провизию, воду и т. д. Отправилось одиннадцать пирог; в каждой было от семи до девяти человек.

Отправляясь на охоту, мне пришлось проходить около колодца, находившегося почти посредине островка и состоящего из ямы фута в 3 или 4 глубиной; вкус воды был солоноватый, хотя ее можно было пить без отвращения. Колодец содержался очень опрятно, был обыкновенно покрыт кадьяном, и недалеко от него на сучьях дерева висело несколько скорлуп кокосового ореха, служащих обыкновенно туземцам ковшами.

У колодца можно было почти всегда встретить женщин и детей, приходящих за водой с самыми разнообразными сосудами.[2] Сегодня, проходя невдалеке, я был удивлен гамом нескольких десятков крикливых женских голосов. Я сперва хотел пройти, но остановился, заметив, что среди толпы женщин находились две, лежащие на земле, которых били, топтали ногами и т. д. Против этих несчастных двух было, как уж я заметил, несколько десятков женщин, из которых некоторые были вооружены палками почтенных размеров. Сопровождавший меня Качу объяснил мне, что это женщины из Рембат, именно той деревни, с которой жители Андры отправились воевать. Хотя мужья этих двух женщин были туземцы Андры, но это обстоятельство, кажется, не было достаточно в этом случае, чтобы избавить их от нападения остальных женщин. Это истязание показалось мне несправедливым, и я направился в середину свалки. Гам и побои продолжались, голос же мой был заглушен всеобщими криками, и мне необходимо было поэтому прибегнуть к энергичной мере, которая, я надеялся, произведет свое действие. Оба дула моего ружья были заряжены дробью. Я выстрелил вверх, над головами беснующихся баб. Все разом притихли, большинство разбежалось, но несколько особенно озлобленных старух не хотело выпустить своих жертв. Увидя полную раковину с водой, я схватил ее, подошел к самой разъяренной из мегер и плеснул все содержимое раковины ей прямо в лицо. Она, разумеется, не ожидала от меня такого успокоительного средства. Выпустив из рук дубинку, она с руганью убралась.

[1] Туземцы большинства островов Меланезии не верят в естественную смерть, а считают ее следствием колдовства врагов умершего, почему смерть туземца сопровождается часто походом на одну из враждебных деревень, в которой, полагают, живет причинивший заговором смерть туземцу. Пример тому сообщен в моем письме Географическому обществу: «Второе пребывание на берегу Маклая на Новой Гвинее 1876—1877 гг.».

[2] Здесь можно было видеть сосуды из дерева, скорлупы кокосовых орехов, бамбуки разной длины и разные раковины (*Cassis, Voluta* и др.), глиняные горшки, непромокаемые корзины («кур»), сосуды из пальмовых листьев и т. п. Полное описание всех этих сосудов потребовало бы нескольких страниц.

Крики в деревне заставили меня направиться туда. Экспедиция в Рембат вернулась, но без раненых или убитых, не ранив и не убив никого из противников. Все ограничилось воинственною комедией.

Я посвятил сегодня несколько часов на приобретение коллекции первобытных туземных орудий,[1] которые очень быстро вытесняются европейскими. Первое место между этими орудиями каменного века занимает «реляй», или большой топор — орудие действительно очень примитивное; оно состоит из деревянной палки (около 80 см длины), один конец которой гораздо толще другого. В этом толстом конце сбоку выдолблено углубление, в которое плотно вставляется отточенный кусок базальта или другой вулканической породы (чаще треугольной, редко продолговатой формы), или подходящим образом отломанный кусок раковины *Hippopus* или *Tridacna*. Только один край куска раковины бывает отточен, остальная поверхность его остается без обделки. Эта первобытная форма топора встречается также на некоторых островах Микронезии и в Австралии. «Реляй-риин» (топор малый) походит на более распространенную форму каменных топоров островов Тихого океана. Ручка его имеет форму цифры 7; к верхнему колену ее прикреплена, с помощью ротанга, наполовину сточенная раковина *Terebra maculata*. Эти топорики очень легки и могут служить только для легкой работы.

Ножами служат куски обсидиана, вправленные в деревянные ручки, а чаще отточенные молодые раковины или продолговатые обрезки больших жемчужных раковин. Отточенные на камне края этих раковин могут быть сделаны очень острыми; ими режут веревки, клубни корнеплодных растений и т. д. Для резания мяса, однако, туземцы употребляют ножи из бамбука.

Резьба на дереве (красивых ручек больших деревянных блюд, деревянной оправы обсидианового острия копий и т. п.), на бамбуке и на раковинах (*Tridacna, Meleagrina, Trochus* и др.) производится главным образом с помощью осколков кремня. Для полировки дерева (больших деревянных блюд, напр.) употребляются обломки разных раковин, а затем куски пемзы, которая по временам в значительном количестве приносится приливом к берегу.[2] Осколки обсидиана служат для бритья, татуировки, разных хирургических операций.

Туземцы охотно расставались со своими топорами, меняя их на железные топоры, ножи и даже обручное железо. Последнее они очень ценят потому, что куски его им нетрудно прикреплять к ручкам их небольших топоров («реляй-риин») вместо отточенных раковин *Terebra maculata*.

Обручное железо служит также жителям островков и береговых деревень большого острова удобным средством обмена при сношениях их с жителями материка.

Между тем как большие реляй (топоры) почти что вышли уже из употребления, реляй-риин, с куском железа вместо раковины, и все остальные инструменты туземцев из раковин, кремня и обсидиана еще долго, а может быть и навсегда, останутся необходимыми предметами повседневного обихода жителей о-вов Адмиралтейства, вследствие того,

[1] Все эти вещи можно видеть в музее Академии Наук, так как они составляют часть этнологической коллекции с островов Тихого океана, подаренной мною в прошлом году С.-Петербургской Академии Наук.

[2] Между островами, на S от большого острова Адмиралтейства, находится несколько с действующими вулканами.

что последние не получат от европейцев ничего подходящего, что могло бы заменить их,[1] и потому, что материалы для туземных орудий (жемчужная раковина, обсидиан и т. д.) находятся в таком количестве, что пока нет причины и думать, что в них может оказаться недостаток.

Ножи, большие гвозди, топоры ценились туземцами гораздо более, чем бусы, красная бумажная материя и т. п. До сих пор еще, к большому удовольствию и большой выгоде шкиперов и трэдоров, туземцы не открыли различия между железом и сталью. Я попытался объяснить разницу некоторым, но они, кажется, меня не поняли.

Одиннадцать четырехугольных парусов туземных пирог показались в проливе между большим островом и островком Понем, — то были пироги с островка Сорри. Все они окружили скоро шхуну, куда и я отправился. Там я узнал, что новоприбывшие приглашали шкипера отправиться к ним, обещая ему трепанга, жемчужных раковин, черепаховой скорлупы вдоволь. За последние дни туземцы Андры были слишком заняты собственными делами, так что добыча произведений рифов была незначительной. Шкипер решил поэтому уйти и предложил мне вернуться завтра же на шхуну.

Я поспешил поэтому на островок, к себе в палатку. Многие из вновь прибывших жителей Сорри находились в деревне и приготовляли себе ужин. Лунная ночь была великолепна, и я долго просидел с туземцами на берегу моря, стараясь пополнить словарь диалекта Андры. При этом мне удалось записать также много слов диалекта островка Сорри, который не одинаков со здешним.

Туземцам очень нравилось мое желание знать их язык, и они с удовольствием отвечали на мои вопросы.

1 сентября

Люди Сорри утром собрались в обратный путь. Некоторые из пирог были значительной величины, и знал бы я наверное, что шкипер В. отправится прямо туда, я с удовольствием рискнул бы перебраться в Сорри на одной из пирог; но слову шкипера я уже привык не доверять, и так как я не знал языка Сорри, такое предприятие могло оказаться действительно не безопасным. Когда пироги Сорри ушли, я стал собираться на шхуну. На прощание Кохэм и несколько других туземцев сочли своим долгом наделить меня и капитана Б. подарками. Мне были даны свинья и тридцать один кокосовый орех, Б. получил несколько больших рыб и дюжину кокосовых орехов. Дети — Качу, Аса и др. — все принесли мне по какому-нибудь небольшому подарку. Я также не поскупился и убежден, что они сохранят по мне добрую память. При последних лучах солнца, пользуясь задувшим береговым ветерком, трехмачтовая шхуна «Сади Ф. Каллер» вышла за риф в открытое море.

4 ноября

Наш курс лежал очень близко от о. Андра, и на этот раз без моей просьбы шкиперу вздумалось заглянуть туда и захватить, если возможно, еще немного трепанга.

[1] Осколки обсидиана и кремня представляют в руках туземцев такие превосходные бритвы, хирургические инструменты и аппараты для резьбы орнаментов по дереву и раковинам, что сомнительно, чтобы европейские бритвы, ланцеты и т. п. когда-либо заменили их.

К 5 часам вечера мы бросили якорь на старом месте. Одним из первых явившихся был Кохэм. Известие, слышанное нами в Сорри, подтвердилось: о. Андра выдержал набег Салаяу,[1] причем из жителей Андры было убито 7 человек, в том числе и Греги, отец Качу. Очень выразительной мимикой Кохэм показал, что Греги вместе с другими убитыми был увезен неприятелями и съеден.

5 ноября

На берегу, в деревне, куда я отправился утром, я нашел значительную перемену. Вместо ум-камаль, который послужил шкиперу для устройства коптилки, стояли теперь целых три небольших камаля рядом. Двери их выходили на песчаный морской берег. Крайний из них, самый отдаленный от деревни, понравился мне по своей чистоте и уединению, почему я и занял переднюю часть его. Я подвесил койку таким образом, что мог видеть все, что происходило на берегу.

Несколько девочек, от трех до двенадцати лет, купалось на берегу и, заметив, что я обратил на них внимание, они очень долго занимались этим делом: то выходили из воды и ложились на теплый песок, то с криком бегали в воду и барахтались на весьма мелком месте. Температура воды (30°Ц) и воздуха (31 · 2°Ц) делала, разумеется, это препровождение времени весьма приятным, и скоро примеру девочек последовало множество детей обоего пола. Я нарочно не показывался, чтобы не нарушать их забав.

В деревне я видел одного из пленников, забранных во время недавной схватки жителями Андры. Участь этих людей, как я узнал потом, не особенно завидная. Во всякое время они могут опасаться быть убитыми и съеденными. Им приходится много работать и быть в полной зависимости чуть ли не от каждого жителя деревни, где они находятся в плену. Мне было указано место, теперь расчищенное, где прежде стояли две хижины, и несколько пней кокосовых пальм — все это, как мне объяснили, было делом Салаяу.

Я уговорился с Кохэмом и другим туземцем отправиться завтра в дер. Суоу, где, как мне сказали, находится в настоящее время Ахмат, малаец, о котором я уже не раз упоминал. Мне было интересно поговорить с этим человеком, прожившим здесь между туземцами более трех лет, могущим поэтому разъяснить многое для меня загадочное, а также послужить переводчиком. Имея эту экскурсию в виду, я предпочел вернуться ночевать на шхуну.

Шкипер потирал себе руки. Результатом сегодняшнего дня была покупка за несколько десятков фунтов обручного железа и несколько фунтов стеклянного бисера не менее тонны трепанга, ценностью, при самом умеренном расчете, не менее 100 фунтов стерлингов.

6 ноября

Считая поездку в Суоу предприятием довольно рискованным и не желая подвергнуться расспросам и выслушивать советы, я предпочел не

[1] Значение слова «Салаяу» на диалекте Андры я не мог уяснить; может быть, это название какой-нибудь местности, деревни или острова; быть может, означает, как и «усия» — неприятель вообще.

говорить никому из белых на шхуне о моем намерении. На всякий случай, однако, я оставил записку капитану Б., в которой сообщил, куда и зачем я отправлюсь, прося его, в случае моего невозвращения, поддержать шкипера В. в точном исполнении нашего уговора.

Часов в 9 я отправился на большой остров в пироге Кохэма; с нами был также и мой старый знакомый (1876 г.) Подако, житель дер. Суоу. Без приключений пристали мы к пристани дер. Суоу. Я предпочел остаться в пироге, а Подако послать в деревню, находящуюся на холме, чтобы привести Ахмата сейчас же. Не прошло и пяти минут, как Ахмат, который, вероятно, ожидал меня, окруженный толпой жителей Суоу, подошел к пироге. Хотя на нем был костюм туземцев, т. е. простой пояс, но сравнительно с туземцами светлый цвет кожи и отросшие прямые волосы резко отличали его от прочих — темнокожих и курчавоволосых. Ахмат робко подошел ко мне и сперва не смог ничего сказать (не знаю, от робости или от возбуждения). Несколько малайских слов, сказанных мною, ободрило его. Он мне ответил, что его содержат здесь вроде пленника и что он желает, если только возможно, отправиться со мною; что это будет, однакоже, зависеть от меня, так как туземцы Суоу не отпустят его без выкупа, а у него ничего нет. Я утешил Ахмата, сказав, что выкуп я заплачу и намерен это сделать сегодня же, не зная наверное, когда шхуна снимется.

Я пошел затем, сопровождаемый всею толпой, в деревню и расположился в том же камале, где был три года тому назад. Мне несколько раз пришлось остановить Ахмата, который порывался рассказать мне свои приключения, сказав, что выслушаю его с интересом вечером на шхуне и чтобы он теперь переговорил обстоятельно с туземцами и узнал от них, какой выкуп они за него потребуют. Для нас, меня и моих спутников из Андры, жители Суоу приготовили завтрак. Я воспользовался этим временем, чтобы сделать несколько набросков, нарисовал, между прочим, портрет одной из девочек. Так как она никогда не видела белого, смущение и страх ее при виде меня сделали ее совершенно неподвижною. Она даже боялась моргнуть. Портрет, сделанный при помощи камеры-люциды, вышел поэтому очень удачный. От вернувшегося Ахмата я узнал, что за него требуют, и обещал ему и жителям Суоу вернуться с выкупом за Ахматом к 3 часам. Время дня легко объясняется туземцам указанием на приблизительное положение солнца. Я поспешил на шхуну. При прощании Ахмат был очень растроган, чуть не плакал, хотел целовать мне руки и т. п. Он просил меня привезти с собою со шхуны пару старых панталон и какую-нибудь рубашку, потому что, говорил он, ему было бы совестно явиться на шхуну в костюме дикарей.

Я сдержал слово и, несмотря на усталость, отправился за бывшим пленником, как обещал, к 3 часам. Выкуп за него состоял из следующих предметов: большой американский топор, 6 сажен красной бумажной материи, 3 больших ($\frac{1}{2}$ м длины) ножа, 12 больших кусков железа, половина кокосовой скорлупы бисеру, 2 ящика спичек. Все это я передал Ахмату, который в свою очередь отдал каждый предмет, один за другим, одному из людей Суоу. «Они поделятся в деревне», — пояснил мне Ахмат, поспешно переодеваясь в европейские штаны и рубашку. Некоторые из жителей Суоу подошли к нему проститься, потрепали по плечу, сказали несколько слов; Ахмат оказался очень равнодушен, оставляя местность, где провел более трех лет.

На шхуне я узнал от него несколько интересных подробностей из

жизни туземцев (к сожалению, далеко не так много, как ожидал)[1] и несколько дополнений к истории жизни трэдора О'Хара на о. Андра и кое-что об участи другого трэдора С. Пальди, убитого в дер. Пуби. Начинаю с первых.

Власть начальников в деревнях о-вов Адмиралтейства показалась Ахмату очень незначительною и зависела более от личности и характера начальника, чем от его положения. Хотя Ахмат порядочно знал диалект дер. Суоу, но за все время своего пребывания там он не узнал названия (титула) начальника на туземном языке. Что некоторые туземцы пользуются между своими бо́льшим авторитетом, чем другие, он часто замечал, но это было более вследствие личных качеств этих некоторых.

Людоедство — явление здесь очень нередкое. Туземцы предпочитают мясо людей свинине. Едят его вареным в пресной воде; тело режется на небольшие куски так, чтобы можно было поместить их в горшки. Внутренности, за исключением мозга, сердца и печени, выбрасывают. Человеческое мясо разрешается есть женщинам и детям. После стычек привозят на пирогах или приносят убитых издалека с целью есть их. Ахмат уверял меня, что хотя и был очень много раз свидетелем людоедства, но никогда не принимал в нем участия. Туземцы обыкновенно предлагали ему порцию человеческого мяса, но не сердились на него, когда он отказывался. Черепа, которые нередко бывают выставлены в умкамалях, в большинстве случаев принадлежат людям, съеденным в этих камалях. Пленников, забранных во время набегов, нередко убивают и съедают, иногда после того, как последние прожили несколько месяцев в деревнях. Исключение из этого правила составляют те из пленников, которые сумеют найти себе в деревнях победителей между молодыми девушками жену. Ахмат уверял меня, что туземцы здесь не очень разборчивы относительно того, каким образом добывать человеческое мясо. Он рассказал мне случай, свидетелем которого он сам был. За несколько недель до первого прихода шхуны «Сади Ф. Каллер» в порт Андра (т. е. в августе этого года), во время отлива, когда все рифы были оголены, из дер. Суоу, находящейся на высоком мысу, была замечена девушка, собиравшая там морских животных. Никто из жителей Суоу, обративших на нее внимание, не признал ее за живущую в соседних береговых деревнях, а некоторые подробности ее костюма и украшений свидетельствовали, что она принадлежит к одной из горных деревень. Все же горные деревни на большом острове находятся во враждебных отношениях к береговым. Это обстоятельство решило участь девочки. С общего согласия один из жителей Суоу отправился за легкой добычей, Ахмат, понимавший, в чем дело, остался смотреть, что будет. С выступа скалы, покрытого зеленью, можно было все видеть, что происходит на рифе, и не быть замеченным оттуда. Житель Суоу выехал в пироге один, как бы на рыбную ловлю. Девочка хотя и заметила его, но не испугалась и продолжала собирать раковины. Охотник, обогнув риф, чтобы сделать бегство его добычи невозможным, вышел на риф и стал мало-помалу приближаться к неосторожной, не подозревавшей ничего девочке. Подойдя к ней, он схватил ее поперек тела и скорыми

[1] Зная, что Ахмат человек неглупый, я был убежден, что получу от него немало сведений о туземцах, с которыми ему пришлось прожить 3 года и 5 месяцев. От него туземцы не скрывались, а в рассказах о них Ахмату не было причины утаивать что-либо или выдумывать. Все сообщаемые ниже заметки о туземцах, узнанные от Ахмата, заслуживают, по моему мнению, полного доверия.

шагами направился к своей пироге. Добравшись туда, он с силой бросил несчастную на острые кораллы спиной вниз. Пока она была еще ошеломлена от падения, ушибов и боли, людоед хладнокровно перерезал ей горло небольшим европейским ножом и здесь же на рифе принялся за распластание своей добычи. Ахмат видел затем, как ее принесли в деревню. Все внутренности были вынуты, но тело, помимо длинного разреза вдоль linea alba и нескольких ран на спине от ушибов, было цело. Оно принадлежало девочке лет четырнадцати или пятнадцати. «Я бы взял ее себе в жены, — добавил Ахмат, — а не съел бы ее». Не так думали люди Суоу — жена достанется одному, между тем как все жители деревни получили, вероятно, по крайней мере по кусочку от сваренной девочки. Этот пример людоедства, по словам Ахмата, в Суоу не считается ничем особенным. Неосторожные женщины и неопытные дети горных деревень нередко становятся легкою добычей жителей береговых деревень или прибрежных островков.

Многоженство. По словам Ахмата, у весьма немногих туземцев более пяти жен, у большинства их две, нередко одна. Особенной покупки женщин в жены не существует, — это дело соглашения с родственниками. Все жены, хотя бы их было и пять, живут в одной хижине.[1] Когда мужчина берет себе новую жену, то он уводит ее на несколько дней с собою в лес, оставаясь иногда там недели две и более. Потом парочка возвращается домой, и новой жене приходится знакомиться со старыми. Без побоев и брани не обходится.

Сначала, когда Ахмат только что появился между туземцами, когда имел еще достаточно вещей разного рода, нравившихся туземцам, он был встречен по деревням с большим почетом; везде его кормили исключительным образом и, когда он отправлялся спать, клали около него по обе стороны молодых девушек, к которым он, однакоже, не должен был прикасаться. При малейшей фамильярности с его стороны они с криком убегали. Я узнал также от Ахмата, что девушки при наступлении зрелости и женщины после родов носят здесь специальный костюм из кадьяна, вид которого меня так изумил при посещении деревни Пургаасси.[2]

«Руен-римат» — кость, украшенная перьями крыльев орла (*Pandion* spec.?), замеченная мною уже в первое мое пребывание на о-вах Адмиралтейства в 1876 г., оставалась для меня проблематическим украшением.[3] Проф. Мозелей, также описавший этот предмет, называет его

[1] Приведу здесь несколько строк из моего дневника 1876 г. «...В одной из хижин я застал четырех молодых женщин, из которых две нянчились с грудными детьми, а две были беременны. Пригласивший меня в эту хижину туземец, еще очень молодой человек, представил мне этих женщин как своих жен. Я не сейчас же понял, что человек по своей воле может жить в хижине, которая состоит из одной комнаты, с четырьмя женами и их детьми; хозяин же, предполагая, что я сомневаюсь в том, что эти женщины его жены, повторил, поочередно подходя к каждой из них, одну и ту же мимику, весьма недвусмысленную, которая и была причиной общей веселости женщин. Скоро вошла еще пятая женщина — мать хозяина или одной из его супруг; она жила, кажется, также в этой хижине».

[2] См. первую часть: Островок Андра.

[3] В моем письме Русскому географическому обществу о путешествиях 1876 г. о руен-римат находится следующее замечание: «Я заметил у многих пожилых людей аппарат, которого значение осталось для меня темным; он состоял из пучка тонких ветвей, на которых засохшие листья были сохранены; эта метелка имела рукоятку из верхней части человеческого humerus. Эту метелку туземцы носили на шнурке вокруг шеи. Я не узнал, для чего она служит, заметил только, что туземцы неохотно с нею расставались».

просто общим названием «charm». Значение «руен-римат» было уяснено для меня Ахматом. «Руен-римат» не что иное, как кость (обыкновенно humerus) отца или дяди, и носится только теми из туземцев, отец или дядя которых был начальником или известным почему-либо человеком. Иногда случается, что туземец носит два таких руен-римат, что значит, что не только отец, но и дед его был значительным человеком, всеми признанным за такого, — одним словом, руен-римат — род вещественного знака хорошего происхождения, род патента на дворянство. Руен-римат носится только при особенных случаях, и Ахмату несколько раз случалось видеть, как носителям этого знака предоставлялись особенные преимущества.

Раз, напр., Ахмат был свидетелем следующего случая. В Суоу пришло несколько гостей из соседней береговой деревни. Между ними находился один туземец, державший себя очень важно, на спине у которого болтались два руен-римат. После обычного угощения, когда гости собирались уходить, им были поднесены жителями дер. Суоу, сообразно общему папуасам обычаю, подарки. Эти подарки состояли, во-первых, из свертка недоеденного угощения, [1] а затем из нескольких предметов, которые не составляют редкости в дер. Суоу, но не встречаются в таком изобилии [2] в деревне посетителей. Все гости молча приняли подарки, но важный человек с двумя руен-римат насупился и, положив подле себя подарки, начал речь, в которой высказал мнение, что подарки эти достаточны были бы для простого человека, но не для него. Перекинув оба руен-римат себе на грудь, он указал на один из них, требуя прибавки подарков. Их принесли. Он этим, однакоже, не удовольствовался и, показывая на другой руен-римат, потребовал: «и для этого». И это было исполнено как что-то должное. Ахмат уверял меня, что туземцы — обладатели руен-римат — очень нередко прибегают к подобным вышеописанным указаниям на руен-римат.

В последние годы туземцы, заметив желание европейских трэдоров, собирающих этнологические коллекции, приобретать экземпляры руен-римат, прибегли к подделке настоящих. В некоторых случаях они просто делают их из куска дерева, вырезывая его в виде кости или вставляя между перьями какую-нибудь человеческую кость (не humerus), иногда даже птичью.

П р а в о с у д и е. По словам Ахмата, если кто-нибудь убит или что-либо украдено, третье лицо не вмешивается. Обиженный или обиженные мстят, как могут. Если кто открыл что-нибудь у него украденное в хижине соседа, то он берет свое и отправляется в ум-камаль бить в мраль. Если вор молчит — делу конец; если произойдет драка и один убит — посторонние не вмешиваются.

[1] Каждому гостю на о-вах Меланезии подносится при угощении большое деревянное блюдо с едой, которой обыкновенно так много, что за один раз одному человеку невозможно съесть более $^1/_5$ или $^1/_4$ поднесенного. Все недоеденное связывается после угощения в свежие листья (хлебного дерева, банана и т. п.) и отдается гостю со словами: «на дорогу», или: «съешь потом», или: «дашь детям», или что-нибудь в этом роде.

[2] Каждая деревня производит обыкновенно что-нибудь с избытком; в одной делаются, напр., горшки, в другой — растет много арековых пальм, третья — богата красною охрой, четвертая — съедобною землей и т. п. В каждой деревне гостям при уходе подносится по горшку, по несколько связок орехов арековой пальмы, охра и т. д., одним словом, то, что находится в ней в изобилии.

О своей жизни между туземцами Ахмат сказал, что хотя ни разу туземцы не покушались убить его, но что он никогда не чувствовал себя в полной безопасности среди них. Одно казалось ему верным, что его не убьют из-за желания съесть его, так как он не раз слышал от туземцев выражение отвращения к мясу светлокожего человека. Ему много раз предлагали жен, обещая построить для него отдельную хижину, если он женится. Но все предлагаемые женщины были стары, и это обстоятельство заставляло Ахмата отказываться. Лишних молодых девушек в Суоу не было, или туземцы берегли их для себя. Он обыкновенно жил в одном из ум-камаль и не может вообще жаловаться, что с ним туземцы обращались нехорошо.

О трэдоре О'Хара Ахмат рассказал мне многое, что объясняет плачевную участь этого человека. По уходе шхуны «Sea Bird» О'Хара, которому, как и другим трэдорам, был оставлен небольшой запас красного вина и «брэнди», находился почти ежедневно в полупьяном состоянии и нередко в положении полной невменяемости. Разумеется, такое состояние не могло поставить этого человека высоко в глазах туземцев. От полной фамильярности туземцы мало-помалу перешли к самым нахальным требованиям. Смотря по состоянию, в котором находился О'Хара, он то упрямо отказывался от исполнения желаний туземцев, то, смеясь, раздавал им больше, чем требовали. Хижина его была днем, а иногда и ночью, полна народу. В одно прекрасное утро, наконец, полутрезвый О'Хара отправился купаться в море, оставив в хижине и около нее множество туземцев. Когда он вышел из воды, ему представилось зрелище общего разграбления его имущества: без всякой церемонии, как бы не видя его, туземцы вытаскивали ящики с товаром, и каждый брал, что хотел. Когда О'Хара вздумал что-то сказать, некоторые из туземцев, схватив копья, так серьезно пригрозили ему, что он не стал далее препятствовать. У него было взято положительно все, и, если бы не нашелся между туземцами действительно добрый человек, который сжалился над ограбленным, О'Хара остался бы без крова и пищи. Я поспешил узнать имя этого доброго туземца, приютившего О'Хара, намереваясь познакомиться с ним и дать ему несколько подарков. «Его имя — Мана-Салаяу, — ответил Ахмат, — он совсем старый человек и живет один; жены его умерли, а дети уже все взрослые. Приютить, кормить и поить О'Хара старику не было никакой выгоды; напротив, над ним смеялись, иногда даже ругали за О'Хара», — прибавил Ахмат.

Так и между людоедами встречаются сострадательные люди.

Об участи Пальди от Ахмата узнал я следующее. Немного месяцев (три или четыре) по уходе шхуны «Sea Bird», до дер. Суоу дошла молва, что белый, оставленный судном в дер. Пуби, на южном берегу большого острова, был убит и все вещи его забраны туземцами. Защищался ли Пальди перед смертью или был убит во сне, Ахмат не слыхал; знает только, что, когда труп его был раздет и хотели приступить к приготовлению из него разных кушаний, никто не захотел его есть. Тогда голова его была отрезана для сохранения как трофей в камале, а тело, изрезанное на куски, сложено в пирогу, отвезено и брошено в море на съедение рыбам. Эту историю Ахмат слыхал несколько раз и не сомневался в ее верности. [1]

[1] При этом рассказе мне вспомнился разговор с Пальди накануне ухода шхуны «Sea Bird» с рейда у дер. Пуби, где последний остался, а потом был убит. Разговор был приблизительно следующий:

На мои вопросы: есть ли между южным и северным берегами большого острова постоянное прямое сообщение и есть ли внутри острова деревни — было отвечено Ахматом, что он слыхал положительно, что такого сообщения не существует; для того чтобы из Суоу прямо попасть на южный берег, приходится перебраться через значительное пространство соленой воды, род большого озера. Сообщение, однакоже, существует вдоль берега или где-то через остров, но весьма непрямым путем.

— Что вы думаете о моем новом местожительстве, о решении жить здесь между дикими и вероятном результате этого плана? Прошу очень сказать мне совершенно откровенно! — обратился ко мне Пальди.

— Зачем мне вас разочаровывать? — ответил я. — Мои слова будут лишними, так как вы решились остаться здесь.

Пальди стал настоятельно просить сказать, что я думаю.

— Если вам жизнь дорога, если вы когда-нибудь надеетесь жениться на вашей возлюбленной, о которой вы как-то мне говорили, то, по моему мнению, не оставайтесь здесь! — были мои слова.

— Это почему? — вскричал Пальди.

— Потому, что вы проживете здесь месяц, может быть два, а возможно также, только день или другой по уходе шхуны.

— Что же вы думаете, меня убьют туземцы? — спросил Пальди недоверчиво.

— Да! — ответил я решительно.

— Отчего же убьют меня?.. Вас же не убили папуасы на берегу Маклая! Почему же меня убьют? Вы же ужились с туземцами Новой Гвинеи! Разве люди здесь другие? — стал спрашивать Пальди каким-то обиженным тоном, в котором слышались также досада и недоверие. — Вам же удалось, отчего это не может удаться другому? — добавил он.

— Причин тому много. Лучше прекратим этот разговор! — возразил я.

Пальди, однакоже, настаивал, чтобы я договорил, что начал. Он был прав, почему я продолжал.

— Главные причины следующие: вы — горячекровный житель юга, я — северянин. Вы считаете вашим другом и помощником, вашею силою — ваш револьвер; моя же сила на берегу Маклая было хорошее и справедливое обращение с туземцами; револьвер же мне никогда не казался там нужным инструментом. Вы хотите, чтобы туземцы вас боялись благодаря револьверу и ружью; я же добивался и добился их доверия и дружбы. Вот главнейшие различия наших воззрений относительно обращения с туземцами. Есть еще второстепенные причины трудности вашего успеха: вот она — вы остаетесь жить в самой деревне туземцев, не зная ни их языка, ни их обычаев; не думаете ли вы, что вы будете для них скоро «как бельмо на глазу», от которого они постараются избавиться? Оставаясь на Новой Гвинее, я поселился в лесу, в местности, до меня никем не занятой, на которую никто до моего прибытия не предъявлял ни прав, ни притязаний; построил себе хижину в одной миле от одной и двух милях от другой деревни... Есть еще одна серьезная причина трудности вашего успеха: все туземцы, при которых были перевезены вещи ваши со шхуны, знают, какие сокровища, по их мнению, будут находиться в вашей хижине; думаете вы, никому из них не придет мысль, что одним удачным ударом пущенного копья все эти сокровища могут сделаться их?.. Вы скажете: не очень вероятно, чтобы первое пущенное копье попало в цель, что ваш револьвер положит нахала на месте, заставит остальных разбежаться. Согласен, верю даже, что, будучи, как вы говорите, хорошим стрелком, вы положите не одного, а шестерых на месте, что каждая пуля найдет своего человека. Тем хуже для вас. Все разбегутся, но вы прибавите к желанию завладеть вашими сокровищами еще чувство, даже долг (обязательный у туземцев) мести... Но довольно, хотя это далеко не все, что можно бы сказать. Но я сказал нарочно более, чем хотел сперва, думая, время еще есть — и вы можете переменить ваше решение.

Хотя мои слова заставили, кажется, Пальди очень призадуматься, но он остался в Пуби.

Убийство его показало, что я был прав; как долго он прожил, как я уже сказал выше, мне не удалось узнать; смерть его в глазах туземцев была блистательно отомщена белыми, так как шкипер X. положил на месте 50 или 60 человек...

7 ноября

Отправился с Ахматом на о. Андра, чтобы отыскать туземцев Пакау и Мана-Салайяу, которым О'Хара главным образом обязан своею жизнью и некоторым комфортом во время пребывания здесь. Обоим я дал по нескольку подарков и при помощи Ахмата, который служил переводчиком, объяснил, что даю эти вещи им как друзьям О'Хара. Старик Мана-Салайяу очень расчувствовался, даже заплакал.

Мне хотелось узнать, чем натирают корзины, здесь называемые «кур», чтобы обратить их в непромокаемые сосуды. При помощи Ахмата туземцы хорошо поняли, что я желаю знать, но заявили, что «апис» (растение какое-то) растет только на большом острове.

Проходя через дер. Андра, мимо новых хижин, и припоминая ночное приключение 27 августа (несостоявшееся нападение усия), мне вздумалось спросить Ахмата, знает ли он что-нибудь о нем. «Как же! Все деревни кругом много говорили о нападении на туан[1] Маклай и людей со шхуны, живущих на берегу. Некоторые хотели даже попытаться завладеть и шхуной; предлагали и мне присоединиться в этом случае к ним», — сказал Ахмат. — «Отчего же все это не состоялось?» — спросил я. — «Да оттого, — ответил Ахмат, — что все боялись европейских ружей, которых, говорят, на шхуне много; а жители Андры боялись, чтобы туан Маклай не сжег их деревни».

8 ноября

Шкипер В. послал шлюпку с трэдором к дер. Суоу скупить там кокосовое масло. Я воспользовался этим случаем, чтобы снова побывать там, надеясь с Ахматом, как переводчиком, разузнать о многих меня интересующих вопросах по антропологии и этнологии. Ахмат, между прочим, сказал мне, что в ум-камале, где меня принимали, сохраняется 5 черепов жителей большого острова и что туземцы за несколько кусков железа отдадут мне их. Такую краниологическую добычу несомненно верного происхождения не следовало упускать.

Добравшись до деревни, я сейчас же захотел видеть эти черепа. Сперва туземцы немного церемонились, но показанные большие куски железа очень оживили их, и все 5 черепов были положены к моим ногам. Через Ахмата я спросил туземцев, указывая на первый попавшийся череп, кому принадлежал он. Взглянув на него внимательно, один из присутствующих ответил: «Камаль Ругуль» (человек из дер. Ругуль); другой был из Рембат, третий — из Терлоу, а четвертый и пятый — из Терлут (все эти деревни находятся на северо-восточном берегу большого острова). Каждый из черепов имел кое-какие особенности, так что туземцы, вероятно, не ошибались, обозначая их. Все черепа были совершенно черны от копоти. Ахмат дополнил историю происхождения их, сказав, что эти 5 человек уже мертвыми были привезены в Суоу и все съедены в этом же камале.

Я вспомнил о растении апис, употребляемом при выделке так называемых «кур». Ахмат отрядил двух мальчиков принести мне из лесу листья, цветы и плоды апис. Немного погодя, я получил желаемое, за исключением цветов. Один из туземцев принес в камаль плотно спле-

[1] Туан — по-малайски значит господин.

тенную корзину — будущий кур. Взяв один из плодов апис и сдернув ногтями довольно плотную кожу с одной стороны, он принялся натирать корзину мякотью плода. Последняя очень волокниста, но довольно сочна. Сок этот, проникая в скважины плетения, быстро застывал, так что через некоторое время дно корзины, несколько раз смазанное соком апис, сделалось непромокаемым. На одну небольшую корзину требуется несколько плодов апис, потому что внутри плода находится большое зерно. Апис формой и величиной напоминал мне манго (*Mangifera indica*),[1] почему я захотел узнать, едят ли апис, на что туземцы, делая разные гримасы, как бы съев что-то очень кислое и невкусное, отвечали: «пый» (нет!). Мне были показаны кур разной величины и формы, и Ахмат уверял меня, что для холодной воды эти сосуды могут быть употребляемы долго, даже несколько лет, если покрывать их новыми слоями сока апис.

Выйдя на площадку, я заметил некоторое оживление у входа в одну из хижин. В ней я увидел лежащую на цыновке мертвую женщину, около которой голосило несколько баб. Никаких плясок не было. Ахмат сказал мне, что пляшут только вокруг покойников-мужчин; при смерти женщин ближайшие родственники, вымазавшись черным, а иногда и белым красильным веществом,[2] только причитают и воют, сидя вокруг покойницы, которую затем зарывают близ хижины. От трупа сильно пахло, почему я не остался долго в хижине. Не дошел я еще до камаля, как меня и моих провожатых обогнало несколько мужчин странного вида. Все тело их было вымазано белою глиной, даже головы были вымазаны ею. На них не было никаких украшений, и костюм их состоял единственно из раковины *Ovula ovum*. Быстро пройдя мимо нас, они вошли в камаль, где стали бить в мраль. Они то же повторили и в другом камале и, наконец, направились в хижину покойницы, которая приходилась им родственницей. Эти вымазанные белым люди были жители другой деревни и пришли, чтобы присутствовать при похоронах умершей.

Проходя мимо хижины моего старого приятеля (1876 г.) Подако, я не узнал его, потому что ему явилась фантазия выбрить себе голову, за исключением узкой полоски волос на затылке. Мне пришли сказать, что шлюпка, на которой я приехал, скоро отвалит, так как все кокосовое масло в деревне скуплено трэдором. Собрав свои покупки, которыми нагрузил Ахмата, я спустился к пристани и нашел в шлюпке, кроме полного боченка кокосового масла, несколько бамбуков, наполненных им. По отзывам Ахмата, туземцы здесь не умеют приготовлять его, однако это делается ими, но не с помощью гниения, а кипячения.

[1] Сохраненные плоды и листья апис я препроводил, при возвращении в Австралию, известному ботанику, барону Ф. Мюллеру в Мельбурне, прося его определить растение, от чего другие ботаники, к которым я обращался, за отсутствием цветка отказывались. Громадное знакомство с туземной флорой этой части света (Австралии и островов Тихого океана) барона Мюллера делало исполнение моей просьбы возможным. Определение аписа в систематическом отношении на этот раз, однакоже, не состоялось. Письмо мое было получено Мюллером, но приложенные образчики листьев и плодов каким-то образом были затеряны в ботаническом музее в Мельбурне. Я полагаю, что апис может оказаться важным и для европейской мануфактуры. Ахмат натер, по моему желанию, мои парусиновые штиблеты соком апис, — они стали непромокаемы, остались мягкими, и я их проносил года два или даже более.

[2] Перекисью марганца (пиролюзитом), глиной или пеплом.

9 ноября

Ночью и утром шел сильнейший дождь, почему я остался на шхуне. Торг трепангом продолжался, но последний оказался уже мелким; шкипер неохотно его брал, уговаривая туземцев привозить ему крупный.

У одного из жителей Андры, приехавшего на шхуну, я заметил привешенные к его ожерелью из собачьих зубов несколько характерных бус, употребляемых на о-вах Пелау как деньги.[1] Каким образом они попали сюда, был бы хитрый вопрос для этнолога, мало знакомого с новейшей историей о-вов Адмиралтейства. Эти бусы довольно редки и на о-вах Пелау, и туземцы там только при крайней нужде расстаются с ними. Здесь же человек, украсившийся ими, не придавал им особенного значения. Загадка уяснилась для меня простым образом. Ахмат сказал мне, что эти бусы были найдены между вещами О'Хара.

Это наглядный пример, указывающий, как следует быть осторожным при рассмотрении этнологических коллекций островов Тихого океана.[2] Вкус туземцев, на одной ступени развития, относительно украшений, будучи довольно сходным, имеет следствием, что туземцам одних островов нравятся туземные украшения жителей других гораздо более, чем европейские произведения.[3] Этим обстоятельством шкиперы торговых шхун и трэдоры давно уже воспользовались, скупая на одних группах разные туземные украшения для меновой торговли на других островах.

Не подумав о возможности такого обстоятельства, член какой-нибудь ученой экспедиции, заходящей на военном судне на несколько дней на какую-нибудь группу, мимолетный путешественник, попадающий на несколько часов на какой-нибудь остров, видя одинаковые украшения, может быть, очень характерные, в обеих местностях, иногда очень отдаленных, невольно приходит к разным гипотезам о тождестве рас, о сношениях между островами и т. д. Только продолжительное пребывание в одной местности, знакомство с языком, а иногда просто случай могут оградить путешественника-этнолога от подобных «невольных» ошибок.

[1] См. мои письма с архипелага Пелау.

[2] Сеп, который войдет, вероятно, здесь в употребление, представляет другой пример этого же рода.

[3] Я много раз убеждался в этом же на берегу Маклая на Новой Гвинее, где предметы моей этнологической коллекции, собранные на других островах, очень ценились туземцами, гораздо более, чем европейские бусы, бисер и т. п.

ОСТРОВА АГОМЕС
(Гермит)
ОЧЕРКИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ В ЗАПАДНУЮ МИКРОНЕЗИЮ И СЕВЕРНУЮ МЕЛАНЕЗИЮ

10 июня, на второй день по отплытии с о. Тауи, перед нами открылся архипелаг Агомес, на картах Гермит; обогнув группу с S и войдя с западной стороны за риф, мы только к 4 часам пополудни бросили якорь у южной оконечности главного острова. Группа состоит из трех или четырех островов посредине и многих плоских возвышенных частей окружающего их рифа. Группа довольно обширна, но я, будучи занят другими вопросами, при кратковременной стоянке не успел составить себе понятия о расположении островов и убедиться в числе их. Главный высокий остров называется туземцами Луб; он тянется узкою полосой с S на N. Он, как и другие, покрыт растительностью от линии высокого прилива до вершины холмов, которые несколькими группами расположены вдоль острова, приблизительно на 400—500 футах высоты.

Проезжая мимо группы, между островами, я заметил, что они мало населены; не было видно деревень и даже отдельных хижин, и за весь день я не заметил ни одной туземной пироги. На следующее утро я нашел на всей группе всего лишь две деревни и, судя по числу хижин, пирог и туземцев, не думаю, чтобы теперешнее население архипелага было более ста душ, включая женщин и детей.

Шкипер шхуны, который был месяцев семь или восемь тому назад и даже, по случаю ловли и приготовления трепанга, жил на одном из островов, знал хорошо фарватер, почему мы бросили якорь около места, где стояла прежде его хижина. Когда уже стемнело, я услыхал из моей каюты шумное приближение туземных пирог и в полутемноте рассмотрел несколько папуасских фигур, взобравшихся на палубу нашей шхуны; они громко говорили между собою и бесцеремонно расхаживали по шхуне. Несколько папуасов засело в соседней с моею каюте шкипера, с которым они обходились как с старым знакомым. Из нахальства их требований и шумных возгласов можно было заключить, что туземцы здесь привыкли видеть белых, причем, имея дело с весьма низким разбором людей этой расы, уже успели потерять уважение к европейцам или, вернее, никогда не имели случая проникнуться им. В этот же вечер я имел случай познакомиться с образчиком взаимных отношений белых и черных друзей. Один из туземцев, которого шкипер называл «king», во все горло требовал «brandy!». А один из полупьяных европейских трэдоров спрашивал у него женщину на эту же ночь.

11 июня, встав по обыкновению на рассвете, я отправился в своей небольшой шлюпке осматривать группу. Моя главная цель была отыскать деревню и познакомиться с туземцами. Вдоль берега росли кокосовые пальмы, которые, будучи, вероятно, посажены некогда более многочисленным населением острова, размножились сами. Я был удивлен малою величиной орехов; воды в них было не более чашки, между тем как обыкновенно в кокосовых орехах средней величины находится воды от двух до трех стаканов, в больших же иногда более четырех. Я указываю на это множество кокосовых пальм на о-вах Агомес (которые,

однакоже, не образуют сплошного пояса вдоль побережья всех островов), как на доказательство того, что некогда население было здесь более значительно. Но об этом я буду говорить ниже.

Проехав значительное пространство вдоль берега двух островов и не найдя ни признаков жилья, ни туземцев, я направился к пироге, которая пересекала лагуну, отчалив от одного из низких островов у рифа. Небольшая пирога с выносом на одной стороне была очень плохой работы, но, несмотря на это, доски, образующие ее высокие борта,[1] оказались разрисованными черными и красными иероглифическими фигурами, которых смысл я не мог понять, но которые положительно нельзя было считать простым орнаментом. Между туземцами в пироге находился Бокчо, молодой туземец о. Агомес, который прослужил 7 или 8 месяцев в качестве матроса или юнги на шхуне и теперь счастливо вернулся на родину. Взятый на шхуну, он получил от шкипера кличку «Бокчо». Настоящего его имени я не мог разузнать, вероятно, вследствие того, что по обычаю, общему туземцам Новой Гвинеи и многих островов Тихого океана, имя туземца можно узнать только от кого-либо постороннего. Зная не более десятка английских слов и непонимаемый товарищами, которые весьма дурно с ним обращались, Бокчо имел на шхуне очень запуганный и глупый вид, на вопросы он отвечал обыкновенно глупым смехом или постоянным «yes». Проведя ночь на берегу между своими, он совершенно изменился, и скоро понял меня, когда я ему объяснил (по-английски), чтобы он перешел в мою шлюпку, показал мне свою деревню и был бы переводчиком. Туземцы Агомес, спутники Бокчо, которых я вчера в полутемноте не мог разглядеть, имели общий папуасский тип, не отличались значительно от жителей о. Тауи, но не имели щеголеватого вида последних: при отсутствии украшений волосы на голове и бороде были небрежно растрепаны. Мы направились к низкому острову, откуда шла пирога; папуасы, высадив Бокчо в мою шлюпку, продолжали свой путь к шхуне. Завидя приближение шлюпки и услыхав возгласы Бокчо, на берегу, где находилось несколько хижин, собралась небольшая толпа, которая помогла втащить шлюпку на отлогий берег. Бокчо, играющий в своей деревне первую роль, как прибывший из дальнего путешествия, достал для меня кокосов и повел в самую большую хижину, которая стояла ближе к берегу.

Это была общественная хижина для мужчин, но сегодня, по экстренному случаю — приезда белого или, может быть, вследствие других причин, некоторые женщины последовали за нами и даже протиснулись вперед. Хотя эти женщины были не стары и несмотря на то, что я уже привык к папуасским лицам, они показались мне здесь особенно некрасивыми, уже не говоря о том, что вследствие Elephantiasis у двух из них ноги были двойного объема против обыкновенного. Их костюм показался мне довольно замечательным. Он состоял из небольшого фартука из листьев, закрывавшего нижнюю часть живота; стебли этих листьев и тонкие ветки, продернутые под поясом, который держал костюм, и оплетенные шнурком, образовывали спереди род корзины, которая была наполнена разными предметами ежедневного употребления. Между последними находились и зеленые бананы и обгрызанные куски кокосовых орехов. Когда эти дамы стояли или ходили,

[1] Эта пирога, весьма отличная от микро- и полинезийских пирог, была во всех отношениях подобна новогвинейским.

*

корзины вследствие тяжести содержимого оттопыривались вперед; когда же они садились, это плетение представляло род корсета, закрывавшего грудь и доходившего почти до подбородка. Сзади за пояс были заткнуты два или три длинных, но узких листа, которые хвостообразно болтались между ногами. Костюм этот, вероятно, сменяется или дополняется каждые два или три дня, по крайней мере, у виденных мною женщин листья переднего фартука были свежие или полусвежие, хвост же сзади, как я предполагаю, прицепляется только в особенных случаях, так как у всех женщин листья, его составляющие, казалось, были сорваны за несколько минут до моего приезда. Почти у всех женщин на руках выше локтя, у некоторых же на внешней стороне ляжек, я заметил татуированный орнамент, довольно красивый и разнообразный. Способ татуировки, состоящей из длинных тонких надрезов, сделанных, вероятно, осколками обсидиана, так же как и рисунки, был очень отличен от виденного мною на о. Тауи. Я подошел к одной женщине, у которой были большие зубы, надеясь с помощью Бокчо уговорить ее показать мне их, но она, видя, что я интересуюсь ее зубами, с заметным удовольствием, даже с некоторою гордостью поспешила показать мне их; открыв чрезмерно рот, она даже дозволила мне сделать эскиз ее зубов. Все ее передние зубы оказались увеличенными, хотя в различной степени, но два соответствующих dentes incisores (оба средних левой стороны) в обеих челюстях были особенно велики. Кроме того в нижней челюсти за увеличенными резцами правой стороны росло сзади по лишнему зубу. Это была первая и единственная женщина, у которой я здесь мог свободно рассмотреть гипертрофированные зубы; другие две так же жеманились, как и женщины Тауи.

Женщины так теснились вперед, что мужчины нашли это неприличным и, громко что-то говоря, предложили им, как я предполагаю, выйти из хижины, причем один из туземцев замахнулся на них; женщины также возвысили голос и не хотели выйти. Чтобы отделаться от громкой перебранки, я роздал обеим партиям несколько кусков привезенного табаку и перешел к осмотру хижины. Она была довольно объемиста: футов 40—50 длины и 25—30 ширины, освещалась через четыре небольшие двери, по две в переднем и в заднем фасадах. Боковых стен почти что не было, так как крыша спускалась по сторонам до земли. Материалом для нее служили саговые листья. Два средних столба, подпиравших конек, и другие сваи и перекладины доказывали, что на островах нет недостатка в хорошем лесе. По сторонам было устроено несколько высоких нар, на которых туземцы едят и спят; в разных местах висели горизонтально привешенные копья, между которыми некоторые были очень значительной длины ($3\frac{1}{2}$—4 м) и тяжести и казались мало соответствующими росту и силе туземцев. Подобные же чересчур длинные и тяжелые копья я заметил в бай-баях на о. Вуап. Там мне объяснили, что их не берут в походы, а употребляют только для защиты самих бай в случае нападения, следовательно, копья представляют там род крепостного оружия. Далее две пироги очень солидной и тщательной работы, разукрашенные привешенными в разных местах группами белых раковин, обратили на себя мое внимание. Я спросил, кто их строил, и получил ответ, что эти пироги не с архипелага Агомес, а с архипелага Каниес, причем мне указали человек на пять туземцев как на жителей последней группы. Эти люди положительно ничем не отличались от туземцев Агомес. Из расспросов я убедился, что Каниес есть туземное название группы, обозначенной на картах под

именем Анахорет и находящейся милях в 30 на N от Агомес. Бокчо сообщил мне, что туземцы Каниес, выехав с вечера, к полудню уже вытаскивают свои пироги на берег у селений о-вов Агомес. Расспрашивая о положении Каниес, я воспользовался также случаем, чтобы удостовериться в знакомстве туземцев с положением и названиями других групп, именно Тауи и Ниниго, и получил удовлетворительные ответы касательно обеих, с прибавлением (в переводе Бокчо): «men Ninigo, no good men, steal cocoa-nut». Рассказчики присоединяли к своим словам о Ниниго жесты метания копий, представляя происходящее при экспедициях островитян Ниниго на группу Агомес.

Окончив осмотр большой хижины, я пошел взглянуть на деревню; ее составляли шесть или семь хижин, разбросанных между кокосовыми пальмами и несколькими банановыми деревьями. Хижины были невелики, четырехугольны, не стояли на сваях, и крыша их по сторонам доходила почти до земли. Передний и задний фасады были сделаны из стеблей листьев саговой пальмы, а листья этой пальмы, перемешанные с листьями кокосовой, служили для крыши. Спереди крыша немного выступала, и под ее навесом находились у дверей высокие нары. Внутри царствовал полумрак. Несмотря на яркий солнечный свет утра, я с трудом мог разглядеть, что нары (две или три) внутри хижины были отделены перегородками из саговых листьев, так что хижина представлялась разделенною на несколько каморок. Общего пола не было, и очаг помещался между нарами на земле. Хижины, как и их жители, которых тело было обезображено, кроме Elephantiasis, также разными нарывами и ранами, были грязны и непривлекательны. Хотя почти все женщины были или казались беременными, детей, за исключением двух или трех грудных, не было видно.

Между утварью, состоявшей из нескольких деревянных блюд и чаш, выскобленных из скорлуп кокосовых орехов, калебас для хранения извести, необходимой при жевании пинанга, я заметил воткнутые в отверстие последних узкие ложки с весьма красивыми резными плоскими и широкими ручками. Резьба была à jour и представляла интересные образцы папуасского искусства и вкуса. Интересуясь этими первыми ступенями развития искусства и собирая при случае образчики его, я поспешил приобрести несколько экземпляров этих ложек. Сравнивая их орнаменты между собою, я нашел их весьма сходными по характеру, хотя каждый экземпляр был не копией, а самостоятельным вариантом основного рисунка. Я заметил также, что рисунок был одинаков с орнаментом татуировки рук и ляжек женщин, хотя и сложнее. Резьба была, повидимому, сделана с помощью железного орудия, и Бокчо подтвердил, что она сделана ножом.

Был уже полдень, и становилось очень жарко, почему мне не удалось взглянуть на плантацию, которая находилась на соседнем низком острове. Кроме таро, саговая пальма, которая, кажется, растет здесь в изобилии, главным образом, доставляет туземцам пищу.

Вернувшись на шхуну, я узнал, что трэдор, который оставался здесь, избрал место для своей хижины на развалинах прошлогодней хижины шкипера; постройка шла успешно, и шхуна была готова сняться 12 июня вечером. Я, со своей стороны, решил не задерживать отплытия, и, не теряя времени, отправиться на поиски другой деревни, которая должна была находиться где-то на главном острове архипелага — Луб. Проезжая вдоль его западного берега, я заметил здесь на склоне холма, на значительной высоте, группу кокосовых пальм. Нет сомнения, что они

могли попасть туда единственно при помощи человека и остались как памятник прежнего селения. После приблизительно часового плавания, направляясь к N, я заметил на низком месте между двумя холмами, среди кокосовых пальм и низкого кустарника, несколько крыш и направился к берегу. Была низкая вода, и в этом месте большой коралловый риф мешал причалить у деревни. Чтобы попасть на берег, надо было перескакивать с одного камня на другой и во многих местах, где каналы между коралловыми рифами были слишком широки, входить по колено в воду. Имея несколько ранок на ногах, не заживавших со времени стоянки в Пелау, я не хотел раздражить их ванной морской воды; перебраться же на берег на спинах туземцев, при значительном расстоянии от берега, было во многих отношениях неудобно, в особенности имея одного гребца (моего слугу, туземца Пелау) и множество мелких вещей в шлюпке, которые мне могли понадобиться на берегу. Поручить переноску этих вещей туземцам было также рискованно, так как я уже был предупрежден прежде здесь жившим европейским трэдором, что туземцы здесь весьма склонны к воровству. Видя, что я не выхожу из шлюпки, вся толпа мужчин, собравшаяся на берегу, направилась к шлюпке, и скоро объекты наблюдения обступили меня в значительном числе. Я сперва попробовал поочередно мерить их головы и рассматривать их зубы, показывая на куски табаку, до которого они очень падки. Однакоже процедура измерения, казалось, их очень озадачивала, и они, приняв серьезный вид, сжимая и закусывая губы, далеко не все решались подчиниться ей. Я, как бы не замечая этого настроения духа, продолжал мерить и записывать, или, раздвигая одной рукой более послушным губы, чертить эскизы зубов. Мне удалось сделать при этом важное приобретение; видя, что я измеряю и рисую у некоторых большие зубы, один из туземцев вынул из мешка, висевшего у него на левом плече и содержавшего разные мелочи, [1] тщательно завернутые два кусочка большого зуба и показал их, но не давал мне их в руки. Я сейчас же вылил из своей фляги холодный чай, питье, которое я обыкновенно беру с собою при экскурсиях, и в свою очередь показал ее туземцу, который сейчас же передал мне куски зуба, вероятно, своего родственника, так как собственные его зубы не были гипертрофированы. Я был очень обрадован этим приобретением, которое даст мне возможность гистологически познакомиться с аномалией зубов. [2] Мое удовольствие отразилось даже на туземцах; вообще дикие часто бывают хорошими наблюдателями и очень удачно приноравливаются к расположению духа белых, с которыми имеют дело; они стали болтать и смеяться. И здесь, как на о-вах Тауи, мне случилось заметить довольно курьезное обыкновение, которого настоящее значение осталось, однако, неясным. Когда я говорил или приказывал, обращаясь к своему слуге, один из туземцев подхватывал одно из моих слов (чаще последнее) и, как только я кончал свою фразу, повторял его, подражая даже интонации моего голоса, обыкновенно очень

[1] Не лишено значения и характеристично, что даже в мелочах туземцы Тауи и Агомес показывают сходство с папуасами Новой Гвинеи, так, напр., этот мешок, который на берегу Маклая называется «гун», или «тельгун», имеет одинаковое назначение и носится всеми одинаковым образом; другой, весьма небольшой — «ямби» (на берегу Маклая), висит на шее. Подобных согласований я заметил много в их украшениях, костюме и образе жизни.

[2] Но так как это исследование для меня лично может остаться еще долго одним желанием, то я решил послать эти обломки зуба при моем письме об этом предмете проф. Вирхову.

хорошо выговаривая. При этом он поглядывал на меня, как бы желая сказать: «вишь какой я хитрый, умею говорить по-твоему». Не было и тени того, чтобы туземцы имели намерение передразнивать меня.

Между обступившими шлюпку туземцами был один юноша, который внешностью резко отличался от прочих. У него были вьющиеся, но не курчавые волосы, как у папуасов, и цвет его кожи был немного светлее кожи туземцев Агомес. Его невозможно было смешать с меланезийским населением архипелага.

Зная, что европейские шкиперы и трэдоры уже много лет привозят сюда туземцев Микронезии для ловли и приготовления трепанга, я спросил, указывая на этого человека: «Вуап?» «Яп?» «Пелау?». Меня сейчас же поняли и отвечали: «Ниниго! Ниниго!» Затем последовала пантомима метания копий, которую дополнил житель Агомеса, стоявший рядом с туземцем Ниниго, схватив последнего за обе руки. Было ясно, что это был военнопленный, взятый во время одной из экспедиций туземцев Ниниго, о которых я уже слышал утром от Бокчо. Осматривая в бинокль деревню, которой имя я не мог узнать, потому что туземцы не поняли моих вопросов, я заметил, что почти все хижины были вновь выстроены и стволы многих деревьев и кокосовых пальм были опалены. Несомненно, это были следы пожара. Я припомнил при этом слышанный на о-вах Яп и Пелау рассказ о подвигах, совершенных белыми на о-вах Агомес, и, вернувшись вечером на шхуну, убедился из рассказов Бокчо и одного из трэдоров, знавшего дело, что именно эта деревня была сценой происшествия. [1]

[1] Вот содержание этого эпизода, который передаю, компилируя его из рассказов многих европейцев, которые были даже отчасти причастны к делу или слышали о нем от действовавших лиц. Несколько лет тому назад (1872 или 1873 г.) пришла сюда для ловли трепанга, с туземцами о. Яп, шхуна «Орел» под американским флагом. Чтобы иметь свежую провизию, шкипер Бурдет, или Бёрд (рассказчики различно называли его), посылал несколько раз своих людей на берег за кокосовыми орехами, а главное — за таро на плантации туземцев, у которых он и не думал спрашивать на то позволения. Когда же последние явились к нему с претензиями и, требуя небольшое вознаграждение за уже взятое, предлагали сами привозить ему таро и кокосы, шкипер рассердился и отвечал им, что он и не думает платить за забранное, и впредь, когда ему что понадобится, будет посылать своих людей; при этом прибавил, что завтра же он отправится на берег и посмотрит, кто запретит ему брать, что ему вздумается. На другое утро шкипер действительно приказал двадцати туземцам Япа вооружиться копьями и отправился с ними на берег. Не прошло и часа, как никого из всей партии не осталось в живых; видя это, штурман, родом голландец, счел за более безопасное перепилить якорную цепь и, поставив паруса, выйти в море. Штурман не обладал сведениями, необходимыми для мореплавания, однакоже счастливо довел шхуну до о. Яп, но здесь нечаянно или, как говорят другие, умышленно разбил ее о коралловый риф, в одном из проходов к острову. Этот человек и теперь живет на о. Вуап, где известен как горький пьяница и ловкий трэдор. Случай со шкипером «Орла» окольными путями дошел до сведения прессы в европейских колониях, причем, как водится, без прикрас и выдумок дело не обошлось. К истории убийства шкипера приплели обстоятельство, что не все были убиты туземцами и что некоторые из участников экспедиции, между которыми находилась белая женщина или белый ребенок, остаются в плену у черных и т. п. Австралийское правительство сочло долгом послать в архипелаг Агомес канонерскую лодку с приказом разузнать дело и освободить несчастных пленных. Когда канонерская лодка пришла в Агомес, на группе жил европейский трэдор Том Шоу (о котором будет речь ниже); он разъяснил командиру канонерской лодки вышеприведенный случай и убедил его, что никакой женщины или ребенка в плену у туземцев нет. Сообразно со своею инструкцией командир потребовал тогда от туземцев выдачи убийцы шкипера Берда и назначил срок исполнения своего требования, грозя в противном случае сжечь деревню. Туземцы, перепуганные приходом военного судна, не имея почти никакого прави-

Собиралась гроза и становилось поздно, почему, посмотрев еще на физиономию юноши с Ниниго и сравнив ее с лицами окружающих его, я отправился в обратный путь. Но дождя не избежал и, промокнув, прибыл на шхуну.

Замечу, что при обеих встречах с туземцами Агомес я не мог убедиться, что есть между ними начальник, который бы пользовался общим послушанием и почетом; хотя трэдор, который прежде здесь жил, называл мне одного человека, прибавляя, что это «king», но я думаю, как уже заметил, говоря об о. Тауи, что этот человек de jure не имеет права на этот титул ни по выбору, ни по наследству, а пользуется de facto бо́льшим влиянием и властью над своими соплеменниками благодаря своим качествам и энергии.

Заметив уже накануне, что на шхуне и около строящейся хижины толпится почти все население архипелага, по крайней мере, почти все мужчины, я предпочел остаться на весь день 12-го числа на шхуне, тем более, что из ответов туземцев я не мог убедиться в существовании третьей деревни. Кажется, она теперь покинута, потому что большая часть ее населения вымерла. Наблюдая туземцев, я имел случай констатировать и здесь, как на о. Тауи, одну характеристичную особенность, о которой буду говорить ниже, также смерил несколько голов и сделал несколько эскизов. Туземцы здесь, как я уже заметил, почти не носят украшений и весьма мало заботятся о своей внешности, что особенно заметно, если посмотреть на состояние волос головы и бороды; волосы принимают такой вид, что поверхностный наблюдатель не задумался бы объяснить его местною особенностью. Известно, что волосы папуасов, достигнув известной длины, собираются в мелкие компактные локоны, которые при дальнейшем росте и при малом уходе за ними — при редком расчесывании — принимают вид длинных свертков, окружающих голову, вроде толстой бахромы. Можно было бы написать целый том текста, трактующий о росте волос у папуасов, и издать целый атлас рисунков, наглядно представляющий все видоизменения, которым волосы подвергаются, будучи предоставлены сами себе или подвергнуты разным искусственным манипуляциям. Эти последние, оставаясь часто неизвестными путешественнику, составляют отчасти причину разноголосицы у авторов, писавших о волосах папуасов, меланезийцев, негритосов и готтентотов. Туземцы Агомес мало ухаживают за волосами, не расчесывают их достаточно часто, хотя классический папуасский гребень обыкновенно и торчит спереди или сбоку в их волосах; не разбирают также и отдельные локоны, так что вышеупомянутая бахрома скатывается в очень неравные свертки, между которыми некоторые, достигая значительной длины, висят неравномерно вокруг головы и у подбородка. На спиральных локонах нанизаны щеткообразно или болтаются только на концах их скатанные комки черной массы,

тельства, не привыкшие к такой процедуре, не явились в назначенный день с требуемым соплеменником, а попрятались по островам в лесу. Обождав немного и видя, что никто не является, командир лодки счел своею обязанностью внушить туземцам страх к приказаниям представителей ее королевского британского величества и исполнил свою угрозу. Он послал десант на берег, к которому присоединилась часть экипажа находившейся в то время в архипелаге германской шхуны или брига. Соединенные австралийско-германские силы, войдя в покинутую деревню, зажгли хижины и не нашли другого дела, как забрать с собою всех свиней, которых могли поймать в деревне. Через несколько дней командиру удалось захватить убийцу шкипера, местопребывание которого в лесу было выдано одним из его соплеменников.

состоящей из черной земли [1] с примесью кокосового масла; таким тестом папуасы часто смазывают свои волосы. Нередко $^3/_4$ всей куафюры состоят из веществ, посторонних волосам, так как туземцы не жалеют черной земли для украшения их; иногда вся бахрома превращена в массивные привески, часто в палец толщины, состоящие из черной земли, выпавших волос и разных предметов, случайно запутавшихся или прицепившихся к волосам. Так как черная масса ссыхается, то эти привески часто бывают поломаны, и собственно волосы в них играют ту же роль, как тонкий фитиль, сдерживающий куски свечи, сломанной во многих местах. Я сожалею, что не могу приложить к этому описанию эскиз одного такого субъекта, который дополнил бы значительно эти строки. Одному из туземцев я обрезал два экземпляра такой бахромы: один, который болтался у него за ухом, другой, который образовался из волос бороды. [2] Этот человек, казалось, остался доволен, что я освободил его от двух лишних прибавок к его особе, и, несмотря на общее здесь попрошайничество при каждом удобном случае, не спросил у меня ничего за эти две пробы, взятые для моей антропологической коллекции. Я думаю, что во многих случаях неимение удобных средств для бритья или обрезывания волос [3] влияет значительно на форму и обычай ношения их; так, напр., часто встречающиеся здесь длинные бороды и неношение их на о. Тауи можно всего проще объяснить отсутствием здесь такого подходящего материала для туземных бритв, каков обсидиан на последнем острове.

Толпа различным образом окрашенных, носящих множество разных украшений папуасов или красиво и обильно татуированных полинезийцев производит впечатление, подобное тому, как пестрая толпа разодетых европейцев, [4] — впечатление довольства и обилия, между тем как растрепанные, грязные, не имеющие никаких украшений туземцы группы Агомес представляют вид нищеты, точно так же как нищенская одежда и лохмотья в Европе. [5]

Доказательством того, что туземцам здесь не особенно хорошо живется, служит то, что они непрочь, при случае, покинуть архипелаг даже на европейских судах, с которыми туземцы Агомес уже давно привыкли иметь дело.

Так как по случаю дурного обращения шкипера шхуны с людьми мы постепенно лишились четырех матросов (из пяти), из которых последний, очень деятельный и толковый малаец, сбежал на о. Тауи, то

[1] Черная земля «куму», употребляемая на берегу Маклая как для этой же цели, так и для окрашивания кожи, состоит из пиролюзита с примесью незначительного количества окиси железа. Эвервейн в Батавии был настолько любезен, что сделал для меня химический анализ привезенного образчика куму.

[2] Первый экземпляр имел длину 47 см и весил 12 г, второй имел длину 22 см и весил 5 г.

[3] Сакаи Малайского п-ова, как я сам видел, обжигают длинные концы своих волос горящею головешкой, рискуя спалить при этом всю свою куафюру. Островитяне Пелау, в деревнях, где ножницы еще не вошли в употребление, еще и теперь, как в прежнее время, избавляются от слишком богатой растительности около symphysis pubis, также обжигая волосы.

[4] Одно из различий то, что между папуасами разукрашены более мужчины, у европейцев же, наоборот, — женщины.

[5] На Новой Гвинее (на берегу Маклая) молодежь, особенно в многолюдных деревнях, конкурирует между собою и каждый день, после непродолжительной своей работы, наряжается: надевает множество украшений, окрашивает волосы и тело красною землей. Я не раз наблюдал, как быстро деревня принимает праздничный вид.

шкиперу было весьма важно пополнить комплект рабочих рук даже такими малосведущими моряками, каковы туземцы Агомес, попадающие в первый раз на европейское судно и не знающие английского языка. При помощи обещаний шкипер нашел двух охотников, которым Бокчо, вероятно, не сообщил того, что ему самому пришлось вытерпеть на шхуне, и которые через несколько дней, конечно, заметят, что попали из огня в полымя.

Мы снялись с якоря к вечеру и направились к группе Ниниго.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ТУЗЕМЦАХ ГРУППЫ АГОМЕС

Пробыв на группе весьма короткое время, я единственно обратил внимание на главные пункты своих антропологических исследований.

Форма головы была определена только у четырнадцати мужчин. Индекс ширины колебался между 69.6 и 81.3.

Сравнивая эти цифры с полученными на о. Тауи (70.5—84.5), находим, что они близко подходят к последним. Результат этот совпадает со значительным сходством физического habitus туземцев обеих групп. Значительный, тщательно собранный материал, полученный после ста девятнадцати измерений, позволяет вывести несколько заключений. [1]

Колебание индекса ширины головы (между 69.6 и 84.5) доказывает, что форма головы меланезийцев (туземцев архипелагов Тауи и Агомес), как и папуасов Новой Гвинеи (где индекс ширины варьирует в более широких границах, именно между 62.0 и 86.4), не может быть названа исключительно долихокефальною, а скорее мезокефальною. [2] Я указываю на этот пункт, который совпадает с моими предыдущими исследованиями, так как, вследствие недостаточных наблюдений в антропологической литературе, папуанизм и долихокефалия стали почти что синонимами. При этом случае снова повторяю уже высказанное [3] мнение, что

[1] Именно потому, что материал этот был заботливо собран, и собран на месте, я позволю себе сообщить результаты, из него вытекающие, нисколько не заботясь, совпадают ли они или совершенно противоречат положениям других антропологов, имевших в Европе возможность исследовать подробно несколько черепов, нередко слишком сомнительного происхождения.

[2] Число измеренных мною голов папуасов Малайского п-ова и о-вов Меланезии приближается к 300; оставив свои бумаги в Батавии, я не могу точно обозначить эту цифру.

[3] Видев негритосов, сакай, семанг, папуасов, меланезийцев разных островов Тихого океана, я никак не могу согласиться с решительным утверждением проф. Вирхова, который считает негритосов абсолютно отличным племенем от всех остальных темных племен Океании, Азии и Африки. В заседании Берлинского антропологического общества, 12 июня 1872 г., он сказал: «Может быть положительно установлено, что негритосы Филиппинских островов не имеют никакого отношения к африканским неграм, что, напротив, относительно формы головы существует самое большое различие... Черная раса Филиппинских островов имеет также мало отношения к черным расам Новой Голландии, Новой Гвинеи, Новой Каледонии, как она отлична и от черных Африки... После того, что сообщили г. Семпер о первых и Уоллес о последних, абсолютное различие обеих установлено, вероятно, навсегда». Он повторил подобное же мнение еще несколько раз в следующих заседаниях общества; так, напр., в заседании 15 марта 1873 г. он говорит, что вследствие краниологического материала, привезенного гг. Ягором и Мейером, установлено, что этот народ (негритосы) абсолютно отличен от черного населения как Африки, так и Меланезии, и сравнение их между собою не может быть допущено ни в каком направлении. В заседании 17 октября 1874 г., прочитав мое письмо от февраля того же года, сообщающее о брахикефальных черепах папуасов Новой Гвинеи, в котором я, между прочим, говорю: «Вследствие собственных наблюдений я не могу считать негритосов „абсолютно отличными" от меланезийцев; со стороны краниологии также, как мне кажется, различие

форма головы не может составлять доказательства племенного различия негритосов и папуасов, так как разновидности папуасского или меланезийского племени показывают более или менее наклонность к брахикефалии, которая считалась отличительною чертой папуасов Филиппинских о-вов. Нередко встречающаяся брахикефальная форма головы у островитян Меланезии представляет даже двойное доказательство невозможности поддержать мнение о коренном различии негритосов и других папуасов, доказывая, во-первых, существование переходов между крайними формами головы, а во-вторых, подтверждая исследованием черепов других рас добытое положение, что в одном и том же племени встречаются обе формы головы,[1] и только более полное краниологическое исследование может дать достаточную основу для классификации племен.

Придя к такому отрицательному результату, снова приходится убедиться, что единственно анатомическое исследование у секционного стола, серьезное изучение сравнительной анатомии человеческих рас, а не несколько размеров, взятых с живого человека, могут привести к удовлетворительным результатам, о которых можно было бы с приблизительною верностью выразиться, что они «навсегда установлены».

Большие зубы. Другой признак, тождественный у них с жителями архипелага Тауи, составляют увеличенные зубы, которые я встретил и здесь у обоих полов, но не нашел никаких мотивов, чтобы считать эту гипертрофию за патологический процесс; напротив того, люди с большими зубами как наподбор были рослые парни и казались здоровее остальных.

Указывая здесь на те немногочисленные антропологические наблюдения, которые я мог произвести во время моего кратковременного пребывания на о-вах Агомес, я должен присовокупить, что в туземной деревне или на маленькой шхуне нельзя командовать, как в госпитале или в казарме: «открой рот!», или «покажи зубы!», или «пояс долой!» Туземец или убежит в лес или кинется за борт. Беспрекословное повиновение было бы, разумеется, весьма удобно, и мои заметки получили бы в таком случае гораздо больше значения, опираясь на достаточное число более полных и обстоятельных наблюдений.

Как я уже не раз говорил, мне приходилось ловить случай, не упускать возможности, часто заставлять хитростью туземцев открывать рот, чтобы видеть их зубы; держа перед глазами туземца сверток бус, мерить его голову или рот, заставать его врасплох и, отняв возможность бежать, делать какое-нибудь наблюдение или записать какой-

устранено, так как, как выше замечено, не все папуасы Новой Гвинеи долихокефалы», Вирхов заметил, что один индекс ширины недостаточен, чтобы доказать такое важное мнение, а требуются еще по крайней мере сведения о высоте черепа и его вместимости. Совершенно соглашаясь с полновесным замечанием Вирхова, считаю, однакоже, совпадение общего физического habitus, в чем я убедился личным наблюдением, при игнорировании исключительной особенности (долихокефалии черепа), достаточною основой против такого решительного мнения, которое, опираясь преимущественно на краниологию, защищает Вирхов (приведенные в переводе слова проф. Вирхова находятся в «Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», 1872—1874).

[1] Замечу, что за последние 6 или 7 лет литература по антропологии, как и по другим отраслям естественных наук, оставалась и остается мне почти что неизвестною. Привести в подтверждение высказанного ряд цитат или по крайней мере ряд заглавий сочинений и статей здесь, на Новой Гвинее, мне невозможно, но в верности этого положения для папуасского племени я сам убедился.

нибудь размер. Мне пришлось даже не раз осторожно подкрасться к спящему, чтобы удостовериться без помех в верности замеченного мимоходом.

НЕСКОЛЬКО СВЕДЕНИЙ ОБ О-ВАХ АГОМЕС, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ ТРЭДОРА ШОУ, ПРЕЖДЕ ЖИВШЕГО НА ЭТОЙ ГРУППЕ

О-ва Агомес мало известны и посещаются преимущественно людьми, для которых вопросы этнологии так чужды и малоинтересны, что ожидать от них пополнения наших сведений в этом отношении невозможно; поэтому к антропологическому своему очерку и нескольким словам о status praesens жителей архипелага считаю нелишним прибавить то, что я узнал о них от человека, который прожил около года между туземцами и имел перед всеми мимоходными посетителями этих островов то громадное преимущество для получения верных и интересных сведений, что, зная туземный язык, мог получить эти сведения от самих же туземцев. Я мог бы легко вплести эти немногие сведения в свой рассказ, не называя вовсе источника, и, поступая наоборот, хочу лишь предупредить вопрос читателя: откуда Миклухо-Маклай, пробыв на группе два с половиной дня, знает то или другое?

В то же время, узнав источник и прочтя несколько слов о его характере, читатель может критически отнестись к нижеследующим фактам.[1] Называя источник, я избегаю ответственности перед судом науки, для которой достоверность фактов — первое и важнейшее требование.

Том Шоу, которого я встретил на о. Вуап, куда он перебрался в видах сохранения здоровья в 1875 г. с о-вов Агомес, провел много лет (если не ошибаюсь, более тридцати) на разных островах Тихого океана, преимущественно на о-вах Гильберт (или Кингсмиль), в качестве трэдора, служа поочередно разным фирмам. Шоу показался мне человеком, на слова которого можно было положиться, по крайней мере он не говорил того, чего не знал, и не имел претензии, как многие из его сотоварищей, считать себя человеком образованным. Будучи единственным и, кажется, первым временным европейским поселенцем на группе, он выучился немного туземному языку и по роду своих занятий находился постоянно в сношениях с туземцами, от которых узнал при случае имена разных местностей и некоторые особенности их. Видя, что всякая подробность о туземцах меня интересует, Шоу старался, насколько мог, отвечать на мои вопросы. У него были записаны некоторые имена и числа, и кроме того он имел две живые справочные книжки: жену, туземку о. Гильберт, и сына, который жил подростком на группе Агомес и знал тамошний язык и многие подробности о туземцах лучше своего отца. Откидывая разные мелочи, сообщу главнейшие пункты из сведений, которыми я обязан Т. Шоу.

1. Я узнал от него туземные имена о-вов Агомес, Ниниго, Каниес и Тауи, в верности которых я сам, как сказано выше, имел случай убедиться; одно название о-вов Адмиралтейства остается сомнительным. Хотя совершенно справедливо, что у туземцев группы Агомес этот остров известен под именем «Тауи», но даже предположив верность

[1] Примером того, как мало можно полагаться на слова и мнения таких людей, как шкипера, трэдоры и т. п., среди которых также бывают, разумеется, исключения, могут служить случаи, повторявшиеся несколько раз и со мною в этом путешествии.

факта, что теперешние жители группы Агомес — потомки переселенцев с о. Тауи, что они знают имя своей старой родины, кто поручится, что имя «Тауи» не принадлежит деревне или части острова, откуда переселенцы вышли? Остров так велик, разделен между таким большим числом народцев, находящихся, как я имел возможность удостовериться, во враждебных отношениях между собою, что, весьма вероятно, общего имени всего острова у туземцев не существует.

2. Шоу передал мне рассказ, слышанный им от многих жителей Агомес, что их деды выселились с о. Тауи и что теперь живет на группе уже третье поколение переселенцев. Небольшое расстояние (около 100 миль), а главное, физическое тождество жителей обеих групп, с котором я говорил выше, делают это предание очень вероятным. Сравнение языка может представить со временем окончательное доказательство этого весьма возможного факта. Шоу слышал от туземцев, что когда их деды явились на группу, то застали на ней жителей, которые при их приближении удалились в лес, на холмы главного острова, что они долго вели с ними войну и что, несмотря на то, что прежние жители от них постоянно прятались, пришельцам, наконец, удалось их всех уничтожить. Это также вероятно, так как сохранились следы бóльшего, чем теперь, населения группы.

По удостоверении в том, что архипелаг Ниниго, отстоящий от группы Агомес всего приблизительно на 30 миль, заселен микронезийским племенем, является вопрос: к какому племени принадлежали прежние жители Агомес? Пока мы не имеем никаких данных, кроме разве повторяющихся походов жителей Ниниго на Агомес, чтобы дать на этот вопрос какой-либо удовлетворительный ответ.

3. Не говоря ни слова о различии племен обоих архипелагов, Шоу рассказывал мне, что очень нередко туземцы Ниниго делают нашествия в многочисленных пирогах на группу Агомес с главною целью добыть кокосовые орехи, которых много на последних островах, и что в подобных случаях дело не обходится без стычек. Во время его пребывания на группе жители Агомес обратились к нему за помощью, когда флот, насчитывавший до сорока пирог с Ниниго, появился в виду Агомес; он послал своего сына в пироге, где на платформе была поставлена небольшая пушка, выстрелы из которой по пирогам неприятелей немало способствовали полной победе туземцев Агомес. Я сообщил на предшествующих страницах несколько сведений из разговоров с туземцами Агомес, которые согласуются с рассказами Шоу; мне даже случилось встретить около о. Луб военнопленного, о котором я упоминал выше, захваченного при нашествии жителей Ниниго.

4. Шоу прибавил к этому рассказу, что и туземцы Агомес не остаются в долгу; они также снаряжают походы на группу Ниниго, которая, по их словам, весьма многолюдна. При одной такой экспедиции пироги с о. Агомес были занесены ветром и течением далеко на W или SW, где натолкнулись при этом на очень высокие горы и большую землю, но люди из страха не решились высадиться там, тем более, что благоприятный ветер позволил им изменить курс и благополучно вернуться на родину. Эту страну с высокими горами, которая есть не что иное, как Новая Гвинея, они назвали и называют Коули-Капон (большая земля).

5. По словам Шоу, в октябре 1875 г. был ряд весьма бурных дней, и во время одного сильного ночного шквала море отчасти залило несколько низких островов, в том числе и тот, на котором он сам жил.

Вода поднялась так высоко, что даже его хижина, в которой он прожил без подобных приключений около года, была затоплена. Ил, оставленный водой, гнил и распространял сильное зловоние, которое вызвало сильные злокачественные лихорадки, нередко оканчивавшиеся смертью. От этой эпидемии умерло большое число туземцев, а также очень многие из туземцев о. Вуап, работавших на шхуне, пришедшей на группу Агомес для ловли трепанга. В числе заболевших находился и сам Шоу; он был болен так серьезно, что решил покинуть группу и переселиться на о. Вуап, где я его встретил.

О характере туземцев Агомес Шоу отзывался далеко не благоприятно; не следует, однако, забывать, что Шоу был трэдор; он назвал их ворами, обманщиками и считал далеко ненадежными, почему у себя в доме всегда имел наготове заряженное оружие.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА О-ВА МЕЛАНЕЗИИ В 1879 г.

Письмо проф. Р. Вирхову. — Препятствие. — H. M. S. «Renard». — Трехмачтовая шхуна «Sadie F. Caller». — Программа путешествия.

Мог бы я, без постоянных и частых помех разного рода, спокойно заниматься моими анатомическими работами; одним словом: существуй уже зоологическая станция в Сиднее, я призадумался бы прервать начатые работы, чтобы предпринять новое путешествие, не окончив начатых занятий... Но при данной обстановке, видя, что я теряю даром много времени по случаю неудобного, даже совершенно негодного для серьезных занятий, но, к сожалению, единственного помещения для анатомических работ,[1] я стал помышлять об отъезде в Японию. Обдумывая свои предыдущие путешествия и подводя итоги их результатов, я пришел к заключению, что о возвращении в Европу думать пока еще не время, что мне следует дополнить мое знакомство с Меланезией посещением Новой Каледонии, Новых Гебрид, Соломоновых о-вов и др. Чтобы избегнуть повторений, переведу здесь письмо, посланное мною проф. Р. Вирхову перед отъездом из Австралии.

ПИСЬМО ПРОФ. Р. ВИРХОВУ

Сидней, 13 марта 1879 г

«...Начать какую-нибудь работу бывает обыкновенно легче, чем закончить ее удовлетворительно. Наполнить пробелы хламом слов — дело возможное и нередко пускаемое в ход — противно настоящему исследованию (ist der wahren Forschung ganz und gar zuwieder). Так как, после 9-летнего странствия по островам Тихого океана мне более бросаются в глаза относящиеся к антропологии и этнологии вопросы, не нашедшие ответа, чем вопросы, удовлетворительно разрешенные, и так как здоровье мое снова достаточно поправилось, то я решил, продолжая избранный мною путь, предпринять новую 4- или 5-месячную экскурсию на о-ва Меланезии, и преимущественно на те из них, которые остаются мне еще неизвестными. Мне кажется весьма важным видеть самому как можно большее число разновидностей меланезийского племени; несколько дней, даже несколько часов личного наблюдения туземцев на месте их родины, при их ежедневной обстановке, имеют в этом случае бо́льшее значение, чем повторное чтение всего о них написанного.

Я предпринимаю это путешествие при особенных условиях, и только сознание важного значения его для моих антропологических исследований побудило меня остановиться на этом решении в том убеждении, что в предприятиях, касающихся успеха науки, всякий личный интерес должен уступить.

Будучи убежден, высокоуважаемый господин профессор, что Вы разделяете мое мнение о немалом значении для антропологии беспристрастного разъяснения отношений между разновидностями меланезийского племени, смею думать, что мой план окажется достойным Вашего полного одобрения.

[1] См. об этом мои письма проф. Вирхову («Sitzungsberichte der Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», 1879).

Другое обстоятельство, которое побуждает меня не отлагать моего путешествия, это то, что если я отложу его теперь, — пожалуй, никогда не буду в состоянии его предпринять. . .»

ПРЕПЯТСТВИЕ

Моему решению осуществить предполагаемое новое путешествие, наперекор прежнему намерению вернуться в этом году в Европу, что было для меня весьма желательно и даже важно во многих и многих отношениях, представлялось еще затруднение, заключающееся в моем финансовом положении. Ожидать присылки денег было неоткуда; даже наоборот, в то время как я обдумывал план путешествия, я получил из Батавии письмо от одного торгового дома с настоятельною просьбой об уплате старого долга, составляющего относительно значительную сумму.

Но подчинить дело науки грошам, бросить план научного путешествия вследствие недостатка нужных грошей мне показалось делом совсем неподходящим. Я решил прибегнуть к крайнему средству, будучи убежден, что Русское географическое общество не задумается помочь мне, когда дело касается серьезной попытки удовлетворительно закончить ряд не легких и многосторонних исследований?!

Вексель на кассу Русского географического общества, который В. Маклей имел любезность индоссировать, на сумму 150 фунтов стерлингов (расчетливо предположенный минимум на издержки), помог мне выйти из затруднительной дилеммы.

H. M. S. «RENARD»

Мое намерение было отправиться с одною из военных шхун, которые посылаются английским правительством на станции в разные архипелаги юго-восточной Меланезии с целью контроля над вывозом так называемых «free labourers» (вернее — рабов) с этих островов. Эти шхуны уходят из Сиднея и остаются месяцев шесть, иногда и более, в этих архипелагах. Сообщив коммодору Вильсону, начальнику Австралийской морской станции, мое желание и спросив его позволения отправиться с одною из шхун на острова, я получил ответ, что он не имеет ничего против моей просьбы, если командир одной из шхун согласится взять меня, но что при тесноте помещения (водоизмещение шхуны всего около 80 т) он не желал бы стеснить двух офицеров (лейтенанта и мичмана), помещающихся в небольшой каюте, приказанием взять меня на шхуну.

Случилось, что командир одной шхуны H. M. S. «Renard» был лейтенант Ричардс, сын адмирала Ричардса, с которым я познакомился в Лондоне в 1870 г. при выдаче мне из английского адмиралтейства линя для термометрических наблюдений. Я отправился повидаться с г. Ричардсом, который с первых же слов согласился взять меня с собою.

Однакоже, осмотрев шхуну, убедившись в тесноте кают и узнав, что г. Ричардс обещал еще Л. Лайарду, английскому вице-консулу в Новой Каледонии, взять его с собою из Нумеи на Соломоновы о-ва, мне оставалось, чтобы других не стеснять и самому не быть стесненным, приискать другой случай, чтобы попасть на о-ва Меланезии.

ТРЕХМАЧТОВАЯ ШХУНА «SADIE F. CALLER»

Американская трехмачтовая шхуна «Сади Ф. Каллер» — хороший ходок с довольно большим помещением — должна была отправиться на о-ва Меланезии и на Новую Гвинею с коммерческою целью. Освободи-

вшись от своего груза из Сиднея в Нумею, она должна будет по пути, на Новой Каледонии, о-вах Лойэлти и Новых Гебридах набрать человек 40 или 50 рабочих для ловли и приготовления трепанга на о-вах Санта Крус. Затем для меновой торговли предполагалось посетить Соломоновы о-ва, о-ва Адмиралтейства и о-ва у юго-восточной оконечности Новой Гвинеи. Программа эта подходила к моим планам, так как шхуна должна была посетить многие острова, и даже довольно продолжительная стоянка на о-вах Санта Крус для ловли и приготовления трепанга, могущая продолжиться даже $1^1/_2$ или 2 месяца, не пугала меня, так как группа Санта Крус, или Нитенди, хотя открытая в конце XVI столетия, все еще остается известною в этнологическом отношении главным образом лишь по описаниям первых испанских мореплавателей.

То обстоятельство, что шхуна посетит о-ва Тауи (Адмиралтейства) и зайдет на о-ва у юго-восточной оконечности Новой Гвинеи, представляло удобный случай навестить берег Маклая. Все это, в связи с возможностью пользоваться довольно большою каютой, определило мое решение отправиться с этою шхуной.

Наученный опытом путешествия в 1876 г., я счел нужным заручиться письменным документом, излагающим на бумаге обоюдное соглашение между шкипером шхуны и мною. Содержание этого документа в кратких словах следующее:

«Нижеподписавшиеся согласны в следующих пунктах:

Во 1-х. Трехмачтовая шхуна «Сади Ф. Каллер» после посещения островов Новой Каледонии, Новых Гебрид, Соломоновых и других зайдет на берег Маклая на Новой Гвинее, где останется по крайней мере 14 дней, а затем посетит также острова Кар-Кар и Ваг-Ваг.

Во 2-х. Капитан Веббер обязывается оказать всякое содействие (to give every assistance) г-ну Миклухо-Маклаю, связанное с его научными работами, взамен чего г-н Миклухо-Маклай обещает содействовать экспедиции своим знакомством с островами, нравами туземцев и т. д.

В 3-х. Г-н Миклухо-Маклай обязуется платить 30 шиллингов в неделю; в эту плату включается содержание его слуги.

В 4-х. В случае если г-н Миклухо-Маклай будет убит туземцами одного из островов, капитан Веббер обещается не позволить себе никаких насилий относительно туземцев под предлогом «наказания» (will not permit himself to employ any kind of violence against the aborigines by way of punishment)». [1]

Шхуна «Сади Ф. Каллер» отправилась в путь из Сиднея 29 марта, в 5 часов 30 минут утра.

22 апреля 1879 г.
На якоре, Bonne Anse, Baie de Prony
на юге Новой Каледонии.

[1] Вина белых в отношении островитян Тихого океана, по моему мнению, так громадна, что всякое, так называемое «наказание» только увеличивает число преступлений против них! Поэтому я считаю командиров военных судов не вправе, в большинстве случаев, брать на себя ответственность за так называемые «наказания»; шкипера же торговых судов не могут быть беспристрастными и компетентными судьями — это не их дело.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА О-ВА МЕЛАНЕЗИИ И ЧЕТВЕРТОЕ ПОСЕЩЕНИЕ О. НОВОЙ ГВИНЕИ

(март 1879 г. — апрель 1880 г.) [1]

Для достижения своей цели — видеть как можно более мне еще неизвестных разновидностей меланезийского племени — я решил, faute de mieux, отправиться с американскою трехмачтовою шхуной «Сади Ф. Каллер», снаряженною для ловли трепанга и меновой торговли на островах Тихого океана.

Об этом решении я уже имел честь писать в начале путешествия. [2] Теперь, находясь уже на возвратном пути в Австралию, т. е. почти закончив предпринятую экспедицию, имею честь послать краткое «предварительное сообщение» о ходе путешествия и о некоторых выяснившихся [3] результатах его.

С Новой Каледонии (из Нумеи и бухты Прони) шхуна направилась к о. Лифу (группы Лойэлти), а затем на о-ва Новые Гебриды, где шкипер, заходя на о-ва Танна, Фате, Тонгоа, Май, Эни, Амбрим, забрал около пятидесяти туземцев разного возраста (предназначавшихся для ловли трепанга, собирания жемчужных раковин и т. п.) и закупил провизию (ямс, таро, кокосы и т. д.) для их продовольствия на шхуне. Я не упускал, разумеется, случая во время якорных стоянок, которые иногда продолжались от пяти до десяти дней, видеть туземцев как можно более, для чего обыкновенно жил в их деревнях.

Достигнув о-вов Мало и Вануа Лева, шхуна направилась сперва к группе Квироса (или Дуфф), а затем к группе Санта Крус. Но ни на одной из этих двух групп нам не удалось остаться достаточно долго. В первой из них (группа Квироса) предполагаемого значительного рифа для ловли трепанга не оказалось; а в другой (группа Лом-Лом, одна из групп небольших островков архипелага Санта Крус) шкипер, уже предупрежденный о дурной репутации туземцев, видя их многочисленность и воинственную осанку, не найдя к тому же достаточно безопасного якорного места, не решился попытать счастья и направился к группе Леунева (о-ва Онтонг-Ява или Лорда Гау). Не дойдя, однакоже, до этих островов, шхуна бросила якорь в лагуне рифа Канделярии (или Ронкадор), где мы застряли почти на целый месяц. Пребывание в этой лагуне, окруженной не островом, а рифом, было для меня не особенно интересно: во время прилива весь риф был залит, за исключением нескольких скал; заняться наблюдениями над фауной рифа и формацией его также не приходилось: на этот раз я не имел, как в 1876 г., собственной шлюпки, а на шхуне все люди были заняты с утра до ночи ловлей трепанга, варкой и копчением его. Пришлось удовольствоваться письменною работой, насколько позволяли людской шум, жара каюты,

[1] Это сообщение было начато, во время моего нездоровья, в дер. Ануапата (Порт Моресби) на Новой Гвинее, а затем переписано и дополнено несколькими примечаниями 8 месяцами позже в Пейкдель (около Стептона, Квинсленд), так как анатомические работы, которые я не мог отложить, не дозволили заняться этою перепиской во время моего 6-месячного пребывания в Брисбейне.

[2] См. мое письмо от 22 апреля 1879 г. из бухты Прони на Новой Каледонии (Изв. Географ. общ., т. XVI, стр. 425).

[3] Многие результаты, как зоологические, краниологические и т. п., определятся только по разработке собранных материалов, что будет возможно только при более подходящей обстановке, чем та, которую я пока могу найти в Австралии.

дым коптилки[1] и тому подобные неудобства, и исследованием случайно словленных животных. Отсюда шкипер намеревался отправиться на о-ва Адмиралтейства, но обещал мне итти туда проливом св. Георгия и таким образом дать мне возможность, высадившись на о. герцога Иоркского,[2] вернуться via Куктаун в Сидней. К тому же я не имел особенного желания посетить вторично о-ва Адмиралтейства, где я был уже в 1876 г. Однакоже противный ветер и значительное противное течение не допустили исполнения этого плана. Потеряв неделю у южного входа в пролив, я не счел себя вправе более настаивать, чтобы шкипер сдержал данное мне обещание и высадил меня на о. герцога Иоркского. Мы отправились поэтому вдоль восточного берега Новой Ирландии, пройдя между о-вами Новым Ганновером и св. Матвея, к о-вам Адмиралтейства. Здесь у о. Андра, найдя значительное количество доброкачественного трепанга, шхуна пробыла на якоре дней десять. Я жил все время на берегу, где туземцы, припомнив мое пребывание между ними в 1876 г., встретили меня как старого знакомого. Живя между ними, я имел случай познакомиться с некоторыми из их обычаев и даже нашел возможность, несмотря на непродолжительное пребывание, выучиться понимать немного их диалект. Заходя на группы Ниниго (Эшикье) и Луб (Гермит)[3] и потеряв много времени, лавируя против юго-восточного пассата, мы снова вернулись к группе Адмиралтейства, к о-вам северо-западной оконечности большого острова, где я прожил снова десяток дней на островке Сорри[4] и снова имел интересное поле для изучения нравов туземцев и для антропологических наблюдений над ними. Как и у островка Андра, рифы около Сорри снабдили шхуну значительным количеством отличного трепанга и перламутра, который сотни туземцев за небольшие куски железа или незначительное количество мелких бус ловили и доставляли на шхуну.[5] Эта местность была интересна для меня также потому, что в 1875 г. экспедиция «Челенджера» провела несколько дней в Nares Harbour, и туземцы, их жилища, домашняя утварь, оружие и т. д. были описаны одним из членов экспедиции.[6]

[1] Шхуна, как я выше уже сказал, была специально снаряжена для ловли трепанга. Для того чтобы избегнуть потери времени, сопряженной с постройкой так называемой «smock house», или «коптилки», как я ее назвал, на берегу, и не подвергаться опасности нападения со стороны туземцев, что нередко сопряжено с таким предприятием, на палубе шхуны была поставлена «коптилка», состоящая из железного домика или, вернее, большого железного ящика, метров в 7 в длину и ширину и метра 3 вышины, с многочисленными полками из проволочных сетей, на которые клался вареный трепанг (разные виды голотурий). Две большие печи, которых трубы открывались внутрь коптилки, топились днем и ночью, наполняли ее дымом и коптили трепанг. Таким образом тонна трепанга могла быть добыта в продолжение трех дней.

[2] Мне было известно, что немецкая коммерческая фирма (Хернсхейм и К°) имеет главную станцию для меновой торговли в Меланезии на о. герцога Иоркского и посылает от времени до времени один из своих небольших пароходов в Куктаун, как в ближайший порт, для получения и отсылки корреспонденции.

[3] Во время своего последнего посещения группы Луб я убедился, что название «Агомес», сообщенное мною в моих «выписках из дневника» 1876 г., не что иное, как искаженное туземным произношением английское название «Hermit», которое туземцы часто слышат от шкиперов. Туземцы этой группы, как и жители групп Ниниго и Каниет, называют эти острова «Луб», именем главного острова группы.

[4] Wild Island или на карте, сделанной офицерами «Челенджера», Nares Harbour.

[5] Тонна этого трепанга, который добывается здесь за бесценок, стóит в портах Австралии и Китая 100 и даже 120 фунтов стерлингов (700—800 рублей).

[6] Мозелей, член экспедиции «Челенджера», описавший в статье со многими иллюстрациями предметы, собранные в этой местности, имел любезность при-

*

Вследствие этого мои наблюдения в этой местности могут служить проверкой и, может быть, дополнением результатов, добытых экспедицией «Челенджера». Мы вернулись снова к о. Андра, и я мог при этом третьем посещении добыть немало новых интересных сведений о туземцах и о взаимных отношениях между деревнями. Отсюда при других обстоятельствах шхуна, на пути к о-вам Луизиады, могла бы зайти на берег Маклая, но я сам уволил шкипера от его обязательства, [1] почему он не желал рисковать, проходя при ненадежной погоде (шквалы сменялись штилями) между плохо нанесенными на карту рифами и островами (между о-вами Адмиралтейства, Новою Британией и Новою Гвинеей), и предпочел старый путь, вокруг Новой Ирландии. К большому моему сожалению, мне не удалось съехать на берег на Новой Ирландии, но ежедневно многие пироги выезжали к судну, которое оставалось в дрейфе на время их визита, имевшего целью торг съестными припасами и черепахой.

Таким образом, я мог видеть несколько сотен жителей Новой Ирландии, причем мне удалось сделать несколько интересных антропологических наблюдений над этими туземцами, которых общий habitus особенно близко подходит к типу жителей Соломонова архипелага. Это обстоятельство, как и немало интересных наблюдений и замечаний, сделанных мною на о-вах Адмиралтейства, Ниниго и Луб, примирили меня с фактом, что я, почти против желания, во второй раз посетил эти острова.

Несмотря на позднее время года, довольно ровный SO привел нас к группе Тробриан, которая была для меня весьма интересной своею близостью к о-вам Д'Антркасто и Новой Гвинее, а также своею малою известностью; к сожалению, однакоже, скверная погода, шквалы с продолжительными дождями, значительное волнение, мешавшее ловле трепанга, сократили наше пребывание, но все-таки мне удалось провести интересный денек в деревне на о. Тума и видеть, мерить и рисовать туземцев в продолжение трех остальных дней нашей стоянки, во время которой туземцы были нашими постоянными гостями. Шкипер, на пути к о-вам Луизиады, хотел обогнуть группу Лалэн, где, он слышал, есть гуано. Он желал зайти туда, чтобы удостовериться в верности этого слуха, но, приблизившись к этим островам, вследствие очень свежего NW ветра, весьма ненадежной погоды, расшатавшихся вант, порванных парусов, принужден был переменить курс, и вместо Луизиады мы попали на небольшую группу, означенную на картах именем о-вов Симбо, или Эдистон, в группе Соломоновых. [2]

По случаю починки снастей мы пробыли здесь дней двадцать, т. е. до 27 декабря. Разумеется, все это время я жил на берегу и остался весьма доволен моим пребыванием там, хотя дождливая погода была причиной довольно сильных пароксизмов лихорадки. Наконец, в начале этого года шхуна добралась до архипелага Луизиады и бросила якорь

слать мне этот интересный мемуар, который даст мне скоро возможность проверить наши обоюдные наблюдения.

[1] Хотя мне было весьма желательно повидаться с моими друзьями на берегу Маклая и посетить о-ва Кар-Кар и Ваг-Ваг, что я имел право требовать от шкипера в силу нашего условия, но, к сожалению, мое мнение о личностях, находившихся на шхуне, было таково, что я не захотел подвергнуть моих черных друзей риску этого знакомства.

[2] Кроме копры (сушеных кокосовых орехов) и черепахи, один из главных предметов вывоза здесь представляет так наз. «Vegetable ivory», что оказалось плодом пальмы из рода *Sagus*. В письме от 14 октября этого года известный австралийский ботаник д-р Ф. фон-Мюллер, в Мельбурне, пишет мне, что это — *Sagus vitiensis Wendland*.

для продолжительной якорной стоянки (ловли трепанга) в бухте Махиу о. Бухилари [1] (Pitt Harbour, о. Моресби).

Сделав несколько экскурсий на о. Бухилари, я решил оставить здесь шхуну, что я уже давно имел в виду, и перебраться на о. Варе (о. Тесте на картах), надеясь найти там случай попасть, пользуясь проходящим судном, в Куктаун, или, на что я имел большую охоту, отправиться на небольшом пароходике «Элленгован», принадлежавшем London Missionary Society, на южный берег Новой Гвинеи, а оттуда на острова Торресова пролива.

Расстояние от о. Варе до бухты Махиу не более 20 миль, и утром 19 января, оставив почти все свои вещи на шхуне, для доставления в Сидней, [2] забрав несколько необходимых вещей, я отправился в шлюпке на о. Варе и поселился в туземной хижине в ожидании оказии.

На третий день моего пребывания на о. Варе два судна бросили якорь около острова: пароход «Элленгован» и шхуна «Анни». Оба отправлялись на другое утро; шхуна прямо отправлялась в Куктаун; «Элленгован», заходя в разные местности вдоль южного берега Новой Гвинеи, возвращался обратно в дер. Ануапата. Мне предстоял выбор, но желание видеть туземцев южного берега, о которых я читал уже не раз, что они принадлежат к «малайской расе», превозмогло неудобство продлить еще на несколько месяцев уже и без того затянувшееся путешествие. Я решил, недолго думая, отправиться с «Элленгован» и посетить Новую Гвинею в четвертый раз. Заручившись позволением Чалмерса, старшего из двух миссионеров London Missionary Society, живущих на южном берегу Новой Гвинеи, отправиться на пароходе в Ануапату, я едва успел вернуться в деревню и уложить снова вещи, которые разложил в хижине, не подозревая, что останусь на о. Варе только три дня.

На другое утро, 22 января, с рассветом мы снялись, но только 14 февраля прибыли в дер. Ануапата, находящуюся у большой бухты, обозначенной на картах под именем Порт Моресби. Плавание это вдоль берега (всего около 300 миль) продолжалось 23 дня, так как Чалмерс находился в инспекторской поездке и должен был останавливаться в местностях, где поселены были наставники, [3] а также в разных местах для

[1] Туземцы называют свой остров «Бухилари», но жители окружающих его островов называют его «Базилаки».

[2] Шкипер Веббер намеревался вернуться в Сидней в апреле, и так как я знал, что пароход «Элленгован» очень невелик и не будет в состоянии забрать все мои вещи, то мне казалось весьма подходящим оставить большую часть их на шхуне. За недостатком времени накануне своего отъезда, отчасти вследствие своей природной доверчивости (17-летнее скитание по свету не изменило еще эту черту характера!), я сказал шкиперу: «Считая вас честным человеком, я надеюсь, что вы сдадите все мои вещи исправно в русское консульство в Сиднее, почему мне не надо никакой расписки о вещах». Шкипер поспешил уверить меня, что мое мнение о нем окажется верным и т. д. Когда даже в июле шхуна не прибыла в Сидней, где, по словам шкипера, она должна была быть в апреле или мае, я написал русским консулам в Сингапур, Гонконг, С.-Франциско и Лондон, прося их, в случае, если «Сади Ф. Каллер» прибудет в один из этих портов, взять на себя труд получить мои вещи и сохранить их до востребования в консульстве. В августе, наконец, в Сидней пришло известие с о. Фате (Новые Гебриды), что шхуна «Сади Ф. Каллер» заходила туда на пути своем в С.-Франциско, что шкипер Веббер умер и что некоторые из моих вещей были переданы на другую шхуну, отправлявшуюся в Сидней. Какие из моих вещей вернулись в Сидней и сколько увезено в Америку, я еще не имел возможности узнать, не добравшись еще сам до этого города. Надеюсь, что русский консул в С.-Франциско найдет возможность выручить остальные вещи. Во всяком случае, каждый из утраченных ящиков представит для меня значительную потерю.

[3] Уже много лет миссионеры на островах Тихого океана имеют обычай

рубки дров для парохода.[1] Оставаясь в некоторых деревнях по 4 и 5 дней, я имел достаточно времени, чтобы видеть туземцев, жилища их и поверхностно ознакомиться с их нравами, так что это четвертое, хотя и непродолжительное, посещение Новой Гвинеи обогатило меня интересными и немаловажными результатами по антропологии и этнографии. В Ануапате, где я воспользовался любезным гостеприимством Чалмерса, здоровье мое, которое во все время этого путешествия только два или три раза, и то на короткое время, изменяло мне, принудило меня к относительному бездействию[2] недели на три и заставило отказаться от экскурсии в окрестные горные деревни, куда доступ, благодаря лошадям, привезенным на этот берег Новой Гвинеи австралийскими золотоискателями в 1877 г.[3] и оставленным здесь, был не затруднителен. Полагая, что местные условия в Ануапате имеют значительное влияние на возобновление пароксизмов лихорадки, я отправился снова вдоль берега и посетил во второй раз деревни Хуру и Карепуну, куда пароход «Элленгован» был отправлен Чалмерсом за деревом для постройки церкви и других зданий в Ануапате. Я вернулся в Ануапату, чувствуя себя гораздо здоровее, чем выезжая оттуда. В апреле «Элленгован» отправился на о. Вайбин (или Thursday Island), станцию пароходов на пути из Австралии в Сингапур и Китай. Это обстоятельство было для меня в высшей степени подходящее, так как я имел при этом возможность видеть жителей Новой Гвинеи в деревнях Бура, Майва и Сило, а также о-ва Торресова пролива Эруб, Мэр, Дауван, Сейбай, Мабиак. С о. Вайбин (Thursday Island) я имел честь послать письмо с извещением о моем возвращении в Сидней, которое, однакоже, еще не состоялось, причины чего я предполагаю сообщить в скором времени в следующем письме.

Для более верной оценки некоторых результатов путешествия мне кажется не лишним дополнить этот перечень посещенных местностей более кратким итинерарием с прибавлением продолжительности пребывания в каждой местности.

1879 г.

Март 23: выехал из Сиднея.
Апрель: о. Новая Каледония: порт Нумея (8 дней), бухта Прони (5 дней); о. Лифу (5 дней); в море 12 дней.

посылать на острова, куда они думают перенести со временем свою деятельность, не белых своих собратий, а туземцев-миссионеров. Этот способ имел и имеет большой успех. Охотников между христианами на островах Самоа, Раротонга, Таити и т. п. всегда находится немало, и таким туземцам-миссионерам многие острова (как, напр., о-ва Лойэлти и др.) обязаны введением христианства. Уже 7 лет тому назад было привезено на южный берег Новой Гвинеи несколько таких миссионеров, или наставников, которые значительно облегчают деятельность белых миссионеров.

[1] Эти периодические посещения южного берега Новой Гвинеи небольшим пароходом, как «Элленгован», который должен часто останавливаться для возобновления запаса дров и по малости своей подходить близко к берегу, имел прямым следствием хорошее знакомство шкипера его с этою частью берега, что повело к открытию нескольких весьма удобных и обширных гаваней, как Milport Harbour, Dutfield Harbour и др.

[2] Пароксизмы лихорадки были не особенно сильны и позволяли мне посвящать каждый день несколько часов письменной работе; таким образом, я имел случай выписать из дневника настоящее сообщение.

[3] Ануапата, или Порт Моресби, и окрестности были полем деятельности золотоискателей, нахлынувших из Австралии в 1877 и 1878 гг. Из слишком восьмидесяти прибывших сюда многие умерли, остальные вернулись в Австралию или были вывезены с Новой Гвинеи присланным английским судном, когда известие об их неудаче и печальном положении стало известно в Австралии.

Май: дрейф у о. Танна (2 дня); о-в Фате (12 дней); Тонгоа (2 дня); Май (2 дня); Эпи (3 дня); Амбрим (1 день); в море 9 дней.

Июнь: о-в Мало (4 дня); Вануа-Лева (7 дней); дрейф у о. Квироса и о. Лом-Лом; в море 19 дней.

Июль: риф Канделярия, или Ронкадор (28 дней); в море 3 дня.

Август: штили и противные ветры у пролива св. Георгия; Новая Ирландия (дрейф у восточного берега); о. Андра (у северного берега большого острова Адмиралтейства) (10 дней); в море 21 день.

Сентябрь: архипелаг Ниниго (10 дней); архипелаг Луб (4 дня); в море 15 дней.

Октябрь: архипелаг Луб (6 дней); островок Сорри, у северо-западной оконечности большого о. Адмиралтейства (13 дней); о. Андра (3 дня); в море 9 дней.

Ноябрь: Новая Ирландия (дрейф у восточного берега); группа Тробриан (3 дня); в море 27 дней.

Декабрь: о. Симбо (Соломонов архипелаг) (20 дней); в море 11 дней.

1880 г.

Январь: западные острова архипелага Луизиады; Базилаки (11 дней); Варе (3 дня); Самарай (4 дня); дер. Барабара (Новая Гвинея) (1 день); о. Суоу (3 дня); южный берег Новой Гвинеи: Dutfield Harbour (1/2 дня), Milport Harbour (1 день); в море 8 дней.

Февраль: южный берег Новой Гвинеи: Тэбль-пойнт (2 дня); М. Родней (1 день); дер. Арома (3 дня); дер. Карепуна (5 дней); дер. Хула, или Хура (1/2 дня); дер. Тупузелей (1/2 дня); дер. Ануапата, или Порт Моресби (15 дней); в море 5 дней.

Март: южный берег Новой Гвинеи: дер. Ануапата (7 дней); дер. Хура (4 дня); дер. Кало (1 день); дер. Карепуна (2 дня); дер. Ануапата (2 дня); в море 5 дней.

Апрель: южный берег Новой Гвинеи и острова Торресова пролива: дер. Бура (1/2 дня); о-ва: Эруб (2 дня); Мэр (3 дня); Дауван (1/2 дня); Сейбай (3 дня); дер. Майва (1 день); дер. Моту-Моту (1 1/2 дня); дер. Сило (1/2 дня); Мабиак (5 дней); Вайбин (6 дней); в море 8 дней.

Май: восточный берег Австралии: Сомерсет (3 дня); г. Куктаун (3 дня); г. Таунсвиль (1 день). 12 мая прибыл в г. Брисбейн.

Итого, во время этого слишком 13-месячного путешествия из 409 дней приблизительно 237 дней были проведены на берегу или на якоре, а около 162 дней в море. Только некоторые результаты путешествия могут быть сообщены в кратких положениях. Между ними выдвигаются на первый план следующие:

1) Жители весьма многих островов Меланезии [1] (некоторых из о-вов Новогебридских, Соломоновых, Луизиады и др.) оказались имеющими форму черепа брахикефальную (индекс ширины превышал во многих случаях 81 и в некоторых даже 85), обстоятельство, которое доказывает, что брахикефалия имеет в Меланезии гораздо большее распространение, чем до сих пор полагали.

К этому неожиданному результату меня привели многочисленные измерения голов и черепов [2] туземцев весьма многих островов Меланезии.

2) Хотя в некоторых деревнях южного берега Новой Гвинеи [3] заметна полинезийская, или малайская примесь (смесь с прямоволосою расой), [4] но она сравнительно весьма незначительна и не дает права на-

[1] Меланезийцами я называю единственно «курчавоволосых» жителей островов Тихого океана.

[2] Чтобы устранить всякое сомнение в верности измерений голов меланезийцев, я собрал достаточное число несомненно подлинных черепов туземцев Новой Каледонии, о-вов Адмиралтейства, Соломоновых, Новой Гвинеи и др.

[3] Главным образом в деревнях Хура, Карепуна, Арома.

[4] Изучение языка и традиций, а также сравнение узоров и стиля в этой части южного берега Новой Гвинеи весьма распространенной татуировки дадут, вероятно, возможность определить, из какой части Полинезии происходят предки полинезийского элемента этой смеси.

звать жителей юго-восточной оконечности Новой Гвинеи «желтою малайскою расой», название, вошедшее в употребление в последние годы.

3) Ознакомление с языком и некоторыми традициями туземцев группы Луб и с диалектами северного берега большого острова Адмиралтейства положительно доказало, что население этой группы происходит с северного берега о. Адмиралтейства.

4) Жизнь между туземцами о-вов Адмиралтейства дала мне возможность ознакомиться со многими интересными обычаями этих туземцев, но эти наблюдения и исследования теряют слишком свое настоящее значение и ясность, будучи переданы без необходимых подробностей и иллюстраций, почему сообщение их не может войти в рамки настоящего письма.[1] К этому же разряду результатов принадлежат наблюдения, которые я никогда не упускал из виду, когда представлялся случай, как то: наблюдения эффекта обычаев деформации головы, татуировки, перфорации septum narium, alae nasi, разных частей уха и т. п. Мне удалось также сделать более наблюдений и добыть более сведений относительно макродонтизма у туземцев архипелагов Адмиралтейства и Луб.

В заключение замечу, что убеждение, которое я высказал, предпринимая эту экспедицию, что несколько дней, даже несколько часов собственного наблюдения дадут мне более верное мнение о туземцах Меланезии, чем повторное чтение всей о них накопившейся литературы, вполне подтвердилось, и не раз, во время этого путешествия, которое прошло не без многих неприятных случайностей, я был доволен, что, вопреки многим затруднениям и жертвам, я предпринял его и могу таким образом дополнить некоторые пробелы по антропологии и этнографии этой части Света.

16 ноября 1880 г.
Пейкдель, около Стантоп в Квинсленде.

[1] К сообщениям, которые я отлагаю до подробного описания своих путешествий, принадлежит также ряд сведений, имевших для меня второстепенную важность, но которых собиранием я не пренебрегал, считая их не лишенными интереса и недостаточно известными. Сюда относится, кроме сведений о продуктах островов, предметах вывоза и ввоза, вопрос об эффекте столкновений белой расы с туземцами. Самое поверхностное и беспристрастное наблюдение открывает вереницу злоупотреблений, сопровождающих вывоз туземцев Меланезии на плантации в Австралию, Новую Каледонию, Фиджи, Самоа. Это, весьма редко без обмана обходящееся, а иногда и с помощью насилия, добывание темнокожих рабочих на плантации прикрывается в английских колониях эпитетом «free labour trade», так как название «slave trade», хотя и более приближается к истине, не особенно благозвучно и должно быть избегнуто, что весьма нетрудно, так как очень немногие желают видеть настоящее положение дел, которое для них самих или друзей их выгодно, почему всякий протест против этой бессовестной эксплоатации темнокожих встречает здесь положительную непопулярность. Большинство не хочет знать правду, что не помешает, однакоже, этому большинству, когда будет уже слишком поздно, притворяясь, уверять, что никогда и не подозревало истинного положения дел, и негодовать против торга человеческим мясом и варварского насилия, которые прикрываются невинным названием «free labour trade». Собранные факты по этому вопросу (которому я думаю посвятить со временем особую статью) я считаю долгом довести до сведения лиц, имеющих возможность, если захотят, облегчить участь пострадавших и отчасти, хотя бы в незначительной степени, предупредить повторение постоянно практикуемых злоупотреблений белых на островах Тихого океана.

МИКРОНЕЗИЯ

ОСТРОВ ВУАП

(Антрополого-этнографические очерки из дневника)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Рост. — Цвет кожи. — Волосы. — Череп. — Сплющивание носа. — Пробуравливание носовой перегородки и ушей. — Татуировка.

Измерение показывает, что рост туземцев здесь вообще ниже среднего европейского и что между ними встречается немало очень малорослых людей. Рост тридцати без выбора смеренных взрослых мужчин варьировал между 1500—1690 мм. Однакоже один из начальников (Фоновей, пилун Корора) был 1765 мм вышины; это, впрочем, единственный пример такого роста, который я встретил между сотнями. Рост женщин (20 измерений), достигших возмужалости, варьировал между 1360—1480 мм.

Цвет кожи варьировал между №№ 21, 30, 28 и 43 таблицы Брока. Женщины, которые вообще были светлее мужчин, имели тело, которое представляло много тонов окраски; так, напр., нередко та же особь имела лицо и грудь очень светлые (№ 33 или 45) сравнительно со спиной и бедрами, которых цвет соответствовал № 43. Такие крайности окраски были нередки у женщин, но не встречались у мужчин.

Волосы представляют значительное разнообразие. Они редко прямые, почти у всех вьющиеся или даже курчавые, и куафюра этих людей, за которою они очень ухаживают, подобна папуасской не только внешнею формой, но даже и тем, что волосы у многих представляют длинные локоны, завитые пробочникообразною спиралью, которой диаметр не шире 5 или 6 мм. Такие волосяные шапки встречаются и у папуасов в Доре (на северо-востоке Новой Гвинеи) и у папуа-малайской смеси на Молуккских о-вах. Для расчесывания и всклокочивания их употребляют и здесь известный большой папуасский гребень, к которому прикрепляют, как украшение, перо или цветную тряпку. Расчесанные волосы связывают мужчины на затылке, женщины носят их, делая большой узел на стороне.

Борода растет у многих хорошо, также тело (грудь, нижняя часть живота, ноги) иногда покрыто густыми волосами.

У многих детей и у некоторых женщин лоб был почти совсем покрыт волосами, так что только очень незначительный треугольник посредине между бровями имел гладкую, не поросшую волосами кожу

В молодости мужчины выдергивают волосы усов и бороды; женщины выщипывают их подмышками и на mons Veneris.

Из обрезанных волос своих женщины плетут очень крепкие шнурки для домашнего обихода.

Мезокефальный череп жителей о. Вуап имеет наклонность к брахикефальности.

Индекс ширины голов мужчин (25 измерений) варьировал между 74.3—81.7
Индекс ширины голов женщин (12 измерений) варьировал между 74.0—84.3

Нос туземцев низок и широк, что, главным образом, зависит от искусственного сплющивания носа, так как большой выступающий нос считается безобразием. Многие спрошенные мною женщины рассказывали мне, что детям, достигшим 3-дневного возраста, мать или одна из родственниц, нагрев у огня руки, проводит ладонью несколько раз по лицу, надавливая особенно на нос, и так сильно, что ребенок обыкновенно начинает кричать от боли. Эта процедура продолжается несколько месяцев и называется здесь «андовек»; она имеет целью предохранить ребенка от обладания безобразным — большим — носом.

Пробуравливание носовой перегородки также в ходу между туземцами, как и пробуравливание ушей (кроме отверстия в ушной мочке, делается небольшое отверстие немного выше, во внешнем крае уха), и производится обыкновенно заостренным куском кокосовой скорлупы. В отверстии носовой перегородки носят преимущественно цветок или лист с приятным запахом, в ушах большие черепаховые серьги.

Оба пола татуируются, но мужчины обыкновенно обильнее татуированы. Рисунок или обилие татуировки показывают общественное положение туземца лишь настолько, что можно положительно сказать, что татуированный не принадлежит к классу рабов, но не более: достоинство вождя не обозначается татуировкой, даже многие пилуны (главные начальники) весьма мало татуированы, между тем как простые люди (принадлежащие к классу свободных людей) украшены богатою татуировкой, которая покрывает почти все тело, за исключением лица, передней стороны шеи, руки ниже локтя, нижней части живота (покрытой волосами), колен и ступней. Я не стану вдаваться в описание узоров татуировки, так как самый неискусный рисунок даст лучшее понятие о характере татуировки, чем страница описания; замечу только, что на о. Могемог я видел такую же татуировку, и что если татуировка не симметрична, то правая сторона гораздо более татуирована, чем левая, что особенно заметно на правой руке и правой ноге.

Изолирование девочек при наступлении зрелости и женщин во время месячного очищения и после родов есть один из выдающихся обычаев о. Вуап. При первых признаках наступления зрелости девочки покидают родительский дом в селении и отправляются жить на несколько времени (на 2—3 месяца) в нарочно для этой цели построенных небольших хижинах недалеко от деревни, но в изолированных местах.[1] Там они проводят время до и несколько времени по прекращении

[1] Обычай изолировать, более или менее, женщин во время менструации, перед родами или после них, как и мнение о временной «нечистоте» женщин, очень распространен между различными расами, но такое выселение из дому и даже из деревни, как на о. Вуап, встречается не так часто. Я слыхал о подобном обычае на о. Сераме, где жители холмов (так называемые алифуру) также отправляют своих женщин при тех же обстоятельствах в лес, не оставляя их ни под каким видом в селениях. На о. Вуап женщины сами смотрят друг за другом и строго

первых регул. В эти же хижины, род «женских приютов», приходят женщины на время менструации, когда, будучи, по мнению туземцев, нечистыми, они не смеют оставаться в селении; сюда же приходят женщины после родов.

УПРАВЛЕНИЕ И СОСЛОВИЯ

Пилун. — Матра-мат. — Аристократия. — Свободные люди. — Рабы. — Вассальные о-ва.

Население острова очень значительное; по словам поселившихся здесь европейцев, жителей на о. Вуап слишком 6000. Население управляется несколькими, друг от друга независимыми, часто враждебными вождями. Туземный титул этих вождей — пилун — переводится живущими здесь европейцами титулом король, что, однакоже, вовсе не соответствует ни власти, ни влиянию пилунов, ни внешней обстановке, которая их окружает. Названия главных резиденций этих вождей и провинций, ими управляемых, следующие семь: Томиль, Руль, Корор, Ниф, Киливит, Онет, Каниф; но, кроме этих семи, есть еще несколько, менее важных. Между семью первыми пилун Томиля считается старшим, хотя и не пользуется особенною властью.

Рядом со светскою властью пилуна есть еще духовная — матра-мат,[1] т. е. власть людей, которые служат посредниками между божеством и людьми, истолкователями его воли. Их власть очень значительна, так как ни одно важное дело не может быть предпринято без их одобрения или согласия. Каждая деревня имеет своего матра-мат, но главнейший находится в селении Томиль; он имеет влияние на всем острове, и в важных случаях туземцы обращаются к нему, принося богатые подарки. Должность матра-мат наследственна и переходит от отца к сыну.

В случае далеких экспедиций матра-мат селения, которое предпринимает экспедицию, сопровождает ее, чтобы предусмотреть и предотвратить гибельные случайности.

Кроме пилуна, есть еще в каждой провинции несколько второстепенных вождей, род аристократии. Ступенью ниже стоят свободные люди, которые образуют главную массу населения.

Рабы живут в особых деревнях, так как им не дозволяется жить в селении вождя; они находятся в большой зависимости от высших классов и особенно от пилуна, должны на них работать и подвергнуты многочисленным ограничениям: не смеют татуироваться, носить гребень в волосах, иметь на шее или на руках украшения или, по крайней мере, должны вынимать гребень из волос и прятать даже малейшее украшение, когда за чем-нибудь входят в селение вождя и свободных людей.

наблюдают за исполнением этого обыкновения. Есть еще обычай: женщина, заметившая первые признаки беременности, перестает иметь сношения с мужем, а также воздерживается от них месяцев 8 или 10 после родов. Муж, принадлежа к клубу (бай-бай), имеет там любовницу или любовниц и подчиняется без неудовольствия этому обычаю.

[1] Матра-мат, или матрмат, или математ соответствует «табу» в Полинезии и имеет здесь немалое значение. К сожалению, я не могу сказать что-либо о церемониях, которые сопряжены с наложением и устранением его, так как я знаю о них не по собственным наблюдениям, а из источников проблематической достоверности. Два факта, однакоже, не подлежат сомнению: угри, живущие в ручьях и прудах, считаются матра-мат; также комары, живущие около одного большого камня, на холмах у селения Нили и водящиеся там в громадном количестве, охранены строжайшим матра-мат, или табу. Убийство одного из них, якобы, влечет за собою неминуемо тяжелые несчастия.

Раб не имеет права не только на свою собственность, если вождь захочет овладеть ею, но даже его дети и самая жизнь находятся в руках пилуна. Деревни рабов имеют более темное, менее красивое население, чем деревни пилунов; рост рабов в большинстве случаев ниже среднего роста туземцев о. Вуап, и в этом, по всей вероятности, надо искать объяснение сообщения Шамиссо, приводимого Герландом,[1] что есть на о. Вуап местность с очень малорослым населением.

Занимая первенствующее место среди окружающих островов благодаря своему сравнительно густому населению и мореходному искусству, развитому у береговых жителей, о. Вуап наложил свою руку на несколько близлежащих островов и не только берет с них ежегодную дань, но и посылает туда людей в качестве начальников. Дань, платимая о. Вуап вассальными островами, состоит частью из предметов, получаемых данниками от европейцев путем меновой торговли, частью из естественных произведений.

ПОСТРОЙКИ

Дороги. — Дома. — Клубы. — Гробницы.

Постройки туземцев о. Вуап замечательны; сюда относятся мощеные дороги, большие общественные дома или клубы и гробницы.

Мощеные дороги. Улицы в деревнях имеют массивную мостовую, без цемента, от 3 до 6 футов ширины. Эти мостовые очень древни; ни один из начальников не мог сказать, сколько поколений они уже существуют на острове. Около домов вождей и клубов улица расширяется и образует вымощенные площадки для общественных собраний под открытым небом. Посреди этого места проходит хорошо вытоптанная полоса, служащая сценой для плясок, метания копий и т. п.

На вымощенной площадке стоймя врыты в землю плоские камни, составляющие сидения для членов собрания, причем эти камни не употребляются как собственно сидение, а как спинка его. Почти у каждого дома врыта в землю подобная примитивная массивная мебель для гостей.

Дома стоят на 3—5-футовых каменных основаниях. Этот фундамент, в виде высоких платформ, служит не только для возвышения домов над уровнем земли, но также для укрепления средних и боковых столбов здания.

Бай-бай, или клубы, построены иногда на искусственных, правильно воздвигнутых из камня, мысках или островках у морского берега.

Что касается собственно постройки домов, между которыми клубы занимают по своей величине первое место, то две особенности бросаются европейскому посетителю в глаза: во-первых, что все скрепления этих иногда очень больших зданий,[2] воздвигнутых из толстых столбов и бревен, состоят из тонких шнурков (толщиной не более 3 мм) и что, во-вторых, для средних столбов, на которые опирается крыша, выбраны преимущественно кривые стволы.

Связки и плетения шнурками,[3] которых расходуется очень много, сделаны очень тщательно и, образуя разные узоры, служат также для

[1] Waitz-Gerland, op. cit., Th. V, 2 Abth., S. 50.

[2] Один, далеко не самый большой, бай-бай, который я видел, имел 27 м длины, 14 м ширины и около 10 м вышины.

[3] Шнурки эти сплетены из фибр оболочки кокосовых орехов, которые для этого вымачивают и затем сушат.

орнаментировки. Горизонтальный план этих бай-бай, как и большинства других домов, представляет не четырех-, а шестиугольник, так как передняя и задняя стороны этих построек ограничены не прямою, а ломаною линией: вместо одной сходятся две стены под тупым углом. В боковых стенах находятся в небольших промежутках большие окна или низкие двери, открытые днем и запираемые вставными дверьми или ставнями на ночь.

В передней и задней стенках имеются также по две двери. В бай-бай нет подразделений (комнат): все внутреннее пространство распадается на два широких прохода в длину, по одному на каждую половину бай-бай, и на места по сторонам каждого прохода, где члены клуба или гости сидят и спят.

Мне кажется нелишним сказать здесь несколько слов о назначении бай-бай. Оно очень многостороннее. Бай-бай служит местом собрания и ночлега для членов клуба, местом ночных плясок, а также приютом для гостей и людей, находящихся на пути из одной деревни в другую, и обращается в род казармы или форта во время войны. В каждой деревне несколько бай-бай, сообразно числу клубов. Бай-бай строится сообща и принадлежит всем членам клуба.

Каждый клуб имеет несколько молодых девушек, которых число соответствует многочисленности членов и богатству клуба. Эти девушки, которых покупают у отцов или еще чаще крадут в соседних селениях, живут в бай-бай и находятся к услугам каждого члена клуба. Между этими женщинами встречаются нередко молодые и красивые собою, так как клуб имеет больше средств и более возможности силой добыть себе лучших девушек. Жизнь этих девушек обставлена отчасти лучше, чем жизнь большинства женщин. Живя в бай-бай, куда замужним женщинам запрещен вход, они не обязаны работать на поле, их содержат члены клуба, которые лучшую долю улова рыбы или другой добычи отдают чаще не женам своим, а любовницам в клубе. Замужние женщины, у которых они часто отбивают мужей, находятся в очень недружелюбных отношениях с женщинами клубов, и нередко дело доходит до драки. Для предупреждения таких стычек, которые были бы неизбежны, если бы девушки из клубов отправлялись на время регул в те же места, как и остальные женщины селений, члены клуба строят вблизи бай-бай и недалеко от берега, в воде, маленькую хижину на сваях, куда отвозят из клуба женщин при наступлении менструации. Положение этих девушек при клубах, однако, здесь нисколько не считается унизительным. Отцы нередко отдают (вернее — продают) клубам своих дочерей, и девушка, пробыв 2—3 года в бай-бай, выходит замуж за одного из членов клуба.

После этого отступления о назначении и об устройстве бай-бай продолжаю сообщение о замечательнейших постройках на о. Вуап.

Узнав, что здесь в обычае хоронить покойников не иначе, как на холмах, и услыхав, что умершим вождям воздвигают высокие г р о б н и ц ы из камня, я отправился осмотреть их. Памятники, которые я увидал в дер. Окитам (часа полтора ходьбы внутрь острова от селения Руль), состояли из ступенчатых пирамид с продолговатым основанием, совершенно подобных, хотя в миниатюре, древним гробницам на о. Таити (напр. известному мараю в Папара, которого развалины я видел в 1871 г.). Сообразно общественному положению покойника гробницы имеют большее или меньшее число этажей. Так, напр., гробница одного недавно умершего вождя имела 8 этажей, между тем как недалеко отстоящий

памятник раба только один. Я назвал эти гробницы «миниатюрными», сравнительно с мараем в Таити, так как самый высокий, измеренный здесь, оказался не более 9 футов вышины, марай же в Парара был некогда не ниже 35 или 40 футов.

Кроме характеристической особенности о. Вуап — никогда не хоронить умерших около моря, я узнал еще другую: взрослых зарывают в сидячем положении с согнутыми коленями, детей и молодых людей хоронят в лежачем положении. Мне говорили также, что при похоронах мужчин (вождей и свободных людей) устраиваются воинственные игры, подражание схватке и т. п. Сожалею очень, что мне не пришлось видеть такую церемонию, которой описание напомнило мне виденную на берегу Маклая. Кроме этих воинственных игр в честь покойника над свежею могилой (также по словам одного старого поселенца) происходят (иногда очень неприличные) пляски мужчин и женщин.

ДЕНЬГИ

Главная меновая единица на о. Вуап очень оригинальна и единственна в своем роде, так как о ней можно сказать: эти деньги лежат на берегу моря, покрываются ежедневно приливом, валяются на улицах и дорогах, несмотря на то, что каждый экземпляр может иметь ценность многих сотен долларов, они могут даже служить материалом для мостовых и других построек и не быть ни украдены, ни испорчены. Деньги, [1] которые имеют все эти качества и называются туземцами «фе», состоят из камней, имеющих форму мельничных жерновов очень различной величины (от 1 до 7 футов в диаметре) и нередко несколько тонн весом, из белого, грубо обтесанного камня [2] с отверстием посредине. Ценность этих каменных денег очень различна, она зависит от величины, отделки и т. п.; она варьирует между ценностью нескольких долларов до 1000 долларов и даже более, т. е. за один такой камень можно купить известное количество таро или кокосов, можно приобрести пирогу, жену, дом, участок земли и т. п. Небольшие отполированные, правильной формы, фе, которые я видел в домах начальников, ценятся дороже, чем большие неправильные и грубо обделанные. Орнаментов на этих камнях, за исключением одного или двух концентрических кругов или зигзага у внешнего края фе, я не видал; большинство не имеет ни полировки, ни концентрических кругов, ни зигзагов. Материал для этих фе не находится на острове, эти камни добываются и обделываются на о-вах Пелау, и старики рассказывали мне, что в старое время, до того как европейские суда стали ежегодно заходить на Вуап, очень много туземных пирог гибло, отправляясь на архипелаг Пелау за фе или возвращаясь с ними. Теперь агенты европейских фирм, живущие на о. Вуап, и шкиперы судов нашли выгодным вступать в сделку с туземцами: за известную плату (в виде копры, трепанга и т. п.) брать их с собою на о-ва Пелау для добывания фе и перевозить их с камнями обратно на о. Вуап.

[1] Герланд (op. cit., Th. V, 2-te Abth., S. 87) отвергает существование в Микронезии чего-либо, подобного деньгам, несмотря на то, что здесь, на о. Вуап и на архипелаге Пелау меновая единица — деньги — положительно существует.

[2] По обломку одной из этих каменных монет я убедился, что это был кварц, но, мне кажется, материал для фе не одинаков.

Я посылаю в музей Русского географического общества экземпляр этой оригинальной монеты.

В настоящее время монета эта в полном ходу, и ежегодно много охотников партиями отправляется на европейских судах на о-ва Пелау или возвращается оттуда.

Так как выделка фе требует много рук, а перевозка их — больших издержек, то эти каменные деньги остаются чаще всего собственностью всей общины (и ими может располагать в этом случае при общем согласии пилун) или клуба, т. е. принадлежат всем членам его; только немногие экземпляры переходят в частное владение.

Это обстоятельство, соединенное с массивностью фе, сделало то, что для мелких сделок и для более удобной циркуляции у туземцев о. Вуап появился спрос на жемчужные раковины, которые считаются здесь также меновою единицей. Спрос на них очень велик к большому удовольствию европейских трэдоров, которые, заказывая себе в Сингапуре множество дешевых раковин, продают их здесь в 10 или 15 раз дороже. [1] Другой род туземной меновой единицы, также довольно странный, состоит из свертков цыновок грубой работы, которые называются «амбуль»; эти цилиндрические свертки, около 3 футов ширины и 1—$2\frac{1}{2}$ фута в диаметре, имеют разную ценность, самый большой — приблизительно 35—40 долларов.

Ценность амбуль совершенно условная, так как эти цыновки, вследствие своей формы и выделки, не имеют положительно никакого употребления. Третий род денег, наконец, — жемчужные раковины, или сар, — о которых я уже заметил, что они в большом ходу на о. Вуап. Их нанизывают на шнурок, и когда туземцы отправляются покупать что-нибудь, то деньги эти они несут, держа за верхний конец шнурка.

Описанные три рода меновой единицы: фе, амбуль и сар, составляют деньги для общего употребления, которыми могут владеть люди всех сословий, но, кроме них, имеется еще род денег, которые употребляются только начальниками; их называют «гау»; они состоят из разных шлифованных камней, обточенных раковин и нанизаны иногда в виде ожерелий. Вследствие их редкости и отдаленности места нахождения (на разных островах между о-вами Вуап, Пелау и Новой Гвинеей) их считают большою драгоценностью и их могут иметь и носить одни только начальники.

ПРЕДАНИЯ

В числе преданий, сохраняющихся среди жителей о. Вуап, есть несколько достойных особого внимания.

Предание о странствовании Анагумана в далекую землю У-Канат. Разговаривая с Ронгнибаем, сыном и наследником Корогога, настоящего пилуна селения Руль, о больших мощеных дорогах, о каменных деньгах и т. п., я спросил его, знает ли он, куда его предки отправлялись в своих больших пирогах, кроме о-вов Пелау, откуда они уже давным-давно вывозят фе. Он ответил мне на это, что они отправлялись на о. Могмог, на Ауропик, на Унгулу, на Сонотоль, но что самое далекое путешествие совершил очень давно тому назад, задолго до того времени, как жители о. Вуап увидали суда белых людей, Анагуман, который доехал до далекой земли У-Канат. Вот краткий рассказ об этом странствовании Анагумана и его путь, который сообщил мне Ронгнибай, чертя палочкой на земле.

[1] Жемчужные раковины, которые в Сингапуре, купленные «en gros», стоят $1\frac{1}{2}$—2 доллара, при обмене с туземцами ценятся около 20 долларов. Подобно этому европейские трэдоры набивают цену на каждый европейский предмет.

Анагуман, человек из Томиля, отправился с Вуапа в одной пироге и с немногими людьми сперва на У-Палой,[1] затем на о-ва Сонотоль, Буль, Мерир, Кусукебей, Ирро, Ометрия, Пронагаль, Неминиер, откуда ему уже недалеко было до страны У-Канат, где было много людей, которые жили в больших домах. О жителях У-Каната Ронгнибай мог сказать только, что эти люди были подобны дьяволам[2] и что Анагуман выучился у них добывать огонь,[3] делать топоры из кусков раковины (*Tridacna*) и строить большие дома.

Анагуман, счастливо вернувшись домой, показал своим землякам искусство строить дома, которые они строят до сих пор так, как им показал Анагуман; искусство добывания огня и умение делать топоры из раковин были им полезны до тех пор, пока белые не стали привозить им железные топоры и не дали им стали для получения огня. Один из спутников Анагумана, по имени Гиелан, не вернулся на Вуап: пристав вечером к острову, который, как большой камень, поднимался из моря, Гиелан отправился наверх посмотреть, есть ли там люди и узнать имя острова, и даже на другой день не вернулся к пироге, и его спутники отправились далее без Гиелана.

На мои вопросы о направлении, где лежит У-Канат, Ронгнибай не мог ответить точно, сказав только, что люди думают, что эта страна находится на W или SW от о. Вуап; также на вопрос, сколько поколений прожило со времени Анагумана, Ронгнибай не сумел ответить мне, но сказал, что, может быть, старики в Томиле, откуда был родом Анагуман, знают. Спрошенный далее, от кого он слыхал этот рассказ, Ронгнибай ответил: «я слыхал его от отца, и сам перескажу его своим сыновьям, когда они подрастут».

Не вдаваясь в догадки, какая это страна У-Канат и к какой расе принадлежат эти чортоподобные люди, прибавлю, что я от многих туземцев слыхал это предание, и они повторяли мне те же имена островов, которые мне назвал Ронгнибай; я почти не сомневаюсь, что при достаточном знакомстве с туземными именами мелких островов, рассеянных к S и SW от Вуапа, можно будет проследить путь Анагумана и добиться, где находится страна потомков этих первых жителей Вуапа.

Предание об утонувшем острове. Есть еще предание, что многие жители Вуапа перебрались сюда с другого острова, который опустился в море. На картах находится на севере от Вуапа отмель, называемая Hunters R., которая соответствует этому, по преданию, затопленному острову.

Предание о жителях архипелага Пелау. Один из живущих на острове европейских трэдоров, узнав, что я очень интересуюсь туземными преданиями, сообщил мне одно, слышанное им, но, к сожалению, он не мог припомнить, от кого именно он слыхал его, и я не мог поэтому обратиться сам к источнику. Некоторые туземцы, к которым я обращался, ничего не знали о нем, что, однакоже, не сви-

[1] У-Палой — название, которое дают туземцы о. Вуап архипелагу Пелау.

[2] Ронгнибай, понимающий немного английский язык и умеющий сам сказать несколько английских слов, выразился, говоря об этих людях У-Каната, что они были «like devil» и пояснительно прибавил «strong, strong man».

[3] Я видел в отдаленном от морского берега селении древний способ добывать огонь, который заменяется все более и более огнивом и даже спичками. Этот способ был следующий: очиненною в виде карандаша палочкой, катая ее между ладонями, буравят в мягком сухом дереве неглубокую ямку. Смотря по искусству добывающего этим путем огонь, мягкая пыль в ямке вспыхивает по прошествии 30—40 секунд.

детельствует против достоверности его, так как бывает, что один из десятков туземцев знает предание, и то нередко наполовину, остальные и не слыхивали о нем. Оговорив уже, что я его слыхал не от самих туземцев, я его сообщу, так как оно не лишено значительного интереса.

По словам этого предания, жители У-Палой (архипелаг Пелау) составляли одно племя с жителями о. Вуап и, будучи в хороших отношениях, часто друг друга навещали. Однажды несколько людей с S (?), из другой земли, были занесены на У-Палой ветром;[1] они были более темны и сильны, чем туземцы Пелау; эти последние приняли их хорошо, кормили и поили до того времени, когда нежданные гости захотели вернуться домой. Спустя недолго, эти же люди, на этот раз с многочисленными соплеменниками и с множеством пирог, не только вернулись, но овладели почти всеми островами Пелау; только немногие из прежних жителей, загнанные на северный край большого острова, уцелели от общего истребления.

Если бы достоверность источника этого предания оказалась не подлежащей ни малейшему сомнению, т. е. если бы я услыхал его от самих туземцев, а не от европейского трэдора,[2] то оно было бы очень важно, как подлинное свидетельство о переселении туземцев с одного острова на другой.

ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙЦЕВ И ОТНОШЕНИЕ ИХ К ТУЗЕМЦАМ

Стараясь определить, как давно влияние европейцев на быт туземцев стало ощутительным, я узнал, что теперь доживает свой век второе поколение с того времени, как каменные топоры (которых несколько экземпляров мне удалось еще приобрести) стали заменяться железными. Фоновей, пилун Корора, человек лет около пятидесяти, сказал мне, что, когда его отец был молод, каменные топоры были еще почти в общем употреблении, но что теперь их вовсе не употребляют.

[1] В литературе путешествий встречаются нередко рассказы о далеких, против воли сделанных, путешествиях туземцев, занесенных в небольших пирогах далеко от своих островов. Во время моего непродолжительного пребывания на о. Вуап и потом на архипелаге Пелау я не раз встречал также людей, занесенных с других островов. Вот один из таких случаев, который мне пришлось видеть на главном острове группы Вуап, на о. Бабельтопе. Будучи в Малегиоке (в одном из селений острова) я встретил туземца, красиво татуированного; особенный рисунок татуировки обратил мое внимание; спросив, кто и откуда этот человек, я узнал, что он туземец с острова, который он называет Бур, или Бул, и о котором туземцы Малегиока ничего не знают; его вместе с другим человеком нашли полумертвым в пироге, на рифе около Артингала. Когда ему помогли выйти из нее, оказалось, что он говорит на непонятном языке и только спустя некоторое время, выучившись языку Пелау, он рассказал, что отправился с тремя товарищами на рыбную ловлю и не думал быть в отсутствии долгое время, более половины дня, почему взял как провизию лишь несколько кокосов; порыв ветра, однакоже, занес их так далеко, что они не могли видеть более своего острова, который был низок; затем наступил штиль; сильное течение унесло их очень далеко, так как не было ветра, чтобы поставить парус, а грести они не могли, будучи очень утомленными напрасною и долгою греблей. От голода и усталости двое из них умерли; оставшиеся в живых питались тем, что им случалось словить; наконец, на восемнадцатый день они пристали к этому берегу. Когда я их встретил, они уже многие месяцы жили в Малегиоке, гостеприимно принятые Раклаем, тимолем (главным вождем) Артингала; но, оставив семейство дома, желали и надеялись вернуться на свой остров.

[2] Если европейский рассказчик даже что убавил или изменил, я считаю его, однакоже, не имеющим достаточного воображения, чтобы выдумать самый материал предания.

Характеристично, что новые топоры конструкцией своею совершенно подобны старым каменным, т. е. к рукоятке прикреплено железное лезвие совершенно подобно тому, как в былое время обточенный осколок камня или раковины. Для новых топоров туземцы стараются приобрести стальные долота, которые хорошо соответствуют цели; туземцы стали даже, к неудовольствию трэдоров, хорошими судьями доброты европейских железных и стальных инструментов, и теперь трудно стало обманывать их.

Железные и стальные вещи, ружья, даже пушки малого калибра — предметы, которые туземцы с удовольствием выменивают у европейцев. Ткани и платья почти не требуются ими, так как у туземцев вошло в обычай очень рациональное правило: не позволять своим соплеменникам носить в деревнях европейское платье.

Первый европейский трэдор поселился здесь лет 8 тому назад; я застал живущими в разных концах острова четырех европейцев.

Нельзя, однако, не заметить, что влияние европейцев, т. е. трэдоров и шкиперов, заходящих иногда на о. Вуап, к сожалению, крайне неблагоприятно действует на туземцев. Европейцы эксплоатируют туземцев и своим примером развивают в них ложь и обман.

АРХИПЕЛАГ ПЕЛАУ [1]

ОЧЕРКИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ В ЗАПАДНУЮ МИКРОНЕЗИЮ И СЕВЕРНУЮ МЕЛАНЕЗИЮ

Войдя в риф 15 апреля, мы бросили якорь около островка Намалакаль, где находится несколько хижин, принадлежащих трэдорам. Видя, что здесь нет селения туземцев, я на другой же день отправился на о. Аркледеу, в резиденцию Айбадула или главного вождя Корора (или Корера), где, поместившись в пай, [2] или туземном клубе, провел несколько дней. Желая видеть другие острова и селения туземцев, я перебрался затем к неприятелям Корора, на большой остров Бабельтоп, в участок Артингал, где остался снова несколько дней. Я пополнил здесь

[1] Я пишу все туземные имена и названия предметов, по возможности, ближе к произношению туземцев.

Мое пребывание в архипелаге Пелау было слишком мимоходное, чтобы сообщение о нем было чем иным, как несколькими замечаниями очевидца, и я, может быть, счел бы лишним предавать печати и их, если бы был знаком с книгой Земпера и со статьями Кубари (Кубари был послан фирмой Годефруа в Гамбурге для собирания зоологических и других коллекций для музея Годефруа и жил в архипелаге значительное время), которые оба оставались в архипелаге достаточно времени, чтобы узнать туземный язык и иметь таким образом громадную выгоду для составления себе верной идеи о жизни, обычаях и умственном развитии туземцев. Я же, не зная языка, часто (так как весьма немногие туземцы понимают и сносно говорят по-английски) должен был обращаться при расспросах о виденном не к самим туземцам, а к помощи европейских трэдоров, уже несколько времени живущих в архипелаге и знающих немного туземный язык. Они, знакомые отчасти с обычаями, любезно сообщили мне свои сведения, которые, получая, таким образом, из вторых рук, я, однакоже, старался проверять при случае в разговорах с туземцами, знающими английский язык и, насколько было возможно, собственными наблюдениями. В этом отношении я весьма благодарен Кондану, жившему несколько лет в архипелаге в качестве трэдора, который дал мне пересмотреть свои записки о жизни и обычаях туземцев, и Гибонсу, вестиндскому негру, живущему уже около 40 лет в Короре, который передал мне почти дословно переведенный и записанный им на английском языке интересный отрывок из истории архипелага (этот эпизод, который можно озаглавить: «Мщение сестры», слишком длинен и слишком романтичен, чтобы, переведя, прибавить его к этому письму. Передавать же одно его содержание не стоит, так как локальный характер, выступающий в мелочах, в нем почти главное) и предание о Дилукай, которое я сообщу ниже.

Прожив в архипелаге 40 лет, Гибонс знает туземный язык, как туземец, почему сообщения его и разговор с ним были для меня весьма интересными.

Сказав, каким образом я собирал сведения, и указав на источники, прибавлю, что если я рискую повторять уже известное, то это вследствие мнения, что об отдаленных странах и недостаточно известных туземцах, которых обычаи еще ранее вымирают, чем они сами, всякое наблюдение и всякая заметка ценны (Герланд в письме своем говорит: «*Каждый, даже незначительный, этнографический материал касательно Каролинских островов будет драгоценен*») даже и тогда, когда они служат единственно как подтверждение или как вариант прежних сообщений. (Читатель, найдя в последующем большую несвязность изложения, много пробелов относительно даже важнейших вопросов, согласится, может быть, что, после 12 дней пребывания полнота описания невозможна, найдет также со мною, что компиляция из сообщений других путешественников в таком случае, как это письмо, неуместна.)

[2] Английские трэдеры в архипелаге переводят слово «пай» обыкновенно «big house» или «club house», в немецких сочинениях (у Герланда, напр.) они называются «Gemeindehaus». Последнее название менее других подходит к назначению этих домов; их можно также назвать клубами, так как они принадлежат отдельным обществам или клубам. Туземцы говорят «пай» в отличие от «плай» (частный дом или хижина).

*

свою прислугу двумя новобранцами: до сего времени я имел только одного слугу — яванца. Один из вновь взятых сам предложил следовать за мною; я его взял преимущественно как охотника и как гребца для моей небольшой шлюпки, желая быть совершенно независимым во время стоянок от экипажа шхуны. Я еще раз принужден был вернуться на рейд Намалакаль, чтобы застать там шхуну «Шотландия», которая отправлялась в непродолжительном времени в Гонконг, и таким образом переслать пакет писем в Европу через императорское русское консульство в Гонконге.

Начну с антропологических наблюдений и прибавлю некоторые наиболее интересные заметки из дневника.

Рост, как и на о. Вуап, был очень различен: он варьировал у взрослых мужчин (25 измерений) между 1520 и 1720 мм, у женщин (13 измерений) между 1450 и 1590 мм.

Цвет кожи. Вообще жители архипелага Пелау кажутся темнее жителей о. Вуап; это зависит, однакоже, преимущественно от того обстоятельства, что между последними встречается бо̀льшее число светлых особей, чем здесь. Преобладающий цвет соответствует приблизительно №№ 44, 28 и 43 таблицы Брока; цвет кожи женщин совпадает с немного более светлыми тонами тех же номеров. У них, как и у женщин о. Вуап,[1] окраска разных частей тела менее однообразна, чем у мужчин, что зависит от их образа жизни: большее время дня они проводят дома и менее равномерно загорают, чем последние. Темный цвет спины женщин (часто № 43 таблицы Брока) объясняется согнутым положением при полевых работах, которые лежат на них.

Волосы представляют также большое разнообразие. Встречаются особи (но редко) с прямыми волосами, другие с волнистыми или вьющимися; немало также курчавоволосых, которых большая, всклокоченная волосяная шапка (мода носить такую прическу встречается и здесь) почти нисколько не отличается от расчесанных и взбитых куафюр папуасов. Рядом с прямоволосыми можно встретить людей, у которых из-под громадного взбитого парика выглядывают за ушами или на затылке длинные мелкие локоны, завитые пробочникообразною спиралью, которой кольца имеют не более 4 или 5 мм в диаметре. Экземпляров с подобными волосами не приходится искать, что доказывается примером: из двадцати случайно собравшихся около меня туземцев я насчитал девять с мелкокурчавыми, как у папуасов, волосами, семь — с курчавыми и вьющимися волосами, четыре — с волнистыми и прямыми волосами.

Этот факт в совокупности с другими (обычай пробуравливать носовую перегородку, обычай снаряжать экспедиции для добывания голов,[2] знакомство с приготовлением глиняной посуды, с луком и т. п.)

[1] См. мое письмо об о. Вуап.

[2] На всех островах на SW и W (на Новой Гвинее, на о. Хальмахере, на северном полуострове о. Целебеса, на Филиппинском архипелаге) был распространен или существует еще этот обычай, почему такое совпадение не может пролить свет на происхождение туземцев Пелау. Но, с другой стороны, мы можем заметить, что он представляет большой контраст с нравами туземцев восточных островов Каролинского архипелага.

Об одном из них (о. Уалан) мы имеем интересное свидетельство: «... Ils n'ont absolument aucune arme, ni même de bâton destiné contre l'homme; ils ne peuvent donc, á ce qu'il paraît, avoir la moindre idée, même la plus éloignée, de la guerre». Далее, граф Ф. П. Литке (т. II, стр. 25) говорит, что жители о. Понапе имеют более папуасообразный тип сравнительно с туземцами о. Уалана.

легче всего объясняется примесью папуасской крови, наличие которой признает бывший на этих островах Земпер;[1] предположение это и мне кажется весьма вероятным.

Череп, как и у жителей Вуапа, имеет большую наклонность к брахикефальности. Это обстоятельство нисколько не противоречит предположению о смешении с папуасами; оно только заставляет думать, что папуасское племя, вошедшее как элемент для образования теперешней расы туземцев архипелага Пелау, было брахикефальное, подобно примитивным жителям Филиппинских о-вов.

Индекс ширины мужских голов (25 измерений) варьировал между 71.4—83.5
Индекс ширины женских голов (12 измерений) варьировал между 75.0—81.6

Встречаются, однакоже, головы еще более брахикефальные: я смерил одну (считаю ее почти за исключение), которой индекс ширины был 87.8.

Между туземцами, которых я имел случай видеть во время 13-дневного пребывания на архипелаге, я заметил два случая косостоящих глаз, причем внешние углы глаз находились выше внутренних.[2]

Об искусственном сплющивании носа, как на о. Вуап, я не слыхал, но нос и без того такой плоский, что я нередко видел продольные морщинки вдоль широкого хребта его.[3]

Пробуравливание носовой перегородки — илан[4] — распространено на архипелаге, но уже встречаются исключения.

Чернение зубов — молау, или мелау. Подобно тому как туземцам Пелау не нравится неплоский нос, так и белые зубы счита-

[1] К сожалению, я не имел еще случая познакомиться с книгой проф. Земпера об архипелаге Пелау, которая вышла уже после моего отъезда из Европы и которую в батавийских библиотеках я не нашел. Но уже ранее Земпер выразил свое мнение о жителях этих островов, называя их «смешанным малайо-папуасским племенем» (см. заметку на стр. 138 в его сочинении «Die Philippinen und ihre Bewohner», 1869).

Мнение это имеет тем больший вес, что Земпер пробыл на архипелаге Пелау целых 10 месяцев (см. стр. 10 названного сочинения), а не только мимоходом посетил его.

[2] Складка около внутренних углов глаз, которая при патологическом увеличении называется Epicanthus, встречается здесь также очень нередко более или менее обозначенною.

[3] Эти продольные складки доказывают также значительное развитие M. pyramidalis nasi.

[4] Обычай пробуравливания носовой перегородки сохранится, вероятно, еще некоторое время, потому что с ним связано следующее поверье. «Когда после смерти делеп (душа, тень) умершего является у берега о. Ньяур, желая пробраться в Неделок (местопребывание делепов островитян Пелау), то другие, уже живущие там делепы, осматривают вновь прибывшего; заметя отсутствие илана (отверстие в septum nasi), они не допускают его к себе в Неделок и спихивают с бревна, которое служит мостиком, чтобы подняться из моря на крутой берег Неделока. Сброшенный в море, несчастный делеп попадает в ожидающую его громадную раковину — ким (gen. *Tridacna*), которая закрывается, схватив добычу; в ней делеп без илана продолжает свое дальнейшее существование». Слушая этот рассказ, я имел случай сделать любопытное наблюдение. Говоря, что у делепа осматривают носовую перегородку, туземец сопровождал мимикой свое повествование и высоко поднял (сперва поочередно, затем одновременно) носовые крылья, причем можно было ясно видеть большую часть носовой перегородки и отверстие в ней. Степень подвижности носовых крыльев была такая значительная, что я пожелал удостовериться, могут ли и другие туземцы в той же степени расширять свои ноздри, и убедился в почти одинаковой способности в этом отношении у всех (8) присутствующих островитян, между тем как ни я, ни двое бывших при этом европейцев никак не могли повторить эту гимнастику. M. levator labii superioris alaeque nasi оказывался у нас почти рудиментом сравнительно с соответствующим мускулом у туземцев.

ются ими обезображивающими человеческое лицо. Мужчины и женщины при наступлении зрелости чернят их, несмотря на то, что эта операция соединена с значительною болью и требует немалого терпения в продолжение нескольких дней. Для этой операции прикладывается с помощью кусочков бананового листа черная земля, которую туземцы называют «тельдалек». Это начинают вечером и за ночь переменяют катаплазмы несколько раз. Следующие дни пациент ест единственно жидкую или мягкую пищу (молоко из наскобленных кокосов, растертое таро), которую может глотать, не жевав. Слизистая оболочка рта распухает и болит при этом.

Татуировка (нтнут, или нткнут, или мыгнот). Я не видал здесь людей, которых тело было бы покрыто такою обильною татуировкой, как на о-вах Вуап и группы Могемог. У мужчин татуировано на руках несколько браслетообразных рисунков, на ногах виднеется несколько линий, крестов или звезд. Женщины более татуированы; руки выше, чем до локтя, покрыты почти сплошною татуировкой. Ноги от trochanter major до самого maleolus externus, также внутренняя сторона ляжек, татуированы крестами, линиями, кругами и звездами; mons Veneris, где волосы выщипаны, представляет сплошной треугольник татуировки, который образуется прямою горизонтальною линией немного выше simphysis ossis pubis и паховыми линиями.[1]

На лице женщин я видел не раз маленькие татуированные пятнышки, совершенно подобные видом своим и, может быть, назначением мушкам европейских дам прошлого столетия. Они красовались на щеках, а иногда на краю ноздрей. У мужчин встречается иногда татуированная тонкая линия: от углов рта, поперек щек, к ушному отверстию. Как и на других островах, татуировка производится постепенно: так, девочкам сперва татуируют кисти рук и делают несколько узоров на ногах, и только по наступлении зрелости переходят к татуировке mons Veneris и рук выше локтя.[2] Операция татуировки — исключительно дело женщин; мужчины также татуируются женщинами. Инструмент для татуировки (нтнут) совершенно сходен с тем, который я видел на о-вах Полинезии, такой же маленький костяной гребень с острыми зубьями,[3] и сама операция производится таким же образом, как и там.[4] Татуировка

[1] Я узнал об этой моде, заметив на теле Дилукай (о которой будет говорено ниже) изображение татуировки на mons veneris. Я обратился к нескольким монголь, которые обступили меня, пока я рисовал фасад пая, за объяснением. Вернувшись в пай, они одна за другой показали мне татуировку этой части тела, что было исполнено без лишнего жеманства и церемоний. Я не думаю, чтобы туземцы Пелау связывали с наготой тела какое-либо чувство стыдливости. Я не раз, гуляя с немногочисленною свитой рупаков, простых людей и женщин, встречал работающих мужчин совершенно нагих, что при нашем приближении, нисколько, однакоже, не стесняло их; они продолжали работать или, останавливаясь, вступали в разговор с проходящими, не обращая никакого внимания на отсутствие малейшего костюма.

[2] Смотря по части тела, татуировка носит особое название; так, напр., на руках она называется «икр», на ногах — «келебеакль», на mons Veneris у женщин — «теленгекель» и т. п. Иногда фигуры татуировки изображают или пытаются изобразить животных (птиц, рыб и т. п.), но большею частью это остается попыткой: трудно бывает угадать, что желала изобразить художница.

[3] Он делается здесь из кости птиц, которых туземцы мне называли «кадам» и «квель», но которых мне не случилось видеть.

[4] Не знаю, однакоже, употребляют ли на других островах ту же краску для татуировки, как на архипелаге Пелау. Здесь мне показывали какую-то сажу или копоть, разбавленную водой. Ее получают, по словам туземцев, сжигая на туземной лампе (ольвидель) род смолы, и собирают копоть, держа над пламенем черепки разбитых горшков.

больших пространств кожи имеет следствием временное воспаление соседних лимфатических желез и сильную опухоль. Меня уверяли, что многие туземцы Пелау не переносят значительной татуировки, особенно ног, и что было много случаев смерти по этой причине. Эта чувствительность может быть причиной того, что жители Пелау сравнительно мало татуированы. [1]

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Управление. Группа Пелау состоит из десятка островов и островков разной величины, из которых самый большой называется Бабельтоп; [2] многие маленькие вовсе не обитаемы. Управление находится в руках множества независимых друг от друга начальников, которые носят разные титулы; так, напр., в Короре (на о. Аркледеу) главный начальник называется «айбадул» (некоторые произносят «айбатул»), в Малегиоке он называется «томоль», в Айрай (так же как и в Малегиок на большом острове Бабельтоп) он носит название «иригиклак» и т. д. Англичане переводят все эти названия словом «king»; это название ввелось и у туземцев в разговоре с европейцами.

Кто из начальников главный, узнать трудно; туземец уверяет, что его остров, его деревня самые значительные и важные; европейский трэдор или не знает наверное, или выставляет того начальника как главнейшего, с которым он сам находится в сношениях. Более известная и чаще посещаемая часть архипелага, со времен Вильсона и Чина, находится в соседстве селения Корор (на о. Аркледеу) и около о. Намалакаль. Чтобы дать понятие о числе главных начальников и о малости их территорий, замечу, что на островке Бабельтоп мне насчитывали туземцы не менее как десять [3] друг от друга независимых участков и каждый с отдельным главным начальником.

Власть главного начальника опирается на помощь небольшого числа второстепенных начальников, которые, кроме названия «рупак», носят еще другой титул, изменяющийся в разных участках, как и титул главного начальника. Обычаи наследования титула и имущества мне кажутся на Пелау весьма запутанными вследствие многоженства и неравенства женщин; незнание языка не дало мне возможности разобрать этот вопрос. Знаю только, что главному начальнику наследует брат, а не сын. [4]

[1] Несмотря на многократные расспросы разных туземцев в различных селениях, я не мог вывести из их ответов заключения, что татуировка имеет религиозное значение [о котором говорит Герланд (op. cit., Th. V, S. 67)], также не нашел, чтобы татуировка была различной сообразно с общественным положением туземцев и чтобы для вступления в брак девушка необходимо должна была быть татуирована (op. cit.). Плата за татуировку сравнительно небольшая. Замечу, однакоже, что я говорю о status praesens архипелага. Может быть, прежде все это было иначе, но как — туземцы или забыли, или не желают говорить.

[2] Имена на картах очень отличны от туземных названий. Вот названия главнейших островов, по возможности, ближе к туземному произношению: Бабельтоп (а не Бабельцуап, как у некоторых), Каянгель (а не Иангуель), Эруктапель (а не Урукцапель), Ньяур (а не Ангаур), Улу (а не Урулонг), Аркледеу (а не Корор), Намалакаль (а не Аманакель) и т. д.

[3] Вот их имена: Артингал, Нарамелунгуй, Нареколою, Аретмау, Айбукет, Емелийк, Аирай, Мангалакаль, Акалак, Какалау.

[4] Это обстоятельство — причина того, что здесь главным начальникам, имеющим братьев, близких им по летам, очень часто приходится бояться за свою жизнь; нередко случается, как мне говорили, что брат, желая, в свою очередь, быть главным начальником, убивает своего предшественника. Поэтому, мне объяснили, главный начальник не любит выходить в сумерках из дома и даже, отправляясь мыться, берет с собою верного провожатого, а не идет один.

Рядом со светскою властью существует еще род духовной, и влияние так называемых калит (посредников между сверхъестественным миром и людьми) на дела общественные и частные громадно. Об этом ниже.

Внешних отличий между сословиями, бросающихся в глаза европейцу, нет, за исключением так называемых «ологоль месегеу»,[1] описанного многими путешественниками знака отличия рупаков; существуют также некоторые знаки почета, оказываемые низшими высшим, которые, однакоже, легко ускользают от внимания вновь прибывшего европейца.

Если главный начальник приближается к дому, в который он хочет зайти, низшие, замечая его намерение, спешат выйти из него; завидя его или рупака высшего ранга, они сходят с дороги и, вынув гребень из волос, проходят, нагнувшись, мимо него. Входя в его дом, оставляют вне его топор; в море, завидя пирогу высшего, низший должен отдавать лучшую из пойманных рыб. Около полудня, если главный начальник имеет привычку спать, в деревне никто не смеет заниматься работой, с которою соединен стук или другой шум. С главным начальником говорят не иначе, как присев на землю около него или нагнувшись, опустив глаза и вполголоса.

Перечисленные примеры составляют только часть кодекса этикета относительно высших; он может быть узнан вполне только при долгом пребывании между туземцами. Что таковой кодекс существует и что им руководствуются при сношениях с главным и второстепенными начальниками, с рупаками, с женщинами знатного происхождения, — несомненно, так как даже отношения между близкими родственниками (хотя вследствие других причин) регулируются строгими правилами.[2]

Религия. Говоря о так называемых «калит», которых изречения не только влияют на управление главных начальников, но которые сами в некоторых, хотя исключительных, случаях заступают или исправляют их должность, пользуются такой же властью и почетом,[3] приходится упомянуть о религиозных воззрениях туземцев Пелау.[4]

Сознавая вполне недостаточность своих сведений, я сообщу единственно то, что слыхал от самих туземцев, удерживаясь по возможности от всяких комбинаций и догадок со своей стороны, причем умолчу о таких результатах разговоров с туземцами, при которых я не был совершенно убежден, что мой вопрос вполне понят или когда ответ казался мне сбивчивым и неясным.[5]

[1] Этот здесь весьма ценный знак отличия звания рупака или дворянина не что иное, как Atlas (1-й позвонок) *Halicore Dugong L.*, который носится, как браслет на левой руке. Я видел на руках некоторых рупаков шрамы от ран, произведенных усилием при продевании руки в узкое отверстие позвонка. Atlas называется «ологоль», *Halicore Dugong* — «месегеу».

[2] Двоюродный брат не только не смеет есть, сидя рядом с кузиной, но может говорить с нею только издали и то только в необходимых случаях.

[3] Так, напр., во время моего пребывания на архипелаге, главные начальники в Айрай и Пилилью были калит.

[4] Дж. Леббок (Sir John Lubbock. The origin of the civilisation and the primitive condition of man. 1870, p. 140), основываясь на словах Вильсона, причисляет туземцев Пелау к племенам без всякой религии. Такая ошибка со стороны Вильсона, который был на о-вах Пелау два раза, произошла, вероятно, отчасти от недостаточности знания языка, отчасти от отсутствия бросающихся в глаза обрядов у туземцев.

[5] Мне много раз казалось, что, предлагая туземцу даже самые простые вопросы, я задавал ему задачу, о которой он прежде никогда не думал, почему его ответ, данный, только чтобы отделаться, был в таком случае очень неопределенным. Также целый ряд слов, сюда относящихся, которых почти что невозможно избегнуть, как бы европейцу они ни казались двусмысленны и отличны

Очень может быть, что при знании языка и при более продолжительном знакомстве с туземцами можно проследить еще существование рудиментов старинной мифологии, о которой говорит Герланд, [1] и очень вероятно, что культ усопших, весьма распространенный в Микронезии, существует и здесь, но во всяком случае, желая определить современную нам религию архипелага Пелау, можно положительно назвать ее шаманизмом.

Не должно забывать при этом, что в действительности фазы религиозной жизни рас обыкновенно не проявляются в чистых, не смешанных формах, как в теоретических построениях. [2]

На мои вопросы: продолжают ли существовать где-нибудь люди умершие, живут ли они в других местах и могут ли возвращаться туда, где жили, я получал ответы от туземцев разных местностей архипелага и разного пола, которые, суммируя, я могу передать в следующих словах.

По смерти человек становится делеп (или дегеп, как некоторые произносили) [3] и через несколько дней после смерти (на четвертый или пятый день) возвращается в дом, где прежде жил, и посещает места, которые прежде посещал. Делеп проявляют свое присутствие разными звуками: внезапным треском, который выходит как бы из дерева, свистом в бамбуке, звуками иногда громкими и короткими, иногда тихими и продолжительными, которые выходят непонятно откуда. Делеп можно не только слышать, но и видеть; не только ночью, когда они являются чаще, но и днем. Обыкновенно их в одно и то же время видит только одно лицо. Их присутствие в доме не приносит ни счастья, ни несчастья, но люди, особенно женщины, их боятся. Ночью они могут тревожить сон человека, душить его и т. п. [4] Калит могут призывать их, говорить с ними. Местопребывание делеп не деревня или дом, где они прежде жили и куда они по временам возвращаются, а о. Ньяур, [5] где они обитают в местности, называемой «Неделок»; многие люди их

друг от друга (видение, сон, покойник, а еще более дух, божество и т. п.), остается туземцу непонятным, или он соединяет с этими словами совершенно иные представления, чем мы. Обоим приходится угадывать: слушающему вопрос и получающему ответ; ясно, что выходит часто путаница (которой нередко путешественник не сознает или даже не предполагает). Единственный рациональный путь, чтобы узнать что-нибудь приблизительно верное, мне кажется, следующий: навести разговор на интересующую тему и слушать, что туземцы говорят, как можно менее сбивая их вопросами. Другое условие, очень важное, но весьма зависящее от случая, — найти человека, который сам интересуется этими вопросами и желает о них говорить; в большинстве туземцы о них знают поверхностно или, не интересуясь ими, успели забыть, что слышали от стариков, или (случай очень нередкий) притворяются непонимающими в чем дело и что их спрашивают.

[1] Waitz-Gerland, op. cit., S. 135 и сл.

[2] Как, напр., в гл. IV, V, VI вышеприведенного сочинения Дж. Леббока.

[3] Предоставляю читателю подыскать по усмотрению перевод понятия «делеп» или «дегеп» — перевести его или духом, или душою, или привидением, или чем-либо вроде того.

[4] Несколько дней тому назад я был разбужен ночью странным криком, как будто кого-то душили. Этот крик, повторяясь время от времени, продолжался довольно долго; я услыхал далее говор и шаги моих людей около хижины. Вышедши, наконец, чтобы узнать, в чем дело, я увидал моего слугу Мебли (туземца архипелага Пелау), ходящего около хижины, размахивающего головешкой, которую он держал в руках, и говорящего что-то. «Что это ты делаешь?» — «Делеп душили, не дают покоя сегодня!» — «Много их?» — «Очень». — «Откуда они? с Пелау, что ли, явились докучать тебе?» — «Нет, это делеп отсюда, из Бонгу. . .» Утром Мебли сказал мне, что после нашего разговора ему удалось разогнать их головешкой.

[5] Ньяур — Ангор, или Ангаур, на картах — самый южный островок всей группы. Он населен и весьма плодороден.

видели там пляшущими, слышали их голоса и песни; туда им приносят съестные припасы. Люди, умершие и ставшие делеп, переходят в эту новую форму существования совершенно подобными (с совершенно подобными качествами, с тем же достоинством, полом, внешностью и т. д.) тому образу, который имели в этой жизни. Для людей высокого происхождения, как, напр., главных начальников, калит, рупаков высшего ранга и их родственников, будущее местопребывание не на о. Ньяур, куда попадают после смерти обыкновенные люди: они переносятся на небо — аянгет,[1] где еще лучше, чем на о. Ньяур, где также очень хорошо, и где лучше, чем где-либо на о-вах Пелау.

Животные, умирая, становятся также делеп, но об убитых и съеденных мнения туземцев были различные.

Несравненно более важную роль, чем делеп, в жизни туземцев играют уже упомянутые калит,[2] предсказатели будущего, вызыватели делеп и т. п.

Туземцы прибегают к ним во всех затруднительных случаях: при болезни, предпринимая что-нибудь важное, отправляясь в путь, когда желают хорошей погоды, дождя и т. п. Калит сопровождает их в походах; если они возвращаются победителями, победа, разумеется, — дело калит; если они побиты, калит находит всегда уважительную причину. Каждая деревня имеет своего калит; калит могут быть и женщины, и иногда самые безобразные старухи имеют это звание. Мне рассказывали про одну, которая отличалась своею уродливостью: она имела один только глаз, нижняя челюсть была свернута на сторону, а в верхней торчал единственный клыкообразный зуб; на спине был горб и громадная рана украшала ее ногу. Об этой ране она говорила, что лечить ее нельзя, что никакие лекарства не помогут, потому что это не простая рана, а что великий калит ее так любит, что уже заживо хочет съесть ее.

Я несколько раз слышал, что туземцы представляют себе невидимого великого калит пожирающим людей, почему добытые в экспедициях головы раскладывают в домах или около домов земных калит.

По словам Кондона, европейские трэдоры, живущие для меновой торговли в архипелаге, должны жить в мире с калит. Желая построить дом, торговать на островах и иметь помощь туземцев, даже отчасти для личной безопасности, трэдор непременно должен посоветоваться с од-

[1] Аянгет — общее название неба, облака, а не специальной местности на небе.

[2] Название «калит» имеет у туземцев Пелау очень обширное значение. Хотя обыкновенно так называют людей, которые служат посредниками между людьми и невидимым миром, но калит также называют высшую силу или божество, с которым беседует человек-калит (называемый также «корон»), испрашивая его совета или указания. Кондон и другие европейцы, живущие на островах, уверяли, что божество туземцы называют обыкновенно «диос», название, как и многие другие («солдао» — воин, «плато» — тарелка, «мантега» — масло, «мило» — кукуруза и т. п.), несомненно испанского происхождения. Действительно, туземцы понимают это название и употребляют в разговоре с белыми, но спрошенные как диос называется на их языке, переводят и говорят — калит или, для отличия от человека-калит, прибавляют: «кло-кло, калит-кло-кло» (большой-большой калит). Кроме калит-кло-кло или диос, простого калита — человека, о которых я начал говорить, калит бывают животные (напр. рыбы), даже камни (милат и др.). Растяжимость понятия калит, вероятно, кажется людям калит или корон весьма удобным средством увеличивать свое значение; напр., человек-калит, говоря о себе, уверяет: калит не умирает, не становится делеп, а уходя в аянгет, остается калит.

ним из влиятельных калит, к которому он отправляется с несколькими рупаками.

Узнав от последних, в чем состоит желание белого, и посмотрев на подарки, необходимо сопровождающие визит, калит скрывается за цыновкой, которая отгораживает часть хижины, и начинает бормотать вполголоса. Туземцы при этом соблюдают глубокую тишину, чтобы не помешать беседе человека-калит с великим невидимым калит, или диос. Через полчаса или более земной калит, устав шептать, выходит, и, разумеется, все соответствует желанию европейца, если подарки пришлись по вкусу калит. Трэдоры тем более должны соблюдать хорошие отношения с влиятельными калит, что для туземцев их слово — закон. Захочет калит чью-нибудь голову, туземцы, боясь отказать в чем-либо калит, принесут ее не сегодня, так завтра. Туземцы не только боятся своих калит, но имеют также полную веру в их могущество. Из многих слышанных примеров приведу один случай.

Один из трэдоров вернулся на о-ва Пелау, потерпев на пути в Сингапур кораблекрушение. Когда молва об этом распространилась, одна старуха, принадлежащая к числу калит, которую этот же самый трэдор когда-то прежде чем-то обидел, объявила, что она об этом несчастье давно знает, так как она сама тому причиной: кораблекрушение случилось вследствие ее просьб, чтобы калит-кло-кло наказал этого белого за обиду, нанесенную ей. Никто из туземцев не сомневался более в настоящей причине кораблекрушения, и значение этой старухи как калит еще увеличилось.

В каждой деревне архипелага, около домов начальников, рупаков и даже простых людей, построены домики, которые бросаются в глаза по своей малости; в некоторых из них человеку нет возможности поместиться ни в каком положении, в других же, немного более обширных, один и даже два человека могут лежать рядом. Туземное название их «уленга»; они служат местом, которое посещает невидимый калит;[1] но земные калит считают уленга построенными также и для них самих и целые дни проводят в тех, которые пообширнее; сюда туземцы приносят им все необходимое. Заболевает ли кто из семьи, требуется ли по какому-нибудь случаю особенно часто совет калит, туземец спешит построить уленга.

Я уже сказал, что калит могут быть и женщины, и что в каждой деревне находится калит, мужского или женского пола, но главных калит, как мне говорили, на всем архипелаге имеется только пять.

К сожалению, мне не удалось узнать, какие процедуры предшествуют возведению калит в его должность; может быть, впрочем, никаких особых церемоний при этом нет, а это звание переходит по наследству. Мне показывали детей, говоря, что они маленькие калит и что, когда они подрастут, то будут большими калит. Так как калит не считают ниже своего достоинства брать себе жену или жен, то, вероятно, их дети наследуют их звание.

Рыба, про которую мне говорили, что она калит, была из разряда скатов (*Rhinobatus punct.*). Я думаю, что многие животные разделяют с нею это достоинство, но мне не случилось наткнуться на них.[2]

[1] Называть калит-кло-кло или диос невидимым калит только отчасти верно, так как он невидим для обыкновенных людей; люди-калит, однакоже, могут его видеть.

[2] Другая рыба-калит — угорь, которого туземцы называют «кителель». Только немногие могут ее есть, для большинства она строго могуль (табу).

Я слышал в Малегиоке о камне, который пользуется особым почетом, который также называют калит и которому даже приносят жертвы. Этот камень, называющийся «милат», [1] находится в участке Нарамелунгуй, на о. Бабельтопе. Вот предание о нем.

«Давным-давно женщина, по имени Милат, разрешилась от бремени тремя сыновьями и дочерью. (Кто был ее супруг — предание умалчивает, или рассказчик позабыл его.) От этих детей Милат произошли люди, которые живут теперь в четырех участках острова. От трех сыновей произошли люди Артингала, Нарамелунгуя, Корора; от дочери — люди Емелийк. Случилось большое наводнение, и море залило большую часть острова. Милат хотела при помощи толстого бамбука спастись, достигнуть горы, которая не была под водой. Но бамбук погрузился в воду, и Милат утонула. Зацепившись волосами за деревья, она осталась в области Нарамалунгуй и превратилась в камень. Камень-женщина Милат еще до сих пор существует; можно видеть ее лицо, груди и прочие части тела. Туземцы четырех названных участков, считая Милат своею прародительницей, посещают ее и приносят масло, которым натирают ее тело». [2]

Здесь мы имеем пример того, как фазы религиозного развития переходят одна в другую.

Рядом с шаманизмом мы имеем культ предков, который переходит почти что в почитание идолов. Камню-калит Милат недостает только особого храма и нескольких жрецов, чтобы стать идолом в полном значении слова. [3]

Я слышал о ней предание, что причина землетрясений в Пелау — громадный кителель, живущий глубоко под землей. Мне также рассказывали, что под землей живут люди, которые спят, когда на земле (на Пелау) день, и, наоборот, ходят, едят, сажают таро, когда на Пелау ночь. Эту страну называют туземцы «Датек».

[1] Некоторые произносили «милас».

[2] Камней-калит в архипелаге, вероятно, немало, так как в одном Малегиоке я слышал о трех из них, с человеческим лицом, один из них называется «мангахуй»; он ест волосы проходящих мимо небрежно причесанных женщин. «Олегиок», который находится близ пай рупаков, в самом селении, имеет обыкновение приподниматься с земли, когда кальдебехель Малегиока добывают неприятельскую голову, между тем как в селении об этом еще не знают. «Кодальмелек» — третий камень-калит; его называли даже калит-кло-кло (большой-большой калит), но не прибавили ничего особенного о нем.

[3] На Пелау встречается род фетишизма, в подробностях весьма похожий на оним или кумани папуасов Новой Гвинеи (см. мои «Этнологические заметки о папуасах берега Маклая на Новой Гвинее»). Совершенно как и папуас, туземец Пелау убежден, что его явные или тайные враги могут сделать его больным и даже быть причиной его смерти, если достанут пучок его волос или немного жеванного им пинанга. Известные манипуляции (заговор, сжигание и т. п.) превращают эти предметы в олай, от которого он заболевает и даже может умереть. Мне говорили в Малегиоке, что жители Корора (враги) привозят нередко в Малеглиок заговоренное таро, раковины, рыбу и другие съестные припасы в виде подарка. Съевшие их люди, не подозревая олая (заговор, лекарство), заболевают и умирают. Но есть калит, прибавил рассказчик, умеющие распознавать, заговорены ли подарки. Человека, который приготавливает олай, называют «млапаль». Не единственно заговоренная пища может причинить вред; таро или рыбу, которые перед приготовлением были брошены с силой на землю или которых били, есть опасно: от них обыкновенно заболевают. Туземцы Пелау весьма суеверны: множество мелочей могут быть причинами болезни, несчастья, неудачи. Так, жить в доме, в котором при постройке конек был поднят небрежно (напр., при этом раскачивали его) или один конец был поднят прежде, чем другой; в доме, в котором пальмовые или пандануcовые листья положены особенным образом, также жить весьма опасно: болезнь, ряд несчастий и даже смерть хозяина могут быть следствиями.

Могуль. Обычай, который имеет или, вернее, имел свое полное развитие в Полинезии и который там называется «табу», встречается, как известно,[1] и в Микронезии. На о. Вуап он называется «матра-мат»,[2] в архипелаге Пелау он обозначается словом «могуль». Что туземцы считают могуль, узнать можно вполне только при продолжительных сношениях с ними, или случайно наткнувшись на интересный пример применения этого обычая; при кратковременном посещении его влияние особенно заметно при еде: этот человек не ест кур, эта женщина считает такую-то рыбу могуль, а другую может есть и т. п. Человек, напр., добывший недавно голову неприятеля, не может есть известную пищу (напр. кур); такая-то тропинка — могуль для женщин и т. д. Очень много местностей в архипелаге считаются могуль. Разумеется, главные начальники и многое, принадлежащее им или относящееся до них, так же как и калит, рупаки, суть могуль для низших.[3]

Я уже упомянул об отсутствии религиозных обрядов, и, действительно, в архипелаге Пелау находятся едва следы их, и единственно (насколько я узнал) при погребении. Когда родится ребенок, когда дают ему имя, нет никаких церемоний; выбор имени не связан также ни с каким обычаем, и теперь вошло в моду называть детей именами европейцев. Также женитьба есть не что иное, как простой контракт или, вернее, покупка девушки у ближайших ее родственников. Погребение следует скоро после смерти туземца; если это случилось утром, то около полудня, как только могила готова, его хоронят;[4] если он умер вечером или ночью, то тело его стерегут при ярком свете костра или факелов, пьют илан[5] с лимонным соком и водой, жуют пинанг и курят. Главный вождь произносит род похвальной речи над покойником.

Если, собираясь куда-нибудь или предпринимая новую работу, туземец увидит на дороге мертвую мышь, на этот день отъезд или работа откладываются в сторону, чтобы не случилось несчастья в пути или чтобы работа удалась. Мочиться в отверстие нор земляных крабов не принято, из боязни какой-нибудь болезни половых органов, которую может причинить рассерженный краб.

[1] Waitz-Gerland, op. cit., S. 147.

[2] Туземцы о. Вуап произносят различно, иногда слышится: «мата-мат», иногда: «маса-мас».

[3] Между тем как могуль соответствует полинезийскому табу или помали Молуккских о-вов, «плюль» в архипелаге Пелау аналогично малайскому «сасси» (особенно распространенному и сохранившемуся обычаю на Молуккских о-вах). Могуль имеет более или менее религиозный характер, и несоблюдение его, как и несоблюдение помали, влечет за собою болезнь, несчастье и т. п., но не карается людьми. Плюль — мера административная или полицейская, и проступки против него наказываются людьми; кальдебехель или солдао смотрят за соблюдением наложенного плюль. Когда, напр., кокосовые или арековые орехи становятся малочисленны на деревьях, главный начальник, или рупаки, или даже кальдебехели, с согласия первого, налагают плюль на соответственные деревья, и ни один туземец, под страхом наказания, не смеет срывать их; хотя эти деревья — общественная собственность, но наложенный плюль делает пользование ими на время запрещенным для всех. Если кальдебехель застает кого-нибудь преступившим запрет, то без дальнейших церемоний надевает ему на шею веревку, и только значительный выкуп, который идет в пользу кальдебехеля, может избавить преступника от повешения.

[4] Покойника обмывают, одевают в новую одежду (кариут), ему надевают разные украшения на шею или оставляют все, которые он обыкновенно носил (ожерелья, серьги), на нем, за исключением, однакоже, ологоль месегеу — Atlas *Halicore Dugong L.*, который считается слишком ценным, почему его по смерти снимают с рук рупаков. Лицо и грудь покойника намазываются красною краской.

[5] Илан — сироп, приготовленный кипячением сока ростка кокосовой пальмы. Он имеет приятный, сладкий вкус и может быть долго сохраняем, не портясь.

Когда могила готова, мать или ближайшая родственница умершего идет осмотреть ее, и женщины воют, когда хоронят тело. Только немногие мужчины, ближайшие родные усопшего, присутствуют при погребении; похороны почти исключительно дело женщин, которые за эту услугу получают по небольшому черепаховому подносу и по такой же ложке.

Четыре главных плакальщицы живут четыре месяца в доме покойника; в течение этого времени им строго запрещено употребление воды (т. е. они не должны мыться, должны пить весьма немного и т. п.). Этот период и обычай называются «мугниу».

Гробницы находятся около самых домов, перед дверьми. Тело хоронят в лежачем положении, завернутое в цыновки.

Клубы кальдебехель и пай. Как и на о. Вуап, все мужское население разделено на клубы, члены которых называются кальдебехель, [1] а сборные дома последних — «пай»; женщины при них носят имя «монголь». Численность клубов и домов их соответствует числу населения; так, напр., в Малегиоке, резиденции томоля (главного начальника) Артингала, было шесть пай, и в каждом от 15 до 40 членов. [2]

Касательно сведений об истории учреждения этих обществ или клубов, их уставах, характере и влиянии на общественную жизнь и т. п. отсылаю читателя к сообщениям путешественников, долее меня бывших на архипелаге. Замечу только, что при мимоходном даже знакомстве с жизнью туземцев Пелау приходишь к мнению, что это учреждение играет в ней большую роль.

Совершенно подобный клуб, как и кальдебехель или солдао, образуют также рупаки; он посещается даже главным начальником, почему, вероятно, их пай (обыкновенно три рядом стоящие дома) находится вблизи дома главного начальника, как это я видел в Короре и Малегиоке. Европейцам, посещающим эти острова и остающимся не настолько долго, чтобы построить особый дом, главные начальники отводят обыкновенно квартиру в пай рупаков. Во время своего кратковременного пребывания в Короре я жил в пай, около дома Айбадула; в более старом из этих трех домов, который еще цел, помещался некогда капитан Мак-Клюр. [3]

В Малегиоке один из трех пай (около дома томоля) только что был вновь выстроен, но еще не открыт для посетителей. Мне сказали, что ожидают для торжественного освящения его голову неприятеля; когда добудут таковую, будет устроен пир, будут пляски, и новый пай откроется для членов.

Об архитектуре пай, их оригинальных фронтонах поговорю ниже, при описании построек вообще.

Необходимым аксессуаром пай, как и на о. Вуап, являются монголь, [4] которых число различно в разных пай; в некоторых оно значительно; так, напр., в одном пай в Малегиоке на 20 мужчин было 12 женщин.

[1] Некоторые туземцы переводили, в разговоре с европейцами, это название словом «солдао». Не знаю, как давно это имя вошло в употребление и насколько верно передает этот перевод название и значение кальдебехель.

[2] Вот названия пай и численность их членов в Малегиоке во время моего посещения: Аркледеу — 40 человек, Комаук — 20 человек, Кальдесикибиль — 30 человек, Пейле-калит — 15 человек, Кururау — 20 человек.

[3] Waitz-Gerland, op. cit., S. 10.

[4] Некоторые туземцы произносят «монгаль».

Называть монголь публичными женщинами (ошибка, которую я сам сделал в письме об о. Вуап), мне кажется, отчасти неверно. При покупке девушки каждый член вносит свою часть платы за нее, и она делается женой только членов пай, при котором она находится.

Это скорее пример ограниченного коммунального брака, даже строго соблюдаемого. В этом смысле были все ответы туземцев, из которых я узнал, что члены пай никогда не предоставляют своих монголь другим туземцам, даже временным гостям.[1]

Так как нет, о чем уже сказано, особых церемоний, сопровождающих вступление в брак, то и с этой стороны разницы нет; в одном случае девушка делается женой одного, в другом — женой многих.

Между участками существует условие меняться девушками для клубов; так, напр., мне говорили, что подобное условие существует между Корором и Айрай. Отцы или родственники добровольно отдают своих дочерей в клубы, тем более, что члены клуба платят сообща и почти всегда дают хорошую цену. Жизнь этих монголь, как я уже заметил, говоря о той же категории женщин на о. Вуап, нисколько не хуже жизни других женщин, во всяком случае комфортабельнее и разнообразнее. Их карьера кончается, однакоже, не в пай, где требуются преимущественно молодые женщины: они выходят замуж, так как положение монголь нисколько не считается унизительным. В корорском пай я видел в числе монголь еще неразвитых физически девочек, лет десяти или одиннадцати, которые ожидали очереди.[2] Кроме обязанности монголь — исправлять должность жен кальдебехель и прислуживания в пай, они сопровождают их в походах; их обязанность тогда, кроме приготовления еды, пение воинственных песен.[3]

[1] «Что, если главный начальник прикажет предоставить монголь другому, напр. белому, или сам возьмет ее?» — спросил я у нескольких туземцев, разговаривая с ними об этом учреждении. — «Ни Томоль, ни Айбадул, ни один из главных начальников этого не сделает, — был ответ, — потому что они знают, что их тогда убьют кальдебехель». Не знаю, насколько такое сангвиническое мнение подтвердится на деле и воспоследует ли tant de bruit pour si peu de chose, как монголь, но трэдоры и туземцы мне говорили, что если белый спросит у главного начальника для себя женщину на время пребывания на островах или на одну только ночь (случай, нередко встречающийся), то главный начальник никогда не назначит монголь, а приказывает одному из простых людей уступить для этой цели на время свою жену. Ясно, что удобнее иметь против себя одного недовольного, чем целый клуб.

[2] Мне сказали, но не знаю, верно ли, что одна из маленьких девочек была дочь одной из монголь. Что монголь имеют детей, я часто слыхал, но не знаю, остаются ли в таком случае дети женского пола в том же пай и становятся ли со временем монголь.

[3] Знакомясь с обществами кальдебехель на о-вах Пелау, я невольно вспомнил об обществах улитаос, или уритаос, некогда существовавших на Марианских о-вах. Как и там, они существуют на всех островах, образуют отдельные замкнутые общества и имеют везде свои дома (пай); как и там, члены их живут с девушками, причем не стеснены брачными узами и обязанностями; положение этих женщин (монголь) на о-вах Пелау нисколько не считается унизительным, хотя они не стоят выше других, как на Марианских о-вах; общества кальдебехель, будучи вооруженною силой (что выражается даже в переводе — «солдао»), имеют, разумеется, значительное влияние на управление.

Что касается языка песен улитаос, непонятного другим, то замечу, что на о. Вуап я записал несколько песен, которых ни певшие их, ни старики, к которым первые меня отослали, не сумели перевести. Одни говорят, что слова этих песен принадлежат диалекту другого участка острова и что там их, может быть, понимают; другие утверждали, что это старый язык, которого никто на острове не знает более. Подобно этому песни улитаос могли быть непонятны другим. Не имея сочинений Фрейсине и Ле Гобиена, на которые ссылается Герланд (Waitz-

Положение женщины на архипелаге Пелау сравнительно высокое и влияние их значительное. Они не только могут быть калит и через то иметь большое значение, но даже в некоторых случаях не лишены права временно занимать место главного начальника [1] и пользуются тогда общим повиновением. Женщины образуют, как и мужчины, особые общества, и мне говорили, что если женщина серьезно провинится, она судится женщинами же. Не знаю, однакоже, насколько это верно. Так как при наследовании женская линия имеет первенство перед мужскою, то из этого следует неравенство общественного положения женщин; так, напр., Айбадул в Короре называл «дисен» не одну из своих жен, а сестру, желая выразить ее положение как женщины самого высшего ранга в Короре.

Туземцы имеют иногда несколько жен, но чаще двух, которых помещают в отдельных домах. Жены пользуются значительною свободой, и мужья позволяют им посещать без себя пляски, пиры и т. д.

Как только жена замечает беременность, половые сношения с мужем прерываются, и могут быть возобновлены не ранее, чем через десять месяцев после родов. [2] С женами обращаются хорошо, хотя возлагают на них всю нелегкую полевую работу. Есть в обществе жены на о-вах Пелау муж не считает унизительным, но выказывать ей при посторонних большое внимание считается неприличным; также посетитель, приходя к мужу и застав жену его сидящею около него, должен игнорировать ее присутствие; противное, как мне говорили, не считается bon ton в обществе Пелау.

Постройки. Дамбы. Почти около всех береговых деревень построены далеко выходящие в море дамбы; отчасти они служат брекватерами, отчасти их строят для удобств при рыбной ловле. В селениях улицы представляют, как и на о. Вуап, массивные мостовые, которые переходят в лестницы, если того требует местность. Для туземца, не носящего обуви, эти мостовые, может быть, целесообразны, я же находил их весьма неудобными. Средние, более плоские и широкие камни, образующие собственно тропинку, по которой преимущественно ходят, вытертые ногами многих поколений, для подошв европейской обуви скользки; при дожде это неудобство еще увеличивается. Так как промежутки между камнями не заполнены землей или песком, то приходится ступать с одного камня на другой и соразмерять шаги, чтобы не попасть в промежуток и не свихнуть себе ноги, что легко может случиться при узости и глубине щелей между камнями.

Приходится, ходя по этим мостовым, постоянно смотреть под ноги, отгонять всякую мысль и не обращать внимания на местность вокруг.

Gerland, op. cit., S. 148); не могу решить, насколько их сообщения могут поддержать предлагаемую гомологию, и имеет ли религиозный характер, который придает обществам уритаос Герланд, достаточную поддержку в описаниях путешественников, бывших на Марианских о-вах до истребления на них туземцев.

[1] Мне называли участок, в котором был такой пример во время моего посещения островов, но, к сожалению, заметка эта утерялась, и я не могу найти ее до сих пор.

[2] Но подобное воздержание во время менструации мужчины Пелау, как они сами сознаются, считают лишним. Этому как бы противоречат воззрения их относительно коитуса. Отправляясь на рыбную ловлю, туземцы очень опасаются, чтобы кто-нибудь из мужчин, спавших последнюю ночь с женщиной, не прикоснулся к «пуба» (большой корзинообразный аппарат из бамбука для ловли рыбы). Если такой человек дотронется каким-либо образом до него, улова совершенно не будет, или он выпадет самый жалкий.

Во избежание всего этого я часто предпочитал ходить по канавкам по сторонам мостовой, что немало удивляло туземцев: привыкшие к этой гимнастике, они быстро шагают с одного камня на другой.

Но, во всяком случае, эти мостовые, которые стоили туземцам, не имеющим вьючных животных, немало труда, делают им честь, как сооружение для общественной пользы.

Пай. Хотя общий характер и расположение общественных домов на о. Вуап и архипелаге Пелау сходны, но способ постройки их разнится более, чем их имена — «пай» (Пелау) и «бай-бай» (Вуап). Здесь пай построен из бревен и толстых досок, а не из бамбука и необтесанных стволов, как на о. Вуап, и все здание скреплено здесь не веревками, а шипами. Хотя пай обыкновенно стоит на возвышенной каменной террасе, но он имеет еще кроме того особенный пол из толстых досок, которые отстоят от земли на полметра или более. Здание стоит, однакоже, не на сваях, а на нескольких поперечных бревнах, которые, в свою очередь, лежат на больших камнях. Внутренность освещается окнами, которые служат также и дверьми: по одному в переднем и заднем фасадах и по нескольку подобных же, расположенных друг против друга, в боковых стенах. Вкопанное, снабженное ступенеобразными зарубками, бревно находится против каждого окна-двери, заменяя лестницу. Вышина крыши парализует неудобство низких стен; внутри далеко не жарко, даже при дневном maximum'е температуры; все четыре стены имеют отверстия, и потому ветер свободно гуляет в пай; не раз, даже и в полдень, сквозной ветер казался мне неприятным по своей прохладе. На ночь окна-двери могут быть заперты ставнями с внутренней стороны. Толстые доски, образующие пол, гладко обтесаны и отполированы ногами посетителей; в некоторых местах, по краям их, сделаны отверстия для плевания и для выливания жидкостей. Они так расположены, что приходятся около тех мест вдоль стен, где посетители имеют обыкновение садиться или ложиться спать. Посредине пай, на полу, находятся два или три очага — небольшие, окруженные возвышенными рамками площадки, с насыпанною землей и несколькими камнями, служащими подставками для горшков.

По стенам пай стоит несколько выдолбленных стволов в 1—1½ м вышины, которые употребляются как сосуды при приготовлении корегура — национального питья, состоящего из илана (сиропа), лимонного сока и воды. Ряд полок находится на боковых стенах для складывания на дневное время цыновок и подушек. Вечером пай освещается или костром очага, или ночниками; нельзя не заметить при этом, что туземцы умеют приготовлять довольно хорошее кокосовое масло.

Описав приблизительно внутренность пай, перехожу к его фасаду, который своими фигурами обращает на себя внимание подходящего к нему. Не стану описывать всех вырезанных на нем фигур, так как описание вряд ли даст верное понятие о них, между тем как простой контурный рисунок скорее может достигнуть цели. Нельзя, впрочем, не остановиться на одной фигуре, которая преимущественно бросается в глаза по своей величине, по своему исполнению, по своей всеобщности, прикрепляемой как украшение над дверьми почти всех пай;[1] она представляет нагую женщину с горизонтально распяленными ногами и руками, опирающимися на колени. Эта фигура, почти в натуральную вели-

[1] Я говорю только про Корор и Малегиок, где сам был.

чину, повторяется на фронтонах большинства [1] пай, с малыми различиями в аксессуарах. В новых пай эта фигура, как и остальные, была раскрашена в желтый, красный и черный цвета.

Живя в Короре, я пожелал узнать, по какой причине выставляют у входа в пай такую вывеску, которая, хотя и соответствует назначению монголь, тем не менее, как мне казалось, должна иметь еще какое-нибудь другое значение, быть связанной с каким-нибудь преданием. Я спросил Айбадула (который понимает и говорит немного по-английски), но узнал от него, однакоже, одно только имя Дилукай, под которым фигура эта известна на архипелаге; так называлась, как он мне объяснил, одна женщина, которая умерла давным-давно. Я обратился к одному из рупаков, который пробыл несколько месяцев на одной из шхун, заходящих довольно регулярно на архипелаг, и, побывав даже в Гонконге, говорил очень порядочно по-английски; он сказал мне, что старые люди знают историю Дилукай, но что он слыхал ее давно и не помнит ее, что туземцы уже много поколений прикрепляют эту фигуру над дверьми пай и что, когда строят новый пай, то делают фигуру Дилукай, совершенно такую, как та, которая была на старом. Наконец, мне помог Гибонс, но и он прибавил, что забыл подробности, почему предложил мне попросить Айбадула приказать позвать нескольких стариков, у которых Гибонс надеялся узнать предание о Дилукай полностью. Я последовал его совету и поговорил с Айбадулом. На другой день собрался совет под председательством Гибонса, и я мог заметить, что не нежелание, а память стариков мешала удовлетворить вполне вопросы Гибонса и мои. Расскажу кратко содержание предания о Дилукай, которое узнал от Гибонса и стариков-туземцев на Короре.

«Очень давно в дер. Гуарар жила женщина, по имени Дилукай, с матерью и братом. Этот брат, которого имя было Атматуюк, имел мрачный, резкий характер, и никто в деревне его не любил. Так как он страдал накожною болезнью, ему запретили употреблять для купанья место, куда приходили для этой цели рупаки. Так как Атматуюк, не обращая внимания на запрет, продолжал купаться в запрещенном месте, на него наложили штраф, но и штраф не захотел уплатить Атматуюк. Так как никто из людей в деревне не хотел или боялся наложить на него руку, то было решено выждать случая, чтобы наказать его. Наконец, случай представился, когда он ушел в другую деревню по делам. На его дом было сделано нападение, и камни, которые были брошены при этом, испугали мать и сестру Атматуюка; они убежали поэтому в ближайший пай ожидать там возвращения сына и брата. Возвращаясь, Атматуюк увидал их там и узнал о происшедшем. Он сказал, что идет узнать положение дел и вернется сказать, что им делать далее. Придя к своему дому, он увидел его в пламени — люди подожгли его. Это было большим несчастьем для него, так как, не имея ни одного приятеля в деревне, он не мог указать матери и сестре никакого пристанища. Вернувшись к ним, он сказал, чтобы они оставались в пай, пока он не отыщет для них пристанища в другом месте. Но такого он не нашел или, быть может, никогда не искал, и по временам приходил в пай под предлогом видеться с матерью и сестрой, а, собственно, чтобы иметь случай начать

[1] На фронтоне одного пай в Малегиоке был представлен мужчина с громадным penis; на фронтоне другого, также в Малегиоке, туземный художник пытался представить европейского солдата в кивере, с ружьем в руках; на других фронтонах красовалась описанная женская фигура.

драку с жителями деревни. Но его столько же боялись, сколько не любили, и все отстранялись от него.

Так как туземцы неохотно входят в пай, где находятся их родственницы, то мать и сестру Атматуюка включили в число монголь, думая тем отделаться от него и от щелчков, которые он раздавал, когда заставал кого-нибудь из мужчин в пай. Но когда и это не помогло, когда Атматуюк все-таки не перестал приходить, то люди стащили с обеих женщин их кариуты [1] и голыми привязали у дверей пай, в той позе, как изображена Дилукай. Мать привязали у одного входа, сестру у другого. Эта мера, наконец, произвела желанное действие. Атматуюк никогда более не возвращался, переменив свое земное жительство на небесное, где, предполагают, он был превращен в падающую звезду. Чтобы помешать возвращению Атматуюка и не попасть в беду от его мщения, над дверьми всех или большинства пай прикрепляются и теперь фигуры его сестры и матери».

Осматривая внутренность многих пай в Короре и Малегиоке, я не мог не обратить внимание на ряды вырезанных фигур на карнизах, раскрашенных красною, черною и желтою красками. Эти рисунки представляют разные сцены из жизни туземцев или изображают фигуры и группы фигур во всевозможных, иногда очень цинических, комбинациях. Рассматривая одну группу фигур за другою, можно заметить, что каждая относится к какому-нибудь отдельному случаю, изображает какое-нибудь отдельное приключение. [2] Эти фигуры были, как видно, наскоро набросаны и вырезаны, [3] так что с художественной стороны не могут удовлетворить эстетическому вкусу даже и не очень взыскательных в этом отношении туземцев. Некоторые туземцы могли сказать мне, когда такое-то изображенное происшествие случилось, или, как я уже заметил, могли сообщить мне сюжет многих для меня неудобопонятных рисунков. Допытываясь у туземцев о значении этих дилукай, как они вообще называют все нарисованное или написанное, я узнал, что калит играют при этом значительную роль; что они требуют, чтобы люди украшали таким образом свои пай; что даже самое дерево, на котором выре-

[1] Кариут — туземное название женского костюма, о котором можно составить себе довольно верное понятие, вообразив два фартука, состоящих из длинной грубой бахромы (волокон листьев пандануса), из которых один носится спереди, другой сзади, оставляя по сторонам промежуток. Эти фартуки окрашены часто в желтый цвет корнем *Curcuma longa*. Фартуки не соединены с поясом, а их подсовывают под него и загибают слегка верхнюю, более толстую часть их; этот костюм нисколько не стесняет пищеварения, так как пояс лежит на spina ant. sup., а спереди опускается сообразно контуру живота и иногда так низко, что виден верхний край татуировки mons Veneris. Часто носятся два кариута, один на другом, а под передним подсунут еще мешок из тонкой цыновки с разными мелкими предметами, часто употребляемыми в повседневной жизни.

[2] Такие группы фигур несомненно относятся к особенно характеристичным происшествиям, как, напр.: стычка с неприятелем и добыча одной или нескольких голов, причем туземцы называли имена участников; рыбная ловля, при которой один из туземцев попадает в пасть крокодила или акулы; европейское судно, стреляющее в пироги туземцев; мирная встреча с европейцами, которых, чтобы отличить от туземцев, изображают со шляпами на головах. Ряды этих фигур напомнили мне фиг. 2 и 4 в вышеприведенном сочинении Дж. Леббока (на стр. 32), хотя исполнение их было здесь погрубее.

[3] Эти рисунки, или, вернее, эта резьба, были сделаны следующим образом: набросанные контуры рисунка были вырезаны туземным топором (который здесь, как и на о. Вуап, не что иное, как хорошее европейское долото, вправленное в ручку, подобную рукоятке топора каменного века). Рисунок являлся, таким образом, в виде плоского барельефа. Грунт, не везде вырезанный, делал рисунки неразборчивыми, и исполнение поэтому казалось небрежным.

*

зывают эти молуккос, считается могуль, как и все люди, которые перед окончанием пай занимаются их рисованием и резьбой; что на это время пай, как и эти люди, строго могуль и что сюжетом многих молуккос служат иногда сны и видения калит.

Я не думаю, чтобы эти молуккос введены были самими калит с определенною серьезною целью — сохранять их как документы туземной истории или как иллюстрацию преданий и видений, и не хочу сказать, что пай туземцев представляют род музеев для их хранения, но предполагаю, что, во-первых, многие из них имеют символическое значение подобно тому, как фигура Дилукай, во-вторых, что они делаются для того, чтобы сохранить воспоминание о некоторых событиях и передавать известие о них другим. Я не сомневаюсь, что таким образом туземцы, отчасти бессознательно, дошли до употребления так называемого о б р а з н о г о п и с ь м а (picture-writing — англичан, Bilder- или Ideenschrift — немцев), хотя они и не думают применять свое открытие (почему я его назвал бессознательным) к цели практической и повседневной — письму, чему мы видим примеры у краснокожих. Мне кажется такое объяснение тем более положительным, что я несомненно встретил эмбриональные фазы развития фигурного письма даже у папуасов берега Маклая. [1]

Возражение, что европейцы дали туземцам мысль делать эти изображения, [2] мне кажется, можно опровергнуть, во-первых, замечанием, что фигуры на фронтоне, как и предания о них, несомненно относятся к тому времени, когда еще не было частых сношений с европейцами; [3] во-вторых, сами сюжеты главных изображений, или молуккос, говорят против такого предположения и указывают на влияние религиозных представлений и преданий. Так, на фронтоне наверху мы видим п л е л а й, или п л е н л е к — изображение солнца, низвергающего своими лучами кальбугуб (туземные деньги), за которыми протягивают руки калит. О н г и у и О н г у л у ю б, изображенные на фронтоне, также обитатели аянгет, или неба [4] и т. п. Невозможно предположить европейское влияние на происхождение молуккос такого содержания, а те, которые находятся на бимсах и карнизах в самом пай, не отличны от первых ни по своему характеру, ни по своему исполнению.

На вопрос, несколько раз предлагавшийся мною туземцам в Короре и Малегиоке, — не показали ли им белые, как делать эти молуккос, они отвечали отрицательно и даже часто обиженным тоном, говоря, что их деды и прадеды делали такие же задолго до того, как белые стали появляться на архипелаге; только тогда их делали топорами из раковин, между тем как теперь они делают топоры из стальных стамесок и могут делать молуккос скорее и лучше. [5]

[1] См. мои «Этнологические заметки о папуасах берега Маклая на Новой Гвинее».

[2] См. W a i t z - G e r l a n d, op. cit., S. 97.

[3] Которые можно предположить только после Вильсона, т. е. не ранее начала этого столетия.

[4] Я послал рисунок фронтона и копии нескольких молуккос корорского пай проф. Вирхову для публикации их в изданиях der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie etc.

[5] Не входя в обсуждение, насколько основательно мнение Герланда (W a i t z - G e r l a n d, op. cit., S. 97) о европейском влиянии в примере образного письма в западной Микронезии, который приводит Фрейсине, расскажу о другом роде с и м в о л и ч е с к и х письмен в этой части света. Как-то на о. Вуап, во время разговора моего с Ронгнибаем (уже упомянутым в последнем письме сыном пилуна, или главного начальника, Гуля) о разных разностях и, между прочим, о сношениях Вуапа с архипелагом Пелау, он показал мне, достав из корзинки,

Если мысль Дарвина, высказанная им в конце описания своего кругосветного путешествия, что невозможно передать различия между диким и цивилизованным человеком, совершенно верна, то, мне кажется, еще далеко менее возможно, имея единственно книги источником своих сведений, составить себе понятие, до чего дошли или могут дойти эти так называемые дикие, и решать за письменным столом, даже с помощью всех библиотек Европы, но без собственного внимательного наблюдения, вопрос о степени и направлении интеллектуального развития отличных от нас рас.

Частные дома. Они состоят в большинстве случаев из одной только комнаты, в которой помещается семья, т. е. внутри перегородок нет, но зато в одной из боковых стен имеется несколько дверей. Я заметил,[1] что все люди, живущие в доме или посещающие его, имеют известные места или, вернее, садятся в известных частях дома, причем 4 или 5 дверей, которые заменяют также окна, представляют значительное удобство — каждый член семьи или посетитель может легко, не мешая другим, добраться до своего места. Мебели, кроме цыновок и подушек, в домах нет; зато многое множество посуды разного рода и различного происхождения и других предметов делает дома главных начальников похожими на склады разнокалиберного хлама, между которым европейские предметы — посуда, оружие, лампы, даже фотографические портреты, книги[2] и т. п. — занимают почетное место.

Дома только частью построены из дерева; для пола, возвышающегося на полметра над землей, и для стен употребляется бамбук. Дома обыкновенно стоят разбросанно, довольно далеко один от другого.

Гробницы. По одну сторону дома, на которую выходят двери, находится в большинстве случаев возвышенная терраса или площадка,

которую туземцы носят обыкновенно с собою и которая заключает разные мелочи для жевания пинанга, курения и т. п., тщательно завязанный небольшой пакет, прибавив, что это письмо (он сказал «paper», как туземцы, говорящие немного по-английски, называют вообще всякое письмо) от Айбадула в Короре. Он держал при этом в руке две петли, связанные из нетолстой бечевки, так что, только развязав один узел или разрезав одну петлю, можно было освободить другую. Видя, что я не понимаю смысла этих узлов и смотрю на него вопросительно, он рассказал мне следующую историю. «Несколько времени тому назад один из людей Гуля был убит в Короре; когда партия туземцев Вуапа, вырубавших в Короре фе, вернулась, один из туземцев пришел к нему по поручению Айбадула и передал, что Айбадул извещает его, что один из людей Гуля был убит при драке с людьми Корора и что, несмотря на ссору малых людей, он и пилун Гуля остаются друзьями по-старому. При этом посланный передал ему обе петли и, указывая на одну как на Айбадула, на другую как на Ронгнибая, сказал, что Айбадул при нем связал обе петли». Подобно тому как в Европе в средние века перстень иногда сопровождал, как свидетельство подлинности, важные словесные сообщения, на архипелаге Пелау употребляется в таких же случаях так называемый «разм» — небольшой черепаховый нож для доставания пинанга из скорлупы, носимый постоянно с собою.

[1] Я говорю специально о домах главных начальников, Айбадула в Короре и Томоля в Малегиоке, которые я часто посещал в разное время дня.

[2] У Айбадула в Короре я видел книгу Вильсона («An Account of the Pelew-Islands etc.», London, 1788); его интересовали рисунки, что не мешало ему спрашивать о многих таблицах, на которых изображены были предметы из повседневной жизни туземцев, но которых он не узнавал, хотя они были хорошо исполнены, что это такое. Я не раз замечал, что, когда я кончал портрет когонибудь из туземцев, окружавшие меня люди, рассматривая его, обыкновенно сперва узнавали (указывая на них) разные мелочи, как, напр., серьги, бусы, ожерелья и т. п., а уже после них черты лица, и о сходстве судили чаще всего по верности передачи названных мелочей.

выложенная камнями. Эта площадка — фамильное кладбище жителей соответствующего дома. Могилы состоят из груд камней, сложенных более или менее правильно, в виде прямоугольников, приблизительно соответствующих росту и объему лежащего человека. В некоторых случаях они, однакоже, гораздо больше и выше, хотя той же формы, как, напр., гробницы Айбадула, Комстана и Чина в Короре. Если гробницы сложены особенно тщательно, обмазаны глиной, то они разнятся друг от друга, смотря по полу покойника. Поверхность мужских гробниц гладкая, у женских же в длину, посредине, возвышается полоса. Площадки с могилами содержатся довольно чисто, и я видел часто, что на них посажены лимонные деревья.

На этой площадке или возле нее стоят также описанные выше уленга или домики калит.

Д е н ь г и. Уже в письме своем об о. Вуап я сообщил, противно мнению Герланда,[1] положительный факт существования туземных денег; то же я могу сказать об архипелаге Пелау и не сомневаюсь, что путешественники последнего десятилетия (Земпер и Кубари), ранее и гораздо долее меня бывшие на архипелаге, могли бы подтвердить все подробности об этих деньгах. Как подтверждение того, что уже было высказано мною, прибавлю, что я узнал о них. Материалом для этих денег служат куски агата[2] разной величины, начиная с величины горошины, и разного цвета (красного, желтого, молочного, черного и т. п.). Их форма не одинакова, но они обыкновенно пробуравлены. Трудно, говорили мне, найти два совершенно подобных. Те, которые представляют особенно большую ценность, носят женщины высокого происхождения, как знак их общественного положения, на шее. Меня уверяли некоторые европейские трэдоры, что, сравнивая ценность туземных денег с ходячею ценностью европейских предметов мены в архипелаге, можно найти такие, которых один экземпляр соответствует ценности почти 1000 долларов в европейских товарах. Деньги эти, смотря по величине и по цвету, имеют различные названия, как, напр., «пахаль» (самая большая и ценная), «тлобок», «узоус», «прак», «кальдуак» и т. д. Если спросить туземца, откуда эти деньги, он ответит: «с неба», или «калит дал», или расскажет какую-нибудь чудесную историю. Сообщу содержание одной, которую я нашел записанною Кондоном.

«Жила однажды, поселившись в скважине дерева, прибитого к берегу о-ва Ньяур, рыба. Она имела дочь, которая, как и мать, будучи заколдована,[3] могла произвольно принимать различные формы; обыкновенно при отливе, приняв вид девочки, она присоединялась к толпе играющих детей. При этих ежедневных встречах она подружилась с дочерью богатого рупака Отарибука. Однажды вечером дочь рупака пригласила ее к себе. Дочь рыбы обещала прийти на другой день, спросив позволения у матери. Мать согласилась, и дочь рыбы провела вечер и ночь в доме отца подруги, которая, с согласия родителей, пригласила ее поселиться у них. Мать-рыба и на это была согласна, но с условием, чтобы дочь ежедневно навещала ее. Прошло немного времени после того, что дочь рыбы поселилась в доме старика Отарибука, как она

[1] См. много раз приведенное сочинение W a i t z - G e r l a n d (Th. V, Abth. 2, S. 87).

[2] Я не убежден, что единственно агат, как меня уверяли, служит для такой цели, но об этом, как и о вероятном происхождении и добывании денег, я ничего не знаю.

[3] Не знаю, не перевел ли Кондон выражением «enchanted» (заколдованный, обвороженный) слово калит; я позабыл его спросить об этом.

стала беременною и при этом сделалась очень безобразною, так как все тело ее вспухло. Родители подруги стали очень тяготиться ее присутствием и даже предложили ей переселиться из дома в кухню.

Придя повидаться с матерью и рассказав о перемене отношения к ней, она получила совет вернуться жить попрежнему в скважину ствола на берегу моря.

В семье рупака никто не возразил ни слова, когда дочь рыбы объявила о своем намерении вернуться к матери, одна только подруга ее была очень опечалена этим решением и пошла проводить ее. Подойдя к морскому берегу, дочь рыбы сказала опечаленной подруге, чтобы она открыла корзинку, которую та имела с собою; как только дочь рыбы опустила в нее руку, опухоль ее тела стала проходить и, наконец, совсем исчезла, а корзинка в руках ее подруги становилась все тяжелее.

Последняя, заглянув в корзинку, нашла ее полною денег; дочь рыбы между тем исчезла. Принеся домой груду денег, дочь рупака рассказала родителям о случившемся, которое очень опечалило и раздосадовало их; они раскаялись, что по незнанию не удержали гостью, которая могла бы стать источником громадного богатства».

Характер туземцев и отношение их к европейцам

«In fact, whether any given writer praises or blames a particular race, depends at least as much on the character of the writer as on that of the people». [1]

Прибавлю к этому неоспоримо верному замечанию еще два условия, которые, рядом с характером путешественника, влияют на его суждение о туземцах. Это мнение также много зависит от продолжительности сношений его с туземцами и от обстоятельств или причин, которые привели автора высказанного мнения к знакомству с ними.

Примером самых различных мнений, высказанных о туземцах, может служить именно архипелаг Пелау; сопоставление их находится у Герланда. [2]

Пробыв на архипелаге слишком короткое время и находившись в сношениях только с небольшим числом туземцев, и то, по незнанию языка, разговаривая с ними чаще при посредстве переводчика, я предпочитаю сообщить здесь сперва и преимущественно об отношении европейцев к туземцам и предоставить самому читателю судить о характере туземцев, насколько он высказывается при этом.

История Чина, или Чейна (Cheyne), которого пребывание и насильственная смерть еще в свежей памяти у туземцев, весьма характеристична как иллюстрация отношения целого разряда европейцев к туземцам. Чин был шкипером и трэдором, доставлявшим долго для китайских портов разные продукты островов Тихого океана (трепанг, черепаху, сандальное дерево и т. п.). Герланд, на основании книги Чина («A description of islands in the Western Pacific Ocean, north and south of the equator». London, 1852), называет его «человеком не незначительным и с несомненно ясною головой», а его описание о-вов Микронезии «книгой во многих отношениях важною, но такою, которую следует употреблять с осторожностью» [3] (т. е. не всему верить вследствие при-

[1] Sir John Lubbock. The origin of civilisation etc., London, 1870, p. 286.
[2] Waitz-Gerland, op. cit., S. 101.
[3] Ibidem, S. 42.

страстности автора). Чтобы дать понятие о характере Чина, передам факт, который мне был рассказан на о-вах Пелау как достоверный. Торгуя на Соломоновом архипелаге, Чин спрятал, за известное количество сандального дерева, туземцев одного из островов у себя на судне, а затем, под предлогом торга, заманил туда же их неприятелей с другого острова. Невооруженные и не ожидая никаким образом встречи с неприятелями на европейском судне, несчастные были перебиты. После резни туземцы хотели здесь же закусить свежим мясом своей добычи, что Чин, вероятно, позволил бы, если бы его же матросы не пришли от этого в волнение. [1]

Под старость (мне говорили, ему было уже за 60 лет, когда он был убит) Чин избрал своим складочным местом архипелаг Пелау, где высокое мнение, которое тогда туземцы имели еще о белых, очень помогло ему эксплоатировать их доверие. Он купил островок Намалакаль (или Малакан, как его называют поселившиеся теперь на нем европейцы) и поселился там. Туземцы Корора три раза наполняли его судно произведениями коралловых рифов (трепанг, черепаха и т. п.), которые Чин продал в Маниле и Гонконге за десятки тысяч долларов, а между тем рассчитывался со своими поставщиками по мелочам и даже несогласно с условием. Но хорошие отношения не были прерваны; поэтому Чин нашел выгодным войти в торговые сделки с Малегиоком, с которым Корор уже с давних пор находился во враждебных отношениях. Так как ружья и порох были главным предметом мены с туземцами Пелау, то Айбадул и люди Корора просили Чина не торговать с Малегиоком, говоря, что и в Короре он найдет достаточно груза для своего судна и по той же цене, как и на севере (Малегиок), и чтобы, после давних дружеских сношений с Корором, он не изменял им и не помогал их неприятелям.

Такое требование, выраженное в весьма умеренной форме, было тем более понятно и справедливо, что Чин все еще был должником Корора за прежний товар; но он, будучи преимущественно трэдором, ставя выгоду выше всего и единственною своею целью, продолжал заключать сделки с Малегиоком и снабжал неприятелей Корора ружьями и амуницией.

Однажды ночью Чин был разбужен криками людей, которые сказали, что прибыли с большого острова (Бабельтопа, где находится Малегиок) и привезли трепанг. Чин встал и собирался выйти к ним, когда его туземная жена, знавшая или подозревавшая заговор, посоветовала ему взять хотя бы револьвер с собою, чего Чин, однакоже, не сделал.

Едва он вышел, как у самого порога получил удар туземным топором в голову и был затем окружен несколькими туземцами. Чин, человек крепкого сложения, довольно долго держался, пока нападающие не одолели его, не свалили на землю и камнем не разбили ему грудь. Так как он долго не умирал, то один из убийц, уроженец Вуапа, перекусил ему горло.

Это случилось в 1865 г. Английское правительство послало военное судно («Персеус», капитан Ллойд) для расследования дела. Следствие было не длинное и очень упрощено тем, что брат корорского главного начальника сам предложил (другие говорят, что он был принужден белыми) англичанам застрелить брата своего, Айбадула. Предложение

[1] Вероятно, это тот самый случай, который рассказан у Герланда (Th. VI, S. 691), но без упоминания имени этого торговца человеческим мясом.

было принято. Айбадул был застрелен, а убийца стал главным начальником вместо него. Было ли доказано, что Айбадул был главным виновником убийства Чина, я не знаю, но, кажется, все дело велось очень второпях и без достаточных расследований.

От дома Чина, который стоял на о. Малакан, я видел одни гнилые столбы; гробница его — груда камней, наваленных в форме прямоугольника в 1 м вышины, — находится в Короре, рядом с совершенно подобною же могилой застреленного Айбадула. Его туземная жена сделалась супругой одного из корорских рупаков, а дочь, по достижении зрелости, была продана отчимом в один пай в Айрай, где она теперь исправляет должность монголь. Главные из убийц Чина — тот, который нанес первый удар топором в голову, и тот, который перекусил ему горло, — остались неприкосновенными: мне показывали их в Короре.

Я рассказал историю Чина так, как слышал ее от самих туземцев в Короре и в Малегиоке; ее правдивость доказывается тем, что подобные ей могут легко повторяться и теперь, разумеется, в другой форме. Вот что случилось несколько месяцев тому назад. Айбадул, находясь в постоянной войне с севером, нанял манильскую шхуну «Розаро», под испанским флагом, и отправился к небольшому островку Каянгель;[1] селение было разрушено, многие жители убиты, а имущество разграблено. Когда нехватило у нападающих зарядов, они стали стрелять осколками бутылок, которые причиняли страшные раны, и не высадились на остров, прежде чем не удостоверились, что жители или перебиты, или бежали. Сам Айбадул предводительствовал, и остатки разрушенного селения были сожжены. Будучи в Малегиоке, я слышал много жалоб на то, что белые (шкипер шхуны был испанец) помогли при разграблении Каянгеля. Не будь шхуны, говорили они, Айбадул не вздумал бы напасть на остров, а если бы и попробовал, то не смог бы разорить его. Что шкипер «Розаро» оставался, как мне говорили, в Короре, нисколько не извиняет его поступка, так как он дал шхуну, людей и вооружение в распоряжение Айбадула, которого намерение он знал и исполнению которого способствовал. Если подобные поступки будут повторяться, что вероятно даже, то к малому доверию и уважению, которые имеют туземцы к белым, присоединится положительная ненависть, немало заслуженная.

На архипелаге Пелау мы видим, как и на всех почти островах в Тихом океане, постепенное разочарование туземцев в европейцах. Не далее как в конце прошлого столетия, когда (1783) Вильсон, после крушения его судна, был встречен туземцами Корора, они считали его и его спутников не менее как великими калит.[2] Еще в тридцатых годах текущего столетия туземцы Пелау принимали белых за существа высшего разряда. Даже после Чина туземцы выказывали европейцам внешние формы уважения, почти такие же, как рупакам: они останавливались и нагибались, когда белый проходил, вынимали гребень из волос и оставляли топор, входя в его дом, и т. п.; теперь примеры, которые они имеют большею частью перед глазами с тех пор, как европейские суда стали нередко посещать их острова и трэдоры поселились между ними, подобно тому как на о. Вуап, уничтожили почти всякое уважение к европейцам. Не только исчезли все внешние знаки уважения, но отношения

[1] Этот островок, принадлежащий теперь наследникам Чина, служит преимущественно местом жительства европейцев.

[2] Не только это говорит Вильсон, но я сам слышал от туземцев, что сперва они думали, что все белые — великие калит.

так изменились, что, по словам трэдоров, жизнь европейца (трэдора) на архипелаге нисколько не безопасна; во многих стреляли с берега, когда они вечером или ночью проезжали в шлюпках, дома других хотели поджечь, а в последние годы двое трэдоров были убиты, и имущество их разграблено. Это говорят трэдоры. Послушаем туземцев, которые также приводят имена обвиняемых, место и время случаев. Они говорят, что не только при торговле их постоянно стараются обмануть, продавая дурной товар за хороший и по крайне дорогой цене, но что белые почти никогда не держат обещаний и не соблюдают условий; белые, нередко угрожая приходом военного судна, которого туземцы очень боятся, берут у них разные ценные предметы, напр., туземные деньги, не думая платить за них, пьяные бьют их без разбора, даже рупаков, стреляют по проезжающим пирогам, увозят женщин и т. п. [1] Неудовольствие с обеих сторон растет, проявляясь, по обстоятельствам, или в варварских убийствах, [2] или в мелких нелюбезностях [3] и отсутствии внешних форм уважения. Претендовать на то, чтобы туземцы выказывали европейским трэдорам (нередко бывшим матросам купеческих судов, поварам и т. п.) почет, наравне с местною аристократией — рупаками, было бы несправедливо; но, с другой стороны, оставлять, на что жалуются европейские трэдоры на Пелау, совершенно без расследования такие случаи, как убийства европейцев, нерационально, потому что подобное отношение к делу легко повлечет за собою не только репрессалии со стороны туземцев (как, напр., в деле Чина), а просто убийства европейцев с целью грабежа их имущества, как это, кажется, было в одном из двух случаев убийства трэдоров в последнее время.

Из вышеприведенного читатель мог узнать немало черт, обрисовывающих характер туземцев; они являются довольно резкими тенями на картине жизни туземцев Пелау, набросанной Вильсоном радужными красками, однакоже, как я думаю, не противоречат, а скорее дополняют ее.

Я лично могу, по собственному опыту, прибавить очень мало. В Короре я был гостем Айбадула, в Малегиоке имел дело с Томолем и не могу жаловаться на недостаток любезности с их стороны. Но, несмотря на это или совершенно независимо от этого и от личных отношений, характер туземцев не оставил во мне приятного впечатления. Они показались мне лживыми, замкнутыми и крайне корыстными. Я думаю, однакоже, что характер их значительно изменился (ухудшился) вследствие сношений с европейцами. Я тем не хочу сказать, что при этой перемене сами личности европейцев и вредные товары (как спиртные напитки, которые мало-помалу вводятся, огнестрельное оружие, которого навезено множество, и т. п.) имели такое значение; причина лежит глубже. Все европейские произведения, начиная со стальной стамески, из которой туземцы делают свои топоры, до мельчайших бус и до какой-нибудь тряпки, все эти чужестранные полезные вещи и лишние безделушки породили в туземцах недовольство, пренебрежение к собственным произведениям, направили все их мысли к одному желанию: достать эти

[1] Я не сообщаю здесь имен, так как это письмо не имеет назначения быть обвинительным актом.

[2] Подробности, которые я слышал о двух последних убийствах, не более невинны, чем пример Чина с перекушенным горлом.

[3] Я сам имел случай удостовериться в справедливости обвинений трэдоров. Находясь на пути из Корора в Малегиок и проезжая с Кондоном в самое жаркое время дня мимо дер. Кайсар, я получил отказ в моей просьбе дать два кокосовых ореха для утоления жажды. Именно такая мелочь характеристична.

полезные и заманчивые вещи и как можно больше. Явилось чувство зависти и сознание чужого превосходства. Все эти чувства и неприятные ощущения, которые туземцы стараются скрыть от других и даже от самих себя, уже повлияли на характер их, уничтожили его беззаботность, открытость и правдивость,[1] а главное — отняли у них довольство своею обстановкой, своими произведениями, к чему присоединилось еще горькое чувство зависимости от белых. Вероятно, туземцы сами не сознают этой стороны влияния на них белых; возможно, что недолго останавливающийся путешественник еще и теперь может быть обманут и обманывается внешнею любезностью, притворною откровенностью и радушием туземцев, но иногда мимоходное соприкосновение (как мое) с туземцами Пелау может дать верное (если даже немного одностороннее) представление, подобно тому как первое впечатление при первой встрече с человеком иногда бывает самым верным.

Малая численность населения. Не знаю, добыты ли моими предшественниками, которых работы, как я сказал, мне неизвестны, какие-нибудь достаточно верные статистические сведения о населении архипелага, но передавать приблизительные оценки, которые я слыхал от трэдоров,[2] мне кажется, не стоит, потому что они почти не основываются ни на каких сколько-нибудь положительных данных.[3] Во всяком случае, даже при кратковременном посещении и немногих экскурсиях по островам, малочисленность населения бросается в глаза; туземцы, особенно начальники, также жалуются, что людей Пелау мало. То же мнение я слышал от трэдоров, объезжающих для торга селения на островах. Разбирая причины такого факта и соображая, на чьей стороне лежит вина, нельзя сказать о женщинах, что они мало плодовиты: встречаются женщины, которые имеют более десятка детей; мне называли одну (не как редкость), которая народила даже 16 детей. Также обычай не трогать беременных женщин и матерей ранее десяти месяцев после родов может только благотворно действовать на здоровье женщин и сохранять их плодовитость.

Вероятнее, что образ жизни мужчин, освященный обычаем, составляет главную причину слабого увеличения населения. Учреждение монголь имеет, кажется, прямым следствием то, что молодые люди долго не берут себе жен;[4] женившись сравнительно поздно, ослабленные большею частью невоздержною жизнью и рано возбужденным половым стремлением (почти правило для туземного населения под тропиками), которое удовлетворяется более, чем до пресыщения, они не имеют много детей.

[1] Если только такие (последние два) существовали, что не доказывается способом ведения войн.

[2] Такая чересчур произвольная оценка населения о. Вуап, записанная мною со слов тамошних трэдоров, проскользнула, кажется, в моем предыдущем письме; оставляю ее там как «весьма малодостоверную», не зная пока другой.

[3] Собирание статистических сведений об архипелаге Пелау и о. Вуап, мне кажется, не сопряжено с особенными трудностями. Клубы могут быть весьма удобным средством для получения достаточно верных цифр. Так как все мужское население принадлежит к ним, то следует только дать себе труд узнать численность членов каждого клуба, что не потребует ни много времени, ни хлопот, а только посещения всех деревень. При этом, ввиду возможности арифметических ошибок со стороны туземцев, надо просто записывать имена членов каждого пай.

[4] Спрашивая в Короре и Малегиоке молодых членов пай, женаты ли они и сколько имеют детей, я был удивлен числом полученных отрицательных ответов, особенно на второй вопрос. Но сознаюсь, что высказанное предположение требует более положительных статистических доказательств.

Войны очень часты на архипелаге, и самые ничтожные причины считаются достаточными для них. Войны значительно влияют на уменьшение населения, так как независимых друг от друга участков много, и все они постоянно ведут войну. Эти войны более похожи на экспедиции для добывания голов и, кажется, даже преимущественно ведутся с этою целью. При этих экспедициях, разумеется, всякая хитрость, обман, засада считаются дозволенными; даже нисколько не считается унизительным, если убивают при помощи большого числа людей одного человека, даже женщину или ребенка.[1] Главное — добыть неприятельскую голову. Принеся ее вождю, кальдебехель получают как вознаграждение, смотря по числу участников экспедиции, по монете одного из разрядов. Этим дело не кончается. По случаю добычи неприятельской головы устраивается пляска,[2] и так как только такое обстоятельство по преимуществу сопровождается ею, то голову возят в пироге по всем союзным деревням, где в каждой по этому случаю устраиваются пиры и пляски. Голова странствует таким образом по деревням несколько недель и, так как при этом она проходит все фазы разложения, то ее уже не приносят под конец на место пляски, а оставляют вне деревни.[3]

Несмотря на подлый способ ведения войны и добывания голов,[4] существует, с другой стороны, похвальный обычай, в силу которого женщины и даже мужчины могут, благополучно добравшись[5] до селений неприятелей, безопасно посещать их и жить в них. Хотя юношество упражняется еще часто в метании копий,[6] но и это туземное оружие

[1] «Женщина может народить много детей, а ребенок подрастет» — был аргумент одного из туземцев, который уверял меня, что все равно, какую неприятельскую голову добыть.

[2] При этой пляске, которая называется «рук», участники раскрашивают себе лицо и тело красною краской.

[3] В ночь перед моим приездом в Корор происходила такая пляска (рук); поутру я застал много кальдебехель союзного участка, раскрашенных красною краской, которые еще находились в одном из больших пай около дома Айбадула. Я сказал Гибонсу, который рассказал мне о пляске, продолжавшейся почти всю ночь, и об обычае возить головы по союзным деревням, что желаю видеть привезенную голову или головы. Он пошел спросить о них, но вернулся с ответом, что головы оставлены в пирогах, так как они сильно пахнут.

[4] За несколько времени перед моим посещением Малегиока большою партией кальдебехель были убиты три невооруженных человека с неприятельской стороны, которые на рассвете выехали на рыбную ловлю. Многочисленная партия подстерегала их всю ночь.

[5] Кажется, единственно путь в неприятельскую деревню соединен с риском подвергнуться нападению; достигнув ее, люди находятся вне опасности. Так, напр., я застал в Малегиоке многих жителей Корора, несмотря на войну между обоими участками в то время. Я слыхал, что только вблизи дома Томоля жители Корора (т. е. неприятели) могут безопасно показываться.

[6] Я на себе испытал ловкость метания копий. На песчаном морском берегу Малегиока я присутствовал раз при этом упражнении и забаве молодежи. Они метали легкие бамбуковые палки — подобие копий — в цель, состоявшую из воткнутого в песок сухого стебля кокосового листа, приблизительно в рост человека вышиной. Разбежавшись немного, они пускали копья очень близко от цели, в пятнадцати или двадцати шагах, и, разумеется, почти всегда попадали в нее. Мне надоело смотреть на такую чересчур легкую забаву, и я вздумал испытать их искусство на более дальнем расстоянии. Отсчитав 45 шагов и сам став целью, я сказал, чтобы они теперь попробовали попасть в цель. Боясь ранить меня, они немного поцеремонились, но, когда я повторил свое предложение, они решились. Первая палка пролетела весьма близко около лица, вторая ударила меня в руку, к большому удовольствию толпы, хотя немного сконфуженной своею удачей. Кусок красной бумажной материи для пояса был наградой меткому копьеносцу, а легкая боль и опухоль руки — воспоминанием об опыте.

скоро выведется из употребления, как это случилось уже с луком и стрелами (лук называется на Пелау «окор», а стрела — «палок»).[1]

Выше всех европейских предметов туземцы ценят огнестрельное оружие, начиная с легких охотничьих ружей плохих немецких фабрик и чугунных пушек разных калибров до ружей скорострельных систем новейшей конструкции, выгоды которых они хорошо умеют ценить. Айбадул, приехав как-то раз на шхуну, встретил ружья систем Шнейдера, Бомон, Мартини-Генри и других, как хороших знакомых.

Иностранцы, встречающиеся на архипелаге. В заключение этого письма считаю не лишним указать, каких иностранцев я встретил на архипелаге Пелау, так как они все могут оставить на архипелаге потомство, которое может привести в недоумение будущего путешественника-антрополога. Во-первых, я видел, особенно в Короре, значительное число туземцев Пелау-Лекоп (как туземцы Пелау называют о. Вуап), которые, как я сказал в предыдущем письме, приезжают сюда для добывания фе; во-вторых, туземцев о-вов Ниниго (L'Echiquier на картах), именно, четырех женщин в Короре, которые были привезены несколько лет тому назад немецким шкипером. Они были забраны насильно на группе Ниниго и оставлены в Короре; в-третьих, несколько яванцев, беглых матросов со шхуны, на которой я был пассажиром; в-четвертых, китайца, оставленного здесь одним из шкиперов; в-пятых, вестиндского негра (Гибонс), давно женатого и имеющего значительную семью; в-шестых, при мне жили на островах три европейских трэдора (ирландец, швед и немец); кроме того, наконец, некоторые из шкиперов имеют свои дома в Малегиоке, где живут по временам, ожидая груза.[2]

Так как мне, вероятно, придется побывать еще на архипелаге Пелау, то я надеюсь со временем дополнить эти отрывочные заметки.

[1] Гибонс сказал мне, что лет 10—15 тому назад лук был во всеобщем употреблении, особенно при голубиной охоте, но теперь охотничье ружье почти вытеснило его, и лук весьма редко употребляют.

[2] Полукровных европейского происхождения я видел двух (вероятно, однакоже, что число их значительнее). Цвет кожи обоих был сравнительно весьма светлый и значительно отличался от цвета кожи туземцев pur sang, носы их также не были такими широкими и сплюснутыми, кроме того национальность отцов отразилась на детях: между тем как сын отца-француза имел темные (карие) глаза, у дочери англичанина (Чина) глаза были серые с голубоватым оттенком, отличавшиеся резко от темных глаз островитян.

ПОЛИНЕЗИЯ

ОСТРОВА РАПА-НУИ, ПИТКАЙРН И МАНГАРЕВА

Остров Рапа-Нуи,[1] 12 (24) июня. Имея письма из Вальпарайзо к католическому миссионеру на о. Рапа-Нуи, капитан «Витязя» решил зайти на этот остров. Часам к 4 пополудни нам представились холмистые очертания Рапа-Нуи, свидетельствующие о вулканическом его происхождении; то же самое подтвердил и красновато-бурый цвет его поверхности, которая издали казалась почти совсем лишенною растительности. Мы легли в дрейф у западного берега, на рейде Ангароа. На берегу виднелась белая церковь и выбеленный дом миссионера. Хотя ветер был далеко не свеж, но на берегу заметен был сильный прибой. К нам выехала шлюпка, и приехавший на ней человек объявил нам, что миссионер Руссель, к которому имелись письма, уехал на о. Таити недели три тому назад, и что за ним последовала часть населения острова, в числе около 250 человек, и что оставшиеся жители Рапа-Нуи ожидают также быть скоро перевезены на Таити тем же судном, которое забрало первый транспорт их соплеменников.[2] В это время года о. Рапа-Нуи, имею-

[1] Остров Рапа-Нуи или Пасхи, как большинство островов Тихого океана, носит несколько имен. Древнее имя острова, сохранившееся еще между туземцами, есть «Матакиранги», но оно вышло из употребления, потому что остров был известен между жителями других архипелагов только под именем «Рапа-Нуи», которое заменило древнее имя. На многих картах, показывающих стремление заменять имена местностей, данные европейскими мореплавателями, туземными названиями, встречается имя «Вайху» для о. Рапа-Нуи, но это название неверно, потому что принадлежит только одной береговой местности, а не целому острову.

[2] На вопрос приехавшему с острова человеку, кто он сам такой, он отвечал, что он родом француз, по имени Дютру-Борнье, что он бывший капитан купеческого судна, что в настоящее время ему поручено одним негоциантом на Таити, Брандером, заняться на Рапа-Нуи овцеводством и что в этом ему помогают двое белых, из которых один американец, а другой немец. Он сообщил также, что купил у миссионеров их церкви и дома, что эти здания обращены в склады шерсти баранов, которых у него уже несколько сотен, и что, кроме того, он ожидал подвоза этих же животных из Австралии. Встретившись на о. Мангареве с Русселем, бывшим миссионером на Рапа-Нуи, который остался на этом острове с сотней прежних жителей о. Пасхи, мы услыхали дополнение и продолжение повести Борнье об о. Рапа-Нуи, но этот второй рассказ во многом противоречил первому. Оказывалось из слов Русселя, что именно интриги Борнье заставили миссионера оставить остров, тем более, что Борнье поддерживал свои требования огнестрельным оружием; он успел привлечь на свою сторону нескольких туземцев Рапа-Нуи и с их помощью стал распоряжаться очень своевольно на острове; при возникшем споре с туземцами, по его приказанию, было ранено несколько человек и один убит; кроме того, он сжег почти все хижины туземцев сперва в Ангароа, потом в Вайху; приказал выдернуть из земли молодые бататы, почти единственную пищу жителей. Что же касается до церквей и домов миссионеров, то эти здания были вовсе не куплены, а просто за-

щий только открытые рейды, не представляет безопасной якорной стоянки, почему наш капитан, несмотря на достопримечательности острова, решил итти далее. Часа через два мы снялись с дрейфа, видевши только очертания Рапа-Нуи, десяток туземцев и трех европейских разводителей овец.

Какие бы ни были причины выселения туземцев с о. Рапа-Нуи, интриги ли европейцев или собственное желание оставить страну, представляющую мало средств к существованию, но это обстоятельство очень уменьшило население острова; возможно даже, что к концу этого года вовсе не останется жителей на Рапа-Нуи, если судно с Таити вернется, чтобы перевезти остаток населения. Помимо последнего выселения, доведшего число жителей при нашем посещении до цифры приблизительно 230 человек, в последние годы население Рапа-Нуи быстро уменьшилось, что видно из следующего сравнения. Кук предполагал число жителей на острове в 6000—7000 человек; после него, хотя мы и имеем несколько приблизительных оценок, [1] более достоверная перепись сделана миссионером Е. Эйро в 1863 г.; тогда оказалось жителей на о. Рапа-Нуи 1800 человек, но уже в 1868 г. эта цифра понизилась до 930 человек, в 1870 г. — до 600 человек, в начале 1871 г. население не превышало 500 человек, [2] теперь же их на самом острове, как уже сказано, около 230 человек.

Причину такого вымирания населения можно найти отчасти в скудости и перемене пищи. Главная пища островитян Рапа-Нуи в последнее время состояла из бататов; мясную пищу доставляли им крысы, размножившиеся на острове и очень мешающие разведению овощей, кролики и собаки. Привезенные миссионерами овцы обещали доставить островитянам более существенную пищу и заменить отнятую ими у жителей Рапа-Нуи, которая была не что иное, как человеческое мясо, бывшее при частых войнах далеко не редким блюдом. Людоедство существовало на Рапа-Нуи очень недавно, т. е. лет 9 тому назад бывали еще его случаи; миссионеры уверяют, что с введением христианства этот обычай исчез, однакоже, очень молодые (не более одиннадцати или двенадцати лет) помнят, что при них ели человеческое мясо. [3] Другая,

няты Борнье, который, кроме того, забрал также принадлежащие миссии 300 овец. Цель Борнье, по словам миссионера, была — каким бы то ни было образом довести туземцев до выселения с Рапа-Нуи, чего он и достиг. Туземцы, видя, что их жилища сожжены, плантации бататов разрушены, устрашенные поступками Борнье, согласились выселиться на Таити и на условие проработать известное время на плантациях Брандера, который таким образом, благодаря ловкости своего агента, получил почти целый остров для разведения овец и, кроме того, сотни дешевых рабочих на свои плантации.

[1] Ла-Перуз, в конце прошлого столетия, говорит приблизительно о 2000 жителях на Рапа-Нуи, Бичи (1826) — о 1260. Эти цифры противоречат чилийским источникам (см. следующее примечание), которые сообщают, что до 1863 г. население Рапа-Нуи не было ниже численностью, как 4000 человек, что причиной уменьшения населения были перуанцы, которые, захватив силой значительное количество людей, увезли их с собою и оставили на острове болезнь (оспу), которая наполовину уменьшила число жителей.

[2] См. «Memoria que el ministro de Estado en el Departemento de Marino presenta al Congresso Nacional de 1870». Santiago de Chile (стр. 83—110).

[3] На о. Мангареве я имел случай видеть десятки жителей Рапа-Нуи и при этом осмотре не мог не заметить, что мужчины старше тридцати или тридцати пяти лет значительно отличаются от более молодых своим ростом и физическою крепостью; я не думаю ошибиться, если причину этой разницы припишу большему количеству животной пищи (в этом случае человеческого мяса), которое они имели сравнительно с более молодым поколением, подросшим преимущественно на растительной пище.

может быть, главная причина заключается в огромной численной диспропорции полов; женщин замечательно мало в сравнении с мужчинами. В начале 1871 г. на 500 жителей приходилось менее чем 100 женщин. На оставшихся 200 мужчин на Рапа-Нуи приходится в настоящее время только 30 женщин. О численной диспропорции полов на о. Рапа-Нуи говорят уже Кук и Форстер, но вряд ли она была в то время действительною,[1] потому что еще теперь более старые жители Рапа-Нуи положительно говорят, что даже при их отцах на острове было более женщин, чем мужчин, а стало мало женщин потому, что в последнюю эпидемию оспы умирало очень много женщин; они прибавляют, что их жены очень слабы, умирают рано и рождают мало детей. Что теперешние жены на о. Рапа-Нуи умирают рано, нет ничего удивительного: так как кандидатов на каждую подрастающую девочку много, а последних сравнительно очень мало, товвелось в последнее время в обычай брать их в жены задолго еще до наступления зрелости, лет одиннадцати и даже десяти; неудивительно, что детей не рождается, а такие жены умирают по большей части в чахотке; к тому же обращение с женщинами на Рапа-Нуи очень скверное и даже жестокое. На Рапа-Нуи самоубийства случаются очень часто, и самая незначительная причина ведет к лишению себя жизни, в уверенности, что дух самоубийцы попадет в место, где он получит прекрасные украшения, хорошую еду и влюбленных женщин; для достижения всех этих благ туземцы кидаются с отвесных берегов на острые скалы. О внешности жителей Рапа-Нуи я скажу, когда буду говорить о типе жителей о. Мангарева, пока же перейду к некоторым памятникам, оставляемым этим вымирающим народом.

Очень сожалел я, и досадно мне было, находясь в виду острова, не побывать на нем, не осмотреть тех важных документов прежней жизни островитян, которые делают о. Рапа-Нуи единственным в своем роде из всех островов Тихого океана. Мне было тем более досадно, что путешественники,[2] видевшие эти замечательные памятники, только смотрели на них глазами удивления или равнодушия, и ни один из них не постарался подробно и внимательно изучить эти достопримечательные образцы полинезийского искусства, которые до сих пор остаются почти столь же неизвестными, как и в 1721 г., когда Роггевен первый описал их. Последние более полные и интересные сведения были сообщены Пальмером, врачом на английском судне «Топаз», который был на Рапа-Нуи в пятидесятых годах, и Гана, командиром чилийского корвета «О'Гигинс», посетившим остров в прошлом году.[3] Чилийская экспедиция подтвердила в главных чертах уже сообщенные Пальмером известия,

[1] Эта ошибка, быть может, произошла оттого, что многих туземцы могли спрятать на время пребывания чужеземцев на острове, как это часто делалось и делается на островах Тихого океана.

[2] Очень многие мореплаватели посетили о. Рапа-Нуи. Начиная с Роггевена, открывшего остров, Кук, Лаперуз, Коцебу, Крузенштерн, Бичи, Дю-Пти-Туар и другие рассказывают о своем пребывании на этом острове, но все описания и изображения более чем недостаточны, если захочешь получить понятие об этих памятниках, а не удовольствоваться сообщением, что на о. Рапа-Нуи находятся большие каменные идолы. Очень вероятно даже, что, помимо колоссальных каменных фигур, на острове найдутся не такие громадные, но не менее интересные древности.

[3] Краткое сообщение об этой интересной экспедиции напечатано в годовом отчете Чилийского морского министерства Народному конгрессу (см. примечание на предыдущей странице).

что не все каменные идолы уничтожены,[1] что еще многие стоят, другие опрокинуты, но еще целы, что главное место их выделки находится у края описанного Пальмером вулкана Отуити и что в некоторых местах можно было еще видеть, как они в прежнее время стояли именно на высоких платформах или алтарях. На корвете «О'Гигинс» были привезены разные предметы, которые были отданы в этнологический музей в Сант-Яго, где я имел случай и удовольствие их видеть. Кроме большого идола[2] из черной лавы, в упомянутом музее находятся 4 барельефа: на двух из них изображены человеческие фигуры различного пола; одна сторона третьего плоского камня изображает большую человеческую физиономию, на четвертом барельефе было представлено несколько животных: рыба, рядом животное, похожее на кролика, высеченное около птицеподобного животного с клювом, без крыльев, с руками, имеющими 5 пальцев; кроме того там также находились: сфинксообразная фигура с человеческим лицом и две также человеческие фигуры, соединенные спинами вместе и стоящие на коленях. Барельефы были сделаны из мягкого вулканического туфа, который легко обрабатывать. Привезены были с Рапа-Нуи также небольшие деревянные идолы ($^1/_2$—$^3/_4$ м вышины), которые принадлежат к более поздней эпохе и, вероятно, вырезаны с помощью железных инструментов. Рассматривая эти барельефы и копируя их,[3] я пришел к убеждению, что они составляют как бы промежуточное звено между большими древними идолами Рапа-Нуи и более новыми художественными произведениями из дерева; некоторые очень характеристические особенности и подробности отделки, также общий характер рисунка и выполнения привели меня к этой мысли. Так как привезенные О'Гигинсом древности составляют по всей вероятности частичку только того интересного материала, который сохранился еще на острове,[4] то я уверен, что последующее изучение этих остатков полинезийского искусства подтвердит высказанную выше мысль. Чилийская экспедиция привезла также с Рапа-Нуи две деревянные таблицы, покрытые строками иероглифов, которые в прошлом году произвели большой эффект в ученом мире как первые письмена, найденные у островитян Тихого океана. Копию с этих деревянных таблиц я видел у Бастиана, в Берлине, в ноябре прошлого года, присланную ему Филиппи из Сант-Яго в Чили. Бастиан не сомневался в том, что тщательно вырезанные строки знаков были действительно письменами. Несколько недель спустя я увидал копии с тех же таблиц в Лондоне, в заседа-

[1] Бичи привез известие, что все колоссальные статуи на Рапа-Нуи разрушены, но уже бывший после него Дю-Пти-Туар опроверг это сообщение. Подтверждение Гана рассказа Пальмера оттого имеет вес, что некоторые писатели, как, напр., Герланд (см. «Anthropologie der Naturvölker», Th. V, 2 Abth., S. 225), сомневались в верности подробностей, сообщенных Пальмером.

[2] Этот идол, $1^1/_2$ м вышины, был нарочно выбран как самый малый между громадными, из которых некоторые достигали, по словам Рогевена, 12 м вышины (см. Gerland, op. cit., S. 224). На «Топазе» был отвезен в Англию один из идолов Рапа-Нуи, другой на французском фрегате «La Flore» отправлен во Францию.

[3] Насколько мне известно, ни на одном из архипелагов Полинезии не было найдено так много и так хорошо выполненных скульптурных произведений, поэтому я постарался сделать с них как можно более точные копии и, как только найду возможность, перешлю в Европу фотографические снимки с моих рисунков и описания этих барельефов, заслуживающие полного интереса.

[4] Ни один путешественник не оставался на о. Рапа-Нуи с целью изучить остров в этнологическом отношении; все, что привезено пока оттуда, было случайно приобретено от туземцев или миссионеров, людей, мало расположенных к собиранию этих объектов, в которых они не видят никакой цены.

нии Этнографического общества. Гексли, показывавший мне их, очень сомневался, чтобы на этих досках было изображено что-нибудь шрифтообразное, а предполагал, что эти доски могли служить как штемпеля при выделывании тапы; он думал также, что эти доски как-нибудь случайно принесены на о. Рапа-Нуи течениями. По сделанным на пропускной бумаге копиям [1] я не решился тогда притти к какому-нибудь положительному суждению об этих загадочных таблицах. В музее в Сант-Яго я, наконец, увидал оригиналы копий, виденных в Европе, и, рассмотрев их, согласился с мнением Филиппи [2] и Бастиана, что ряды значков действительно изображают письмена и что доски эти не назначались для выделки тапы. Сведения, которые я собрал впоследствии, подтвердили мое мнение.

Вот что я знаю пока о деревянных таблицах Рапа-Нуи: первый открывший их был католический миссионер Руссель, о котором я уже говорил; две из приобретенных им он дал на чилийский корвет «О'Гигинс», который отвез их в Вальпарайзо; это — те таблицы, которые находятся в настоящее время в Этнологическом музее в Сант-Яго и с которых копии были отосланы директором музея, Филиппи, в Берлин, Бастиану. От Русселя узнал я следующее касательно таблиц: туземцы называют их «Кохау ронго ронго», что в переводе приблизительно означает «говорящее» или «понятное дерево». [3] Туземцы далее уверяют, что по этим таблицам можно было узнать о важных событиях, происшедших на острове, и что знаки, вырезанные на досках, были понятны их отцам, которые сами могли вырезывать такие же; в настоящее время на всем Рапа-Нуи не находится, однакоже, ни одного человека, который мог бы разбирать эти знаки. Этих таблиц видел Руссель на Рапа-Нуи около двадцати, которые сберегались в разных семействах; он же сообщил мне, что на больших цилиндрических шапках каменных идолов высечены совершенно подобные фигуры, как те, которые вырезаны на деревянных таблицах; это открытие, если оно только подтвердится, может иметь большую важность для этнологии острова. Сам я видел около десяти этих таблиц: в музее в Сант-Яго, у туземцев Рапа-Нуи и у таитянского епископа Д'Асиери, которому Руссель прислал много этих интересных объектов. Виденные мною таблицы были различной величины и из различного дерева; [4] это различие можно, как мне кажется, объяснить большим недостатком дерева, [5] который заставляет туземцев употреблять для многих целей дерево, прибитое к берегу. Некоторые из таблиц, о которых идет речь, носят на себе следы долгого пребывания в воде; одна из них была не что иное, как широкий конец европейского весла. Состояние дерева указывает, что эти таблицы — произведение сравнительно недавнего времени: дерево очень крепко, и фигуры очень отчетливы. Как уже сказано, форма и величина

[1] Эти копии были изготовлены следующим образом: на деревянную доску был положен лист смоченной пропускной бумаги, и потом легкими ударами мягкой платяной щетки были понемногу выдавлены вырезанные на дереве фигуры. Отпечатки эти очень недостаточны, хотя представляют верные контуры.

[2] См. Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. Schreiben des Prof. Philippi an Herrn Dr. Bastian, Bd. V, H. 5, 1870, S. 469.

[3] Так перевел мне это название епископ Д'Асиери на Таити, хороший знаток полинезийских языков.

[4] Руссель уверял меня, что дерево всех досок одинаково.

[5] В настоящее время не находится на Рапа-Нуи ни одного дерева, потому что единственное растение, достигавшее размеров дерева, именно — один вид *Edwardsia* (туземное название этого дерева — «миро»), почти совсем уничтожено; остались одни только кусты.

таблиц неодинаковы; самая большая, которую я видел, имела 90 см длины, 11 см ширины и $1^1/_2$ см толщины, была покрыта с каждой стороны восемью рядами фигур, которых в каждом ряде можно было насчитать около 105; всего было на всей доске около 1680 фигур; на различных таблицах вышина фигур изменялась, но на той же доске была почти везде одинаковой. Обе стороны досок покрыты этими знаками, которые расположены рядами в длину доски; между строками не находится промежутков; характеристично также то, что положительно вся поверхность таблиц покрыта этим шрифтом: все выемки, неровности, края показывают вырезанные фигуры. Особенность в распределении строк состоит в том, что, если захочешь проследить строку, приходится перевернуть всю таблицу, чтобы перейти к следующей (эту особенность легко найти, если обратить внимание на головы фигур). Знаки или фигуры на таблицах вырезаны или выдавлены острым инструментом. Очень многие из фигур представляют животных. Встречаются на таблицах многочисленные повторения той же фигуры, причем та же фигура остается неизменною или показывает изменение в положении частей фигуры (или голова повернута в другую сторону или рука, или руки держат что-нибудь и т. д.). Некоторые фигуры соединены по две вместе, реже по три и более.

Рассматривая ряды этих знаков, приходишь к заключению, что здесь имеешь дело с самою низкою ступенью развития письма, которую называют идейным шрифтом.[1] Это обстоятельство делает понятным, что примеры такого письма могут являться совершенно спорадически, как это мы видим на островах Тихого океана.[2]

Остров Питкайрн, 20 июня (2 июля). Нездоровье не позволило мне съехать на берег; я вышел, однакоже, на палубу и увидел довольно красивый, покрытый зеленью разных оттенков, возвышенный островок. Хотя корвет держался довольно далеко от берега, к нам приехали туземцы на небольших узких пирогах без балансира, которыми они очень ловко управляли. Приехавшие были одеты в рубашки и панталоны, говорили все по-английски и сказали нам, что, пробывши 3 года на о. Норфольк, в 1859 г. вернулись обратно на Питкайрн, оставив на Норфольке 9 семей,[3] что их на острове 60 человек. Главу своей колонии они избирают каждый год, кроме того, один из них заступает место пастора, и так как у них есть школа, то все жители грамотны. На вопрос, сколько детей рождается от одной матери, они отвечали, что средним числом 4 ребенка; между детьми преобладают девочки, что особенно заметно в некоторых семьях, где из четырех детей 3 девочки, так что уже теперь женское население острова превышает мужское. Вернувшиеся с берега офицеры рассказали с воодушевлением о гостеприимстве и радушии жителей, а также о красоте острова. Они заходили во многие дома, которых было 9, по числу семей, и которые представляли сараеобразные здания без потолка и перегородок. В них находились признаки европейской мебели; с одной стороны стояла двуспальная постель, с другой — были устроены нары, где спали дети и прочие члены семейства; у окна, против дверей, стоял стол. Кроме домов, жи-

[1] Steinthal. Entwicklung der Schrift. Berlin, 1852, S. 57 и след.

[2] Другой случай идейного письма на островах Тихого океана сообщает Фрейсине (Freycinet. Voyage autour du monde, 1817—1820. Paris, 1827, t. 2, p. 107).

[3] Не стану говорить здесь об истории населения этого острова, которая перешла даже в детскую литературу; даже сообщение, что жители Питкайрна снова вернулись с Норфолька, тоже не новость, потому что оно находится уже в описании плавания фрегата «Новары».

*

тели Питкайрна построили себе также церковь. Мой вопрос, сохранился ли между жителями Питкайрна английский тип, был не вполне разрешен; некоторые офицеры сказали, что видели у многих жителей светлые и рыжеватые волосы, что попадались люди с английским типом, но что другие были смуглы и не подходили к первым; те полдюжины человек, которых я видел на корвете, сохранили мало североевропейский тип, и можно было заметить, судя по этому третьему и четвертому поколениям, что, если не будет снова подмеси европейской крови, то полинезийский элемент в скором времени одолеет остатки германского.

Вечером жители привезли разных фруктов: апельсинов, бананов, ананасов, кукурузы, бататов и т. п., а также свиней, кур и уток; крупный скот они весь уничтожили, потому что остров слишком мал, чтобы давать пищу для больших животных. Взамен они получили разные предметы: старое белье и платье, трос, посуду, порох, краски и т. п., так как не хотели брать денег, которые у них не в ходу.

В тот же вечер мы снялись с дрейфа и направились к Мангареве, так что я только на другой день рассмотрел губку, которую один из офицеров, В., имел любезность поднять для меня на берегу и привезти на корвет. Она относилась к очень характеристичной форме, которая в большом количестве обитает в северных частях Тихого океана, на Курильской и Алеутской грядах. Название ее *Spuma borealis*.

Остров Мангарева, 26 июня (8 июля). Вместо дикарей, вооруженных копьями с тремя оконечностями из рыбьих костей, и особенно устроенных больших плотов, заменявших пироги, у рифа, окружавшего группу, к нам подошла шлюпка европейской постройки, и из нее вылез старый француз, назвавший себя лоцманом; за ним вскарабкались на палубу и гребцы-туземцы, в лохмотьях европейского платья. Пройдя риф и несколько красивых, покрытых растительностью островов, мы направились к главному острову группы, по которому называется вся группа, и, подойдя к живописной горе Дуф, бросили якорь недалеко от главного селения острова, где находятся церковь и дом миссионеров. После обеда приехали к нам миссионеры, Руссель, о котором я уже говорил, и Барнабе. Сопровождавшие их туземцы привезли с собою фрукты, жемчужные и другие раковины, жемчуг и т. п.; все это они старались выменять на старое белье и платье; особенно ценились ими рубашки; они брали также серебряные доллары, причем отдавали преимущество перуанским соли, а от чилийских долларов иногда отказывались.

За все они требовали много, отдавая потом за часть сперва назначенной ими цены. Особенно неясное представление имели они о ценности денег, и многие не хотели брать золотых монет, а просили вместо того серебряных долларов. Так как мое нездоровье продолжалось, то я переселился на другой день на берег. Главный миссионер, Блан, предложил мне прожить несколько дней нашей стоянки в маленьком, принадлежащем миссии домике, построенном у самого моря, так что с террасы, окружавшей дом, можно было по маленькому трапу сойти прямо к воде. Все время моего пребывания на Мангареве я почти не выходил из своей квартиры и не могу ничего сказать о местоположении острова, как только то, что растительность густа и довольно разнообразна по берегу, между тем как более крутые скаты гор покрыты низким кустарником. Хотя я не покидал почти своей террасы, но предметов наблюдения во все время пребывания было для меня вполне довольно.

Июня 28 (июля 10). Почти постоянно моя терраса представляла целую галерею туземных физиономий. Я мог очень удобно предаваться

физиономическим и антропологическим наблюдениям. Не зная ни одного из окружающих меня, не будучи в состоянии говорить с ними, не привыкнув еще к этим новым физиономиям, я мог рассматривать их лица совершенно объективно; всякое сближение с ними повлияло бы на верность суждения: явились бы симпатия и антипатия. Я сидел молча в удобном кресле и смотрел на эти физиономии и головы расположившихся в несколько рядов за перилами моей террасы. Объекты моих наблюдений также молчали; иногда только некоторые улыбались или перекидывались непонятными для меня словами. Все физиономии особей очень различного возраста были одного типа, но цвет лица и тела представлял большое различие. Покатый, довольно узкий лоб мало выступал над переносицей. Немного выдающийся, небольшой, но внизу толстоватый нос, с широкими, мясистыми носовыми крыльями, плоская переносица и выступающие глаза делали физиономию плоскою; это впечат-

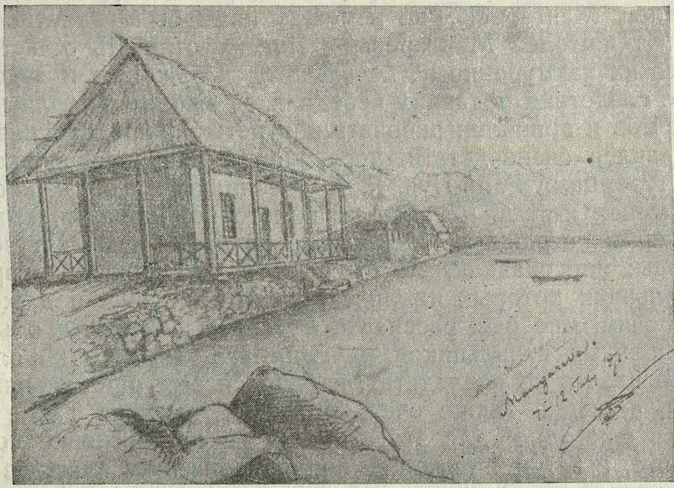

Рис. 2. Дом на о. Мангарева, в котором жил Н. Н. Миклухо-Маклай.

ление плоскости лица еще усиливалось тем, что у большинства, в спокойном состоянии, толстая верхняя губа была приподнята и оттопырена кверху; полуоткрытый рот и круглый подбородок довершали этот далеко не красивый профиль. Овал лица был скорее кругловатый, чем удлинен; большинство имело мясистые щеки; я мало видел очень худых людей и положительно ни одного, которого мог бы назвать толстым. Разумеется, у многих, особенно у более старых, заметно было в лице более определенное выражение; у некоторых лоб был нахмурен, и глаза смотрели исподлобья, губы были сжаты и т. п., но таких физиономий было мало, они составляли исключение не по типу, а по выражению, которое у большинства как будто бы еще не установилось и которому я не мог подыскать подходящего названия. Здесь я снова убедился в верности своего обыкновения изучать физиономии людей в их спокойном состоянии; чуть стоящая передо мною толпа начинала по какому-нибудь случаю говорить, кричать, смеяться, оказывалась полная невозможность схватить общий тип. Несмотря на то, что туземцы Мангаревы довольно часто смеются, причем показывают всю громадность

своего рта, я не думаю, чтобы веселость составляла характеристическую черту их характера. В толпе, которая несколько раз в день посещала мою террасу, находились многие жители Рапа-Нуи, которые, как я уже говорил, остались здесь с Русселем; эти бедные люди, в числе около 250 человек, взятые на маленькую шхуну, очень пострадали во время перехода, хотя и продолжавшегося не более десяти дней. Недостаток свежего воздуха в трюме и недостаток порядочной пищи были причиной, что несколько человек умерло дорогой, другие совсем больные приехали на Мангареву и между последними двое уже успели умереть на острове. Причина, по которой они остались здесь, та, что, привезенные на Таити, они бы должны были поступить рабочими (почти что рабами) на плантации Брандера, владельца судна, которое их забрало; здесь же они оставались свободными. Тип жителей Рапа-Нуи совершенно одинаковый с типом жителей Мангаревы. Тот же характеристичный приплюснутый нос, плоская переносица, большой рот и т. д. Вообще они светлее жителей Мангаревы, но и между ними было заметно различие в окраске. От жителей Мангаревы я мог их отличать отчасти по цвету, отчасти по их нахмуренному, печальному выражению и худобе лица, — вероятное следствие недавних передряг. Я выбрал из толпы нескольких индивидуумов и принялся рисовать портреты; пришедший навестить меня Руссель явился очень кстати, послуживши мне переводчиком при разговоре с туземцами Рапа-Нуи. Я их расспрашивал об их идолах, табличках, письменах и т. д. и узнал от них те подробности, которые сообщил на первых страницах. Некоторые из более старых туземцев были татуированы; мне сказали, что это были воины прошедших времен Рапа-Нуи, начальники которых имели татуировку на лице и даже на губах. Между прочим, мне был рассказан Русселем интересный обычай выбора главных военных начальников на Рапа-Нуи. Помимо короля, который имел свою власть по наследству, избирался еще один главный военный начальник, имевший также очень большое значение. Такие начальники избирались ежегодно; для этого все мужское население собиралось в одном месте, и затем желающие конкурировать на власть военного начальника расходились в разные береговые местности. Задача состояла в том, чтобы отыскать и достать гнездо с яйцами одной морской птицы, которая гнездилась в очень неприступных, скалистых местах; доставание гнезда сопряжено было с опасностью для жизни, и, кроме того, требовало большой ловкости и силы. Кто первый приносил гнездо с яйцами, получал от собрания власть военного начальника, причем не смотрели ни на род, ни на возраст нашедшего. При этих избраниях происходили большие пиры, причем было съедаемо все, что имелось у жителей. Туземцы Рапа-Нуи имели обычай не резать животных, как, напр., кур, а душить их, закапывая их головой вниз в яму и засыпая их землей. Я спросил, довольны ли они своим теперешним местопребыванием — Мангаревой, и получил в ответ, что они желали бы вернуться назад на Рапа-Нуи. Язык их схож с мангаревским, так что туземцы Рапа-Нуи и Мангаревы могут понимать друг друга. Оставаясь здесь, они скоро сольются с туземцами Мангаревы. Остается мне сказать несколько слов о сложении, волосах и цвете кожи жителей обоих островов. Рост жителей Мангаревы и Рапа-Нуи средний (около 1 м и 60 см); сложение довольно пропорционально, но кисти рук и ступни велики и некрасивы. Волосы прямые, толстые, у немногих слегка вьющиеся; цвет волос у большинства черный, но я видел у многих детей волосы серо-рыжеватые. На вопрос мой, отчего у них светлые волосы, мне отвечали,

что оттого, что шапок не носят; это было вероятно, потому что верхние волосы и концы волос были светлее, а у корня темны.

У одной женщины с Рапа-Нуи, с которой я рисовал портрет, волосы были тоже серо-желтого цвета. Глаза имели также различные оттенки, от черного до желтоватого цвета. Наконец, кожа показывала большое различие в окраске, но все тона были того же основного коричневого цвета, начиная с очень светлой кожи, которая была лишь немного более смуглой, чем у жителей южной Европы, до темной, цвет которой приближался к цвету шелухи каштана. Этих последних было немного, и меня уверяли, что цвет кожи зависит в этом случае от занятия этих людей, что самые темные индивидуумы на всей группе были те, которые занимались рыбною ловлей, причем подвергались действию морской воды и солнца. Другая крайность встречалась у женщин и у людей, которые днем мало выходят на солнце, а остаются в своих хижинах или в тени густых деревьев, которыми окружены их жилища.

29 июня (11 июля). Так как по случаю прихода корвета многие, особенно молодые женщины, были удалены на другую сторону острова, то мне пришлось обратиться к миссионеру, чтобы получить несколько объектов женского пола для портретов, что и было исполнено, и я мог сам убедиться в миниатюрности, худобе и бледности женщин с Рапа-Нуи сравнительно с мангаревскими.

В этот день я купил разные вещи, употреблявшиеся в былое время на островах; между прочими был и каменный топор, который мне был отдан, потому что хозяин его уже не умеет рубить им деревья, что умел еще делать его отец, как мне сам сказал принесший мне это примитивное орудие.

30 июня (12 июля). Сегодня по случаю ухода пришлось перебраться на корвет. Я отправился к Блану поблагодарить его за его любезность в течение четырех дней, прожитых на берегу, и узнал при этом свидании еще следующие статистические подробности о Мангареве.

Жителей на всей группе считается теперь 1290 человек; из этого числа около 700 мужчин и 500 женщин. Число женщин в последние годы постоянно уменьшается, как это видно даже на следующем подрастающем поколении, которого численность положительно известна, так как все дети ходят в школу; по школьным спискам оказывается на 150 мальчиков только 73 девочки. По спискам о крещении численный перевес также на стороне мальчиков, но он далеко не такой заметный, потому что смертность девочек в раннем возрасте очень значительна сравнительно с мальчиками.[1] Положение женщины на Мангареве гораздо лучше, чем на Рапа-Нуи, но здесь также ранние браки довольно часты и бывают почти всегда бесплодны; те же женщины, которым удается выходить замуж позже, имеют достаточно детей; круглым числом приходится на женщину по четыре ребенка; есть, однакоже, случаи, что у одной женщины рождается до одиннадцати детей.

[1] В Европе, наоборот, мальчиков умирает больше в первые годы жизни (см. Uhle und Wagner. Allgemeine Pathologie, 4-te Aufl., Leipzig, 1868, S. 75).

ИНДОНЕЗИЯ

О ПАПУАСАХ (НЕГРИТОСАХ) НА О. ЛЮСОНЕ

(Из письма акад. К. М. Бэру)

. . .Придя 21 марта 1873 г. на русском военном клипере «Изумруд» на Манильский рейд, я на другой же день переплыл в туземной рыбацкой пироге обширный Манильский залив и, переночевав в прибрежной деревне Лимай, утром 23 мая отправился с проводником в горы того же имени. По словам прибрежных жителей, негритосы, которых я хотел видеть, имели в лесу, часах в двух ходьбы, временное пристанище, род кочевья, куда они в известное время года обыкновенно заходят и где они теперь находятся. Без труда добрался я к ним и был ими радушно принят.

Около небольшой лесной поляны было расположено несколько очень примитивных шалашей, состоящих из наклонной крыши из пальмовых листьев, под которой можно было только сидеть или лежать. В четверть часа мне построили такую же, и я остался с ними два с половиной дня, познакомился со всем населением этой переносной деревеньки (всего было человек 30 мужчин и около 20 женщин и детей) и успел решить главный вопрос, приведший меня сюда, и даже подметил некоторые черты образа жизни этого примитивного народа.

Главный вопрос касательно негритосов, который вы мне предложили решить,[1] был: действительно ли негритосы Филиппинских о-вов брахикефалы? На это я отвечу положительно: д а! Для того чтобы подтвердить цифрами факт, для которого достаточно было нескольких часов наблюдения, я измерил человек у двадцати отношение длины черепа к ширине его. Предполагая длину 100 и принимая в соображение слой волос, ширина колебалась между 87,5 и 90,0.[2] Эти цифры ясно доказывают, что черепа негритосов брахикефальны. Итак, вероятно, брахикефальные черепа, виденные вами в Гунтеровском музее, принадлежат негритосам.

Перейду к другому вопросу, представляющемуся по разрешении первого.

Так как негритосы брахикефалы, папуасы же долихокефалы, то действительно ли принадлежат они к одной и той же расе? На это я снова отвечу: да, и вот на каком основании.

Первого взгляда на негритосов мне было достаточно, чтобы признать их за одно племя с папуасами, которых я видел на островах

[1] См. письмо акад. К. М. Бэра в моей программе (Изв. Русск. географ. общ., 1871, № 8, стр. 264).

[2] Череп, который был для меня выкопан в лесу в горах около дер. Пилар и несомненно принадлежал негритосу, имел (принимая длину за 100) ширину 89,5.

Тихого океана и с которыми я прожил 15 месяцев на Новой Гвинее. Я был даже поражен сходством физиономий некоторых негритосов с туземцами о-вов Ново-Гебридских, Новой Ирландии и Новой Гвинеи, которых лица, так как я со многих снимал портреты, ясно сохранились у меня в памяти. Не только их лица, но и их обращение между собою, с женщинами и детьми, даже выражение лица, манера говорить и сидеть, их пляски и песни напоминали мне живо папуасов Новой Гвинеи.

Если общий habitus несомненно свидетельствует о тождестве племен, то как согласить это с формой черепа, которая различна у обоих? Но действительно ли все папуасы долихокефалы? Ваше мнение, основанное на исследовании черепа туземцев Новой Гвинеи, о существовании по крайней мере двух типов папуасов,[1] я не только разделяю, но даже убежден, что одну Новую Гвинею населяют более чем два типа папуасов. Жители других меланезийских архипелагов также отличаются от туземцев Новой Гвинеи, хотя все эти отличия не противоречат их сродству.

И так, я думаю, что между многими разновидностями папуасского племени находятся и такие, которые, подобно негритосам Люсона, брахикефальны или у которых размеры черепа приближаются к брахикефальной форме.[2]

Вот еще одно замечание, которое, может быть, покажется вам интересным. Записывая параллельно слова негритосов и тагалов, я нашел у первых немало самостоятельных слов, так что мнение Причарда, что негритосы совершенно утратили свой язык, не верно.[3] На мой вопрос, понимают ли они (негритосы) язык соседних негритосских народцев, они отвечали отрицательно, прибавив, что у каждого народа свой язык. Итак, и здесь представляется обширное поле исследования.

Собрание этих рудиментов языка, а также сохранившихся обычаев[4] подтвердит, надеюсь, то мнение, что хотя негритосы Люсона и брахикефальны, но что они положительно принадлежат к племени папуасов.

2 апреля 1873 г.
В Китайском море, на клипере «Изумруд».

[1] K. E. von Baer. Ueber Papuas und Alfuren, S. 64.

[2] Черепа папуасов берега Маклая на Новой Гвинее вообще долихокефальны, но отношение ширины к длине некоторых измеренных мною показывает возможность перехода к более брахикефальной форме. Отношение ширины к длине черепа (предполагая последнюю равной 100) колеблется между 73 и 79. Последняя цифра позволяет мне думать, что, может быть, между папуасами Новой Гвинеи или других меланезийских архипелагов найдутся черепа более брахикефальные или между негритосами более долихокефальные.

[3] Земпер нашел также в языке негритосов «... trotz der grossen Uebereinstimmung mit dem Tagaloe und einigen anderen Dialekten, doch einzelne abweichende Worte» (C. Semper. Die Philippinen und ihre Bewohner. 1869, S. 138, Anmerkung 5).

[4] Что таковые сохранились — очень естественно при их уединенной и кочевой жизни, причем некоторые оригинальны и интересны. Приведу следующий пример, сообщенный мне людьми, живущими в их соседстве, знающими их язык и заслуживающими доверия. Когда кто из негритосов, находясь в лесу, вздумает подкрепиться едой, которую он имеет с собою или которую добыл в лесу, то он не иначе может начать есть, как несколько раз громко прокричав приглашение разделить с ним трапезу каждому находящемуся в районе его голоса. Не сделавший этого строго наказывается (меня даже уверяли, смертью), если его неподчинение обычаю узнается каким-нибудь образом. Я сам заметил, что касательно огня у них имеются те же обычаи, как и у папуасов юго-восточного берега Новой Гвинеи: они просили меня не бросать объедков кушаний и не плевать в огонь, что я делал нарочно, чтобы узнать, как они к этому отнесутся.

ДНЕВНИК ПЕРВОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ПО МАЛАЙСКОМУ П-ОВУ

(22 ноября 1874 г. — 2 февраля 1875 г.)

22 ноября
Батавия

После ночи, проведенной без сна (я должен был кончить поправку рукописей об этнологии папуасов берега Маклая, написать несколько писем), я чувствовал себя относительно очень свежим, когда Иеллинггауз, резидент города, заехал за мною в 6 часов, чтобы отправиться к пристани, на небольшой пароход, который в 7 часов отвез нас к «Naтоа» на рейд. Я получил отдельную каюту и так был занят переноской своих многочисленных вещей, что, когда И. должен был перейти снова на небольшой пароход, который возвращался в Батавию, я совершенно забыл передать ему свою рукопись и письма Л. Л. Я дружески простился с этим человеком, который всегда был очень любезен ко мне и выказывал мне много симпатии. Несмотря на усталость, я почти весь день провел на палубе. Пассажиров было не много: американский реверент с женой, фон-Свитен — племянник генерала, Анастадиадес — грек, проживший 12 лет в Тифлисе, теперь поселившийся в Калькутте.

24 ноября

После удобного плавания при гладком море и лунных ночах пришли мы вечером в Сингапур, где я поселился в Hôtel d'Europe.

25 ноября

Узнал неприятную новость, что sir A. Clarke, губернатор, отправился вчера в Малакку по случаю беспорядков среди населения. В Hôtel'е встретил старых знакомых: австрийского консула Кониги и американского майора Штудера.

26 ноября

Сделал визит лэди Кларк. Довольно красивая женщина, лет двадцати семи или двадцати восьми, любезная и простая, понимает и говорит по-французски, но имеет рыжие волосы. Я оставался у нее во время ее завтрака, сам ничего не ел и слушал ее болтовню.

Детей у нее нет, муж старше ее двадцатью годами. Вчера Кониги рассказывал мне, что какой-то приезжий венгерский граф был очень влюблен в нее. Я подумал о Л.

27 ноября

Вчера познакомился с James Collins, директором небольшого нового здешнего музея — Raffles Library. В музее несколько этнологиче-

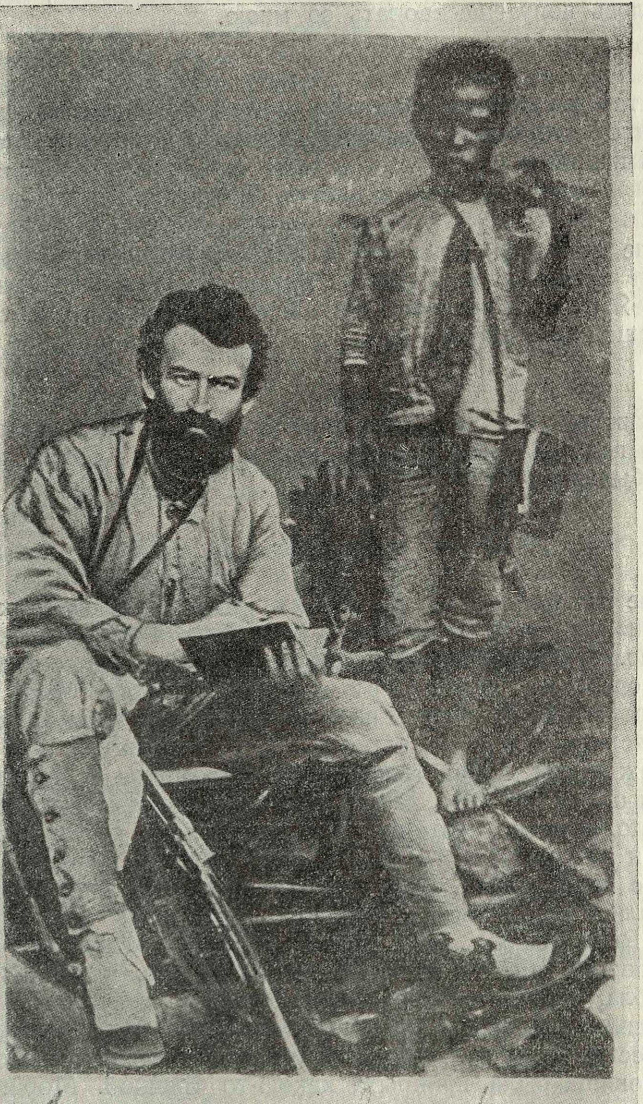

Рис. 3. Н. Н. Миклухо-Маклай с Ахматом (1874—1875 гг.).

ских предметов с Борнео и Новой Гвинеи, подаренных Моресби и офицерами «Basilisk». Последние вместе с доктором Comrie, видевшим меня в госпитале в Амбоине, распространили здесь известие о моей вероятной смерти. Мне представился некто R. Cusack, которому очень бы хотелось попутешествовать со мною.

28 ноября

Мне так неудобно заниматься в этой большой казарме (в Hotel'е), что решился отправиться в Иохор, где, вероятно, мне можно будет заниматься покойно.

29 ноября

После полутора часов езды и переправы на небольшом пароходе я прибыл в Иохор, резиденцию махарадьи, где был принят им очень любезно. Я не ошибся: дом, или дворец, махарадьи имеет хороший вид, и я помещен комфортабельно.

30 ноября

За завтраком я возобновил знакомство с Hole, которого видел в прошлом году у нашего вице-консула Вампоа. Очень доволен своим местопребыванием.

1 декабря
Иохор-Бару

После завтрака Hole предложил мне посетить так называемых «оран-утан», которые занимаются рубкой леса невдалеке. Мы отправились в полицейском сампане — род большой шлюпки, средняя часть которой снабжена крышей от солнца и дождя. Часа через полтора гребли встретили на речке, называемой Сунги-Малаю, первую пирогу оран-лаут-слета. Слета — местность на о. Сингапуре, где по преданию жили прежде эти люди; теперь она превращена в полицейскую станцию. Эти оран-утан, или, как их также здесь называют, «якун-лаут», не имеют положительно постоянных жилищ, живут в своих пирогах, кочуя по рекам и вдоль морского берега. Питаются они всем, что могут найти, едят даже своих собак. Они не приняли магометанства, но очень многие сделались христианами, особенно оран-якун около Малакки (см. Jagor. Reiseskizzen). Они имеют особый, отличный от малайского, язык. В первой пироге, которую мы встретили, я увидал старуху, которая гребла; волосы ее образовали большой желто-белый парик, который большими прядями и клочьями падал на лицо; некрасивое, очень прогнатическое лицо имело трусливо-глупое выражение. Только средняя часть туловища была прикрыта какою-то тряпкой. Морщинистое грязное тело с отвислыми грудями и толстым животом было вдобавок покрыто сыпью. Около небольшого островка, который, однакож, не имел ни фута твердой земли, а состоял только из мангров, группировалось с десяток пирог, покрытых крышами. Что мне сейчас же бросилось в глаза и заинтересовало — это большая шапка волос у многих, напомнившая мне папуасов. В большинстве женщины и девушки были голые по пояс, дети (мальчики) совсем голые, мужчины, за немногими исключениями, имели одеждой только тидиако. Мы позвали всех последовать за нами и пристали к берегу, где, перенеся свои аппараты, несмотря на грозящий дождь, я начал мерить и рисовать. Я обратил сперва внима-

ние на волосы; у большинства волосы были курчавы, но у некоторых совершенно прямые, зато у трех или четырех женщин и нескольких детей волосы оказались совершенно такие же, как у папуасской помеси, которую я часто встречал около Серама. Губы у многих были толсты. Я пришел к заключению, что здесь положительно должна существовать примесь папуасской крови, несмотря на то, что головы оказались брахикефальны и цвет кожи был не темнее, чем у малайцев. Я смерил одного мужчину, который был выше и крепче других; он оказался 1.62 м. Смерил также совершенно развитую замужнюю женщину, которая не очень отличалась от других; она оказалась 1.38 м. Верхние конечности длинны по сравнению с ростом. У многих я заметил следы оспы. Когда я мерил одну из девушек, она сильно тряслась от страха. Дождь заставил меня отложить дальнейшие наблюдения.

2 декабря

Почти целый день шел дождь. Положительно нагоняет хандру.

3 декабря

Несмотря на лучшую погоду, «mon humeur» при воспоминании (несмотря на то, что не хочу о том думать) о Богоре devient toujours plus misanthrope.

Hole уехал в Сингапур. Я обедал один и был доволен одиночеством, как вдруг нагрянули неожиданно четыре англичанина, приехавшие в гости к махарадье. Только к половине двенадцатого ночи они угомонились, а то болтали, пели, свистали etc., etc. Положительно меня все более и более утомляют «die ordentlichen Mitglieder des Menschenpacks».

9 декабря

Отправился утром в Сингапур, получил несколько писем и книг из Европы, но ни единого письма, которого ожидал из Богора. Горькое чувство несколько раз появлялось и надоедало мне, даже за обедом у sir A. Clarke и вечером в театре, куда я был приглашен сопровождать губернатора и его жену. Узнал вечером, что d'Albertis в Сингапуре и целый день ищет меня. После представления я отправился повидаться с ним, но безуспешно. Вернулся в первом часу ночи к Вампоа.

10 декабря

Познакомился с d'Albertis. Говорили много о Новой Гвинее. Он отправляется на юго-восточный берег Новой Гвинеи с английскими миссионерами.

12 декабря

Отправиться прямо из Иохора в Малакку оказывается очень трудным, потому что дорог нет, и невозможность нести с собою достаточный запас провизии (даже один рис) для людей делает эту экскурсию почти что неисполнимою (люди могут нести на себе провизию только для себя, так что одно и то же — взять ли 5, или 10, или 20 человек с собою).

14 декабря

Несколько месяцев тому назад несколько жителей Сингапура (оран-бугис) были убиты в Иохоле; это были торговцы, а убийцы — люди Пахана и Иохола. Так как замешаны были люди значительные, то махарадья иохорский не добыл виновных, так что (так как он обещал добыть их губернатору) он снаряжает третью экспедицию. Так как эта экспедиция должна проехать и пройти значительную часть Иохора, то я думаю сопровождать ее.

15—16 декабря

В 4 часа пополудни отправился я с г. Hole, с секретарем махарадьи, со своим слугой Сайнаном (сунданезец) и Ахматом на канонерской лодке махарадьи к устью р. Муар, куда пришли 16 декабря к 10 часам утра. Река Муар имеет общее направление на NO; очень извилиста, хотя миль около 50 остается широкою; глубина приблизительно 6 или 7 сажен. Берега покрыты лесом, который прерывается поясом мангров. Живописная пальма нибонг оживляет береговой пейзаж. Кое-где начинают появляться плантации, хотя очень примитивные. Табак растет здесь очень хорошо; арроурут, вследствие очень жирной земли, подымается слишком высоко. Плантации здесь, как и на Новой Гвинее, засажены без разбора: кофе, бананы, арроурут, табак, *Colocasia* и т. п. насажены друг около друга.

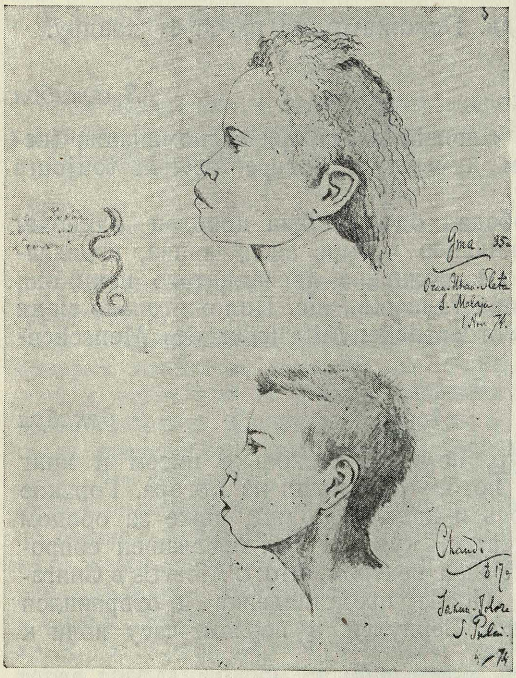

Рис. 4. Гма — женщина оран-утан-слета, лет тридцати пяти, и Чанди — юноша якун, лет семнадцати; слева образец волос оран-утан.

Правый берег принадлежит Малакке, левый Иохору.

Был великолепный заход солнца, который мне напомнил об обещании, обоюдно данном (здесь в рукописи переплетающиеся инициалы Л. Л. и М. М. — *Ред.*).

Совсем стемнело, когда мы бросили якорь около дер. Лынга — нашей цели. Здесь мы должны были найти главу станции, доверенного человека махарадьи, к которому у меня были от него письма. В очень плоской пироге переехали мы на берег к плоту, которого круглые бревна и большие щели между ними гармонировали с пирогой и головоломною лестницей с очень далеко друг от друга отстоящими ступенями. Подобная пристань делается нарочно такой неудобной на случай нападения соседей. Мы взобрались на веранду высоко на сваях стоящей хижины; нас

встретил хозяин, инчи Анда (инчи — титул), который провел нас на веранду еще выше стоящей хижины, где мы все поместились около круглого [стола]. Прочитав письма от махарадьи, инчи Анда объявил мне, что он должен все делать, чего я ни потребую. Так как по справкам экскурсия в Иохол заняла бы более 15 дней, я решил изменить план и отправиться через Палон — Индау в Иохор.

17 декабря

Лынга (0 вышины над ур. м.). Мы с Hole обошли плантации за

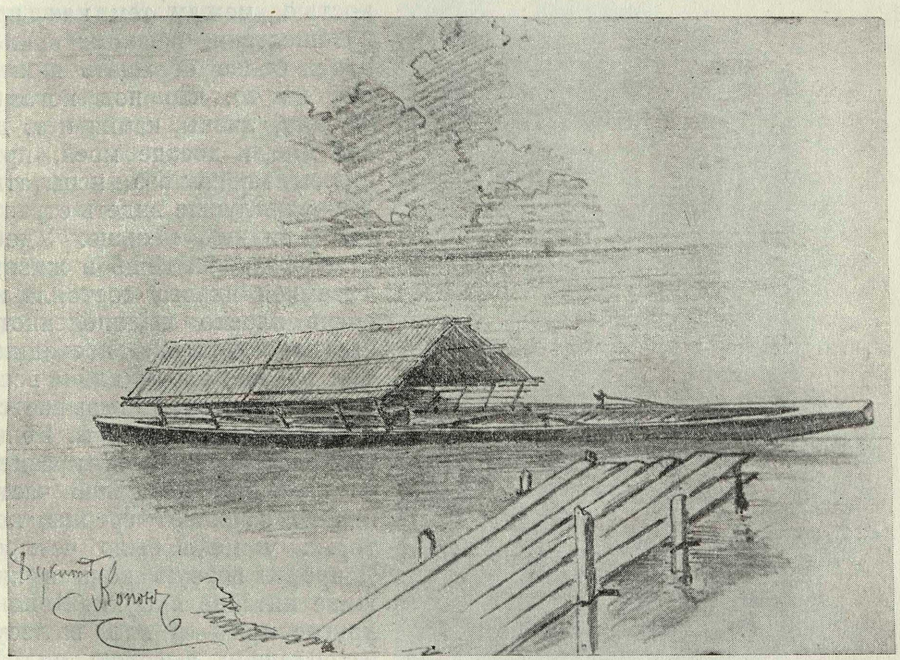

Рис. 5. Яло на р. Муар у малайского селения Букит-Копон.

домом инчи Анда; видели свежие следы тигра, который бродил ночью по плантации.

Вчера вечером собрал некоторые сведения об якун; особенно замечательно племя, живущее в лесу и прячущееся от других. Их называют «якун-лиар». Они очень дики, питаются всем, что находят, не употребляют соли. По сведениям, они не представляют большого различия от прочих якун. Я решил ждать якун, за которыми были посланы люди. В первом часу канонерская лодка «Пулай» с Hole ушла. Чувствую себя по временам очень нехорошо.

Люди якун не пришли — боятся. Миссионер сказал правду: они боятся и не доверяют малайцам. Люди инчи Анды приготовляют патроны к завтрашней экспедиции. Воспоминание о Богоре наполняет меня иногда очень горьким чувством. Урок: не привязываться ни к кому и не верить в других.

Вечером сильный пароксизм лихорадки.

18 декабря

Отправляюсь, несмотря на головную боль, в Палон.

22 декабря

На пятый день плавания вверх по реке сегодня причалили мы к плоту около хижины помулу, где пишу теперь при свете даммарового факела.

Рис. 6. Хижина на шестах в селении Нанка.

Плавание представляет то удобство, что можно спокойно наслаждаться красивою местностью, между тем как при путешествии пешком приходится более обращать внимание на то, что под ногами: на пни, лианы, камни и т. д., что мне, к досаде моей, пришлось много раз испытать; думаешь лучше видеть страну, нет — видишь меньше. Удобство — важная вещь в жизни. Туземная пирога состояла из очень плоско выдолбленного ствола, который посредине был не уже $1^1/_2$ м; длина всей пироги, которая называется здесь «яло», около 8 м. Бóльшая часть ее снабжена крышей из кадьяна. Переднюю часть пироги занимают гребцы, которых у меня было четыре. Я провел первую ночь в хижине китайца в Букит Копон, другие три — в яло, в лесу, затопленном высокою водой. Были прекрасные лунные ночи. Много раз думал о Л. и о Богоре! . .

Здешний помулу сопровождает меня.

23 декабря

Утром, переменив людей (место Измаила заступил помулу Хусейн), отправился я с багажом и людьми в двух очень узких прау сперва по речке Пырла, затем наши яло начали лавировать между стволами. Я, к удивлению, заметил, что мы незаметно из русла речки вышли в залитый лес. Глубина, смеренная в нескольких местах, была слишком 2 м, но так продолжалось не более часа. Яло могло только с трудом изворачиваться между пнями и лианами. Мы вышли в болотистом месте. Люди разобрали багаж, каждый взял по небольшой ноше, и мы отправились; шагая в грязи или балансируя по скользким пням, переходили несколько раз через речку Пырлу и приток ее Клыду. Пришли к двум

хижинам Лубу-Копон, где моим людям очень хотелось остаться. Было только половина двенадцатого, и я объявил, что отправимся в путь в час. Так как здесь дорога разделяется на две, одна — в Кратон на NO, другая — в Бадон (селение оран-райет) на NNW, куда я сперва хотел отправиться, то, позавтракав, я отделил некоторые вещи, которые захвачу на обратном пути, направляясь к р. Кратон.

Довольно сильный пароксизм лихорадки захватил меня дорогой; мокрые по колено ноги с утра и палящее солнце подействовали скорее, чем я предполагал. С удовольствием отдохнул полчаса в покинутой малайской хижине в Будян; около нее я увидал в первый раз ловушку для тигров, которых здесь немало. Голова кружилась и болела, когда отправились далее. Помулу и мои люди говорили, что идут только потому, что туан приказал, и что мы не дойдем до селения; но в 4 часа 30 минут я увидал между деревьями просвет и спросил: что это? Мне ответили — Нанка (несколько малайских хижин) и Кобон. Перейдя через р. Пырлу, не знаю уже, в который раз, по пням, которые лежали во всех направлениях на плантации, мы пробрались к шаткой веранде около хижины на очень высоких шестах: жители боятся посещений тигров.

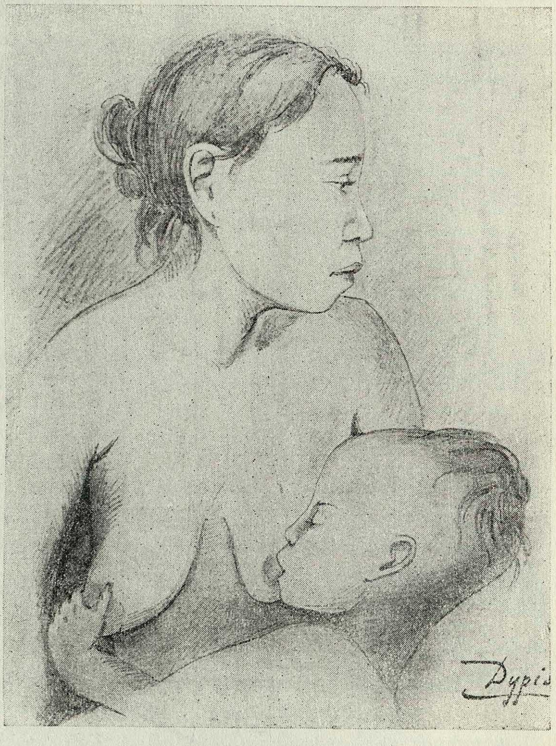

Рис. 7. Дурия — женщина оран-райет, лет двадцати; мать троих детей.

Здесь садят преимущественно уби-каю и каладиум; рис — редкость.

Я расспрашиваю при каждом удобном случае всех встречных об оран-утан, надеясь, что узнаю что-нибудь новое, но мне повторяют почти постоянно одно и то же, что оран-утан едят улат, тикус, что ни риса, ни соли им не нужно, что даже некоторые умирают, если им дать пищу, которую употребляют малайцы, что они часто переменяют жилье, не строят хижин, а пондо, остаются один-два месяца здесь, потом уходят, что, кроме узкого пояса, ничего не носят, согревают тело, нося головешку с собою, едят даже пиявок, обезьян и т. д., но что малайцы иногда берут женщин оран-утан (они не могли здесь это отрицать, как в Лынге), а не обратно. Узнал, что здесь якун называются «оран-райет», а далее около р. Кратон — «оран-утан», что оран-райет не любят, когда их называют якун.

24 декабря

Отсюда (Нанка) отправился на SW к селению (временному) оран-райет Бадун, или Бадон, которого достиг через полтора часа. Еще не дойдя до него, мы встретили толпу оран-райет, которые с женщинами, детьми, собаками отправлялись в другое место, но известие, что я иду в Бадон, что у меня табак и рис, переменило их намерение, и они со-

Рис. 8. Хижина оран-райет в селении Бадон.

гласились вернуться. Мужчины были, как мне и рассказывали, почти голы, только penis и отчасти testiculi были закрыты узкою тряпицей, но волосы около половых органов видны были по сторонам; женщины были одеты в саронг, дети почти все наги. Физиономии у них были различны, как и волосы; у некоторых физиономия была совсем малайская, у других — иная. Все они были малы ростом и немного темнее малайцев. Когда я сказал им, чтобы они шли вперед, к деревне, они зашагали так быстро, — даже четырехлетние дети, к моему удивлению, — что скоро скрылись между деревьями, несмотря на то, что тропинка была очень неудобна: много шипов, сухого леса преграждало путь. Я нарисовал одну женщину, которая была красивее других и более малаеобразна (другие женщины были гораздо темнее и имели иные черты:

грубый нос, широкий рот с толстыми губами и лохматые волосы); она часто оглядывалась, когда я смотрел на нее, и при этом особенно нежно прижимала к себе ребенка и как бы целовала его, но на деле обнюхивала.

Женщины носят детей на спине, причем выставляют зад, чтобы ребенку удобнее было сидеть.

Бадон — селение оран-райет имело 7 хижин, которые стояли разбросанно на довольно большом пространстве, где были вырублены большие деревья, стволы которых сохли и гнили там, где упали. Жители не потрудились прибрать их в сторону, срубить ветви, проложить хотя бы маленькую тропинку. Тропинок не было, хотя почти всюду были видны следы ног.

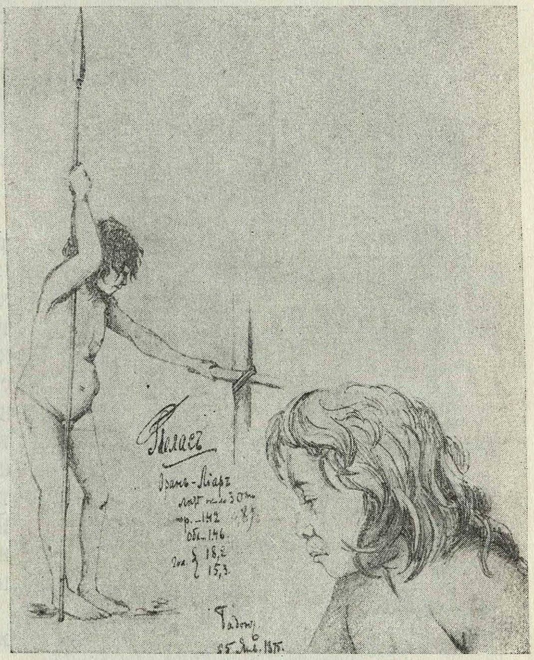

Рис. 9. Пелас — оран-лиар, лет тридцати.

Все хижины, если можно назвать так эти постройки, состояли из пола из грубых кривых стволов и крыши — стен не было. Некоторые были больше, но почти все на один лад. Как пример этой примитивной архитектуры, я срисовал одну из хижин. Это помещение было достаточно для мужа, жены и двух детей. Дети постоянно удивляли меня: лазали по лестницам, бегали по дырявому полу, барахтались у самого края и не падали. Дети и собаки очень долго не могли привыкнуть к моему виду. Дети издали разглядывали меня, хмурились и начинали плакать. Собаки, нюхнув только воздух около хижины, где я помещался, поднимали голову и убегали с рычанием. Большинство собак — рыжие, невелики ростом, со стоячими ушами и пушистым хвостом, похожи на новогвинейских.

Я решил остаться здесь дня два. Одну из хижин вычистили, и я поместился в ней довольно удобно, повесив по сторонам одеяла, которые образовали стены. Но перед этим я собрал всех жителей, чтобы разглядеть их попристальнее. У многих физиономии не отличались от лиц сопровождавших меня малайцев из Палона. Но были, однакоже, черты как бы чужой примеси. Это сходство с малайцами можно объяснить смешением с давнишних пор. Но мне кажется положительно, что не якун похожи на малайцев, а малайцы, имея матерей оран-якун, приобрели некоторые черты последних, что делает обе стороны отчасти похожими друг на друга.

Вечером, гуляя около хижины, я наткнулся неожиданно на человека очень небольшого роста, с очень толстым животом, пухлой физиономией, жидкими ногами, который палкой рыл землю и собирал что-то

в кокосовую скорлупу. Приметя, что я его увидал и подхожу к нему, он сперва намеревался бежать, но, когда я ему повторил несколько раз «дянган такут» и «каси тамбаку», он продолжал свое занятие, но не смел поднять глаз, боялся оглянуться, чтобы не видеть меня, и заметно трясся. На другой день я не без труда добился, чтобы он дал себя срисовать, табак и терпение помогли, но он не решался смотреть на меня, постоянно отворачивался. Таких, особенно трусливых, малайцы называют «оран-лиар». Я встречал их потом несколько раз.

Вечером, когда стемнело, начались крик детей, смех и говор женщин, очень немелодичное пение мужчин и игра на инструменте, состоящем из толстого бамбука с отверстиями и несколькими натянутыми струнами из ротанга (обыкновенно тремя).

Рис. 10. Сватн — оран-райет, лет пятнадцати, из селения Бадон.

25 декабря

На рассвете было очень свежо, так что мне жаль было смотреть на голых детей, дрожавших от холода и прижимавшихся к матерям, у которых не было другого покрова, кроме тонкого старого саронга. Стен нет, в полу громадные щели между бревнами. У детей оставляют на затылке род косички. Некоторые дети положительно не некрасивы лицом, также у взрослых попадаются довольно приятные физиономии, как, напр., физиономия Сватна.

У оран-райет интересное оружие — сумпитан или, на их языке, «блахан». Блахан представляет трубку метра в два длины, которая состоит из двух половин, обмотанных ротангом, и обмазана гытой. Стрелы сантиметров в 20, очень тонкие; нижний конец их снабжен родом пробки из сердцевины какого-то дерева. Эта толстая пробка сначала обрезается, а затем полируется при помощи сухого шероховатого листа, причем нижний конец стрелы держат между вдвойне сложенным листом и быстро катают стрелу ладонью, положив ее на ляжку. Надо, чтобы пробка плотно приходилась к каналу сумпитана. Вложив стрелу в сумпитан, берут его обеими руками, широкий конец подносят к губам, затем, медленно поднимая другой конец и направив на цель, быстро выдувают стрелу. Она долетает до цели, отдаленной даже более чем на 50 шагов, иногда даже на 80 шагов. Но ветер при легкости стрелы мешает правильности полета. Шагов на 20—25 туземцы почти всегда попадают в небольшую цель. Попробовав стрелять сам, я два раза попал около самой цели, а в третий — попал даже в нее. Это доказы-

вает, что не особенно трудно достигнуть в этом отношении большого искусства, которого, действительно, говорят, достигают оран-райет. Туземцы с видимым удовольствием вынесли почти все свои сумпитаны и стали наперерыв показывать свое искусство, когда я им сказал, что желаю посмотреть на эту процедуру. Женщины смехом при неудаче и похвалами в противном случае проявляли свое участие.

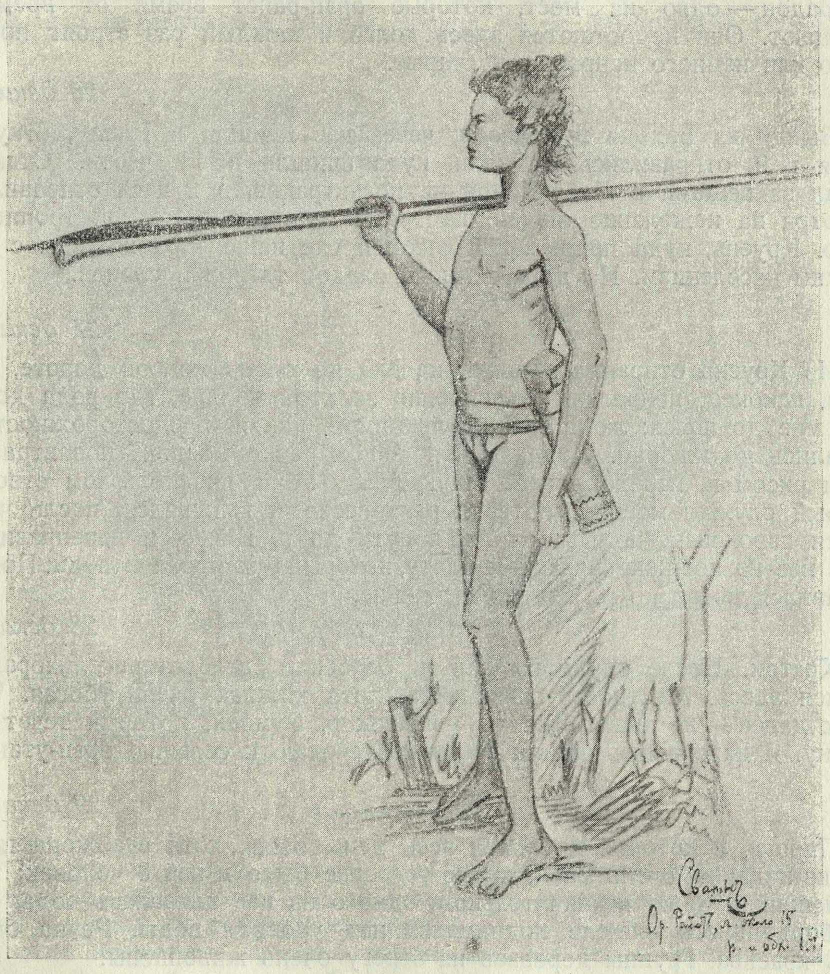

Рис. 11. Оран-райет Сватн с сумпитаном.

Что делает эту небольшую стрелу опасною не только для человека, но и для тигра, это — «ипо», или «ипо-упас», или «ратиум», в который окунается оконечность стрелы (обыкновенно из твердого дерева), остающейся в ране. Меня уверяли, что люди, раненные такой стрелой, не доживают до вечера, так же как и тигры. Говорят, что яд может быть без опасности съеден, что, однакоже, отрицается некоторыми. Этот яд приготовляется из толченой коры дерева, водяной настой которой кипятят до сгущения, затем прибавляют все, что предполагается ядови-

тым: соки разных плодов, даже зубы змей, так что яд имеет разное действие и не может считаться только растительным.

Не без труда и долгих расспросов у разных людей я добился, наконец, нескольких десятков слов — остатки прежнего языка, который еще употребителен здесь, но начинает вытесняться малайским. Дети болтают между собою по-малайски, и почти одни только старики помнят еще обрывки старого языка. Даже счет в ходу теперь малайский.

Бадон — одно из мест, которые оран-райет время от времени посещают. Они не остаются здесь долго и каждый раз строят новые пондо или немного исправляют старые.

26 декабря

Выйдя из Бадона в 7 часов, через час пришли в Нанку, откуда, выйдя в 9, отправились в Будян, куда пришли в 11 часов. Отсюда послал за вещами в Лубу-Копон, и, позавтракав, в 2 часа отправился, несмотря на нежелание людей, на NO, по довольно мокрой тропинке, к дер. Круень, куда пришел в 5 часов и где нашел три хижины с малайским населением. На дороге много следов тигров и слонов.

27 декабря

Из Круень отправился опять на NO по очень мокрой дороге, которая, наконец, привела к совершенно залитой поляне, где вода доходила мне до пояса; люди же, не принимая, как я, предосторожностей, окунались до ключиц. Пришли, наконец, к речке Гбан. Я позавтракал сухим рисом и, переходя небольшую речку Гбан, на скользком стволе, который служил мостом, потерял равновесие и выкупался, после чего явился пароксизм, но я продолжал путь до р. Канас, и переправился через нее на кое-как связанном плоту, который буксировали люди. Потом отправился вверх по р. Кратон к хижине.

28 декабря

Кратон. После трудного дня и особенно вследствие лихорадки остался здесь. Местность живописна, хотя хижина очень убогая. Что и как далее — не знаю. Кратон — приток р. Румпен, который течет по Пахану. Я направлюсь завтра вверх по течению к селению оран-утан.

29 декабря

Пирога, в которой я провел весь день, была, хотя снабжена крышей из кадьяна, очень мала, кроме того нас было в ней 8 человек; при перемещении, даже незначительном, одного из нас вливалась вода, так как борт пироги еле-еле поднимался над уровнем воды. Речка была очень красива. Группы деревьев на берегу очень живописны.

Около 3 часов подъехали мы к небольшому селению оран-утан. Я вышел из пироги и подошел к хижине, в которой работал человек с совершенно малайской физиономией, хотя это был оран-утан. Затем я прошел к другой хижине, которая состояла только из трех стен. Здесь помещалась целая семья. В физиономиях я не нашел ничего особенного; только девушка, которая сидела на платформе, была недурна даже для строгого критика. Мужчины были голы, только penis был закрыт, волосы testiculi были видны. Мне сказали, что, исключая этих оран-утан, в настоящую минуту других нет. Я решил отправиться далее, и мы прибыли в Бандон, где живет племянник помулу, человек, хорошо знающий окрестные местности, которого я решил ждать.

Между порубленными и сухими обгорелыми стволами построены были 3 или 4 хижины. Одну из них сейчас же уступили мне; дети и женщины немедленно перетащили весь хлам в соседнюю хижину. Пришла пирога с двумя женщинами и девочками. Курчавая голова одной из них бросилась мне в глаза. Девочке было лет двенадцать. Когда с веслом в руках, в саронге, который узко обхватывал среднюю часть туловища, она шла по стволу срубленного дерева, то показалась мне очень грациозным созданием. Я пожелал нарисовать ее портрет, тем более, что ее вьющиеся волосы делали из ее физиономии особенный

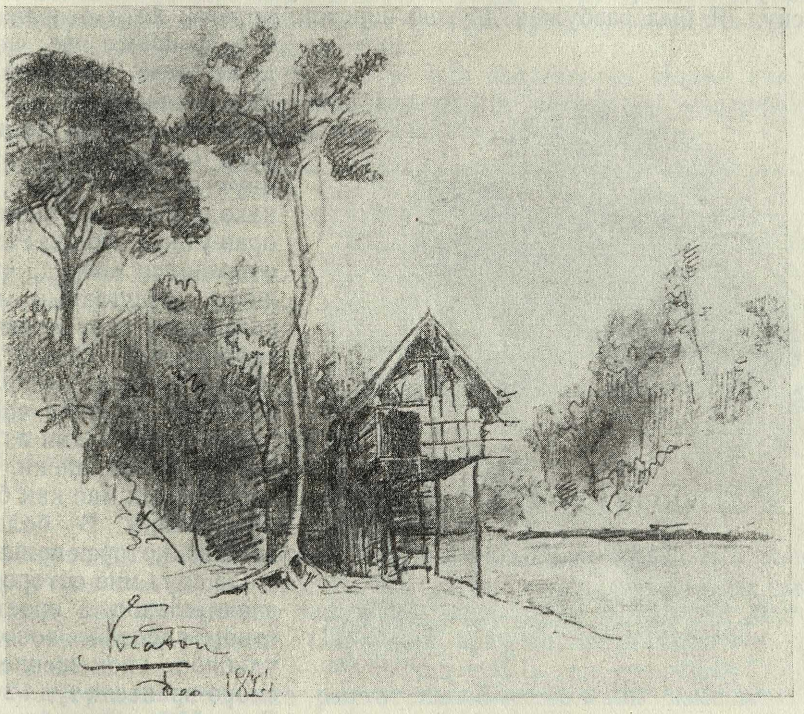

Рис. 12. Хижина на берегу р. Кратон.

тип. Но она стыдилась, боялась и не хотела притти к занимаемой мною хижине. Это происходит, как мне кажется, оттого, что мужчины обращают внимание (в половом отношении) на очень молодых девочек, так что, если посмотреть немного пристальнее на 10—11-летнюю девочку, она стыдится, убегает, как бы боится, что ее хотят изнасиловать, или же сама заигрывает.

30—31 декабря

Проспав очень хорошо ночь, я должен был прождать почти до 3 часов 30 минут приезда помулу племянника Абдул-Рахмана, который должен служить проводником далее. Новости, которые этот последний привез, не особенно понравились мне; дороги все залиты, и приходится проходить места, где вода выше пояса. В двух пирогах, так как моя свита увеличилась несколькими людьми, отправились мы вверх по речке Кратон, которая по временам была очень живописна благодаря

группам деревьев на берегу. Затем мы поплыли по очень извилистому узкому притоку ее, Дьекати. Так как во многих местах речка была запружена повалившимися деревьями, под которыми надо было проезжать, то пришлось снять кадьяновую крышу. Часто приходилось, проезжая под таким деревом, или ложиться в пироге, или же, перелезая через ствол, пропускать пирогу одну под ним, или даже, когда ствол был отчасти в воде, вытаскивать пирогу и тащить через него. При этом наблюдать и записывать направление и сидеть очень неудобно на вещах, постоянно в одном положении, соблюдая равновесие. К часу пополудни я очень устал и, приказав причалить к берегу в тенистом месте, сейчас же заснул. Я был разбужен другою пирогой, которая хотя отправилась в путь позже нас, но, будучи легче, обогнала нас. Мы последовали за нею, и около 4 часов моя пирога остановилась около двух других в месте, где находилось становище оран-утан. Абдул-Рахман отправился вперед, чтобы люди, испуганные моим внезапным появлением, не разбежались. Около двух хижин я увидал несколько некрасивых, почти совсем голых людей. Один из них, одетый по-малайски, был представлен мне как батен (начальник). В большой хижине, которая принадлежала ему, мне отгородили значительное пространство, сделали довольно удобное помещение и скоро принесли туда вещи. Я сейчас же приказал собрать завтра по возможности большее число оран-утан.

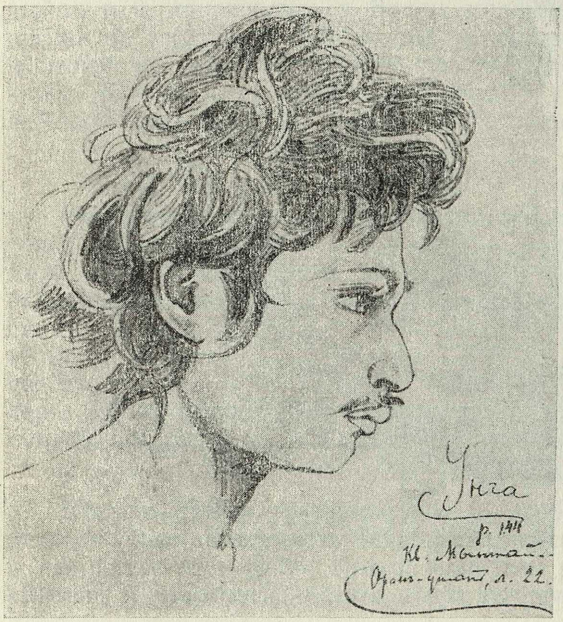

Рис. 13. Унга — оран-утан, лет двадцати двух, из селения Квала-Мынтай.

Я начал с того, что осведомился, есть ли у них особый язык, и начал спрашивать слова. К большой моей досаде мне отвечали по-малайски, повторяя мои же слова. Я спрашивал многих, прислушивался к их разговору — один малайский язык, старый забыт. Мне, однако, сказали, что, может быть, некоторые старые люди и знают его, также сообщили, что оран-букит, которые прячутся от других, не едят соли и риса, говорят на языке, отличном от малайского. Здешние оран-утан находятся постоянно в сношениях с малайцами, и некоторые даже имеют плантации, хотя отвергают магометанство, и большинство мужчин предпочитает свой простой и удобный костюм малайскому.

Вечером около моей «комнаты» собралось почти все мужское население. Я снова завел разговор об языке, яде и о дороге в Иохор-Бару. Здесь живет уже несколько лет китаец-плантатор, который был очень любезен со мною, принес мне курицу, бананов. Он уверяет, что

мне предстоит путешествовать еще около двадцати дней. Что касается яда для стрел, то он приготовляется из прокипяченного до сгущения настоя коры дерева ринги, к которому прибавляют еще варан и зерна лемоннитис. Раненный отравленною стрелой человек живет не более нескольких часов; съеденный яд действует смертельно в тот же день. Яд может быть сохранен несколько лет.

Общий тип лица у этих людей не отличается от малайского; не зная, что это так называемые оран-утан, я бы подумал, что нахожусь среди малайского населения. Толстые губы, широкий нос, часто курчавые волосы, грубые черты лица, особенно же отсутствие костюма отличают оран-утан от малайцев, но до сих пор я не встретил среди них ни одного с особенным типом лица.

Странное дело: не знаю, завтра или послезавтра Новый год.

Вот результаты измерений, которые я делал при многочисленном собрании оран-утан на открытом воздухе.

	Возраст	Ширина головы	Длина головы	Рост	Обхват
1. Послами	40	14.5	18.7	1.56	158
2. Покето	30	15.0	18.4	1.53	158
3. Побуда	55	15.0	17.7	1.48	
4. Унга	22	14.5	17.9	1.44	
5. Ланса	35	15.0	18.6	1.44	
6. ♂	40	14.7	18.0	1.46	
7. Камень	40	14.0	18.4	1.52	155
8. ♂	30	14.3	18.0	1.52	155
9. Магынта	20	14.5	17.5	1.41	138
10. Асар	19	15.5	17.0	1.41	140

Нарисовал двух оран-утан, которые несколько отличались от других. Асар очень стыдилась показать мне свою грудь, между тем как большинство других, правда, замужние, весь день ходили с болтающимися отвислыми грудями. Она была недурна, хотя массивно сложена и не выше 1.41 м.

У Послами несколько ран от какой-то болезни изменили контур верхней губы. Щетинистые брови были очень широки, и некоторые волоски отличались от других своею длиной. Покето имел громадный, торчащий клочьями парик.

Пришел старик, который, как предполагали, должен был знать старый язык. Но повторилось то же, что и вчера, — в большинстве случаев старик уверял, что нет других названий, как малайские. Однако нашлось около дюжины слов, которые оказались тождественными с записанными мною в Бадоне, так что, вероятно, диалект здесь был тот же. Говорят, что в 6 дней я могу достичь Индау. Послал людей повалить несколько деревьев, чтобы пройти глубокие места. К полудню пришли еще 6 человек оран-утан, из которых один — Унга — с крючковатым носом. Все с курчавыми волосами.

1 января 1875 г.

Квала-Мынтай, по дороге в Дукун

Когда я и мои люди были уже в пирогах, оказалось, что оран-утан, которые должны были нести вещи и прорубать дорогу, боясь работы,

Рис. 14. Асар — девушка оран-утан.

Рис. 15. Послами, лет сорока, и Покето, лет тридцати.

разбежались. Пришлось послать батена и помулу за ними. Чтобы принудить оран-утан вернуться, им даже пригрозили, что иначе я так рассержусь, что убью их. Пришло человек шесть. Батен (начальник), молодой, низкого роста якун с приятною физиономией, шел впереди, прорубая во многих местах тропинку и строя примитивные мосты через многочисленные ручьи.

Дорога, хотя приходилось шагать и лазать через массу поваленных стволов, не была слишком утомительною, так что я почти не устал, когда пришел к 4 часам к хижине, в которой 4 или 5 малайцев из Иохор-Бару жили временно, занимаясь резкой ротанга. Хижина была на сваях, не имела стен, только с одной стороны крыша опускалась до пола. Пол был так шаток, что я должен был приказать своим людям сделать несколько подставок, прежде чем устроить мою постель. Страдая постоянно от лихорадки, я, чтобы хоть отчасти избегнуть ночью ветра, который свободно мог гулять в этом жилье без стен, устроил себе низкую палатку из моих непромокаемых одеял, что было очень кстати, потому что вечером у меня был пароксизм. В лесу, где мы проходили, много следов слонов.

2 января
По дороге к р. Сегамат

Выпил последнюю чашку кофе и открыл последний ящик бисквитов. Дорога, как и вчера, очень недурная, хотя поваленных стволов и ручьев много, но так как уже 7 дней здесь не было дождя, то тропинка суха. Мог без неудобств и приключений думать не только о дороге, но и о четвертой (!) экспедиции на Новую Гвинею, с братом Владимиром.

В 12 часов пополудни пришли к селению на р. Сегамат, но

приходится отложить дальнейшее путешествие до завтра за неимением пирог.

В большинстве своем хижины так стары и скверно построены, что из опасения, чтобы ветер не сдул их, почти все привязаны ротангом к крепким кольям, вбитым в землю.

Отдохнув и позавтракав, я приказал созвать всех жителей. Собрались мужчины, женщины, дети. Рост мужчин варьировал между 1.53—1.62, женщин — 1.30—1.40. Одна из девочек имела очень курчавые волосы и, хотя была очень недурна (или, может быть, именно потому), закрывалась, пряталась (чтобы обратить на себя внимание). Ее мать также имела курчавые волосы; отец умер. Я нарисовал хорошенькую Егу, у которой окружность сосков только что начинала вспухать.

3 января
По дороге в Тенан

С вещами, Сайнаном и Абдул-Рахманом отправился в пироге вверх по р. Сегамат, мои же люди и помулу с Ахматом отправились пешком

Рис. 16. Хижины в селении на р. Сегамат.

более близкой, но очень болотистой дорогой. Они постоянно были впереди нас, так как множество извилин речки замедляло наше плавание. К 12 часам мы пришли к хижинам, где мои люди думали остаться на ночь. Я их очень разочаровал, сказав, что день еще не кончен, что я хочу итти далее.

— Людей нет!

— Позвать денана! (начальник).

На мой зов явился старикашка с визгливым, плачущим голоском.

— Можно ли в пироге отправиться в Тенан? — спросил я.

— Нельзя — камни, пороги! — был ответ.

— Сколько времени итти до Тенана?

— Далеко, целый день ходьбы.

— Хочу отправиться еще сегодня туда!

— Не дойдем! — завопили люди.

— Будем спать в лесу. Есть люди? — спросил я снова денана.

— Нет, ушли в лес.

— Позвать!

— Не знаю, где искать.

— Умеешь читать?

— Нет!

Я сказал Абдул-Рахману, чтобы он прочитал денану письмо махарадьи. Прочли письмо.

— Слышал?! Если через час не будет достаточно людей нести мои вещи в Тенан, я буду очень сердит, и когда скажу об этом махарадье, то и он рассердится. Теперь ступай и зови людей.

Возражать я более не позволил, и через полчаса явились люди, разобрали вещи, и мы отправились в 1 час 30 минут. Пройдя около часа на О, мы увидели первые горы, которых я давно не видал — Букит-улу-Сегамат и Букит-улу-Тенан.

Дорога была по временам очень трудна, приходилось итти часто по гладким тонким стволам, и я отдал полную справедливость мужеству и хладнокровию эквилибристов и позавидовал им.

Рис. 17. Ега — девочка, лет девяти, из селения на р. Сегамат.

Идя по следам слонов и перебравшись два раза через р. Сегамат, пришли мы в 5 часов к хижинам, где я рад был отдохнуть. Дороги в Индау здесь никто не знает.

Хорошая вещь — чай; выпил сейчас 4 стакана, хотя и очень жидкого (экономия!), но чувствую себя положительно изрядно! Жаль, что красного вина нет и бисквитов мало, а то бы мне было все равно пробыть несколько дней более в этой глуши. Ахмат собрал в лесу несколько лимонов — удачная находка. Я воспользовался ею сегодня вечером, выпив 4 стакана чая.

4 января

Из Понтона в Тенан

Понтон — красивое местечко, особенно утром перед восходом солнца. После хорошо проспанной ночи я, по крайней мере, нашел дальние синие горы, большие деревья вблизи, красивые розовые облака, предвещающие восход солнца, — великолепными, когда сошел умываться к светлой журчащей р. Сегамат. К половине седьмого все было готово, и я отправился, все время на S и SSO, в Тенан, куда пришел к 10 часам. Пришлось переправиться через несколько речек и подняться на несколько холмов (из которых самый высокий не был выше 200 футов). Помулу сказал мне дорогой, что, если я позволю, он из Тенана, найдя мне людей для дальнейшего пути, вернется в Палон, где его ждут дети. Я согласился, так как он далее никогда не был и не знает дороги. Я ему обещал прислать подарки и письмо. Этот человек, хотя слишком мягкий и нерешительный, был мне довольно полезен и всегда очень услужлив. Его

племянник, хотя не моложе его, человек, как кажется, с характером, что даже выражается в его физиономии. Он, как мне показалось, очень способный и мог бы достичь образования в молодости.

Впервые, начиная от Лынги, встретил малайскую, довольно хорошо построенную хижину. Помулу нет, послал трех человек искать его, так как завтра хочу рано уйти далее. Его жена — молоденькая женщина — уступила мне самую чистую часть дома, над галереей, с небольшим окном, рамы которого довольно красиво вырезаны, как в арабских домах. Хижина построена из очень различного материала. Крыша из атап и из листьев гомутовой пальмы, стены отчасти из распиленного и сплетенного бамбука, отчасти из коры, и только столбы, сваи и перекладины — из дерева. Пол, как обыкновенно, из расщепленного бамбука.

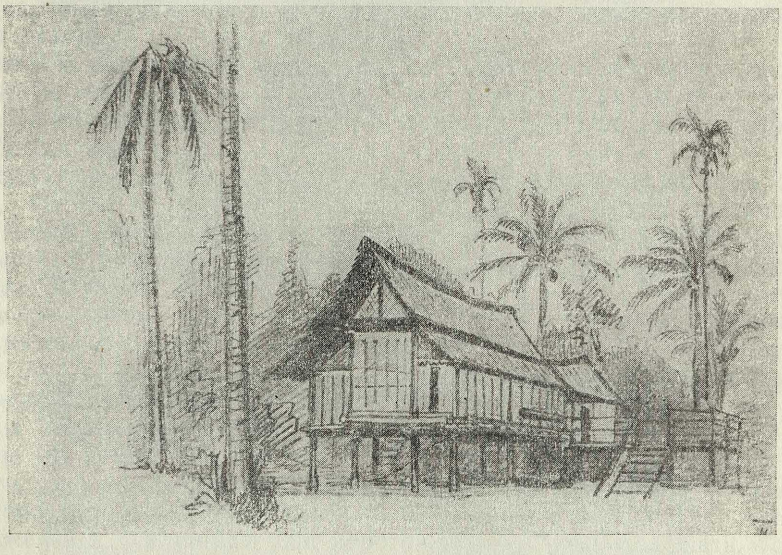

Рис. 18. Хижина помулу в селении Тенан.

Седлообразно изогнутая крыша, узкие, украшенные орнаментом окна — характеристичны.

Вдали на S и SO виднеются горы — иду рисовать вид. Пришел, наконец, помулу. Он и никто из здешних не был в Индау. Людям очень понравилось, что я срисовал это окно.

Вечером помулу Тенана и Абдул-Рахман оба пришли говорить со мною. Абдул-Рахман рассказал об оран-сакай и удай в Пахане. Этих людей очень боятся малайцы, потому что они отделываются от них ядовитыми стрелами. Говорят, они очень дики, не едят соли и риса, имеют громадные (!) ступни и курчавые (?) волосы. Помулу Хаджи Бакар, бывший в Мекке, в Египте и даже в Судане, много говорил о своем знакомстве со светом и о могуществе султана турецкого, который побил русских и которого все белые люди боятся.

5 января

Отправился к горячим ключам, которые находятся у речки, посредине большой поляны, где анероид показывает выше 0. Посредине

поднимался пар, и только по краям, где температура была 25—50°, еще можно было ходить. Помулу попросил позволения послать со мною вместо него сына. Отправились. За завтраком у речки этот человек и другие люди сказали мне, что мы не дойдем до Быко, проведем ночь в Лине. Я им отвечал на это, что мы должны дойти до Быко и что я этого хочу. Встал и отправился скорым шагом вперед. Почти не останавливались, прошли Лине, где также не останавливались. Темнота

Рис. 19. Малайцы — помулу Хусейн и его племянник Абдул-Рахман.

захватила нас в лесу, и я под конец, пробыв в пути за этот день двенадцать часов, был рад дойти до хижин, куда мы пришли в 7 часов. Помулу здешний живет, говорят, далеко, и, чтобы не терять времени, я отправлюсь сам к нему завтра, чтобы завтра же итти в Индау. Люди здесь почти никогда не ходят ни туда, ни в Иохор через лес, а почти всегда отправляются по р. Моа.

Что я постоянно слышу здесь — это: «дяу» (далеко) и «тра тау» (не знаю).

6 января

Утром рано отправился к денану (начальнику). Думал, что он живет хотя далеко (как мне сказали), но в той же деревне; оказалось, что в другой. Пройдя по очень неудобной дороге, по пояс в мокрой траве, пришли к речке Быко. Здесь начинается дорога еще хуже, как сказали мне.

— Нельзя разве спуститься по речке?

— Можно.

— Отчего никто мне ранее этого не сказал? Послать сейчас за пирогой!

Почти через $^3/_4$ часа явилась она. Поместивши все вещи, отправились. Речка очень извилиста и в ней много пней. Мы употребили целых два часа, чтобы добраться до Янлона — нового поселения малайцев — и дома денана.

Речка Быко впадает в р. Бату-Пахат, так что, спускаясь вниз по течению, можно достичь дер. Бату-Пахат при впадении реки в море в три или четыре дня; для того же, чтобы подняться, надо употребить около шести дней.

Меня уже ожидали в Янлоне, так как я утром, ранее, чем отправиться, послал к денану извещение о моем прибытии. Малаец, лет около сорока пяти, с немного вьющимися волосами и интеллигентною физиономией, встретил меня и предложил войти в его вновь построенный дом. Я сейчас же приступил к делу, т. е. сказал, чего я от него хочу, и расспросил о дороге. На все получил удовлетворительные ответы; только денан желал отправиться в путь завтра, чтобы успеть собрать людей. Письма махарадьи никто не умел прочесть; все удовлетворились, посмотрев на большую печать, равносильную здесь, как почти везде на Востоке, подписи.

Мне отгородили помещение в чистой новой хижине денана, и я был рад лечь, так как вчерашняя усиленная ходьба с мокрыми ногами, сегодня прогулка по мокрой траве были причиной пароксизма, которого приближение я чувствовал уже дорогой. Отправляясь полежать, я сказал денану, чтобы он собрал людей оран-утан к 2 часам. К этому времени явилось несколько человек, но батен (начальник оран-утан), посланный за людьми, еще не пришел.

Я начал записывать слова, но это было нелегко. Они повторяли по большей части малайские слова, но оказалось несколько и других слов, схожих с уже записанными словами оран-райет. Они как бы стыдились своего языка или боялись говорить на нем.

Часа через полтора пришла целая толпа людей, особенно много женщин. Малый рост и курчавые волосы некоторых бросились мне в глаза. Немалое число людей имело курчавые волосы, которые заставили меня думать о папуасской помеси. Особенно волосы одной старухи напомнили мне волосы женщин, которых я видел на о. Кильвару. Волос во всю длину был волнист. Волосы, предоставленные себе, образовывали многочисленные локоны (т. е. каждый волос состоял из нескольких колец). Некоторые имели совсем малайские волосы. Так как все делалось публично и, кроме того, люди очень трусили, пришлось удовлетвориться немногими измерениями.

Нарисовал портрет начальника, рослого, крепкого человека с добродушным выражением лица, отчасти для того, чтобы нарисовать его жену, которая в действительности была гораздо миловиднее, чем вышла

на портрете. Она очень боялась меня или же ревности мужа, который не спускал с нее глаз. Она имела прекрасные глаза, очень волнистые волосы и цвет кожи темнее, чем у других. Я очень устал, когда должен был кончить работу с этою толпой вследствие наступления вечера. День не пропал даром. Я начинаю убеждаться в необходимости признать примесь папуасской (?) крови, идею, к которой я относился ранее очень критически. Вечером узнал положительно еще факт, который объясняет сходство физиономий у оран-утан и малайцев: не оран-утан схожи с малайцами, а малайцы заимствовали много черт (курчавые волосы, толстые губы, широкий нос) у оран-утан. Браки между малайцами и женщинами оран-утан часты здесь и в Пахане, хотя в Иохоре меня уверяли, что этого не бывает. Но здесь уверяют, что обратные браки не встречаются. Басни о громадных ногах оран-удай или оран-сакай в Пахане я слышал опять, но мне и здесь сказали, что не видали самих людей, а только отпечатки их ступней.

Рис. 20. Поль и Самбут — девочки оран-утан.

Диапа, денан Улу-Быко в Янлоне, очень хлопотал весь день, и я думал найти в нем хорошего проводника по Индау, но он попросил меня взять вместо него его родственника Баду, который знает путь и которым я останусь доволен.

7 января
Леба, хижина оран-лиар
(при свете даммарового факела)

Утром в Янлоне я записал вчерашние впечатления и, когда, напившись чаю, был готов отправиться в путь, было уже половина восьмого. Денан очень хлопотал, и крику было столько, как если бы громадный караван отправлялся в путь. Около Янлона, как обыкновенно около всех поселений, дорога была очень неудобна. Около двадцати минут пришлось итти по стволам поваленных деревьев, из которых многие были обгорелые, гнилые, скользкие, тонкие. Приходилось карабкаться, балансировать, прыгать, часто почти что падать и не смотреть по сторонам. Вошли в лес; тропинок много, но настоящей дороги нет. Пришлось во многих местах прорубать чащу. Наш караван разбрелся, и, несмотря на крик и хлопоты денана, многого недоставало; так, напр., я приказал, чтобы было два или, по крайней мере, один человек без ноши, с одним парангом, чтобы прорубать дорогу и заботиться о переправах через речки, ручьи, болота, но такого человека не было. Один из носильщиков, по приказанию начальника моих людей — Баду, не пряча, на виду оставил ношу на тропинке и отправился вперед.

В 11 часов я расположился завтракать. Баду сказал мне, что мы не дойдем до Леба и придется спать в лесу. Я не имел причины не согласиться, но сказал, что хочу спать где-нибудь на холме, а не в болоте, и чтобы люди построили мне род высоких нар, на которых, я был уверен, под моим каучуковым одеялом вместо крыши и покрытый моим толстым одеялом я проведу отлично ночь.

Настоящей тропинки не было, как я уже сказал, приходилось только соблюдать направление на S и SSO. Я шел не очень скоро, но люди почти постоянно отставали. Все они, за исключением Баду и еще одного человека, были оран-утан, очень малы ростом (около 1.48—1.52 м), имели темный цвет кожи, были очень хорошо сложены и не по росту сильны, но ноши были значительны; почти каждый нес вдвое больше, чем несли малайцы из Палона.

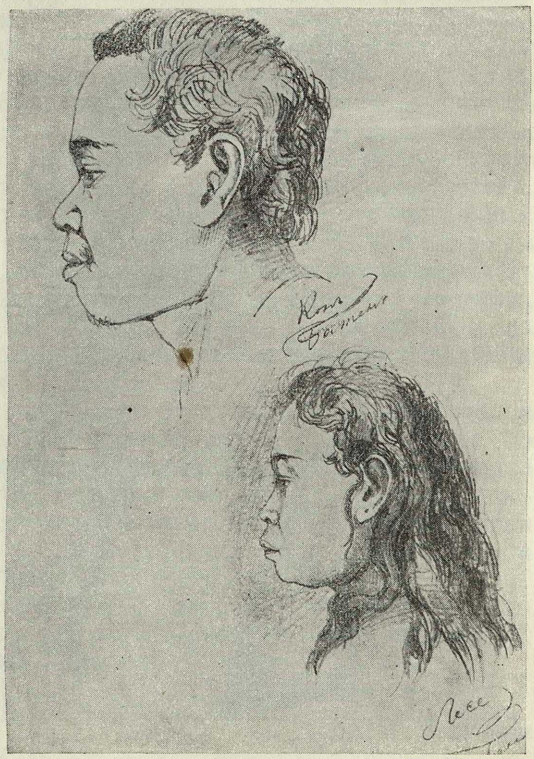

Рис. 21. Кон—главарь оран-утан и Лесе, его жена.

Около часа мы пришли к большому дереву, где мои спутники предложили остановиться для ночлега. Я сказал им на это, что, если найдем подобное место через три часа, я останусь. Пошли опять вперед, все вразброд, так как тропинки не было, и если кто-нибудь отставал, ему самому приходилось искать дорогу. Около 3 часов мне сказали, что мы недалеко от жилья. Почти на каждом шагу встречались ловушки для мелких животных. Было 4 часа, когда мы пришли к большому открытому месту с поваленными деревьями, где виднелись банановые деревья и две-три крыши. Опять пришлось путешествовать по стволам. Первая хижина оказалась пустой. Направились к другой. На полдороге мои спутники предложили мне подождать немного, потому что здесь живут оран-лиар (дикие, избегающие сношений с другими людьми) и, если я покажусь первый, они постараются убежать. Я согласился и, опереженный моими людьми, приблизился к хижине, где они, уже сложив ноши, грызли и жевали сахарный тростник. На мой вопрос, есть ли люди, мне показали на перегородку, за которой была небольшая комната. Войдя, я увидел группу сидящих, прижавшихся один к другому людей; все лица были или закрыты, или обращены к стене. Группа состояла из трех женщин и пяти детей. Несмотря на их очевидный страх, я подошел к ним. Они боялись, ежились и жались. — «Дянган такут!» — сказал я, обращаясь к одной женщине. Испуганная, она дрожащим голосом повторила мои слова. Я сказал ей еще что-то, что она тоже по-

вторила. Другая женщина сделала то же самое. Но мое наблюдение этого странного влияния страха было прервано, когда я увидал голову с папуасскими волосами. Это было неожиданное открытие, но которое я желал сделать, предпринимая эту экскурсию. Действительно, посмотрев ближе, я увидел совершенно папуасские волосы. Мне не терпелось рассмотреть поближе этот экземпляр. Для этого лучшее средство — рисовать портрет. Приготовив все для рисования, я отправился за интересным объектом — недурненькою молодою женщиной, менее двадцати лет. Она так боялась, что не решилась встать и, пугливо оглядываясь на нас, сейчас же отворачивалась. Я позвал Баду, к которому она сейчас же прижалась. Прижимаясь к нему, она встала и дошла до места, где я ее нарисовал. Портрет вышел удачным. Она была немногим темнее малайцев, но имела очень характерные волосы. Ее ребенок так кричал, что я должен был отправить его к другим женщинам, где он продолжал свой концерт. Ее муж, как и остальные мужчины, отправился в лес за гутаперчей. Я смерил ее голову — 13.5 и 16.7. Большая шапка волос увеличила цифры. Измеряя ее рост и обхват, я мог разглядеть ее фигуру. Она была мала ростом — 1,38 м, имела небольшие, несколько конические груди, очень широкий зад, который значительно выдавался, тонкие икры, подмышками было много волос. Я взял пробу ее волос и подарил ей, к значительной ее радости, 20 центов. На мой вопрос о ее имени, она очень невнятно сказала, хотя повторила два раза, слово, которое я принял за «Дунгинла», но спутники уверяли меня, что ее зовут «Лунгин». Я заметил, что оран-утан ко многим словам прибавляют «ла». Ее ребенок имел гладкие волосы, как и другие дети, у двоих они были немного курчавы, у одного не черные, а с каштановым оттенком; грудные дети были замечательно светлы.

Рис. 22. Лунгин-ла — женщина оран-лиар, лет восемнадцати, из селения Леба.

8 января
Леба

Отсюда дороги нет. Надо отправляться далее по речке, но и пирог нет; пришлось послать за большою пирогой, могущею вместить всех нас с багажом, в соседнее селение. Сегодня на рассвете два человека

отправились за нею, должны вернуться сегодня вечером. Вчера концерт детей сильно надоел мне. Голос детей положительно неприятен! Хорошо, что я сделал портрет той женщины вчера. Сегодня с рассветом все женщины исчезли.

— Такут! — объяснили мне мои люди. — Оран-лиар! — прибавили они. — Пиги чори макан.

Вчера и сегодня вел длинные разговоры с Баду о диких племенах Иохора. Узнал от него, что их называют оран-утан, а они сами называют себя оран-далам, что, когда вводили ислам, жители малайцы убежали в горы, питались скверно и сделались оран-утан.

Оран-якун называют оран-лиар тех, которые не хотят входить в сношения с малайцами, но они собственно малайцы и очень отличны от оран-текан [или оран-панган (?)], которых большое число живет в Пахане около речки того же имени. Они имеют курчавые (?), другие, чем у малайцев, волосы, пробуравливают носовую перегородку (мужчины и женщины) и татуируются — делают на щеках и на теле надрезы («маен-маен» — прибавил Баду). Они не едят риса, не употребляют соли, не обрабатывают почвы и не строят хижин, а спят около огней. Малайцы их боятся, потому что часто они отделываются от навязчивых ядовитыми стрелами. Говорят, что у людей некоторых из этих племен громадные ноги. Их не видали, но видели (Баду также видел собственными глазами) следы их ступней. Длина ступни у них, по его уверению, была не короче, как от локтя до пальцев. Он мне назвал человека из дер. Инки (Пахан) — Чиали, который хорошо знаком почти со всеми этими племенами и может служить проводником.

Река Текам в пятидневном расстоянии от столицы Пахана. У людей Текама есть обычай возвещать приближение друга, ударяя палкой по стволам. Из Пахана можно пройти в Малакку. Целый день прождал пирогу, писал, хандрил и лежал, чувствуя себя нехорошо, хотя пароксизм был умеренный; не принял хины, потому что ее остается у меня на один только прием, а дней 8 странствования еще впереди. Люди спали и грызли сахарный тростник.

Посланные два человека вернулись с известием, что большой пироги нет. Придется отправиться завтра в Пангут в очень маленькой. Багаж люди принесут окольными дорогами.

9 января

Узкая (не более полуметра ширины) пирога могла вместить только трех: меня, Баду и еще одного малайца. Надо было рассчитывать каждое движение, чтобы соблюсти равновесие. Речка была узка и подчас очень запружена повалившимися стволами, которые образовали пороги, низкие ворота, иногда высокие заборы зелени, через которые приходилось прорубать настоящие коридоры, рубя стволы, ветви, лианы, и затем протаскивать пирогу через стволы, что было не очень тяжело; даже когда я оставался в ней, пирогу могли удобно перетащить два моих малайца. Под стволами приходилось часто проезжать, нагибая голову до колен. На каждом шагу надо было остерегаться *Calamus* и других колючих растений. Эти удовольствия я испытывал сегодня в течение почти шести часов. Я думал, что они кончились, когда мы въехали в широкую р. Индау, в которую впадала речка Леба, но и она скоро разделилась на множество узких рукавов; затем мы въехали в еще более узкую речонку Ойя, на которой находилось селение Пангут. Там, где

*

речка Леба впадает в Индау, находился очень небольшой островок зелени (2 кв. м). Это место с давнишних пор для малайцев — батукрамат. Почему это место священно, мои спутники не умели объяснить; они сказали только, что это место уже давно крамат, и, проезжая, сделали салам. Большая, когда-то белая тряпка была повешена на куст, росший на островке, — жертва или знак?

Рис. 23. Тете — женщина оран-утан, лет двадцати (профиль и фас).

Около часу пополудни причалили мы к пню, где начиналась тропинка, которая вела к просвету в лесу. Пришлось опять карабкаться по пням и стволам, под палящим солнцем, итти плантациями, т. е. по большому пространству, где между множеством обрубленных наполовину, поваленных и обгорелых, лежащих на земле стволов громадных деревьев посажены вперемежку уби-каю, бананы, каладиум, сахарный тростник. Пришли к большой стоящей на высоких столбах хижине, где нашли несколько женщин и детей. Одна женщина и два ребенка лежали больные лихорадкой. К большому моему удовольствию все трое имели курчавые волосы, несомненно, папуасской помеси. Съев несколько бананов и обещав лекарство больным, я отправился к другой, еще большей хижине, где нашел много людей и опять встретил таких, которых habitus указывает на давнишнее смешение (и Rückschlag), хотя

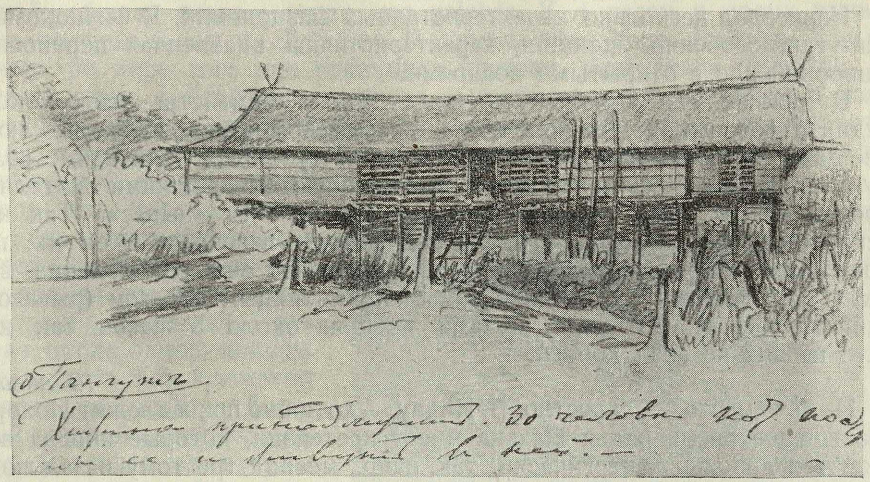

Рис. 24. Хижина оран-утан в селении Пангут, в которой жило тридцать человек.

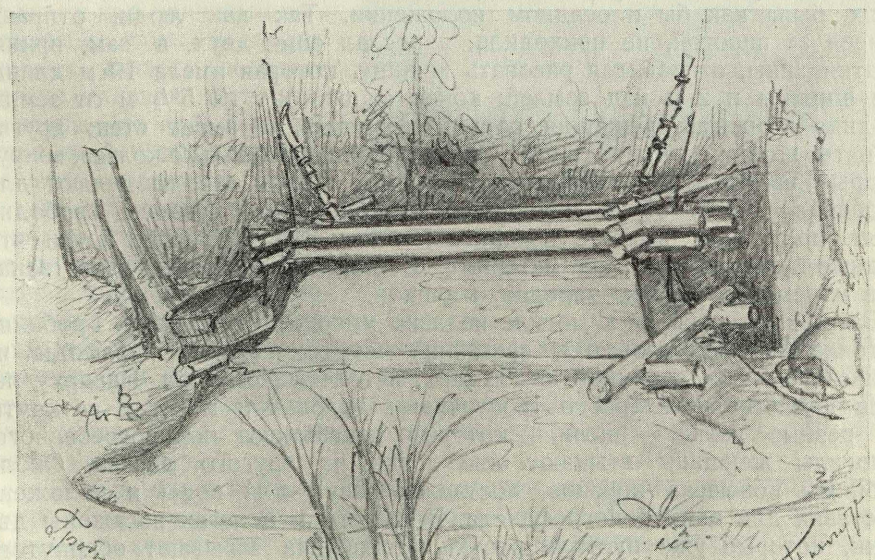

Рис. 25. Мужская могила оран-утан в селении Пангут.

они начинают вследствие скрещения и принятия обычаев делаться или опять становиться малайцами.

Нарисовал несколько характеристичных физиономий. В физиономиях оран-утан, особенно, женщин, характеристичны вдавленная переносица и широкий нос с открытыми ноздрями.

В хижине, где я нахожусь, живет много семейств, всего около тридцати человек, помещающихся в восьми комнатах. Так как люди с вещами не приходили, то я прибегнул к туземным кушаньям: каладиуму и уби-каю. Из последнего приготовляются здешними жителями довольно безвкусные лепешки, которые называются «лыпес». Так как бисквитов у меня нет, то я прибегнул к этим лепешкам и ел их, посыпая солью или сахаром. Туземцы приготовляют еще род леденца, выжимая сок сахарного тростника самым примитивным образом (рычагом) и кипятя сок. Мои люди с вещами пришли около 5 часов, так как никто из них не знал дороги.

10 января

На это место, — окрестности Индау, — хотя оно принадлежит Иохору, в настоящее время радья Пахана имеет претензии, которые иногда выражаются довольно энергически; так, напр., месяца три тому назад люди Пахана застрелили чиновника махарадьи в его доме. Так как еще никто его не заменил, оран-утан боятся. Торговля приостановилась и сношения между населенными местами также. Мне приходится ждать, так как не могу найти здесь пироги и должен послать за нею далеко, в Лундан (деревня убитого).

Ночью визг детей разбудил меня. Я встал и, подойдя к открытой двери, любовался прекрасным лунным небом. На ночь лестница была из предосторожности убрана, так что хижина, стоящая на высоких сваях, была как бы в осадном положении. Так как люди, отправившиеся за пирогой, не приходили, я послал еще двух, а сам, приняв остатки хины, отправился рисовать хижину, которая имела 19 м длины, 7 м ширины и 2 м над землей; конек ее отстоит на $5^1/_2$ м от земли. Средняя комната, служащая общей комнатой, не имеет стен; другие комнаты имеют стены из коры. Около хижины несколько кольев, вокруг которых вьется сири. Нет никакой тропы. Пни и стволы делают для европейца ходьбу очень неудобною, но босоногие туземцы свободно ходят по самым высоко лежащим гладким стволам, даже почти что грудные дети следуют за матерями. В каждой комнате — очаг, запас дров и немного утвари: тарелок, горшков.

Затем я отправился к могиле недавно умершего оран-утан. Гробница состояла из продолговатой, срезанной четырехугольной пирамиды из глинистого песка, с рамкой из гладких, нетолстых стволов. Наверху лежали два ствола сахарного тростника; в головах и в ногах воткнуты две резные палки, — нисан, — которые показывают пол погребенного. В могилы женщины втыкают две доски из другого дерева. Около гробницы повешена корзина, поставлен сосуд для воды и положена подставка для даммарового факела. В головах и в ногах посажены две палки, которые уже пустили ростки. Покойника зарывают обернутого каином.

Было около 11 часов, когда люди, наконец, вернулись с двумя небольшими пирогами, но с нехорошими известиями. Люди Пахана угрожают напасть на Индау, и окрестные жители разбежались. Не без громкого, серьезного разговора убедил я их, что белому туану нечего бояться раздоров малайцев, как и людям, которые будут с ним. По

жаре пришли мы в час пополудни к пирогам. Ничего не ев с утра, я положительно боялся солнечного удара. Пришлось поделиться с людьми хиной: обещал вчера — tengo una palabra. К 4 часам к моему удивлению подъехали мы к Лундану. Я думал, что сюда гораздо дальше. Речка, по мере того как принимала притоки, переменяла названия. Растительность, освещенная солнцем, проникавшим по временам в узкий зеленый коридор, по которому мы плыли, была очень разнообразна. Саба, мынтара (титул), меня сопровождающий, молодой оран-утан, провел меня по головоломной тропе или, вернее, мосту из поваленных стволов к своей хижине, которая стояла на высоких сваях (метра $2^1/_2$ от земли). Проходя около одной хижины (всех было три), я заметил голову девушки с большой шапкой вьющихся волос. Я сейчас же пригласил всех жителей хижины (одна бы девушка не пошла) последовать за мною. В хижине мынтары я нашел целое собрание, — было много курчавых голов. Одна мне сейчас же бросилась в глаза миловидностью и приятным выражением лица. Я сперва не мог сказать положительно, мальчик ли это или девочка. Но немного застенчивый, хотя не глупый, взгляд и перемена выражения лица, когда он (или она) увидал, что я обратил на него (или на нее) внимание, доказали, что это девочка. Я собрал всех жителей, начал мерить и рассматривать их. Жаль, что для представления мне эти люди старались одеться. Мынтара представил мне своего старого отца, который мне сказал, что он в родстве с махарадьей и радьями Иохор-Лама, и жену, довольно красивую женщину, лет около двадцати четырех.

Рис. 26. Мкаль — девочка оран-утан, лет тринадцати, из селения Лобо-Лундан.

Я нарисовал портрет Мкаль, которая оказалась действительно девочкой, лет тринадцати. Как только я сказал ей, что я хочу ее нарисовать, она хотела надеть рубашку, но я во-время предупредил ее, что это не нужно. Груди еще не были развиты, только округлость сосков немного вспухла, маленькие соски были вдавлены. Видя, что я на нее часто смотрю, она вовсе перестала бояться и также смотрела на меня, даже когда я кончил, не отходила от меня, очевидно, ей нравилось, что я обращаю на нее внимание. Вечером, когда я пишу, она сидит около и смотрит. Положительно, девочки здесь рано становятся женщинами и

имеют то превосходство над европейскими, что во всех отношениях натуральнее и откровеннее. Я почти убежден, что если я ей скажу: «пойдем со мною», заплачу за нее ее родственникам, — она согласится.

11 января

Дождь. Баду жалуется на боль в ухе, в голове, говорит, что он глух (я думаю, что отчасти боится вчерашних рассказов). Мне приходится отпустить его. Скука возиться с больным или притворяющимся человеком. Мынтара тоже говорит, что не может оставить селение. Не хочу брать человека, которому очень не хочется отправиться со мною.

7 часов. Дождь продолжается, небо серо, люди больше болтают, чем делают. Я чувствую, что лихорадка не далека. Досада — нет хины. К 8 часам немного выяснило, и я отправился снова по этим чертовским подмосткам, которые были мокры и скользки. Я должен был иногда хвататься за руку или плечо шедшего рядом со мною нарочно для этого мынтары. Мкаль, хотя несла ящик с провизией, и довольно тяжелый, проворно шла по тонким колеблющимся стволам и улыбалась, глядя на мое осторожное шествие. Уложив вещи в пирогу, я простился с мынтарой и его семейством. Они долго стояли на берегу и кричали «табе» и «саламат-делян». Мкаль не спускала с меня глаз. Странное дело — я бы охотно взял с собою эту девочку.

Рис. 27. Жена мынтары, метиска, лет двадцати семи.

Речка влилась скоро в большую — Лундан. Здесь находилась хижина убитого иохорского помулу, в которой теперь жил мантри (род малайского начальника над оран-утан), который должен был сопровождать меня с четырьмя оран-утан. Пятого я не взял, так как у него была лихорадка, несмотря на которую его посылали, за неимением людей, со мною. Хижина находилась в красивом местечке; река была здесь широка и растительность очень живописна; перед домом было посажено несколько кокосовых пальм, придававших еще более разнообразия пейзажу. Я вошел в хижину мантри, которая была довольно велика. Кроме большой постели, состоявшей из цыновок, постланных на полу, с большим балдахином от москитов и очага с некоторою посудой, ничего не было. Жена мантри вышла, чтобы нести за мужем кое-какие вещи. Он отправлялся на несколько дней, люди были не старые, и меня удивило немного их прощание — он почти не оглянулся, взяв вещи. Ни слова не было сказано между ними. Она, раз быстро оглянувшись в нашу сторону, пошла домой.

Речка скоро сузилась, потом снова расширилась и почти при каждом впадении какой-нибудь речки, каком-нибудь расширении, при

повороте имела другое название. В 11 часов мы подъехали к месту, где находился в некотором отдалении кампонг. Позавтракав, я решил пойти туда, хотя меня предупреждали, что дорога нехороша. Она действительно была очень скверна — болото и пни. Кроме того пошел проливной дождь. Пришли, наконец, к хижине батена, который принял меня очень любезно. Я попросил собрать всех жителей, что вскоре было исполнено, — все население собралось. Оран-утан менее избегают показывать чужестранцам своих женщин. Дождь перестал не надолго, и я отправился назад к пироге, с курицей и бананами. Речка то расширялась, то, образуя много рукавов, суживалась до того, что небольшая пирога едва могла пройти. Приходилось прорубать коридор в зеленых заборах, образованных повалившимися деревьями. В 3 часа мы проезжали мимо большой населенной хижины, где мне предложили провести ночь. Я отказался. По берегам показались холмы. Дождь, иногда очень сильный, надоедал несколько раз. В шестом часу мы приехали к покинутой хижине. Промокший и голодный, я рад был этому особенно вследствие того, что все время в пироге нельзя было переменить положение. Около самой хижины находились две могилы. Может быть, поэтому хижина и была покинута. В одной из могил была погребена женщина. Могилы здесь, как я уже сказал выше, различны, смотря по полу погребенного. Здесь была доска, а не резная палка. В головах (на восток) был другой нисан, как и в ногах. Оба нисана были разрисованы. На могиле стояла чашка. Кругом могилы был забор из бамбука, и кроме того она была снабжена крышей из коры. Покойника здесь хоронят в день смерти, покрывая его каином, оставляя голову и ноги открытыми, в лежачем положении.

Рис. 28. Могила женщины оран-утан.

Множество громадных комаров не позволило мне писать вечером и мешало спать. Мои люди забрали все, что могли найти в покинутой хижине.

12 января

Утром человек, посланный за водой, вернулся с новостью, что пирога унесена течением, но ее, к счастью, словили недалеко. Пока люди искали ее, я занялся рисованием могил. Проехав немного, мы увидали покинутые хижины и плантации; около одного такого места было причалено прау с некоторой поклажей. Все доказывало, что люди на очень короткое время покинули ее. Мои люди уверяли, что мой выстрел утром, вероятно, напугал жителей, и без того напуганных военным положением, оттого они убежали и не отвечают на наши повторные зовы.

Немного далее услыхали мы удары топора — рубили дерево в лесу. Я приказал остановиться и крикнуть. Не было ответа, но удары прекратились. Я послал человека, он вернулся со стариком, который уверял меня, что не боится, что стар. Он был очень глух и рассказывал, что много людей забрали, но его не к чему брать — стар, не может работать. Его товарищ убежал, заслыша наши зовы. Скоро мне пришлось испытать другое следствие военного положения. Мы остановились перед громадною баррикадой зелени. Два очень толстых дерева и несколько малых со множеством лиан и т. п. запрудили так речку, что и думать нельзя было прорубиться. Мантри предпочел протащить пирогу по берегу, что стоило немало труда, — рубить стволы, лианы, тащить пирогу. На мою долю пришлось прорубить себе тропинку и прогуляться по болоту. Так как пирога была слишом мала, чтобы спать в ней, я приказал в 4 часа искать сухого места на берегу. Около холма Панкаман-букит нашлось такое. Я приказал построить высокое бали-бали, затем, постлав одно каучуковое одеяло, другое приспособив в виде крыши, устроил себе помещение на ночь. Внизу могли лежать мои вещи, и даже я мог сидеть. Люди оран-утан устроили себе неподалеку «пондо» из кадьяна пироги и постлали на несколько срубленных ветвей цыновки на ночь. Когда стемнело, группа, расположенная у костров, окрестность, освещенная молодым месяцем, с быстрою рекой и разнообразной растительностью, были очень живописны. Но комары, голодные и многочисленные, часто будили меня. Ночью я должен был будить людей, чтобы поправлять огонь.

13 января

В 2 часа ночи вода в реке поднялась (прилив), и мои люди должны были переместить свое пондо, перенеся его выше. Ночью несколько раз лил очень сильный дождь. Утром он также мешал мне сделать эскиз моего бивуака. Все утро, пока мы не добрались до рума-пасон Квала-Индау, дождь не переставал.

Рума-пасон представляла собою стоявшую в воде хижину, построенную на сваях при впадении р. Кахан в Индау. Две высокие лестницы вели к большой веранде, пол которой состоял из круглых необтесанных бревен, на ней находилась пушка. Я вошел в хижину, которая оказалась небольшою казармой. Посредине, вокруг стойки, стояли старые английские ружья, одну половину хижины занимали невысокие нары, отгороженные цыновками, на другой половине валялись на грязных цыновках человек восемь, которые оказались солдатами этой крепости. Я спросил начальника. Довольно молодой малаец с энергичным лицом представился как «капала». Я ему объяснил, что у меня письмо махарадьи и что я отправляюсь к морю, в Индау, затем вернусь сюда, чтобы отправиться через Иохор-Лама в Иохор-Бару, что мне надо людей и праү, и я надеюсь, что он все устроит.

Прочтя письмо махарадьи, он отвечал на все «боле». Я попросил его дать, не откладывая, риса моим спутникам, оран-утан, которые дрожали от холода (шел проливной дождь) у дверей, не решаясь войти, боясь малайцев, и сказал им, чтобы они приблизились к огню. Пока одну половину нар (другая, отгороженная цыновками, оказалась комнатой начальника) освобождали от вещей, завешивали моим каучуковым одеялом и приготовляли мне помещение, я спросил моего нового знакомого, знает ли он человека, которому адресовано письмо, данное мне инчи Андой. Оказалось, что он и есть это лицо. Я ему рассказал о ви-

денном и слышанном, о войне, и прибавил, что мы мало надеялись застать кого-либо в рума-пасон. От него я узнал, что, действительно, люди Пахана говорят, что не оставят эту рума-пасон, так как махарадье иохорскому принадлежит правый берег р. Индау, а рума-пасон стоит на левом берегу, который принадлежит Пахану. На самом деле они называют нарочно р. Кахан (или Сомброн, как ее здесь называют) — Индау, против чего возражают иохорцы. Я знаю только, что, когда плыл по р. Кахан, я ни разу не слыхал от оран-утан, что это Индау.

Гарнизон рума-пасон состоит всего из тринадцати человек, и начальник уверял меня, что их всех перебьют, если дойдет дело до схватки. Далее я узнал от него, что хотя он сам никогда не пользовался этим путем, но знает, что отсюда можно добраться до Иохор-Бару дней в пять по рекам Сомброн, Кахан и Маде, затем один день ходьбы пешком до Иохор-Лама. По Индау живет много оран-утан, и, поднявшись по реке, можно дойти до высокой горы Улу-Индау.

Так как в этот день я, за неимением риса, кроме пяти испеченных неспелых маленьких бананов, ничего не ел, то позавтракал с большим аппетитом.

Устраиваясь в своем помещении, я встал так, что хорошо мог видеть через перегородку из цыновок внутренность комнаты Майман-Али, большую часть которой занимала постель, закрытая большим кламбу. Майман-Али не было, и из-за занавески выглянула, к большому моему удивлению, женская головка. Я вспомнил, что он мне говорил, что хотя он только три месяца здесь, но уже успел жениться. Несколько раз, пока мужа не было, молодая женщина выглядывала из-за занавески и посматривала на меня.

Почти весь день шел дождь.

14 января

Плавание по р. Индау. Широкая и быстрая река представляет мало разнообразия, исключая двух или трех холмов на правом берегу. Около одного из них, Букит-Тана-Хабат, находятся оставленные оловянные копи, около другого — Букит-Иора — оставленная иохорская рума-пасон. Правый берег (иохорский) почти не населен: люди, боясь паханцев, оставили даже свои плантации и хижины; на левом берегу, начиная от селения Рантау-Пандья, почти везде видны хижины, около которых посажены кокосовые и арековые пальмы, сахарный тростник, рис, бананы. Несколько раз шел проливной дождь, и кадьян протекал так, что писать почти нельзя было.

Я приказал остановиться около хижины денана паханского, попросить или купить молодых кокосов. Мне сперва сказали, что его нет дома; я уже думал отправиться далее, когда вышел из хижины старик, который, почтительно, немного боязливо, кланяясь, просил зайти к нему. Я отказался, потому что тропинка была очень грязна, но пригласил его к себе в пирогу. Он с любопытством расспрашивал, откуда, куда и зачем я направляюсь. Я нарочно принял очень серьезный вид и, показывая ему свои инструменты (компас, анероид, термометр) и записную книгу, сказал, что путешествую, чтобы видеть людей, животных, растения, чтобы видеть горы, как они высоки, реки, где и как текут. Прибавил, что знаю, где р. Индау и где р. Кахан (спорный вопрос) и что ни один человек не называет эти реки одним и тем же именем, кроме людей Пахана. Очень поучительным тоном прибавил еще, что люди Пахана затеяли нехорошее дело, что вследствие этого все оран-утан

разбежались, боятся. Мои люди были очень довольны, видя, как физиономия старика вытянулась. Принимая меня за агента сингапурского губернатора, он стал меня уверять, что люди Пахана и не думают о войне и т. д. Но что люди не совсем спокойны, это доказали мне мои остановки в паханских селениях; везде встречали меня толпы людей, вооруженных крисами, парангами; на мои вопросы очень неохотно отвечали и поглядывали очень подозрительно. По берегам росло много ниповых пальм, попадались также саговые, по мере приближения к устью растительность становилась однообразнее. Стали преобладать мангровы. Противный ветер и прилив очень замедляли плавание, так что только в шестом часу, после 11-часового плавания, я пристал к рума-пасон и увидал море, с белой линией прибоя, который в течение почти шести месяцев препятствует входу и выходу прау.

Меня встретили Хаджи Лати, отец и сын, и я отправился к рума-пасон, внутренность которой далеко не соответствовала моим ожиданиям и словам моих спутников, говоривших мне о столах, стульях и лампах. Кроме хромого кресла и скамьи, в ней ничего не оказалось. Вечером появилось множество голодных москитов, но мне принесли кламбу.

Сегодня ровно месяц, как я странствую по Иохору.

Несмотря на москитов и очень жесткий пол, иду спать, хотя только 7 часов 30 минут вечера.

15 января

Ночью раза три будили меня москиты, поэтому я решил спать вторую ночь не здесь, а в пироге. Утром отправился к устью реки, к морю. Несмотря на серое небо с нависшими облаками, оно было хорошо, даже здесь, с песчаными, покрытыми лесом, берегами, не представляющими ничего особенного, даже после богатого тропического леса. Странное дело, я боюсь утонуть, положительно боюсь воды. Вдали виднелось несколько необитаемых островов почти скрывавшихся в тумане.

Квала-Индау — небольшое селение, которого жители исключительно малайцы. Китаец, который одно время жил здесь, вернулся в Иохор, вследствие раздоров с Паханом.

Сильный ветер, который выл всю ночь, продолжается и теперь. Я мог здесь несколько пополнить свои запасы, достал сахару, чаю, кур, соли.

Хаджи Лати рассказывал мне, что год тому назад был здесь англичанин, имени которого он не знает. Этот англичанин после неудачной охоты на слона заболел, и он отвез больного в Иохор. Англичанин приехал из Бату-Пахата.

Рума-пасон здесь представляет собою очень небольшой, но довольно хорошо построенный из досок домик, состоящий из двух этажей; верхний состоит из большой проходной веранды, открывающейся на обе стороны, и двух небольших комнат.

В 3 часа я отправился, пройдя очень короткою тропинкой, прямо в Падан и тем избежал более чем часового плавания. На этот раз пирога была гораздо больше — на 6 гребцов, — хотя мне не было удобнее: пирога была очень валка, при малейшем нарушении равновесия она сильно качалась. Около 5 часов вдали показались на минуту высокие горы или, вернее, холмы Индау. Я заехал в дер. Пландо — резиденцию Палимы-Кичиль, виновника всех раздоров. Как и вчера, жители вышли все вооруженные. Я, не обращая внимания на их недружелюб-

ный вид, спросил саго и, пока его отмеривали и насыпали, спокойно разговаривал с толпой.

Сам Палима-Кичиль не хотел или не смел показаться. По рассказам, этот человек, которого здесь все, иохорцы и паханцы, очень бо-

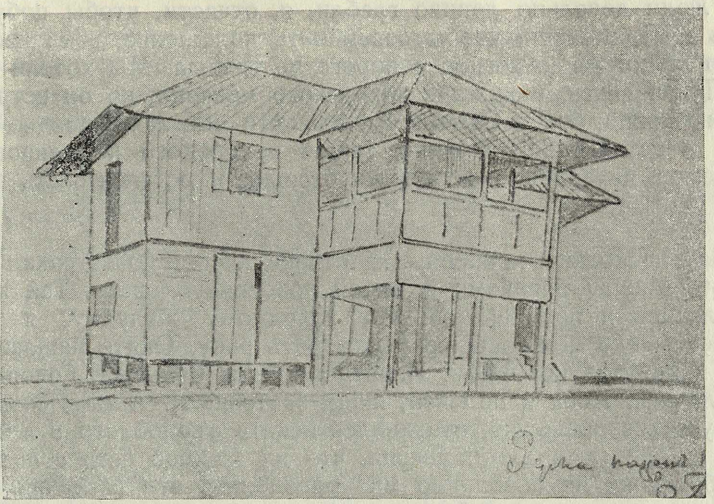

Рис. 29. Рума-пасон Квала-Индау.

ятся, очень некрасив, даже урод, и хотя он не начальник, но, будучи человеком энергичным, действует смело и решительно; он убил или по его поручению были убиты два иохорских начальника. Оран-утан большею частью привлечены им на сторону Пахана и переселились туда;

Рис. 30. Рума-пасон.

те, кто не хотел его слушать, были убиты; в Пахане, говорят, это очень в моде, радья рубит часто и многим головы.

По странному стечению обстоятельств, оба человека, которые сопровождали меня вчера и сегодня, без меня или, вернее, не сопровождая белого туана, не могли бы показаться здесь, не рискуя жизнью. Вчера со мною был перебежчик, который прежде жил в Пахане, а те-

перь служит махарадье; сегодня — один иохорец, которого уже раз хотели убить, но он спасся. Здесь уже не раз и даже недавно испытали силу белых и их боятся.

Саго, которого здесь много едят, было желтое, но недорогое. Заплатив 10 центов, мы отправились. Была великолепная лунная ночь, и, так как люди довольно лениво гребли, я, отчасти, чтобы побудить их ускорить темп, отчасти, чтобы переменить положение, взял весло. Грести было легко: весло легкое и пирога не тяжела. Мы хотели провести ночь в Дусун-Тинги, в хижине иохорского малайца, но он встретил нас так неприязненно, боясь Палимы-Кичиль, что мои люди предпочли переночевать в оставленной хижине, также иохорского подданного, который, опасаясь паханцев, переселился отсюда. Я остался спать в пироге.

16 января

Забрав несколько кокосов, мы отправились. Я позавтракал à la mode de la Côte Maclay бананами и водой кокосового ореха. Так как люди гребли лениво и приписывали это голодному желудку, я приказал искать места, где можно было бы сварить рису. Опять нашлась пустая хижина, покинутая иохорцем. Плантация была большая. Говорят, земля здесь отличная. Пока я пил чай, люди завтракали. Ахмат, сохранивший свои папуасские привычки, отправился искать съедобного в лесу и вернулся с разными листьями, уверяя, что их хорошо есть с солью. Мое знание ботаники не позволило мне определить эти растения, но я их попробовал и нашел их действительно вкусом не хуже растений, употребляемых европейцами в пищу. Я часто на Новой Гвинее удивлялся количеству растений, листья и цветы которых едят люди.

Проезжая мимо еще одной покинутой рума-пасон, около холма Иора, я хотел нарисовать вид этого и соседнего холмов, но оказалось, что плантация, хотя она только года три тому назад покинута, так заросла частым кустарником, что я должен был отказаться от намерения прорубить тропинку, достаточно длинную, чтобы можно было нарисовать вид, который закрывала непроходимая зелень. Отказавшись от этого, я приказал остановиться около Тампат Крамат на Тандьон-Туан, который считается таким святым, что даже из Сингапура приходят сюда малайцы молиться, когда хотят предпринять что-нибудь или когда их предприятие кончается успешно. На расчищенном месте около небольшого дерева было воткнуто в землю множество палок, на концах которых висели длинные тряпки, другие тряпки висели на дереве. На земле были видны следы частых посещений, и Дюбусу сказал мне, что приходящие едят здесь. На земле валялись кости козленка, кокосовые скорлупы. Я заметил также два камня. Дюбусу сказал мне, что это две могилы, но чьи — неизвестно; даже самые старые люди говорят, что они от самых старых людей не слыхали, кто здесь погребен, но что издавна это место «крамат». Дюбусу также сделал «табе» этому крамат, прося себе счастливого возвращения. Он мне сказал, что здесь в реке водится много больших зверей (крокодилы?), но что они не причиняют вреда людям, что они как бы стерегут это место.

Около 3 часов показалась рума-пасон Квала-Сомброн, сегодня, по случаю моего приезда, с развевающимся красным флагом. Место выбрано очень удобное. Я решил остаться переночевать здесь, так как люди устали, надо было переменить яло, я хотел нарисовать вид окрестности и к тому же, не евши ничего с утра, исключая бананов, кокосов и чая, был голоден.

Здесь я встретил очень развитого оран-утан, который сопровождал вышеупомянутого англичанина, охотника на слонов, из Бату-Пахат сюда. Я его спросил о языке; он сперва сказал, что у них другой язык, но не умел сказать мне ни одного слова не малайского.

17 января

Спал очень хорошо и утром к чаю был встречен Ахматом, который вчера вечером, когда я спал, испек мне довольно вкусный пирог из саго и натертых кокосовых орехов. Не знал его кулинарных способностей. Нарисовал Касием, оран-утан, о котором уже говорил, и виды

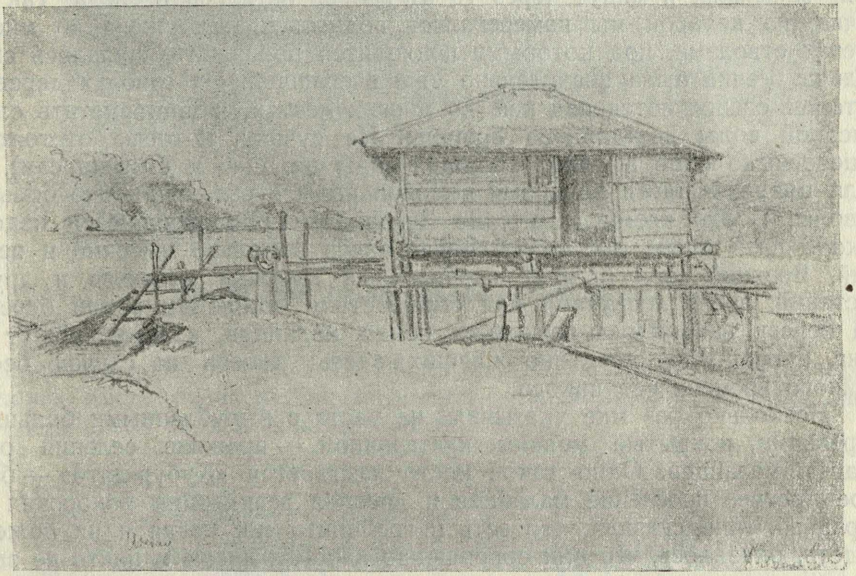

Рис. 31. Рума-пасон Квала-Сомброн.

обеих рек — Кахан и Индау. По берегу — пояс пандanусов. Холм Тина-Хабан изобилует свинцом, который уже один раз начинали разрабатывать.

Странное здесь положение женщины, одной среди стольких мужчин. Я думаю, в Европе это было бы невозможно, но ислам или старинные обычаи малайцев ограждают мужа от конкуренции.

Мохамед-Али, Касием и еще другие желают сопровождать меня в Пахан. Вообще замечаю, что европейцы здесь пользуются большим уважением и о них более высокого мнения, чем в голландских колониях; может быть, вследствие разницы голландского и английского характера, может быть, потому, что европейцев здесь меньше знают.

Вчера мои люди были чересчур веселы, хохотали, громко кричали, так что я сказал Дюбасу, малайцу, который меня сопровождает в качестве главы людей, что я подобного шума не желаю; вследствие этого, когда я сошел в яло, люди очень притихли.

Хотя было шесть гребцов, мы подвигались вдвое медленнее, чем когда спускались по реке, имея только троих. Я решил остаться ночевать в пустой хижине, которую заметил на пути из Лундана в Индау.

Мы достигли ее только с наступлением темноты, но лунный свет был совершенно достаточен, чтобы поужинать и устроить ночлег. Я остался в яло, завесив обе стороны от ночного ветра и сырости. Люди отправились спать в пустой сарай, служивший прежде людям, которые резали и сушили ротанг.

18 января

Разбудив людей около 5 часов, я сказал им, что отправлюсь в 6 часов.

Вследствие неосторожности, или это было сделано нарочно, огонь костра, который ночью горел под навесом, перекинулся на крышу; она вмиг запылала, и минут через 10 от нее не осталось и следа. Так как речка, по которой мы намеревались подняться, запружена во многих местах стволами, под которыми приходится проезжать, пришлось снять кадьян. Речка была значительно уже вчерашней. На стволах деревьев, которые свешиваются над нею во многих местах, я мог заметить следы высокой воды дождливого времени. На сучьях, которые отстоят от теперешнего (еще высокого) уровня воды на 5—6 м (смерил сам), висели прицепившиеся во время высокой воды сучья, или даже большие стволы. В это время (в месяце Зулькада), продолжающееся недолго (около пяти дней), лес залит. Берег здесь довольно высокий и песчаный. Верхний слой (гумус), скрепленный корнями деревьев и других растений, висит лоскутами над обрывистым, подрытым водой берегом. На берегу находилось несколько пондо малайцев, которые режут ротанг, и оран-утан, временно живших здесь; теперь по случаю беспокойного времени нет никого.

Несколько раз мне указывали на места с вырубленными большими деревьями, покрытые мелким кустарником, — прежние селения оран-утан и малайцев. Одно такое место называется «Кубур-дато» — большое древнее поселение малайцев и древняя резиденция иохорских махарадьей. Мне сказали, что есть и гробницы, но, когда я их пожелал видеть, оказалось, что они совершенно заросли лесом и никто не знает дороги.

Речка Кахан разделяется на два рукава — Кахан и Маде, и хотя кампонг, куда мы направлялись, лежал на р. Маде, мы продолжали путь по р. Кахан, которая стала еще уже, но она все же предпочитается Маде, почти совершенно запруженной стволами. Из Кахана мы выехали в ручьеобразный рукав Кахан-Кудон, который был не шире 4 м и в некоторых местах еще уже, при $^3/_4$ м глубины. Наш довольно большой яло еле-еле мог пробраться через узкий пролив. Особенно были несносны колючие хвосты *Calamus*, который, однако, составляет значительное богатство этой страны, хотя он не может сравниться по значению с ее минеральными богатствами. Здесь в торговле различают три рода ротанга. Ротан-тавир — очень гибкий, у которого длина доходит до 40 дена; ротан-смамбу, из которого делаются палки, копья, крепкий и довольно толстый, и еще один, которого названия не помню.

Из Кахан-Кудон мы въехали, наконец, в р. Маде, которая так же широка, как и Кахан. Проехав оставленные три хижины оран-утан, которые были сравнительно довольно тщательно построены, мы встретили прау, нагруженное мужчинами и женщинами. Мне сказали мои люди, что хорошо было бы, если бы я им приказал вернуться в кампонг, а то мне долго придется ждать людей. Я это сделал, и пирога вернулась, следуя за нашею, в кампонг. Батен недавно, боясь Палимы,

перешел на сторону Пахана. Я нашел три хижины, довольно хорошо построенные, и, позвав денана (нового начальника), приказал ему, чтобы как можно скорее был яло и человек 5—6 для дальнейшего пути. В этом селении живет китаец, который женился на женщине оран-утан.

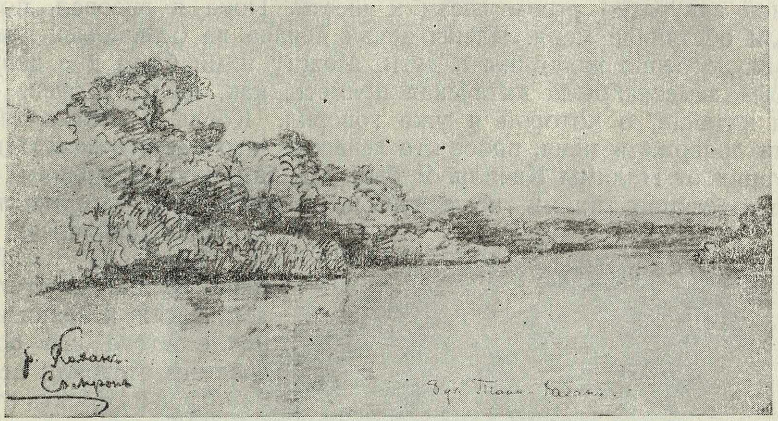

Рис. 32. Река Кахан-Сомброн. Букит-Тана-Хабан.

Я приказал позвать всех жителей, которых оказалось немного. Несколько человек имело очень кудрявые волосы, все были малы ростом; жена китайца очень бела и довольно миловидна.

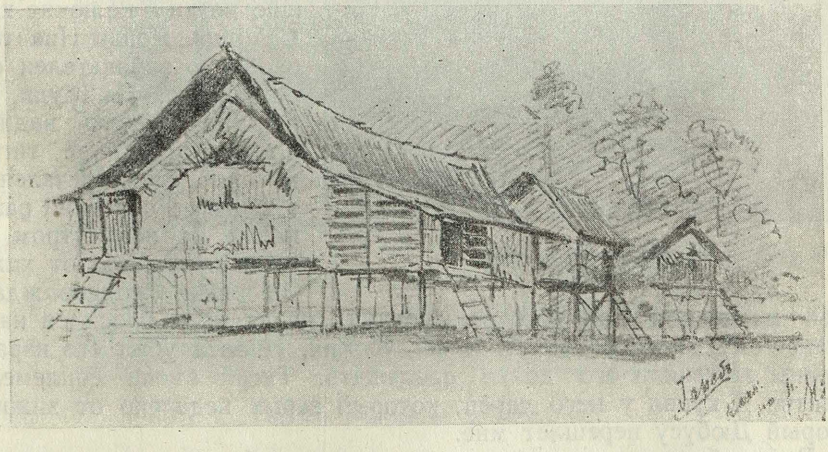

Рис. 33. Гареб. Кампонг на р. Маде.

Хотя ей было не более семнадцати-восемнадцати лет, у нее было много седых волос.

Отсюда, говорят, пешеходной дороги нет, надо отправиться опять вверх по речке в маленькой пироге.

Говорят, пути — два дня по речке и два пешком.

Вечером — великолепный лунный свет.

19 января
Маде

Голова болит, может быть, вследствие дыма, которым пришлось наполнить хижину, чтобы избавиться от комаров, вчера вечером. Люди явились аккуратно утром часам к шести. Пока я рисовал, почти все жители обступили меня. Члены семьи денана не отличались красивыми лицами, особенно женщины и дети. Между ними были две девушки, в которых заметна была китайская примесь, как, напр., у очень светлой жены китайца, о которой я уже говорил. Когда я отправлялся, все вышли провожать меня, прося кто лекарств, кто сказать махарадье об их бедствиях от Палимы Кичиль. Я был рад заменить говорливых и шумливых малайцев тихими, но деятельными оран-утан, которых ловкости я часто удивлялся.

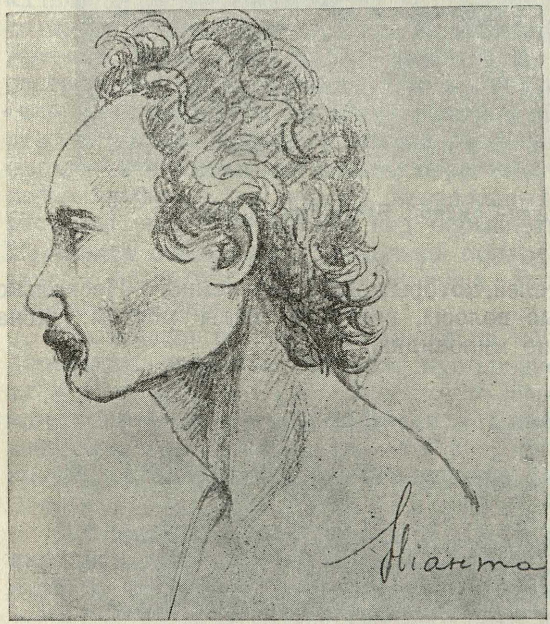

Рис. 34. Денан Нианта.

Довольно узкий, очень плоский яло вместил 9 человек, багаж и провизию, хотя после этого его борта посредине отстояли всего сантиметров на десять от уровня воды. Так как воды в речке было немного, то приходилось толкать яло шестами, что делали с большим искусством двое оран-утан. При этом надо было не только соблюдать равновесие, но также часто обрубать нависшие ветви и колючие хвосты *Calamus*. Денан Нианта был особенно замечателен своею ловкостью. На груди, спине и лице у него виднелись шрамы от когтей тигра, с которым он встречался уже три раза. Последний раз тигр напал на него утром, в нескольких шагах от хижины. Он шел, сопровождаемый своей маленькой дочерью, за дровами, когда тигр бросился на него и нанес ему много ран, хотя и неглубоких. Нианта убил его парангом, но раны заставили его долго пролежать. Тигра съели соплеменники Нианты. Я купил у него череп, который зарыт недалеко от хижины и который Дюбусу перешлет мне.

Речка была мелка и очень запружена заборами из повалившихся деревьев, которые приходилось прорубать, что очень замедляло плавание. Стволы, которые приходилось прорубать, были часто около $^1/_4$ м в диаметре. Для этой работы служил топор довольно странного для европейца образца, который, вероятно, сохранился от времен каменных топоров, которых существование еще помнят (Кратон), но которые теперь совершенно вывелись из употребления. Он имеет гибкую рукоятку, что, вероятно, увеличивает силу удара. Подобные топоры встречаются также на Яве, в лесных местностях.

По этому пути уже более года не проезжал ни один малаец, не говоря о европейцах, из которых здесь не был ни один. Поэтому нам приходилось расчищать дорогу. Я удивлялся работе двух оран-утан: весь день поочередно они работали то топором, то шестами.

Так как ночь надо было провести в лесу, то я остановился в 4 часа, чтобы построить пондо. Вечером шел дождь, но я поместился под своим пондо. Хотя было очень тесно, но зато сухо. Я пообедал внизу. Ахмат на ночь, хотя немного труся тигров, уместился на ящиках и, несмотря на дождь, проспал великолепно.

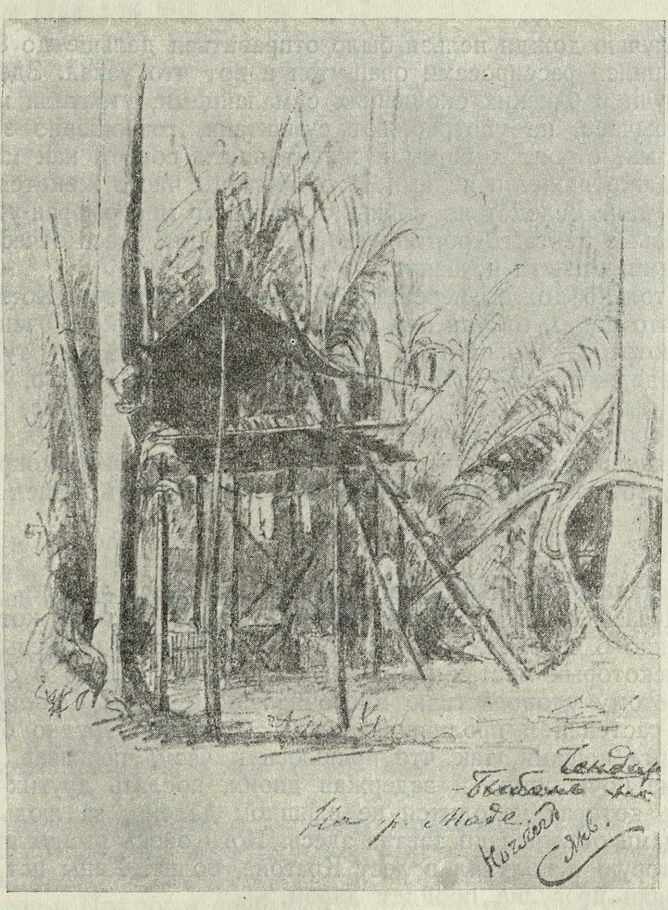

Рис. 35. Бивуак на р. Маде.

20 января

Речка еще более была запружена заборами. Тот, кто знаком с первобытным лесом, поймет, если я скажу, что, для того чтобы проехать по речке, мне приходилось прорубать дорогу для пироги, как в чаще леса; поэтому из шести часов пути нам пришлось употребить более двух с половиной на рубку. По берегам и в лесу здесь растет громадное количество... (пропуск в оригинале — *Ред.*). Туземцы различают здесь до двадцати видов, некоторые из них достигают длины 40 сажен.

*

Я наблюдал сегодня моих спутников, оран-утан, сравнивая их с Ахматом; для меня примесь папуасской крови несомненна. Эти физиономии с толстыми оттопыренными губами и плоским широким носом очень похожи были, особенно в профиль, на Ахмата, даже цвет кожи был одинаков.

Устроил сегодня очень удобную хижину, даже в два этажа. Воздушный дворец этот был построен часа в полтора, очень крепко и просто. Ночью шел проливной дождь. Думал о Л. и о музыке.

21 января

По случаю дождя нельзя было отправиться дальше до 8 часов, почему я занялся расспросами оран-утан и вот что узнал. Здешние оран-утан, будучи в близких сношениях с малайцами, утратили много своих старых обычаев, не употребляют сумпитана, совершенно забыли свой старый язык, строят хижины и живут почти совсем как малайцы; некоторые даже приняли ислам. Даже китайцы часто женятся на девушках оран-утан. Вследствие войны с Паханом много оран-утан выселилось в разные места. Вероятно, скоро это племя здесь отчасти сольется с малайцами, отчасти исчезнет.

Как только дождь перестал, я отправился далее. Хотя люди мне сказали, что место, откуда нам надо было итти пешком, очень недалеко, но мы употребили более трех часов, чтобы добраться туда, беспрестанно задерживаемые дождем и заборами. Это место, называемое «Быбан», было очень удобно, представляя песчаный мыс, окруженный с трех сторон изгибом речки.

Выглянувшее солнце и ветер позволили высушить мокрую одежду и одеяла, хотя не надолго, потому что ночью опять пошел дождь.

22 января

Переставший дождь позволил нам двинуться в путь. Трое оран-утан и малаец были очень обременены моими вещами, которые несли обыкновенно 6 человек. Лес был очень болотист; между невысокими холмами в некоторых местах приходилось итти по колено в болоте. Прибавим к этому удовольствию многочисленные шипы *Calamus* и других колючих растений и проливной дождь. Особенно трудно было людям с тяжелыми ношами, так что пришлось к часу, приказав людям построить на ночь пондо и задержав двоих, послать других в деревню оран-утан, которая находится не слишком далеко, за людьми, самому же с вещами остаться до завтра здесь. Ноги очень распухли, и рана от шипа, которую я получил в лесу Кратона, болит. Хины нет, и вряд ли сегодняшняя прогулка пройдет даром.

23 января
Мыметь

Лег вчера с заходом солнца, спал хорошо, хотя ночью несколько раз чувствовал холод, несмотря на фланелевую одежду и шерстяное одеяло.

Утром вместо риса позавтракал саго с чаем. Рис по неосмотрительности Дюбусу очень нехорош, люди вчера и сегодня перебирали его. Удивляюсь такому терпению, но для них еда — важнейшее дело.

Людей ожидаю только к полудню, но решил отправиться в деревню: чувствую пароксизм и не желаю остаться больным здесь.

24 января

Вчера люди не пришли. Я провел почти все послеполудня в ожидании их. Досадно было раскладывать уже совсем к походу готовые вещи, но, когда стало темнеть, а людей еще не было, — пришлось.

Так как днем шел несколько раз дождь, в лесу было очень сыро, и я страдал от лихорадки, то я придумал себе очень удобный при этих обстоятельствах ночлег: зашнуровал по обеим сторонам каучуковые одеяла и проспал отлично в этом каучуковом футляре. У людей вышел весь рис, хотя уже дня два, как я уступил им свою порцию. Я им приготовил сам (так как никто, кроме меня, не умел этого сделать) род полужидкого студня из саго с солью и сахаром. Затем, сделав довольно удачный портрет оран-утан Лысо с очень типичною физиономией и записав размеры его головы и лица, я приказал всем отправиться в соседнее (?) селение за провизией. Теперь сижу один и наслаждаюсь тишиной и уединением. Я сказал — тишиной, но в лесу не тихо, только нет этого назойливого, мне часто противного житейского шума и говора людей.

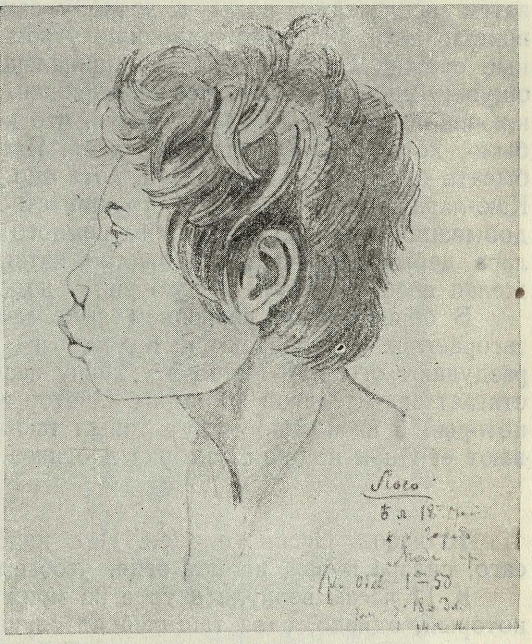

Рис. 36. Лысо, оран-утан, восемнадцати лет.

Пока я рисовал Лысо около получаса, он сидел замечательно неподвижно на корточках, с вывернутыми внутрь ступнями ног, и, чем дольше продолжался сеанс, тем более оттопыривались его губы и глаза становились уже. Цвет его кожи почти совсем сходен с цветом кожи Ахмата.

Люди здесь (оран-утан и малайцы) совершенно соглашаются со мною, когда я им говорю, что прежде у всех оран-утан волосы были такие же, как у Ахмата, но что, смешиваясь с малайцами, они получили понемногу другие волосы. При этом прибавляют, что там-то и там-то (всегда почти указывая на более дикие, обособленные племена) в Пахане (около р. Текам) по левому берегу р. Индау и в горах есть люди с такими волосами.

Мое одиночество — сегодня еще недостает и съестных припасов — напоминает мне берег Маклая, и я нахожу, что положительно чувствую себя отлично во всех отношениях при этом образе жизни. Чем долее я живу в тропических странах, тем более они мне нравятся. Лес, который меня окружает теперь, так хорош, что не только описать его не могу, но даже не могу подыскать для него подходящего прилагательного, поэтому употребляю самое обыкновенное. Несколько раз, несмотря на безветрие, я слышал сегодня падение больших деревьев в лесу, что

я уже замечал на Новой Гвинее. Деревья падают от старости, без особенных, как кажется, причин для такой катастрофы.

Сегодня в первый раз видел в лесу очень большую змею, футов двенадцати или даже более длины, в нескольких шагах от меня, но она так неожиданно выползла и потом, грациозно изгибаясь, переплыла речку и скрылась в чаще, что я не успел разглядеть ее; знаю только, что она была значительной длины и что ее движения были изящны.

Люди не вернулись к вечеру; шел проливной дождь, огонь погас. Я был голоден, но нечего было есть. Должен был, как только начало темнеть, ухитриться устроить себе помещение на ночь, чтобы не промокнуть. Было очень темно, когда я был разбужен шумом в кустах, затем всплесками воды в речке у самого пондо. Какое-то животное пришло пить. Вспомнив виденную утром большую змею и вчера виденные свежие следы тигра, я машинально вынул револьвер из чехла и ощупью удостоверился, что он заряжен. Однакоже ночью никаких приключений не было. Досадно было, что не мог развести огня: спичек не было, хотя каю-лара было не мало. Я еще не приобрел искусства добывать огонь à la orang-outan, хотя оно очень простое на первый взгляд. Каю-лара — лиана, которой тонкий ствол употребляют оран-утан для добывания огня. Высушенную, немного заостренную палочку из каю-лара держат вертикально, быстро катая ее между ладонями, как бы желая пробуравить лежащую внизу подобную же палку.

В образованной верчением ямке мелкие опилки начинают тлеть и загораются. Их собирают и, положив на сухую шелуху кокосового ореха, раздувают огонь. Я видел эту лиану несколько раз на р. Маде. Она достигает значительной толщины. Цветов ее не видал. Я видел оран-утан, который в несколько минут добыл таким образом огонь; другие добывают его при помощи бамбука и огнива.

25 января

10 часов. Очень голоден. Нет ничего съедобного, кроме сырого саго, сахара и чая, но нет огня, чтобы испечь или сварить что-нибудь.

К 11 часам вернулись трое из моих людей оран-утан еще с одним, который, однако, едва тащился по случаю болезни, с новостью, что из трех людей из соседнего селения Теба двое вернулись с дороги вследствие лихорадки, а третий — с больными ногами — едва мог следовать за ними. Я был доволен их приходом, но еще более обрадовался принесенному ими рису, которого холодного и очень круто сваренного с небольшим количеством соли и перца съел большую тарелку. Нианта отправился по речке за пирогой, Дюбусу — в Иохор-Лама в рума-пасон. Мои люди Сайнан и Ахмат остались в селении.

Нинчи, услужливый малаец, который всегда скоро и хорошо сооружал для меня пондо, уверял меня, что не мог спать, зная, что я один в лесу, и когда я ему рассказал о животном, том, которого я слышал ночью, он и другие объявили, что это был, наверное, тигр.

Притащившийся больной, конечно, не мог нести вещей. Поэтому ноши, которые должны были нести трое, были очень тяжелы. Тропинка была очень приличная, болотистые места попадались редко, и через ручьи были положены (старанием Ахмата, как мне сказали) стволы для переправы. Было видно, что здесь люди часто ходят: много тропинок перекрещивалось. Мы направлялись все время на S или SSO.

Было около 3 часов, когда, придя к ручейку, на берегу которого стояло пондо, Нинчи предложил мне переночевать здесь, говоря, что

до Теба еще очень далеко и что ноша тяжела. Другие были того же мнения; мне очень не хотелось оставаться здесь, пройдя сегодня только три с половиной часа, но я не нес, кроме ружья, никакой ноши, люди же, маленькие, мизерного телосложения, прошли утром такое же расстояние от р. Мыметь, а теперь несли ношу, которую я не думал, чтобы мог нести три часа, уверяли, что им тяжело, и с очень несчастным видом

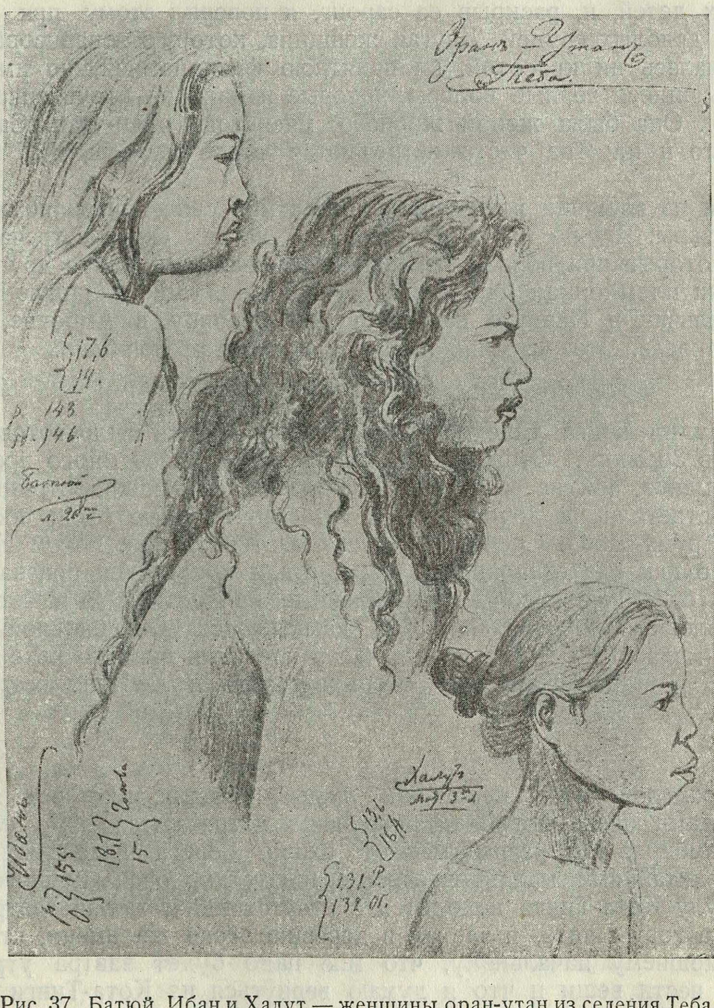

Рис. 37. Батюй, Ибан и Халут — женщины оран-утан из селения Теба.

говорили, что еще очень далеко. Я, жалея их, согласился. Построили мне пондо, и я проспал (пролежал и передумал о многом, многих, прошедшем и будущем) от 6 вечера до почти 6 утра.

26 января

Я выпил немного чаю, так как сахар опять на исходе; мои люди поели рису и закусили испеченною пухлою лягушкой, и мы отправились опять на S. Перешли через множество ручьев и несколько раз через р. Теба. К 11 часам пришли в селение Теба, откуда по реке того же

имени отправлюсь завтра к рума-пасон Иохор. Здесь я мог высушить мокшее уже столько дней одеяло и белье. Рана от шипа сильно болит, увеличилась и имеет нехороший вид.

Оран-утан здесь немного, все с вьющимися длинными волосами и, как везде, малы ростом. Одна женщина особенно поразила меня своею миниатюрностью, она имела на первый взгляд вид 13-летней девочки (рост ее не превышал 1.31 м), с очень жидкими членами. Она имела уже трех детей, и, раскрыв ее саронг, я поверил этому при виде ее длинных дряблых грудей. Другая женщина, которую я нарисовал, также не отличалась ни красотой, ни приятною физиономией, но имела красивые вьющиеся черные волосы, которые падали на плечи спиральными локонами. Она была женой жирного, мясистого оран-утан. Сайнан говорит, что и на Яве часто встречаются такие волосы, что, кажется, верно.

Один из здешних жителей напомнил мне своею физиономией капитана Мавары. Я уже много раз в разных частях света встречал физиономии, которые при первом взгляде напоминали мне друг друга. Напр., в Батавии племянница Фиц-Фер-Плуг напомнила мне младшую Бётлингк. Один мальчик в Пангуте напомнил мне девочку в Амбоине, которая мне нравилась. Этот странный факт я не совсем понимаю.

27 января

Разбудил людей. Еще не было 4 часов, но все было готово только в 5 часов 30 минут. Отправились. Опять встретилось много преград, но гораздо менее, чем на р. Маде. Мелководье, однакоже, затрудняло плавание. Встретили на дороге яло с людьми, которые были посланы за мною из рума-пасон. Сперва речка называется Леню, потом Иохор. По мере того как она становилась шире, стали попадаться признаки цивилизации: огромные стволы, разрубленные на части в 3 и 4 сажени и приготовленные для сплава. Они назначаются для пильной паровой фабрики махарадьи. Через десять часов плавания вниз по реке я достиг, наконец, рума-пасон и был очень вежливо и любезно встречен малайцами.

28 января

Отправился далее, переменив людей. Цивилизация все заметнее. Лес местами очень порублен, постоянно встречаются прау, там плантации гамбира, там разрабатывают олово. Берега населены главным образом китайцами, малайцев здесь сравнительно очень немного. Узнав, что помулу Кота-Тинги находится в отсутствии, и желая завтра отправиться на гору Панте, я заехал в деревню этого же имени, чтобы сказать тамошнему начальнику, что мне надо будет завтра утром трех человек нести вещи и что я думаю вернуться из Кота-Тинги ночевать у него, чтобы рано поутру отправиться на гору.

К полудню достигли Кота-Тинги. На берегу виднелись повешенные на ветвях небольшого дерева белые тряпки. Это были панди-панди, обозначающие крамат. Малаец по имени Касим заступал место помулу и сторожа старых гробниц, к которым я отправился, позавтракав.

Четырнадцать гробниц находились на небольшой возвышенности, обнесенной низкою оградой из камней, террасе, имеющей форму прямоугольника. Каждая гробница имела продолговатую форму и была обнесена камнями; две резные колонки стояли: одна, большая, — в головах, другая — в ногах, как нисан на гробницах оран-утан. Около одной из

гробниц, которая лучше сохранилась, было воткнуто много панди-панди, стояли три чашки и поднос с угольями и лежали два старых ядра. Касим сказал мне, что это гробница султана Махмуда. Орнаменты на гробницах не отличались ни оригинальностью, ни красотой. Почти на всех имелся орнамент, которого значение я узнаю, может быть, у махарадьи.

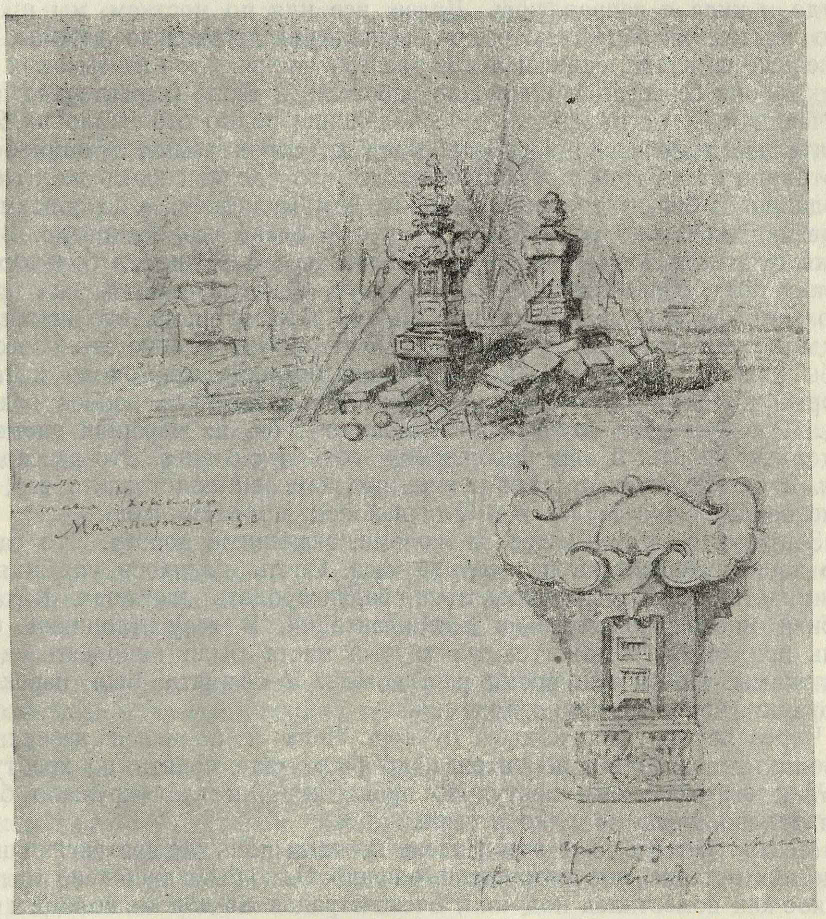

Рис. 38. Гробница иохорского султана Махмуда.

Последний умерший махарадья похоронен в Сингапуре, куда, как мне сказали, нынешний махарадья приказал перенести несколько старых, найденных в окрестностях, гробниц. Вдали виднелись горы, но ближайшая окрестность не была особенно живописной. Часа в 3 я вернулся в дер. Панте.

29 января

Поднялся часа в 3: не мог спать. Из пяти обещанных людей пришло только трое. Мы были готовы только в 7 часов 30 минут. Через полчаса ходьбы мы пришли к участку леса, который разрабатывали ки-

тайцы, срубая большие деревья и пиля на доски. На большом пространстве на тропинке были положены мостки — доски и немного на верхней стороне стесанные бревна. Около речки Панте, которую мы перешли, был склад напиленных досок, которые сплавлялись по речке, затем по р. Иохор в Сингапур. Немного далее мы прошли мимо нескольких больших хижин, жилищ работающих, и когда остановились, нас обступила дюжина любопытных китайцев, которым хотелось узнать, откуда и куда я направляюсь. Далее, все идя по мосткам, мы прошли мимо многих китайцев, которые распиливали громадные стволы, разрубленные на куски, сажени в две или три длины. Стоя на высоких подмостках, они серьезно и прилежно работали, и даже (характерная черта, отличающая их от малайцев) мое появление редко отвлекало их. Я положительно удивлялся их работе. Вряд ли сорок самых лучших белых работников в два года могут сделать то, что сделали здесь желтые. Их отношение к белым совершенно иное, чем малайцев, и не совсем без основания, хотя оно меня вчера и сегодня очень раздосадовало. Вчера, желая отправить письмо, я думал послать его с одним из больших китайских прау, отправлявшихся в Сингапур, и когда одно из них проходило мимо, я сказал помулу позвать его. Несмотря на его крики, китайцы не подумали не только остановиться, но и ответить. Сегодня, чтобы узнать дорогу, я и мои спутники остановились около китайца, который шагах в десяти пилил доски. Нас разделяла полоса редкого леса. Я позвал его, чтобы спросить дорогу; он, не обращая внимания, продолжал пилить. Я еще раз спросил его — нет ответа. Это рассердило меня. Я сказал тогда, подняв ружье, что намерен подстрелить его, если он не придет сюда сейчас же. Это, наконец, подействовало.

Зашли к помулу Драсаб за людьми, знающими дорогу. Это замедлило наше путешествие на полтора часа. Опять пришлось упражняться в гимнастике, шагать, карабкаться, балансировать на пнях. Китайцы срубили множество деревьев для плантации. В лесу тропинка была очень приличная, и даже самые крутые места были довольно удобно достижимы. Почти все время шел дождь. У Ахмата был пароксизм лихорадки, но он не падал духом.

Через четыре часа ходьбы от дер. Лепа я поднялся наверх, где анероид показал 1400, но затем надо было еще пройти по хребту на WSW к вырубленному месту. Но шел дождь, и нас окружало белое море тумана. Было холодно и сыро.

Месяца четыре тому назад здесь провели ночь четыре англичанина; после них остались полуразрушенные пондо. Одно было снабжено крышей, и я кое-как поместился под ним, очень страдая от дождя, холода и боли в ноге. Я не взял с собою тарелок, и принужден был пить суп из стакана. Иногда ветер прогонял на момент туман; тогда кое-где проглядывал далекий и интересный вид, но это были только моменты.

30 января

Ночь была холодна и сыра, напомнила мне Петербург осенью. Утром тот же туман. Отправился по хребту к другому вырубленному окну на NNW и увидал на минуту гору Мынтах, потом опять все скрылось. Вершины можно видеть от NNW — SO. Прождав до 12 часов лучшей погоды, которая, однакоже, не наступила, отправился вниз. В 1 час 30 минут я был уже внизу, у речки, а в 2 часа 45 минут у китайцев, где узнал несколько интересных подробностей и выпил горячего чаю. Отсюда один

с Ахматом вернулся в дер. Панте, где был встречен Касимом, который объявил мне, что махарадья прислал за мною сампан. В доме помулу я нашел сержанта, присланного с сампаном. Он сказал, что махарадья вечером третьего дня, узнав, что я достиг р. Иохор, сейчас же послал его, и что он ожидает приказаний от меня. Хотя было только 4 часа (я сошел с горы в 3 часа 30 минут), я предпочел остаться ночевать в дер. Панте и завтра отправиться в Иохор.

Касим очень просил завтра заехать в Кота-Тинги, желая, чтобы я позавтракал у него, прибавляя, что есть гробницы, которых я не видал.

31 января

Приехав часов в 8 в Кота-Тинги, отправились сейчас же к гробницам.

Проходя мимо хижин, которых было немало, но которые стояли далеко друг от друга, Касим, шедший впереди, выкликал живущих в хижинах, говоря что-то так скоро, что я разобрал только «туан пути» и «кубур». Следствием этого было то, что образовалась целая свита, с копьями, крисами, мечами, которая в известном порядке, по чинам, следовала за мною. Тропинка почти потерялась в лесу, пришлось одному малайцу итти впереди и прорубать путь.

В глухом, заросшем месте я увидал, наконец, террасообразное возвышение — Кубур-Саид. Взойдя наверх, я начал рассматривать гробницы, причем мне сказали, что нельзя шагать через них.

Кубур-Саид состоит из террасы в $1^1/_2$ м вышины, 20 м длины и 8 м ширины; на ней находятся три женских и две мужских гробницы. Терраса имеет форму прямоугольника; с одной стороны видны развалины портика. Орнаменты не лишены вкуса. По внешнему виду можно сейчас же отличить женские, мужские и детские гробницы. Кубур-Саид находится совершенно в лесу, но жители предполагают, что здесь было большое селение.

Осмотрев эти гробницы, я нарисовал один из памятников, и мы отправились к третьей группе гробниц, среди которых была гробница бандахары.

На пути к ней мы прошли мимо нескольких холмиков, окруженных рвом, — это также были гробницы. Наш путь лежал по болотистому мелкому лесу, в котором приходилось прорубать тропинку. Гробница хорошо сохранилась. Орнаменты сходны с теми, которые мы прежде осмотрели. На некоторых гробницах я нашел надписи, которые на других были заменены простыми чертами.

Около гробниц малайцы усердно искали прозрачные зерна кварца. Сопровождавший меня малаец жаловался, что около гробниц древних султанов теперь китайцы (нечистый народ) хоронят своих покойников.

Осмотрел плантации перца и вернулся под проливным дождем в дом Чи-Касима, где готов был завтрак.

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСКУРСИЯ В ИОХОР

(15 декабря 1874 г. — 2 февраля 1875 г.)

2 февраля
Иохор-Бару

Очень вероятно, что через десяток лет, если теперешний махарадья останется жив, Иохор очень изменится, если нет, все может заглохнуть. Во всяком случае движение китайцев важно. Население Иохора очень редкое. Очень легко устроить удобные речные сообщения. Вероятно, минеральные богатства преобразят страну.

Хотя о племенах Малайского п-ва написано уже немало, мне кажется, что один из главных вопросов этнологии этой страны далеко не может считаться вполне решенным, именно — вопрос о том, существует ли на Малайском п-ове племя, совершенно отличное от племен малайской расы или, по крайней мере, следы такового.

В работах Logan, Newbold и Crawford я не нашел удовлетворительного ответа на этот вопрос. Одни авторы (я имею в виду только тех, которые говорят об этих племенах более или менее по собственным наблюдениям) совершенно определенно говорят о некоторых племенах как о неграх,[1] тогда как другие утверждают, что эти племена почти ничем не отличаются от малайцев.[2] Одним словом, в существующей литературе можно найти основания для диаметрально-противоположных утверждений: как для признания существования на полуострове совершенно отличных от малайцев племен (меланезийских?), так и для отрицания этого и даже для гипотезы о наличии стоящих совершенно особняком, — ни малайских, ни меланезийских, — племен.[3]

Изучение антропологии меланезийцев вызвало во мне желание составить себе правильный взгляд на этнические отношения на Малайском п-ове. Будучи неудовлетворен, как я уже говорил, имеющимися в литературе данными, я решил сам искать решения вопроса. Я взялся за это дело с тем большим интересом, что уже раньше (в 1873 г.) желание разрешить совершенно аналогичный вопрос привело меня в горы о. Люсона, а также вследствие убеждения, что эту задачу не следует откладывать надолго, так как с каждым годом становится все более трудным получить точный ответ на эти вопросы. Так как сбивчивые и противоречивые свидетельства разных авторов во всяком случае основывались на значительном сходстве племен, то мне было ясно, что, если я хочу правильно решить эти этнографические вопросы, я должен

[1] Crawford называет семангов «карликовыми неграми Малайского полуострова» (стр. 259), «племенем малорослых негров, обитающим в горах Малайского полуострова» (стр. 273), также и во многих других местах своего «Descriptive Dictionary of the Indian Archipelago» (1847). Logan говорит о семангах, что хотя они, подобно туземцам Андаманских о-вов, смешались с другими племенами, тем не менее являются несомненными неграми (Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia, p. 31, 32).

[2] Newbold говорит о семангах, что они почти ничем не отличаются от якун (стр. 377), а в другом месте констатирует, что оран-бенуа (как иногда называют якун) не отличаются от малайцев (Newbold. Political and Statistical Account of the British Settlements in the Straits of Malacca, 1839).

[3] «Их (семангов) следует считать не негритосами и не одичавшими малайцами, а особой расой» (Waitz. Anthropologie der Naturvölker, Th. V, S. 87).

ознакомиться с возможно большим числом племен, обитающих внутри полуострова. Я имел в своем распоряжении сравнительно мало времени для такого путешествия и решил поэтому ограничиться только антропологическим изучением этих племен.

Различные обстоятельства, которые заставили меня значительно изменить ранее составленный план, явились также причиной того, что я вынужден был предпринять свое путешествие в самое неблагоприятное, дождливое, время года. Начав путешествие 15 декабря 1874 г., я пересек Иохор с W на O, от устья р. Муар до устья р. Индау, затем повернул на S и прибыл в Иохор-Бару 2 февраля 1875 г.

Я не обманулся в своих ожиданиях и убедился, что мое решение изучить как можно больше племен внутри полуострова было вполне правильным. Хотя мне удалось выполнить лишь небольшую часть того, что я поставил своей задачей, тем не менее я хочу изложить здесь результаты своих наблюдений над племенами внутренней части Иохора,

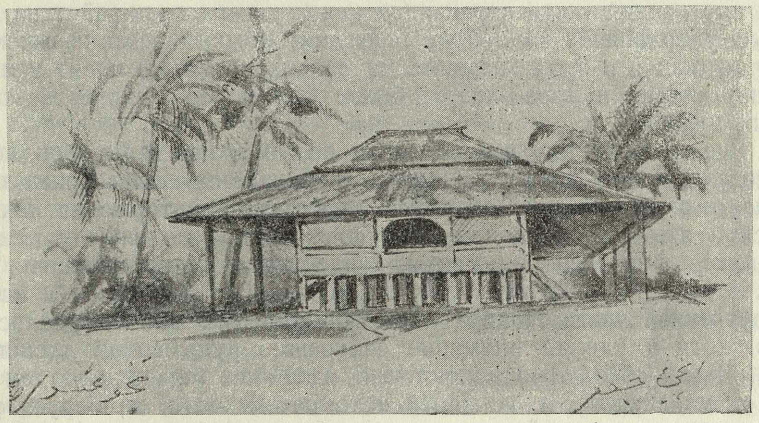

Рис. 39. Дворец иохорского махарадьи.

так как состояние моего здоровья, вероятно, заставит меня отложить следующее путешествие, а, может быть, и изменить свои планы.

Вкратце результаты моих наблюдений могут быть сведены к следующим положениям:

1. Не-малайское или, правильнее, не-мусульманское население[1] Иохора (главным образом внутренней его части) состоит из многочисленных племен или народностей, которые носят различные названия и отличаются друг от друга по образу жизни.[2] В южной части Иохора, на побережьи Иохорского пролива (отделяющего о. Сингапур от материка) или Селат-Тебрау и по ближайшим рекам (Пулай, Малаю, Скодай и др.) обитают оран-утан-слета; тех из них, которые ведут бродячий

[1] У туземцев сохранилось предание, что не все малайцы, жившие раньше на побережьи, согласились принять ислам: часть из них ушла в леса. Мне неоднократно рассказывали об этом оран-утан разных частей Иохора. Нашли ли эти малайские беглецы какие-либо примитивные племена в лесах и горах, куда они скрылись, об этом, насколько мне известно, предание ничего не говорит.

[2] В дальнейшем я говорю только о тех племенах, которых я сам видел, и не принимаю во внимание данных прежних авторов относительно распространения и наименования этих племен; я описываю только современное состояние этих племен и только на основании собственных наблюдений.

образ жизни, скитаясь вдоль берегов на своих прау, называют «оранлаут».

На р. Палон (притоке Муара) я встретил оран-райет.[1] Племена, обитающие в восточной половине Иохора, по рекам Кратон (приток р. Румпен), Быко (приток р. Бату-Пахат), Леба и Кахан (притоки Индау) и по притокам р. Иохор, носят у малайцев общее название «оран-утан». Вообще малайцы плохо различают отдельные племена и дают им довольно произвольные названия. Напр., почти все народности внутренней части страны носят у них одно и то же название «якун». Малайские названия племен обязаны своим происхождением местообитанию этих племен, напр., оран-букит (люди холмов), оран-улу (люди верховьев рек), оран-далам (люди внутренней части страны) и т. д. Под названием оран-лиар (дикие люди) малайцы не разумеют какого-либо племени, отличного от оран-утан, а просто называют так всех тех туземцев, которые по возможности избегают всяких сношений с ними, ведут очень примитивный образ жизни и отходят все дальше и дальше в глубь лесов. Обитатели внутренней части страны (за исключением оран-райет на Палоне, которые удерживают за собою свое имя) обычно сами называют себя оран-утан (как я и буду называть их далее), но также носят у малайцев названия «якун» и «оран-лиар», более или менее в качестве оскорбительных кличек.

2. Все племена внутренней части полуострова ведут бродячий или полуоседлый образ жизни.[2] Помимо антропологических признаков, эти племена отличаются друг от друга по языку: некоторые из них сохранили свой язык, тогда как другие совершенно его забыли или у них сохранились лишь его рудименты. Существуют также различия в обычаях и в материальной культуре.[3] Существовал ли раньше у всех племен внутренней части Иохора один общий язык, мне не удалось установить, хотя я уделил внимание собиранию рудиментов древних диалектов. Язык, абсолютно непонятный малайцам (совершенно ли он отличен от малайского, я, по своей некомпетентности, не берусь судить), я нашел как у оран-райет, так и у оран-утан.[4]

3. Оран-райет и, особенно, оран-лиар, отдельных интересных представителей которых я имел удовольствие встретить, ведут чрезвычайно примитивный образ жизни и не обнаруживают стремления подняться на более высокий уровень культуры, хотя этому не препятствуют ни внешние условия, ни степень развития их мозга.

4. Эти народности постепенно вымирают, что известно им самим и о чем мне часто рассказывали малайцы. Вымирание вызвано постепеннным вытеснением туземцев малайцами и китайцами, которые захватывают лучшие, наиболее плодородные земли и заставляют таким образом «лесных людей» уходить все дальше в глубь джунглей. Чисто-

[1] Слово «райет» означает «человек». Каким образом это слово стало названием племени, мне не удалось выяснить.

[2] У некоторых племен существует очень примитивное земледелие; у них есть огороды, которые они время от времени посещают, также имеются определенные места в лесу, куда они время от времени возвращаются.

[3] Как на пример таких различий укажу, что столь важное оружие, как сумпитан (тростник для выдувания отравленных стрел), одним племенам совершенно неизвестен, а другими постоянно употребляется.

[4] Записанные мною немногие слова этого почти исчезнувшего языка я показывал многим малайцам, весьма основательно знающим свой язык, напр., дато Бинтара в Иохоре, и они нашли, что эти слова не малайские; чтобы окончательно решить вопрос, я посылаю составленный мною краткий словарь в Европу на суд компетентного лица.

кровных туземцев становится все меньше также потому, что малайцы часто женятся на девушках оран-утан, и теперь последние в значительной степени смешались с малайцами.

5. Прежде чем ответить на главный вопрос, решение которого было целью моего путешествия, я должен заметить, что подошел к нему строго критически и даже, должен сознаться, отправляясь в путешествие, считал отрицательный результат за самый вероятный.

Тем не менее на основании максимально объективных наблюдений я пришел к заключению, что до сих пор в Иохоре имеются следы существования первобытных, не-малайских, племен и что эти племена были, по всей вероятности, меланезийскими.[1]

Местами мне приходилось встречать особей, которые обнаруживали явные признаки возврата к первоначальному типу. Эти особи имели волосы, не совсем подобные папуасским, а такие же, как у папуасских метисов западного берега Новой Гвинеи (которых я там встретил немало), отличавшиеся от волнистых и курчавых волос других оран-утан. Наличие этих атавистических форм является главным основанием моей уверенности в том, что здесь раньше существовало меланезийское население; другим основанием служит объективное изучение общего типа оран-утан, который, впрочем, не является резко обособленным.

То обстоятельство, что, как мне известно по собственному опыту, оран-утан иногда нелегко отличить от малайцев, объясняется значительным видоизменением малайского типа во внутренней части Иохора. Благодаря начавшемуся уже давно смешению с оран-утан здешние малайцы весьма близки по своему физическому типу к последним.

Это смешение, продолжающееся уже много столетий и начавшееся, вероятно, тогда, когда те малайцы, которые не хотели принять ислам, бежали в горы, является также причиной значительной вариабельности волос, цвета кожи и формы черепа.[2]

Весьма малый рост оран-утан (рост мужчин редко превышает 1500 мм, а многие виденные мною женщины, имевшие уже детей, были не выше 1300 мм) является следствием того, что едва сформировавшиеся девушки уже выходят замуж, а также обусловливается скудным и плохим питанием.

Резюмируя сказанное, можно смело утверждать следующее:

1) Оран-утан Иохора представляют народность смешанного происхождения, с значительной примесью малайской крови, но сохранившую следы меланезийского происхождения.

2) Живя с давних пор изолированно, они ведут жалкий, в высшей степени примитивный, бродячий образ жизни и в настоящее время постепенно вымирают.[3]

[1] Я употребляю общий термин «первобытные меланезийские племена», так как надлежащая классификация меланезийцев при современном состоянии наших знаний невозможна. Я пришел к этому заключению на основании собственных наблюдений над папуасами, негритосами и меланезийцами.

[2] Составить правильное мнение об отношениях, которые я здесь нашел, мне очень помогли наблюдения, которые я имел возможность сделать над папуасско-малайскими метисами на островах к О от Серама в 1874 г. и благодаря которым я являюсь довольно компетентным в этом вопросе.

[3] Так называемые оран-лиар (дикие люди) уходят все дальше в глубь лесов, в бедные жизненными ресурсами районы, и вымирают. Те из них, которые продолжают жить на прежних местах, по соседству с пришлыми малайцами и китайцами, не оставили бродячего образа жизни, но заимствовали некоторые ма-

За неудобства,[1] с которыми была связана моя почти 50-дневная экскурсия, я был вознагражден только указанными результатами своих этнографических исследований и психологически интересными наблюдениями над образом жизни первобытных людей, который, действительно, настолько удивителен, что не видевший его собственными глазами едва ли может себе его представить.

Мне кажется, будто я прочел начало интересной, старой, с наполовину стертыми строками, книги и теперь с нетерпением жду продолжения.

Мое путешествие в Пахан и Кеду, возможно, будет более удачным и откроет немало интересных страниц этой книги, читать которую с каждым днем становится все труднее.

28 февраля 1875 г.
На борту «Плутона»,
Сиамский залив.

лайские обычаи и часто выдают своих дочерей замуж за малайцев, которые охотно покупают наиболее красивых и сильных девушек.

Лишь в очень редких случаях оран-утан принимают ислам и пытаются переходить более или менее к тому же образу жизни, какой ведут малайцы. Язык оран-утан почти вытеснен малайским.

[1] Утомительные, часто одиннадцатичасовые переходы, затопленный лес, дождливое время года, недостаток провизии, транспортных средств и т. д. и т. д.

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ ПО МАЛАЙСКОМУ П-ОВУ

(ноябрь 1874 г. — октябрь 1875 г.)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

На нижеследующих страницах я намереваюсь изложить возможно более сжато антропологические и этнографические результаты своих странствований по Малайскому п-ову.

Дневник, содержащий описание моих приключений и второстепенные, не относящиеся к главной цели моего путешествия, наблюдения, я, может быть, опубликую впоследствии.

Я считаю целесообразным сказать несколько слов о маршрутах своих путешествий по полуострову, прежде чем излагать их результаты, во-первых, чтобы мои коллеги знали, где именно я производил свои наблюдения, а во-вторых, чтобы облегчить позднейшим исследователям поиски объекта изучения, отнимающие так много времени и труда. Я надеюсь, что вскоре мои наблюдения будут дополнены, и наука обогатится новыми данными.

Свое первое путешествие я начал с р. Муар,[1] по которой дошел до маленькой р. Палон. На пути к Кратону (приток р. Румпен) я встретил многочисленных оран-утан, которые здесь называются «оран-райет» и которых я встретил также на Дьекати (приток Кратона). Отсюда, повернув на S, я дошел до Сегамета (притока Муара), по которому спустился до гор Улу-Сегамет и Улу-Тенан. Понадобился всего суточный переход, чтобы добраться от Тенана (малайское селение) до речки Быко (приток Бату-Пахат). Отсюда я двинулся опять на O по речке Леба, которая, многократно меняя свое название, впадает в Сомброн (приток Индау). На всем протяжении этого пути я встречался с многочисленными оран-утан. Затем по рекам Сомброну и Индау я добрался до моря. Это путешествие от устья р. Муар до устья р. Индау потребовало 30 дней. Отсюда я вернулся опять внутрь страны и, следуя по рекам Кахан и Маде (приток Сомброна), снова встретил значительное число оран-утан. Спустившись по р. Иохор (район, в котором живет много китайцев), я добрался до Селат-Тебрау и Иохор-Бару, резиденции томонгона[2] (называемого англичанами магараджей) иохорского. Таков был маршрут моего первого путешествия по Иохору (декабрь 1874 г. — февраль 1875 г.), о результатах которого я уже писал.

Второе путешествие продолжалось с июня по октябрь 1875 г. До места впадения р. Сомброн в р. Индау я следовал прежним путем,

[1] Все географические названия даны мною не в малайской или голландской транскрипции, принятой на имеющихся картах, а возможно ближе к произношению народностей, обитающих в ближайшем соседстве с данными местностями: оран-утан, малайцев, сиамцев.

[2] Паханский бандахара и иохорский томонгон не являются самостоятельными радьями, а лишь сановниками или представителями султана муарского, но в результате английского влияния это подчинение номинальное, и в действительности Иохор и Пахан независимы (если не говорить об английском влиянии). Малайцы, живущие вне Иохора, знают только томонгона, а не махарадью иохорского.

а затем двинулся на W вверх по р. Индау, мимо гор Букит-Янин (называемых также Гуну-Индау), причем по пути опять встретил многочисленных оран-утан. Вследствие продолжавшихся уже целый год пререканий между паханским бандахарой и иохорским томонгоном относительно границы, я должен был повидать бандахару, а для этого повернуть снова к берегу моря и отправиться в Пыкан, резиденцию бандахары. Отсюда я поднялся по р. Пахан до его притока, р. Тамылен, где я, как и в горах, на границах Пахана, Трингано и Калантана, встретил несмешанное меланезийское население — оран-сакай; известное число их мне удалось видеть и на дальнейшем пути, на речке Аренг (притоке Леба).

В этом районе, на границе Пахана и Калантана, к W от рек Тамылен и Леба находится гора Гуну-Тахан, которая является, как я полагаю, высочайшей горой полуострова. Здесь, а также дальше к W, в направлении к Пераку, и к S, в направлении к Кеда и Сингоро, в горах и почти первобытных лесах, обитают остатки древнейшего меланезийского населения. [1]

Чтобы иметь возможность продолжать свое путешествие, т. е. набрать для него людей, я должен был вернуться почти к устью р. Калантан, в Котта-Бару, резиденцию калантанского радьи. [2] Отсюда я вернулся назад в горы и через владения малайских князьков Легге, Саа (или Диринго), Ямбу, Румен прошел в Яром, временную резиденцию руменского радьи, причем во второй раз пересек почти весь полуостров. По пути мне неоднократно удавалось видеть оран-сакай, но для этого я должен был их искать и пользоваться всяким благоприятным случаем. Через Ялор я добрался до устья р. Патани и до резиденции радьи Патани. Отсюда я опять повернул внутрь страны и через владения сиамских князей Тодион, Тебу и Чену добрался до первого значительного не-европейского города полуострова — Сингоро, резиденции сиамского князя или, вернее, губернатора. В пути я узнал, что в горах, мимо которых я проезжал, обитает немало чистокровных меланезийцев, называемых здесь «оран-семанг», но сам видел только двух из них, именно пленных юношей в доме сингорского радьи. По категорическому утверждению сингорских малайцев и сиамцев, на пути в Лигор, в Маделонских горах, оран-семанг обитают в большом числе.

Наступление (в начале октября) дождливого времени года прервало мое дальнейшее путешествие, которое я намеревался продолжить до Бангкока. Я отправился по прекрасной широкой дороге в Котта-Ста, резиденцию ямтуана [3] Кеды, где на время прервал свои странствования по Малайскому п-ову. На обратном пути в Сингапур я посетил миссию у оран-мантра, близ города Малакки.

[1] Этот район, а также гора Гуну-Тахан интересны не только в антропологическом отношении, т. е. тем, что здесь обитают оран-сакай, но и тем, что, по категорическому утверждению многих малайцев и оран-сакай, в лесах на склонах горы Гуну-Тахан и около нее живут большие обезьяны, называемые здесь «бру», ростом выше человека, которых туземцы очень боятся. Благодарной задачей для зоолога, который решился бы пренебречь всеми трудностями, является проверка правильности этого слуха. Я охотно готов поделиться со всяким ученым, пожелавшим предпринять такое путешествие, всеми собранными мною сведениями о районе Гуну-Тахан и его обитателях.

[2] Радья Калантана является вассалом сиамского короля, так же как и другие ниже упоминаемые радьи и ямтуаны (султаны) Трингано и Кеды.

[3] Сокращение и искажение слова «янг-ди-пертуан» (султан).

I

МЕЛАНЕЗИЙСКИЕ ПЛЕМЕНА ВНУТРЕННЕЙ ЧАСТИ МАЛАЙСКОГО П-ОВА

Оран-сакай и оран-семанг

Мнения разных авторов. Как я уже говорил в своем первом сообщении,[1] наши сведения о племенах внутренней части полуострова были весьма противоречивы и поэтому малонадежны. Так, напр., Low, который сам видел сакаев, говорит, что они, как и семанги, ничем не отличаются от малайцев,[2] a Newbold утверждает, что семанги почти ничем не отличаются от якун или от оран-утан Иохора (тип которых почти малайский).[3] Я решительно возражаю против этих утверждений, потому что, хотя названные авторы и исходят из собственных наблюдений, но эти наблюдения относятся к особям, которые являются продуктом смешения сакаев и малайцев и, действительно, поэтому имеют малайский тип. Этих-то метисов, которые находятся в постоянных сношениях с малайцами и которых поэтому чаще всего можно встретить в малайских кампонгах, авторы, никогда не предпринимавшие дальних путешествий внутрь страны, и считают представителями чистого типа. Logan,[4] в противоречии с другими авторами, говорит о семангах, что хотя они и смешаны с другими племенами, но несомненно являются «неграми». Но и это утверждение я должен, исходя из своих наблюдений, признать неправильным.

На основании собственных исследований и наблюдений я пришел к заключению, что оран-сакай и оран-семанг принадлежат к одному и тому же племени, что, далее, они стоят очень близко друг к другу как по физическому типу, так и в лингвистическом отношении, и, будучи совершенно отличны от малайцев в антропологическом отношении, представляют собою чистое, несмешанное ответвление меланезийцев.

Главным образом по форме черепа, обнаруживающей тенденцию к брахикефалии, меланезийские народности Малайского п-ова близки к негритосам Филиппинских о-вов и, подобно последним, стоят недалеко от папуасских племен Новой Гвинеи.

Антропологические данные.

Прилагаемые таблицы (I и II) дают более ясное представление о физическом типе меланезийских племен Малайского п-ова, чем может дать пространное описание.

В этом предварительном сообщении я остановлюсь лишь на некоторых соматических признаках, важных для антропологической характеристики данных племен.

Рост. Ранние браки, жалкий образ жизни и частый недостаток в пище, естественно, оказали свое влияние в этом отношении и являются причиной того, что в этих племенах преобладают хилые, малорослые индивиды, хотя нередко встречаются и прекрасно сложенные, которые хорошо выглядят.

Рост взрослых оран-сакай (23 измерения) варьирует: у мужчин в пределах от 1400 до 1620 мм, у женщин в пределах от 1400 до 1480 мм.

[1] Этнологическая экскурсия в Иохор.

[2] «По своему физическому типу они не отличаются от малайцев» (The Semang and Sakai tribes of the Malay Peninsula, by Lieut. Col. James Low. Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia, v. IV, p. 429).

[3] T. J. Newbold. Political and statistical account of the British settlements in the Straits of Malacca. 1839, p. 377.

[4] Logan. The Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia, p. 31, 32.

*

Череп оран-сакай и оран-семанг мезокефальный, с выраженной тенденцией к брахикефалии; индекс ширины варьирует (24 измерения) в пределах от 74 до 84.

У сакаев индекс ширины варьирует: у мужчин (9) от 74 до 82, у женщин (9) от 75 до 84, у детей (6) от 74 до 81.

Волосы головы сакаев «pur sang» (табл. I, рис. 5) закручены в очень мелкие завитки (2—4 мм в диаметре) и образуют компактную массу, в которой трудно различить отдельные волосы.

Я убедился также здесь, как и на западном берегу Новой Гвинеи и на восточных Молуккских о-вах, что форма волоса является хорошим отличительным признаком для определения чистоты происхождения. У метисов завитки больших размеров. [1]

Борода также очень курчавая, но завитки волос бороды, как и волос на половых частях, бóльших размеров, чем завитки волос на голове. Цвет волос матово-черный. Наряду с преобладающими среди несмешанных сакаев и семангов особями, имеющими волосы, закрученные в мелкие завитки, встречается немало метисов различных степеней смешения, волосы которых представляют всевозможные степени перехода от курчавых волос к прямым волосам малайцев.

Цвет кожи — в общем темнее, чем у малайцев, но варьирует в очень широких пределах, приблизительно от №№ 28, 42 до №№ 21, 46 таблицы Брока. Как и у других темнокожих народностей, у сакаев спина, плечи и половые части несколько темнее, чем другие части тела, точно так же конечности с наружной стороны немного темнее, чем с тыльной.

На нижней части ягодиц я заметил, кроме более темной окраски кожи, нечто вроде мозолистых образований, кожа здесь очень грубая и шероховатая, что вполне естественно, так как одежда сакаев прикрывает только талию и perinaeum.

Женщины имеют в общем более светлый цвет кожи, чем мужчины.

Глаза. При ближайшем изучении глаз сакаев и семангов обнаруживает две особенности. Прежде всего он отличается значительной величиной Plica semilunaris или Palpebra tertia, как это видно на табл. II рис. 4. Она образует красноватую тонкую перепонку, несколько более толстую по нижнему краю. Так как просвечивающая сквозь Plica Sclera не бела, то большая величина Plica не бросается в глаза, тем более, что не вся Plica видна, если рассматривать глаз en face; только рассматривая зрачок сбоку, можно видеть ее на всем протяжении.

Две измеренные мною Plicae имели 5—5½ мм в ширину, тогда как собственно Caruncula lacrimalis была не более 2 мм ширины.

Столь значительная ширина Plica может считаться настоящей расовой особенностью. [2] Я нашел далее, что у очень многих сакаев и семангов «pur sang» верхний край верхнего века оканчивается складкой кожи (табл. II, рис. 4); эта особенность распространена у народов монгольской расы, но в зачаточной форме встречается также у многих

[1] См. «Второе путешествие на Новую Гвинею».

[2] Это наблюдение заставило меня пересмотреть свои заметки, относящиеся к папуасам Новой Гвинеи. Я нашел там много замечаний о значительной, даже бросающейся в глаза, ширине Palpebra tertia. Однако, широкая Palpebra tertia не является особенностью одной только меланезийской расы, она встречается также у китайцев, хотя далеко не у всех. Равным образом, у европейцев ширина Plica сильно варьирует.

малайцев, полинезийцев [1] и, как в данном случае, у чистокровных меланезийцев.

Ноги. Помимо весьма значительной величины ступни, заслуживает внимания положение пальцев ноги: только два из них — большой и второй — поставлены прямо, остальные три совершенно вывернуты набок — особенность, которая встречается у многих семейств обезьян, но которой я до сих пор не наблюдал столь выраженной (намеки встречаются нередко) ни у одной человеческой расы.

Заметки об образе жизни и некоторых обычаях

Мои встречи с оран-сакай и оран-семанг были столь кратковременны, что я не могу сказать здесь много на эту тему, тем более, что не хочу просто повторять (как это делают все упомянутые английские авторы) рассказы малайцев, так как неоднократно имел случай убедиться, насколько они недостоверны и даже умышленно лживы.

Нижеследующие краткие замечания основаны исключительно на моих собственных наблюдениях. [2]

Малайцы различают оран-сакай-лиар и оран-сакай-дина, т. е. «диких» и «прирученных» сакаев. Первые, живя совершенно изолированно в глубине лесов, вероятно, никогда не приходят в непосредственное соприкосновение с малайцами; вторые — оран-дина, хотя продолжают вести бродячий образ жизни, вступают в сношения с малайцами и ведут с ними торговлю, получая в обмен на каучук, ротанг, разные сорта дерева (те, которые употребляются как ладан), даммаровую смолу, слоновую кость, рог носорога и т. д. — паранги (ножи для расчистки дороги в густых джунглях), хлопчатобумажные ткани, соль, табак, бетель и гамбир, а в некоторых районах (напр. в Пахане) даже старые ружья и пищевые продукты. Они также нанимаются на короткие сроки к малайцам на работу (во время жатвы риса и при разбивке новых плантаций) и нередко продают своих дочерей малайцам и китайцам, поселившимся по соседству с ними.

Оран-сакай-дина говорят, обыкновенно, по-малайски, и их дети большею частью забыли родной язык. Оран-дина посещают небольшими партиями, с женщинами и детьми, хижины и кампонги малайцев. Эти посещения играют немаловажную роль в смешении обеих рас, так как при них сакаи отдают своих дочерей в жены малайцам; равным образом, супружеская верность сакайских женщин, соблазняемых подарками, подвергается в таких случаях испытанию, и нередко следствием подобных визитов является рождение у супругов — сакаев «pur sang» — детей полумалайского или полукитайского происхождения. Эти посещения

[1] Я неоднократно встречал такую складку у туземцев о. Мангаревы, где нельзя предполагать никакого смешения с китайцами, а также в единичных случаях у папуасов западного побережья Новой Гвинеи. Это — складка, которая при патологическом ее увеличении называется Epicanthus.

[2] Во время своего путешествия я мог общаться только с оран-сакай-дина, что касается оран-сакай-лиар, которых я находил лишь случайно или после долгих поисков, то я мог их видеть, измерять и даже рисовать, но говорить с ними для меня оказалось совершенно невозможным: они или не понимали по-малайски, или их мозг и язык были настолько парализованы страхом перед невиданным существом (белым человеком), что они большею частью оставались немы, когда я их о чем-нибудь спрашивал. Свои краткие словари я составил при содействии оран-сакай-дина, которые часто должны были при этом приходить на помощь своим диким соплеменникам.

влекут за собою также постепенное усвоение сакаями привычек и обычаев малайцев.

Во время своего путешествия я неоднократно имел случай наблюдать это постепенное исчезновение более слабой (меланезийской) расы и ее ассимиляцию с малайской.

Между оран-сакай-дина и оран-сакай-лиар существуют многочисленные переходы.

Первые строят маленькие хижины малайского образца вблизи малайских кампонгов, которые они время от времени посещают. На более низкой ступени стоят те, которые, обитая в глубине лесов, вдали от малайских кампонгов, имеют лишь пондо,[1] служащие им временным убежищем, на одну или несколько ночей.

Настоящие оран-лиар, как я слышал от их соплеменников, каждый день меняют место ночлега, даже не давая себе труда поставить пондо.

Естественно, лесные люди не прокладывают никаких дорог, не нуждаясь в них, чтобы пробираться через леса. Я неоднократно наблюдал, как они делали это по-своему, совершенно иначе, чем малайцы. Малаец в лесу широко пользуется своим парангом, срубая все, что стоит или висит на его пути, тогда как оран-сакай (так же как оран-утан) никогда не утруждает себя этим, отчасти потому, что слишком бережет свой паранг (если таковой у него имеется), а отчасти потому, что это кажется ему чересчур долгим делом. Зная направление, он отыскивает прогалины в лесу. Он сгибает рукой, не ломая, молодые деревья, которых не может обойти, и нагибается или проползает под большими. Он никогда не обрывает и не срезает висящую на его пути лиану, предпочитая придержать ее рукой и проползти под нею. Несмотря на бесконечные зигзаги, извивание, нагибание, обходы, он изумительно быстро идет вперед. Я часто удивлялся, не без труда следуя за таким настоящим «лесным человеком», его ловкости, быстроте движений, остроумию, с каким он преодолевает все препятствия, и должен констатировать, что, несмотря на свою многолетнюю практику и опытность в этом отношении, нашел учителя в лице 15-летнего оран-утана.

Я намеренно останавливаюсь на этих кажущихся деталях, потому что они играют немаловажную роль в жизни бродячих лесных людей. Описанный способ передвижения оран-утан по лесу был лично для меня причиной того, что мои поиски следов лесных людей были столь трудны и продолжительны.

В з а и м о о т н о ш е н и я с м а л а й ц а м и. Тогда как оран-сакай-дина стоят в зависимом до некоторой степени отношении к малайцам, оран-лиар остаются их решительными врагами и не упускают случая отомстить малайцам, которые постоянно разбивают новые плантации, захватывают все большую часть территории, занятой коренными жителями, покупают у них за бесценок продукты леса и, где только возможно, ловят их детей, чтобы держать у себя в качестве рабов или продать. Эта охота за людьми, существующая еще и теперь, практиковалась раньше в широких размерах, и во многих местностях, где прежде обитали многочисленные орды туземцев, теперь нельзя найти и следа их. Однако малайцы, несмотря на свое превосходство над лесными людьми во всех отношениях, очень боятся их и не осмеливаются посещать в оди-

[1] П о н д о — малайское название косо поставленного заслона из пальмовых листьев, образующего одновременно и крышу и стены, под прикрытием которого можно только лежать или сидеть.

ночку или маленькими партиями те участки леса, где, как они точно знают, обитают оран-лиар.

Оружие

Оружием, которым оран-лиар пользуются для своей защиты и которого малайцы очень боятся, является «блахан» — тростник для выдувания отравленных [1] стрел.

Это оружие имеет широкое распространение; оно встречается у всех лесных людей от Иохора до Сингоро. Другим, менее опасным, но в этнографическом отношении более важным, оружием является «лойдс» (лук), который я нашел только у несмешанных оран-сакай. Он, около 2 м длины, делается из бамбука; стрелы с железными наконечниками.

Одежда

Оран-сакай носят только узкий пояс стыдливости, сделанный или из луба, или из вымененной у малайцев хлопчатобумажной материи, который они повязывают в виде «тидиако», [2] обвивая его вокруг бедер и пропуская между ногами. Оран-сакай-дина стараются одеваться так же, как малайцы. Мужчины не носят почти никаких украшений; [3] они не делают также какой-либо особой прически.

Татуировка и протыкание носовой перегородки

Больше, чем мужчины, украшают себя женщины. В то время как я не видел ни одного татуированного сакая или семанга, большинство виденных мною сакайских женщин было татуировано, причем всегда одинаково. Табл. III, рис. 2 дает представление о несложном узоре, которым они еще до наступления половой зрелости украшают щеки и виски. Узор наносится иглой и делается отчетливым при помощи смолы.

Встречаются также женщины, у которых носовая перегородка проткнута для продевания сквозь отверстие так называемого «хаянмо» — обычно, шипа ландака (*Hystrix*).

Волосы, которые отпускают только на затылке, образуют у женщин род шлема или шапки; в них часто носят цветы или ароматные листья.

Одежда женщин состоит из известного числа тонких, иногда окрашенных в красный цвет, стеблей ротанга, обернутых вокруг талии и об-

[1] Главной составной частью этого яда является сок известного дерева, называемого яванцами «упас» *(Antiaris toxicaria)*; к этому соку подмешиваются, однако, многие ингредиенты, выбор которых зависит частью от случая, частью от познаний приготовителя яда, например: яд различных видов змей, сок некоторых деревьев и плодов, также мышьяк, вымениваемый оран-сакай-дина у малайцев. Таким образом не только каждое племя, но даже каждый оран-утан употребляет для отравления стрел яд, различный по своему составу, а, следовательно, и действию. Но во всех случаях этот яд действует на людей чрезвычайно сильно и быстро. Весьма заслуживающие доверия малайцы, живущие в разных частях полуострова, говорили мне, что они сами видели, что раненый человек не успевал съесть свой сири, как у него делались страшные судороги и рвота, и он умирал. Несколько произведенных мною над животными опытов дали чрезвычайно быстрое действие, даже при малых дозах.

[2] Тидиако, или чават — малайское название повязки, прикрывающей только талию и perinaeum.

[3] Только раз я встретил молодого сакая, взбитые волосы которого обвивал шнурок, украшенный длинною бахромой.

разующих пояс в руку толщиной. Спереди к поясу привязывают кусок ситца или материи из луба, пропускают его между ногами и вновь прикрепляют к поясу сзади. На табл. II, рис. 2 изображена нарисованная с натуры сакайская дама в ее повседневном костюме.

Так как кусок ткани прикрывает только perinaeum, то я имел возможность убедиться, как уже говорил, что нижняя часть ягодиц у обоих полов более темного цвета, и на ней имеется род мозолистых образований (особенно шероховатая и грубая кожа).

Так же как и мужчины, женщины стараются при посещении малайских деревень одеваться по-малайски.

Сакай обыкновенно имеет в одно и то же время только одну жену, которая может родить 5—6 детей, но очень часто остается бездетной.

Еще об образе жизни и обычаях оран-сакай и оран-семанг, по их собственным рассказам или по рассказам заслуживающих доверия малайцев.

Оран-сакай и оран-семанг считают себя коренными жителями страны, независимыми (какими они в действительности и являются в своих лесах) от малайцев и малайских радьей. Я слышал неоднократно и в разных местах, что у сакаев до сих пор есть свои радьи, которым повинуются, но которые по образу жизни ничем не отличаются от остальных лесных людей.

Когда такой радья умирает, его жена, как мне часто рассказывали, может стать его преемницей. Это показывает, насколько положение женщины у сакаев отличается от ее положения у малайцев.

Процедура заключения брака обычно весьма несложна. Один оран-сакай характеризовал ее словами: «я беру ее и сплю с ней». Но у сакаев Пахана существует, как мне рассказывали оран-сакай-дина, обычай, в силу которого мужчина должен при свидетелях в назначенный день поймать в лесу девушку, старающуюся убежать от него. Если это ему не удастся, он не должен(?) вторично ее добиваться.

На основании различных рассказов я пришел к заключению, что у сакаев, повидимому, действительно существует коммунальный брак. Девушка, прожив несколько дней или несколько недель с одним мужчиной, переходит добровольно и с согласия мужа к другому, с которым опять-таки живет лишь некоторое, короткое или более продолжительное, время. Таким образом, она обходит всех мужчин группы, после чего возвращается к своему первому супругу, но не остается у него, а продолжает вступать в новые временные браки, которые зависят от случая и желания. Несмотря на это, она считается женой того мужчины, который первый взял ее. [1]

Оран-сакай очень боятся мертвых. Безнадежных, близких к своему концу больных оставляют в лесу с небольшим запасом пищи. Внезапные смертные случаи нередко имеют следствием быстрое бегство из данного места всех без исключения соплеменников умершего. Труп просто оставляют на месте, только в редких случаях его зарывают в неглубокую яму. Места, где умер кто-нибудь, как злополучного, избегают.

[1] Об этом обычае, о котором я слышал от малайцев в Пахане, мне затем рассказывали также члены католической миссии в Малакке, вероятно, знавшие о нем от оран-мантра

Преувеличенные и баснословные рассказы малайцев об оран-лиар.

Малайцы, которые, как я уже говорил, очень боятся оран-лиар, стараются оправдать свой страх, рассказывая о них разные басни. Так, напр., малайцы Пахана рассказывают, что у диких людей, живущих на р. Текам, ступни ног достигают полуметра длины, что они поедают сырыми всех животных, каких только могут поймать, что они людоеды и т. д.

Малайцы полуострова повторяют также широко распространенную по всему Восточноазиатскому архипелагу басню о существовании хвостатых людей. По их словам, у некоторых оран-лиар, которые, однако, никогда не показываются (!), есть хвост, состоящий не только из волос, но и из костей и мяса. Многие рассказчики идут так далеко, что утверждают, будто они видели таких людей своими глазами.

Оран-гаргаси,[1] обитающие в горах, на границе между Кеда и Сингоро, имеют будто бы два очень длинных выступающих, остроконечных зуба.

О некоторых группах оран-сакай, живущих на границах Калантана и Перака, рассказывают, что у них необычайно длинные волосы на теле, стоящие торчком.

У женщин некоторых групп оран-сакай Bubo cavernosus (constrictor cunni Ant.), будто бы, так развит, что при coitus'е они могут удержать penis, и мужчина совершенно не в состоянии помешать этому.

Говорят также, что у некоторых из этих племен отцы притязают на jus primae noctis по отношению к своим взрослым дочерям. Я столь много раз слышал об этом обычае, что полагаю, в этих рассказах есть некоторая доля истины, тем более, что этот обычай встречается и в других странах.[2]

Я останавливаюсь на этих рассказах, так как возможно, что они, несмотря на все преувеличения и кажущуюся абсурдность, содержат, хотя и микроскопическую, «fond de vérité».

Хотя оран-утан Иохора представляют собою очень смешанную народность и приближаются по типу к малайцам, у них иногда встречается возврат к первоначальному типу, что я заметил уже во время своей первой экскурсии на полуостров, когда еще не имел никаких достоверных данных относительно существования там несмешанных меланезийских племен.

Во время своего второго путешествия я снова неоднократно встречал на горах и на р. Индау представителей этого типа (см. таблицу, приложенную к моей краткой заметке об этой экскурсии).[3]

Черты лица, форма волос у некоторых особей, большая вариабильность формы черепа, рудименты древнего языка, обнаруживающие большое сходство последнего с диалектами несмешанных оран-сакай,[4] — все это, полагаю, устраняет всякие сомнения относительно происхождения оран-утан.

[1] Вероятно, некоторые дикие орды сакаев.

[2] Многочисленные примеры, которых я не буду здесь приводить, можно найти в исторической литературе и описаниях путешествий. Я сам слышал о существовании этого обычая на восточных Молуккских о-вах.

[3] Journal of Eastern Asia, vol. 1, № 1, 1875.

[4] См. мои два письма акад. Бетлингку о диалектах меланезийских племен Малайского п-ова.

II

СМЕШАННЫЕ МЕЛАНЕЗИЙСКО-МАЛАЙСКИЕ НАРОДНОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ЧАСТИ МАЛАЙСКОГО П-ОВА

Оран-утан и оран-райет Иохора[1]

Антропологические заметки

Рост. Вследствие плохого и недостаточного питания и жалкого во всех отношениях образа жизни оран-утан нередко бывают очень малорослы, но это не может, вопреки утверждениям некоторых авторов, считаться отличительной особенностью всей народности.

Рост оран-утан сильнее варьирует, чем у несмешанных оран-сакай, и они отличаются более слабым телосложением по сравнению с последними. Особенно бросается в глаза низкий рост женщин. Рост оран-утан варьирует (по более чем 80 измерениям): у мужчин в пределах от 1390 до 1560 мм, у женщин в пределах 1305 до 1430 мм.[2]

Череп. Как и рост, индекс ширины головы оран-утан (свыше 50 измерений) варьирует в более широких пределах, чем у оран-сакай, именно: у мужчин в пределах от 71 до 86, у женщин в пределах от 79 до 91, у детей в пределах от 74 до 80.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что у оран-утан череп более долихокефальный, чем у оран-сакай «pur sang».

Образ жизни. Малайцы делят оран-утан Иохора, как и сакаев, на оран-лиар и оран-дина; последние преобладают, и число их непрерывно увеличивается. Подобно сакаям, оран-утан ведут бродячий образ жизни. Хотя у оран-утан и есть кампонги, состоящие из нескольких жалких пондо, но они посещают их лишь время от времени и навсегда покидают кампонг в случае смерти кого-либо из его обитателей. В общем их образ жизни и занятия те же, что у оран-сакай-дина, с тою только разницей, что, смешавшись с малайцами, они в еще большей степени стремятся следовать обычаям последних, по крайней мере тем, которые не стоят в полном противоречии с их бродячим образом жизни. Только к исламу они обнаруживают антипатию, которая, однако, постепенно преодолевается.

У оран-утан есть свои вожди, называемые «баттен».[3]

Лука оран-утан не употребляют, и даже употребление сумпитана совершенно оставлено и забыто некоторыми племенами. Язык оран-утан почти совершенно вытеснен малайским.

Пройдет еще немного лет, как оран-утан совершенно сольются с малайцами, и нельзя будет отыскать даже следов меланезийского элемента.

Оран-мантра окрестностей Малакки

Об этом маленьком племени известно больше, чем о других племенах оран-утан, потому что среди них уже давно (в 1848 г.) поселились католические миссионеры.[4] Я видел оран-мантра в миссии Айер-Салак

[1] См. мое первое сообщение «Этнологическая экскурсия в Иохор».

[2] Две из измеренных мною женщин, имевшие уже по нескольку детей, были ниже 1310 мм.

[3] Вдова вождя может, как и у сакаев, наследовать его звание.

[4] Основатель миссии Borry написал небольшую статью об оран-мантра, которую я, благодаря любезности P. Desbon'a, имел возможность прочесть в рукописи. Эта статья переведена на английский язык. Ф. Ягор (см. его «Reiseskizzen: Singapore, Malacca, Java») посетил миссию в 1857 г.

близ Малакки и нашел, что из всех племен оран-утан это племя является наименее интересным объектом исследования, благодаря влиянию школы и постоянному общению с миссионерами.

Уже много десятилетий тому назад они забыли родной язык; он совершенно вытеснен малайским, на котором написаны все учебники и книги религиозного содержания. Миссионеры совершенно не заботятся о собирании остатков древнего языка.

Тип почти всех без исключения виденных мною мантра (большею частью, женщин и детей) — малайский, и если бы я не знал, что это мантра, я принял бы их за выросших в нищете и плохо питающихся малайцев и усомнился бы в наличии у них меланезийской примеси.

Индекс ширины головы у мантра[1] (15 измерений) варьирует в пределах от 74 до 89.

Оран-мантра рассказывали мне об одном племени, судя по их описанию, смешанного происхождения, обитающем в нескольких днях пути от Малакки, которое они называют «берсисси». Когда я описывал им оран-сакай, как людей с темной кожей, курчавыми волосами и отверстием в носовой перегородке, некоторые пожилые мантра говорили мне, что это кенабой, о которых они слышали от своих отцов.

ПРИБАВЛЕНИЕ

В заключение скажу несколько слов о разных названиях, под которыми племена внутренней части полуострова известны у малайцев.

«Оран-утан» — малайское название смешанных племен Иохора, Румбау и Малакки, но нередко малайцы называют так всякого человека, живущего в лесу, будь то оран-сакай, малаец, китаец и т. д.

Термины «оран-ди-далам» (люди внутренней части страны), «оран-букит» (люди холмов), «оран-гуну» (люди гор), «оран-улу» (люди верховьев рек), «оран-лаут» (люди моря) употребляются в аналогичном смысле и не являются названиями определенных племен. Оран-бенуа малайцы называют главным образом оран-утан, обитающих в южной части Иохора, по рекам Иохор и Бату-Пахат. Я неоднократно слышал о радья-бенуа, которые не были магометанами (хотя, вероятно, были малайцами), и разыскал на берегу р. Кахан то место — Тандьон-Гентан,[2] где они, по преданию, некогда жили.

По р. Муар обитают оран-райет. Названия «якун» и «оран-лиар» являются в большей или меньшей мере оскорбительными кличками.

Мантра знают еще оран-берсисси и кенабой, последних — только по имени; оран-берсисси являются, как я уже говорил, смешанным племенем, подобно самим мантра; оран-кенабой, вероятно, не что иное, как оран-сакай; оран-сакай и оран-семанг — меланезийцы «pur sang». Оран-сакай называются те из них, которые обитают в Пахане, Калантане, Тringано, а живущие на N, в Сингоро и Кеда, носят название «оран-семанг». Название «оран-удай», которое я особенно часто слышал в Пахане, судя по рассказам, относится, вероятно, к оран-сакай-лиар, так же как название «оран-каргасси», слышанное мною в Кеда.

[1] Детей и молодых людей от 9 до 20 лет.

[2] Это не что иное, как большая лужайка в лесу, на берегу р. Кахан (приток Сомброна). По преданию живущих по соседству оран-сакай-дина, здесь жили радья-бенуа. Если удалить заросли алан-алана, здесь могут быть найдены древние орудия, оружие, монеты. Такая находка, возможно, пролила бы свет на историю этой части полуострова.

Таким образом, племена Малайского п-ова делятся на:

оран-сакай оран-семанг оран-удай (?) оран-таргаси (?) оран-кенабой (?)	меланезийские племена

и

оран-утан (в Иохоре) оран-райет оран-мантра оран-берсисси	смешанные племена меланезийско-малайского происхождения

Первая группа племен является безусловно более интересною. Я надеюсь, что мое удачное путешествие побудит других исследователей продолжать изучение этих племен.

Моему продолжателю не придется тратить столько труда, как пришлось затратить мне, на поиски материала, так как из моего краткого сообщения он узнает, где можно найти эти племена и в каких условиях ему придется работать. Ему, однако, предстоит не менее трудная работа: подробное изучение этих первобытных племен, которые я имел счастье встретить, несомненно даст новые, важные и чрезвычайно интересные результаты, но для такого изучения исследователь должен, не боясь никаких трудностей и лишений, жить в течение нескольких месяцев с этими первобытными бродячими ордами их жизнью; это единственное средство изучить обычаи этих интересных дикарей, так как все, что рассказывают о них малайцы, неточно, преувеличено или совершенно неверно.

Этого дела не следует откладывать, так как эти племена постепенно исчезают, и скоро от них не останется и следа. Подобно тому, как оран-утан совершает свой путь через леса, не оставляя следов, так бесследно проходит и вся его жизнь, жизнь не только отдельного индивида, но и всего племени. Так прошли уже сотни человеческих жизней и целые тысячелетия. . .

ОБЪЯСНЕНИЕ ТАБЛИЦ

Таблица I

Фиг. 1. Сакай из Калантана, около двадцати пяти лет.

Фиг. 2. Сакайка из Калантана, около двадцати лет, в повседневном костюме.

Фиг. 3. Семанг из Сингоро, мальчик около тринадцати лет.

Фиг. 4. Нога сакая, три пальца которой вывернуты набок.

NB. Тогда как мужчина, изображенный на фиг. 1, является типичным сакаем, женщина, изображенная на фиг. 2, представляет до некоторой степени исключение; большинство ее соплеменниц низкого роста и гораздо более худые.

Проставленные сбоку числа означают расстояние от земли до соответствующих частей тела при вертикальном положении последнего.

Таблица II

Фиг. 1. Портрет сакая, около двадцати пяти лет.

Фиг. 2. Портрет сакайки, около двадцати лет.

Фиг. 3. Портрет семанга, мальчика около тринадцати лет.

Фиг. 4. Глаз того же мальчика.

Рисунок дает наглядное представление о ширине Palpebra tertia и Epicanthus'e.

Фиг. 5. Образцы волос (в натуральную величину): A. — волос сакая; B. — волос метиса меланезийско-малайского происхождения.

NB. Рисунки сделаны при помощи камеры-люциды; я сохранил в своем дорожном альбоме только наиболее удачные и похожие эскизы.

Ноябрь 1875 г.
Тампат Сусса
(Кампонг Эмпанг близ Бейтензорга).

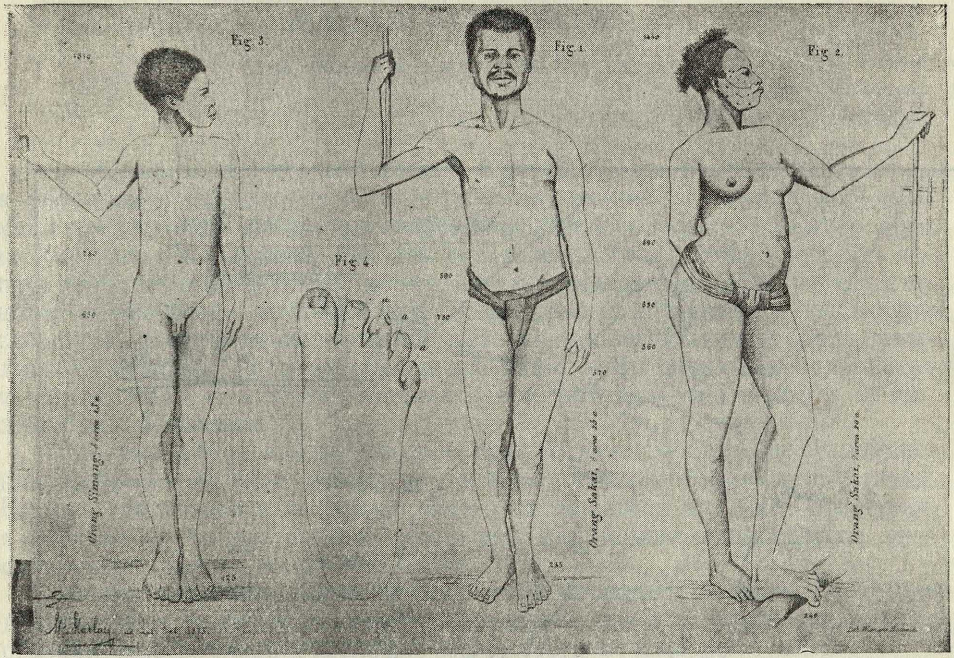

Таблица I.

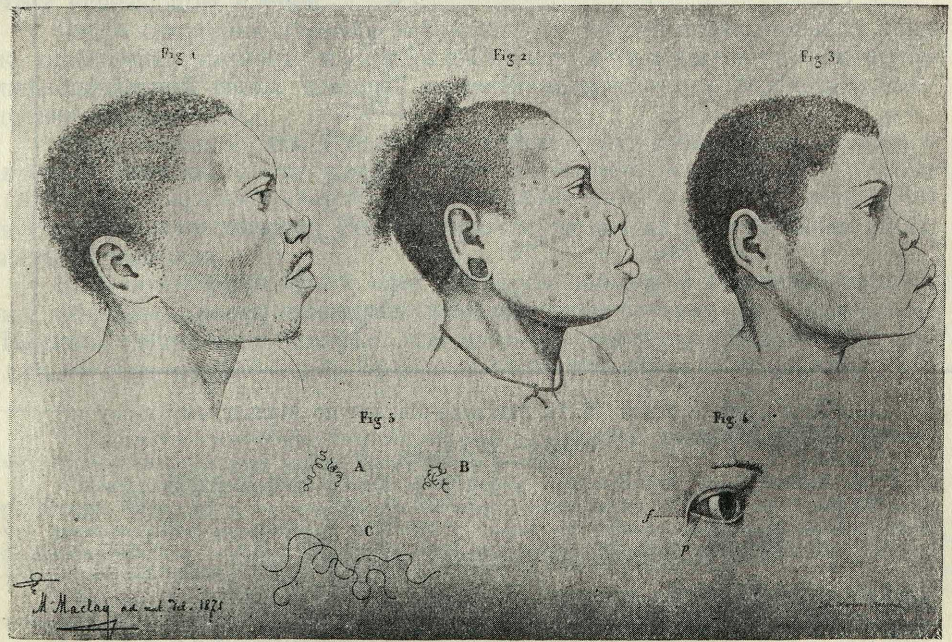

Таблица II

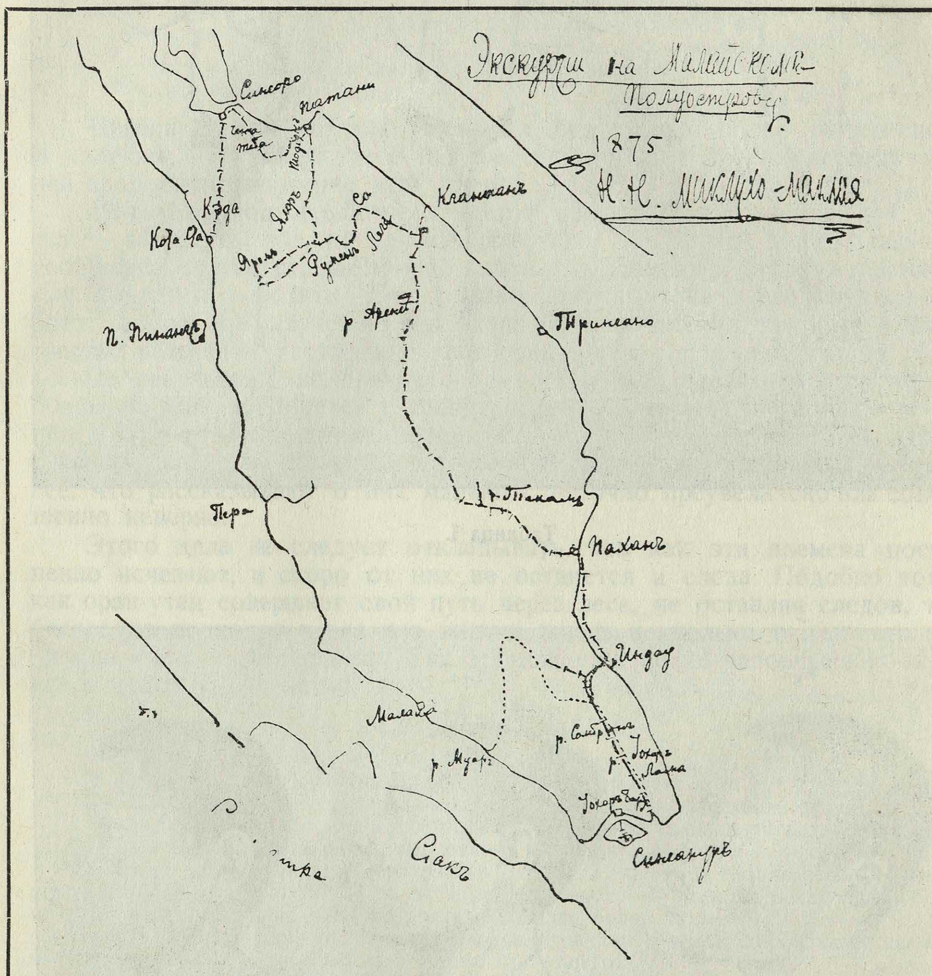

Рис. 42. Карта путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая по Малайскому п-ову в 1874—1875 гг.

О ДИАЛЕКТАХ МЕЛАНЕЗИЙСКИХ ПЛЕМЕН МАЛАЙСКОГО П-ОВА

(Два письма к акад. О. Н. Бетлингку)

I

...Желание изучить обитателей внутренней части Малайского п-ова и определить их положение в антропологическом отношении побудило меня предпринять это путешествие. Мне казалось, что это важное дело не следует откладывать, так как я с самого начала был уверен, а теперь знаю по собственному опыту, что с каждым годом эта задача становится все более трудной. Так, напр., оран-утан[1] Иохора постепенно забывают родной язык, который вытесняется малайским. Смерть каждого из стариков, еще не совсем забывших язык своих предков, ведет к новому пробелу в наших знаниях о нем, который уже никогда не может быть восполнен.

Это вымирание языка, которое предшествует постепенному изменению физического типа, побудило меня тщательно собирать его остатки. Всюду, где только я во время своего путешествия встречал оран-утан, я собирал их вокруг себя и записывал, как можно внимательнее прислушиваясь, все не малайские слова.

Чтобы составить прилагаемый, столь неполный, словарь, я всегда должен был устраивать целое совещание, так как только некоторые старики еще помнили отдельные слова этого исчезающего языка.[2]

Записанные слова я читал некоторым малайцам, хорошо знавшим свой язык; все они утверждали, что это слова не малайские; сам я не компетентен в этом вопросе и хотел бы узнать Ваше мнение, которое будет иметь большое значение для решения вопроса о происхождении этих исчезающих племен.

Чисто антропологические наблюдения и исследования привели меня к признанию наличия меланезийского элемента (остатков первоначальной расы), который постепенно исчезает в результате смешения с малайцами.

Меня поразило, что три из записанных мною слов я нашел также и в своих заметках о папуасских диалектах, именно: «дак» (море),[3] «кой» (голова)[4] и «таль» (дом).[5] Это совпадение кажется мне странным, но я должен категорически сказать, что не делаю из него никаких дальнейших выводов.

Если эти старые языки еще не совсем забыты и утрачены, то этим мы обязаны одному суеверию, которое способствует их сохранению. Именно, существует поверье, что искатели камфоры должны употреблять только старый язык. Если они заговорят по-малайски, камфорные

[1] Оран-утан — общеупотребительное у малайцев название диких бродячих племен внутренней части Малайского п-ова.

[2] Напр., числительные языка оран-райет, обитающих по Палону (приток р. Муар), знал, да и то только до четырех, лишь один старик; он говорил мне, что раньше знал названия и остальных чисел, но теперь забыл. Молодые люди большею частью говорят, что лишь старики знают древний язык, они же говорят только по-малайски.

[3] Слово дак означает «море» также и у папуасов гор Лимай на о. Люсоне, которых я посетил в 1873 г.

[4] Кой и оой — «голова» — также у папуасов гор Лимай.

[5] Таль — «дом» — у папуасов берега Маклая на Новой Гвинее.

деревья исчезнут из их глаз, или они станут неспособны увидеть искомые деревья. Поэтому старый язык называется «Bahassa-kapur» (камфорный язык). Те малайцы, которые живут в лесах, стараются вследствие этого поверья изучить камфорный язык.

Каким образом возникло такое поверие, мне кажется, нетрудно объяснить. Первобытные бродячие племена всегда были особенно искусны в добывании продуктов леса. Позже, там, где они смешались с малайцами и вследствие этого более или менее изменили свой образ жизни, те люди, которые крепко держались за образ жизни и занятия своих отцов, были самыми искусными в отыскивании произведений родных лесов. Скитаясь по лесам, они имели меньше случаев вступать в сношения с малайцами и, естественно, в большей степени сохранили свой родной язык, чем те, которые чаще общались с малайцами и держались по соседству с ними. Вот почему в сохранении старого языка (что шло рука об руку с сохранением прежнего образа жизни и навыков) стали видеть таинственное средство для обеспечения богатой добычи. Это суеверие прочно укоренилось в умах обитателей разных частей Иохора и еще долгое время будет спасать старый язык от окончательного исчезновения; даже когда значение отдельных слов будет забыто, они сохранятся в качестве настоящих «рудиментов», свидетельствующих о происхождении оран-утан.

Я нашел невозможным точно разграничить отдельные диалекты и определить их число, но, вероятно, их много; это видно из наличия нескольких слов для обозначения одного и того же предмета. Я разделил, несколько произвольно, собранные слова на две группы. В список вошли, как я уже говорил, только те слова, которые мне кажутся не малайскими.

Диалекты оран-утан Иохора[1]

солнце	matbri	tunkat
земля	atei	atel'[2]
море	dak	dak
гора	benum	benum
лес	bri	—[3]— —
камень	gmu	— — —
огонь	us', ul'	us'
дым	dilok ul'	— — —
вода	dak, diao	diao
хижина	dol'	tschendejia
дорога	swag	prokn
плантация	glokul'	— — —
дерево	delokn	— — —
банан	kei-kei	diok
ротанг	drein	— — —
собака	tiau, tchiau	diaun
тигр	diagign	tiasma
свинья	kumo	kumokn
курица	kampokn	— — —
мужчина	limo	simo
женщина	kodol'	kodo, amai

[1] Так как оран-утан — номады, то мне кажется совершенно излишним точно указывать, где именно я записал то или другое слово.

[2] ' означает, что звук, которым оканчивается слово, должен произноситься мягко.

[3] — — — означает, что соответствующие слова первоначального языка заменены малайскими.

отец	ita, mbai	mba
мать	gado	gado
жена	kompotn	— — —
ребенок	knon	— — —
сын	limon'	— — —
дочь	kodo-kanit	— — —
брат	piatn	— — —
голова	koi	bubon
волосы	suk	suk
глаз	mot	padingo
нос	mu	— — —
рот	bibir	snut
язык	lipes	— — —
ухо	ntokn	— — —
рука	tein	— — —
палец	tü	raan
шея	marokn	— — —
грудь	gno-kampotn	— — —
живот	lopot	— — —
спина	bahoi	— — —
нога	ano-kompo, betit, lutat	
ступня	diokn	— — —
палец ноги	tschere-diokn	— — —
Penis	lokn	— — —
Vagina	katschen'	— — —
хорошо	bagali	— — —
холодно	tkat	— — —
жарко	khob	gohom
смерть	kobs	— — —
есть	intia, ntia	ndia
пить	diao	— — —
спать	ietek	— — —
ходить	swag	— — —
бегать	palo	— — —
рубить, резать	nako	— — —
сумпитан	blahan	— — —
стрела	dama	— — —
один	moi	moi
два	npotn	dua
три	npe	npe
четыре	prui	npun
пять	— — —	massokn
шесть	— — —	pru
семь	— — —	tempo

28 мая 1875 г. Истана-Иохор.

По свидетельству малайцев, племена оран-утан Пахана, куда я теперь собираюсь отправиться, еще сохранили свои родные языки, которые абсолютно непонятны малайцам. Так как там с бедными лесными людьми очень плохо обращаются и поэтому они живут еще более изолированно, чем здесь (в Иохоре), то я надеюсь добыть новые и более полные данные о языках этих исчезающих племен. . .

II

. . .Еще прежде, чем я получил Ваш, очень интересный для меня ответ на мое последнее письмо, я уже был в состоянии, в результате моего второго путешествия по Малайскому п-ову, его предвидеть.

В горах Пахана и Калантана и дальше на протяжении всего пути, вплоть до Сингоро и Лигора, я встретил племена, которые, вероятно, являются первонасельниками этих областей и по своему физическому

типу принадлежат к меланезийской расе. Ведя бродячий образ жизни, уходя под напором малайцев все дальше в горы и леса полуострова, они остаются несмешанными и еще сохранили свой язык.

Мне посчастливилось во многих местностях найти эти племена, и я не упускал случая, наряду с антропологическим их изучением, записывать всюду, где только возможно, слова их диалектов. Хотя естествоиспытатель немного может сделать по части лингвистики, я взял на себя эту маленькую работу, которая, однако, потребовала от меня много терпения и внимания; я сделал это потому, что, как я уже говорил в своем первом письме, эти языки постепенно исчезают, так как эти племена частью смешиваются с малайцами, частью вымирают. Я не могу делать никаких дальнейших заключений относительно родства этих диалектов с другими папуасскими языками, но все же составленный мною маленький словарь указывает на два интересных и немаловажных факта.

Во-первых, на близость языков различных, живущих совершенно обособленно друг от друга племен оран-сакай Пахана, Калантана, Сингоро.

Во-вторых, что меня еще больше поразило, на связь в лингвистическом отношении между сильно смешанными оран-утан и живущими очень далеко от них оран-сакай северной части полуострова. Тот факт, что обособленные, ничего не знающие одно о другом, племена всего полуострова, от Иохора до Лигора (южный Сиам), лингвистически родственны друг другу, безусловно интересен. Он служит для меня новым доказательством правильности моего предположения (которое я высказал в начале этого года, еще до моего второго путешествия), что оран-утан Иохора, несмотря на большую примесь малайской крови, обнаруживают несомненные следы меланезийского происхождения.

Посылаю Вам маленький список слов диалектов этих племен и надеюсь, что мои выводы совпадут с Вашим мнением относительно рудиментов языка оран-утан Иохора.

	Диалекты несмешанных племен внутренней части полуострова — оран-сакай		Диалекты смешанных племен внутренней части полуострова — оран-утан	
	Улу-Калантан	Улу-Патани	Палон (Румпен)	Улу-Индау
солнце	kirkto	merketo, kirkto	matbri	tunkat
луна	— — —	kitchi	— —	bulatnah
небо	kte	karé	— —	— —
земля	kliet	tei	atei	atel' até
вода	tom	bateu tom	dak	diau, dak
море	tambü	— —	dak	dak
камень	tmu	kula, balu	gmu	gmu
огонь	oos	oos	us'	us', ul'
дым	assin-oos	ayei, eieioos	—	dilok-us'
гора	benum	butjak tul'	bnum	benun
лес	kĭb, ghi	dagib, daven,	bri	bri
хижина	digos	dign	tol', dol	tschendeya dol,
дорога	harbau	tib	swag	prokn
лодка	kupon	diahu	— —	— —
мужчина	timkal'	timkal'	limo	limo, simo

	Диалекты несмешанных племен внутренней части полуострова — оран-сакай		Диалекты смешанных племен внутренней части полуострова — оран-утан	
	Улу-Калантан	Улу-Патани	Палон (Румпен)	Улу-Индау
женщина	jalu	badonn, kogn	amai	kodól kodo
отец	äh	äh	mba	ita, m'bai
мать	nah	nau, bïi		gado
брат	tuh	tuh, pah	— —	piatn
сестра	tuh-jalu	nau		— —
муж	gai	késsïj	limo, simo	limon'
жена	knie	kne	— —	kompotn
ребенок	auva kanit	wogn, tanganet	— —	knon, knotsch
дочь	— —	— —	— —	kodo-kanit
голова	kui	kui	— —	koi
волосы	sok	sogk	— —	suk
лоб	pti	woos' pti	— —	— —
нос	mo	moh	— —	mu
глаз	med	med	— —	mot
ноздри	hajan-moh	— —	— —	annmanmno
рот	tinim	han', nis	— —	nut
зубы	han'	nis	— —	limon'
язык	lentek	lenteck	— —	lïpes
ухо	anten	anten	— —	ntokn
шея	tenkok	— —	— —	marokn
рука (от кисти до плеча)	blin	tenrin	— —	tein
рука	pias	pias	— —	tein
грудь	ahig	klangis	— —	gno-kampotn
живот	iet	tscheggen	— —	lopot
спина	klappe	klappe	— —	bahoi
зад	hau	hawe, puntschuk	— —	— —
Penis	la	metla	— —	lokn
Vagina	tek	kithanoi	— —	katchen'
ноги, ступни	gog	jokn	— —	ano kompo
кровь	muhum	buhum	— —	— —
кожа	kïti	kgitti	— —	— —
есть	atji	tji	— —	intia, ntie
пить	bu-batsu	amtom	— —	diao
спать	jazik	teg	— —	jetek
ходить	jaschib	tschib	— —	swag
бегать	passit	loi	— —	palo
купать	ïlai	anlai	— —	— —
стоять	njan	kidjau	— —	— —
зевать	kun	kul	— —	— —
резать	tschakwen'	tschatebo	pako	— —
иди сюда!	tschibadoi	do	— —	— —
нож	wuen'	wèn	— —	— —
копье	ad	ad, ma	— —	— —
сумпитан	blau	blau	blahan	— —
стрела	tela	gon, tenlai	dama	— —
яд для стрел	gndok	dok	ipo	— —
лук	lod'	loids	— —	— —
слон	gauii, gago	tawai, aton	— —	— —
носорог	hagab	koltos' caras'	— —	— —
птица	kawau	kawot'	— —	— —
курица	manu	— —	kampokn	— —
собака	nian, assu	e, assu, ood	tiau	tchiau, diaun
алигатор	baul	bai	— —	
свинья	gau	bis	kumo	kmokn
тигр	o, pato, kmon', ija	ogn, malen'	djagign	tiasma

*

	Диалекты несмешанных племен внутренней части полуострова — оран-сакай		Диалекты смешанных племен внутренней части полуострова оран-утан	
	Улу-Калантан	Улу-Патани	Палон (Румпен)	Улу-Индау
бамбук	gnu	— —	— —	— —
банан	kukeu	kukeu	keikei	diok
Caladium	sod	taku	— —	— —
сири	— —	tjali	— —	— —
один	— —	nai (?)	moi	moi
два	— —	nii (?)	potn	dua
три	— —	diu	npe	npe
четыре	— —	— —	prui	npun
пять	— —	— —	— —	massokn (?)
шесть	— —	— —	— —	pru (?)
семь	— —	— —	— —	tempo (?)

Ноябрь 1875 г.
Эмпанг близ Бейтензорга.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СООБЩЕНИЕ О ПУТЕШЕСТВИЯХ, СДЕЛАННОЕ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЕМ В РУССКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 1882 г.

Мм! Гг! Через восемь дней, 8 октября, исполнится 12 лет, как в этой же зале я сообщил гг. членам Географического общества программу предполагаемых исследований на островах Тихого океана. Теперь, вернувшись, могу сказать, что исполнил обещание, мною данное Географическому обществу 8 октября 1870 г.: сделать все, что будет в моих силах, чтобы предприятие не осталось без пользы для науки.

В сообщении своем я не буду следовать хронологическому порядку моих путешествий, но буду сообразоваться с программой исследований, которую я наметил себе в 1872 г., в конце своего первого пребывания на берегу Маклая на Новой Гвинее, о чем сообщу ниже. В этом первом сообщении я буду говорить о своих двух пребываниях на берегу, который, ради удобства при описании, я назвал берегом Маклая, — о пребывании в 1871 и 1872 гг. и о втором, более продолжительном, в 1876 и 1877 гг.

Мне придется иногда в этих чтениях повторять то, что было уже напечатано в разных изданиях как Русского географического общества, так и других — иностранных — ученых обществ.

Должен заметить, что хотя 12 лет и кажутся длинным периодом, но все же при критическом обсуждении результатов моего путешествия не следует забывать всех препятствий, которые мне являлись на пути и очень замедляли ход работ. К числу этих препятствий относится прежде всего продолжительность путешествия. Приведу несколько примеров. При посещении о-вов Меланезии в 1878 и 1879 гг. я провел в путешествии 409 дней, из которых 237 находился на берегу, на суше, а 172 дня — в море. При обстановке, в которой я тогда путешествовал, — на небольшой шхуне, — я мог уделить работе весьма незначительную часть времени. Мой последний переезд из Австралии в Европу, хотя и при совсем другой обстановке, длился не менее 200 дней. Приведу еще пример большой потери времени. При путешествии по Малайскому п-ову мне пришлось большею частью итти пешком в течение 176 дней, по десять часов в день. Естественно, что такие переходы требовали достаточного отдыха, на который и приходилось терять время. Значительная потеря времени сопряжена также с разными необходимыми заботами, как, напр., устройство себе жилья и поиски ежедневного пропитания. Так, в 1872 г., во время первого моего пребывания на берегу Маклая, мой ежедневный стол зависел главным образом от охоты, и мне

нередко приходилось голодать, если охота была неудачной. Потом еще препятствие — болезни. Не говоря уже о частых припадках лихорадки, которым я подвергался на Новой Гвинее и которые оставляли по себе большую слабость, очень мешавшую занятиям, мне пришлось пролежать около месяца в госпитале в Амбоине, когда к перемежающейся лихорадке присоединилась еще рожа лица и головы — болезнь, почти эпидемически господствующая на берегу Ковиай на Новой Гвинее. Целые семь месяцев проболел я в Сингапуре, вернувшись с Новой Гвинеи в 1878 г., вследствие чего вес моего тела с нормального, 147 фунтов, понизился до 93 английских фунтов, и в продолжение этих семи месяцев работать, в собственном смысле слова, я мог только весьма мало. Наконец, сюда же надо причислить крайнее недоверие туземцев, которое приходится встречать во многих малоизвестных и потому наиболее интересных местностях и которое может быть преодолено только долгим терпением и большою настойчивостью, незнание местного языка и большую трудность изучения его без вспомогательных средств, как, напр., переводчики или лексиконы. В подробном отчете о моих путешествиях найдутся еще многочисленные примеры подобных препятствий.

Выбирая в 1868 г. ту часть земного шара, которой предполагал посвятить свои исследования, я остановился на островах Тихого океана и преимущественно на Новой Гвинее, как острове наименее известном. Остановившись на этом выборе, я постарался предварительно познакомиться со всею литературой об этом острове, имея в виду главным образом цель — найти местность, которая до тех пор, до 1868 г., еще не была посещена белыми. Такою местностью был северо-восточный берег Новой Гвинеи, около бухты Астролябии. Дэмпир, который был около этого берега и именем которого назван остров Кар-Кар, прошел вдали от берега, не останавливаясь на нем. Дюмон-Дюрвиль, который дал название зал. Астролябии, потеряв у Раратонги оба якоря, также не мог остановиться и прошел восточнее Кар-Кара, определив только два крайние мыса: Дюпере и Риньи.

О моем первом пребывании на Новой Гвинее кое-что уже известно из моих печатных сообщений, так что на подробностях я не буду останавливаться. Но мне кажется, что вам было бы небезынтересно знать, каким образом я успел сойтись с туземцами и заслужить их доверие и уважение — одним словом, каким образом моя задача удалась.

Обдумав совершенно объективно все обстоятельства своего первого пребывания между туземцами и последующего знакомства с ними, я пришел к заключению, что хорошим результатом сношений с дикарями я обязан, главным образом, своей сдержанности и терпению. Высадившись на берег Маклая, я избрал для постройки хижины мысок, довольно отдаленный от обеих соседних деревень — Горенду и Гумбу; местность эта не принадлежала никому, не была до моего поселения занята никем; таким образом, поселившись вне деревень, отстоявших от места, где находилась моя хижина (называемого, как я узнал впоследствии, Гарагаси) не менее $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ мили, я не навязывал жителям своего постоянного присутствия. Это оказалось в высшей степени удачным шагом для моего дальнейшего сближения с дикими. Заметив, далее, что мой приход в деревни нарушал обычное течение жизни туземцев, что при моем появлении все женщины с детьми стремглав бросались в кусты, а мужчины брались за оружие, окружали меня и угрожали убить, я постарался найти средство, чтоб не беспокоить их внезапным появлением. Я нашел для этого очень простое средство, которое показывает, каким образом

мелочи могут иметь важные последствия. Открыв, что неожиданность моего появления сильно их беспокоит и им надоедает, я, обыкновенно, подходя к деревне, останавливался и резким свистом давал знать о своем приближении для того, чтобы дать женщинам время убраться с детьми в кусты и спрятаться там. Я скоро заметил, что вследствие этого туземцы, зная, что я не приду неожиданным гостем, стали совершенно иначе относиться к моим визитам и гораздо реже брались за оружие. Таких примеров я мог бы привести очень много.

Тотчас же по прибытии, главной моей заботой было изучение языка туземцев — задача, оказавшаяся очень трудною: не раньше четырех или пяти месяцев мне удалось познакомиться с языком настолько, чтобы понимать туземцев и быть в состоянии объяснять им самые необходимые вещи и предлагать им самые элементарные вопросы. Постепенное ознакомление с языком и, если можно так выразиться, моя деликатность в обращении с туземцами, наконец, мало-помалу преодолели их нежелание видеть меня в своей среде и поддерживать со мною сношения. Сперва они решительно предлагали мне удалиться, показывая на море — это был их постоянный жест, как бы приглашавший отправиться туда, откуда пришел. Доходило даже до того, что они почти ежедневно, ради потехи, пускали стрелы, которые пролетали очень близко от меня, главным образом, как я полагаю, для того, чтобы испугать меня или посмотреть, как я отнесусь к подобной с их стороны забаве.

При неоднократных таких опытах, которые могли кончиться плохо для меня, я только два раза был слегка оцарапан. Я скоро понял, что моя крайняя беспомощность против сотен, даже тысяч людей была моим главным оружием. Ознакомясь ближе с языком, я стал замечать, что между туземцами существует какое-то особенное мнение касательно моей личности. Мне удалось, наконец, через несколько месяцев узнать, что среди туземцев возникла мысль о моем сверхъестественном происхождении. Эта мысль возникла, выросла и окрепла среди туземцев не только без всякого с моей стороны участия или содействия, но даже без моего ведома, так как сам я узнал о существовании ее только впоследствии, ближе ознакомившись с местным языком.

Я стал замечать, что в разговорах между собою они часто употребляли весьма странную комбинацию слов: «каарам тамо»; «каарам» означает луна, «тамо» — человек. Сначала я не мог понять значение этого выражения и, только познакомившись, наконец, с языком папуасов настолько, чтоб спросить у них «что это такое», где находится «каарам тамо», я, к своему крайнему удивлению, узнал, что так они называют меня. Но все-таки весьма ограниченное знание языка не позволило мне задать дальнейшие вопросы, чтобы тотчас же разъяснить, каким образом они пришли к такому странному заключению относительно моего происхождения. Наконец, уже на четвертом месяце моего знакомства с ними, когда я успел ознакомиться с языком достаточно хорошо, при новых расспросах о происхождении этого выражения, я узнал следующее. Спросив однажды одного из туземцев: «Кто тебе сказал, что я каарам-тамо?», т. е. человек с луны, — я получил ответ: «Да все говорят это». — «Кто же эти все»? — «Да ты спроси их (при этом он указал на подле стоявших): вот тот, тот и тот, все тебя так называют». Узнав, наконец, кто первый назвал меня таким образом (мне сказали, что это был Бугай, из дер. Горенду), я тотчас же отправился в эту деревню, отыскал Бугая и спросил его: «Почему ты думаешь, что я пришел с луны?» — «Потому что у тебя огонь с луны». Опять яви-

лось затруднение: что они называют «огнем с луны»? Я стал объяснять им, что огонь, который горит в моей хижине или зажигается в ней, совершенно такой же как и тот, который горит в Горенду, Гумбу и других деревнях. «Все это так, — отвечал Бугай, — но у тебя в твоей хижине есть еще другой огонь, который с луны». Снова пришлось расспрашивать, и, наконец, я узнал, что этот дикарь, Бугай, будучи раз с товарищем на рыбной ловле, увидел около моей хижины яркий, белый свет и так испугался, что сейчас же бросился в деревню и стал звать всех посмотреть на «огонь с луны», как он назвал этот необыкновенный огонь. С этого времени, сначала в ближайших деревнях, а потом и в более отдаленных, стали звать меня «человеком с луны». Долго я не мог сообразить, какой особенный огонь они могли видеть у меня. Припомнив хорошенько все обстоятельства своей жизни в Гарагаси, я остановился, как на более вероятном, на следующем объяснении. Однажды, в бурную ночь, когда мне надо было отыскать что-то под хижиной (хижина в Гарагаси стояла на сваях), я вздумал зажечь один из фальшфейеров, оставленных мне командиром корвета «Витязь». Этот-то случай окончательно утвердил в мозгу туземцев убеждение в моем сверхъестественном происхождении, первоначальное зерно которого брошено было, вероятно, моим неожиданным появлением среди них. Туземцы, раз напав на эту мысль, стали объяснять положительно всякую относящуюся ко мне мелочь каким-нибудь особенным, сверхъестественным образом. Они были убеждены, напр., что я могу зажечь воду, могу летать и т. д. Все эти атрибуты, которыми они облекали каарам тамо — человека с луны, становились широко известны весьма быстро, вследствие того, что моим соседям было выгодно как можно больше рассказывать обо мне, как о существе необыкновенном. Чем более они возвышали меня в глазах жителей более отдаленных деревень, тем более возвышались и сами, тем более казались страшными своим врагам.

Вскоре туземцы соседних деревень дали мне доказательство своего ко мне доверия. Однажды, когда жители более отдаленных деревень объявили моим соседям, жителям Горенду и Гумбу, войну и хотели напасть на них, соседи мои решились на совершенно неожиданный поступок, который немало удивил меня. В продолжение четырех или пяти месяцев они ни разу не показывали мне своих жен или детей. Извещенные о моем приближении к деревне свистком, все женщины и дети убегали и оставались в лесу до тех пор, пока я не уходил; да я и сам старался не обнаруживать особенного желания видеть их. Как же поэтому велико было мое изумление, когда однажды несколько десятков женщин с грудными детьми были приведены к моей хижине в Гарагаси (в то время я уже хорошо понимал их язык), и один из старых людей, которых они называют «тамо боро» (большой человек), обратился ко мне с просьбой о позволении оставить их около моей хижины на несколько дней, так как они ожидают нападения неприятеля. Хотя меня очень беспокоит и раздражает крик детей, но я согласился на их просьбу. Враги моих соседей были напуганы этим обстоятельством и, видя меня на стороне деревень Горенду и Гумбу, удержались от нападения, и, таким образом, вся история обошлась без кровопролития.

Чем больше распространялась моя известность как каарам-тамо (человека с луны), тем удобнее стало для меня являться в окрестные деревни, и мои исследования и наблюдения пошли гораздо успешнее. Вообще чем менее я менял свое поведение, чем более я оставался самим собою, т. е. «европейцем», «ученым», «исследователем», чем больше от-

личался от туземцев, тем более укреплялась в них идея о моем неземном происхождении, для поддержания которой мне не приходилось играть никакой роли и не принимать никаких мер. В отношениях своих с туземцами я строго наблюдал за собою, чтобы всегда даже малейшее данное мною обещание было исполнено, так что у папуасов явилось убеждение, выражаемое ими в трех словах и ставшее между ними родом поговорки: «балан Маклай худи», что в переводе значит: слово Маклая одно. Но, чтобы они дошли до такого мнения, я, действительно, должен был весьма заботиться о том, чтобы никогда ничего не обещать, чего не могу сделать. Это исключительное положение много помогало мне в частых сношениях с туземцами и давало мне возможность оказывать на них хорошее влияние при часто возникавших между ними междоусобиях и войнах.

По мере знакомства с туземцами, с их образом жизни и нравами, в сентябре и ноябре 1872 г., т. е. в конце моего пребывания в Гарагаси, мне стала представляться программа дальнейших исследований на островах Тихого океана. Изучив туземцев берега Маклая в антропологическом и этнологическом отношениях, я наметил себе задачу исследования всей папуасской или меланезийской расы.

Таким образом, мне представлялась необходимость, во-первых, познакомиться с папуасами других частей Новой Гвинеи для сравнения их с изученными мною жителями берега Маклая; во-вторых, сравнить папуасов Новой Гвинеи с обитателями других островов Меланезии, в-третьих, выяснить отношение папуасов к «негритосам» Филиппинских о-вов, доказать присутствие или отсутствие курчавоволосой расы на Малайском п-ове и, в случае ее присутствия, сравнить ее представителей с остальными меланезийцами. Программу эту мне удалось выполнить, но на выполнение потребовалось десять лет путешествий.

Вернувшись с Новой Гвинеи и прибыв в мае 1873 г. на о. Яву, я воспользовался там гостеприимством генерал-губернатора Нидерландской Индии и занялся приведением в порядок своих наблюдений на берегу Маклая в 1871—1872 гг., результатом чего был ряд статей в батавийском журнале естественных наук («Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie»). Случилось это таким образом: страдая в то время лихорадкой-денга (кнокель-курс — голландцев или денью-фивер — англичан) с опухолью суставов пальцев, я не в состоянии был писать и должен был диктовать. Вот причина, почему статьи эти напечатаны в иностранном журнале, на чужом языке; будь я сам здоров или имей под руками переписчика, умеющего писать по-русски, я, без сомнения, прислал бы статьи в Русское географическое общество.

Таким образом напечатаны были:

1) «Anthropologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea»,

2) «Ueber Brachyocephalie bei den Papuas von Neu-Guinea»,

3) «Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea» (I und II),

4) «Notice météorologique concernant la Côte-Maclay en Nouvelle-Guinée».

Наконец, я послал проф. Брока в Париж маленькую статейку под заглавием «Vestiges de l'art chez les Papouas de la Côte-Maclay en Nouvelle-Guinée», которая составляла начало целого ряда статей, посвященных вопросу об искусстве папуасов, но от проф. Брока я не получил ответа, вероятно, по случаю его смерти, и только теперь случайно узнал,

что означенная статейка моя напечатана в «Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris» (t. I, 3-me Sér., Année 1878); последующие же статьи о том же предмете остались ненапечатанными и находятся в моих бумагах.

Вышеозначенные брошюры заключают в себе предварительные сообщения о результате моих исследований на Новой Гвинее в 1871—1872 гг.

Чтобы дать понятие о содержании означенных сообщений и важном значении находящегося в них материала, я сообщу подзаголовки одной из статей по этнологии: 1) пища туземцев; 2) приготовление пищи; 3) кухонные принадлежности и орудия; 4) орудия, употребляемые при разных работах; 5) одежда и украшения; 6) деревни и жилища; 7) внутренность хижин; 8) ежедневная жизнь папуасов; 9) заметки об изучении языка, 10) искусства; 11) суеверия и обычаи, связанные с суевериями, и 12) музыка и пение. К этому могу лишь прибавить, что в моих коллекциях, оставленных в Сиднее, особенно богатых предметами с берега Маклая, имеются в большом количестве образчики домашней утвари, орудий, оружия и других употребляемых в разных случаях их жизни предметов. Сверх того, в коллекциях моих находится полное и чрезвычайно интересное в антропологическом отношении собрание черепов.

Отправляясь, в декабре 1872 г., на «Изумруде» с берега Маклая, я обещал туземцам, которые сильно горевали о моем отъезде, вернуться к ним. В январе 1876 г. мне удалось исполнить это обещание: я отправился вторично на Новую Гвинею. Это путешествие, совершенное на маленькой английской шхуне «Sea-Bird», было сопряжено с большими неудобствами и богато приключениями.

С Явы я отправился на о. Целебес и, пройдя около о-вов Геби и группы Пеган, отправился на о. Яп, а оттуда на группу Пелау, или Пелью. Побывав там и пройдя группу Улеай и о-ва Матвея, я посетил о-ва Адмиралтейства, о-ва Луб, Ниниго и, наконец, прибыл на Новую Гвинею. Краткое сообщение об этой экспедиции напечатано в Известиях Географического общества, а также в Petermann's Geogr. Mittheilungen, 1879 (Reise in West-Mikronesien, Nord-Melanesien und ein dritter Aufenthalt in Neu-Guinea, von Febr. 1876 bis Jan. 1878). Я вернулся снова на берег Маклая затем, чтобы, зная хорошо язык туземцев и пользуясь их полным доверием, дополнить свои наблюдения и окончательно выяснить некоторые, не вполне разрешенные мною при первом посещении вопросы. Мои ожидания вполне оправдались. Полное знание языка туземцев, а, главным образом, их доверие ко мне весьма облегчили мои исследования.

Само собою разумеется, что я обставил свое пребывание на Новой Гвинее совершенно иным образом, чем в 1871 г. Вместо хижины, которая была не более 7 кв. футов, я привез с собою из Сингапура удобный дом и поставил его в другом месте берега, чем в 1871 г. На этот раз моя резиденция находилась в полумиле от порта Константина, на мыске, называемом туземцами Богарлом (или Бугарлом). Таким образом, при более удобной обстановке, я мог заняться анатомическими работами.

Мне удалось еще посетить значительные пространства берега Новой Гвинеи — миль 180 от мыса Круазиль до мыса Теляты — и притом очень удобным образом. С двумя слугами и несколькими жителями дер. Били-Били я отправился в двух пирогах вдоль берега, останавливался почти во всех деревнях и везде встречал радушный прием, благодаря моим спутникам — папуасам, которые, будучи моими старыми знакомыми, хорошо знали меня и знали туземные языки, так что я мог очень легко познакомиться с образом жизни и нравами береговых папуасов, которые

в этнологическом отношении очень различаются между собою: каждая деревня имеет свои характерные особенности.

Мое влияние на туземцев оказалось так сильно, что мне удалось совершенно прекратить, на все время моего пребывания, постоянные междоусобные войны. Этот результат был для меня в высшей степени приятен. Эти войны имеют более характер убийств, чем характер войны или боя в открытом поле. Каждое убийство ведет к новым репрессалиям, и, таким образом, вся война состоит из ряда вендетт. Войны страшно вредили всему населению, так что туземцы боялись отходить на несколько часов от своих селений. Вследствие своего положения и авторитета как «человека с луны» я имел возможность положительно запретить войны и вскоре увидел хороший результат этого запрещения.

Во второе пребывание на Новой Гвинее, вследствие более удобной обстановки, я гораздо менее подвергался приступам лихорадки, так что я мог более времени употреблять на занятия, состоявшие, как я сказал, главным образом из этнологических исследований, причем, однако, никогда не упускал из виду и сравнительно-анатомических работ. Но я полагал, что мне следует главным образом заняться изучением туземцев и их образа жизни. Я застал их на самой низкой ступени развития: металлов они совершенно не знали, и все их орудия были сделаны из камня, кости и дерева. Они не умели даже добывать огонь. Несомненно, что такая примитивная жизнь, во всех ее мелочных подробностях, представлялась интересным предметом исследования для всякого естествоиспытателя. Сверх того, эта ступень развития туземцев берега Маклая переходная, и многое должно было измениться уже вследствие одного моего пребывания между ними. Так, они познакомились с употреблением железа и целого ряда других предметов, которых прежде совершенно не знали, и ряд новых идей явился в их уме. В непродолжительном, быть может, времени вследствие развития торговли в Тихом океане жители берега Маклая войдут в сношения с другими народами, и тогда их примитивность вполне исчезнет, а вместе с тем исчезнет большая часть того научного интереса, который представляют дикари в их первобытном состоянии.

Позволяю себе привести здесь несколько строк из моего письма Русскому географическому обществу о втором пребывании моем на берегу Маклая на Новой Гвинее, в 1876 и 1877 гг.[1] О выборе главного предмета своих исследований я писал тогда следующее:

«Если заметят, что я ни слова не говорю о новооткрытых видах райских птиц, не обещаю описать сотни и привести тысячи редких насекомых, меня, может быть, удивляясь, спросит ревностный зоолог: отчего я ради вопросов по этнологии, которая собственно не составляет моей специальности, отстранил от себя собирание коллекций? Я отвечу на это, что, хотя я считаю вопросы зоогеографии этой местности весьма интересными, особенно после весьма подвинувшегося в последние годы знакомства моего с фауною Малайского архипелага, все-таки почел за более важное: обратить мое внимание, теряя при этом немало времени, на status praesens житья-бытья папуасов, полагая, что эти фазы жизни этой части человечества, при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день), весьма скоро проходящи. Те же райские птицы и бабочки будут летать на Новой Гвинее даже в далеком будущем, и собирание их будет восхищать зоолога; те же насекомые постепенно наполнят его коллекции, между тем как, почти наверное, при повторенных сношениях с белыми, не только нравы и обычаи теперешних папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса, в его примитивном состоянии, в горах Новой Гвинеи, подобно тому, как я искал оран-сакай и оран-семанг в лесах Малайского п-ова.

«Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи — я был прав».

[1] Изв. Русск. географ. общ., т. XIV, вып. 2, стр. 170.

Благодаря большому ко мне доверию туземцев я во время второго у них пребывания имел возможность познакомиться с весьма интересными обычаями: брачными, погребальными и др. Укажу для примера на некоторые обычаи. Так, туземцы оставляют покойников гнить в хижинах. Когда человек умирает, его тело приводят в сидячее положение; потом труп оплетают листьями кокосовой пальмы в виде корзины, около которой жена покойного должна поддерживать огонь в течение двух или трех недель, пока труп совершенно не разложится и не высохнет. Случаи зарывания трупов крайне редки и происходят только тогда, когда какой-нибудь старик переживет всех своих жен и детей, так что некому поддерживать огонь. Это и случилось с моим знакомым Маде-Боро, гробница которого под барлой (нары) перед его опустевшей и запертой хижиной представлена на одном из моих рисунков. Трупы умерших детей подвешивают в небольших корзинах под крышей хижин. Описанный способ погребения обыкновенно сопровождается многими обрядами, которые подробно изложены в одной из вышеупомянутых статей.

Я уже говорил, что папуасы не умели добывать огонь, и когда я спрашивал их об этом, то они положительно не понимали моего вопроса и даже находили его смешным. Они говорили, что если у одного погаснет огонь, то он найдется у другого; если во всей деревне не будет огня, то найдется в другой. Некоторые туземцы говорили мне, что их отцы и деды рассказывали, что помнят или в свою очередь слыхали о времени, когда у людей вовсе не было огня, и им приходилось есть пищу сырой, вследствие чего у них бывала болезнь десен, название которой сохранилось до сих пор.

Когда, в ноябре 1877 г., я решил, наконец, вернуться в Сингапур на случайно зашедшей английской шхуне, то приказал оповестить по всем деревням, чтобы ко мне из каждой деревни явилось по два человека: самый старый и самый молодой. Ко мне пришло более чем по два человека, так что около моей хижины собралась большая толпа. Когда все они сгруппировались около меня, я сказал им, что покидаю их на время и, вероятно, не скоро вернусь. Они почли долгом выразить мне свое неудовольствие и очень сожалели о моем отъезде. Потом я объяснил им, что, вероятно, другие люди, такие же белые, как и я, с такими же волосами и в такой же одежде, прибудут к ним на таких же кораблях, на каких приезжал я, но, очень вероятно, это будут совершенно иные люди, чем Маклай. Я считал своим долгом предупредить этих дикарей относительно того класса промышленников, которые еще до сих пор делают острова Тихого океана местом весьма печальных сцен. Еще до сих пор так называемое «kidnaping», т. е. похищение людей в рабство разными средствами, там встречается и производится под английским, германским, американским и французским флагами. Я ожидал, что и на Новой Гвинее может случиться то же, что на о-вах Меланезии (Соломоновых, Новогебридских и др.), где население стало уменьшаться значительно вследствие вывоза невольников. Поэтому, полагая, что и берег Маклая будет со временем целью посещения судов работорговцев, я счел долгом предупредить папуасов и объяснить им, что хотя они и увидят такие же суда и таких же людей, как Маклай, но эти люди могут их увезти в неволю. Это предупреждение привело их в большое смущение, и они положительно хотели воспротивиться моему отъезду и старались уговорить меня остаться. Тогда я посоветовал им никогда не выходить к белым навстречу вооруженными и никогда даже не пытаться убивать их, объясняя им всю силу огнестрельного оружия,

сравнительно с их стрелами и копьями. Я им советовал, для предупреждения бед, при появлении судна сейчас же посылать своих женщин и детей в горы. Я им указал, однако, каким образом они могут отличить друзей от недругов. Впоследствии я узнал, что все мои советы, выслушанные со вниманием, были исполнены в точности. После моего отъезда пришла английская шхуна из Мельбурна на берег Маклая с золотоискателями, которые полагали, что я скрыл присутствие там золота, и хотели исследовать берег в этом отношении. Это было год спустя после моего отъезда. Я встретил в Мельбурне в прошлом году одного из участников этой экспедиции, который и рассказал мне, что они нашли мою хижину в том виде, как я ее оставил, и что дверь и замок были целы, а плантация около дома содержалась так хорошо, что имела вид сада. Когда мистер П., участник экспедиции, взялся за замок, чтобы посмотреть, нельзя ли войти в хижину, то полдюжины рук схватили его, и папуасы объяснили ему знаками, что это принадлежит Маклаю и что ему нечего тут искать. Демонстрация эта была настолько внушительна, что белые поспешили убраться, видя, что туземцы, пожалуй, станут защищаться.

Я получил еще одну весть о моих друзьях: военное судно было послано туда вследствие распоряжения the High Commissioner of the Western Pacific Sir Arthur Gordon.

Перед отъездом Ромильи (Deputy-Commissioner) на берег Маклая я имел случай видеть его в Сиднее и передал ему те знаки и слова, по которым он мог быть узнан туземцами как друг Маклая. Из рассказа вернувшегося Ромильи я убедился, что все, даже мельчайшие подробности моих советов папуасами были исполнены. Так, в течение многих часов, пока он не сделал известных знаков, ни один человек не осмеливался подойти в своей пироге к шхуне; но как только он сделал знаки и сказал условные слова, которым я его научил, моментально все изменилось: десятки пирог явились к шхуне, и все начали кричать, произнося постоянно имя: Маклай. Тогда Ромильи представился им как «брат Маклая», после чего он был отведен к моему дому и вообще встречен туземцами в высшей степени дружелюбно.

Я уже сообщил, что результаты моего первого пребывания на Новой Гвинее, в 1871 и 1872 гг., были изложены в четырех статьях на французском и немецком языках; но во время второго моего там пребывания, при более обширном знакомстве с папуасским языком, мне удалось многое дополнить, а по этнологии добыть данные, более важные и удовлетворительные. Поэтому мысль вторично посетить берег Маклая оказалась в высшей степени удачною в отношении моих исследований.

Как известно, отправляясь на Новую Гвинею, я имел в виду исследование меланезийского или папуасского племени и с этою целью нарочно избрал ту часть Новой Гвинеи, которая была до меня еще совершенно не посещаема белыми. Мое почти трехлетнее пребывание на берегу Маклая убедило меня, что туземцы этого берега не находились до моего приезда в соприкосновении ни с белою, ни с малайскою расами. Я удачно попал именно в такое место, где папуасская раса была совершенно чиста, без всякой посторонней примеси, тогда как на других островах Меланезии, как я сообщу далее, она является более или менее смешанною с другими расами. Основываясь на поверхностных и отрывочных наблюдениях различных путешественников, позднейшие ученые предполагали существование на Новой Гвинее нескольких различных племен, причем отличали прибрежных жителей от обитателей внутрен-

них гористых местностей. Поэтому представлялось необходимым прежде всего проверить это мнение относительно берега Маклая и местностей, к нему прилегающих. Сделав значительное число экскурсий внутрь страны, в горы и посетив различные, по возможности отдаленные, места вдоль берега, я пришел к положительному убеждению, что никакого расового различия между прибрежными жителями и обитателями горных местностей не существует. Везде живет одно и то же племя, имеющее одинаковый антропологический habitus и отличающееся по местностям только языком и подробностями образа жизни и обычаев. Таким образом, вопрос о существовании на Новой Гвинее нескольких различных рас решен мною в отрицательном смысле.

Далее, касательно черепа папуасов существовало мнение, что отличительный его признак — долихокефалия, или длинноголовость. Это мнение принималось как совершенно доказанная истина, и даже один из известнейших современных антропологов, проф. Р. Вирхов, считал необходимым, на основании формы черепа, различать как две вполне самостоятельные и отдельные расы — длинноголовых (долихокефальных) папуасов и короткоголовых (брахикефальных) негритосов (Филиппинских о-вов). Для разрешения этого вопроса — длинноголовости (долихокефалии) папуасов — я обратился как к самому надежному средству — к измерению голов туземцев, что для меня было значительно облегчено обычаем папуасских женщин брить голову по выходе замуж.

Я сделал сотни таких измерений и, к моему величайшему удивлению, между сотнями измеренных голов десятки оказались брахикефальными или очень склонялись к брахикефалии.

В виду такого результата, для предупреждения каких-нибудь сомнений со стороны ученых относительно правильности и точности своих измерений, я запасся достаточным количеством краниологического материала — папуасскими черепами, которые вполне подтверждают результаты, полученные мною путем измерения. Таким образом, признак длинноголовости (долихокефалии) для расового отличия папуасов оказывается несостоятельным. Ширина черепа папуасов Новой Гвинеи относительно длины варьирует между 62 и 86, т. е. в весьма широких пределах.

Далее, во многих учебниках по антропологии, как на признак, отличающий папуасов от других темных, курчавоволосых рас, указывается, что у папуасов курчавые волосы растут будто бы не равномерно, а группами, или пучками, так что между этими группами, или пучками, находятся извилистые безволосые пространства. Наблюдая волосы на голове и теле как детей, так и взрослых папуасов и внимательно рассматривая распределение волос на коже, я убедился положительно, что у папуасов ни в каком возрасте особенной пучкообразной группировки волос не существует.

Следовательно, и этот общепринятый в учебниках признак папуасского племени оказался несостоятельным.

Наконец, некоторые антропологи, никогда не выезжавшие из Европы, как на хороший признак при классификации различных рас (папуасской, негритосской, негритянской), указывают на размер (диаметр) спирали (завитка) волос и, на основании этого признака, отличают, напр., папуасов от негритосов, утверждая, что у негритосов волосы представляют гораздо более узкие спирали, а именно — диаметр волосной спирали, или завитка, равняется 1—2 мм. Но, по произведенным мною наблюдениям и измерениям, отрезанные у папуасов Новой Гвинеи волосы свертывались

спиралью (завитками), диаметр которой в очень многих случаях не превышал 1—1½ мм, причем оказалось, что диаметр спирали, или завитка, волос, взятых с различных частей головы (виска, затылка), а тем более различных частей тела, весьма различен и сильно варьирует. Таким образом, и это основание (диаметр спирали волос) для классификации рас, которое было серьезно защищаемо некоторыми учеными, не выдерживает критики.

Все вышеуказанные вопросы могли быть разрешены только благодаря громадному, так сказать, живому материалу, который находился у меня под руками.

Познакомившись с папуасами берега Маклая, я решился для сравнения и проверки произведенных на этом берегу антропологических наблюдений посетить другие местности Новой Гвинеи. Отдохнув в течение шести месяцев в Бейтензорге, на о. Яве, и приготовив к печати предварительные сообщения о результате первого путешествия, я отправился на этот раз на берег Новой Гвинеи, противоположный берегу Маклая, где, по разным соображениям, предполагал найти более или менее чистое, несмешанное папуасское население. В декабре 1873 г. на почтовом голландском пароходе выехал я из Батавии и, посетив разные порты Явы, через Макассар, Тимор, Банду, прибыл в Амбоину, где хотя и нашел средства к дальнейшему путешествию, но не мог получить новых для меня сведений о Новой Гвинее. Из Амбоины я отправился на один из островов группы Серам-Лаут — островок Кильвару, откуда дальнейшее путешествие представлялось возможным только с помощью малайского прау. Но здесь возник чрезвычайно важный вопрос: какую именно часть берега Новой Гвинеи избрать местом исследований?

Легко понять, какое важное значение имеет удачный выбор места для тех или других научных наблюдений и исследований. Поэтому, прежде чем остановиться на той или другой местности, я постарался собрать приблизительные сведения о Новой Гвинее как у малайцев, так и в литературе.

Необходимо заметить, что малайцы о. Целебеса, главным образом, макассарцы, уже в течение трехсот-четырехсот лет имеют сношения с Новой Гвинеей, равно как и жители о-вов Серам-Лаут, Серам и Кей также часто отправляются туда за невольниками, для ловли и покупки у туземцев черепахи, трепанга и жемчужных раковин. Я узнал также, что в тех частях берега Новой Гвинеи, которые называются «Папуа-Онин» и «Папуа-Нотан», малайцы всегда принимаются туземцами в высшей степени дружелюбно и что хорошие отношения установились между ними уже издавна, так что на этих частях берега, я, по всей вероятности, встретил бы смешанное население. В интересной статье Леупе (P. A. Leupe. De reizen der Nederlanders naar Nieuw-Guinea en de papoesche eilanden in dè 17-e en Euw.),[1] в которой описаны сношения малайцев и европейцев с туземцами Новой Гвинеи в XVI и XVII столетиях, я нашел, между прочим, заметку о том, к какому средству прибегли малайцы о. Целебеса для того, чтобы, установив совершенно правильные сношения с западным берегом Новой Гвинеи, иметь вполне в своих руках этот рынок. Отправляясь на Новую Гвинею, они брали с собою молодых девушек из хороших малайских семейств и отдавали их в жены более влиятельным туземцам, а в обмен вывозили папуасских девушек,

[1] Bijdragen oor de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indie, Deel. X, 1865.

которых выдавали на Целебесе замуж за малайцев. Таким образом установились родственные связи между макассарцами и прибрежными папуасами Новой Гвинеи, вследствие чего между ними упрочились тесные и исключительные торговые сношения. Вот почему названный голландский ученый Леупе, роясь в архивах, нашел, что все попытки голландцев в XVI и XVII веках завладеть рынком Новой Гвинеи были уничтожены вследствие такого вероломства, как он выражается, со стороны макассарцев. Убедившись из этого, что папуасская раса на берегах Папуа-Онин и Папуа-Нотан уже в течение нескольких сот лет подвергалась смешению с малайской, я, для того чтобы найти чистокровных папуасов, решил избрать другой берег Новой Гвинеи для своей экскурсии, именно — берег Папуа-Ковиай.

О жителях берега Папуа-Ковиай ходили между малайцами самые ужасные рассказы: их считали людоедами; уверяли, что они нападают на приходящие к берегу суда, грабят, убивают, поедают экипаж и т. п.

Все эти страшные рассказы малайцев о разбойничестве и людоедстве жителей берега Папуа-Ковиай и побудили меня избрать именно эту местность, так как я надеялся встретить там чистокровное папуасское население.

С большими затруднениями мне удалось нанять небольшое малайское прау или, как его называют на о-вах Серам-Лаут, небольшой «урумбай» — судно, имевшее приблизительно 30 футов длины и 8 футов ширины; на это судно я должен был взять экипаж в 16 человек, так как в меньшем числе малайцы не решались отправиться в гости к папуасам берега Ковиай. Они уверяли, что при меньшем числе людей весь экипаж будет перерезан. Сверх того, в Амбоине я запасся хорошим поваром и охотником, которые были христиане и, оставив свои дома и семейства в Амбоине, желали, разумеется, со временем вернуться домой; я знал их за честных людей, так как раньше они служили у других натуралистов, от которых имели хорошие рекомендации, и я мог более или менее на них положиться.

Не желая иметь в своем экипаже людей из одной какой-нибудь местности, знакомых между собою, я намеренно оставил при себе по нескольку человек из разных местностей и даже разных племен; так, у меня были малайцы, папуасы и др. Люди знакомые легче могли сговориться между собою, оказать мне скопом неповиновение, сопротивление и даже напасть на меня.

Наконец, когда урумбай и люди мои были готовы, мы отправились с о-вов Серам-Лаут сперва к о-вам Ватубелла, а затем, повернув на NO и пройдя между п-овом Кумава и о. Ади, прибыли к берегу Папуа-Ковиай. Я посетил сначала великолепную бухту Тритон-бай, около которой почти за 40 лет до моего прихода находилась голландская колония Форт дю-Бюс (Fort du Bus); от этой колонии в настоящее время, кроме нескольких камней в лесу, ничего не сохранилось. Колония была основана в 1828 г. и существовала до 1836 г., т. е. в течение восьми лет. Голландцы старались поддержать ее существование, высылая ежегодно по 150—200 солдат-яванцев с европейскими офицерами; но вследствие лихорадок и дизентерии немногим из людей приходилось возвращаться: почти весь гарнизон обыкновенно вымирал до прихода смены. Когда я прибыл в Тритон-бай, я не мог найти у туземцев даже и воспоминания об этой колонии (в моем экипаже находились два-три человека, знавшие местный язык и служившие мне переводчиками), и только один из

стариков-папуасов, радья Айдумы,[1] мой приятель, вспомнил, что есть в лесу, недалеко от берега, так называемая рума-бату (т. е. каменный дом). Действительно, по указанию радьи Айдумы, мне удалось найти в лесу следы бывшей здесь колонии Форт дю-Бюс: фундаменты нескольких домов и заржавленный чугунный щит с нидерландским гербом, найденный мною на земле и покрытый мохом. Исследование местности позволило мне внести несколько исправлений на карты этой страны. То, что изображалось на прежних картах в виде части материка Новой Гвинеи, оказалось в действительности весьма живописным проливом, отделяющим группу о-вов Мавары от материка. Пролив этот я назвал проливом великой княгини Елены Павловны (другой пролив, отделяющий о. Наматоте от материка, назван мною проливом королевы Софии в честь покойной королевы нидерландской). Для пребывания своего я выбрал в высшей степени красивое место — Айва, мысок, находящийся между обоими вышеназванными проливами, где с помощью взятых с собою необходимых для постройки хижины принадлежностей в виде «атап» (сплетенных особым образом листьев саговой пальмы), которые составляют удобный материал для построек, мои люди скоро выстроили хижину, и я немедля принялся за антропологические исследования. Хотя среди населения, особенно среди детей, встречались особи, служившие положительным доказательством смешения, но вообще можно сказать, что обитатели Папуа-Ковиай представляются чистокровными папуасами.

Отсутствие помеси или присутствие ее только в незначительной степени объясняется тем, что малайцы никогда не поселялись на этом берегу и, заходя сюда лишь изредка, вступали в случайные, временные связи с папуасскими женщинами; рождавшиеся от таких случайных связей полукровные дети бросались родителями на произвол судьбы и редко достигали зрелого возраста. Так как вопрос о том, населяет ли Новую Гвинею одно племя или несколько различных племен и даже рас, представлялся нерешенным в науке, то я не доверился первому общему впечатлению, которое было в пользу полного сходства жителей берега Папуа-Ковиай с обитателями берега Маклая. В самом деле, помимо некоторых особенностей костюма, я встретил здесь множество физиономий, которые вследствие поразительного сходства можно было принять за физиономии братьев или близких родственников многих знакомых мне папуасов на берегу Маклая.

Но я не поддался этому первому впечатлению и старался проверить его на деле, для чего занялся антропологическими измерениями, насколько туземцы позволяли над собою эти манипуляции. Я сообщу здесь только некоторые результаты измерений. Так, напр., рост людей на берегу Маклая варьирует между 1 м 74 см (максимум) и 1 м 42 см (минимум); рост женщин, у которых есть вполне взрослые дети, 1 м 32 см. Рост туземцев Папуа-Ковиай разнится от приведенных цифр весьма незначительно, именно: максимум роста мужчин 1 м 75 см и минимум 1 м 48 см; женщин 1 м 31 см. Между тем как индекс ширины черепа на берегу Маклая 86.4 и минимум 64.0, на Папуа-Ковиай — 80 и 62. Опять-таки различие пропорций незначительное.

Независимо от этого, как показывают приведенные цифры, и на берегу Папуа-Ковиай подтвердился результат, добытый мною на берегу Маклая, т. е. что между жителями Новой Гвинеи вообще встречается часто брахикефальная форма головы.

[1] После того как малайцы начали посещать берега Новой Гвинеи, папуасские начальники усвоили себе малайское название «радьи».

Оставив в своей хижине в Айве около десяти человек экипажа, я решил с остальными отправиться в глубь Новой Гвинеи, между прочим для того, чтоб проверить рассказы туземцев о каком-то большом озере в горах. Высадившись на материке Новой Гвинеи против о. Койра, я перешел горный хребет в 1200 футов вышины и, действительно, увидел сравнительно узкое, но длинное озеро, называемое окрестными жителями «Камака-Валлар». Обитающие в окрестностях озера горные жители называются «вуоусирау» и, по произведенным исследованиям, измерениям и снятым рисункам, почти не отличаются от береговых папуасов. Оз. Камака-Валлар тем более обратило на себя мое внимание, что, по рассказам туземцев, за несколько лет до моего прихода уровень его весьма значительно изменился.

Присматриваясь ближе к озеру, я заметил в прибрежной его части множество деревьев, находившихся, очевидно, на различной глубине, так как у некоторых из деревьев показывались из воды только верхушки, между тем у других вода едва покрывала нижние части стволов. Это несомненно указывало, что когда-то уровень воды в озере был ниже и находившиеся в воде деревья росли открыто на берегу, но потом вода повысилась, затопила берег, и деревья очутились, таким образом, в озере на различной его глубине. При этом туземцы уверяли, что незадолго до моего прихода вода в озере стояла еще выше, так что деревьев совсем не было видно.

Сверх того, и другие признаки на крутых берегах озера ясно указывали на значительные изменения и колебания уровня воды — от 15 до 20 футов. По словам туземцев, изменение уровня воды в озере произошло чрезвычайно быстро: утром еще они видели озеро с обыкновенным уровнем, но около полудня вода в нем вдруг стала спадать, начали показываться верхушки деревьев, и на другое утро, к удивлению жителей, вокруг озера, на обнаженном берегу, явилась целая полоса омертвелых деревьев, которые до того находились под водой. Рассматривая эти деревья, я нашел, что многие достигали 25 см толщины и древесина их еще очень хорошо сохранилась, почему можно предположить, что они сравнительно не очень долго находились под водой — может быть, от тридцати до сорока лет.

Повышение воды в оз. Камака-Валлар можно объяснить тем, что озеро это, находящееся на высоте 500 футов над ур. м., представляет резервуар воды без стока, так что при сильных ливнях, в дождливом сезоне, вода в нем, значительно прибывая, может с годами повыситься на несколько футов. Дожди в этой местности Новой Гвинеи бывают так обильны, что после двухдневного ливня поверхность зал. Тритон покрывается слоем пресной дождевой воды, столь значительным, что воду эту можно черпать сосудами и употреблять для питья. Что касается приведенного выше рассказа туземцев о случившемся незадолго до моего прихода быстром понижении воды в озере, то понижение это может быть объяснено следующим образом. Образующие дно озера слои, принадлежа к какой-нибудь мягкой породе и постепенно растворяясь, не могли противостоять увеличивающемуся давлению воды, масса которой возросла от сильных дождей; явился прорыв, в который и устремилась вода, продолжавшая вытекать до тех пор, пока оторванные сильным напором воды камни и глыбы земли не завалили протока, и, таким образом, выход воды остановили на некоторое время, значительно понизив уровень озера.

Вода в озере оказалась очень теплой, 31° Ц, и неприятного вкуса.

Мне удалось также найти здесь интересный и новый род губок, принадлежащий к группе Halichondria и названный мною «Rumut-Vallarii». Собрав затем интересную коллекцию раковин, я отправился далее, посетил о-ва Айдуму, Драмай, Каю-Мера, причем выступающий между двумя последними островами мыс назвал в честь генерал-губернатора Нидерландской Индии, оказавшего мне гостеприимство в Бейтензорге, мысом Лаудон, побывал на островке Лакахиа, где нашел каменный уголь, прошел в Телок-Кируру[1] и, высадившись в местности, называемой Илонай, сделал несколько экскурсий в горы.

Однако появление нашего небольшого судна привлекло внимание жителей южного берега Телок-Кируру, где находятся многочисленные деревни папуасов. Вероятно, мы показались им хорошею и легкою добычей, и они явились к вечеру в таком числе, что мои люди положительно струсили, уверяя, что наш последний час пришел, и если мы не уберемся в продолжение ночи из узкого залива, то на утро не миновать беды.

Действительно, число пирог, а с ними и папуасов, все возрастало, и нападение их на нас стало казаться и мне не только вероятным, но и неизбежным. О сопротивлении с дюжиной людей сотням дикарей нечего было и думать; поэтому я решил ретироваться без шума, под прикрытием темной ночи. Побуждаемые страхом, люди мои не щадили сил и, несмотря на утомление, усердно работали веслами всю ночь, чтобы поскорее выбраться из негостеприимного Телок-Кируру. Папуасы, собравшиеся было напасть на нас, вероятно, были неприятно удивлены на другой день, увидев, что добыча, на которую они положительно могли рассчитывать, так неожиданно ускользнула из их рук. Добравшись до о. Айдума, я получил весьма неприятное известие, что моя хижина в Айве, в которой оставалось человек пять моих людей, была совершенно разграблена и все находившиеся в ней вещи забраны дикарями, живущими в горах вокруг Телок-Камрау, которые в мое отсутствие явились в числе более двухсот человек, окрашенные в черную краску, с перьями райской птицы на голове (что они обыкновенно делают, отправляясь на войну и желая показаться страшнее неприятелям). Против этих двухсот вполне вооруженных дикарей пятеро моих людей, понятно, ничего не могли сделать. Надо еще сказать, что около моей хижины сгруппировалось большое число прибрежных папуасов, и на них-то сперва напали горные дикари. Из женщин, надеявшихся укрыться в моей хижине, три были настигнуты в ней и убиты вместе с ребенком четырех лет. Точно так же были умерщвлены взятый мною в качестве проводника и переводчика старик радья Айдумы, жена его и дочь-ребенок, которого разбойники изрубили на моем столе; последняя жестокость была сделана с очевидною целью показать, что они нисколько не боятся белого и при случае расправятся с ним подобным же образом. Несмотря, однако, на этот неприятный эпизод, я решился остаться на Новой Гвинее, хотя люди мои, напуганные кровавым происшествием в Айве, настоятельно требовали возвращения и угрожали покинуть меня одного.

В Айве я не мог оставаться, потому что дикари, ограбившие мою хижину, уходя, отравили источники пресной воды, и должен был поселиться на о. Айдуме, в наскоро устроенном небольшом и крайне неудобном помещении; люди же мои хотя и остались со мною, но до

[1] Телок — по-малайски значит «бухта», «залив».

*

того боялись папуасов, что жили на судне и крайне неохотно сходили на берег.

На о. Айдуме я пробыл около месяца и за отсутствием живого антропологического материала все время посвятил сравнительно-анатомическим работам, пользуясь тем, что охотник мой из Амбоины, Давид, доставлял мне интересные экземпляры новогвинейских птиц и других животных.

Особенное мое внимание обратил на себя в высшей степени интересный вид кенгуру, *Dendrologus ursinus,* строение которого, вследствие приспособления к местным условиям, существенно изменилось: он приобрел крепкие когти, но утратил мускулы хвоста, и из скачущего животного стал лазящим, почему живет большею частью на деревьях.

Но, занимаясь сравнительно-анатомическими работами на урумбае, я, признаюсь, не покидал намерения наказать главного зачинщика нападения на мою хижину в Айве, разграбления моих вещей и убиения нескольких людей, которого, как я узнал, звали Саси, — капитана Мавары. Хотя человек этот был втрое сильнее меня, но нервы мои оказались крепче, и мне удалось взять его в плен живым. Мое появление перед ним и среди окружавших его дикарей было так неожиданно, что когда я приказал своим людям связать разбойника, то не встретил ни малейшего сопротивления со стороны толпы папуасов, которые так растерялись, что даже помогли моим людям перенести остаток моих вещей и пленника на урумбай. С добычей своею я отправился на о. Кильвару, откуда послал одного из людей известить о происшедшем резидента Амбоины, а в ожидании ответа целый месяц провел на о-вах Серам-Лаут, занимаясь изучением находящегося там смешанного типа людей, помеси папуасов с малайцами. Занятия шли успешно благодаря знакомству моему с малайским языком, а также и тому, что я хорошо был принят начальником или радьей и поселился в его доме. На островах, расположенных между Целебесом и Новою Гвинеей, особенно на о-вах Серам-Лаут, Кей и др., издавна существует обыкновение приобретать папуасов как хорошую и дешевую рабочую силу, и зажиточный малаец всегда охотнее берет в услужение или для работ папуаса, нежели своего же малайца. Вследствие этого папуасы обоего пола в значительном числе вывозятся с Новой Гвинеи, приобретаются малайцами названных островов, вступают с ними в близкие сношения и образуют малайско-папуасскую помесь. Результаты моих антропологических исследований этой помеси сообщены в статье «Meine zweite Excursion nach Neu-Guinea 1874» под заглавием «Ueber die Papua-Malaische Mischung in den westlichen Molukken». Происходившее в течение многих столетий и продолжающееся по настоящее время смешение малайской и папуасской рас вполне объясняет то разнообразие типов, какое встречается среди населения восточной части Малайского архипелага. Главные результаты моих тогдашних, не очень многочисленных, но несомненно верных наблюдений следующие: во-первых, смесь папуа-малайская имеет в большинстве случаев, рядом с большим разнообразием физиономий и habitus'а, ясно выраженный папуасский тип, который, однакоже, у некоторых особей совсем пропадает; во-вторых, весьма немногие имели волосы, подобные волосам папуасов, хотя у некоторых диаметр завитков локонов был очень мал, у большинства же волосы были вьющиеся; в-третьих, находились особи, происшедшие от папуасской матери и от малайского отца, которые имели совершенно прямые волосы (мать одного человека была настоящая папуаска с Папта-Онин, имевшая весьма курчавые волосы, так называе-

мую chevelure à grains de poivre, на очень долихокефальной голове, между тем как сын имел совершенно прямые волосы, брахикефальный череп, лицо же — не малайское и не папуасское); в-четвертых, помесь имеет преимущественно брахикефальный череп; в-пятых, цвет кожи, который вследствие большого разнообразия как и у малайцев, так и у папуасов не представляет особенно важного антропологического признака, вообще у помеси темнее, чем у малайцев; в-шестых, физиономии были для европейского глаза вообще красивее, чем у папуасов и малайцев, и выражение лица более интеллигентное и оживленное, чем у чистокровных (особенно малайских) детей.

Исследованы были дети малайских отцов и папуасских матерей, так как браки в обратном отношении встречаются редко.

Считаю уместным сказать здесь несколько слов о социальном положении папуасов берега Ковиай и о том влиянии, какое имели на это положение малайцы и их культура. Сравнивая их положение с тем, в каком находятся обитатели противоположного, восточного, берега Новой Гвинеи, могу сказать, что папуасы берега Ковиай могли бы очень позавидовать своим соплеменникам, папуасам берега Маклая. Вследствие торговых сношений с малайцами (о чем я говорил в начале чтения), в которых вывоз невольников с Новой Гвинеи и торг ими всегда играли важную роль, папуасы берега Ковиай из оседлых мало-помалу превратились в кочевых: на всем протяжении берега в настоящее время не встречается ни одной папуасской деревни. Подвергаясь вначале насилию, нападению и обращению в рабство со стороны малайцев, жители прибрежных деревень впоследствии сами сделались их сообщниками и в свою очередь отправлялись в более отдаленные горные папуасские деревни, производили на них нападения, захватывали в плен жителей и продавали малайцам. Понятно, горные жители не оставляли таких вероломных действий соседей без отмщения, и, таким образом, между прибрежными и горными папуасами возникали постоянные междоусобия и производилось взаимное истребление. Находясь постоянно между двух огней — эксплоатацией малайцев, с одной стороны, и угрозой нападения горных жителей, с другой, береговые папуасы нашли слишком беспокойным и небезопасным жить на суше, бросили свои хижины и плантации на берегу и обратились в водных номадов, скитаясь в пирогах вдоль берегов. Лишенные постоянного и обеспеченного источника пропитания, они находятся в крайне бедственном положении и, при встрече с бесшумно скользящею у берега пирогой, на вопросы сидящему в ней папуасу: «Куда идешь?» или «Откуда ты?», обыкновенно получаешь ответ: «Иду искать чего-нибудь поесть» или «Искал чего-нибудь поесть». Живут они обыкновенно с женами и детьми в крытых пирогах, в которых помещается и все их имущество, и только на ночь или в свежую погоду пристают в известных местах песчаного берега, которые служат им как бы станциями, где они сходятся для разного рода сношений и дел своих. В некоторых местах я мог найти следы их прошлой оседлой жизни, состоявшие из разных плантаций, на которых все еще росли некоторые виды полезных растений, главным образом, кокосовые пальмы; под тенью их некогда были расположены хижины; только в трех местах я видел довольно большие деревянные хижины, принадлежавшие папуасским начальникам, именно — на о-вах Наматоте, Айдума и Мавара, пощаженные малайцами, вероятно, для того, чтобы при посещениях этого берега иметь хотя какой-нибудь «pied-à-terre». В этих хижинах они, однако, боятся оставаться ночью,

опасаясь измены папуасов, на вид смирных и почтительных, но не упускающих случая мстить своим врагам — малайцам. Из сказанного следует, что хотя жители Папуа-Ковиай и получили от малайцев огнестрельное оружие, познакомились с курением табака и опия, стали ценить золото и усвоили малайские названия для своих начальников, но оттого не стали ни богаче, ни счастливее.

На обратном пути, в июне 1874 г., я серьезно заболел в Амбоине и едва не умер в тамошнем госпитале, но, оправившись, я вернулся, заходя по пути в Тернате, Менадо, Макассар, на Яву, где снова воспользовался гостеприимством генерал-губернатора Лаудона. Зная его за человека честного и справедливого, я обратился к нему с полуофициальным письмом, в котором описал бедственное положение папуасов берега Ковиай вследствие эксплоатации их малайцами, ведущими деятельную торговлю невольниками. Хотя рабство в голландских колониях давно уничтожено официально, на бумаге, но торговля людьми совершается на деле в довольно широких размерах, и находящиеся на многих островах голландские резиденты частью не в состоянии следить за тем, что делается в отдаленных колониях, частью же считают более удобным смотреть сквозь пальцы на подобные явления. Письмо мое не затерялось в архиве, и голос мой за несчастных папуасов не оказался гласом вопиющего в пустыне: в ноябре 1878 г., уже в Сиднее, я имел большое удовольствие получить письмо из Голландии с известием, что голландским правительством приняты самые энергические меры к искоренению возмутительной торговли людьми.

Перехожу к моему четвертому посещению Новой Гвинеи, на этот раз — южного ее берега, с тою же целью сравнения обитателей его с чистым, несмешанным племенем берега Маклая, а также проверки рассказов о так называемом желтом малайском племени на юге Новой Гвинеи.

Миссионерами и некоторыми путешественниками неоднократно сообщалось о существовании на южном берегу Новой Гвинеи особого светлокожего племени, отличного от остальных темнокожих папуасов Новой Гвинеи, которое названо ими желтым, или малайским. Пропутешествовав по о-вам Меланезии месяцев одиннадцать на трехмачтовой шхуне «Sadie F. Caller», я с о-вов Соломоновых прошел на о-ва Луизиады, где оставил багаж на шхуне, возвращавшейся обратно в Сидней, а сам решил остаться на маленьком о. Варе (или Teste Island) в ожидании прихода туда миссионерского парохода, на котором и предполагал отправиться далее, на южный берег Новой Гвинеи. Ожидать мне пришлось недолго: через неделю на миссионерском пароходе «Элленгован», на который я был радушно принят миссионером Лондонского миссионерского общества Чалмерсом, мы плыли уже по направлению к Ануапате — главной резиденции миссионеров на южном берегу Новой Гвинеи. Путешествие наше до Ануапаты, или Порта Моресби, продолжалось около двух с половиной месяцев, и мне удалось посетить много встречавшихся на попутных островах деревень, при помощи переводчиков говорить с туземцами и сделать ряд любопытных антропологических наблюдений.

Наконец, добрались мы до Ануапаты — главной станции английских миссионеров. Она весьма негостеприимно встретила меня лихорадкой, от которой я едва отделался недели через три. Оправившись от болезни, я тотчас же, не теряя времени, принялся за розыски так назы-

ваемых желтых людей, наблюдения над которыми составляли одну из целей моего посещения южного берега.

Хотя никакого желтого, отличного от других новогвинейских папуасов, племени я не нашел, зато познакомился с некоторыми фактами, послужившими, несомненно, основанием вышеприведенных рассказов о желтых людях. В двух-трех из посещенных мною папуасских деревень, именно, в Карепуна, Кало и Хула, я нашел у жителей несомненную примесь полинезийской крови. Жители этих деревень, правда, весьма немногочисленные, отличаются от других папуасов южного берега прямоволосостью и более светлым цветом кожи; но из-за этого случайного и единичного явления говорить об особом желтом племени, конечно, не представляется ни малейшего основания.

Однако и эта незначительная в количественном отношении примесь полинезийской расы, оказавшая влияние на антропологический habitus туземцев-папуасов, отразилась также и на их обычаях. Несомненно, полинезийцы, быть может, случайно занесенные в своих утлых пирогах ветром или течением на южный берег Новой Гвинеи, ввели между туземцами, напр., обычай татуирования, на который я обратил особое внимание, так как обычай этот, под влиянием миссионеров, может скоро совершенно исчезнуть. Лондонское миссионерское общество содержит в различных местах южного берега Новой Гвинеи около 30—35 миссионеров, из которых только двое — белые, остальные же принадлежат к туземцам островов Тихого океана, и не только полинезийцам, но и меланезийцам. На о. Лифу (группы Лойэлти) миссионеры устроили большую школу, в которой обучают молодых, более способных и энергичных туземцев и приготовляют их к пропаганде евангелия между островитянами Тихого океана.

Само собою разумеется, что темнокожие миссионеры из туземцев, зная хорошо язык, нравы и обычаи последних, гораздо успешнее ведут дело распространения христианской религии на островах Тихого океана и, являясь обыкновенно пионерами в новых местностях и среди вполне дикого населения, подготовляют и облегчают дальнейший путь миссионерам-европейцам. С помощью миссионеров-туземцев распространение евангелия и вообще европейской культуры за последние 7—8 лет сделало значительные успехи среди папуасов южного берега Новой Гвинеи, и, вероятно, недалеко то время, когда многие из них будут усердно посещать церковь, распевать гимны и даже читать и писать по-английски. При таких условиях, понятно, многие местные обычаи, как татуирование и т. п., с которыми соединены разного рода обряды и понятия, несовместные с христианскою религией и европейскою культурой, должны мало-помалу исчезнуть и перейти в область преданий. На южном берегу Новой Гвинеи татуируются преимущественно женщины, мужчины же только в исключительных случаях, в отличие и награду за разного рода подвиги, особенно умерщвление врагов. Взглянув на мужчину-туземца, можно по его татуировке определить, сколько убил он людей, так как число вытатуированных фигур на различных частях тела (руках, груди, плечах) обыкновенно соответствует числу убитых им людей. Женщины татуируются с детства до старости; девочек уже пяти-шести лет начинают разрисовывать, и эта разрисовка, повидимому, прекращается только с рождением женщиной последнего ребенка. Встречаются женщины, украшенные татуировкой от лба до пальцев ног; иногда для татуировки бреют даже голову. Все это делается, конечно, из любви и даже страсти к украшению, и, действительно, татуи-

рованная туземная женщина, не только на мой взгляд, но и на взгляд многих других европейцев, производит гораздо более приятное впечатление.

Что касается главной моей антропологической задачи, то, по произведенным наблюдениям и измерениям, оказалось, что и на южном берегу Новой Гвинеи обитает то же папуасское племя, что и на западном берегу Ковиай и восточном берегу Маклая, за исключением вышеупомянутой, встречающейся в немногих деревнях помеси полинезийской. Как на берегу Маклая, так и здесь встречается нередко брахикефальная форма головы, но при производстве измерений головы я наткнулся здесь на любопытные случаи деформирования черепов у женщин, происходящие оттого, что женщины с самого юного возраста, с шести-семи лет, носят на спине различные тяжести в мешках, привязанных веревкой или ремнем к голове, отчего образуется вдавливание черепных костей. Это поперечное вдавление, находящееся как раз у Sutura coronaria и поражающее своею анормальностью, весьма часто наблюдалось мною при собирании черепов и измерениях голов, почему можно предполагать, что оно передается путем наследственности.

В заключение скажу несколько слов о последнем, пятом посещении Новой Гвинеи, в 1881 г., именно южной ее части, которое представлялось мне необходимым для пополнения некоторых пробелов и разъяснения некоторых вопросов, оставшихся от четвертого путешествия в эту местность. Для этого я воспользовался следующим случаем. В дер. Кало, на южном берегу Новой Гвинеи, были умерщвлены папуасами четверо миссионеров из туземцев, с их женами и детьми. Узнав об этом, коммодор австралийской морской станции, Вильсон, счел необходимым строго наказать жителей дер. Кало, так как это было уже не первое подобное убийство, совершенное папуасами, и для этого лично отправиться на место преступления. Так как за год перед тем я жил в дер. Кало у миссионеров, ныне убитых, и был знаком с местными условиями, то старался убедить коммодора Вильсона, с которым находился в дружеских отношениях, что убийство, вероятно, было делом немногих и что несправедливо было бы из-за немногих, действительно виновных, наказывать всех жителей дер. Кало, в которой насчитывалось около 2000 человек. Коммодор, соглашаясь в принципе с моими доводами, находил, однако, весьма затруднительным найти действительно виновных и в конце концов полагал, что для примера и назидания туземцам и поддержания значения английского флота, обязанного защищать подданных королевы, ничего не остается, как сжечь всю деревню. Но так как я продолжал настаивать на своем плане и уверял в полной возможности найти виновных, то Вильсон предложил мне отправиться с ним. Я принял предложение и в качестве гостя коммодора отправился в пятый раз на Новую Гвинею, на корвете «Вульверин».

План мой вполне удался: вместо сожжения деревни и поголовного истребления жителей все ограничилось несколькими убитыми в стычке, в которой пал главный виновник убийства миссионеров, начальник деревни, Квайпо, и разрушением большой его хижины. Посетив затем несколько деревень южного берега, я дополнил некоторые прежние свои наблюдения; но краткость стоянки корвета и дело в Кало значительно помешали моим работам.

Охарактеризовав в общих чертах влияние малайцев на папуасов Новой Гвинеи, я считаю вполне уместным не умолчать и о влиянии белых на жителей южного берега этого острова.

Я сказал выше, что влияние миссионеров на южном берегу растет, и выставил хорошие стороны их влияния: туземцы учатся читать и писать и т. д.; но мне не пришлось сказать о теневой стороне появления миссионеров на островах Тихого океана. Эта теневая сторона, по моему мнению, состоит главным образом в том, что за миссионерами следуют непосредственно торговцы и другие эксплоататоры всякого рода, влияние которых проявляется в распространении болезней, пьянства, огнестрельного оружия и т. д.

Эти «благодеяния цивилизации» едва ли уравновешиваются умением читать, писать и петь псалмы!

По мере того как распространяется торговля, растут и потребности туземцев, вызываемые искусственно, примером и навязыванием. Туземцы скоро выучиваются курить табак и употреблять спиртные напитки.

Некоторые миссионерские общества позволяют своим членам торговать, другие (к которым, между прочим, принадлежит также Лондонское миссионерское общество) не допускают такого смешения занятий, как распространение религии и вместе с тем вышеназванных «благодеяний цивилизации».

Пока еще на южном берегу Новой Гвинеи трэдоров появилось немного; но они не замедлят попытать счастье и здесь, а с их появлением, вероятно, появятся те бедствия, которым подверглись другие острова Тихого океана.

Единственным союзником туземцев в борьбе их с белыми явится, вероятно, климат Новой Гвинеи, неблагоприятный для существования на ней белой расы.

В числе вопросов, предложенных мне для разрешения во время путешествия и вошедших в составленную мною в 1870 г. программу,[1] находился один, предложенный акад. Бэром и выраженный им в письме ко мне в следующих словах:

«Я советовал бы вам заехать на Филиппинские острова и отыскать там остатки первобытного населения, тщательно их исследовать и употребить всевозможное старание, чтоб привезти с собою несколько черепов. Мне кажется, очень важно решить вопрос: действительно ли эти негритосы Филиппинских островов — брахикефалы».

Мне удалось решить этот вопрос во время непродолжительной (пятидневной) стоянки клипера «Изумруд» в Маниле, в конце марта 1873 г. По приходе клипера в Манилу, я переплыл в небольшой рыбачьей лодке на противоположный берег большой манильской бухты и, переночевав в дер. Лимай, на следующее утро отправился с проводником и носильщиком моих вещей в горы Маривалес. В этих-то именно горах и сохранились до настоящего времени остатки племени негритосов, о которых желал знать акад. Бэр. После непродолжительного путешествия пешком мы наткнулись на становище негритосов, которые обыкновенно перекочевывают с места на место. При помощи одного из людей, знакомого с языком дикарей и служившего мне переводчиком, я тотчас завязал с ними дружественные отношения и прожил в их становище несколько дней. Живут они в так называемых пондо, представляющих не что иное, как переносный щит из пальмовых листьев, которым они защищаются от ветра и холода. Такой пондо, или шалаш, в котором можно только сидеть или лежать, но отнюдь не стоять, был устроен и мне для ночлега. На основании сделанных мною в значитель-

[1] Читана в общем собрании Географического общества 7 октября 1870 г.

ном количестве измерений, я пришел к заключению, что сомнение акад. Бэра было напрасно: негритосы действительно оказались брахикефалами. Индекс ширины их черепа колебался между 87.5 и 90. Измерение голов было облегчено тем, что мужчины имеют обыкновение брить затылок. Некоторые негритосы своими физиономиями чрезвычайно напоминали папуасов Новой Гвинеи — обстоятельство в высшей степени важное, потому что до сих пор негритосов считали племенем, совершенно отличным от папуасов. Негритосы вообще отличаются малым ростом: я видел женщину, рост которой был не более 1 м 30 см; у нее было уже двое детей.

За короткое время, проведенное мною в горах Лимай, я успел подметить у негритосов несколько весьма интересных обычаев, очень сходных с обычаями, встречающимися на многих островах Меланезии.

Ради опыта я бросил несколько объедков в огонь, и негритосы тотчас же стали засыпать костер землей, потушили огонь и просили меня больше не делать этого. В другой раз я плюнул в огонь, отчего они тоже пришли в большое смущение, прося и этого не делать. Подобные же предрассудки относительно огня встречаются и на Новой Гвинее. Сверх того я узнал через переводчика о следующем весьма интересном обычае. Негритос перед началом еды обязан громко прокричать несколько раз приглашение разделить с ним трапезу другим людям, которые случайно могли бы находиться поблизости в это время. Мне говорили, что нарушитель этого обычая подвергается смерти, чему и бывали случаи. Крайне сожалею, что не имел возможности дольше остаться между негритосами и ближе познакомиться с обычаями и языком этого вымирающего племени: я должен был к назначенному сроку вернуться в Манилу, на клипер «Изумруд», отправлявшийся в Гонконг, Сингапур и на Яву. Но все-таки, как я уже сказал, мне вполне удалось сделать достаточно измерений для разрешения поставленного Бэром вопроса, собрать краниологический материал и сделать значительное число рисунков.

В августе 1874 г., вернувшись с берега Папуа-Ковиай в Бейтензорг и отдохнув там немного, я решил предпринять путешествие по Малайскому п-ову, для чего и отправился в Сингапур.

Надо заметить, что до того времени в литературе не была установлена точно принадлежность к той или другой расе жителей внутренней части Малайского п-ова, известных под именем оран-сакай и оран-семанг. Так, Логан, Ньюбольд, Кроуфорд, Ло, Вайц[1] и другие авторы говорят об этом различно. Между тем как одни из них не отличают этих племен от малайцев, другие утверждают, что они очень отличаются от малайцев, что они — негры и т. п. Никто из названных авторов лично не видел и не наблюдал этих племен, а все они ссылаются на путешественников, которые тоже не имели специальной цели познакомиться с ними для решения спорного вопроса. Я пытался расспрашивать малайцев об их соседях, жителях внутренней гористой и лесной части Малайского п-ова, но от них мне не удалось получить толковых сведений. Считая, однако, исследования эти несомненно интересными для антропологии, я решился попробовать сам выяснить дело, никак не полагая, что для этого потребуется так много времени, как оказа-

[1] Logan. Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia, p. 31. — Newbold. Polit. and Statist. account of the British Settlements in the Strait of Malacca, 1839. — Crawford. Descriptive Dictionary of the Indian Archipelago, 1847. — Waitz. Anthropologie der Naturvölker, Th. 5, H. 1.

лось впоследствии. Я думал, что экскурсия внутрь Малайского п-ова займет лишь несколько недель, что стоит только перейти поперек полуостров в какой-нибудь его части, побывать в горах, и я буду в состоянии ответить на главный вопрос — о расе горных племен.

Из Сингапура я отправился в Иохор — резиденцию махарадьи иохорского. Махарадья, немолодой уже человек, лет около пятидесяти, почти с европейским воспитанием и образом мыслей, принял меня радушно и пригласил поселиться у него во дворце. Узнав о моем намерении отправиться через его страну, он предложил мне свое содействие в этом предприятии. За все это я обещал ему составить карту пройденного пути, что для него было небезынтересно, так как страна была тогда весьма мало известна: в Иохоре не нашлось ни одного малайца, который мог бы похвастать, что он прошел Иохор поперек. Махарадья дал мне открытое письмо ко всем старшинам в деревнях, чтобы они поставляли мне необходимых людей как проводников и слуг, сколько пожелаю, хоть до тридцати человек.

Не теряя ни минуты, я отправился в путь в декабре, а это было как раз самое дождливое время года на полуострове. Путешествие оказалось довольно трудным: реки и ручьи вследствие обильных дождей вышли из берегов; более низменные места покрылись водой; в лесах тоже была вода. Чем дальше, тем больше затруднялся путь; мне приходилось по целым дням итти в воде, которая доходила до колен, а местами до груди; целые семнадцать дней я не имел ничего сухого на себе: весь мой багаж был подмочен. Дошедши до устья р. Муар, я пустился в плоскодонной лодке вверх по течению. По берегам названной реки попадались малайские селения, но не они привлекали мое внимание. Поднимаясь выше, я добрался, наконец, до речки Палон, притока Муара. Она протекала лесом, и здесь, в лесу, у верховьев Палона, стали уже встречаться изредка разбросанные маленькие хижины — жилища так называемых оран-утан. Последнее слово надо объяснить. В Европе с именем оран-утана соединяют представление о большой человекообразной обезьяне, известной в науке под именем *Pithecus satyrus*; малайцы же никогда не называют обезьян оран-утанами, а дают это название людям, живущим постоянно в лесах. «Оран» значит человек, «утан» означает лес; «оран-утан» значит, таким образом, лесной человек. Подобных названий у малайцев много, как, напр., оран-букит — человек, живущий на холме; оран-улу — человек, живущий у верховьев реки; оран-далам — человек, живущий внутри страны; оран-лаут — человек, живущий у моря, и т. д. Все эти названия указывают не на расу, а на место жительства людей.

Хотя название оран-утан может относиться и к малайцу, который поселился в лесу, но этим названием обозначают преимущественно смешанное в различной степени папуа-малайское племя, живущее в лесах и на холмах Малайского п-ова.

Эти оран-утаны не имеют постоянных жилищ, а там и сям в лесу у них построены жалкие хижины, которые посещаются ими время от времени. Некоторые из них находятся в хороших отношениях с малайцами; другие же, напротив, избегают иметь сношения с ними. Антропологические наблюдения над ними показали, что хотя оран-утаны частью и смешались с малайцами, но сверх того имеют значительную примесь и меланезийской крови. Это обстоятельство еще более усилило во мне желание ближе и как можно лучше исследовать оран-утанов с целью, наконец, найти среди них чистокровных меланезийцев.

Иохор я прошел с W на O — от устья р. Муар, впадающей в Малаккский пролив, до устья р. Индау, впадающей в Китайское море, а потом с N на S — от р. Индау до Селат-Тебрау, пролива, отделяющего островок Сингапур от материка Азии. На первую часть экскурсии потребовалось 30 дней, на вторую — 20 дней. Я встретил по пути там и сям немногочисленные орды племени оран-утан. Хотя они более или менее отличались от малайцев и различались между собою, но все-таки ни одна из виденных групп не представляла чистого меланезийского племени. Виденные мною в Иохоре оран-утаны были более похожи на малайцев, чем на особое племя. Я, разумеется, постарался собрать как можно более сведений об их языке, и нашел, что они постепенно забывают свой родной язык и усваивают малайский вследствие постоянных сношений с малайцами. Записанные мною в разных местах слова различных диалектов языка оран-утанов заставляют меня думать, что оран-утаны разделялись когда-то на много различных племен. Сверх того, и обычаи их оказались различны. Я приведу один пример: одни из оран-утанов употребляют очень важное для них оружие, именно—сумпитан, а другие группы оран-утанов вовсе не слыхали о нем.

Малайцы различают два рода оран-утанов; одних они называют оран-утан-дина, а других — оран-утан-лиар. Оран-утан-дина (дина — значит «ручной») находятся в постоянном соприкосновении с малайцами; но оран-утан-лиар никогда не показываются малайцам, не хотят знать их и только при посредстве оран-утан-дина выменивают иногда у малайцев вещи, которые им нужны. Эти оран-утан-лиар — совершеннейшие номады; они привыкли к своей номадной жизни, любят ее и не желают менять ее на более удобный образ жизни малайцев, хотя и не уступают малайцам в умственных способностях; в самой удобной хижине они чувствовали бы себя, как птица в клетке, и, вероятно, долго не прожили бы в ней. Это смешанное племя оран-утан постепенно вымирает, главным образом, вследствие того, что напор малайцев и китайцев все больше и больше оттесняет их от берегов внутрь страны, в леса. Сверх того, малайцы, а еще более китайцы, выменивают и покупают самых красивых и крепких девушек, дочерей оран-сакай, так что оран-утанам остаются только некрасивые, слабосильные женщины, от которых, естественно, рождаются слабые, малорослые и хилые дети.

Дети, родившиеся от браков малайцев с женщинами оран-утан, очень приближаются физически к малайцам, так что их трудно бывает отличить от малайских. В Иохоре можно найти постепенные переходы от оран-утан к малайцам. Меланезийско-малайская помесь, должно быть, образовалась уже очень давно, и я полагаю, что в Иохоре прежде обитало чистокровное меланезийское племя. Между малайцами существует предание, что когда к ним был занесен арабами ислам, то нежелавшие принимать новую веру бежали в леса, где, вероятно, и смешивались с меланезийцами, и таким образом образовалась первая помесь оран-утанов с малайцами.

Результатом 50-дневной экскурсии в Иохор была сильная лихорадка, которая мне так надоела, что я решил во что бы то ни стало избавиться от нее и воспользовался приглашением сингапурского губернатора, сэра Андрю Кларка, отправиться с ним в Банкок, полагая, что морская прогулка благоприятно подействует на мое здоровье. Я прожил в Банкоке дней десять и не только успел познакомиться с интересным городом, но и заручился весьма важным для следующих моих путешествий письмом от сиамского короля, в вассальной зависи-

мости от которого находится почти половина Малайского п-ова. В письме король приказывал всем своим вассалам оказывать мне всякие услуги и помощь и доставлять, в случае нужды, по моему требованию людей и вообще средства для путешествия. Хотя результаты моей экскурсии в Иохор были интересны, но они далеко не удовлетворяли меня; поэтому я решил отправиться сухим путем из Иохора в Сиам.

Надо мною, разумеется, трунили и смеялись, говоря, что я вернусь из Пахана, что мне не удастся пройти дальше и т. д.; но все эти толки меня не остановили. Я отправился снова из Иохора в сопровождении доставленных мне махарадьей тридцати человек и с письмом от него к соседнему владетелю, бандахаре паханскому, находившемуся с махарадьей иохорским в отдаленном родстве, что не мешало, однако, их подданным постоянно вести между собою войны. Я нарочно не взял никаких писем и рекомендаций от сингапурского губернатора, боясь быть принятым за английского агента и встретить затруднения у малайцев, которые вообще не любят англичан.

Из Иохора я отправился в путь в сопровождении двух слуг: папуасского мальчика Ахмата и яванца повара, двадцати человек носильщиков, данных мне махарадьей, и им же назначенного мелкого чиновника, обязанного передавать мои приказания носильщикам, гребцам и т. п., а также, опираясь на открытое письмо махарадьи ко всем старшинам и деревенским начальникам, доставлять мне все необходимое для путешествия, как то: людей для носки вещей, гребцов, разного рода провизию и т. п. Люди обыкновенно сменялись в каждой деревне, и так как все это делалось по приказанию махарадьи и других владетельных князьков, то мне не приходилось даже платить носильщикам, которых, впрочем, по свойственным малайцам лени и недоверию к белым, я не в состоянии был бы нанять и за большие деньги. Приставленные ко мне в качестве посредников между мною и туземным населением чиновники сопровождали меня до пределов соседнего княжества, где сменялись другими такими же чиновниками, и за более или менее щедрый с моей стороны «бакшиш» оказывали мне всевозможные услуги и облегчали мое путешествие. Приближаясь к столице какого-нибудь султана или радьи, я обыкновенно посылал туда нескольких из сопровождавших меня людей, чтобы предупредить князя о моем приходе и дать ему время позаботиться о моем помещении. Посланные мои на вопрос князя: «Кто я такой?» — должны были, согласно моим наставлениям, отвечать, что дато русс Маклай (дато — по-малайски означает «дворянин») придет в гости к нему, что дато Маклай идет из такой-то страны, побывав у такого-то султана или князя, и направляется через эту страну в такую-то, к тому-то. На вопрос: «Что же дато Маклай хочет во всех этих странах и чего он ищет?» — посланные мною люди имели инструкцию отвечать: «Дато Маклай путешествует по всем странам малайским и другим, чтобы узнать, как в этих странах люди живут, как живут князья и люди бедные, люди в селениях и люди в лесах; познакомиться не только с людьми, но и с животными, деревьями и растениями в лесах» и т. п. Разумеется, такой небывалый гость, желавший все видеть и исследовать, приводил в немалое изумление и беспокойство туземные власти, которые хотя и любезно меня встречали, но еще любезнее и торопливее старались меня выпроводить из своих владений.

Возвращаюсь к рассказу о моем прибытии из Иохора в Пахан.

По приходе в Пахан я был встречен весьма любезно бандахарой (который заменил в последние годы этот титул титулом «султана»); но он был немало смущен моим желанием отправиться внутрь его страны, а потом в Клантан. При первой же аудиенции я повторил ему слова своего посланного, что я пришел навестить его и надеюсь, что бандахара может сделать для меня то же, что сделал махарадья иохорский, давший мне до двадцати пяти человек для переноски вещей из Иохора в Пахан, и так как я намереваюсь итти из Пахана в Клантан, то я надеюсь, что бандахара паханский может дать мне столько же людей. На это бандахара с гордостью ответил мне, что Пахан больше Иохора, и потому, если махарадья дал 25 человек, то бандахара может дать, если нужно, 40 человек. Я ничего против этого не имел и, пробыв несколько дней у бандахары в гостях, отправился в путь, в Клантан. Не стану входить здесь в подробности этого путешествия, из которых многие тем более интересны, что до меня ни один европеец никогда не посещал этих стран; скажу только, что у верховьев р. Пахан, в горах между странами Пахан, Трингано, Клантан, я встретил, наконец, первых несомненно чистокровных меланезийцев. Хотя они оказались очень пугливыми, но я успел сделать несколько портретов и антропологических измерений, и, подвигаясь весьма медленно вперед, посетил почти все встречавшиеся на пути селения этих примитивных дикарей, называемых здесь «оран-сакай». Они очень отличаются от малайцев и приближаются к негритосам о. Люсона, о которых говорилось уже выше. По произведенным мною многочисленным измерениям оран-сакай оказалось: рост у мужчин варьирует между 1620 и 1460 мм, у женщин между 1480 и 1350 мм; череп приближается к брахикефальной форме; индекс ширины черепа варьирует: у мужчин между 74—82, у женщин 75—84, у детей 74—81, из чего видно, что женщины оказались наиболее короткоголовыми. Завитки курчавых волос у оран-сакай, как и у папуасов Новой Гвинеи, имели от 2 до 4 мм в диаметре. Цвет кожи варьирует между №№ 28 и 42, 21 и 46 таблицы Брока. Нашлась еще особенность: plica semilunaris, или так называемая palpebra tertia, более развита, чем у людей других рас, у которых она, как, напр., у кавказской, не шире $1^1/_2$ — 2 мм, между тем как у оран-сакай, по крайней мере у некоторых индивидуумов, она достигает 5 и $5^1/_2$ мм ширины. Наконец, у оран-сакай часто встречается также складка кожи у внутреннего угла глаза, называемая при патологическом увеличении epicanthus.

Продолжая путешествие, я направился из Пахана в Трингано, а потом в Клантан, где познакомился со старым радьей Клантана, с которым при первой встрече произошел такой же разговор, как и при свидании с бандахарой паханским. Хотя радья был очень удивлен и смущен приходом белого в его владения, однако, не отказался дать мне нужных людей для переноски вещей. Я посетил затем владения многих малайских князьков: Легге, Саа, Ямбу, Румен, Яром, Ялор, Патани. Все эти названия соответствуют владениям отдельных малайских князьков, которые находятся в вассальной зависимости от короля сиамского. Благодаря письму сиамского короля, я всюду встречал хороший прием и еще лучшие проводы, потому что хотя мое появление и возбуждало любопытство малайцев, но они были очень довольны, когда я уходил: мой приход слишком нарушал их обыденную жизнь и порождал в них разные сомнения и опасения относительно моих намерений. Это-то желание поскорее избавиться от моего присутствия, выпроводить меня, способствовало скорости и многим удобствам моего путе-

шествия, во время которого я останавливался только в тех местах, где встречал интересовавших меня дикарей.

Скажу теперь несколько слов о некоторых обычаях этого вымирающего племени — оран-сакай. Подобно оран-утанам, они ведут бродячий образ жизни в лесах, останавливаясь на короткое время на избранных местах для сбора разного рода лесных продуктов: камфоры, каучука, ротанга, слоновой кости и т. п. и выменивая на эти продукты у малайцев табак, соль, железные ножи и разные тряпки, в которые они облачаются, посещая малайские селения.

Костюм оран-сакай весьма примитивный: он состоит у мужчин из пояса вокруг талии, часть которого закрывает perinaeum; у женщин пояс из ротанга обматывается несколько раз вокруг талии, и к нему спереди и сзади прикрепляется тряпка (обыкновенно приобретенная у малайца), прикрывающая perinaeum. Лицо женщин обыкновенно татуируется линиями и круглыми пятнами; татуировки у мужчин я не встречал. Оран-сакай, как и другие меланезийцы, прокалывают носовую перегородку и вставляют в отверстие так называемую «хаянмо», длинную бамбуковую палочку или иглу *Hystrix*. Малайцы особенно боятся одного оружия оран-сакай, встречающегося также и у оран-утанов и называемого туземцами «блахан». Оружие это состоит из пустого внутри бамбука, метра в два длиной, приблизительно одинакового диаметра в 2—3 см, из которого они выдувают небольшие стрелы, весьма легкие. Небольшой царапины достаточно, чтобы убить человека, который умирает, как уверяли меня малайцы, через 10—15 минут. Эти стрелы очень тонки, не толще вязальной спицы, и заострены таким образом, что, вонзаясь в кожу, кончик стрелы обламывается и остается в коже.

Мне было очень интересно познакомиться ближе с ядом, который оран-сакай и оран-утан употребляют для отравления своих стрел, и потому во время своей экскурсии в Иохор я постарался добыть значительное количество этого яда, который продавали мне за пустяки — за табак — и нарочно приготовляли для меня.

Произведенные мною опыты с ядом над собаками и кошками показали различное его действие: иногда замечался на животном тетанус, другой раз такого симптома не было. Это обстоятельство навело меня на мысль, что добытый мною в разных местах яд был неодинаков по своему составу. Действительно, в этом я убедился во время второго путешествия по Малайскому п-ову. Я узнал, что многие из дикарей приготовляют свой собственный ядовитый состав, примешивая к основному, так сказать, яду еще им одним известные ядовитые вещества. Базис, основание яда, в который они обмакивают концы своих стрел, составляет вываренный сок коры *Antiaris toxicaria* — большого дерева, называемого также «упас», растущего и на Яве и других островах Малайского архипелага. К этому варкой сгущенному соку некоторые прибавляют сок одного из ядовитых видов *Strychnos*, другие же яд змей и т. п.

От таких примесей получаются различный яд и различное действие его на животный организм. Из опытов своих над собаками и кошками я убедился, что маленький укол ядовитой стрелы вызывает смерть.

Смерть у кошек и собак наступала минут через пятнадцать или двадцать. Надо заметить, что яд, с которым я производил опыты, пролежал у меня месяца два после того, как он был добыт. Другое, в этнологическом отношении очень важное оружие, встречающееся у оран-сакай Малайского п-ова, называемое «лойдс» — лук; он имеет около 2 футов длины и стрелы с железными наконечниками.

Оран-сакай весьма хорошо обращаются с своими женами и дочерьми, почему я был не особенно удивлен, когда узнал, что жены и дочери могут в известных случаях наследовать даже звание радьи или, по-туземному, батена.

Надо сказать при этом, что оран-сакай имеют наследственных начальников, власть которых очень значительна. Довольно любопытны у оран-сакай свадебные обряды, о которых рассказывали мне туземцы, порядочно говорившие по-малайски. В назначенный для свадьбы день невеста, в присутствии родных обеих сторон и свидетелей, должна бежать в ближайший лес, а через известный промежуток времени вслед за ней бежит жених, и если он догонит и поймает невесту, то берет ее в жены, если же не догонит, то должен отказаться от нее навсегда. Девушка, не желая выходить замуж, всегда имеет возможность убежать и скрыться в лесу так ловко, что жених не в состоянии поймать ее в назначенный срок. У некоторых из оран-сакай существуют еще остатки так называемого общинного брака, при котором женщины переходят постепенно, в известном порядке и через некоторые промежутки времени, от одного мужчины к другому, не становясь исключительною собственностью какого-нибудь одного мужчины, причем дети остаются при матери и отца не знают. Существование такой формы брака подтвердили мне и миссионеры, поселившиеся близ города Малакки для обращения оран-сакай в католичество.

Оран-сакай очень боятся мертвых. Когда один из членов общины заболевает и болезнь принимает дурной оборот, так что можно ожидать его смерти, они просто оставляют больного в лесу с некоторым запасом пищи, сами же уходят, покидая становище, и более в него не возвращаются. Таким образом, во многих местах можно наткнуться на такие брошенные вследствие чьей-нибудь смерти остатки шалашей и бывших становищ оран-сакай. Между малайцами об оран-сакай ходит очень много рассказов, в которых обыкновенно их рисуют с какими-нибудь выдающимися особенностями — длинными ступнями, ушами, прикрывающими в случае дождя даже голову, хвостами, клыками и т. п. Рассказывают даже о существующем у них обычае (встречающемся, впрочем, и на некоторых островах Тихого океана) jus primae noctis, которым обыкновенно пользуется отец, о весьма значительном развитии у женщин-сакай M. Bubo cavernosus и т. п.

Добравшись до Патани, я вступил уже во владения короля сиамского и совершил путешествие по землям радьей: Тодион, Теба, Чена, Сонгоро, или Сингоро, и Кеды, в течение двадцати двух дней, на слонах. Таким образом, на путешествие по Малайскому п-ову употреблено мною 176 дней.

Из Кеды я отправился в Малакку, близ которой посетил станцию миссионеров и познакомился с оран-мантра, смешанным племенем, не представляющим поэтому особенного интереса и усвоившим себе уже малайские обычаи, костюм и даже язык.

В этом же году я отправился из Сингапура снова в Бейтензорг, где написал несколько статей о результатах своих путешествий 1874 и 1875 гг.:

1) «Ethnologische Excursion in Iohore»,

2) «Ethnologische Excursionen in der Malayischen Halbinsel (Nov. 1874 — Oct. 1875)» (Vorläufige Mittheilung),

3) «Einiges über die Dialekte der melanesischen Völkerschaften in der Malayischen Halbinsel (Zwei Briefe an S. Exc. Otto Böhtlingk)».

Эти статьи были напечатаны в Батавии, в «Natuurkundig Tijdschrift» и «Tijdschrift voor Taal-, Land- en Volkenkunde» за 1876 г.

Несколько времени спустя эти же статьи были переведены и напечатаны в английском журнале «Journal of the Straits Branch of the Asiatic Society», 1878 и 1879, издаваемом в Сингапуре. Все эти брошюры я передал в библиотеку Академии Наук, а по другому экземпляру — в Публичную библиотеку, так что желающие могут познакомиться с ними в этих библиотеках.

В 1874 г., отправляясь на берег Папуа-Ковиай и возвращаясь оттуда, я оставался довольно долго в Амбоине и на о-вах Серам-Лаут.

На Малайском архипелаге исследования по антропологии были обставлены совершенно иным образом, чем в Меланезии или на Новой Гвинее. Здесь я имел дело не с дикими, которые боялись, особенно вначале, каждого инструмента, так что только после долгих переговоров удавалось добиться позволения измерить их или сравнить цвет их кожи с таблицей Брока. Малайский архипелаг, как известно, составляет нидерландскую колонию; на островах этих голландцы имеют школы, тюрьмы и госпитали, в которых я находил всегда большой доступный материал для наблюдений и изучения. Сверх того, я имел от генерал-губернатора колоний открытое письмо, которым предлагалось всем властям в колониях оказывать мне всевозможное содействие в путешествии и научных исследованиях.

Благодаря этому мне удалось собрать значительный антропологический и этнографический материал для изучения туземных обитателей Малайского архипелага и сравнения их с другими племенами и расами. Наконец, здесь, особенно в Амбоине и Тернате, я мог пользоваться услугами фотографа за сравнительно недорогую плату и собрать большое количество фотографий, часть которых привезена мною в Европу, более же значительная часть оставлена в Сиднее.

Отправляясь в 1876 г. во второй раз на берег Маклая, я посетил многие из островов западной Микронезии. Отчет об этом путешествии напечатан в Известиях Географического общества под заглавием «Отрывки из дневника Миклухо-Маклая», и потому я не буду касаться здесь подробностей этого путешествия, а напомню только некоторые результаты, к которым пришел.

Я нашел, что хотя микронезийская раса очень приближается к полинезийской, тем не менее присутствие в ней меланезийской примеси очень вероятно, и эта примесь выражается в большой курчавости волос, в темном цвете кожи, некоторых особенностях черепа и т. д. В иных случаях курчавость эта так же значительна, как у чистых меланезийцев (несколько примеров я встретил на о-вах Пелау).[1] На о-вах Пелау я пробыл довольно долго и мог познакомиться со многими туземными обычаями, о которых сообщено мною в «Известиях», а также побывал проездом на группе Улеай, жители которой отличаются очень богатою и разнообразною татуировкой. Направляясь к S, я посетил о-ва Адмиралтейства, до того времени редко посещавшиеся европейцами вследствие дикости и людоедства туземцев, и пробыл довольно долго в разных деревнях туземных дикарей. Так как мне эти дикари показались в высшей степени интересными, то я уже тогда занялся изучением их языка, на-

[1] См. об этом в Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Sitzung am 3 März 1878, мою статью «Anthropologische Notizen, gesammelt auf einer Reise in West-Mikronesien und Nord-Melanesien im Jahre 1876».

деясь когда-нибудь побывать там еще, что мне потом и удалось (в 1879 г.).

На группе Луб (или Hermit) я убедился, что острова эти заселены не чистокровною меланезийскою расой, а смешанною с микронезийцами, которые живут на соседней группе Эшикье, что до моего посещения этой местности, насколько я знаю, было еще неизвестно, так что именно здесь, на группе Эшикье близ Новой Гвинеи, и находится граница распространения прямоволосого микронезийского племени.

Как было выше сказано, в конце 1872 г. на берегу Маклая я предположил исследовать, по возможности, все разветвления меланезийской расы, чтобы составить полное представление о всей папуасской или меланезийской расе. В 1879 г., хотя многие обстоятельства побуждали меня вернуться в Европу, я отказался от этого и из Сиднея отправился на о-ва Меланезии. Это путешествие я совершил на американской трехмачтовой шхуне «Сади Ф. Каллер»; оно продолжалось более года и было в высшей степени интересно. Шхуна направилась сначала в Нумею, а потом в Южную бухту (Baie du Sud) Новой Каледонии; я осмотрел в самой Нумее и в ее окрестностях все, что было более интересно, и путешествовал внутри страны с целью ближе познакомиться с туземцами острова. Оттуда я отправился на о-ва Лойэлти, рассадник черных миссионеров для о-вов Меланезии и Новой Гвинеи, и побывал на многих островах из группы Новых Гебрид, конечно, везде отправляясь на берег, рисуя и производя антропологические наблюдения, по которым многие из туземцев Новогебридских о-вов, как и Новой Гвинеи, оказались брахикефальными.

Потом я посетил мимоходом о-ва Санта Крус, особенно прославившиеся тем, что несколько лет назад английский коммодор Гуденоф (Goodenough), отправившийся без оружия на берег, был убит на главном острове этой группы отравленною стрелой: он умер на шестой или седьмой день от тетануса. Вместе с ним было ранено несколько матросов, из которых только один остался жив. На этой же группе был убит другой весьма почтенный и очень уважаемый человек, именно епископ Патесон, глава меланезийской миссии, таким же образом, т. е. ядовитою стрелой.

Так как шкипер «Сади Ф. Каллер» побоялся оставаться на этой группе слишком долго, то мне пришлось ограничиться измерениями тех туземцев, которые, подъехав к шхуне, являлись к нам на палубу.

Пройдя восточнее Соломоновых о-вов и Новой Ирландии, ложась в дрейф в нескольких местах, но недостаточно надолго, чтобы можно было съехать на берег, шхуна пришла к о-вам Адмиралтейства, где пробыла около двух месяцев. Все время я жил на берегу и побывал на о. Сорри, в Наресгарбуре, на северо-западной оконечности большого острова, в том месте, которое за год до меня посетил английский фрегат «Челенджер».

Результаты по этнологии, добытые учеными, находившимися на фрегате, были неудовлетворительны, потому что никто из них не жил на берегу; они только издали наблюдали туземцев. Так как во время предыдущего своего посещения о-вов Адмиралтейства (в 1876 г.) я уже начал изучать немного их язык, то в этот раз маленькая подготовка оказалась весьма полезною, и я дошел до того, что понимал туземцев порядочно, вследствие чего и мог сделать немало интересных этнологических наблюдений.

Отправившись отсюда на группу Луб, а потом на группу Ниниго, где я пробыл гораздо дольше, чем в первый раз, в 1876 г., я убедился, что между этими группами существуют довольно оживленные сношения: с о-вов Луб почти ежегодно отправляется экспедиция на Ниниго за рабами и, главным образом, за женщинами, вследствие чего на группе Луб постоянно происходит смешение меланезийской расы, с одной стороны, и микронезийской — с другой.

На группе Луб я нашел, между прочим, предание, что жители этой группы переселились из другой местности (с о-вов Адмиралтейства). Мне даже показали остатки пироги, которую нетрудно было признать за пирогу с о-вов Адмиралтейства. Пирога эта была прибита после бури к о. Луб с двумя чужеземцами, которые потом остались жить на группе Луб, но во время моего посещения о-вов Луб их уже не было в живых.

Этот случай показывает, каким образом произошло, вероятно, заселение группы Луб.

Мне удалось посетить потом интересную, редко посещаемую, группу Тробриан. Она находится между Новою Британией и Новою Гвинеей. Я там остался несколько дней, из которых один провел в деревне, на о. Туме. Пробыв потом несколько недель на о-вах Соломоновых, шхуна добралась до о-вов Луизиады.

Это путешествие по островам продолжалось слишком 13 месяцев, и из 409 дней 237 были проведены на берегу, а 162 в море. Немногие результаты путешествия могут быть переданы в кратком изложении. Между ними один выдвигается на первый план, а именно: жители весьма многих островов Меланезии (некоторых из о-вов Новогебридских, Соломоновых, Луизиады и др.) оказались имеющими форму черепа брахикефальную (index ширины черепа превышал во многих случаях 81 и в некоторых даже 85), что доказывает, что короткоголовость имеет в Меланезии гораздо большее распространение, чем полагали. К этому неожиданному результату меня привели многочисленные измерения голов туземцев весьма многих о-вов Меланезии. Кроме этих измерений, я собрал, где представлялась возможность, достаточное число черепов для дальнейших исследований и сравнения с экземплярами, собранными на Новой Гвинее. О других результатах этого путешествия отсылаю специально интересующихся антропологией к письму моему к проф. Вирхову, напечатанному в «Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», или к Известиям Русского географического общества (т. XVII, 1881).

Побывав потом на южном берегу Новой Гвинеи и на о-вах Торресова пролива, я прибыл на северную оконечность Австралии, именно — в Соммерсет, где желал ознакомиться с остатками когда-то многочисленного там населения австралийцев. С тою же целью я не упускал случая, дорогой вдоль восточного берега, видеть, измерять, рисовать и снимать фотографии с тех немногих черных туземцев Австралии, которые скитаются, ведя самый жалкий образ жизни, в окрестностях европейских городов и селений. Ознакомившись с австралийцами в разных местах, от мыса Иорка на севере до Гипсленда в колонии Виктории на юге, я убедился в большом однообразии типа и в отличии этой расы от меланезийской, с одной, и от полинезийской, с другой стороны. Как известно, вопрос о расе австралийцев до сих пор еще не решен: между тем как некоторые антропологи считали их принадлежащими к папуасской расе, другие причисляли их к полинезийской, наконец, Гексли выделил их особо под названием «австролоидов». Такое разнообразие мнений настоя-

*

тельно требует точного и положительного решения вопроса о расе австралийцев. Я не мог взять на себя решение этой задачи, требующей обстоятельного ознакомления с туземцами Австралии на всем протяжении этого большого острова, на что необходимо было бы посвятить года два или три путешествий. Наблюдения мои над туземцами единственно восточного берега Австралии не были достаточны для решения вопроса о расе австралийцев, однако, они склоняют меня согласиться с мнением проф. Гексли, что австралийцы составляют расу sui generis.

Будучи в Брисбейне, я предпринял экскурсию внутрь страны, миль на 600 от берега, чтобы убедиться в верности слуха о существовании племени совершенно безволосых людей внутри Австралии, о чем, лет 10 или 11 ранее, я слыхал еще в Европе. Близ города Сен-Джордж, на р. Баллоне, я действительно отыскал несколько представителей безволосых и действительно убедился, что, кроме ресниц, тело их было совсем без волос; я узнал, что они составляют второе, а может быть, уже третье поколение таких безволосых людей. Оказалось также, что слух о племени был утрирован, так как, кроме членов одной семьи, таких безволосых людей не было. Подробности об этом случае наследственной atrichia universalis (безволосости), который составляет интересный pendant к наследственной же аномалии — чрезмерной hypertrichosis, [1] описаны мною в письме к проф. Вирхову, напечатанном в «Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft», 1881. [2]

В Брисбейне мне удалось заняться в высшей степени интересною работой — сравнительною анатомией мозга представителей австралийской, меланезийской, малайской и монгольской рас. Я воспользовался для этого казнью нескольких преступников, получив предварительно от правительства колонии Квинсленд разрешение исследовать мозги повешенных, которые я мог вынимать из черепа непосредственно после смерти и делать с них фотографии, как только они достаточно отвердевали в растворе хромистого кали и спирта, дня через два или три после смерти. Оставляя мозг лежать в спирте в черепе, пока он достаточно не отвердел, я сохранял таким образом тщательно его форму и, снимая каждый экземпляр в восьми видах (сверху, снизу, спереди и сзади, с обеих сторон, затем оба вида среднего продольного сечения), получил ряд замечательных фотографий в натуральную величину. Доброкачественностью снимков я обязан правительству Квинсленда, предоставившему мне отличную фотографическую лабораторию of the Survey Office в Брисбейне для моих фотографических работ.

Кроме мозгов повешенных, городской госпиталь города Сиднея доставил мне ряд интересных мозгов меланезийцев. Сидней составляет один из центров торговли с островами Тихого океана, и на приходящих с островов небольших торговых судах большую часть экипажа составляют обыкновенно туземцы с о-вов Меланезии. Из этих-то темнокожих матросов многие попадали в госпитали, а из госпиталей, в случае смерти, в мои руки для анатомических исследований и получения мозгов и черепов. Хотя изучение собранного таким образом в Брисбейне и Сиднее материала я далеко не считаю оконченным, тем не менее могу указать на

[1] Известный случай волосатых людей в Бирме; случай той же аномалии в России — крестьянина Костромской губернии и его детей.

[2] В этом же журнале напечатаны мною еще многие сообщения об австралийцах, как то: «Ueber die Mika-Operation in Central-Australien», «Langbeinigkeit der australischen Frauen» и др.

некоторые результаты по сравнительной анатомии мозга различных рас. Так, мною замечены существенные особенности в развитии corpus callosum, pons Varolii и малого мозга, в относительном объеме нервов, группировке извилин большого мозга и т. п.

Кроме работ по анатомии человеческого мозга, я занимался также анатомией мозга сумчатых животных, родов: Macropus, Osphranter, Halmaturus, Petrogale, Phascolartus, а также мозга Ornithorhinchus paradoxus и Echidna hysrix, которых я доставал без особых затруднений в имении Пейкдель, близ городка Стантона, где прожил некоторое время, воспользовавшись любезным приглашением хозяина, Дональда Гуна. Независимо от того, близ городка Глен-Инес произведены мною палеонтологические раскопки и найдены остатки костей исчезнувших животных: Diprotodon australis, Nototherium Mitchelli, Phoscolomis Gigas, Macropus Titan и др.

Таким образом, мое пребывание в Австралии посвящено было главным образом антропологическим и сравнительно-анатомическим исследованиям.[1] Но среди этих занятий меня не оставляла мысль устроить в Сиднее помещение, приспособленное для постоянных биологических работ. В 1878 г., будучи избран членом одного из местных ученых обществ — «Linnean Society of New South Wales», — я предложил этому обществу устройство в Сиднее биологической станции. С этою целью я устроил подписку, собрал деньги, получил от правительства землю, сделал чертежи необходимых построек, но самое устройство станции и возведение построек передал членам общества, так как должен был отправиться в путешествие по Меланезии в марте 1879 г. Но когда я вернулся после 13-месячного путешествия в Сидней, то нашел, что устройство станции не подвинулось ни на шаг. Принявшись горячо за дело, потребовавшее немало хлопот и труда, я с помощью правительства и частных пожертвований удачно окончил постройку и внутреннее устройство станции и составил правила для пользования ею. В этой станции, которая, по мысли основателя, должна служить местом, где всякий естествоиспытатель, никем не беспокоимый и никому не мешая, может спокойно заниматься своими научными исследованиями, пользуясь удобным помещением, я прожил более полугода, работал в ней и нашел, что она вполне соответствует своей цели. Желая, по возможности, обеспечить прочную будущность станции и сохранить за нею навсегда научное значение, я основал особое общество под названием Австралийской ассоциации (The Australian Biological Association), задачей которого, между прочим, будет поддержание Сиднейской биологической станции и ее научного значения, а также основание и развитие подобных станций в других местах Австралии.

Сообщив о ходе своих путешествий, считаю долгом и удовольствием выразить здесь свою полную и искреннюю благодарность прежде всего Русскому географическому обществу, которое, оказав мне на первых порах авторитетную поддержку и материальное содействие, не переставало выражать свое сочувствие в течение моих 12-летних путешествий, и, благодаря стараниям которого, в настоящее время, надеюсь, труды мои появятся в свет на русском языке. Много лиц и учреждений помогало и облегчало мне научные путешествия и исследования. Из

[1] Некоторые результаты этих работ напечатаны в Proceedings of the Linnean Society of New South Wales, как, напр., «Plagiostomata of the Pacific by N. de Miklouho-Maclay and William Macleay» и др.

числа их я с благодарностью должен назвать генерала-губернатора Нидерландской Индии, Лаудона, махарадью иохорского, о которых я говорил в последнем чтении, и правительство австралийских колоний. В Австралии я имел годовые даровые билеты на проезд по всем железным дорогам, пользовался, пока биологическая станция не была основана, помещениями для анатомических занятий в одном из зданий, принадлежащих правительству, пользовался для фотографических работ фотографическим ателье городского музея или казенной типографии и т. д. и т. д. Даже в настоящее время все мои вещи и коллекции находятся на хранении в Сиднее, в одном из правительственных складов.

В заключение я намерен сказать несколько слов об издании моих трудов. В ответе на письмо вице-председателя Географического общества, написанное от имени Совета общества, я выразил желание, чтобы издание моих трудов осуществилось на русском языке при содействии Русского географического общества, с тем условием, чтобы общество взяло на себя уплату долга, сделанного мною во время путешествия, и обеспечило меня средствами на два года, в течение которых надеюсь вполне приготовить к печати свои труды. Мой манускрипт собственно уже готов. Остается исключить только то, что, может быть, в мое долгое, 12-летнее отсутствие из Европы, в течение которого я не мог следить за научною литературой, было уже сделано другими. Затем, очень многие части моих работ написаны на иностранных языках и должны быть переведены на русский. Наконец, кроме моего манускрипта, я предоставлю все свои антропологические и этнологические коллекции в полное распоряжение Географического общества безвозмездно.

ПРЕБЫВАНИЕ В СИДНЕЕ

(с августа 1873 г. по март 1879 г.)

СРАВНИТЕЛЬНО-АНАТОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Сравнительно-анатомические работы: мозг хрящевых рыб (selachii) «Plagiostomata of the Pacific...», развитие извилин большого мозга у меланезийской расы; мозг ехидны; неоконченные за недостатком времени работы; предложение об основании зоологической станции в Сиднее. — Письмо его превосходительству сэру Артуру Гордону.

В своем предпоследнем письме, в октябре 1878 г., я сообщил перечень начатых мною работ. Продолжая сравнительно-анатомические исследования мозга хрящевых рыб, для которых добыл достаточный материал, я нашел, при попытке определения видов, что, прежде чем заняться исследованием мозга и нервной системы, мне придется сперва критически разобрать и в некоторых случаях значительно дополнить систематическое описание многих видов Plagiostomata. Таким образом состоялась работа по систематике хрящевых рыб,[1] которой первый выпуск уже напечатан, а последующие будут выходить от времени до времени в Сиднее; работа моя составляет дополнение, род комментария к сравнительно-анатомическим исследованиям мозга этих рыб. Полная монография по этому предмету может быть издана только в Европе, так как в колониях исполнение таблиц слишком неудовлетворительно и стоит дорого.

Считая исследование мозга людей темных рас делом первой важности для антропологии, я не пропустил ни одного смертного случая в госпитале и имел возможность добыть, таким образом, шесть экземпляров мозга туземцев с островов Тихого океана (меланезийцев).[2] Так как сравнительная анатомия мозга человеческих рас находится еще в весьма примитивном состоянии, то я избрал между многими вопросами, возникающими при этих исследованиях, вопрос о степени и характере развития извилин большого мозга как один из наиболее интересных. Ряд фотографий и весьма точных рисунков в естественную величину, в числе около пятидесяти, составит иллюстрации к пятому выпуску моих «Beiträge zur vergleichenden Neurologie der Wirbelthiere».[3] Кроме этой весьма обширной работы, я занялся анатомией мозга ехидны (Echidna hystrix Cuv.), причем, исследуя мозг в совершенно свежем состоянии, я мог исправить многие неточности, допущенные другими исследователями, имевшими для своих работ экземпляры этого животного, консервированные в спирту.

Эти работы поглощали все мое время, почему я не нашел возможности воспользоваться морскими экскурсиями с зоологическою целью

[1] Plagiostomata of the Pacific by N. de Miklouho-Maklay and William Macleay, Part I, Fam. *Heterodontidae* (With 5 Plates). Этот первый выпуск уже послан мною библиотеке Русского географического общества.

[2] См. мое письмо проф. Р. Вирхову «Rassenanatomische Studien in Australien» (В Abhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1879).

[3] Первые два выпуска этой работы, изданной Энгельманом в Лейпциге, вышли в 1870 г.; остальные три, почти уже готовые к печати, будут изданы по моем возвращении в Европу.

(draging excursion), предпринимаемыми часто для пополнения коллекций музея в Сиднее. Я тем более сожалел об этом, что, при хорошем знакомстве с береговою фауной Австралии, изучение японской фауны, которое я все еще имею в виду, представило бы двойной интерес. Тот же недостаток времени принудил меня отложить внимательное рассмотрение этнологических коллекций Австралийского музея.[1]

При обилии интересного материала мне приходилось рассчитывать каждый день, даже стараться не потерять и часа, который мог бы быть употреблен на научные занятия. Я не мог позволить себе даже сделать экскурсию в Голубые горы, одну из самых живописных и геологически интересных местностей Нью-Саус-Уэльса, экскурсию, которую можно было бы выполнить в два или три дня, потому что туда проложена железная дорога.

В одном из предыдущих писем было указано, что, приехав в Сидней, я воспользовался любезным гостеприимством Уиллиама Маклея, в музее которого я нашел возможность работать. Когда же мои дальнейшие работы привели к необходимости в помощи фотографии, почему мне приходилось ежедневно посещать Австралийский музей, в фотографической мастерской которого были исполняемы для меня фотографические снимки с разных препаратов, то Е. П. Рамсей, куратор[2] Австралийского музея, предложил мне комнату в этом музее.

Хотя мне было жаль отказаться от прекрасного густого сада в Elizabeth Bay, а еще более того от частых бесед с его любезным хозяином, но я решил принять предложение Рамсея, ввиду возможности сохранить много времени, живя в самом здании, где я должен был заниматься своими анатомическими исследованиями.

Несмотря, однакоже, на любезное гостеприимство В. Маклея и Е. П. Рамсея, на значительную помощь в моих научных занятиях со стороны директоров Австралийского музея, которым я обязан частью и за доставление материала для моих анатомических занятий, как и за разрешение пользоваться фотографическим ателье и т. п., за что всем этим лицам приношу здесь свою искреннюю благодарность, я в Сиднее, как уже много раз и в других местностях, неоднократно сожалел об отсутствии зоологической станции. Здесь было бы неуместно входить в подробности, почему музей Маклея и Австралийский музей не могут, при теперешней обстановке, считаться помещениями, достаточно приспособленными для серьезных научных занятий. Замечательная австралийская фауна может и должна послужить со временем предметом исследований весьма многих естествоиспытателей, для которых, как и для меня, отсутствие удобного для работы помещения будет очень чувствительно и может повлиять немало на полноту и качество их работ. Убежденный в несомненной пользе зоологической станции и считая основание подобного учреждения в Сиднее, при значительном богатстве колонии и большой склонности австралийцев не уступать ни в чем или почти ни

[1] Эти коллекции, весьма значительные и интересные, с каждым днем увеличиваются благодаря судам, приходящим ежегодно в Сидней в значительном числе с островов Тихого океана и привозящим собранные там этнологические предметы, которые ныне становятся все более и более редкими, будучи заменяемы у туземцев предметами европейского производства.

[2] Городской музей в Сиднее, называемый Австралийским, заключает не только зоологическую, но и минералогическую, этнологическую и другие коллекции. Этот музей находится под управлением Совета директоров (Board of Trustees of the Australian Museum), от которого зависит — даже в мелочах — куратор музея.

в чем иноземцам, делом весьма возможным, я уже через несколько недель по приезде в этот город сделал серьезное предложение основать зоологическую станцию в Сиднее или близ Сиднея.[1] Предложение мое было принято так сочувственно большинством членов Linnean Society of New South Wales, в собрании которого было прочитано мое предложение, что я даже некоторое время думал, что сочувственные фразы перейдут в дело и что мне, как иностранцу, для успеха предприятия лучше предоставить австралийским патриотам всю честь приведения проекта в исполнение; тем более, что избрать путь к отысканию средств для постройки станции мне казалось более легким и подходящим делом для туземца. Однакоже, от слов до дела оказалось далеко, так далеко, что прошло 6 месяцев, а основание зоологической станции в Сиднее остается только сочувственно принятым проектом на словах и на бумаге. Я обратился снова к разным членам Linnean Society, которые вначале особенно сочувственно относились к моему предложению, но, кроме общих фраз, ничего не добился; от некоторых же я услышал даже положительное сомнение в том, что открытие зоологической станции, в случае моего отъезда из Сиднея, когда-либо состоится. Шесть месяцев полной неподвижности доказывали, что последнее мнение легко могло оправдаться. Оставалось недели две до моего отъезда, когда я решил попробовать сколько-нибудь подвинуть дело, по моему мнению, представляющее столь важные последствия для науки, направить его в колею, следуя которой, оно может со временем достигнуть цели. Надо было, во-первых, добыть, если возможно, даровой (от правительства) участок земли в один или даже полакра, во-вторых, найти средства для постройки здания.

Я отправился к правительственным лицам (Colonial Secretary, Minister of Lands и т. д.) и после нескольких визитов и переговоров получил от Совета Министров колонии Нью-саус-Уэльса формальное обещание, переданное мне президентом его — Colonial Secretary: даровать для постройки зоологической станции из казенных земель кусок земли, если найдется подходящий для этой цели. Местность таковая нашлась в Watson Bay, и я тогда приступил к другой половине задачи — сбору денег по подписке. В три или четыре дня, с помощью нескольких лиц, интересующихся приведением в исполнение моего плана, при личном участии в сборе, мне удалось собрать для постройки зоологической станции около 100 фунтов стерлингов. Е. П. Рамсей, имеющий большой круг знакомых, обещал мне собрать такую же сумму. Я слышал от многих компетентных людей, что если в колонии собрана по подписке на какое-нибудь полезное учреждение известная сумма, то правительство имеет обыкновение выдавать из казначейства сумму, равную собранной по подписке от частных лиц.

Таким образом, выезжая из Сиднея, я увозил убеждение, что кое-что для будущей зоологической станции в Сиднее было уже достигнуто: во-первых, формально был обещан от правительства участок земли и, во-вторых, представлялось вероятным получить на постройку станции около 400 фунтов стерлингов. Во время моего отсутствия я поручил Е. П. Рамсей и Хасвель, молодому зоологу, недавно прибывшему из Эдинбурга, где он был в университете, следить за тем, чтобы план устройства зоологической станции, по моем отъезде, не канул бы в

[1] N. de Miklouho-Maclay. Proposed Zoological Station for Sydney. Proceedings of the Linnean Society of N. S. W., Part III, 1878.

забвение.[1] Эти лица, прощаясь со мною, выразили надежду, что по возвращении через несколько месяцев в Сидней я буду в состоянии продолжать начатые и неоконченные еще работы в зоологической станции в Уатсон-бэй, к постройке которой они предполагали приступить, как только получат от Colonial Secretary формальные документы и будут введены во владение[2] дарованным участком земли в Уатсон-бэй.

Перспектива эта заманчива, но «верится с трудом», что она окажется действительностью через несколько месяцев: от слов до дела не всегда близко![3]

ПИСЬМО ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ СЭРУ АРТУРУ ГОРДОНУ

Считая истребление темных рас на островах Тихого океана не только несправедливою жестокостью, но и непростительным промахом в политико-экономическом отношении,[4] я счел долгом изложить в коротком письме на имя его превосходительства сэра Артура Гордона, губернатора о-вов Фиджи и главного комиссара западного Тихого океана (High Commissioner of the Western Pacific),[5] некоторые соображения, на которые я желал бы направить его внимание в качестве «главного комиссара» на тот случай, если бы Британское правительство сочло нужным (что весьма вероятно) и своевременным аннексировать юго-восточную половину Новой Гвинеи.

Не стану здесь подкреплять положений, высказанных в этом письме, ни фактами из новейшего времени, ни дополнять и объяснять их длинными комментариями из истории колонизации. Такие положения, как право туземцев на землю, которую они обрабатывают сотни лет, вред от спиртных напитков, значительно способствующих вымиранию туземцев, вред от ввоза огнестрельного оружия, умножающий междоусобные войны туземцев,[6] и многие другие, так ясны для каждого при первом

[1] С этой же целью я написал гг. профессорам Гексли и Уайвиль-Томсону, чтобы они своим авторитетом поддержали мое предложение и способствовали устройству зоологической станции в Австралии.

[2] В прошении, которое мне пришлось подать г. колониальному секретарю о даровании для постройки зоологической станции участка из казенных земель, я просил передать его в распоряжение «Trustees of the Zoological Station», нескольким лицам, которых с их согласия я выбрал между лицами, более других интересующимися приведением в исполнение моего плана.

[3] Тем из читателей Известий Русского географического общества, которые интересуются вопросом об этой зоологической станции, я могу указать на английский журнал «Nature» за 1879 г., в котором напечатано несколько сообщений об австралийской зоологической станции.

[4] Одна из многих сторон этого обширного вопроса, очень ясная и понятная при самом поверхностном знакомстве с ним, заключается в том, что тропический климат, не допускающий белого предаваться постоянным тяжелым работам, препятствует также правильному и обильному размножению белой расы под тропиками, действуя особенно на здоровье белой женщины.

[5] Правда, что постановления этого высокого должностного лица, обязательны только для английских подданных.

[6] Новое оружие, попадая в руки жителей береговых деревень, дает им перевес над другими, который сам по себе делается причиной ряда войн. На западном берегу Новой Гвинеи и на о-вах Микронезии я имел не раз случай слышать и видеть, что привоз нескольких ружей более новой системы, чем та, которая была в общем употреблении, добытых при помощи мены, жителями одной из деревень, влек за собою почти всегда нападения на соседей, отчасти с целью попробовать новое оружие, отчасти и потому, что вследствие расхваливания белыми — продавцами туземцы, получив высокое мнение о приобретенном оружии, были убеждены в успехе и добычей от набега надеялись возвратить высокую

взгляде, что не требуют многословных доказательств и были бы не у места в письме, в котором я хотел указать только на главные моменты, которые не должны быть забыты со стороны всякого гуманного правительства в случае столкновения белой и темной рас. Я обратился к великобританскому правительству, потому что полагаю более вероятным вторжение в часть Новой Гвинеи, называемую берегом Маклая, из Австралии,[1] и в таком случае комиссар станет на первое время одною из высших инстанций в делах управления новой колонией. К тому же известно, что во время губернаторства на о-вах Фиджи, с 1875 г., сэр Артур Гордон показал себя человеком, который не считает белый цвет кожи ручательством за справедливость требования или правоту дела...

С другой стороны, хотя на английском правительстве лежит черным пятном окончательное уничтожение туземцев Тасмании и постепенное, по сие время продолжающееся, истребление австралийцев,[2] все же британское правительство по временам старалось быть в отношении туземцев справедливым[3] неприятелем; иногда оно вступалось за них, когда эксплоатация и притеснения в различных формах со стороны частных лиц доходили до крайних границ. Я поспешил письмом, потому что история колонизации Австралии, Тасмании и Новой Зеландии показывает, что покровительство со стороны правительства являлось, может быть, не без намерения, слишком поздно и «Rescue the remnants!» был более или менее фарисейский возглас победителя, когда не оставалось почти никого из тех, кого нужно спасать...[4]

Имей я возможность вернуться на берег Маклая и остаться жить среди туземцев, как я прожил около трех лет, я, вероятно, не стал бы писать писем, а доказал бы на деле, что, обладая терпением и необходимою для успеха дозой такта, при действительном понимании характера и положения обеих сторон, при знании языка и обычаев туземцев, возможно обойтись без несправедливого и жестокого истребления туземцев и сохранить расу, далеко не такую кровожадную, какою ее любят описывать пристрастные к эффектам путешественники, расу, спо-

плату за новое оружие. Что цена может иногда повыситься на островах Тихого океана до сказочных сумм, доказывает не редкий случай, что ржавая 9-фунтовая железная пушка была выменена одним шкипером за 1000 долларов разными продуктами острова.

[1] В одном из №№ «Argus» (если не ошибаюсь — за ноябрь прошлого года) был напечатан рассказ, что шхуна «Basilisk» из Мельбурна прибыла (кажется) в октябре к берегу Маклая, бросив якорь, вероятно, в бухте Габенеу, в 1/4 мили от моего дома в Бугарломе. Вооруженная партия отправилась на берег искать золото, но, не найдя и следов его, вернулась на шхуну, которая отправилась далее вдоль северного берега Новой Гвинеи и, наконец, разбилась около о. Манипы, между о-вами Буру и Серам. Это, вероятно, не последняя экспедиция.

[2] В северной Австралии, где туземцы еще довольно многочисленны, в возмездие за убитую лошадь или корову белые колонисты собираются партиями на охоту за людьми и убивают, сколько удастся, черных, не думая о том, что, вытесняя с каждым днем туземцев все дальше из более плодородных местностей, они ставят их в необходимость или голодать, или убивать скот белых взамен растений и животных, уничтоженных или ставших редкими вследствие развития овцеводства и плантаций у белых.

[3] Насколько эта «справедливость» может быть названа справедливостью, доказывает один из многочисленных примеров: признание, напечатанное в Hobart Town Times (за апрель 1836 г.), что хотя правительство не стесняется вешать туземцев, правительство «to, its shame be it recorded, in no one instance on no single occasion, ever punished or threatened to punish, the acknowledged murderers of the aboriginal inhabitants».

[4] Приказание одного из государственных людей Англии, отданное, когда в Тасмании почти уже не оставалось более туземцев.

собную противостоять, при известной добросовестной поддержке, опасностям при соприкосновении [1] с белыми и совершенно акклиматизированную в стране, где европейская колонизация невозможна без помощи этой темной расы. Надеюсь, однакоже, иметь со временем возможность на деле подтвердить это убеждение. . .

Я передал мое письмо к его превосходительству сэру Артуру Гордону его превосходительству сэру Геркулесу Робинсону, губернатору колонии Нью-Саус-Уэльс, который был так любезен, что взялся послать его сэру А. Гордону, тогда находившемуся в отпуску в Европе, а копию того же письма государственному секретарю колоний сэру Михаилу Хикс-Бичу.

. . .Не могу, однакоже, удержаться от пессимистического замечания, что справедливость моих доводов, пожалуй, окажется важною причиной к тому, что мое письмо останется без желаемых последствий. . .

3 апреля 1879 г.
В море, между Сиднеем
и Новою Каледонией.

[1] Как, напр., распространение пьянства, проституции, заразительных болезней и т. п.

СПИСОК ПРЕДМЕТОВ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ, СОБРАННОЙ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЕМ НА РАЗНЫХ ОСТРОВАХ ОКЕАНИИ

ОСТРОВА АДМИРАЛТЕЙСТВА

Орудия производства. Оружие

1 (168—119).[1] Каменный топор, шлифованный, с округленным рабочим концом. Топорище представляет собою деревянную палку, один конец которой гораздо толще другого; в этом толстом конце сбоку выдолблено углубление, в которое вставляется камень. Длина топора 5 см, ширина 4 см; длина топорища 45 см; окружность (наибольшая) 21 см.

2 (168—122). Каменный топор. Длина топора 5 см, ширина 4 см; длина топорища 64 см; окружность (наибольшая) 27 см.

3 (402—301). «Реляй» — топор из раковины *Tridacna.* Длина топора 18 см, ширина 10 см; длина топорища 62 см; окружность (наибольшая) 27.5 см.

4 (168—124). Тесло из раковины *Mitra episcopalis* для выдалбливания деревянных мисок и пр. Топорище в форме цифры 7, с утолщением на нижнем конце; короткое колено уплощено и на него положена обточенная раковина, укрепленная посредством ротанговой обмотки. Длина тесла 13 см, ширина 6 см; топорище: длинное колено 41 см, короткое колено 15,5 см.

5 (168—123). Тесло из куска раковины *Tridacna;* обточен только рабочий край, остальная часть оставлена без обработки. Длина тесла 17 см, ширина (наибольшая) 6.5 см.

6 (402—299). Деревянная рукоятка обсидианового боевого топора («табель»), орнаментованная; на одном конце вырезано изображение человека в сидячем положении. Длина топора 48 см; окружность 11 см.

7—9 (168—125/3). Створки перламутровых раковин, обточенные по краю; употребляются как ножи. Большой диаметр 7.5—8 см, малый диаметр 6.8—7 см.

10—12 (168—126/3). Куски перламутровых раковин, употребляемые как ножи. Длина 7.3—10 см, ширина (наибольшая) 7—10 см.

13 (402—259). Инструмент для добывания огня; представляет собою кусок мягкого дерева с желобком, по которому трут заостренной палочкой. Длина 15 см, толщина 17.5 см.

14 (168—143). Рыболовная сеть из тонких бечевок, скрученных из волокон лианы *Menis permacea* (туземное название «кап»). Длина 368 см, ширина 102 см; ячеи по 2.3 × 2.3 см.

15 (402—118). То же. Длина 237 см, ширина 222 см; ячеи по 1 × 1 см.

16 (402—117). То же, с положенным в нее камнем, заменяющим грузило. Длина 106 см, ширина 101 см; ячеи по 4 × 4 см.

17 (168—39). Отрезок лианы «кап» *(Menis permacea),* из волокон которой изготовляют нитки, шнурки, веревки.

18 (402—113/2). Моток ниток из волокон лианы «кап».

19 (168—140). Вязальная игла с мотком ниток, скрученных из волокон лианы «кап». Длина иглы 42 см.

20 (168—146). Бечевка из волокон лианы «кап».

21 (402—116). То же.

22 (168—121). Кинжал из обсидиана. Рукоятка имеет форму треугольника; состоит из двух лубков, между которыми зажата верхняя часть клинка, покрытых толстым слоем смолы *Parinarium.* На нижней части рукоятки — вдавленный орнамент. Редко употребляется в качестве оружия, а большею частью — как нож (для разрезания мяса и т. п.). Длина клинка 17 см, ширина 4 см; длина рукоятки 15 см, ширина 5 см.

23—26 (402—181/2 и 182/2). То же. Длина клинка 14—17 см, ширина 4—5 см; длина рукоятки 15—17 см, ширина 5—6 см.

27 (402—273). Кинжал из хвостового шипа ската (*Trygon*), с деревянной резной рукояткой, украшенной красным и синим бисером европейского происхождения. Длина шипа 22.5 см; длина рукоятки 25 см.

[1] В скобках указаны №№ коллекции и предмета.

28 (168—138). Кинжал с двумя остриями из хвостовых шипов ската, с резной деревянной рукояткой с изображением человеческого лица. Длина шипов 16.5 и 17 см; длина рукоятки 15.5 см, ширина (наибольшая) 4 см.

29 (402—12). То же, с рукояткой, украшенной белым и красным бисером. Длина шипов 15.5 и 16 см; длина рукоятки 14.5 см, ширина 3.5 см.

30 (402—10). Хвостовой шип ската (*Trygon*), служащий острием кинжала. Длина 16 см.

31 (168—120). Копье с наконечником из обсидиана. Древко из ствола молодой арековой пальмы. Наконечник скреплен с древком при помощи двух лубков, покрытых толстым слоем смолы *Parinarium*. Скрепление орнаментовано вдавленным и раскрашенным в белый и красный цвета узором. Длина древка 174 см; окружность 6 см; длина наконечника 14.5 см, ширина 5.5 см.

Утварь

32 (168—116). «Пуенкай» — деревянная долбленая миска овальной формы. Большой диаметр 27 см, малый диаметр 26 см, глубина 11 см.

33 (168—110). То же. Большой диаметр 26 см, малый диаметр 25 см, глубина 12 см.

34 (402—62). То же. Круглая, с двумя ручками (одна отломана). Диаметр 36.5 см, глубина 15 см.

35 (402—72). То же, на четырех ножках, без ручек. Диаметр 28 см, глубина 10 см.

36 (402—73). То же. Диаметр 32 см, глубина 10 см.

37 (168—114). То же, в форме птицы. Употребляется во время празднеств. Большой диаметр 20.5 см, малый диаметр 19.3 см, глубина 10.5 см.

38 (168—115). Миска с резными ручками, каждая из которых представляет изображение пяти человеческих лиц; на четырех ножках, вырезанных из того же куска дерева. Большой диаметр 34 см, малый диаметр 29.5 см, глубина 15 см; высота ножек 7.3 см; окружность 12 см; длина ручек по 6 см, ширина по 6 см.

39 (168—113). То же, круглая, с резными ручками, сквозь которые продета лиана для подвешивания; на четырех ножках. Диаметр 21.3 см, глубина 11.5 см; высота ножек 2.7 см; окружность 8 см; длина 10.5 см, ширина 6.7 см.

40 (168—109). То же, круглая, с резными ручками (антропоморфные изображения); на четырех ножках. Диаметр 82.5 см, глубина 34 см; высота ножек 12 см.

41 (402—74). То же, двойная, с резными ручками, на ножках. Большой диаметр 19.5 см, малый диаметр 19 см, глубина 8.7 см; высота ножек 2 см.

42 (168—111). «Кур» — миска, сплетенная из ротанга и обмазанная с внутренней и внешней сторон соком плода одного из видов *Artocarpus*, делающим ее водонепроницаемой. Диаметр 28 см, глубина 13.5 см.

43 (402—41). Ковш из скорлупы кокосового ореха, с резной деревянной ручкой. Диаметр 11.5 см, глубина 8 см; длина ручки 34 см.

44 (402—42). То же. Диаметр 10 см; длина ручки 19 см; длина всей ручки (считая ту часть, которая находится внутри ковша) 30 см.

45 (168—117). Резная деревянная ручка ковша. Длина 19 см.

46 (402—23). Цилиндрическая бамбуковая коробка для извести, употребляемой при жевании бетеля, с выжженным орнаментом. Диаметр 6 см; высота 34 см.

47 (402—26). То же. Диаметр 4.5 см; высота 25 см.

48 (168—118). Калебаса для извести, с выжженным орнаментом. Длина 31 см; наибольшая окружность 22.5 см.

49 (402—31). То же, с лопаточкой для доставания извести. Длина 30 см; наибольшая окружность 23 см.

50 (402—32). То же. Длина 38 см; наибольшая окружность 27 см.

51 (402—33). То же. Длина 28 см; наибольшая окружность 21.5 см.

52 (402—34). То же. Длина 31 см; наибольшая окружность 23 см.

53 (402—91b). То же. Длина 18 см; наибольшая окружность 64.5 см.

54 (402—91a). Сумка из волокон лианы «кап» (*Menis permacea*), с бахромой из того же материала. Употребляется для ношения калебас. Длина 18.5 см, ширина 35 см; длина бахромы 28 см.

55 (402—92). То же. Длина 31 см, ширина 66 см; длина бахромы 22 см.

56 (402—93). То же. Длина 28 см, ширина 47 см; длина бахромы 28 см.

57 (402—94). То же. Длина 23 см, ширина 39 см; длина бахромы 12 см.

Одежда и украшения

58 (168—134). Пояс, сплетенный из узких полос расщепленного ротанга. Носится мужчинами. Ширина 7.5 см.

59 (402—90). Пояс, сплетенный из черных волокон лианы «берибан» и желтых волокон орхидеи «хои» (на диалекте о. Сори). Носится мужчинами. Ширина 8 см.

60 (402—89). Пояс из волокон лианы «кап», украшенный перьями и бусами, с бахромой из того же материала. Ширина 14.5 см.

61 (168—136). «Мана» — футляр для penis'a — раковина *Ovula ovum,* с нацарапанным и зачерненным орнаментом; на одном конце пробито небольшое отверстие для мочеиспускания. Длина 8,5 см.

62 (168—137). Вязаная сумочка, украшенная белым и синим бисером европейского происхождения. В таких сумочках, носимых на шее, хранится футляр для penis'a, когда надевается пояс из тапы. Длина сумочки 10.2 см, ширина 8.2 см.

63 (168—133). Диск из раковины *Tridacna,* с нацарапанным зубчатым орнаментом по краю, в центре просверлен и сквозь отверстие продет шнурок с голубою бусинкой, европейского происхождения, на конце, служащий для прикрепления другого, наложенного на первый, диска, — из щита черепахи, — украшенного ажурной резьбой. Употребляется как налобное и как нагрудное украшение. Диаметр раковинного диска 9.3 см, черепахового — 8.1 см.

64 (402—129). То же. Диаметр раковинного диска 15.5 см, черепахового — 12 см.

65 (402—130). То же. Диаметр раковинного диска 13 см, черепахового — 11 см.

66 (402—131). То же. Диаметр раковинного диска 10.7 см, черепахового — 7.5 см.

67 (402—132). То же. Диаметр раковинного диска 8.5 см, черепахового — 5.5 см.

68 (402—133). То же. Диаметр раковинного диска 10.5 см, черепахового — 8.2 см.

69 (168—131). Носовое украшение. Палочка, выточенная из раковины *Tridacna,* на шнурке, унизанном мелкими раковинными дисками. Шнурок продевается в отверстие в носовой перегородке, а палочка болтается под носом. Длина 15 см.

70 (168—130). Нить мелких бус, выточенных из раковины *Conus.* Такие нити употребляются как ожерелья, а также служат средством обмена. Длина 50 см.

71 (402—171). Ожерелье из крупного красного бисера и белых бус, с подвесками из наперстков. Длина 62 см.

72 (402—177). Низка мелких раковинных дисков. Служит средством обмена. Длина 124 см; диаметр дисков по 1 мм.

73 (168—135). «Лан» — браслет, выточенный из раковины *Trochus.* Диаметр 9 см.

74 (402—137). То же. Диаметр 8 см.

75 (402—138). То же. Диаметр 8 см.

76 (402—139). То же, в начальной стадии обработки. Диаметр 11 см.

77 (402—140). То же, не оконченный обработкой. Диаметр 6.5 см.

78 (168—127). Браслет, сплетенный из волокон лианы «кап». Ширина 5.5 см; диаметр 12 см.

79 (168—128). То же. Ширина 5.5 см; диаметр 13 см.

80 (402—146). То же. Ширина 3.5 см; диаметр 7 см.

81 (402—147). То же. Ширина 3.5 см; диаметр 7.5 см.

82 (402—148). То же. Ширина 2.3 см; диаметр 10 см.

83 (402—149). То же. Ширина 2.1 см; диаметр 9.5 см.

Музыкальные инструменты. Предметы культа

84 (168—108). Панова флейта, из семи отрезков бамбука. Длина от 11.3 до 19 см; окружность 3.7 см.

85 (168—142). То же, из пяти отрезков бамбука. Длина от 7 до 9 см; окружность 2.5 см.

86 (402—141). Погремушка из раковин *Oliva,* прикрепленных к ободку из расщепленного ротанга. Диаметр ободка 11 см.

87 (402—5/2a). Деревянная женская резная фигура, изготовляется в память умерших. Высота 14.5 см.

88 (402—5/2b). То же. Высота 17 см.

89 (168—145). «Руен-римат» — кость отца или деда, носимая в знак того, что отец или дед носящего был вождем. К рукоятке из окрашенной в темнокрасный цвет и орнаментованной резьбой верхней части берцовой кости прикреплен пучок тонких ветвей с сохраненными засохшими

листьями. Носится на длинном шнурке, обвязанном вокруг шеи, причем болтается на груди или на спине.

90 (402—114). То же.

91 (402—262). То же.

Разное

92—93 (168—144; 402—327). Образцы красной съедобной глины («э-пате»).

94—96 (402—269, 329, 332). Образцы толченой яшмы, употребляемой для раскраски лица и тела.

97 (168—141). Образцы красной и черной красок (толченая яшма и охра) и пемзы, употребляемой для полировки дерева.

98 (168—112). Кусок парусины, покрытой Н. Н. Миклухо-Маклаем для пробы соком *Artocarpus*, которым туземцы обмазывают ротанговые корзины, чтобы сделать их водонепроницаемыми.

С РАЗНЫХ ОСТРОВОВ ОКЕАНИИ

О-ва Гермит

99—103 (168—147, 148). Образцы бечевок из кокосовых волокон (пять мотков).

104 (168—149). Лопаточка для доставания извести, употребляемой при жевании бетеля. Длина 42 см.

105 (168—150). Ручка ажурной резьбы, от лопаточки для доставания извести. Длина 19.5.

106—107 (168—151/2). «Тау» — рыболовные крючки, выточенные из раковины *Trochus niloticus*.

О-ва Ниниго

108 (168—153). Клинок топора из раковины *Tridacna*. Длина 17 см, ширина 7.3 см.

109 (168—152). Футляр для penis'a — раковина *Ovula ovum*.

110 (168—159). Сумочка для хранения футляра для penis'a. Носится на шее.

Тробриановы о-ва

111 (168—54). Калебаса для хранения извести, употребляемой при жевании бетеля. Длина 30 см; наибольшая окружность 23 см.

112 (168—102). «Кайдебу» — два резных и раскрашенных в белый и красный цвета щита, которыми бьют один о другой во время обрядовых плясок. Длина по 53.5 см; диаметр 21 см.

113 (168—103). «Табуйо» — резная доска, с изображением предка, помещаемая на носу пироги как талисман против опасностей мореплавания. Высота 52 см, ширина 23 см.

114 (168—104). То же, занесена течением на берег Маклая, где и найдена Н. Н. Миклухо-Маклаем. Высота 60 см, ширина 50 см.

Соломоновы о-ва

115 (168—175). Мужская вязаная нагрудная сумка из растительных волокон. Длина 72 см, ширина 70.5 см.

116 (168—176). Бамбуковая цилиндрическая коробка для извести, употребляемой при жевании бетеля. Длина 15.7 см; окружность 14 см.

117 (168—177). Браслет из раковины *Trochus*. Диаметр 7 см.

118 (168—178). «Копа» — сверток банановых листьев, вкладываемый в продырявленную мочку уха.

Новая Ирландия

119 (168—179). «Кулап» — мужская фигура из глобигериновой извести; изготовляется после смерти человека, по заказу его родственников, хранится известное время в мужском доме, а потом разбивается. Высота 85 см.

Новая Британия

120 (168—180). Маска из человеческого черепа.

Остров Онтонг-Ява

121 (168—181). «Асанга» — украшение из щита черепахи, носимое в отверстии в носовой перегородке. Длина 20 см, ширина 4.5 см.

Новые Гебриды

122 (168—182). Деревянная маска с привеском из тапы. Остров Эпи.

123 (168—183). «Пако» — деревянный браслет для предохранения руки от поранения тетивой лука. Диаметр 6 см, ширина 4 см.

124 (168—184). Клинок топора, выточенный из раковины. Остров Фате. Длина 12 см, ширина 6.5 см.

О-ва Пелау

125 (168—185). Деревянное блюдо. Большой диаметр 28.5 см, малый диаметр 24.5 см.

126 (168—186). Черепаховая ложка. Длина 12.5 см; большой диаметр 8.5 см, малый диаметр 5.5 см; длина ручки 4 см.

Остров Яп

127 (168—187). Клинок топора, выточенный из раковины *Tridacna*. Длина 12 см, ширина 7 см.

128 (168—188/4). «Фе» — просверленные диски из кальцита, употребляемые как средство обмена. Диаметр 15—36 см.

129 (168—190). «Марфай» — связка окрашенных в черный цвет растительных волокон, носимых на шее девушками, достигшими половой зрелости.

О-ва Фиджи

130 (168—157). Глиняный сосуд для кокосового масла. Высота 8.5 см; диаметр дна 14 см.

131 (168—158). То же. Высота 8 см; диаметр дна 13 см.

О-ва Самоа

132 (168—191). Отрезок тапы из луба мальвы.

133 (168—160). Бамбуковый гребень. Длина 18 см, ширина 5.3 см.

134 (168—161). Парик из человеческих волос, надеваемый при плясках.

135 (168—162/2а). Бамбуковая носовая флейта. Длина 30 см; окружность 10 см.

136 (168—162/2б). То же. Длина 28 см; окружность 9 см.

Остров Пасхи

137 (402—240). Обсидиановый наконечник копья — «mataa». Длина 8 см, ширина 6.8 см.

138 (168—192). «Уа» — палица из дерева *Sophora tetraptera*, уплощенная и расширенная к нижнему концу. На рукоятке изображение головы Януса. Глаза — из кости и обсидиана. Поперечные борозды на лбу — волосы. Знак достоинства вождя. Длина 2 м 12 см, ширина (наибольшая) 10 см.

139 (402—2). «Моаи-миро» — деревянная резная фигура — изображение предка. Высота 42.5 см.

140 (402—1). То же. Женская фигура, с бородкой. Высота 59 см.

141 (402—13/2). «Кохау-ронго-ронго» — дощечка с письменами. Длина 42 см, ширина 9 см.

142 (402—13/2b). То же. Длина 62 см, ширина 14 см.

143 (402—201а). «Тахонга» — деревянная модель кокосового ореха. Принадлежность наряда посвящаемого. Большая окружность 22 см, малая окружность 18 см.

144 (402—201б). Амулет в виде резной деревянной головы рыбы. Длина 13 см, ширина 10 см.

145 (402—201в). Амулет из перламутровой раковины на шнурке из человеческих волос, носимый женщинами. Большой диаметр 12 см, малый диаметр 10 см.

Остров Мангая (архипелаг Кука)

146 (402—11). Церемониальный топор. Клинок из черного камня прикреплен посредством плетения к резной деревянной подставке, имеющей форму четырехгранной усеченной пирамиды, со сквозными четырехугольными отверстиями. Эмблема божества Тане-мата-арики. Клинок: 13 см. длины, 7 см ширины. Подставка: 49 см вышины.

ИНДОНЕЗИЯ

Остров Целебес

146 (168—195). Щит деревянный. Минахасса. Длина 123 см, ширина 25 см.

147 (168—196). «Клеванг» — железный меч. Длина клинка 76 см, ширина 5 см; длина рукоятки 36 см.

148 (168—197). Панцырь, сплетенный из ротанга. Длина 55 см, ширина 104 см.

149 (168—198). Шапка воина, сплетенная из ротанга, украшенная клювом Buceros. Длина 25 см.

УКАЗАТЕЛЬ

А

аба [1] — брат I 151, 162, 182, 238.
Абдул-Рахман — проводник Н. Н. Миклухо-Маклая во время его путешествия по Малайскому полуострову, малаец II 167.
Абу — имя матроса I 198.
Абуи — имя папуаса I 183, 185.
аваль — съедобный плод I 269.
Авель — имя папуаса I 143 (рис. 10).
Аврай — название деревни I 189, 190, 191.
Австралия I 199, 348, 350; II 258, 259, 260, 261, 263, 265, 266.
агат, как материал для топоров I 226.
Агомес о-ва (Луб, Гермит) II 35, 82—94, 99.
Ади о-в I 282, 297, 299, 326, 328.
Адмиралтейства о-ва I 170, 341; II 7—81, 99, 100.
аин — деревянная маска I 131.
ай — музыка, музыкальные инструменты I 92, 115, 135, 144, 150.
ай — празднество I 131, 140, 146, 158, 168, 200, 250, 252.
Айбадул — имя одного из вождей на о-вах Пелау II 115.
ай-буль — свинья, убитая по случаю празднества „ай“ I 150.
Айва — местность на берегу Папуа-Ковиай I 283, 284, 285, 302, 304, 306, 307, 318, 319, 322, 323, 324, 325, 332, 333.
айдоган — телум, состоящий из нескольких фигур I 256.
Айдума о-в I 281, 283, 284, 285, 288, 299, 302, 304, 306, 308, 313, 315, 318, 321, 323, 328, 333.
Айдумы радья I 283, 284, 300, 301, 304 (рис. 29), 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 319, 320, 321, 324, 326, 333.
ай-кабрай — бамбуковая труба (музыкальный инструмент) I 250—251, 357.
ай-мун — празднество I 256.
айн — название кеу (на диалекте Били-Били) I 224.
айо — название кеу (на диалекте Марагум-Мана) I 224, 269.
Айру — местность на о. Били-Били I 167, 172, 177.
ака — нехорошо I 81.

[1] Все папуасские слова, при которых диалект не указан, относятся к диалекту Бонгу.

акула I 44, 53, 54.
Алексея вел. кн. порт I 162, 203, 204, 206.
Ален — имя папуаса I 111 (рис. 7).
алифуру (малайск.) — название жителей гор на берегу Папуа-Ковиай и первобытных племен на о. Целебесе и Молуккских о-вах I 304, 313.
ало-ало — название татуировки на южном берегу Новой Гвинеи I 345.
Алум — имя папуаса I 126.
альбиносы I 344; II 26.
Альгумбу — название реки I 127.
альтиболь — вид кенгуру I 164.
амб — дом (на диалекте Били-Били) I 177.
Амбербакен — порт в Нидерландской Новой Гвинее I 215.
Амбоина о-в I 199, 200, 202, 271, 282, 293, 294, 296, 326, 327, 333, 334.
Амбрим — остров в архипелаге Новых Гебрид II 98.
амбуль — сорт цыновок, служащих единицей обмена на о. Вуап II 111.
Амир — тидорский принц I 304, 314—315, 335.
ампо (малайск.) — съедобная земля II 14.
анакода (малайск.) — шкипер I 284, 294, 319, 321, 324, 333.
Анахоретов о-ва (Каниес) II 85.
Андра — остров в архипелаге Адмиралтейства II 25, 26, 28, 39—81, 99.
Ануапата — селение на южном берегу Новой Гвинеи (Порт Моресби) I 337, 348, 350, 351.
анут — папуасское племя I 121.
Апия — город на о. Уполу в архипелаге Самоа I 17, 254, 271.
арабы I 286.
Аралу — название деревни I 164.
араль — лук I 226, 353.
араль-ге — стрела I 227, 354.
арбуз I 271.
арен — нет I 65, 139, 198.
Аренг — название реки на Малайском полуострове II 210.
Аркледеу — остров в архипелаге Пелау II 115.
Арома — название деревни I 349.
Арора — название горы I 289, 308, 311.
арроурут — растение, содержащее крахмал, употребляемый в пищу I 272.
Ару о-ва I 285, 296, 321.
Аса — имя девочки-туземки с о. Андра II 44, 71.

Асель — имя папуаса I 145.
Асол — имя папуаса I 55.
Астролябии залив I 18, 22, 150, 190, 207, 208, 209, 215, 228.
атап (малайск.) — цыновка из пальмовых листьев I 285, 300, 343; II 64.
ауе — хорошо I 76.
ауль — съедобный плод I 269.
аусь — *(Saccharum edule)* — тростниковое растение, соцветие которого папуасы едят I 80, 81, 89, 100, 102, 105, 222, 268.
Ахмат — беглый матрос-малаец II 41, 53—54, 72, 73, 77, 81.
Ахмат — мальчик-папуас, слуга Миклухо-Маклая I 215, 282 (рис. 26), 293, 294, 300, 305, 306, 307, 322, 326; II 158.
Аю — название реки I 204, 205.
Аю-Тенгай — название озера I 205.
Аюн-Монгун — название реки I 172.
аян — ямс I 87, 91, 92, 93, 100, 104, 114, 115, 120, 122, 141, 143, 145, 156, 170, 215, 221, 230, 231, 232, 253.

Б

бабочки I 44
Бабельтоп — о-в в архипелаге Пелау II 115.
Бавия о-в I 314, 315.
Багер о-в I 148.
Бадон (или Бадун) — селение на Малайском полуострове II 161, 162, 163, 166.
Базилаки (Бухилари, Моресби) о-в I 270, 336, 338; II 101.
Баик — название деревни I 317.
Бай — название деревни I 186.
бай-бай — название мужского дома на о. Вуап II, 84, 108—109.
баланган (малайск.) — кокетливая походка малайских женщин I 218.
Бали о-в I 335.
бали-бали (малайск.) — нары II 186.
Бамана — название горы I 315.
бамбук I 20, 21, 32, 67, 75, 96, 107, 111, 112, 118, 120, 127, 143, 182, 226, 227, 244, 245, 251.
Бан мыс I 187.
банан I 20, 33, 35, 52, 72, 74, 77, 88, 89, 99, 102, 109, 111, 152, 156, 172, 187, 190, 200, 204, 222, 229, 231, 268.
Бангум — имя папуаса I 90.
Банда о-в I 327.
Бандон — селение на Малайском полуострове II 166.
Бан-Мана — название деревни I 167.
баночка бамбуковая для краски I 228.
Бара-Бара — название деревни I 338.
барабан см. барум, окам.
барата — жечь I 191, 193.
барельефы о. Пасхи II 145.
Баресси — созвездие Плеяды I 148.
барла — нары, на которых папуасы спят и едят; также маленькая низкая хижина (см. нары) I 30, 52, 56, 72, 150, 229, 230, 234, 235, 348.
барум — большой сигнальный барабан из выдолбленного древесного ствола I 33, 44, 55, 88, 89, 120, 121, 122, 123, 131, 135, 137, 140, 146, 155, 162, 168, 171, 172, 180—181, 185, 193, 194, 229, 238, 252—253, 338; II 15, 24.
басса — конец I 193.
Батанта о-в I 199.
батен — название начальника у оран-утан II 175.
Бату-Гадья — резиденция губернатора Молуккских о-вов I 293.
Бату-Пахат — название реки и селения на Малайском полуострове II 175, 206, 209.
бау — таро см. I 100, 104, 105, 109, 111, 115, 120, 143, 221, 230, 231, 232, 250, 253, 268.
бег, состязание в нем Миклухо-Маклая с папуасами I 74.
Безвик — миссионер I 337, 342, 344, 346.
безволосые австралийцы II 259.
Бейле мыс I 148, 203.
Беккари О. — итальянский ботаник и путешественник I 267.
бери-бери — челнок (на диалекте Айдума) I 291.
бетель I 32, 50, 108, 129, 131, 138, 142, 143, 182, 215, 224, 226, 234, 235, 255, 269.
Бетлингк, О. Н. академик I 241; II 222.
беу — инструмент для татуировки (на диалекте Карепуна) I 345, 361.
биа — огонь I 158.
биарам — дым I 158.
Биби — название деревни I 191.
билен — хороший I 81, 166.
Били-Били — остров в заливе Астролябии I 24, 33, 65, 70, 94, 95, 96, 98, 99, 113, 120, 146, 148, 149, 150, 162, 167, 177, 187, 224, 225, 227, 232, 236, 246, 250, 252, 262, 271.
Билия — остров в архипелаге Довольных людей I 154.
Бирамор — имя туземца о-ва Ямбомба I 177.
бисер II 17.
Бичару залив (см. Телок-Бичару) I 283, 284, 290, 319, 320, 321, 333.
блахан (сумпитан) — трубка для выдувания стрел II 164, 215.
блюдо деревянное см. табир.
бобы (см. могар) I 39, 100, 105, 222, 268.
Богати или **Богатим** (правильно Богадьим) — название деревни на берегу Маклая I 37, 94, 99, 135, 150, 165, 221, 222, 271.
Боге — имя папуаса I 131 (рис. 9), 249.
Богомолов, А. С. — офицер с корвета „Витязь“ I 26.
Бой — название планеты Венеры I 148.
Бой — слуга Миклухо-Маклая I 19, 23, 29, 32, 36, 37, 39, 45, 49, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 65.

*

Бокчо — имя туземца с о-вов Агомес II 83.
боле (малайск.) — хорошо II 186.
болезни папуасов берега Маклая (см. волчанка, инфлуэнца, лихорадка перемежающаяся, оспа, простуда, сифилис, элефантиазис) I 131, 164, 219—220; папуасов берега Папуа-Ковиай I 301.
боли — хлебное дерево и его плод I 222, 268.
Бомассия — название деревни I 172, 205.
Бонгу — название деревни на берегу Маклая I 25, 37, 70, 71, 72, 74, 76, 163, 168, 199—200, 201, 224, 247, 248, 257, 267, 269, 271.
Бонем — имя папуаса 67, 70, 74, 82, 84, 88, 89, 91, 121, 171.
Бонем (Понем) — остров в архипелаге Адмиралтейства II 41.
борле — плохо, нехорошо, нехороший, дурной, больной I 76, 81, 130, 156, 166, 182.
боро — большой I 158.
борода у папуасов берега Маклая I 20, 21, 106, 189, 213.
Боте — имя папуаса I 145.
Боу — название реки I 165.
брак у папуасов берега Маклая I 157, 171—172, 192, 217, 233, 238; у папуасов берега Папуа-Ковиай I 324; у первобытных племен Малайского полуострова II 216.
браслет плетеный (см. сагю) I 20, 21, 38, 142, 169, 175, 228, 236, 356; из раковины I 356, 361; из челюсти умершего родственника I 240, 361.
брахикефалия у папуасов берега Маклая I 258; у папуасов южного берега Новой Гвинеи I 344; у туземцев о-вов Адмиралтейства II 19, 33, 35, 103; у меланезийцев II 103.
бритье у папуасов берега Маклая; бороды и бровей I 21, 46—47, 213; головы I 106, 132, 211, 212; инструменты для него I 236; у жителей южного берега Новой Гвинеи I 342, 348; у туземцев о-вов Адмиралтейства II 20; у туземцев разных островов Меланезии II 103.
брови у папуасов берега Маклая I 213.
Брока таблица I 288; II 19.
Буа — имя папуаса I 80, 123, 136, 142, 171.
буам — саго I 91, 92, 222, 268.
буамбрамра — мужской дом I 52, 72, 87, 94, 105, 107, 112, 126, 135, 177, 189, 197, 229, 231, 234, 250, 253.
буаям — название бисера на о-вах Адмиралтейства II 22.
Бугай — имя папуаса I 103, 115, 126, 133, 141, 158, 160, 194, 249.
буггер — съедобный плод I 269.
Бугенвиля водопад I 315.
бугисы (правильно буги) — народность на о. Целебесе I 286, 333, 334, 335.
Будян — селение на Малайском полуострове II 166.
Букит-Янин — горы на Малайском полуострове, II 209.
булу-рибут (малайск.) — род эоловой арфы I 173—174.
буль — свинья I 93, 139, 140, 191.
буль-ра — нагрудное украшение из кабаньих клыков I 36, 169, 190, 228.
бум — день I 58.
Бурам-Мана — название деревни I 167, 181.
Буру мыс (см. Тандьон-Буру) I 181.
Буру пролив I 199.
бу-сель — ротанг I 271.
бусы I 169.
бусы как единица обмена на о-вах Пелау II 81.
Бутон о-в I 286.
Быко — название реки на Малайском полуострове II 174—175, 206, 209.
Бэр, Карл Эрнст (Карл Максимович) — академик I 144, 159, 207, 220, 258.

В

ваб — глиняный горшок I 76, 224—225, 354.
Ваг-Ваг о-в I 149, 233.
Вай — название реки, см. Говар.
Вайкала — местность на о. Айдума I 313, 318, 321.
Ваймата берег I 284.
Ваймата — название деревни I 317.
Ваймата мыс I 314.
ванг — парусная большая пирога (на диалекте Били-Били) I 186, 187, 189, 192.
Вангум — имя папуаса I 116, 192, 193, 195.
Вануа-Лева — о-в в архипелаге Новых Гебрид II 98.
варан (малайск.) — мышьяк II 169.
Варе или **Тесте** о-в I 336, 339; II 101.
Варика — горный хребет на берегу Папуа-Ковиай I 289.
Варика — местность на восточном берегу залива Тритон I 283, 309, 312.
варка пищи I 92.
Ватевай мыс I 289.
Ватубелла о-в I 282, 296.
вау — дети I 238.
Ваунай — туземец-миссионер с о. Лифу I 336.
вдова — траур ее у папуасов берега Маклая I 192.
вендетта (итальянск.) — кровная месть I 194.
Венера планета I 148.
Верениус — гардемарин с „Витязя" I 25.
верша (см. корзина для ловли рыбы, пенир) I 134, 223.
взаимоотношения европейцев с туземцами II 8, 12, 23, 45—46, 57—59, 87—88, 97, 100, 104, 113—114, 135—139, 235, 265—267.
взаимоотношения Миклухо-Маклая с туземцами I 19, 20, 21, 22, 23, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 39, 47, 48, 49, 51, 58, 59, 60, 63, 64, 65, 70, 72, 74, 79, 80,

81, 82, 83, 86—87, 89, 94, 95, 99, 101, 106, 107—108, 109, 110—111, 112—113, 114, 121, 123, 126—127, 128, 129, 130, 131, 132, 134, 135—136, 140—141, 142, 144, 146, 149, 150—151, 153, 155—156, 157, 160, 161, 162, 163, 168, 182—185, 188, 192—198, 201—204, 237, 283—286—314, 317, 318, 319, 320, 333; II 53.
взаимоотношения полов у папуасов берега Маклая I 81.
взаимопомощь у папуасов берега Маклая I 137.
взлезание на дерево, способ его I 56, 136.
вилка I 91, 225, 353.
Вильяма короля мыс I 17.
Вирхов, Рудольф — известный немецкий ученый, патолог и антрополог I 258; II 16, 19.
„Витязь“ — название корвета, на котором Миклухо-Маклай совершил свое первое путешествие на Новую Гвинею I 17, 18, 19, 24, 25, 26, 27, 28, 33, 37, 58, 59, 135, 150, 155, 156, 158, 160, 207.
Витязь — название, данное русскими моряками острову Били-Били I, 24, 33.
вода, недостаток ее в горных деревнях берега Маклая I 111; способ хранения ее I 75; температура ее в реках берега Маклая I 85;
военные приемы папуасов берега Маклая I 41.
вожди на о. Вуап II 107; у оран-сакай и оран-семанг II 216. См. начальники.
войны у папуасов берега Маклая I, 193, 194, 195; у папуасов берега Папуа-Ковиай I 300, 332, 333; у туземцев о-вов Пелау II 140—141.
Волеа см. Улеай II 7.
волосы у папуасов берега Маклая I 20, 21, 47, 59, 69, 134, 137, 172, 210—213; бритье их I 132, 211, 212; взбивание их I, 33, 67, 68; выдергивание их I 156, 236; выщипывание их I, 67; окрашивание их I 26, 33, 36, 211, 212, 213; расчесывание их I, 236; смазывание их I, 212, 236; собирание образцов их Миклухо-Маклаем I 51—52; стрижка их I 132, 211, 212, 236; украшение их у горных папуасов I 212—213; уход за ними I 68, 189, 212, 236; цвет их I 21; у папуасов берега Папуа-Ковиай I 210, 287—288, 303; у папуасов берега Папуа-Онин I 210; у жителей южного берега Новой Гвинеи I 339, 342; у туземцев о-вов Адмиралтейства II, 35, 36; у туземцев о-вов Агомес II 88—89; у туземцев о. Вуап II 105; у туземцев о-вов Пелау II 116; у оран-утан II 156.
волчанка I 219.
ворон серый I 103.
воспитание детей см. дети.
Вуанвум — имя папуаса I 55.
Вуап о-в (Яп) II 7, 8, 9, 12, 28, 29, 31, 35, 84, 105—114.
Вулкан о-в I 199.
вуор — гора (на диалекте Айдума) I 309.
вуоусирау — папуасское племя в горах Камака I 283, 286, 289, 301, 308, 309 (рис. 31), 310, 311—312, 328, 333.
вывоз см. предметы вывоза.
вымирание туземцев о. Пасхи II 143—144; первобытных племен Малайского полуострова II 206—207.
выражение лица у папуасов берега Маклая I 43, 120.
выражение ощущений у папуасов берега Маклая I 33, 36, 45, 86, 119; у туземцев о-вов Адмиралтейства II 18, 22—23, 28, 30.
выражение почтения при приеме гостя I 266.

Г

Г(егенбаур) проф., известный немецкий анатом I 61.
Габенеу — название реки на берегу Маклая I 105, 108, 127, 138, 164, 165, 193.
Габина (см. Обсервации мыс) I 37, 45, 62, 63, 161, 162.
Гад — имя туземца о. Били-Били I 147, 148, 149.
Гада-Гада — название острова и деревни I 120, 148, 178.
Гадаби-Мана — название деревни I 113.
гамба — чашка или тарелка из скорлупы кокосового ореха I 92, 225, 354.
гамбор — корзина, гроб I 124 (рис. 8), 125, 181, 192, 194, 355.
гамбор росар — увязать корзину (гроб) I 181, 194.
гануй — зеркало I 112.
Гарагаси — мыс на берегу Маклая, где жил Миклухо-Маклай в 1871—1872 гг. I 37, 154, 161, 167, 200, 267.
гаре — кожа I 64.
гармоника губная I 29, 45, 144.
Гассан — имя туземца о. Били-Били I 178, 186, 203, 204, 249,
гатесси — локоны на затылке I 68, 82, 211, 212.
гау — ожерелье из шлифованных камней и раковин II 111.
Гау лорда о-ва (Онтонг-Ява) II 98.
Гбан — название реки на Малайском полуострове II 166.
гвозди, употребление их папуасами как шильев I 67.
Гельвинк залив I 291.
гена — итти I 126, 158.
Георгия св. пролив II 99.
Гермит о-ва см. Агомес.
Гессир о-в I 258, 282, 283, 294, 306, 307, 327, 333, 335.
Гессира майор (начальник) I 294, 295.
гигир — кожа акулы I 226.
Гилоло о-в (правильно Джилоло, см. Хальмахера) I 306.
гипсотермометр I 130.
глаза у папуасов берега Маклая I 215; у туземцев о-вов Адмиралтейства II

26, 38; у туземцев о-вов Пелау II 117.
глина, употребление ее для смазывания кожи I 209.
глиняная посуда у папуасов берега Маклая см. горшки глиняные; на о-вах Фиджи I 265.
Говар (иначе **Вай, Гуан**) — название реки I 136.
говое или **кове** — название кенгуру на южном берегу Новой Гвинеи I 348.
Год-Аван мыс I 178.
голова, форма ее у туземцев о. Били-Били I 98; у туземцев о-вов Агомес II 90; у туземцев о-вов Адмиралтейства II 32.
голубь I 53, 135, 177, 306, 350.
Горам о-в I 282, 296, 324.
Горенду — название деревни на берегу Маклая I 25, 30, 37, 65, 72, 76, 196, 201, 224.
Горенду-Мана — название горы I 102.
Горима — название деревни на берегу Маклая I 37, 182, 183, 184, 185, 196, 224, 252.
горшки глиняные I 92, 95, 131, 133, 135, 204, 224—225, 230, 359; II 43; изготовление их на о. Били-Били I 96—98.
гостеприимство туземцев I 87, 93, 98, 101, 104, 106, 107, 109, 111, 129, 132; II 28, 71.
грабук (см. аусь) 222.
Грагер — остров в зал. Астролябии I 148, 149, 203, 206, 227.
гребень бамбуковый I 21, 33, 68, 101, 194, 212, 226, 355, 356.
гребень изготовление его I 116, 120.
гребень употребление его как вилки I 91.
грибы I 41, 57.
гроб см. гамбор.
гробницы у папуасов берега Папуа-Ковиай I 299; у жителей южного берега Новой Гвинеи I 350; у туземцев о. Вуап II 109; у малайцев II 200—201, 203; у оран-утан II 182, 185; у туземцев о-вов Пелау II 133—134.
гроза, заговаривание ее I 313.
грубак (см. аусь) I 222.
груди у папуасок берега Маклая I 81, 82, 131, 217; у девушек южного побережья Новой Гвинеи I 342.
грудь у папуасов берега Маклая I 215—216.
Гуан — название реки, см. Говар.
губ — влагалища листьев пальм I 181, 194.
губки I 34, 311.
губо-губо — название нагрудного украшения I 169, 170, 194.
губы у папуасов берега Маклая I 59, 107, 214.
Гумбольдта бухта I 73, 199, 207.
Гумбу — название деревни на берегу Маклая I 25, 28, 37, 65, 164, 165, 170, 224, 258.
Гумуша — название холма I 166.
гун — вязаная сумка I 67, 171, 175, 180, 181, 228, 231, 271, 355.
Гуна — имя папуаса I 176.
Гуну-Индау — горы на Малайском полуострове II 210.
Гуну-Тахан — гора на Малайском полуострове II 210.
Гуру-Гуру — название водопада I 315.
гутур — смола дерева I 271.
гыта (малайск.) — каучук II 164.

Д

даб-тумбу — палочка, носимая в мочке уха I 356.
Давид — амбоинец, слуга Миклухо-Маклая I 293, 294, 295, 298, 302, 305, 309, 310, 316, 317, 318, 320, 322, 323, 324, 325, 326.
Далу — имя папуаса I 106 (рис. 5).
Даманг — название созвездия пояса Ориона (на диалекте Били-Били) I 148.
дамбы на о-вах Пелау II 128.
Д'Антркасто о-ва II 100.
дань, взимаемая малайскими султанами с папуасов берега Папуа-Ковиай I 305.
дарем — мужской дом (на диалекте Ямбомба и Били-Били) I 177, 178, 187, 189, 190, 191.
дверь хижины I 20, 72, 116, 130, 229; способ запирания ее I 94, 234.
дева — папуасское племя I 142, 215.
дегарголь — сладкий картофель I 56, 100, 222, 232, 268.
делеп (или **дегеп**) — название духа мертвого на о-вах Пелау II 121—122.
ден — сахарный тростник I 222, 268.
дена — малайская мера длины II 192.
ден-сель — растение, из стеблей которого папуасы берега Маклая плетут веревки I 271.
деньги у туземцев о-вов Пелау II 134—135.
деревни папуасов берега Маклая, названия их I 278.
деревни горные берега Маклая I 129.
деревни южного берега Новой Гвинеи I 341.
деревни туземцев о-вов Адмиралтейства II 24.
дети, воспитание их у папуасов берега Маклая I 115, 120, 136, 139, 231—232, 233, 234; продолжительность кормления их грудью I 156, 217, 234; способ ношения их I 105, 228; обращение с ними на о-вах Адмиралтейства II 48.
Джимми — имя туземца Новой Каледонии I 338.
Джо — имя матроса, туземца о. Лифу II 50.
диадема из собачьих зубов I 169.
диалекты папуасов берега Маклая I 65, 70, 156, 243, 273—280; папуасов берега Папуа-Ковиай I 328—331; первобытных племен Малайского полуострова II 222—227.

диглан — шип I 122.
дигор — сор I 156.
Дигу — имя папуаса I 70, 74, 77, 84, 106, 136, 159.
Дилукай — имя женщины, главного персонажа одной из легенд туземцев о-вов Пелау II 7, 130—132.
дим — растение, дающее съедобные плоды I 269.
доа (малайск.) — колдовство I 193.
Довольных людей архипелаг I 154, 162, 168, 172, 173, 177, 178, 199, 203, 206, 208, 225, 232, 238, 246, 247, 252, 255, 265.
дождь, заговаривание его I 158.
долихокефалия I 80, 214, 258, 287.
долото I 226.
дом Миклухо-Маклая, построенный близ Бонгу в 1877 г. I 163, 196.
дома мужские см. буамбрамра, бай-бай, пай, ум-камаль.
дома общие у оран-утан II 182.
донган костяное орудие I 65, 67, 71, 92, 142, 179, 226, 228, 352.
Дориа Д. — маркиз, итальянский натуралист и путешественник I 350.
Дорэ — селение в Нидерландской Новой Гвинее I 73, 199, 209, 220, 248.
доска мемориальная в память первого пребывания Миклухо-Маклая на Новой Гвинее I 160 (рис. 12), 161, 167.
дощечка для формовки глиняных горшков I 354.
Драмай о-в I 313, 318.
дудка бамбуковая I 33.
дудка из скорлупы кокосового ореха (см. мунки-ай) I 33.
Дудфильд порт I 339.
дум — шпорцевая кукушка I 133.
думу — смола, употребляемая туземцами южного берега Новой Гвинеи для разрисовки тела и как магическое средство I 338.
дуриан — плодовое дерево I 271.
Дуфф о-ва (Квироса) II 98.
дуэли у папуасов I 154.
дым — кора дерева (на диалекте Ямбомба) I 177.
дынга — пирога I 165, 178.
Дьекати — название реки на Малайском полуострове II 168, 209.
дю — плетеная ленточка, которой повязывают взбитые волосы I 67, 169, 212, 356.
дюг — казуар I 109, 112.
Дюмон-Дюрвиль — французский мореплаватель I 18, 207, 308.
Дюпере мыс I 18 (на этой странице ошибочно назван о-вом архипелага Довольных людей), 24, 208.
Дэмпир, В. — английский мореплаватель I 207.
Дэмпир о-в (см. Кар-Кар) I 205, 209, 233, 258.
Дягусли — имя папуаса I 110 (рис. 6).
дянган такут (малайск.)—не бойся II 177.

Е

еда у папуасов берега Маклая I 101.
Елены вел. кн. пролив I 302, 307.

Ж

железа окись I 211, 271.
железо, введение его Миклухо-Маклаем в употребление у папуасов берега Маклая I 119, 133, 134, 146, 177.
железо, знакомство с ним у папуасов берега Папуа-Ковиай I 291.
железо у туземцев о-вов Адмиралтейства II 23, 25.
жемчуг I 332.
женщины у папуасов берега Маклая, бегство их при появлении Миклухо-Маклая I 34, 49, 81; недопущение их к участию в празднестве „ай" I 91, 93; положение их I 83, 133, 233, 237, 250; раннее созревание их I 82; страх их перед первым виденным европейцем I 86, 128; физический тип их I 84; участие их в празднестве „мун" I 135, 169; у оран-сакай и оран-семанг II 216; у туземцев о. Пасхи II 144; у туземцев о-вов Пелау II 128; предложение их европейцам на о-вах Адмиралтейства II 50, 54—55.
живот у папуасов берега Маклая I 131, 216.
животные домашние, завезенные Миклухо-Маклаем на Новую Гвинею I 199, 200, 201, 202.
жилища см. хижины.
жуки как украшение для волос I 213.
жуки, употребление их в пищу папуасами I 82, 223.

З

забор от ветра I 342—343.
забор плантации I 78, 231.
заклинания I 250.
занятия Миклухо-Маклая в течение дня во время пребывания на Новой Гвинее I 40, 73—74.
запреты пищевые (см. табу) I 128.
затылок у папуасов берега Маклая I 214.
земледелие у папуасов берега Маклая I 84, 86, 152, 231—232; отсутствие его на о. Били-Били I 98; у оран-утан II 206.
землетрясения на берегу Маклая I 46, 47, 164; вызывание их посредством колдовства I 194.
земля съедобная см. э-пате.
зеркало, впечатление, производившееся им на папуасов, I 79, 153.
змеи I 81, 99, 193, 223; употребление их в пищу туземцами южного берега Новой Гвинеи I 338.
золото I 291, 296.
зубы у папуасов берега Маклая I 215; у туземцев о-вов Агомес II 84, 91—92;

у туземцев о-вов Адмиралтейства II 13, 14 (рис. 1); 18, 19, 25—26, 30, 36—38; чернение их у туземцев о-вов Пелау II 117—118.
зубы животных, вывешивание их у входа в хижину I 130.

И

игла вязальная II 267.
игрушки детские I 233.
игры детские у папуасов берега Маклая I 113, 118, 136, 142.
игры у папуасов берега Папуа-Ковиай I 322.
идеографическое письмо см. письмо идеографическое.
идолы у туземцев о. Вуап II 7; у туземцев о-вов Адмиралтейства II 270.
Иезу-Мария о-ва II 8, 9, 31.
известняк белый I 164.
известь, употребляемая при жевании бетеля, I 226, 255.
известь как краска I 175, 194.
измерения антропологические I 168, 342, 344 II 15—16.
изолирование девочек при наступлении зрелости и женщин во время менструации и после родов у туземцев о. Вуап II 106.
„Изумруд“ — название клипера, на котором Миклухо-Маклай уехал с Новой Гвинеи в 1872 г., I 26, 159, 160, 167.
Изумруд пролив I 162, 199, 206.
икры у папуасов берега Маклая I 59, 216—217.
илан — напиток II 125.
иололь — сухое полено для добывания огня у горных папуасов берега Маклая (на диалекте Энглам-Мана) I 230.
имена папуасов берега Маклая I 277—278.
инбирь I 270.
инги — еда, кушанье I 108, 109, 175, 181, 188.
инги уяр — угощение I 176.
Инго — имя папуаса I 122.
Индау — название реки на Малайском полуострове II 179, 206, 209.
инструменты для еды I 225.
инфлуэнца I 220.
инчи (малайск.) — старшина, вождь II 159.
Ио-Гуму — название реки I 177.
Ион — имя папуаса I 193, 194.
Иор — название реки I 165.
Иоркского герцога о-в II 99.
Иосиф — амбоинец, слуга Миклухо-Маклая I 283, 285, 293, 306, 307, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327.
Иохор — княжество на Малайском полуострове I 173; II 206.
Иохор (Иохор-Бару) — город II 156, 204—205, 209.
Иохор — река II 206, 209.
искусство папуасов берега Маклая I 244—248, 259—262.
иссе (см. кеу) I 269.
итиболь — вид кенгуру I 164.

К

кааль — название кеу (см.) на диалекте Теньгум-Мана и Колику-Мана I 224.
каарам-нири — луна I 54.
каарам тамо — человек с луны I 188, 237.
кабрай — вид попугая I 251.
кабуль — съедобный плод I 269.
кава (полинезийск.) — *Piper methysticum* и опьяняющий напиток из него I 84, 224, 254, 263, 265, 270.
кава, отсутствие ее на о-вах Адмиралтейства II 23.
кавас — друг (на диалекте Андра) II 42.
кадьян (малайск.) — цыновка из листьев пандануса I 291, 308; II.
казуар I 110, 130, 173, 316.
казь — табак I 75, 76, 255, 270.
Каин — имя туземца о. Били-Били I 94, 95 (рис. 2), 96, 98, 99, 119, 147, 149, 154, 172, 173, 177, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 203, 204, 205, 206, 249.
каинда — название корнеплода, одного из видов *Dioscorea* I 143.
кай — ложка из раковины или из скорлупы кокосового ореха I 225, 228, 354.
кайдебу II 271.
Каймана — название деревни на берегу Папуа-Ковиай I 305.
какаду белый I 54.
какаду черный I 100, 101, 117—118, 133, 135, 152.
Калантан — область на Малайском полуострове II 210.
кале — кушанье из наскобленного кокосового ореха, растертого с ямсом или таро I 115.
калебаса — сосуд из тыквы I 255, 360.
Калеу — имя папуаса I 156, 171, 172.
калит — различные значения этого слова II 122.
калит — название колдуна на о-вах Пелау II 120, 122—123.
Каллоль — имя папуаски I 194.
Кало бухта I 346.
Калун — имя папуаса I 171, 176.
Камака горы I 283, 285, 301, 306, 310, 333.
Камака-Валлар озеро I 283, 289—290, 309, 310—311, 312, 313, 328.
Камбекиару — название горного хребта на берегу Папуа-Ковиай I 289.
каменный набалдашник палицы, служащий амулетом I 177.
каменный топор см. топор каменный.
каменные орудия — вытеснение их железными на о. Мангарева II 151.
камень для формовки глиняных горшков I 354.
камень как ушное украшение I 228.
камера-луцида I 110, 131.
камни священные I 266.
Кампан — название реки I 164.

Камрау залив (см. Телок-Камрау) I 299, 305, 315, 333.
Канас — название реки на Малайском полуострове II 166.
Канделярия риф II 98.
Каниес о-ва II 84—85.
каннибализм I 173, 205, 306; II 46—47, 72, 74—75, 143.
Канта пик I 204.
кап — лиана, из волокон которой туземцы о-вов Адмиралтейства изготовляют нитки и веревки II 17, 267.
капала (малайск.) — начальник II 186.
капитан — титул, введенный малайцами на берегу Папуа-Ковиай для обозначения начальника рангом ниже радьи I 333.
капок — хлопчатое дерево I 272.
Капур — название селения на берегу Папуа-Ковиай I 334.
Карагу о-в I 177.
Карас — название селения на берегу Папуа-Ковиай I 305, 334.
Карепуна — название селения на южном берегу Новой Гвинеи I 342, 346, 348, 349, 351.
кариут — одежда женщин на о-вах Пелау II 131.
Кария — собственное имя одного телума I 112.
Кар-Кар о-в I 63, 64, 99, 106, 107, 149, 158, 162, 199, 205, 206, 208, 233, 236.
карог — ветер с моря I 147, 250.
картофель сладкий (см. дегарголь) I 72, 78, 152, 267, 268, 308.
Каруфа — название реки на берегу Папуа-Ковиай I 281, 328.
каскадо — название накожной болезни на берегу Папуа-Ковиай I 296.
катазань — гребень, украшенный перьями I 180.
Кахан — название реки на Малайском полуострове II 192, 206, 209.
Качу — имя мальчика — туземца с о. Андра II 44, 60, 64, 71, 72.
каю-лара (малайск.) — лиана для добывания огня трением II 198.
Каю-Мера архипелаг I 281, 299, 313, 328; название деревни на острове того же имени I 300, 313; залив (см. Телок-Каю-Мера) I 289; главный остров архипелага того же имени I 283, 285, 315, 333.
Квала-Индау — селение на Малайском полуострове II 188.
Квала-Сомброн — селение на Малайском полуострове II 190.
Квапена — имя папуаса I 340, 341.
Квироса о-ва II 98.
Кеда — город на Малайском полуострове II 210.
кеду — название скамьи на о-вах Адмиралтейства II 52.
Кей о-ва I 285, 296, 321.
кенгар — название дерева, дающего орехи (см. *Canarium commune*) I 133, 167, 190, 222, 268.
кенгуру (см. тиболь) I 145, 305, 338, 348.
кеу — *Piper methysticum* и опьяняющий напиток из него I 84, 87, 90, 93, 110, 115, 116, 121, 122, 129, 134, 142, 156, 158, 168, 182, 187, 223—224, 254, 255—256, 263—264, 269.
кеу запретность его для женщин I 250.
кеу тайное употребление его женщинами I 115.
кеува — название кеу на диалекте Энглам-Мана I 224, 269.
кеу-гамба — чашка для кеу I 354.
Кеффинга майор (начальник) I 295.
киаль — название кеу на диалекте Богадьим I 269.
Киливит — название деревни на о. Вуап II 7.
Килу радья I 295.
Кильвару о-в I 286, 294, 326, 327, 333, 334, 335.
Кильвару радья I 295.
кинжал I 226, 359; обсидиановый II 267; с двумя лезвиями из игл ската II 44, 267, 268.
кини — название инструмента для татуировки на южном берегу Новой Гвинеи I 345, 361.
Киор — название реки I 183.
Кируру залив (см. Телок-Кируру, Этнабай) I 283, 284, 291, 314, 315, 318.
Кисем — имя туземца о-ва Били-Били I 186.
китайская роза см. роза китайская.
китайцы I 286.
кламбу (малайск.) — одеяло II 187.
климат берега Маклая I 32, 41, 44, 47, 48, 69, 70, 73, 77, 104, 115, 116, 118, 136, 137, 143, 151, 154, 157, 168; берега Папуа-Ковиай I 334; Порта Моресби I 351.
клубы на о-вах Пелау II 126.
Клыду — название реки на Малайском полуострове II 161.
клыки собак как ушное украшение I 82.
клюв птицы-носорога, вывешивание его у входа в хижину I 130.
кобум — паук I 82.
кобум — пирога (на диалекте Били-Били) I 148, 149.
кобум-барла — платформа пироги I 148.
кове или говое — название одного вида кенгуру на южном берегу Новой Гвинеи I 348, 350.
Коды Боро — имя папуаса I 135, 150, 151, 153, 165, 182, 183.
кожа у папуасов берега Маклая I 208—209.
кожа цвет ее I 20, 21, 131, 134, 209; у горных папуасов берега Маклая I 45, 48; у папуасов берега Папуа-Ковиай I 288; у туземцев южного берега Новой Гвинеи I 342; у туземцев о-вов Адмиралтейства II 17, 19, 26, 35, 46; у туземцев о. Вуап II 105; у туземцев о-вов Пелау II 116.
кожа ящериц, употребление ее для обтяжки барабанов I 130, 134.

Койра о-ва I 308, 309, 312.
коко — название птицы *(Chlamydodera)* I 32, 53, 69.
кокосовая пальма см. пальма кокосовая.
кокосовый орех см. орех кокосовый.
кол заостренный для вскапывания земли см. удья.
колдовство см. магия, оним.
колдовство как причина смерти, по верованиям меланезийцев II 69.
Коли — название реки I 110, 164.
Колику-Мана — название горной деревни на берегу Маклая I 84, 85, 86, 89, 101, 129, 160, 167, 170, 176, 177, 224.
Колле — имя папуаса I 69.
коллективное производство (в земледелии) I 232.
колодцы на о-вах Адмиралтейства II 69.
Кololь — имя папуаски I 145.
комары I 26, 28, 47.
конечности у папуасов берега Маклая I 216.
Конилю — название квартала деревни Бонгу I 175.
Константин Николаевич, вел. кн. I 26, 27.
Константина пик I 86, 165.
Константина порт I 24, 26, 27, 28, 37, 193, 199, 267.
коптилка для трепанга II 44, 60, 99.
Копытов Н. В. — адмирал I 199.
копья I 138, 169, 191, 226, 227, 231, 271, 353, 359; II 11, 23, 84, 268.
кора-кора — название гребного судна на берегу Папуа-Ковиай I 334.
корвар — то же, что телум, на диалекте Дорэ (Нидерландская Новая Гвинея) I 248.
Коре — имя туземца о-ва Били-Били I 154.
корзина для ловли рыбы (см. верша, ненир) I 28, 118, 134, 136, 223.
корзины I 67, 107, 170, 271, 355.
корзины водонепроницаемые см. кур.
корзины, вывешивание их на деревьях, I 93, 110.
корица (см. масой) I 332, 334; II 27.
коро — копье с петлей из ротанга (на диалекте Кало) I 346—347, 359.
коробка бамбуковая для извести, употребляемой при жевании бетеля, I 226, 228, 255, 354—355.
корон см. калит.
Корор — селение на о. Аркледеу в архипелаге Пелау II 115.
костер, разводимый внутри хижины, I 107, 129.
кости животных, вывешивание их у входа в хижину I 110, 130, 358.
кости рыб, употребление их как орудия для прокалывания I 226.
кость заостренная, употребляемая как вилка, I 91.
кость казуара I 226, кенгуру I 65, 226, как материал для орудий I 226.
кость, отточенная для доставания из кокоробки извести, употребляемой при жевании бетеля, I 255.
кость свиньи I 65, 226, собаки I 226, человеческая I 226; II 10, 75—76.
Котта-Ста — город на Малайском полуострове II 210.
кофе, семена его, привезенные Миклухо-Маклаем на Новую Гвинею I 271.
Кохэм — имя туземца с о. Андра II 42, 53, 54, 62, 63, 71, 72.
крамат (малайск.) — священный II 180.
краска белая см. известь.
краска красная см. охра.
краска черная см. куму.
Кратон — название реки на Малайском полуострове II 161, 166, 206, 209.
кремень, осколки его, употребляемые как орудия, I 116, 226, 352; II 70.
кремневые ружья у папуасов берега Папуа-Ковиай см. ружья кремневые.
крокодил I 156, 305; II 27.
кротон — растение I 20.
Круазиль мыс I 162, 206.
Круень — название деревни на Малайском полуострове II 166.
крыса сумчатая I 223, 231, 253.
крыша хижин папуасов берега Маклая I 20, 43, 72, 94, 229.
кубур (малайск.) — гробница II 203.
крыша, починка ее I 34.
Куапена см. Квапена.
Кук Джемс I 75.
Кука архипелаг II 272.
куку — название табака у туземцев южного берега Новой Гвинеи I 270, 343, 344, 348.
кукуруза I 39, 168, 200.
кулап II 271.
Кум — имя папуаса I 126.
Кумава — туземное название полуострова принца Оранского I 281, 328.
Кумани М. Н. — командир клипера „Изумруд" I 159, 160.
куму — черная краска I 182, 189, 194, 212, 271, 358.
куне — название большого каменного топора на южном берегу Новой Гвинеи I 337, 359.
купанье I 234.
купанье как свадебный обряд I 176.
кур — название водонепроницаемых корзин на о-вах Адмиралтейства II 11, 43, 79—80, 268.
куры I 132, 187, 188—189, 190—191, 223, 234, 253.
кускус (см. маб) I 87, 110, 112, 131, 134, 135, 253; II 43, 52.
кэрри — индийская пряная соя I 40, 74.

Л

лакатой — парусное судно у туземцев южного берега Новой Гвинеи I 350.
Лакахия залив (см. Телок-Лакахия) I 290.
Лакахия о-в I 283, 299, 304, 305, 306, 307, 309, 314, 315, 328, 335.
Лако — имя папуаса I 85, 86, 107, 108, 160, 171, 172, 180.

Лалай — имя туземца о-ва Били-Били I 59.
Лали — имя папуаса I 58.
Ламансиери гора I 300, 310, 328.
ландак — малайское название дикобраза *(Hystrix)* II 215.
ландшафт берега Маклая 17—18, 19, 22, 29, 77 — 78, 85, 86, 87, 94, 102, 128; о. Били-Били I 98; берега Папуа-Ковиай I 290, 302, 307 — 308; южного берега Новой Гвинеи (Порт Моресби) I 348.
ланзат *(Lansium domesticum)* — плодовое дерево I 199.
Лаудон мыс I 318.
Леба — название реки и селения на Малайском полуострове II 178, 179, 206, 209, 210.
левират I 192.
легуан или **игуана** — большая ящерица (см. монитор) I 134.
Леле бухта I 165.
Лемчуг — название деревни I 187.
Ленгуру залив I 301.
Леунева (см. Онтонг-Ява) II 98.
лечение папуасов Миклухо-Маклаем I 64, 80, 83, 99, 140, 142, 179.
ли — инбирь I 250, 270.
лианы I 69.
Лигор — город на Малайском полуострове II 210.
Лимай—название бухты на о. Люсоне I 313.
лимон дикорастущий I 269.
лимон, семена его, завезенные Миклухо-Маклаем на Новую Гвинею I 271.
листья как украшение I 67, 138, 146, 169, 170, 175, 212, 361.
Лифу — название острова в архипелаге Лойэлти *(Loyalty)* I 336; II 98.
лихорадка перемежающаяся у Миклухо-Маклая и его слуг I 37, 42, 43, 47, 49, 54, 60, 64, 65, 68, 71, 73, 75, 77, 87, 104, 108, 114, 118, 135, 142, 143, 144, 151 — 152, 153, 154—155, 157, 166, 167, 168, 338, 348, 351.
лихорадка перемежающаяся у папуасов берега Маклая I 219.
личинки, употребление их в пищу папуасами I 119.
Ло — имя папуаски I 174, 175, 176.
лоб у папуасов берега Маклая I 21, 106—107, 214, 215.
Лобо берег I 283, 300, 308.
ловушка на голубей I 306; на кур I 191.
Лодо о-в I 296.
ложка I 65, 67, 91, 354, 360.
Ломира — местность на берегу Папуа-Ковиай I 308, 309.
Лонеу — деревня на о. Тауи (архипелаг Адмиралтейства) II 9, 12, 14, 15, 22, 24.
Лооз — миссионер I 270.
лопата (см. удья-саб) I 84.
лопаточка для доставания извести из коробки I 360.
Лопец — слуга Миклухо-Маклая (см. Иосиф) I 293, 320.
лори — подсемейство попугаев I 32.
Лу (или Ло) о-в в архипелаге Адмиралтейства II 9, 21.
Луб (см. Агомес) II 82, 99.
Лубу-Копон—название селения на Малайском полуострове II 161, 166.
Луизиады архипелаг I 177, 270, 339; II 100, 101.
лук (см. араль) I 21, 169, 226, 231, 271, 353.
лук стрельба из него I 41, 127—128.
лук как детская игрушка на о-вах Адмиралтейства II 64.
лук отсутствие его, как оружия на о-вах Адмиралтейства II 23.
лук у оран-сакай II 215.
Лундан — название реки на Малайском полуострове II 184.
любопытство у папуасов I 135.
людоедство см. каннибализм.
Лынга — название деревни на Малайском полуострове II 158.
Люсон — главный из Филиппинских о-вов I 196, 209, 220, 298, 310, 313; II 152—153.
лягушка зеленая I 349.
Лялу — имя папуаса I 70, 81, 89, 120.
Ляляй — имя папуаса I 81, 82.

М

маб — вид кускуса I 87, 109, 110, 112, 116, 117, 123, 152, 223.
Мавара архипелаг I 281, 283, 284, 285, 302, 328.
Мавара — главный остров архипелага того же имени I 299, 302, 319, 323, 333.
Мавара — селение на острове того же имени I 302.
Мавары капитан I 283, 285—286, 298, 320 (рис. 33), 324, 325, 326, 327, 333.
магия (см. оним) I 128, 132—133, 178, 249—250, 313, 338.
Магмуг о-в II 8.
Маде — название реки на Малайском полуострове II 192, 209.
Маделонские горы — на Малайском полуострове II 210.
маис I 271.
Май — остров в архипелаге Новых Гебрид II 98.
Майва — название деревни I 348.
Майомоту — название горного хребта на берегу Папуа-Ковиай I 289.
майраси — папуасское племя I 286, 308, 310, 328.
Макане — имя папуаски I 349—350.
Макассар — город на о-ве Целебесе I 199, 271, 306, 332, 333, 335.
макассарцы — жители Макассара I 306.
Мак-Гилливрей — английский мореплаватель I 337.
Макине — имя папуаса I 80.
Мак-Клюр залив I 281.
Маклая берег — часть северо-восточного побережья Новой Гвинеи от мыса Круазиль до мыса короля Вильяма I 160, 163, 164, 172, 191, 196, 199, 208, 209,

217, 220, 232, 233, 244, 267, 269, 271, 287, 309, 336, 348.
Малайский архипелаг I 75, 199.
Малайский полуостров I 173, 196; II 154—227.
малайцы I 173, 286, 292.
Малакка — город II 210.
маласси — молодые люди, юноши I 126, 212, 235, 252, 253, 255.
Малаю — название реки на Малайском полуострове II 205.
Мале — название деревни на берегу Маклая I 37, 46, 52, 58, 94, 99, 155, 156, 160.
Мало — имя папуаса I 171.
Мало — остров в архипелаге Новых Гебрид II 98.
Малу — имя папуаса I 183, 185.
маль — набедренная повязка, плащ из тапы, тапа I 134, 144, 170, 171, 175, 181, 217, 227, 236, 270, 355.
маль-сель — растение, из волокон которого делаются женские юбки I 271.
мана — гора I 38.
мана — название футляра для penis'a на о-вах Адмиралтейства II 13.
Мана-Боро-Боро — туземное название гор Финистер I 17, 99, 106, 164, 182, 206.
мана тамо — люди гор I 192, 193, 194, 196.
Мангарева — остров в архипелаге Паумоту (в Полинезии) I 17, 154; II 148 — 151.
Мангая о. II 272.
мангровое дерево I 301, 351.
мангустан I 271.
Манигба-Мана — название горной деревни на берегу Маклая I 167.
Мар — название деревни I 296.
Марагум-Мана — название горной деревни на берегу Маклая I 37, 58, 88, 89, 99, 101, 121, 133, 134, 164, 217, 224, 232, 265.
Марамай — туземец о-ва Били-Били I 146 (рис. 11), 203, 204.
марем — челюсть I 156.
Марианны принцессы пролив I 216.
Маривалес — название гор на о-ве Люсоне I 298.
Мария — имя, данное по выбору Миклухо-Маклая новорожденной девочке — папуаске I 134.
марфай II 272.
маски (см. аин) I 131, 256.
масло кокосовое I 221, 267; II 27, 80.
масой — корица (на диалекте Айдума) I 283, 323.
массаж — у туземцев о-вов Адмиралтейства II 18—19, 48.
массо — короста I 213.
Матвея св. о-в II 8, 99.
матра-мат — название колдуна на о. Вуап II 7, 107.
Маупа — название деревни I 340, 342, 343.
Маус — приток р. Аю I 205.
Махиу бухта II 101.
Мебли — слуга Миклухо-Маклая, туземец о-вов Пелау I 167, 173, 178, 192, 193, 194.
Мегаспена о-в I 206.
Мегу — название деревни I 187.
меланезийцы — I 265.
Меланезия I 199, 263.
мелафир как материал для топоров I 226.
меля — серьга I 356.
мем — отец I 60, 68, 73, 113, 126, 151, 162, 238.
мему — вешалка (палка с крючками) I 230.
Мендир — название деревни I 187.
метелка из листа пинанга I 171.
меч деревянный I 359.
Микронезия I 263, 265, 266; II 105—141.
минахасцы — жители Минахассы (на о-ве Целебесе) I 313.
мимика папуасов берега Маклая I 87—88; туземцев о-вов Адмиралтейства II 26—27.
Минем — имя папуаса I 112.
Мирий — имя папуаса I 348.
миски I 359, 360.
Митебог — о-в и деревня I 120, 147, 148, 178, 196.
мнемонические средства папуасов берега Маклая I 247—248.
многоженство на о-вах Адмиралтейства II 27, 75.
Моа — название реки на Малайском полуострове II 174.
мога — банан (см.) I 222, 268.
могар — бобы (см.) I 105, 222, 268.
могилы см. гробницы.
могуль — название табу на о-вах Пелау II 125.
моен — умереть I 81.
Мой о-в I 314.
Мойберит — имя папуаса I 325.
моллюски I 223.
Молуккские о-ва I 169, 332, 334, 335.
монголь — женщины при клубах на о-вах Пелау II 127.
мондон — потом I 87.
монитор (см. легуан) I 223, 251.
Морель — название реки I 164.
Моресби — о-в см. Базилаки.
Моресби порт I 337, 348.
морор-мун — название празднества I 170—171.
„Морская птица“ (см. Sea Bird) — название шхуны, на которой Миклухо-Маклай ездил на берег Маклая в 1876 г. I 163.
мостовые — на о. Вуап II 108; на о-вах Пелау II 128.
мотабо — название ловушки для рыб на южном берегу Новой Гвинеи I 339.
Моте — имя папуаса I 170, 175, 179, 180, 182.
Моут-Монгун — название озера I 172.
мраль — сигнальный барабан II 52.
Муар — название реки на Малайском полуострове II 158, 206, 209.
музикака — название нагрудного украшения у туземцев южного берега Новой Гвинеи I 361.
музыка папуасов берега Маклая I 33, 91, 92, 119—120, 141, 158, 254.
музыкальные инструменты I 92, 119—120, 131.

музыкальные инструменты, запрещение женщинам и детям видеть их I 115.
Мукау — имя папуаса I 174, 176.
мулики — голубь, на диалекте Били-Били I 177.
мулум — обрезание (см.) I 93, 157, 168, 217.
Муль — имя папуаса I 171.
мун — пение, песня I 112, 252.
мун — название празднества I 168—169, 170, 171, 200.
мун-коромром — название празднества I 169, 170.
мунга — лицо I 175.
мундштук I 355.
мунки — кокосовый орех I 221, 267.
мунки-ай — свистулька из скорлупы кокосового ореха I 33, 92—93, 194, 251.
мунки-ля — кушанье из наскобленной мякоти кокосового ореха I 71, 109, 221, 254.
муравьи I 26, 28, 32, 47, 163, 167, 197, 306, 351.
мускулатура у папуасов берега Маклая I 21.
Мухаммед — имя радьи Кильвару I 295, 334.
мую — корица I 270.
мынтара (малайск.) — старшина, вождь (у оран-утан) II 183.
мыши I 230.
Мюллер, Соломон I 328.
Мюллер, Фердинанд немецкий ботаник I 267.
Мюллер, Фридрих — немецкий лингвист, участник экспедиции „Новары" I 305.
мясо, резка его I 132.
мясо собачье I 75, 98.
мясо ящерицы (легуана) I 134.

Н

навалобе — современем I 162, 203.
надбровные дуги у папуасов берега Маклая I 20, 214.
названия малайские первобытных племен Малайского полуострова II 219—220.
Назимов П. Н. — командир корвета „Витязь" I 18, 23, 25.
Налай — имя папуаса I 141.
Намалакаль — остров в архипелаге Пелау II 115.
Наматоте о-в I 281, 283, 284, 285, 286, 297, 298, 304, 306, 308, 315, 319, 320, 321, 323, 324, 328, 333.
Наматоте радья I 283, 298, 299, 304, 305, 306, 307, 320, 321, 324, 325, 333.
наме — давно, на диалекте Ямбомба I 177.
Наму — имя папуаса I 165 (рис. 13).
Намуй — имя папуаса I 193.
нангели — женщина I 81, 238.
нангели-гун — женская сумка I 228, 355.
нангели-маль — юбка I 169, 175, 355.
Нанка — название деревни на Малайском полуострове II 161, 166.
нар — осколки кремня I 352.
наре — один I 58.
наренг — птица-носорог I 136—137.
нары (см. барла) I 107, 129, 131, обогревание их при помощи углей I 112.
насекомые, употребление их в пищу папуасами I 223.
население гор в районе залива Астролябии, значительная численность его I 38.
насморк у жителей горных деревень I 129.
нате — растение, дающее съедобные плоды I 269.
начальники у папуасов берега Маклая I 111—112, отсутствие их на о. Варе I 336, на о-вах Адмиралтейства II 21, 74.
негренгва — вырезать или выцарапывать узор, писать, рисовать I 50.
негритосы о-ва Люсона I 209, 220, 298, 313; II 152—153.
недоверчивость папуасов I 49.
ненир (см. верша, корзина для ловли рыбы) I 134, 155, 223.
ники — возьми I 60.
Ниниго о-ва II 85, 90, 99.
нири — звезда I 54.
нисан (малайск.) — намогильный памятник II 182, 185, 200.
Ния о-в I 314.
Новая Британия II 100.
Новая Ирландия о-в I 17, 21, 209, 213, 215, 217, 220, 315; II 10, 29, 99, 100.
Новая Каледония I 338; II 98.
Новогебридские о-ва I 64, 209, 220; II 98, 271.
Новосильский, П. П. — старший офицер корвета „Витязь" I 18, 50, 186.
Новый Ганновер II 99.
ноги у папуасов берега Маклая I 44, 70.
ног пальцы у туземцев о-вов Адмиралтейства II 28—29, 38.
ногти у папуасов берега Маклая I 66, 216.
нож бамбуковый (см. серао) I 91, 93, 104, 132, 226, 354; II 70.
нож железный I 190.
нож костяной (см. донган) I 20—21, 65.
нонотли — один из видов донгана I 226, 353.
нос у папуасов берега Маклая I 20, 21, 59, 107, 214, продырявливание его I 122; у туземцев о-вов Адмиралтейства II 19, у туземцев о. Вуап II 106, у туземцев о-вов Пелау II 117.
носовая палочка I 21, 215, 361; II 10.
нуг-сель — растение, из стеблей которого плетут веревки I 271.
нуи — кокосовый орех, на диалекте Били-Били I 95.
нума — хижина, на диалекте Карепуна I 343.
Нумея — город на Новой Каледонии II 98.
няварь — спать I 52.

О

облысение у папуасов берега Маклая, редкость его I 213.
обмен у папуасов берега Маклая I 148, 232.
обмен именами I 93, 238, 266.

обнюхивание туземцами о-вов Адмиралтейства иностранцев II, 60.
Обор — имя папуаса I 128.
образ жизни папуасов берега Папуа-Ковиай I 291, 300, 308, 332, 334.
обрезание I 168, 176, 217, 238, 265.
Обсервации мыс (см. Габина) I 34, 36, 45, 62, 199.
обсидиан II 9, 11, 20—21, 47, 70.
обычаи при еде у папуасов берега Маклая II 27; у туземцев о-вов Адмиралтейства II 27; у негритосов о-ва Люсона II 153.
Овуа горы I 289.
оге — название большой хижины на южном берегу Новой Гвинеи I 343.
огонь, добывание его у горных папуасов I 113, 230.
огонь, неумение добывать его у прибрежных папуасов I 50, 79, 82, 128, 230; II 235.
огонь, сохранение его I 230.
одежда папуасов берега Маклая I 227; девочек I 82; девушек I 82; женщин I 74, 78, 81, 95; мужчин I 20, 187; первобытных племен Малайского полуострова; II 215—216; туземцев о-вов Агомес; II 83—84; туземцев о-вов Адмиралтейства; II 17, 30, 47, 48, 49, 51; туземцев о-вов Пелау II 17.
одиночество, отношение к нему Миклухо-Маклая I 77.
оей—название дикорастущего манго I 269.
ожерелья I 21, 169, 356, 360; из зерен I 237; из колец, выточенных из раковины *Conus* I 126; из раковин I 228, 237; из собачьих зубов I 175, 228, 237; из собачьих и человеческих зубов и костей II 10.
Ойя — название реки на Малайском полуострове II 179.
окам — барабан I 134, 147, 155, 169, 170, 251, 252, 536.
окрашивание волос см. волосы.
олай — название колдовства на о-вах Пелау I 193.
Омуль — имя папуаса I 171.
оним — магия, магическое средство, лекарство I 64, 158, 169, 192, 193, 194, 195, 196, 249, 250, 270.
оним-атар — магический обряд при заключении брака (оплевывание невесты) I 175.
Онтонг-Ява о-ва II 98.
опиум I 292.
оран-алифуру (малайск.) — название жителей гор на берегу Папуа-Ковиай I 304.
оран-букит (малайск.) — люди холмов II 206.
оран-далам (малайск.) — люди внутренней части страны II 206.
оран-лаут — малайское название прибрежных первобытных племен Малайского полуострова II 206.
оран-лиар (малайск.) — дикие люди II 177—178, 206, 207.
оран-мантра — название одного из первобытных племен Малайского полуострова II 210, 218—219.
оран-райет (см. якун) II 162—163, 206, 218.
оран-сакай II 210, 211—213, 214—215.
оран-семанг II 210, 211—213.
оран-улу (малайск.) — люди верховьев рек II 206.
оран-утан — люди леса; общее малайское название первобытных племен Малайского полуострова II 156, 169, 177, 197, 205, 206, 207, 209, 218.
орехи арековые I 129, 232, 269.
орехи кенгара I 118, 133, 135, 188, 190.
орехи кокосовые I 68, 71, 72, 77, 81, 88, 91, 92, 99, 111, 112, 121, 122, 170, 171, 221, 254, 267, 271, 340.
орехи мускатные I 332, 334.
орехи *Calophyllum inophyllum* (субари) I 271.
орехи *Pangium edule* см. орлан.
Ориона пояс (созвездие) I 148.
орлан — дерево I 268.
орлан — орех I 91, 222, 251, 268.
орлан-ай — погремушка из скорлупок орехов орлана I 92, 151, 251, 357.
орнамент I 67, 146, 244—246, 259—261 (рис. 18—25); глиняных горшков I 98, 204, 225, 246, 262; II 44, гребней I 116, 226; бамбуковых коробок для извести, употребляемой при жевании бетеля I 226; свистулек из скорлупы кокосового ореха I 251, стрел I 226.
орудия I 225—226.
орудия земледельческие I 231.
орудия орнаментации I 244.
оружие I 226—227.
оружие огнестрельное, впечатление, производившееся выстрелами на папуасов I 89, 101, 119, 133.
оружие огнестрельное у папуасов берега Папуа-Ковиай см. ружья кремневые.
осколки кремня как орудия I 226; II 70.
осколки раковины как орудия I 226.
осокай — название лука у туземцев о-вов Адмиралтейства II 64.
оспа I 70, 131, 219.
острога (см. юр) I 70—71, 223, 227.
осы I 55.
отличия знаки вождей на о-вах Пелау II 120.
отношение числа женщин к числу мужчин у папуасов берега Маклая I 257.
охота на кабанов I 138—140.
охота — отсутствие регулярной охоты у горных папуасов I 110.
О'Хара — трэдор II 31, 55, 56, 77, 81.
охра I 67, 175, 227.

П

падуакан (малайск.) — большое прау I 281, 284, 319, 320, 332.
пай — название мужского дома на о-вах Пелау II 115, 129—132.
пако II 271.

палам — стрела с бамбуковым наконечником I 139, 227, 353.
палица I 227, 359.
Палон — название реки на Малайском полуострове II 206, 209.
палочка бамбуковая, употребляемая как вилка I 91.
палочка бамбуковая, для продырявливания носа и ушей I 122.
палочка бамбуковая как ушное украшение I 228, 356.
Пальди — трэдор II 24, 55, 56, 57, 58, 77, 78.
пальма арековая I 20, 109, 110, 129, 190, 255, 269; II 51; гомутовая *(Arenga saccharifera)* I 315; кариотовая I 271; кокосовая I 20, 72, 94, 109, 168, 170, 177, 187, 190, 191, 221, 229, 267, 271, 308, 340; II 51; листья ее как материал для факела I 106; разновидности ее I 267—268; саговая I 271, 315; II 51.
пальмы кокосовые, посаженные Миклухо-Маклаем I 200, 203.
Памуй — имя папуаса I 175.
Пангут — название селения на Малайском полуострове II 179.
панди-панди (малайск.) — лоскуты белой материи, вешаемые на деревьях около могил II 200, 201.
панданус I 20, 178, 222, 271; плод его I 156.
пани — палица I 227.
Папуа-Ковиай — часть юго-западного побережья Новой Гвинеи от р. Каруфы до мыса Буру I 210, 258, 281, 286, 295, 296, 297, 328, 332, 333, 334, 335.
Папуа-Нотан — часть юго-западного побережья Новой Гвинеи к северу от залива Мак-Клюр, против о. Салавати I 281, 286.
Папуа-Онин — часть юго-западного побережья Новой Гвинеи от полуострова Кумавы до залива Мак-Клюр I 210, 281, 286, 332, 334.
Парамата — название деревни I 340.
паранг (малайск.) — большой нож I 199, 300, 305, 313, 317, 333.
парус I 233, 271; II 9, изготовление его I 121.
пасер (малайск.) — песчаный берег I 308.
Пасхи о-в см. Рапа-Нуи.
пат — камень, на диалекте Били-Били I 70.
Патани — название река на Малайском полуострове II 210.
паук I 82, 155.
Пахан — область и река на Малайском полуострове II 166, 210.
Певай о-в I 178.
Пелау о-ва (в Микронезии) I 163, 167, 193; II 7, 17, 18, 29, 35, 81, 86, 115—141.
пение папуасов берега Маклая I 43, 44, 112, 147, 169, 171, 252.
Перак — область на Малайском полуострове II 210.
Перелешин, В. П. лейтенант I 26.
Перелу — о-в в архипелаге Адмиралтейства II 26.
переселение из страха перед колдовством у папуасов берега Маклая I 196.
переселение после случая смерти у папуасов берега Папуа-Ковиай I 313.
перламутр I 332.
перья, вывешивание их у входа в хижину I 110, 130; как украшение I 67, 101, 138, 194, 212, 213, 215, 236; казуара I 21, 169; какаду I 21, 169; петушиные I 68, 194; райской птицы I 169.
песни папуасов берега Маклая I 50.
Петерс проф. I 350.
петух I 183, 234.
пещеры на берегу Папуа-Ковиай I 305, 306, 308.
пиги чори макан (малайск.) — итти есть II 179.
пилун — название главного начальника у туземцев о. Вуап II 106, 107.
пинанг (малайск.) — арековая пальма и орех ее I 171, 224, 255; II 23.
пинанг утан (малайск.) — дикорастущая арековая пальма I 311.
Пинрас — имя девочки-туземки с о. Андра II 44, 48, 49, 64.
пир I 121, 122, 134—135, 147, 150, 224—252—256.
пири — название забора от ветра (см.) на южном берегу Новой Гвинеи.
пироги I 67, 94, 95—96, 97 (рис. 4), 177, 178, 229, 232—233; парусные туземцев о. Били-Били I 36, 45, 96 (рис. 3); папуасов берега Папуа-Ковиай I 308; отсутствие их у жителей о. Ваг-Ваг I 149; туземцев о-вов Адмиралтейства II 9.
пиролюзит I 211, 271.
письмена о. Пасхи II 145—147.
письмо идеографическое I 246—247.
пища Миклухо-Маклая на Новой Гвинее I 25, 40, 56—57, 66, 69, 74, 76, 100, 101, 103, 114, 116, 120, 122, 135, 151, 152, 153, 154, 158, 183.
пища папуасов берега Маклая I 82, 83, 119, 156, 208, 221—224, 234—235, 253; приготовление ее каждым из супругов для себя отдельно I 224; растительная туземцев о-вов Адмиралтейства II 51.
плавание I 218.
плантации папуасов берега Маклая I 78, 86, 94, 109, 128, 152, 172, 190, 205, 231—232, 234.
платформа пироги см. кобум барла.
платформа для спанья (см. барла, нары) I 34.
плащ из тапы I 53, 227.
плетение цыновки (паруса) I 121.
плечи у папуасов берега Маклая I 215.
Плеяды (созвездие) I 148.
плотность населения в районе залива Астролябии I 208.
пляска у папуасов берега Маклая I 147, 169, 170, 171, 180; мимическая I 169; у папуасов берега Папуа-Ковиай I 313.
побледнение лица у папуасов I 218.

повседневная жизнь папуасов берега Маклая I 171, 233—235.
погребение на берегу Маклая I 123—125, 180—182, 192, 194, 238, 239 (рис. 15), 240, 241; детей I 240 (рис. 16); женщин I 180; на о. Варе I 336—337; на о-вах Адмиралтейства II 65—70, 80; на о-вах Пелау II 125—126; у оран-сакай II 216.
погремушка см. орлан-ай; из раковин II 270.
подарки I 36, 60, 73, 82, 99, 101, 104, 112, 114, 115, 120, 238; гостям на празднестве морор-мун I 170, 171; при заключении брака I 175, 177; при погребении I 180; обмен ими I 32—33, 71, 72, 98, 148, 149, 232, 253; приношение их Миклухо-Маклаю I 19, 29.
подбородок у папуасов берега Маклая I 214.
подушка (отрезок бамбукового ствола) I 143, 172.
поединок (см. дуэли) I 171—172.
поза папуасов при сидении I 45, 218—219; туземцев о-вов Адмиралтейства II 18; туземцев о-вов Пелау II 18.
позвоночник у папуасов берега Маклая I 216.
покраснение лица I 218.
полено тлеющее, употребление его для согревания тела I 48; для раскуривания сигар I 113.
полинезийская примесь у туземцев южного берега Новой Гвинеи I 343.
полинезийцы I 49, 154, 209, 224, 227, 265, 270.
Полинезия I 42, 98, 128, 213, 263, 265, 341, 342; II 142—151.
полировка деревянных изделий у туземцев о-вов Адмиралтейства II 23; копий I 191.
полка I 107.
полнолуние, обряды, связанные с его наступлением I 55.
половая жизнь папуасов I 49, 217—218, 237.
половые органы I 217.
положение женщины см. женщины.
положение политическое и социальное папуасов берега Папуа-Ковиай I 332—335.
помали — малайское название табу I 265, 308, 313.
поминки I 125.
помост для варки пищи I 253.
помулу (малайск.) — старшина II 160.
Понем (см. Бонем) II 71.
Понтон — название селения на Малайском полуострове II 172.
попокатубу — на южном берегу Новой Гвинеи платформа, на которую кладут съестные припасы во время пира I 348.
попугай см. кабрай, какаду, лори.
попугай красный I 103.
поренгун — название стрелы у туземцев о-вов Адмиралтейства II 64.
порог хижины I 116.
поросята, вскармливание их женщинами I 228.
посадка культурных растений Миклухо-Маклаем (см. растения культурные) I 200.
потолок хижины I 131.
похищение невесты I 176—177.
походка папуасов I 218.
пояс I 67, 360; девичий I 175; туземцев о-вов Адмиралтейства II 270.
поясница I 216.
правосудие на о-вах Адмиралтейства II 76.
празднества (см. ай, мун) I 90—93, 252—256.
практичность папуасов I 49.
Праслин порт (на Новой Ирландии) I 213, 215, 217, 315; II 29.
прау (малайск.) — морское судно, лодка I 286, 294, 324, 327, 333, 334, 335.
праща I 227.
предания туземцев о. Вуап II 111—113.
предметы вывоза с ю.-з. побережья Новой Гвинеи I 332.
приветствия у папуасов I 45, 81, 115, 238.
Принца Оранского полуостров. см. Кумава.
прическа папуасов берега Маклая I 21, 64, 68, 81, 82, 212; туземцев о-вов Адмиралтейства I 10, 36.
прогнатизм I 214.
продолжительность жизни у папуасов берега Маклая I 220.
продырявливание крыльев носа I 215; носовой перегородки у папуасов I 82, 122, 215; у туземцев о. Вуап II 106; у первобытных племен Малайского полуострова II 215; у туземцев о-вов Пелау II 117; у туземцев о-вов Улеай II 8; верхнего края уха I 215; ушной мочки I 64, 95, 122, 215.
производства туземцев о. Били-Били I 98.
Прони бухта — на Новой Каледонии II 98.
простуда у папуасов берега Маклая I 219.
прощание у папуасов I 36—37.
Пуби — название деревни на о. Тауи (арх. Адмиралтейства) II 12, 14, 15, 19, 23, 24, 57.
пуенкай — деревянное блюдо (на диалекте Андра) II 43, 268.
Пулай — название реки на Малайском полуострове II 205.
Пургасси — название деревни на о. Тауи II 50, 75.
Пыкан — город на Малайском полуострове II 210.
Пырла — название реки на Малайском полуострове II 160.

Р

ра — сеть I 223.
работорговля I 332, 334, 335.

рабство на о. Вуап II 107—108.
радья (малайск.) — на берегу Папуа-Ковиай начальник I 292.
развод I 233.
разделение труда в земледелии I 231—232.
разделение труда между полами при приготовлении пищи I 224.
разрисовка лица и тела у папуасов берега Маклая I 235—236; у женщин на южном берегу Новой Гвинеи I 338.
Рай (Рай-Мана) — название деревни I 37, 118, 119, 155, 164, 165, 191.
райская птица I 133.
раковины для выскабливания мякоти кокосового ореха (см. ярур) I 67; как ножи I 116; II 70, 267; как орудия I 226; как сосуды для воды II 53; как украшения I 213, 228.
рак-рак — пирога из невыдолбленного древесного ствола, на диалекте Били-Били I 187.
Рапа Нуи (о. Пасхи) II 142—147.
раса малайская, вопрос о существовании ее на ю.-в. берегу Новой Гвинеи I 336, 337, 342.
раса папуасская, разновидности ее I 220.
раскраска лица и тела у папуасов берега Маклая I 33, 36, 64, 122, 175, 235—236; у жителей о-ва Кар-Кар I 63; у невесты I 175; траурная I 182; у туземцев о-вов Адмиралтейства II 21; у туземцев о-вов Улеай II 8.
распределение коллективное у папуасов берега Маклая I 115; охотничьей добычи I 117; пищи на пиру I 253.
растения дикорастущие, употребляемые в пищу I 268; завезенные Миклухо-Маклаем на Новую Гвинею I 168, 199, 200, 271—272; используемые папуасами берега Маклая I 267—272; культивируемые ради их возбуждающих и лечебных свойств I 269.
растительность берега Маклая I 78; окрестностей Порта Моресби I 348.
расчистка леса I 144.
ревматизм I 64.
Редлих капитан I 338, 342, 348.
резьба по бамбуку I 244—245; по дереву I 245.
реки берега Маклая, быстрота течения, крутое падение их I 86.
религия туземцев о-вов Пелау II 120—126.
реляй — название большого топора из камня или раковины у туземцев о-вов Адмиралтейства II 70, 267.
реляй-риин — название малого топора у туземцев о-вов Адмиралтейства II 70.
ресницы у папуасов I 213.
речи при заключении брака I 175, 176; при погребении I 180; на празднествах I 170, 253.
римат — умереть (на диалекте Андра) II 43.
Риньи мыс I 18, 165, 186, 208, 233.
Рио о-в I 64, 206.
рисование, способности к нему у папуасов I 122.
рисунки на стене буамбрамы I 72, 74.
рождаемость у папуасов берега Маклая I 217.
роза китайская (см. *Hibiscus*) I 20, 138; II 51.
Розенберг Г. — немецкий натуралист I 293.
Ройер капитан, командир „Этны“ I 304.
роль-сель — растение, из стеблей которого плетут веревки, I 271.
Ромильи, Г. — английский путешественник I 200.
Ронкадор (см. Канделярия) II 98.
Россия I 65, 79, 99, 126, 144, 148.
рост папуасов берега Маклая I 20, 21, 131, 208; папуасов берега Папуа-Ковиай I 287; туземцев о-вов Адмиралтейства II 21, 32; туземцев о-ва Вуап II 105; оран-утан II 157, 207; туземцев о-вов Пелау II 116.
рот у папуасов берега Маклая I 20, 59, 214.
ротанг — вид пальмы с гибким ползучим стволом I 172, 271.
Ротума о-в I 17, 209.
рубка деревьев, способ ее у папуасов берега Папуа-Ковиай I 310.
руен-римат — кость отца или деда, носимая в знак того, что отец или дед носящего был вождем (о-ва Адмиралтейства), II 10, 75—76.
ружья кремневые у папуасов берега Папуа-Ковиай I 292, 298, 303.
Рук о-в I 17.
рукописи Миклухо-Маклая, заботы его о их сохранности I 26.
рукопожатие у папуасов I, 73, 81, 115, 238.
рума-пасон (малайск.) — крепость II 186.
Румасол — название деревни на о. Мизоль I 334.
Румбати-Патипи — название деревни на берегу Папуа-Онин I 334.
Румпен — название реки на Малайском полуострове II 166, 206.
рупак — название вождя на о-вах Пелау II 119.
Руссель, Ипполит — миссионер II 142, 148, 150.
рыба как предмет питания I 72, 77, 81, 107, 223.
рыбная ловля с камнем I 44, 114; корзинами см. верша, корзина для ловли рыбы, ненир, с луком и стрелами I 39, 67; ногой I 44; с острогой, ночная I 70, 103—104, 106.

С

Сагам — имя папуаса I 159, 160, 194.
саго (см. буам) I 99, 100, 104, 122, 170, 222, 268; II 51.
саговая пальма см. пальма саговая.
сагуер — сок гомутовой пальмы, на диалекте Кируру I 315.
сагю — браслет плетеный, из расщепленного ротанга I, 38, 67, 138, 169, 228, 356.

сажа, намазывание ею лица и тела в знак траура I 192.
Сайгуйэн пролив I 199.
Сайнан — слуга Н. Н. Миклухо-Маклая II 158.
Салавати о-в I 199, 281.
саламат, туан (малайск.) — здравствуй, господин, I 325.
салаяу — неприятель (на диалекте Андра) II 43.
Сале — слуга Миклухо-Маклая, малаец I 163, 173, 186, 188, 189, 191, 192, 193.
Саломея — женское имя у папуасов берега Маклая I 249.
Самарай о-в I 338.
самба — нога I 130.
самба борле — нога болит I 130.
самба-сагю — браслет, носимый на ноге I 228.
Самбуль-Мана — название горной деревни на берегу Маклая I 131, 134, 161, 164, 167, 213.
самель — железо (на диалекте Андра) II 42.
Самоа о-ва I 17, 29, 48, 65, 82, 209, 254, 270, 349.
самоубийства, распространенность их на о. Пасхи II 144.
Сангиль, — брат майора Гессира I 294, 295, 298, 305, 307, 309, 310, 318, 325.
сангин-оле — название церемониального головного убора I 168—169, 170, 356.
Сандингби-Мана — название горной деревни на берегу Маклая I 167.
Санта-Крус о-ва II 98.
Сапаруа о-в I 293.
сар — жемчужная раковина, единица обмена на о. Вуап II 111.
саран — стрела на рыбу I 227, 353.
Сарекак — название реки I 187.
сари — нагрудное украшение, связанное из кокосовых шнурков, с каймой из раковинок, имеет форму языка, держится в зубах во время пляски I 147.
саронг (малайск.) — мужская и женская одежда, кусок материи, обернутый вокруг талии, закрывающий нижнюю часть туловища наподобие юбки II 162, 164, 167.
сарри — двор хижины на о-вах Адмиралтейства II 45.
Саул — имя папуаса I 140, 141, 142, 155, 158, 160, 193, 197, 198, 200, 233, 249.
сау-саут — название ловушки на птиц и карликовых оленей на о. Сераме I 306.
сахарный тростник см. тростник сахарный.
сбор орехов I 135.
свадьба у папуасов берега Маклая I 174—177.
свинина I 33, 35, 66, 75, 92, 93, 114, 181, 222, 255.
свиньи дикие I 78, 102, 138, 139, 140, 231; домашние I 112, 120, 130, 134, 135, 145, 185, 222—223, 253; полосатая разновидность I 69; способ ношения I 91, 253.
свисток Миклухо-Маклая I 251—252.
свистулька из скорлупы кокосового ореха, см. мунки-ай.
Себиар радья I 334.
Сегамет — название реки на Малайском полуострове II 116—117, 209.
сегу — название кеу на диалекте Эремпи I 224, 269.
Сегу — название острова и деревни I 64, 172, 203, 204, 205, 206.
Сегуана-Мана — название горной деревни на берегу Маклая I 167, 213.
седина у папуасов берега Маклая I 213.
сезоны созревания растений на берегу Маклая I 267.
Селат-Тебрау пролив II 205, 209.
селения папуасов берега Маклая (см. деревни) I 20, 208, 228—229.
сель — веревка, шнурок I 271.
сель-мун — название празднества I 170, 256.
семена банановые как материал для украшений I 268.
сеп — название копьеметалки у туземцев о. Лифу II 64—65.
Серам о-в I 222, 258, 282, 285, 286, 298, 304, 306, 307, 315, 320, 322, 332, 333, 335; II 156.
Серам-Лаут о-ва I 218, 282, 293, 295, 306, 332.
серамцы — малайцы, жители о. Серама I 283, 305, 306, 313, 316, 317, 318, 321, 322, 323, 333, 334, 335.
серао — бамбуковый нож I 226, 354.
сервару — метательное копье с бамбуковым наконечником I 226, 353.
серебро I 291, 296.
серьги I 21, 194, 215, 228, 356.
сеть рыболовная см. ра.
сеть рыболовная у туземцев о-вов Адмиралтейства II 11.
сжигание пироги после смерти владельца I 192.
сигары туземные I 38, 148, 234, 235, 255, 270.
сигналы дымовые I 18.
сигнальная раковина I 252.
Симбо (Эдистон) о-в II 100.
Симеу о-в I 319.
синг-нири — солнце I 54.
Сингор — название деревни I 187, 188, 189, 190.
Сингоро — город на Малайском полуострове II 210.
сири (малайск.) — лист бетеля I 224, 255.
сифилис I 220.
скамьи (см. кеду) у туземцев о-вов Адмиралтейства II 25.
Скобелев — название корвета, на котором Миклухо-Маклай ездил на Новую Гвинею в 1883 г., I 196, 199, 203, 206.
Скодай — название реки на Малайском полуострове II 205.
скулы I 214.
сланец глинистый I 108, 164.
Слета — местность на о. Сингапуре II 156.
слоновая болезнь (см. элефантиазис) I 219, 220.
смертность у папуасов I 220.

смешение папуасов с малайцами I 286, 288—289.
смола см. гутур, думу.
собака I 75, 110, 130, 135, 149, 171, 223, 253, 309.
согревание тела, способ его I 48.
Соломоновы о-ва I 64, 220; II 100.
соль I 141, 143—144, 156, 223, 235, 270.
Сомброн — название реки на Малайском полуострове II 209.
Сорри — остров в архипелаге Адмиралтейства II 41, 71, 99.
Соси — имя папуаски I 312.
сосуд бамбуковый (отрезок ствола) для воды I 75, 92, 107, 111; глиняный для кокосового масла II 272.
спина у папуасов I 216.
сплющивание носа — у туземцев о-ва Вуак II 106.
сражение показное как один из погребальных обрядов I 238—239.
сражение показное во время празднеств I 256.
статуи деревянные (см. телум) I 248, 252; каменные на о. Пасхи II 144—145.
стекло битое, использование его папуасами I 42, 150.
стены хижин I 72, 229.
Стив — имя матроса-австралийца II 50.
стрела (см. араль-ге, палам) I 21, 116, 139, 149, 169, 226, 227, 231, 271, 353—354; дальность полета ее I 128.
стрела на рыбу (см. саран) I 39, 353.
стрельба из лука см. лук.
стрижка волос см. волосы.
струнный музыкальный инструмент из бамбука у оран-район II 164.
субари — прекраснолистное дерево *(Calophyllum inophillum)* I 71, 236, 271.
султан из перьев I 212.
сумка мужская (см. гун) I 21, 355.
сумка женская (см. нангели-гун, тельрун) I 82, 105, 115, 187, 355.
сумочка, носимая на шее (см. ямби) I 21, 355.
сумпитан (см. блахан) II 164.
Сунги-Малаю — название реки на Малайском полуострове II 156.
Суоу о-в I 338, 349, 350.
Суоу — название деревни на о. Тауи II 27, 53, 72, 73.
сурлау — один из видов донгана I 226, 353.
суру — красная краска I 212, 358.
счет у папуасов I 58, 280.
съестные припасы, способ хранения их I 107.
Сырой — имя мальчика-папуаса I 69.
сюаль-боро — нагрудное украшение I 171, 187, 356.

Т

табак I 38, 76, 78, 80, 83, 86, 91, 93, 101, 144, 148, 149, 182, 187, 228, 255, 270; американский, прессованный I 255; жевательный I 21; отсутствие его на о-вах Адмиралтейства II 23.
табел (малайск.) — поклон II 190.
табель — название боевого обсидиа — нового топора у туземцев о-вов Адмиралтейства II 267.
табир — деревянная миска I 52, 68, 71, 87, 91, 98, 105, 109, 111, 131, 133, 156, 171, 175, 180, 181, 182, 184, 190, 191, 225, 230, 254, 354; II 15.
табу (полинезийск.) — запрет I 27, 89, 128, 250, 252, 255, 265—266.
табуйо II 271.
таваль — вещество для чернения зубов I 68.
таван-сель — название растения, из волокон которого делают бечевки I 271.
Тагар — имя папуаса I 324, 326.
Таити о-в I 17, 39, 209, 270.
Тайо — название горы I 165, 166.
таль — дом I 56, 86, 88, 174, 182, 183, 185.
Тамб о-в I 178.
тамо — человек, взрослый мужчина I 77, 92, 126, 142, 212, 253, 255.
тамо борле — плохой человек I 84.
тамо боро — большой человек I 126, 144, 175, 180, 185.
тамо боро-боро — великий, величайший I 188.
тамо гате — человеческая голова, череп I 79.
тамо инглис — англичанин I 200.
тамо русс — русский I 68, 92, 155, 174, 188, 190, 205.
Тамылен — название реки на Малайском полуострове II 210.
тангрин — землетрясение I 195, 196.
Тандьон-Бой мыс I 314, 318.
Танна — остров в архипелаге Новых Гебрид II 98.
тапа (полинезийск.) — материя из луба (см. маль) I 53, 67, 134, 227, 270; II 10, 272.
тапа изготовление ее I 121.
тарелка из скорлупы кокосового ореха (см. гамба) I 91.
таро (см. бау) I 33, 52, 79, 81, 112, 120, 122, 132, 133, 135, 183, 184, 187, 194, 196, 205, 221, 267, 268, 308.
татуировка у туземцев архипелага Луизиады I 339 (рис. 34); у папуасов берега Маклая I 115, 122, 210, 236; у туземцев южного берега Новой Гвинеи I 339, 340, 341 (рис. 35), 343, 344—346, 348, 349, 350; у туземцев о-вов Адмиралтейства II 11, 17, 19—20, 46, 47; у туземцев о. Вуап II 106; у первобытных племен Малайского полуострова II 215; у туземцев о-вов Пелау II 118; у туземцев о-вов Улеай II 8.
татумбу — корзина на диалекте Айдума I 323.
тауви — название дерева, из луба которого изготовляется тапа (маль) I 270.
Тауи — туземное название главного из о-вов Адмиралтейства и всего архипелага II 34, 35, 82, 85.
таун — название кушанья I 145.
Тевалиб мыс (см. Риньи мыс) I 186.

Текам — название реки на Малайском полуострове II 179.
Телок[1] Бичару I 304, 323, 328.
Телок Камрау I 300, 304, 305, 318, 323, 325, 328.
Телок Каю-Мера I 318.
Телок Кируру I 328.
Телок Лакахия I 328.
телосложение папуасов I 21, 123.
телум — изображение умершего из дерева или глины I 72—73, 74, 76, 79, 87, 94, 102, 109, 112, 115, 129, 130, 156, 204, 248, 357—358.
тельрун — женская сумка I 125.
Телята — название деревни I 185, 189, 190, 191.
Тенан — название селения на Малайском полуострове II 172, 209.
Теньгум — название реки I 85.
Теньгум-Мана — название горной деревни на берегу Маклая I 84, 87, 104, 105, 108, 109, 110, 112, 113, 114, 117, 129, 130, 131, 143, 194, 215, 217, 224, 230, 232, 249, 265.
Теор о-в I 297.
Тернате о-в I 305, 333, 334.
Терера залив I 314.
Терера — название деревни I 317.
тесло II 267.
Тесте о-в см. Варе.
Тиара — остров в архипелаге Довольных людей I 147, 148, 178, 189, 206, 217, 227, 247, 265.
тиболь — кенгуру I 142, 145, 156, 164.
тидиако (малайск.) — пояс стыдливости II 156, 215.
Тидор о-в I 209, 305, 327, 333, 334.
тикус (малайск.) — мышь 161.
Тимбона — местность на берегу Папуа-Ковиай I 283, 316, 317.
тип физический жителей о. Били-Били I 33, 59, 95 (рис. 2), 146 (рис. 11); вуоусирау I 309 (рис. 31); жителей архипелага Довольных людей I 120, 149, 154; горных папуасов района зал. Астролябии I 48, 87, 109, 110 (рис. 6), 111 (рис. 7), 131 (рис. 9), 165 (рис. 13); папуасов берега Маклая (см. брахикефалия, волосы, затылок, зубы, икры, кожа, мускулатура, надбровные дуги, ноги, ногти, нос, плечи, подбородок, позвоночник, поясница, ресницы, рот, скулы, спина, телосложение, туловище, уши, физиономия, челюсть, череп, шея, ягодицы) I 20, 21, 59, 81, 106 (рис. 5), 107, 143 (рис. 10), 170, 228 (рис. 14); папуасов берега Папуа-Ковиай I 287—288, 304 (рис. 29), 315, 320 (р. 33), 323; папуасов берега Папуа-Нотан I 314 (рис. 32); папуасов берега Папуа-Онин I 307 (рис. 30); туземцев южного берега Новой Гвинеи I 349 (рис. 37 и 38); туземцев о-вов Адмиралтейства II 10, 14, 49; туземцев о. Мангарева II 149; туземцев о. Пасхи II 150—151.
титер — название голубя на берегу Папуа-Ковиай I 306.
тифа — название гонга на берегу Папуа-Ковиай I 308.
тичер (англ.) — (буквально учитель) миссионер-туземец I 270, 336, 337, 341, 342, 343, 344.
тогали — название дикорастущего растения, дающего съедобные плоды, I 269.
Тонгоа — остров в архипелаге Новых Гебрид II 98.
Тонеме — имя радьи Айдумы I 320.
топор каменный I 21, 33, 67, 71, 106, 119, 144, 145, 190, 225—226, 352, 359; вытеснение его железным на южном берегу Новой Гвинеи I 348; как средство обмена у туземцев южного берега Новой Гвинеи I 337.
топор каменный у туземцев о-вов Адмиралтейства II 70.
топор из раковины I 177, 225, 353; II 70.
торговля папуасов берега Папуа-Ковиай с малайцами I 333.
точильный камень I 188, 226, 352.
траур I 192.
трепанг I 332; II 41, 44, 99.
Трингано — область на Малайском полуострове II 210.
Тритон залив I 283, 289, 297, 299, 308.
Тробриановы о-ва II 100.
тростник сахарный (см. ден) I 72, 75, 78, 80, 81, 86, 100, 142, 152, 222, 231, 232, 268.
труба бамбуковая (см. ай-кабрай) I 91, 92, 115, 120.
труба из тыквы см. холь-ай.
трубка курительная I 270, 360.
туан пути (малайск.) — белый господин I 317.
туй — название одного из видов донгана I 226, 352—353.
Туй — имя папуаса, друга Миклухо-Маклая I, 22, 24, 25, 27, 29, 32, 33, 37, 38, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 58, 59, 60, 63, 64, 66, 69, 74, 76, 79, 80, 81, 83, 84, 86, 89, 90, 91, 92, 93, 99, 100, 102, 103, 114, 120, 121, 123, 137, 157, 160, 161, 162, 193, 194, 196, 200, 250.
Туй — имя мальчика-папуаса I 193, 194, 195.
туловище у папуасов I 215—216.
Тума — остров в группе Тробриан II 100.
тундун — узор татуировки у туземцев о-вов Адмиралтейства II 46.
Тупузелей — название деревни на южном берегу Новой Гвинеи I 347.
Турона — имя папуаса I 308.
Тути — название деревни I 122.
тюмбин — бамбуковая флейта I 120, 121, 252, 356—357.
тыква I 39, 120, 212, 271

[1] Малайск. „залив".

У

уби-каю (малайск.) — ямс II 182.
убу — камень, на диалекте Горенду I 70.
угощение гостей I 92, 101, 104, 105, 109, 111, 142, 156, 187, 224.
удья — кол для вскапывания земли I 84, 231.
удья-саб — лопата для разрыхления земли I 84, 141, 231, 234, 353,
украшения жителей о. Били-Били I 33; горных папуасов района зал. Астролябии I 45, 87; жителей архипелага Довольных людей I 120; папуасов берега Маклая I 67, 228 (рис. 14); любовь к ним папуасов I 45; из банановых семян I 268; из черных (банановых) и красных *(Abrus praecatorius)* зерен I 95; из кабаньих клыков I 33; из раковин I 33, 95; из собачьих зубов I 33, 95, 228; нагрудные (см. буль-ра, сюальюоро) I 356, 360; носовые I 215; туземцев о-вов Адмиралтейства II 10, 270.
улат (малайск.) — червяк II 161.
Улеай о-ва II 7.
уленга — дом калит (см.) II 123.
улеу — песчаный берег I 163, 165, 178, 186, 187, 192.
улеу тамо — люди побережья I 168.
Улу-Сегамет — горы на Малайском полуострове II 209.
Улу-Тенан — горы на Малайском полуострове II 209.
Ульсон — слуга Миклухо-Маклая I 19, 23, 27, 36, 37, 39, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 62, 66, 68, 69, 73, 75, 77, 103, 120, 135, 140, 142, 144, 152, 153, 154, 155, 157, 158, 159, 162.
ум — название семейной хижины у туземцев о-вов Адмиралтейства II 45.
ум-камаль — название мужского дома у туземцев о-вов Адмиралтейства II 43, 45, 51—52.
унан (см. *Imperata*) жесткая, густая, выше человеческого роста, трава I 86, 87, 102, 103, 127, 128, 138, 139, 142, 158, 164, 165, 191, 202.
Унбурмета — местность на о-ве Айдума I 285, 288, 321, 322, 326, 327.
Ундель — имя папуаса I 172.
упас — дерево, из толченой коры и из сока которого приготовляется яд для отравления стрел, II 165, 215.
Уполу — один из о-вов Самоа I 17, 254.
управление на о-вах Пелау II 119.
Ур — имя папуаса I 182, 183.
урамер — лиана I 187.
Урембу или **Урему** о-в 177, 178, 203.
урумбай — большая парусная лодка с каютой, на диалекте о. Серам I 282, 284 (рис. 27), 294, 295, 297.
усия (правильно: „усиай") — одно из трех племен, на которые делится население о-вов Адмиралтейства, II 12, 17, 62, 63, 72.
Утаната — название реки I 281, 306.
утварь I 224—225.
утравар — обрезание I 168.
уши у папуасов I 215.
уян — хороший (на диалекте Андра) II 42.
уяр — есть, кушать I 52, 191.

Ф

факел I 52, 104, 106, 112, 161, 170, 353.
фальшфейер I 59.
Фате — остров в архипелаге Новых Гебрид II 98.
фауна морская, богатство ее в зал. Астролябии I 46.
фе — каменные деньги у туземцев о. Вуап II 7, 110—111.
фигуры, вырезанные на деревьях, I 102, 108, 113, 120, 338.
Фиджи о-ва I 265.
физиономия у папуасов берега Маклая I 214, 215.
Финистер горы (см. Мана-Боро-Боро) I 17, 99, 164.
флейта бамбуковая (см. тюмбин) I 119, 252; игра на ней I 251 (рис. 17).
флейта панова I 361; II 29, 270.
футляр для извести, употребляемой при жевании бетеля (см. коробка) I 79; для костяных шильев I 67; для penis'a у туземцев о-вов Адмиралтейства II 13, 49, 270; у туземцев о-вов Ниниго II 271

Х

хадга — метательное копье I 226, 353.
хадга-нагор — копье I 175.
Хальмахера о-в I 286.
хассен — вилка I 225.
Хати-Хати — название деревни на берегу Папуа-Онин I 334.
хаярун — круглый щит, на диалекте Били-Били I 227, 354.
хижина Миклухо-Маклая в Айве I 302, 303 (рис. 28); на о. Айдума I 321, 322; в Гараси I 23, 25 (рис. 1), 26, 28, 35, 39, 48, 56, 65, 142, 157, 167, 208.
хижины жителей о-ва Варе I 337; вуосирау I 311; жителей о. архипелага Довольных людей I 149, 178; горных папуасов района зал. Астролябии I 87, 109, 165; прибрежных папуасов I 20, 72, 94, 130, 131, 191, 229, 230—231; двухэтажные I 116; обстановка их I 107; одиночные I 229; отсутствие отдельных хижин у холостых I 107; постройка их I 137; свайные I 229; семейные I 72, 229; папуасов берега Папуа-Ковиай I 290—291, 301, 310; туземцев южного берега Новой Гвинеи I 338, 341, 343, 346, 347 (рис. 36), 349—350; туземцев о-вов Агомес II 84, 85; туземцев о-вов Адмиралтейства II 15, 23, 24, 25, 45; оран-райет II 163.
хлебное дерево I 20, 222, 280, 308; II 51; листья его I 92, 93; плоды его I 33, 35, 122.
холь-ай труба из тыквы I 251, 357.

хонгия — экспедиция для сбора дани на берегу Папуа-Ковиай II 305, 333, 334, 335.
Хоя залив I 293.
худоба папуасов I 218.
Хукома Давид (см. Давид) I 293.
Хукома Драмай — имя вождя вуосирау I 309.
Хула или **Хура** — название деревни на южном берегу Новой Гвинеи I 344, 346.
Хундштейн — коллекционер I 338.

Ц

цвет волос см. волосы.
цвет кожи см. кожа.
цветы как украшение I 68, 146, 212, 228, 236.
Целебес о. II 272.
церемония встречи гостей на Молуккских о-вах I 169.
церемония поднесения подарков I 36.
цыновка I 67, 80, 91, 143, 190, 271; как материал для крыши хижин (см. атап) I 34; как парус I 233.

Ч

Чальмерс, миссионер I 337, 339, 340, 342, 343, 344, 348, 350.
чарки — чилийское название сушеного мяса I 40.
часы I 178, 179.
чашка (скорлупа кокосового ореха) I 91.
чашка для кеу I 254.
челюсть у папуасов I 107, 214.
челюсть нижняя умершего, хранение ее I 79, 122, 150, 156, 214, 240.
челюсть кускуса I 226; свиньи, сохранение ее на память о пире I 231.
череп папуасов берега Маклая I 80, 106, 213—214, 258; папуасов берега Папуа-Ковиай I 287; деформация его у женщин на южном берегу Новой Гвинеи I 338; туземцев о. Вуап II 106; туземцев о-вов Пелау II 117.
черепа умерших I 76—77, 79, 84, 112, 156, 213—214.
черепа как предмет торговли с европейцами на о-вах Адмиралтейства II 31.
черепа животных, вывешивание их у входа в хижину I 110.
черепа рыб, сохранение их I 231.
черепаха I 130, 332, 334.
чернение зубов и рта I 68.
Чечонэ — имя анакоды (см.) I 324.
Чириков, С. — лейтенант I 25.
численность населения о-вов Агомес II 82; о. Вуап II 107; о. Мангарева II 151; о-вов Пелау II 139.

Ш

шалаши I 298, 308, 309, 310, 311.
Шеффер, директор Ботанического сада в Бейтензорге I 224, 254, 263, 267, 269.
шея I 107, 215.
шило костяное I 67, 353.
шилюпа — один из видов донгана I 65, 225, 226, 228, 354.
шип *Dioscorea* как инструмент для прокалывания носа и ушей I 122.
школа туземная на южном берегу Новой Гвинеи I 339.
Шопенгауэра пик I 204.
Шоу — остров в архипелаге Адмиралтейства II 26.
Шоу — фамилия трэдора II 92.
штан — камень I 70.

Щ

щенята, вскармливание их женщинами I 228.
щит круглый (см. хаярун) I 146—147, 204, 227.
щит продолговатый I 173.
щит, сплетенный из ротанга, I 205.

Э

э аба — „о, брат“, приветствие у папуасов берега Маклая I 151, 162, 182, 238.
э вау — „о, дети“, приветствие у папуасов берега Маклая I 238.
Эгли — имя папуаса I 170.
Эдистон о-в см. Симбо II 100.
элефантиазис (см. слоновая болезнь) I 21, 29, 131, 140.
Элленгован — название миссионерского парохода, на котором Миклухо-Маклай ездил на южный берег Новой Гвинеи, I 336, 337, 342, 343, 344, 346.
э мем — „о, отец“, приветствие у папуасов берега Маклая I 60, 68, 73, 113, 126, 151, 162, 238.
энглам — название дерева с твердой белой древесиной I 197.
Энглам-Мана — название горы I 110.
Энглам-Мана — название горной деревни I 87, 121, 122, 125, 126, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 161, 164, 167, 168, 217, 224, 230, 232, 248, 249, 258, 265.
Эни — остров в архипелаге Новых Гебрид II 98.
э-пате — название съедобной земли на о-вах Адмиралтейства II 14, 50
Эремпи бухта I 204.
Эремпи — название деревни I 172, 205, 224.
Этна-бай (см. Кируру) I 283, 315.
„Этны“ экспедиция I 304, 314, 315, 335.
это — название ловушки на голубей на берегу Папуа-Ковиай I 306.
Эшикье — о-ва см. Ниниго II 99.

Ю

юбка — женская (см. нангели-маль) I 81, 227, 355, 360.
Юр — острога I 70, 104, 141, 223, 227.

Я

Ява о-в I 173, 193, 222.
яварь — ветер с берега I 147.

Яго — имя папуаса I 283.
ягодицы у папуасов I 216.
яд для отравления стрел у первобытных племен Малайского полуострова II 165—166.
язык папуасов берега Маклая, изучение его Миклухо-Маклаем I 29, 38, 50, 51, 54, 65, 75, 76, 79, 122, 157, 162, 241—244, 250.
якорь I 97 (рис. 4), 125, 233, 253.
якун — народность на Малайском полуострове II 156, 159, 206.
яло (малайск.) — крытая пирога II 160.
Ямба — имя папуаса I 308.
ямбау тамо — необрезанный I 193, 217.
ямби — сумочка, носимая на шее, I 169, 228, 231.
Ямбомба — название острова в зал. Астролябии I 39, 122, 148, 158, 177, 186, 225, 227, 246.
ямс (см. аян) I 132, 152, 156, 158, 194, 221, 267.
Ян — слуга Миклухо-Маклая, амбоинец I 200, 205.
Янлон — название селения на Малайском полуострове II 175, 176.
Яп о-в см. Вуап II 25.
ярур — раковина для выскабливания мякоти кокосового ореха I 67, 71, 91, 92, 225, 228, 353.
Ярю — название деревни I 165.
ящерица I 46, 114, 117, 130, 134.

A

Abroma Augusta — растение I 271.
d'Albertis, L. M. — итальянский путешественник II 157.
Antiaris toxicaria см. упас.
Areca catechu (см. пальма арековая) I 269.
Artocarpus (см. хлебное дерево) I 33.
Artocarpus incisa I 33, 222, 268.
Artocarpus integrifolia I 268.

B

Barringtonia — растение I 269.
Bassia cocco — растение I 269.
Bassia Maclayana — I 269.
Belideus ariel — летучая белка I 349.
Boehmeria nivea — растение I 271.
Brachymeles Garagassi Mcl. I 141.
Buceros (см. наренг) I 120, 136—137, 306, 316.

C

Caladium esculentum (см. таро) I 231, 268.
Calamus (см. ротанг) I 136, 271.
Calcispongia — известковые губки I 34.
Caloenas nicobarica — никобарский голубь II 53.
Calophyllum inophillum — „прекраснолистное дерево" (см. субари) I 236, 271.
Canarium commune (см. кенгар) I 118, 152, 161, 222, 268.
Canarium gutur I 271.
Cap Baudin (см. Тандьон-Бой) I 314, 318.
Carpophaga (см. голубь) I 53; II 55.
Cardium раковина I 67, 71.
Carica papaya дынное дерево I 200, 271.
Caryota пальма II 23.
Cassis — раковина II 53.
Centropus — шпорцевая кукушка, кукол I 133.
Cinnamonum (см. корица) I 270, 361; II 27.
Citrus I 269.
Chlamydodera — птица I 32.
Cocos nucifera (см. пальма кокосовая) I 267.
Coleus — растение I 20, 169, 170, 180, 190.
Colodracon — дерево I 67, 138, 212; II 51.
Convolvulus (см. дегарголь) I 222.
Conus — раковина I 126.
Corvus senex (см. ворон серый) I 101.
Cuscus (см. кускус, маб) I 223.
Cycas — растение I 272.
Cypraea — раковина I 236; II 20.

D

Dioscorea (см. ямс) I 122, 215, 221, 268, 345.
Doreh (см. Дорэ) I 209.
Du Bus — форт I 300—301, 334.
Dumont d'Urville (см. Дюмон-Дюрвиль) I 207.
Duperré (см. Дюпере) I 208.

E

Elephantiasis (см. слоновая болезнь) I 219, 220.
Euphorbiaceae — семейство трав I 236.

F

femur — бедренная кость I 226.
Flower of Jarrow — название шхуны, на которой Миклухо-Маклай уехал с Новой Гвинеи в 1877 г., I 198.
Fresh Water Bay — название залива на южном берегу Новой Гвинеи I 350.

G

Gabriel о-в II 8.
Garcinia (см. мангустан) I 271.
Gnetum — растение I 271.
Goura — новогвинейский голубь I 350.

H

Hibiscus — растение из семейства мальвовых (китайская роза) I 64, 67, 68, 190, 212, 253; II 51.
Hippopus — раковина II 70.
Horno о-в II 8.

I

Imperata (см. унан) I 17, 70.
Ipomaea batatas (см. картофель сладкий) I 268.

K

Kar-Kar (см. Кар-Кар) I 207.

L

Lagenaria (см. тыква) I 251.
La Vandola о-в II 8.
Los Reyes о-ва II 8.
Lupus (см. волчанка) I 219.

M

Macropus papuensis — вид кенгуру I 350.
Macropus Tibol Mcl. I 164, 226.
Maleo (Megacephalon maleo) — мегапод (большеног или сорная курица) I 138, 316.
Mangifera indica — манго I 222, 269.
Meleagrina — род коралла I 191.
Menis permacea — вид лианы II 267.
Microglossus atterimus Gm. (см. какаду черный) I 100.
Musa calosperma — дикорастущий вид банана I 268.
Musa Maclayi — дикорастущий вид банана I 204, 268.
Musa paradisiaca — культивируемый вид банана I 268.

N

Nautilus — название пролива I 297.
Nephelium — плодовое дерево I 272.
Nicotiana tabacum (см. табак) I 270.

O

Ophiocephalus — род червей I 290.
Ovula ovum — раковина II 13, 21, 45, 68.
Owen Stanley — название горного хребта на Новой Гвинее I 348.

P

Pandanus — дерево I 269.
Pangium edule (см. орлан) I 222, 251, 268.
Papua Kowiai I 210.
Papua onin I 210.
Paradisea apoda — вид райской птицы I 133.
Parinarium — смола II 267.
Penis I 217; II 14.
Perameles — сумчатый барсук I 164.
Peritonitis — болезнь I 60.
Piper betle (см. бетель) — перечное растение I 20, 269.
Piper methysticum (см. кеу) — перечное растение I 84, 116, 187, 223, 224, 254, 263, 265, 269—270; II 23.
plexus brachialis — связка мускулов на руке I 61.
Port Praslin (см. Праслин) I 17.
praeputium — промежность I 217.
Psophocarpus (см. бобы) I 268.
psoriasis (см. короста) I 21, 209, 213, 219.

R

Redscar Bay — название залива на южном берегу Новой Гвинеи I 350.
Rich о-в (см. Wag-Wag) I 207.
Rigny (см. Риньи мыс) I 13, 208.
Rumut Wallari Mcl. вид губки I 290.

S

Saccharum edule — растение из сем. Gramineae I 268.
Saccharum officinarum (см. тростник сахарный) I 268.
Saddie F. Caller — название шхуны, на которой Миклухо-Маклай совершил путешествие на о-ва Меланезии в 1879 г., I 336.
Sea Bird — название шхуны, на которой Миклухо-Маклай ездил на Новую Гвинею в 1876 г., I 163.
Smoke-house (см. коптилка) II 44.
strati — слоистые облака I 18.
Sus papuensis — папуасская свинья I 36.

T

Terebra — раковина I 290; II 70.
Teste о-в I 617.
tibia — берцовая кость I 226.
Tridacna — раковина I 187, 225; II 10, 70.
Triton — раковина I 252.
Turbo — раковина I 290.

V

Vitis — растение I 271.
Van den Bosch мыс I 297.

W

Wag-Wag о-в I 207.

Z

Zingiber officinale (см. инбирь) I 250, 270.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рисунки в тексте:[1]

Стр.

1. Туземец о-вов Адмиралтейства 14
2. Дом на о. Мангарева, в котором жил Н. Н. Миклухо-Маклай 149
3. Н. Н. Миклухо-Маклай с Ахматом (1874 — 1875 гг.) 155
4. Гма — женщина оран-утан-слета, лет тридцати пяти, и Чанди — юноша якун, лет семнадцати; слева образец волос оран-утан 158
5. Яло на р. Муар у малайского селения Букит-Копон 159
6. Хижина на шестах в селении Нанка 160
7. Дурия — женщина оран-райет, лет двадцати; мать троих детей 161
8. Хижина оран-райет в селении Бадон 162
9. Пелас — оран-лиар, лет тридцати 163
10. Сватн — оран-райет, лет пятнадцати, из селения Бадон 164
11. Оран-райет Сватн с сумпитаном 165
12. Хижина на берегу р. Кратон 167
13. Унга — оран-утан, лет двадцати двух, из селения Квала-Мынтай 168
14. Асар — девушка оран-утан 170
15. Послами, лет сорока, и Покето, лет тридцати 170
16. Хижины в селении на реке Сегамат 171
17. Ега — девочка лет девяти, из селения на р. Сегамат 172
18. Хижина помулу в селении Тенан 173
19. Малайцы-помулу Хусейн и его племянник Абдул-Рахман 174
20. Поль и Самбут — девочки оран-утан 176
21. Кон — главарь оран-утан и Лесе, его жена 177
22. Лунгин-ла — женщина оран-лиар, лет восемнадцати, из селения Леба 178
23. Тете — женщина оран-утан, лет двадцати (профиль и фас) 180
24. Хижина оран-утан в селении Пангут, в которой жило тридцать человек . . . 181
25. Мужская могила оран-утан в селении Пангут 181
26. Мкаль — девочка оран-утан, лет тринадцати, из селения Лобо-Лундан 183
27. Жена мынтары, метиска, лет двадцати семи 184
28. Могила женщины оран-утан 185
29. Рума-пасон Квала-Индау 189
30. Рума-пасон 189
31. Рума-пасон Квала-Сомброн 191
32. Река Кахан-Сомброн. Букит-Тана-Хабан 193
33. Гареб. Кампонг на р. Маде 193

[1] Зарисовки Н. Н. Миклухо-Маклая.

34. Денан-Нианта 194
35. Бивуак на р. Маде 195
36. Лысо, оран-утан, восемнадцати лет 197
37. Батюй, Ибан и Халут — женщины оран-утан из селения Тебе 199
38. Гробница иохорского султана Махмуда 201
39. Дворец иохорского махарадьи 205
40. Таблица I. Сакай, сакайка, семанг, нога сакая 221
41. Таблица II. Сакай, сакайка, семанг, глаз семанга 221
42. Карта путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая по Малайскому п-ову в 1874—1875 гг. 222

После текста:

Таблицы I — XI. Фотографические снимки с предметов этнографической коллекции, собранной Н. Н. Миклухо-Маклаем на островах Меланезии и Полинезии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Океания и индонезия

Меланезия

Стр.

Острова Адмиралтейства 7
Островок Андра 39
Острова Агомес 82
Путешествие на о-ва Меланезии в 1879 г. 95
Путешествие на о-ва Меланезии и четвертое посещение о. Новой Гвинеи 98

Микронезия

Остров Вуап 105
Архипелаг Пелау 115

Полинезия

Острова Рапа-Нуи, Питкайрн и Мангарева 142

Индонезия

О папуасах (негритосах) на о. Люсоне 152
Дневник первого путешествия по Малайскому п-ову 154
Этнологическая экскурсия в Иохор 204
Этнологические экскурсии по Малайскому п-ову 209
О диалектах меланезийских племен Малайского п-ова 223

Приложение

Сообщение о путешествиях, сделанное Н. Н. Миклухо-Маклаем в Русском географическом обществе в 1882 г. 229
Пребывание в Сиднее 263
Список предметов этнографической коллекции, собранной Н. Н. Миклухо-Маклаем на разных островах Океании 269

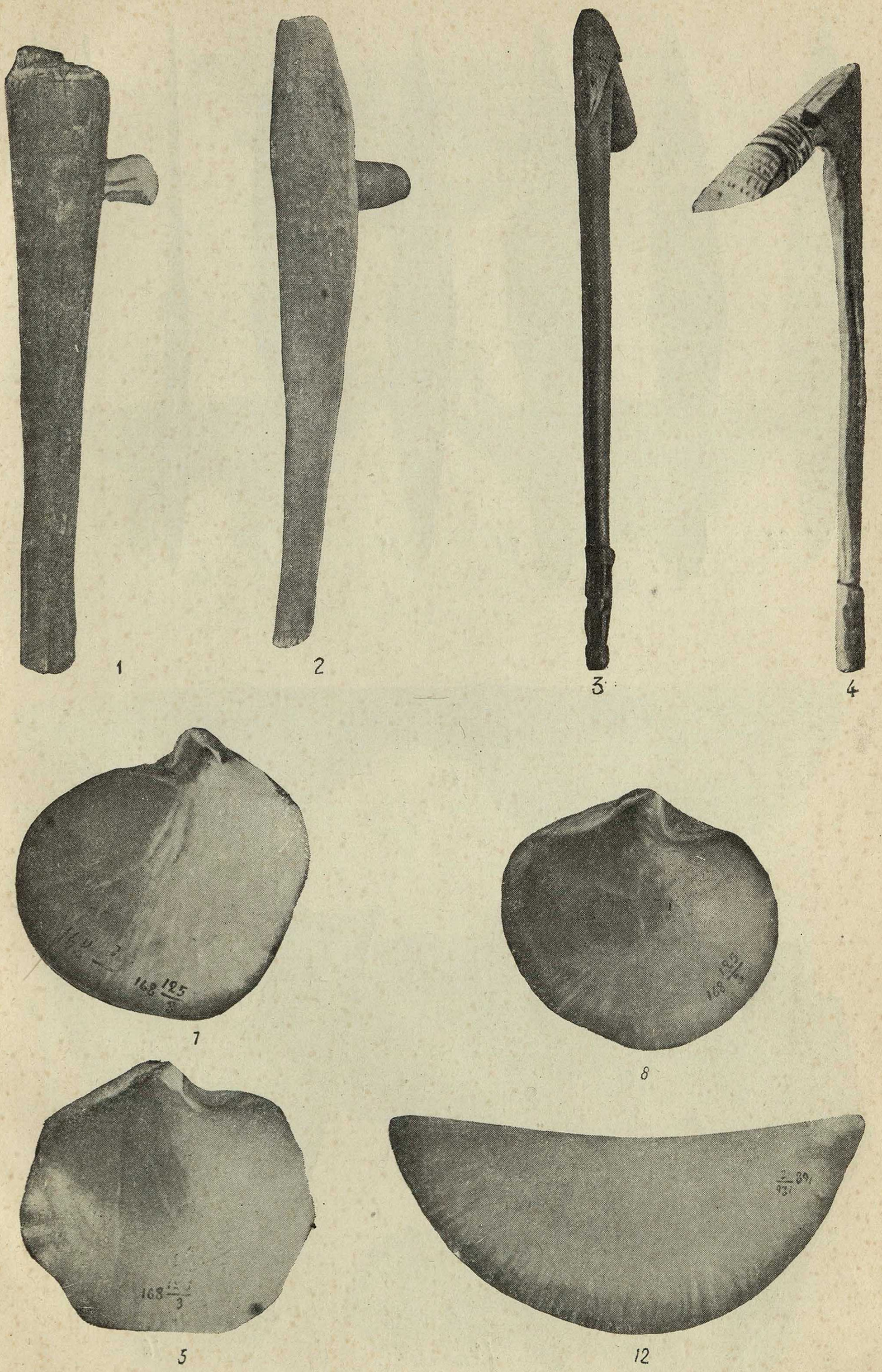
Указатель 274

Список иллюстраций 297

Редактор В. А. Чирейкин. Подписано к печати 30/IV 1941 г. Тираж 5000 экз. М 54208.
Объем 18,75 печ. л. + 6 вкл. 27,31 уч.-изд. л. 56160 зн. в печ. л. Заказ № 743.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Таблица I.

Зак. 743

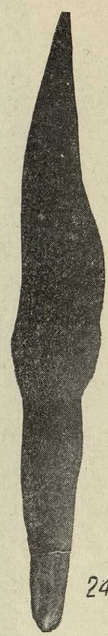
Таблица II.

22

23

24

25

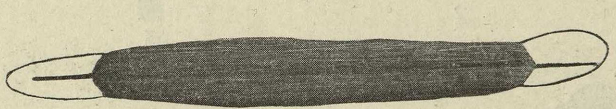
26

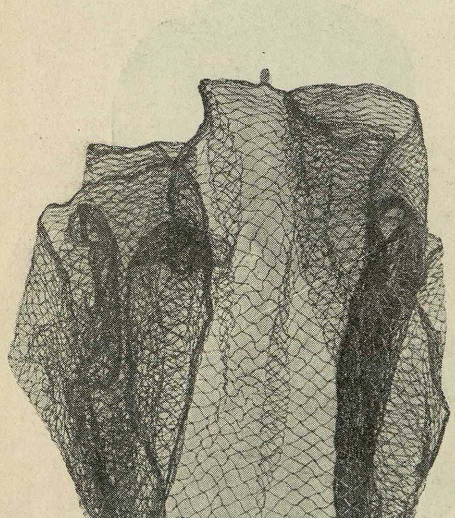
27

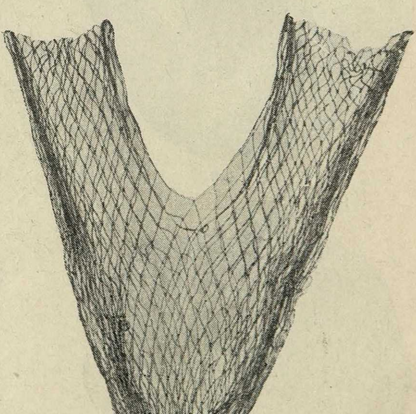
28

19

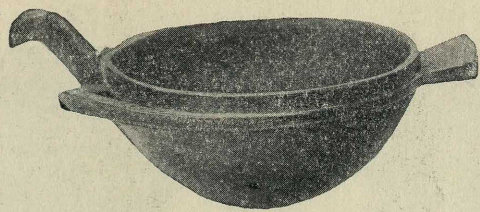

14

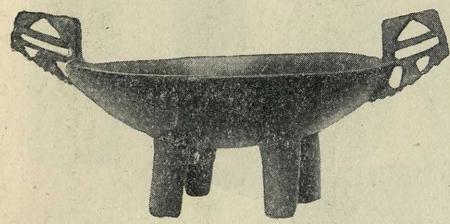

16

Таблица III.

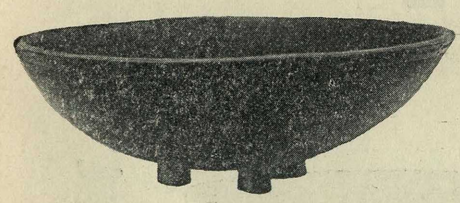
37

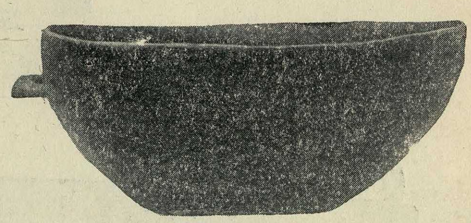
40

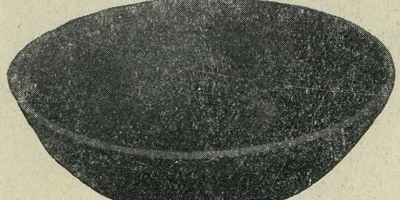
38

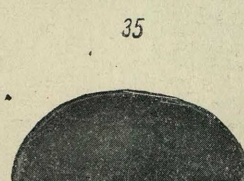
36

34

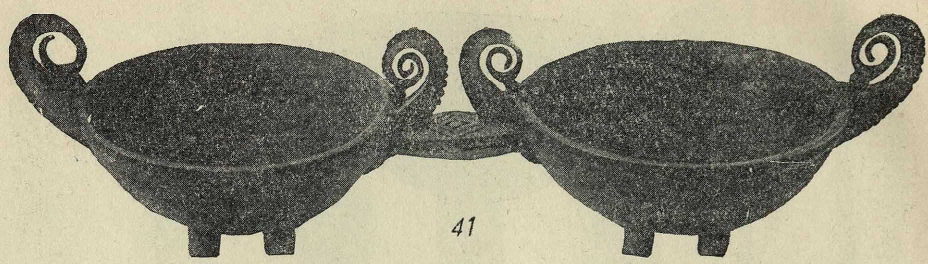

35

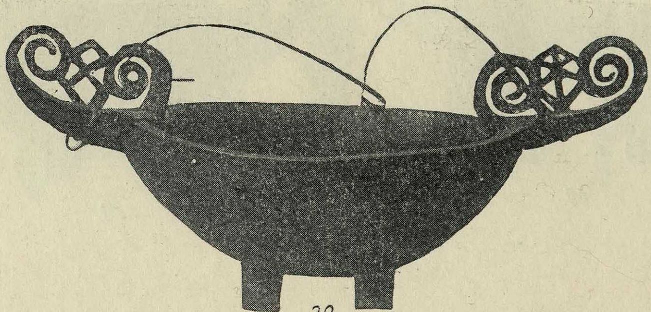

32

Таблица IV

41

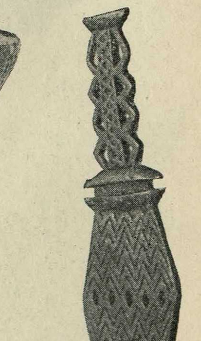

39

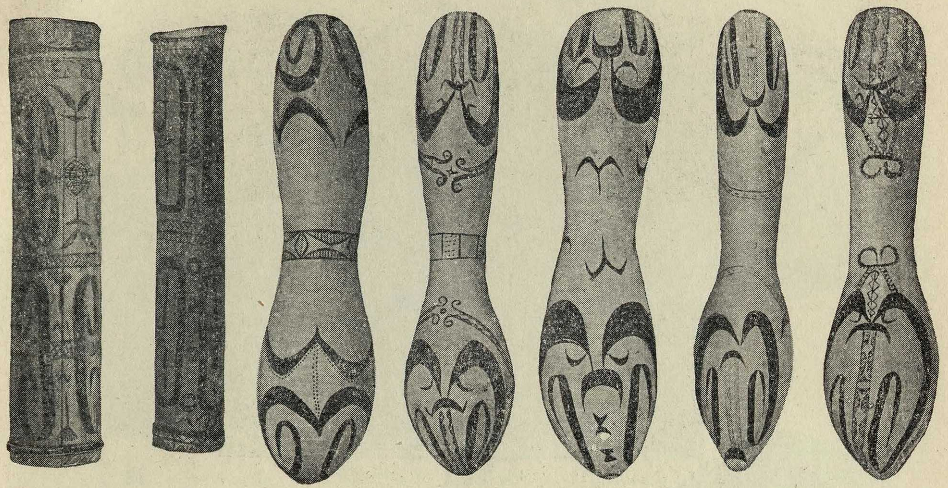

42

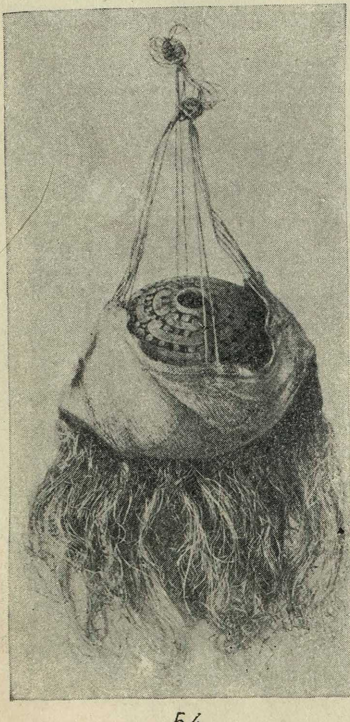

45

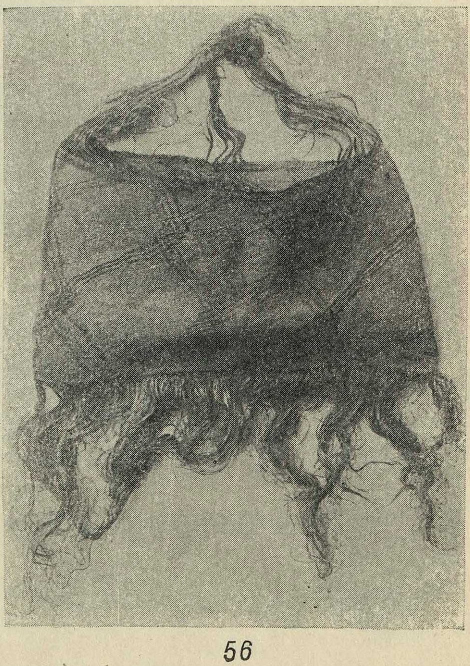
43

47 46 51 52 49 50 48

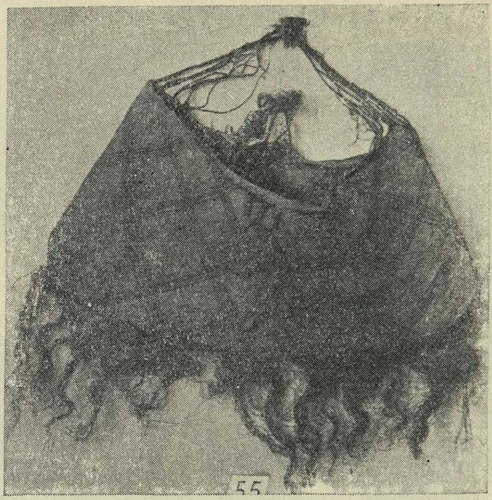

54

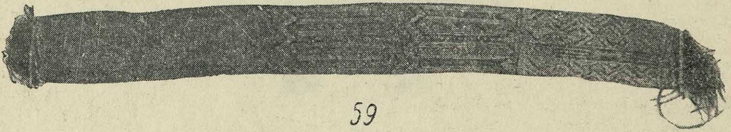

56

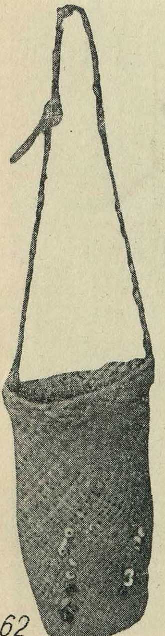
Таблица VI.

55

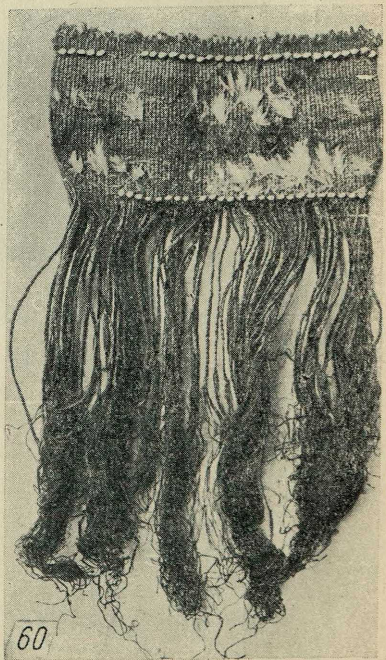
59

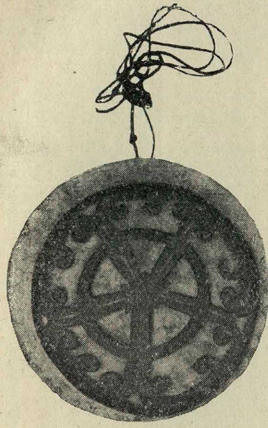
62

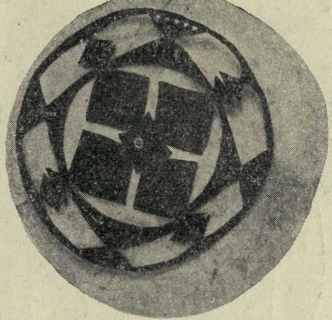

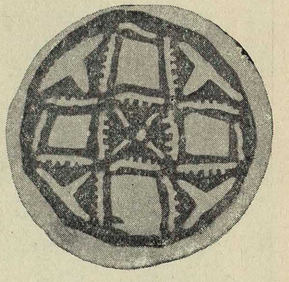
61

60

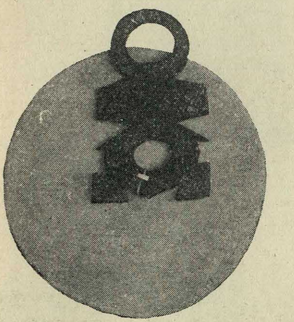

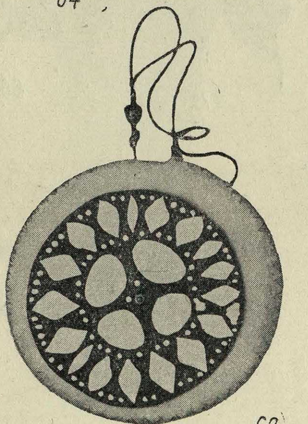

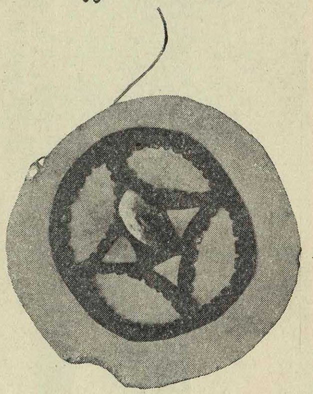
63

64

65

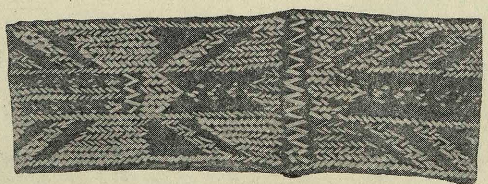

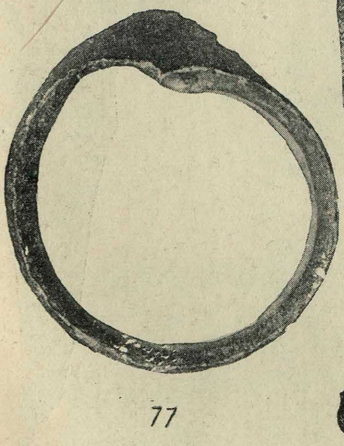
67

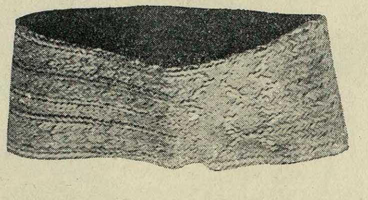
68

66

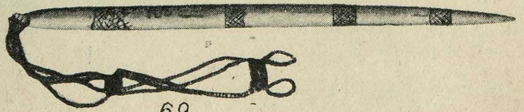

81

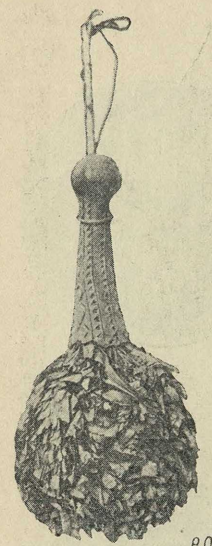

77

69

Таблица VIII.

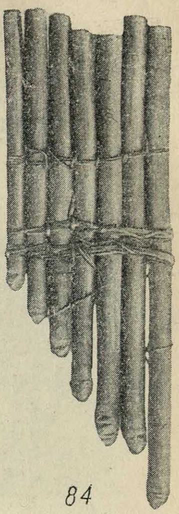
89

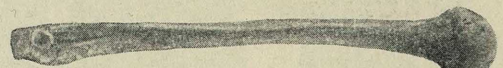
87

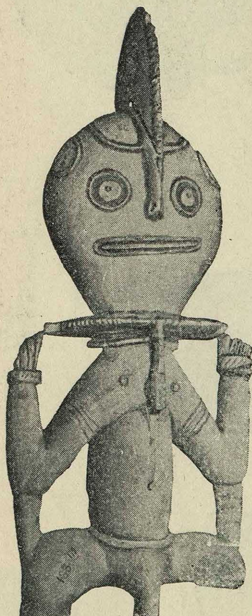
88

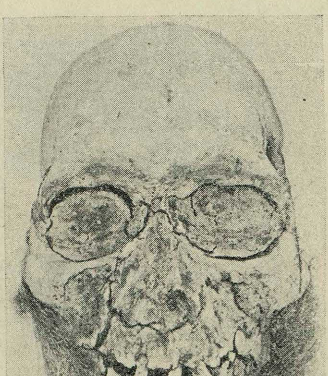
84

91

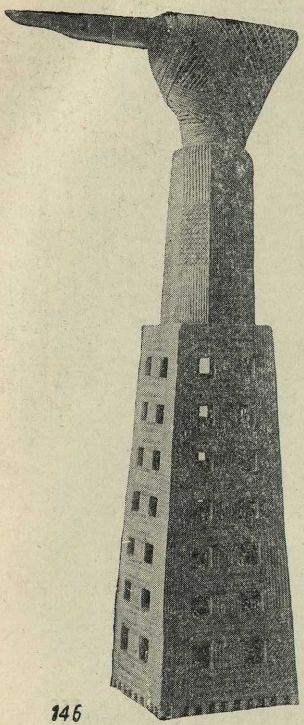
119

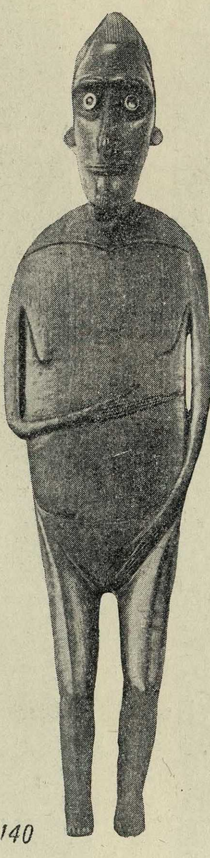
120

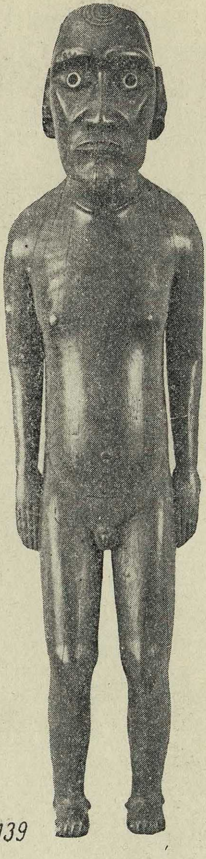
122

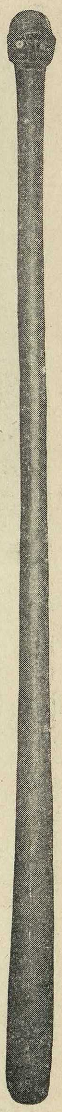
146

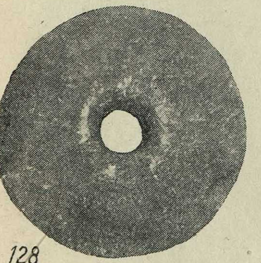
140

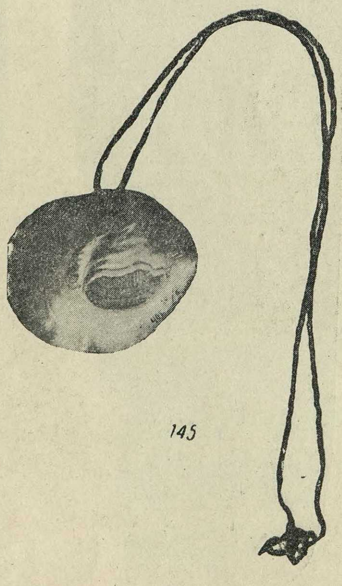
139

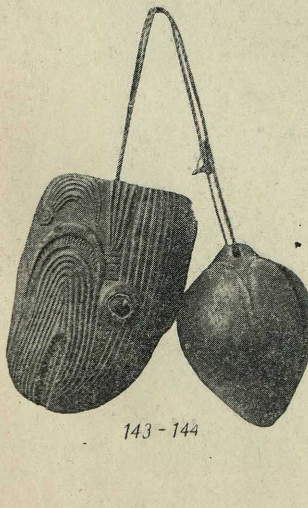
138

128

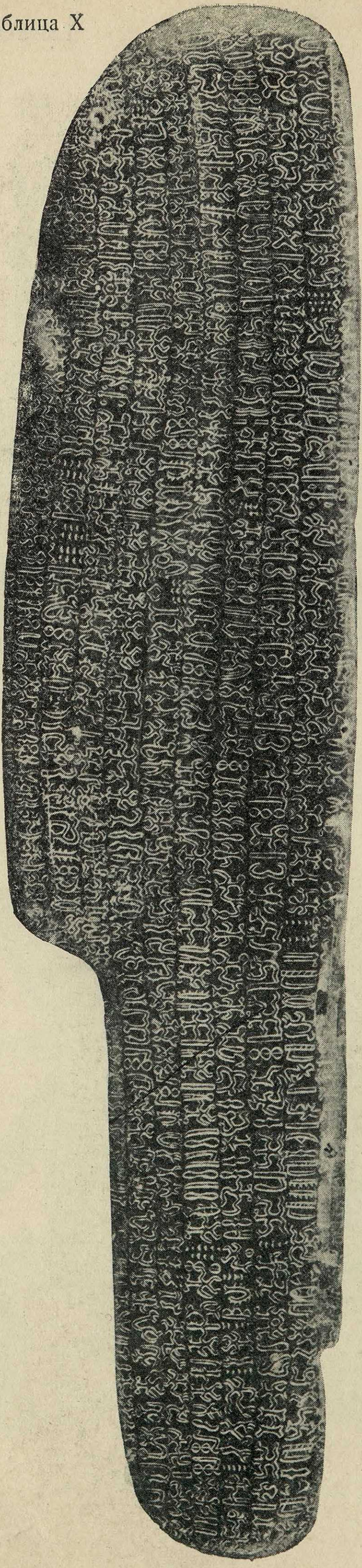

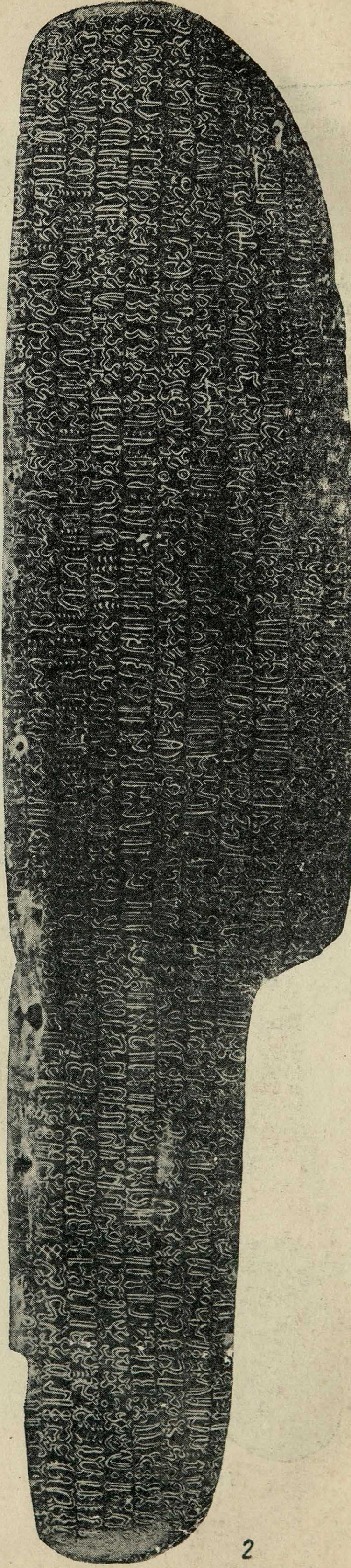
145

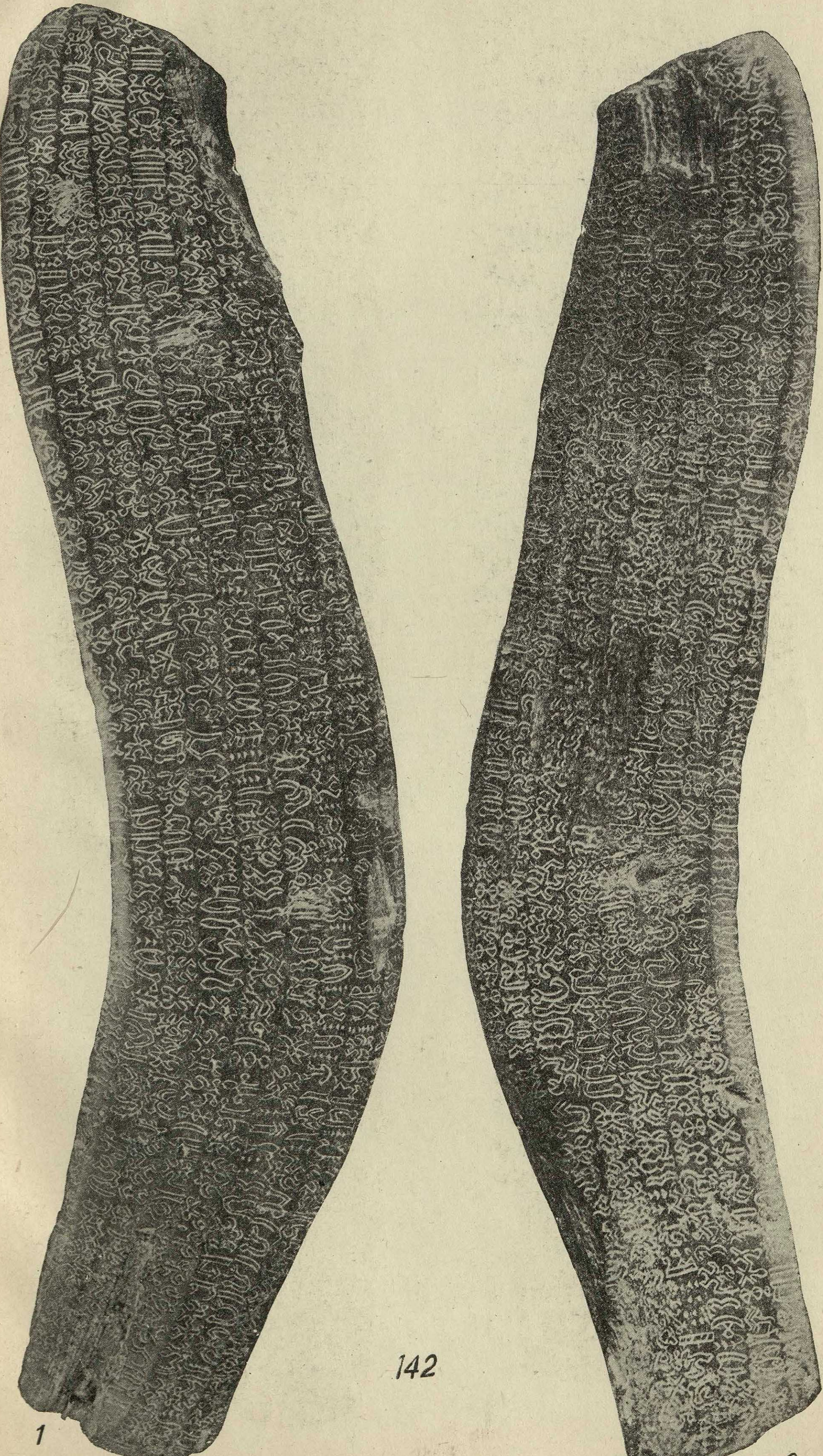
143 - 144

Таблица X

2

1

2

опб-1.
аб-1.
дк-1.

28 ИЮЛ '741

Цена 12 р. 70 к.

305 I

2020084011